

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2023. № 496. Ноябрь

• ПЕДАГОГИКА

• PEDAGOGICS

• ФИЛОЛОГИЯ

• PHILOLOGY

• ФИЛОСОФИЯ

• PHILOSOPHY

• СОЦИОЛОГИЯ

• SOCIOLOGY

И ПОЛИТОЛОГИЯ

AND POLITICAL SCIENCE

• ИСТОРИЯ

• HISTORY

• ПРАВО

• LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2023. № 496. November

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глушченко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берсун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-
р юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слизов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-
р юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глушченко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.
The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕДАГОГИКА

Арынгазин А.К., Фахрутдинова Г.Ж., Арынгазин А.А., Арынгазин А.А. Научный потенциал личности: развитие профессионально значимых компетенций в вузе	5
Краснорядцева О.М., Яковлев И.С. Психолого-педагогическое сопровождение учебной онлайн-библиотеки	13
Петраш Е.А., Прадун И.В. Технологические возможности введения старших дошкольников в мир профессий	23
Савченко И.А., Козлова Ю.В. Речевые практики в дискурсе цифрового города: «пересборка» иноязычного образования	33
Сидоренко А.С. Репрезентация техники движений античных атлетов по изображениям древнегреческой вазописи	44

ФИЛОЛОГИЯ

Ван Люян. Женское самосознание в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: переосмысление и разрушение «Я»	52
Радионова А.В. Б. Пастернак и С. Кьеркегор: тема повода	61
Чжао Ситун, Кормазина О.П. Особенности репрезентации модуса прошлого в современной женской прозе (на примере произведений Наринэ Абгарян)	68
Шипилова Д.С., Пешкова Н.В. Лингвистическая реализация речевой агрессии, направленной на дискредитацию внешнеполитического имиджа современной России в англоязычном дискурсе (на материале американских СМИ)	76

ФИЛОСОФИЯ

Асташова Н.Д. Гуманитаризация экономической теории	89
Дуплинская Ю.М. Мета-концептуальность первичных различий в теоретическом познании: к вопросу о фундаментальной асимметрии познавательного процесса	97
Петрык Я.Ю. Особенности артикуляции мысли М.К. Мамардашвили: эстетическо-патематический стиль философствования	103
Шмелев И.М. Проблемы и противоречия цифровой трансформации личности в контексте современной действительности	115

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Бубновская О.В., Леонидова В.В., Лобач Д.В. «Безопасность»: обобщение подходов к трактовке понятия	125
Попова Е.В., Мацепуро Д.М. Репрезентация генетических исследований в российских и зарубежных средствах массовой информации	135
Цаликова И.К., Пахотина С.В., Своглазова А.Е. Глобальные проблемы как объект исследования: предпосылки и последствия выбора	144

CONTENTS

PEDAGOGICS

Aryngazin A.K., Fahrutdinova G.Zh., Aryngazin A.A., Aryngazin A.A. The scientific potential of an individual: Developing professionally significant competencies in higher education	5
Krasnoryadtseva O.M., Yakovlev I.S. Psychological and pedagogical support of the online educational library	13
Petrash E.A., Pradun I.V. Technological Possibilities of introducing older preschoolers into the world of professions	23
Savchenko I.A., Kozlova Yu.V. Speech practice in the digital city discourse: <i>Reassembling</i> the foreign language education	33
Sidorenko A.S. Representation of the technique of ancient athletes' movements based on images of ancient Greek vase painting	44

PHILOLOGY

Wang Liuyang. Women's self-consciousness in works of Lydia Zinovieva-Annibal: The redefining and destruction of the Self	52
Radionova A.V. Boris Pasternak and Soren Kierkegaard: The problem of occasion	61
Zhao Xitong, Kormazina O.P. Features of representation of the past mode in modern female prose (on the example of works by Narine Abgaryan)	68
Shipilova D.S., Peshkova N.V. Linguistic realization of speech aggression aimed at discrediting the foreign policy image of modern Russia in the English-language discourse (as exemplified in the American mass media)	76

PHILOSOPHY

Astashova N.D. Humanitarization of economic theory	89
Duplinskaya Yu.M. Meta-conceptuality of primary differences in theoretical cognition	97
Petryk Ya.Yu. Features of the articulation of Merab Mamardashvili's thought: The esthesis-pathematic style of philosophizing	103
Shmelev I.M. Problems and contradictions of the digital transformation of the individual in the context of modern reality	115

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Bubnovskaia O.V., Leonidova V.V., Lobach D.V. "Safety": Generalization of approaches to the interpretation of the concept	125
Popova E.V., Matsepuro D.M. Representation of genetic research in Russian and foreign media	135
Tsalikova I.K., Pakhotina S.V., Svoeglazova A.Ye. Global problems as an object of research: Reasons and consequences of the choice	144

ИСТОРИЯ

Курышев И.В. Антиколчаковское повстанческое движение в Акимоллинской области весной 1919 г.	155
Прохоров И.Р. Открытие внешних округов Омской области в документальном дискурсе российских военных и пограничной администрации	163
Соловченко И.С., Рожков А.А., Пинжин К.А., Жолбин А.П. Топливо-энергетический комплекс России на рубеже XX–XXI вв.	171
Шмыглёва А.В. Управление водопользованием во второй половине XX в. (на примере Обь-Иртышского бассейна)	180

ПРАВО

Авакян М.В., Волчещкая Т.С., Осипова Е.В. Актуальные вопросы распространения и профилактики современных форм насилия в молодежной среде стран Балтийского региона ..	191
Ведерников Н.Т., Юань В.Л. Феномен гомеостаза в криминалистическом исследовании личности с помощью биографического метода	201
Серова А.В. Взаимодействие государственной социальной политики и законодательства в сфере труда и занятости в области повышения качества трудовой жизни лиц старшего поколения	206

HISTORY

Kuryshev I.V. Anti-Kolchak insurgency in Akmola Oblast in the spring of 1919	155
Prokhorov I.R. Opening of the outer districts of Omsk Oblast in the documentary discourse of the Russian military and border administration	163
Solovenko I.S., Rozhkov A.A., Pinzhin K.A., Zholbin A.P. The fuel and energy complex of Russia at the turn of the 21st century	171
Shmygleva A.V. Water management in the second half of the 20th century (a case study of the Ob-Irtysh basin)	180

LAW

Avakian M.V., Volchetskaya T.S., Osipova E.V. Current issues of the spread and prevention of modern forms of violence among the youth in the Baltic region countries	191
Vedernikov N.T., Yuan V.L. The phenomenon of homeostasis in forensic research of personality within the framework of the biographical method	201
Serova A.V. Interaction of state social policy and legislation on labor and employment in the field of improving the quality of older people's working life	206

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 378.2+174+001.18
doi: 10.17223/15617793/496/1

Научный потенциал личности: развитие профессионально значимых компетенций в вузе

Аскар Кананьевич Арынгазин¹, Гузалия Жевдятовна Фахрутдинова²,
Ануар Аскарлович Арынгазин³, Ансар Аскарлович Арынгазин⁴

¹ Национальная академия образования имени И. Алтынсарина, Астана, Казахстан

² Казанский федеральный университет, Казань, Россия

^{3, 4} Назарбаев Университет, Астана, Казахстан

¹ askar.aryngazin@nu.edu.kz; ORCID: 0000-0001-8329-4072

² gdautova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3416-5300

³ anuar.aryngazin@nu.edu.kz; ORCID: 0000-0003-1707-3647

⁴ ansar.aryngazin@nu.edu.kz; ORCID: 0000-0002-3029-0198

Аннотация. Актуализирована проблема анализа профессионально значимых компетенций в части научного потенциала научно-педагогических работников вуза. Проведено исследование уровня владения научно-педагогическими работниками методами планирования опытно-экспериментальной работы, академического письма (включая иностранные языки и доли публикаций на английском языке) и уровнем владения финансовой информацией в вузах. Предложены рекомендации по оценке достаточности и эффективности распределения финансирования научных исследований в вузе, развитию методов планирования исследований.

Ключевые слова: научный потенциал, научно-педагогические работники вуза, педагогика, планирование научных исследований, академическое письмо, финансирование

Источник финансирования: исследование выполнено в рамках программно-целевого финансирования научно-технической программы OR 11465474 «Научные основы модернизации системы образования и науки» (2021–2023 гг., Национальная академия образования им. И. Алтынсарина).

Для цитирования: Арынгазин А.К., Фахрутдинова Г.Ж., Арынгазин А.А., Арынгазин А.А. Научный потенциал личности: развитие профессионально значимых компетенций в вузе // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/496/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/1

The scientific potential of an individual: Developing professionally significant competencies in higher education

Askar K. Aryngazin¹, Guzaliya Zh. Fahrutdinova², Anuar A. Aryngazin³, Ansar A. Aryngazin⁴

¹ National Academy of Education named after Y. Altynsarin, Astana, Republic of Kazakhstan

² Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

^{3, 4} Nazarbayev University, Astana, Republic of Kazakhstan

¹ askar.aryngazin@nu.edu.kz; ORCID: 0000-0001-8329-4072

² gdautova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-3416-5300

³ anuar.aryngazin@nu.edu.kz; ORCID: 0000-0003-1707-3647

⁴ ansar.aryngazin@nu.edu.kz; ORCID: 0000-0002-3029-0198

Abstract. Striving for excellence in scientific research and academic writing, particularly in English, is essential for the global academic standing of universities. This study examines the research planning methods, academic writing proficiency (including English language skills and the ratio of English publications), and the level of science funding in universities, involving both university management and academic staff in the analysis. The conducted case study in Kazakhstan involved 23 universities and over 800 academic staff members, and 22 research institutes for comparison. Data collected through personal surveys and requests covered the period from 2019 to 2021, incorporating textual comments and suggestions. Mathematical statistical methods were utilized for data analysis. Proficiency in research planning methods was observed at a moderate level across all age groups in both universities (73–79%) and institutes

(77–82%). English language proficiency showed a similar trend, declining from 62% to 44% as age categories increased. Regarding English-language scientific publications, universities (14–21%) slightly trailed institutes (17–26%). External support for improving academic writing in English was sought by more than a third of the staff (36%). Notably, universities exhibited lower funding characteristics compared to institutes, ranging from 3 to 10 times less. These results provide fresh quantitative and qualitative data from a statistically significant number of primary sources. The analysis revealed specific values for the scientific potential characteristics of academic staff and universities, enabling precise recommendations for enhancing scientific potential. Recommendations for universities encompass augmenting basic funding, financing additional permanent research staff (currently averaging 29 in universities compared to 64 in institutes), amalgamating university research groups to secure targeted funding for increased stability in medium and long-term research projects and programs. Furthermore, suggestions address the provision of technical personnel and engineers, research conditions, and support for research groups.

Keywords: scientific potential, university academic staff, pedagogy, research planning, academic writing, funding

Financial support: This article was prepared within the programme trust fund study OR 11465474 “Scientific foundations of modernization of the education system and science” (2021–2023, National Academy of Education named after Y. Altynsarin).

For citation: Aryngazin, A.K., Fahrutdinova, G.Zh., Aryngazin, A.A. & Aryngazin, A.A. (2023) The scientific potential of an individual: Developing professionally significant competencies in higher education. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 5–12. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/1

Введение

Исследование характеристик научного потенциала научно-педагогических работников и вуза в целом является важной задачей для выбора первоочередных мер по улучшению научно-педагогической деятельности и ее результатов.

Недостаточные показатели страны в области финансирования научных исследований и разработок, составившие около 57 млрд тенге или 0,13% от ВВП страны в 2022 г., относительно невысокие показатели публикационной активности в вузах и в научно-исследовательских институтах (далее – институты), а также планы по выделению из общего числа группы *исследовательских университетов* делают актуальной проблему вузов Республики Казахстан (РК) по повышению качества научно-образовательной подготовки обучающихся, особенно в отношении аспирантов (докторантов PhD), а также определяют это качество повышения уровня научного потенциала научно-педагогических работников и перспектив научных исследований в вузах в части финансирования текущих и будущих исследований. На 2023 и 2024 гг. запланировано более чем *3-кратное* увеличение этого финансирования. Это определяет *актуальность исследования* и ставит вопросы по оценке подготовки исследователей. При этом финансирование развития научного потенциала вуза в целом играет во многих случаях едва ли не решающую роль в формировании профессионально значимых компетенций научно-педагогических работников, особенно в области естественно-технических наук, требующих навыки использования научного оборудования и приборов. Эта связь актуализирует исследования финансового обеспечения научного потенциала в вузах, включая референтное сравнение с институтами.

В исследовании проводится разделение данных между естественно-техническим и социально-гуманитарным профилями. В исследовании приняли участие 23 вуза и более 800 анонимно анкетированных лиц в области гуманитарных, естественно-технических и мате-

матических специальностей; для создания базы сравнения были выбраны 22 института, что составляет одно из *ограничений исследования*. Компенсацией отрицательных последствий этого ограничения является то, что была осуществлена значимая равновесная по статусу, типам и географии организаций выборка из общего числа 125 вузов и 55 институтов Республики Казахстан.

Целью исследования является определение абсолютных значений уровня и показательных характеристик владения научно-педагогическими работниками методами планирования научно-исследовательских работ, академического письма (английский язык) и финансовой информацией о вузе из первичных источников данных (вузов, институтов, научно-педагогических работников), а также, исходя из обработки и интерпретации этих данных, референтное сопоставление характеристик вузов с институтами и разработка педагогических и управленческих рекомендаций для научно-педагогических работников и менеджмента вузов.

Обзор литературы

Научный потенциал личности для любой специальности характеризуется несколькими базовыми компонентами, в частности мы рассматриваем в настоящей работе: (а) *уровень владения планированием научных исследований*; (б) *уровень владения академическим письмом (и на английском языке)* научно-педагогическими работниками; (в) *научные публикации (в том числе на английском языке)* как состоявшуюся реализацию потенциала; (г) *финансирование науки в вузах* как условие развития и реализации потенциала. Для сравнения ситуации в вузах мы берем аналогичные показатели научно-исследовательских институтов.

В работе К.М. Арынгазина [1] установлено, что технологии и инновации требуют значительных специальных знаний, которые передаются, применяются и влияют, а также проявляется научный потенциал личности при непосредственной ежедневной работе и контактах

с другими участниками научно-образовательной системы и инновационной предпринимательской среды [2]. Для этого следует инвестировать в образование, применять педагогические методы для увеличения силы, включенной в инновации, найти «потерянных Эйнштейнов» путем вовлечения студентов, аспирантов (докторантов PhD), научно-педагогических работников вузов в инновации, создавать политики, которые поддерживают преимущество занятости перед автоматизацией [3].

Т.А. Строкова [4] подчеркивает выводы о недостатке комплекса методов, форм и средств повышения *исследовательской компетентности* [5] не только аспирантов, но и докторантов, соискателей на ученые степени и их научных руководителей, информирует о том, что до сих пор отсутствует официальный перечень исследовательских компетенций. Г.З. Ефимова, А.Н. Сорокин и М.В. Грибовский [6] изучили исследовательские подходы к классификации компетенций научно-педагогических работников и определению наилучшего спектра личностных качеств. В работе Г.Е. Зборовского и П.А. Амбаров [7] устанавливалась связь эффективности и результативности научно-исследовательской деятельности вузов с качеством человеческого капитала научно-педагогических работников. Однако наличие компетенции не гарантирует достаточной эффективности, так как без практического воплощения нивелируются затраты на ее формирование [6].

V. Koltun и D. Hafner [8] обнаружили, что индекс Хирша с 2020 г. больше не является эффективным коррелятом научной репутации по базам данных Scopus в областях физики, биологии, компьютерных наук и экономике. Можно спроецировать на микро-уровень вузов два индикатора этого рейтинга – (а) *эффективность высшего образования* и (б) *расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки* относительно ВВП страны [9]. В исследовании использованы первичные данные, полученные от вузов и научно-исследовательских институтов в 2022 г., для анализа владения сотрудниками вузов планированием научных исследований, английским языком, академическим письмом (в том числе на английском языке), доли публикаций и проводимых учебных курсов на английском языке, а также финансирования науки в вузах, используя данные институтов для сравнения.

Методология, материалы и методы

В целях количественной оценки и анализа в опытно-экспериментальной работе использован метод анкетирования [10]. Анкета из 23 пунктов в формате MS Excel была разработана в соответствии с критериями для обеспечения высокой достоверности ответов респондентов. Вопросы анкеты удовлетворяли требованиям простоты, ясности, односложности и включали, в частности, следующие: (1) проводится ли анализ заинтересованных сторон; (2) определение содержания и сроков работ; (3) уточнение списка необходи-

мого оборудования, материалов и потенциальных поставщиков; (4) владение английским языком по уровням от начального до высокого, включая тесты IELTS; (5) доля англоязычных публикаций; (6) доля курсов/дисциплин, читаемых на английском языке за учебный год; (7) используется ли поддержка академического письма.

В целях оценки и анализа системы финансирования науки была разработана сводная анкета из 40 пунктов в формате MS Excel для получения и автоматизированной обработки данных о вузах и институтах за 2019-2021 гг. Анкета включала также запросы о структуре и численности подразделений и характеристиках материально-технического обеспечения организации, однако анализ этих данных не входит в цели настоящей работы и будет рассмотрен в другом исследовании.

Для вычисления характеристик финансирования науки в вузах в расчете на одного научно-педагогического работника, ведущего научные исследования, в анкету были включены запросы и получены данные различных видов финансирования: 1) общая сумма финансовых средств, затраченных на приобретение научного оборудования, включая собственные, государственные и частные; 2) общее количество научных проектов, а также общая сумма различных практикуемых видов финансирования в Республике Казахстан: базового (внеконкурсного) и конкурсных – грантового и программно-целевого, а также собственного и частного финансирования.

Реализован метод репрезентативной выборки субъектов для сбора и анализа странового кейса РК, в котором приняли участие 23 вуза и более 800 анонимно анкетированных научных и научно-педагогических работников, кроме того, для создания базы сравнения было выбрано 22 института. Это релевантная по статусу, типам и географии организаций выборка из общего числа 125 вузов и более 50 государственных институтов. Данные от организаций, которые провели сбор личных анкет научно-педагогических работников и подготовили сводную анкету, поступали на электронную почту в течение 35 дней, и их первичная обработка по объединению и систематизации длилась 60 дней.

Удельные значения характеристик в расчете на одного научно-педагогического работника являются в настоящей работе основной сравнительной характеристикой для выявления финансирования на усредненном уровне научного потенциала личности. Используется метод сравнения с институтами как другими видами организаций, ведущими научные исследования и подготовку кадров высшей квалификации (референтная группа).

Результаты и обсуждение

Проведен анализ собранных в 2022 г. данных о владении методами планирования научных исследований и академическим письмом, английским языком, про-

цента научных публикаций и учебных курсов на английском языке, а также характеристик финансирования науки в 23 вузах и 22 институтах.

1. Владение методами планирования научными исследованиями, английским языком и академическим письмом. Изучение уровня основных знаний и умений, ведущих к публикационной активности в журналах, предполагающих использование английского языка, дает важную дополнительную информацию для описания текущего статуса и принятия решений по внесению изменений в стратегию или администрирование в вузах. В настоящей работе по количественной оценке уровня владения планированием научными исследованиями, английским языком и академическим письмом, в том числе на английском

языке, по проведенным курсам/дисциплинам на английском языке (самооценка) получены следующие результаты: (а) для различных категорий возрастов (меньше 35 лет, 36–50 лет, больше 50 лет); (б) категорий естественно-технического и социально-гуманитарного профилей; (в) усреднение по всем возрастам всех организаций; (г) расчет средних показателей сотрудников; (д) сравнение средних значений национальных и региональных университетов, а также крупнейших городов Астаны и Алматы. Выявлены типичные конфигурации (паттерны) групп значений характеристик для вузов. В табл. 1 представлены результаты обработки данных анкетирования и сбора, а также анализа данных для вузов в сравнении с институтами.

Таблица 1

Результаты обработки данных по владению профессионально значимыми компетенциями
(значения для институтов указаны в скобках) 2022 г., %

Характеристика / Возрастная группа, профиль	Меньше 35 лет	36–50 лет	Больше 50 лет	Естественно-технический	Социально-гуманитарный
Владение методами планирования исследований	77 (70)	79 (78)	77 (82)	73 (77)	66 (71)
Владение английским языком	62 (57)	49 (47)	44 (44)	45 (46)	46 (42)
Количество опубликованных научных работ на английском языке по отношению к общему	21 (26)	17 (24)	14 (17)	15 (18)	14 (21)
Количество проведенных учебных курсов/дисциплин за прошедший полный учебный год на английском языке по отношению к общему	22 (28)	14 (11)	10 (13)	12 (22)	14 (18)
Поддержка улучшения академического письма на английском языке	42 (40)	34 (33)	34 (34)	34 (34)	34 (33)

Университет

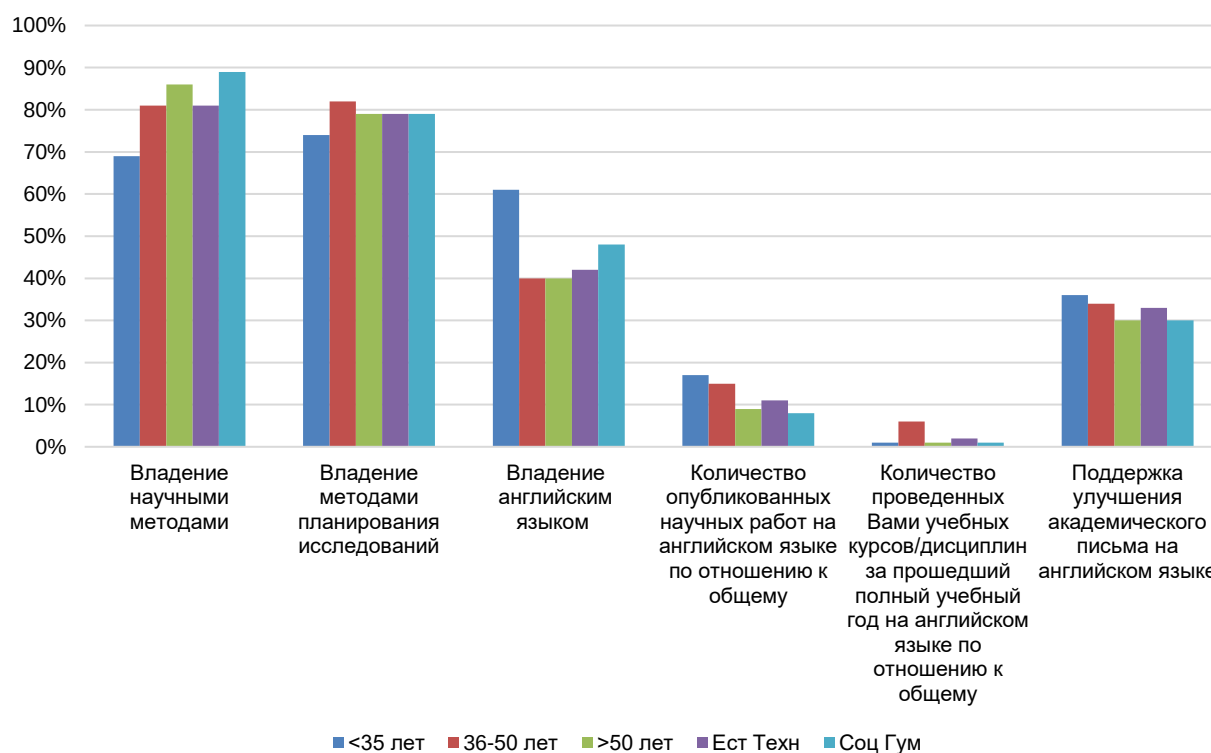

Рис. 1. Характеристики научно-педагогических работников вуза (анкетирование, данные 2022 г.)

Согласно данным табл. 1, владение методами планирования исследований находится на невысоком уровне для всех возрастных групп как в вузах (73–79%), так и в институтах (77–82%). Владение английским языком в вузах находится на среднем уровне, убывая для более старших возрастных групп с 62 до 44%, показывая одновременно незначительное отличие в институтах. Однако по отношению количества публикаций на английском языке к общему вузы (14–21%) несколько уступают институтам (17–26%), учитывая даже тот статистический факт, что социально-гуманитарный профиль равен по показателям естественно-техническому. По количеству проведенных учебных курсов/дисциплин на английском языке за прошедший полный учебный год по отношению к общему числу наблюдается значительное превалирование показателей для возрастов до 35 лет и сравнительно низкий уровень для естественно-технического профиля в вузах (12 против 22%). Более трети сотрудников (36%) сообщили, что пользуются поддержкой для улучшения академического письма на английском языке.

Для примера на уровне отдельного вуза (репрезентативный кейс) на рис. 1 представлены результаты обработки данных одного из национальных вузов РК.

По возрастным категориям и по профилям уровень владения методами планирования исследований составляет около 80%. По возрастной категории до 35 лет и для социально-гуманитарного профиля владение английским языком составляет около 50%, однако приблизительно 40% для остальных категорий. Процент опубликованных научных статей и учебных дисциплин на английском языке из полного числа для всех категорий составляет около 10%, и около 30% всех опрошиваемых нуждается и/или пользуется поддержкой для улучшения академического письма на английском языке (перевод, редакция).

Выявлена корреляция уровня владения английским языком и процента англоязычных публикаций среди всех публикаций с возрастом: они уменьшаются с увеличением каждой возрастной категории в среднем на 20%.

2. Финансирование. Источники и виды финансирования научных исследований, отмечаемые в наших опросах вузов и институтов, проведенных в 2021 (предварительные сводные данные) и 2022 гг. (окончательные детальные данные), можно распределить по следующим категориям:

1) собственные средства – счета юридического лица;

2) грантовые средства (грантовое, программно-целевое финансирование и др.): комитет науки профильного министерства, иные министерства, Фонд науки (коммерциализация результатов научной и научно-технической деятельности), международные и иностранные юридические лица, фонды, программы;

3) средства областного бюджета: акиматы;

4) средства государственной программы индустриально-инновационного развития: республиканский бюджет, областные и городские бюджеты;

5) средства от выполнения контрактных исследований: государственные, частные предприятия и компании;

6) спонсорская поддержка: частные предприятия и компании;

7) базовое финансирование: комитет науки профильного министерства.

Ниже приведены сводные данные обработки выборки из 45 научных и научно-образовательных организаций РК по финансовому обеспечению науки за 2021 г. (табл. 2).

Таблица 2

Удельные характеристики видов финансирования и расходов в расчете на одного научно-педагогического работника (вузы и институты), 2021 г.

№ п/п	Удельная характеристика в расчете на одного научно-педагогического работника	Институты	Вузы	Соотношение вузы/институты
1	Общая сумма средств, затраченных на приобретение научного оборудования, тенге	2 431 071	197 048	8%
2	Из них собственных, тенге	620 418	39 004	6%
3	Из них государственных, тенге	1 437 116	147 045	10%
4	Из них частных, тенге	40 816	293	1%
5	Общее количество научных проектов, программ	0,146	0,063	43%
6	Общая сумма базового финансирования, тенге	1 107 843	179 405	16%
7	Общая сумма грантового финансирования научных исследований (проектов), тенге	1 312 534	473 332	36%
8	Общая сумма программно-целевого финансирования научных программ, тенге	5 956 202	668 897	11%
9	Общая сумма собственного финансирования научных проектов и программ, тенге	272 725	50 280	18%
10	Общая сумма частного финансирования научных проектов и программ, тенге	40 264	70 427	175%

По всем видам финансирования, кроме частного, демонстрируется значительно меньший удельный объем (в 3–10 раз) в расчете на одного научно-педагогического работника вузов в сравнении с институтами (см. табл. 2).

Многие вузы отмечают отсутствие базового финансирования, недостаточность для полноценного содержания инфраструктуры обновления и пополнения научного оборудования и приборов, материалов, подчеркивают его сокращение или прекращение как проблему. Это вызывает повышение расхода внебюджетных источников, что ведет к сокращению прибыли предприятия и уменьшению размера платежей, перечисляемых в доход государства. Типичные годовые объемы базового финансирования вузов и институтов составили от 10 (минимальное значение) до 226 (максимальное значение) миллионов тенге в год в 2019–2021 гг.

Было выявлено существование типичной конфигурации (паттерна) диаграмм, как на рис. 1, для более 50% из 23 вузов. Была установлена кросс-закономерность: связь роста финансирования в 2020–2021 гг. в сравнении с 2019 г. с приобретением нового научного оборудования.

Максимальная общая сумма, затраченная на приобретение научного оборудования одной организацией, составляет 1 115,9 млн тенге за 2020 г., что на 34% больше, чем в 2019 г. Наш вывод: организация расходует большее количество финансовых средств на исследовательские работы, требующие приобретения научного оборудования. Общее количество единиц научного оборудования с начала периода увеличилось на 20%.

Аналогично росли средние значения, а анализ среднеквадратичных отклонений показывает, что почти все их значения остались неизменными на протяжении всего периода 2019–2021 гг. Это означает отсутствие выделенных вузов или групп вузов с увеличенным финансированием и то, что средние значения росли для всех ранее профинансированных организаций, т.е. не производилась приоритезация при финансировании.

Для среднего общего числа научных сотрудников центров, институтов и лабораторий (эквивалент полного рабочего дня) наблюдается значительное превышение среднего общего показателя институтов, особенно заметного для 2019 г. (64 против 29). То есть отношение только научных (постоянных и временных) к научно-преподавательским штатным ставкам по количеству в вузе составляет в среднем 29 к 317 (9%), что выявляет текущую меру возможностей и акцента вузов на исследования.

По средней общей сумме *базового* (внеконкурсного) финансирования наблюдается значительное различие среднего общего объема для институтов против вузов, особенно заметного для 2021 г. (77,6 млн тенге против 50,8 млн тенге).

Аналогично и для *программно-целевого* (конкурсного) финансирования научных программ: очень большое различие среднего общего объема для институтов

по отношению к вузам, особенно заметного для 2020 г. (416,9 млн тенге против 189,3 млн тенге), а также не-большое – для собственного финансирования научных проектов и программ, особенно заметного для 2020 г. (19,1 млн тенге против 14,2 млн тенге).

В то же время для *грантового* (конкурсного) финансирования научных исследований (обычно проектов длительностью 3 года) наблюдается значительное различие среднего общего объема для вузов по отношению к институтам, что особенно заметно для 2021 г. (134,0 млн тенге против 91,9 млн тенге в год).

Таким образом, крупное программно-целевое финансирование является основным для институтов, в то время как вузы ориентированы на множество небольших грантов ввиду своего мультидисциплинарного характера.

Публикационная активность ведет себя больше как экстенсивный показатель организаций (чем больше вовлеченных исследователей, тем больше количество публикаций), в то время как удельное значение соответствует интенсивному показателю, увеличение которого происходит по другим причинам. На практике одного из национальных вузов РК нами наблюдался двукратный рост удельного показателя за 4 последовательных года в результате начала действия разработанного нами положения о мерах поощрения. Отдельные научно-педагогические работники этого вуза достигли большого прогресса в отношении публикационной активности, с одной-двух до более 10 публикаций в год, и значительного роста числа цитирований.

Развитие знаний и умений на протяжении всей жизни необходимо для постоянного успеха личности. Поддержка этого развития включает в себя финансирование образования и исследований в вузе. На основе полученных результатов мы приводим ниже рекомендации и оценки достаточности и эффективности распределения финансирования науки в вузах. В отношении вузов даются следующие оценки и предлагаются тактические рекомендации: (а) в связи с увеличением расходов с 2019 по 2021 г. на приобретение научного оборудования (рост на 34%) рекомендуется увеличивать базовое финансирование для поддержки, обслуживания и обеспечения материалами этого оборудования, изменить распределение по базовому финансированию в сторону увеличения и обеспечения научных подразделений и центров в вузах для достижения стабильности проведения исследований, особенно экспериментальных; (б) увеличивать количество финансируемых штатных научных сотрудников (в настоящее время в среднем 29 в вузах против 64 в институтах); (в) усилить организованность и объединение научных групп нескольких вузов по тематикам для получения средств программно-целевого финансирования (189 млн тенге против 417 млн тенге в институтах).

Для вузов предлагается изыскать меры по увеличению собственного финансирования научных проектов и программ.

Заключение

В контексте глобализации знаний, финансирования науки, инжиниринга и экономики педагогика и образование как платформа должны развиваться, при этом творчество, критическое и социально ответственное мышление должны занимать доминирующую позицию, обучение быть ценностно-ориентированным, т.е. нести полноценный смысл для сторон в контексте семантической педагогики [1], а академическая бюрократизация избегается [11]. Выявленные недостатки следует компенсировать педагогическими методами на уровне научного потенциала личности и исследовательских компетенций, а также управленческими методами [12] на уровне финансирования исследований. Рекомендуется ознакомление с методологической литературой [13] для понимания обобщений по охвату всех аспектов научно-исследовательской деятельности.

В отношении финансирования науки рекомендуется изучать и использовать бюджетирование, ори-

ентированное на результат, которое зачастую подразумевает радикальное изменение менталитета со смещением фокуса внимания с соблюдения правил и исполнения бюджета на достижение конечных результатов, эффективность и гибкий подход к использованию средств в целях достижения результатов [14].

В исследовании установлено, что владение методами планирования исследований находится на среднем уровне для всех возрастных групп как в вузах (73–79%), так и в институтах (77–82%). Владение английским языком находится на среднем уровне, убывая с ростом возрастной категории от 62 до 44%. По англоязычным научным публикациям вузы (14–21%) несколько уступают институтам (17–26%). Более трети сотрудников (36%) пользуются сторонней поддержкой для улучшения академического письма на английском языке. По всем видам финансирования вузов обнаружен значительно меньший удельный объем (в 3–10 раз) в расчете на одного научно-педагогического работника вузов в сравнении с институтами.

Список источников

1. Арынгазин К.М. Введение в смысловую педагогику. Караганда : Изд. КПУ, 2005. 407 с.
2. Зятева О.А., Питухин Е.А. Прогнозирование показателей научной деятельности российских вузов и их рейтингов // Перспективы науки и образования. 2022. № 4 (58). С. 692–705. doi: 10.32744/pse.2022.4.40
3. Токмолдин С., Кнар Э. Доктрина науки Казахстана // Информационные и телекоммуникационные сети. 2022. № 6 (191–192). С. 9–48.
4. Строкова Т.А. Подготовка аспирантов к исследовательской деятельности: из опыта работы научно-педагогической школы // Образование и наука. 2018. № 20. С. 9–30. doi: 10.17853/1994-5639-2018-10-9-30
5. Шестак В.П., Шестак Н.В. Формирование научно-исследовательской компетентности и «академическое письмо» // Высшее образование в России. 2011. № 12. С. 115–120.
6. Ефимова Г.З., Сорокин А.Н., Грибовский М.В. Идеальный педагог высшей школы: личностные качества и социально-профессиональные компетенции // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 1. С. 202–230. doi: 10.17853/1994-5639-2021-1-202-230
7. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 5. С. 147–180. doi: 10.17853/1994-5639-2022-5-147-180
8. Koltun V., Hafner D. The h-index is no longer an effective correlate of scientific reputation // PLOS One. 2021. № 16 (6). Art. № e0253397. doi: 10.1371/journal.pone.0253397
9. Концепцию развития науки до 2025 года разработали в Казахстане. URL: <https://www.zakon.kz/5070247-kontseptsuyu-razvitiya-nauki-do-2025.html> (дата обращения: 27.05.2022).
10. Практическая педагогика и психология: методы и технологии. Метод анкетирования в исследовании качества социализации и самореализации личности : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. Казань : АЭТЕРНА, 2016. 210 с. URL: <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/NK-PP-52-1.pdf> (дата обращения: 27.12.2022).
11. Woelert P. 'Key selection criteria' as administrative devices: An investigation of academic bureaucratization at Australian universities // Science and Public Policy. 2021. Vol. 48, Is. 1. P. 27–36. doi: 10.1093/scipol/scaa056
12. Семенов Е.В. Производство показателей как механизм подавления производства знаний, технологий и компетенций // Управление наукой: теория и практика. 2020. Т. 2, № 1. С. 69–93. doi: 10.19181/smtp.2020.2.1.4
13. Коломийченко Л.В. Методологическая культура как важнейшая составляющая профессиональной компетентности // Пермский педагогический журнал. 2014. № 6. С. 49–51.
14. Передовая практика стран ОЭСР в области бюджетирования, ориентированного на результат. OECD, 2019. URL: https://www.pempal.org/sites/pempal/files/event/2019/Мероприятия%20Бюджетного%20Сообщества/Nov05_Париж%2C%20Франция/files/oecd_good_practices_in_performance_budgeting_final_rus.pdf (дата обращения: 27.12.2022).

References

1. Aryngazin, K.M. (2005) *Vvedenie v smyslovuyu pedagogiku* [Introduction to Semantic Pedagogy]. Karaganda: Kazakh-Russian University.
2. Ziateva, O.A. & Pitukhin, E.A. (2022) Prognostirovanie pokazateley nauchnoy deyatel'nosti rossiyskikh vuzov i ikh reytingov [Forecasting indicators of scientific activity of Russian universities and their ratings]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 4 (58). pp. 692–705. DOI: 10.32744/pse.2022.4.40
3. Tokmoldin, S. & Knar, E. (2022) Doktrina nauki Kazakhstana [Doctrine of science of Kazakhstan]. *Informatsionnye i telekommunikatsionnye seti*. 6 (191–192). pp. 9–48.
4. Strokova, T.A. (2018) Podgotovka aspirantov k issledovatel'skoy deyatel'nosti: iz opyta raboty nauchno-pedagogicheskoy shkoly [Preparing graduate students for research activities: from the experience of a scientific and pedagogical school]. *Obrazovanie i nauka*. 20. pp. 9–30. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-10-9-30
5. Shestak, V.P. & Shestak, N.V. (2011) Formirovanie nauchno-issledovatel'skoy kompetentnosti i "akademicheskoe pis'mo" [Formation of research competence and "academic writing"]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 12. pp. 115–120.
6. Efimova, G.Z., Sorokin, A.N. & Gribovskiy, M.V. (2021) Ideal'nyy pedagog vysshey shkoly: lichnostnye kachestva i sotsial'no-professional'nye kompetentsii [Ideal higher school teacher: personal qualities and social and professional competencies]. *Obrazovanie i nauka*. 1 (23). pp. 202–230. DOI: 10.17853/1994-5639-2021-1-202-230
7. Zborovskiy, G.E. & Ambarova, P.A. (2022) Nauchno-pedagogicheskie rabotniki kak sotsial'naya obshchnost' v menyayushchikhsya usloviyakh akademicheskogo razvitiya [Scientific and pedagogical workers as a social community in the changing conditions of academic development].

- Obrazovanie i nauka*. 5 (24). pp. 147–180. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-5-147-180
8. Koltun, V. & Hafner, D. (2021) The h-index is no longer an effective correlate of scientific reputation. *PLOS One*. 16 (6). Art. e0253397. DOI: 10.1371/journal.pone.0253397
 9. Zakon.kz. (2021) Kontseptsuyu razvitiya nauki do 2025 goda razrabotali v Kazakhstane [The concept for the development of science until 2025 was developed in Kazakhstan]. *Zakon.kz*. 27 May. [Online] Available from: <https://www.zakon.kz/5070247-kontseptsuyu-razvitiya-nauki-do-2025.html>. (Accessed: 27.05.2022).
 10. Sukiasyan, A.A. (ed.) (2016) *Prakticheskaya pedagogika i psikhologiya: metody i tekhnologii. Metod anketirovaniya v issledovanii kachestva sotsializatsii i samorealizatsii lichnosti* [Practical pedagogy and psychology: methods and technologies. Questioning method in the study of the quality of socialization and self-realization of the individual]. Proceedings of the International Conference. Kazan. 10 September 2016. Kazan: AETERNA. [Online] Available from: <https://aeterna-ufa.ru/sbornik/NK-PP-52-1.pdf>. (Accessed: 27.12.2022).
 11. Woelert, P. (2021) 'Key selection criteria' as administrative devices: An investigation of academic bureaucratization at Australian universities. *Science and Public Policy*. 1 (48). pp. 27–36. DOI: 10.1093/scipol/scaa056
 12. Semenov, E.V. (2020) Proizvodstvo pokazateley kak mekhanizm podavleniya proizvodstva znaniy, tekhnologiy i kompetentsiy [Production of indicators as a mechanism for suppressing the production of knowledge, technologies and competencies]. *Upravlenie naukoj: teoriya i praktika*. 1 (2). pp. 69–93. DOI: 10.19181/smp.2020.2.1.4
 13. Kolomiychenko, L.V. (2014) Metodologicheskaya kul'tura kak vazhneyshaya sostavlyayushchaya professional'noy kompetentnosti [Methodological culture as the most important component of professional competence]. *Permskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 6. pp. 49–51.
 14. PEMPAL. (2019). *Peredovaya praktika stran OESR v oblasti byudzhetirovaniya, orientirovannogo na rezul'tat* [Best practices from OECD countries in performance budgeting]. OECD. [Online] Available from: https://www.pempal.org/sites/pempal/files/event/2019/Meropriyatiya%20Byudzhethnogo%20Soobshchestva/Nov05_Parizh%2C%20Frantsiya/file/s/oecd_good_practices_in_performance_budgeting_final_rus.pdf. (Accessed: 27.12.2022).

Информация об авторах:

Арынгазин А.К. – д-р физ.-мат. наук, ведущий научный сотрудник Национальной академии образования им. И. Алтынсарина (Астана, Казахстан). E-mail: askar.aryngazin@nu.edu.kz. ORCID: 0000-0001-8329-4072

Фахрутдинова Г.Ж. – д-р пед. наук, профессор кафедры методологии обучения и воспитания Казанского федерального университета (Казань, Россия). E-mail: gdautova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3416-5300

Арынгазин Ануар Аскарлович – магистрант школы естественных и гуманитарных наук Назарбаев Университета (Астана, Казахстан). E-mail: anuar.aryngazin@nu.edu.kz. ORCID: 0000-0003-1707-3647

Арынгазин Ансар Аскарлович – магистрант школы естественных и гуманитарных наук Назарбаев Университета (Астана, Казахстан). E-mail: ansar.aryngazin@nu.edu.kz. ORCID: 0000-0002-3029-0198

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.K. Aryngazin, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), leading researcher, National Academy of Education named after Y. Altynsarin (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: askar.aryngazin@nu.edu.kz. ORCID: 0000-0001-8329-4072

G.Zh. Fahrutdinova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation). E-mail: gdautova@mail.ru. ORCID: 0000-0002-3416-5300

Anuar A. Aryngazin, master's student, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: anuar.aryngazin@nu.edu.kz. ORCID: 0000-0003-1707-3647

Ansar A. Aryngazin, master's student, Nazarbayev University (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: ansar.aryngazin@nu.edu.kz. ORCID: 0000-0002-3029-0198

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.11.2023;
одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 16.11.2023;
approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

Научная статья
УДК 378+159.955.4
doi: 10.17223/15617793/496/2

Психолого-педагогическое сопровождение учебной онлайн-библиотеки

Ольга Михайловна Краснорядцева¹, Илья Сергеевич Яковлев²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ krasnoo@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1549-9994

² yak-marketing@ya.ru; ORCID: 0009-0006-3133-761X

Аннотация. Рассматриваются обобщенные результаты разработки инструментов психолого-педагогического сопровождения онлайн-библиотек. Представлены результаты исследования уровня когнитивной готовности молодежи к работе с научной информацией. Обсуждаются психолого-образовательные возможности вовлечения молодых людей в овладение новыми компетенциями работы с информационными ресурсами научной онлайн-библиотеки с учетом их индивидуального уровня когнитивной готовности к поиску и работе с научной информацией.

Ключевые слова: психолого-педагогическое сопровождение, онлайн-библиотека, научная информация, когнитивная готовность, информационные ресурсы

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2020-0040.

Для цитирования: Краснорядцева О.М., Яковлев И.С. Психолого-педагогическое сопровождение учебной онлайн-библиотеки // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 13–22. doi: 10.17223/15617793/496/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/2

Psychological and pedagogical support of the online educational library

Olga M. Krasnoryadtseva¹, Ilya S. Yakovlev²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ krasnoo@mail.ru; ORCID: 0000-0003-1549-9994

² yak-marketing@ya.ru; ORCID: 0009-0006-3133-761X

Abstract. The article presents a rationale for the relevance of creating new methodological techniques for organizing work with scientific information in online libraries. It specifies the relevance of the tasks of special work with psychological barriers that may arise in a certain group young people when searching for and working with scientific information, outlines the main potential advantages of electronic libraries, popular today, especially among young people, are . The novelty of the research consists in the determination of the possibilities of instrumental support for psychological pedagogical support for an online educational library aimed at minimizing the complexity of access and navigation in online educational libraries. To collect empirical data, an authorial questionnaire was used to study individual subjective experience of young people's search and work with scientific information. The method of analytical reflection of the possibilities and limitations of existing practices for organizing online libraries was used. Empirical indicators of cognitive readiness to search and work with scientific information are presented. The specificity of different groups of young people with a pronounced level of cognitive readiness to work with scientific information was recorded: low, medium, and high. Low cognitive readiness to work with scientific information is a significant factor in errors in data interpretation and causes significant difficulties in making informed decisions. Important analytical findings were made, indicating the feasibility of developing special electronic tools and recommendations for more effective work with young people with different levels of cognitive readiness to work with scientific information. Through a reflexive analysis of the available experience in organizing the involvement of students in the productive use of electronic libraries of higher educational institutions, new methodological opportunities were identified. An algorithm is proposed for determining the level of a student's cognitive readiness in the first stages of acquaintance with the online library interface. Research generalizations made on the basis of the obtained empirical data and accumulated experience are discussed. Particular attention is paid to the identified variants of deficiency in young people's cognitive readiness to search for and work with scientific information. An approach to choosing the necessary tools for organizing psychological and pedagogical support for comfortable work with scientific information is proposed,

taking into account the individual level of cognitive readiness at the stage of familiarization with the service for storing scientific information.

Keywords: psychological and pedagogical support, online library, scientific information, cognitive readiness, information resources

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No FSWM-2020-0040.

For citation: Krasnoryadtseva, O.M. & Yakovlev, I.S. (2023) Psychological and pedagogical support of the online educational library. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 13–22. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/2

Введение

В современном информационном обществе, характеризующемся быстрыми технологическими изменениями, молодежь и студенты сталкиваются с огромным объемом доступной информации. Это разнообразие источников знаний, возможность получать информацию в режиме реального времени и расширенные возможности хранения и обработки данных создают уникальные вызовы и возможности для молодых людей в выборе основных источников информации, особенно в контексте научных знаний. Ранее привычные источники знаний, такие как библиотеки, также подверглись трансформации, переходя в виртуальное пространство Интернета. Это обстоятельство предоставляет молодежи большой выбор и возможность самостоятельно определить наиболее подходящие источники для получения информации. Однако этот выбор также влечет за собой ряд дополнительных задач, таких как поиск, оценка достоверности источников, а также принятие решения о работе с конкретными источниками [1].

Развитие электронных библиотек и информационных ресурсов ставит перед исследователями ряд задач, в том числе имеющих психологическое содержание [2–4]. Дело в том, что, переходя в плоскость пространства Интернета, информационные ресурсы концептуально трансформируются как технологически, так и с точки зрения пользовательского опыта [5–8]. В целом электронные библиотеки – это сложные системы, в состав которых входят такие элементы, как интерфейс, база данных, обработка и хранение данных. При этом данные могут быть совершенно различного вида и формата. Все эти изменения влекут за собой требование создания новых подходов для организации работы с данными интернет-ресурсами [9–11]. Электронные библиотеки представляют собой ценный ресурс, который обладает рядом преимуществ по сравнению с традиционными библиотеками. В настоящее время специалисты обращают внимание на следующие потенциальные преимущества электронных библиотек [12–14].

Первое преимущество заключается в предоставлении непосредственного доступа к библиотеке для пользователей. Информация может быть доставлена прямо на рабочий стол пользователя в любом месте, будь то дом или офис, при наличии компьютера, подключенного к сети. Это обеспечивает удобство и доступность. Кроме того, электронные документы обла-

дают удобством поиска и анализа. В отличие от бумажных версий, электронные документы легко искать и анализировать, поскольку любое слово в тексте может быть использовано как поисковый запрос. Это упрощает работу с информацией и повышает эффективность поиска.

Другим важным преимуществом является решение проблемы ограниченного доступа к книгам. Когда книги размещены в электронной библиотеке, количество экземпляров не имеет значения. Это позволяет избежать ожидания, связанного с занятостью книг другими читателями. Электронные библиотеки также предоставляют возможность доступа к редким и труднодоступным текстам, которые могут быть недоступны в традиционных библиотеках. Это расширяет доступ пользователя к разнообразным материалам.

Кроме того, электронные библиотеки обладают экономической выгодой. Их содержание обходится дешевле, чем традиционных библиотек, благодаря более низким затратам на хранение информации в электронном виде и снижению стоимости электронного хранения. В то же время стоимость содержания традиционных библиотек продолжает расти.

Легкость поддержания актуальности информации является еще одним преимуществом электронных библиотек. Стоит отметить их круглосуточный доступ к информации. Они доступны пользователям в любое время, включая ночное, выходные и праздничные дни. Исследования показывают, что около половины посещений электронных библиотек приходится на период, когда традиционные библиотеки закрыты. Это расширяет возможности доступа к информации и удовлетворяет потребности пользователей в гибком графике получения знаний [15]. Одним из значительных преимуществ электронных библиотек является исключение проблем с доступностью материалов, связанных с выдачей, отправкой на реставрацию и другими ограничениями. Пользователи получают непосредственный доступ к материалам без необходимости физического перемещения или ожидания [16].

Электронные библиотеки также предоставляют доступ к разнообразным видам информации, включая видео-, аудиоматериалы, 3D-объекты, интернет-источники и многое другое. Это расширяет возможности пользователей и позволяет им получать информацию разнообразного формата, соответствующую их интересам и потребностям. Еще одним важным преимуществом электронных библиотек является расширение возможностей пользователей. Они не ограничены об-

служиванием только в рамках самой библиотеки, а могут обращаться ко всем ресурсам Интернета для получения необходимых документов и данных. Это обеспечивает пользователей большей свободой и гибкостью в получении информации [17]. Электронные библиотеки расширяют спектр информационных услуг для пользователей и повышают качество обслуживания. Они обеспечивают быстрый поиск нужной информации с помощью компьютеров и предоставляют доступ к публикациям, хранящимся в других библиотеках. Это значительно облегчает процесс поиска и получения информации для исследований и обучения.

В свете этих факторов психологическое исследование взаимодействия пользователей с электронными библиотеками становится необходимым для создания более удобных, эффективных и ориентированных на пользователя информационных ресурсов. Понимание психологических аспектов поможет разработчикам и специалистам в области информационных наук создать такие электронные библиотеки, которые бы максимально соответствовали потребностям и ожиданиям пользователей, обеспечивая приятный и продуктивный опыт использования информации [18–20].

Проблематика использования библиотек, в том числе онлайн-версий существует давно. Рассмотрим, как на данный момент обстоят дела с решением проблемы множества ресурсов на примере Ассоциации медицинских библиотек. Ассоциация была создана в 2008 г. для решения проблемы недостатка актуальных медицинских информационных ресурсов и объединяла активную часть сообщества медицинских библиотечарей с целью совместной генерации необходимых информационных ресурсов, которые в дальнейшем использовались всеми медицинскими библиотеками России и стран СНГ. Данная организация обеспечивает коммуникацию между ведущими специалистами медицинских библиотек [21]. В АМБ существует проект «Мониторинг показателей чтения пользователей-медиков». В рамках проекта проводят исследование среди студентов медицинских вузов РФ и стран СНГ. Студентам различных курсов и специальностей медицинских вузов предлагается пройти специальную анкету, включающую вопросы о чтении книг, использовании видеолекций, тренажеров и онлайн-библиотек. Представляют интерес результаты исследования 2022 г. [21]. В данном исследовании приняли участие более 3 500 студентов из разных регионов страны. Хотя направленность исследования носит больше статистический характер, некоторые ответы на вопросы могут содержать психологический фактор проблематики онлайн-библиотек и библиотек в целом. В исследовании АМБ можно увидеть, что только половина студентов регулярно пользуются печатными изданиями, в то время как остальные студенты-медики выбирают в качестве основного источника информации другие варианты. Больше половины из тех, кто выбирает альтернативные печатным источники утверждают, что им хватает информации из других источников. Это может говорить о том, что другие источники, в том числе онлайн-библиотеки очень

популярны среди студентов-медиков. Формат электронных библиотек, видео- и аудиолекций пользуется большим спросом среди молодежи. Электронные библиотеки в учебных заведениях имеют значительный потенциал для предоставления студентам доступа к научной информации и развития их навыков работы с ней.

Однако, несмотря на это, большинство студентов предпочитают использовать другие онлайн-сервисы и источники для поиска научной информации. Одной из возможных причин такого выбора может быть сложность доступа и навигации в онлайн-библиотеках, что создает психологический барьер для студентов. Целью данной статьи является определение возможностей инструментального обеспечения психолого-педагогического сопровождения учебной онлайн-библиотеки.

Методы

Авторская анкета, содержащая вопросы об индивидуальном субъективном опыте поиска и работы с научной информацией, включает семь вопросов с возможностью выбора только одного, наиболее подходящего ответа на каждый вопрос. В первой группе вопросов, связанной с операциональной готовностью, участникам предлагалось оценить свою уверенность и компетентность в осуществлении конкретных операций, необходимых при поиске и работе с научной информацией. Вторая группа вопросов, относящаяся к когнитивной готовности, направлена на изучение уровня познавательных процессов и когнитивных стратегий, используемых участниками при работе с научными материалами. Шкала оценок, используемая в анкете, позволяет установить различные уровни готовности, от наивысшего до наименьшего, что дает возможность получить более детальное представление о субъективной оценке участниками своей готовности к работе с научной информацией. Анкета была опубликована с помощью сервиса Google Forms. Участники исследования вводили свой идентификационный номер и отвечали на вопросы анкеты. Все вопросы являются обязательными, пропустить вопрос нельзя. Ответы автоматически выгружались в таблицу для последующей обработки.

Выборка

В качестве эмпирической выборки выступили молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет, имеющие высшее образование или обучающиеся в вузе, в количестве 143 человек. Испытуемые имели опыт работы с научной информацией в различных сферах, таких как медицина, юриспруденция, архитектура и дизайн, экономика, менеджмент и др. Соотношение представителей различных сфер строго не регламентировалось, однако важно было наличие в выборке специалистов различных профессий для объективности исследования. Выборка состоит из тех, кто получает высшее образование на момент исследования или получил его ранее.

Результаты

Оценка субъективного опыта является важным компонентом любого вида психологической готовности (в том числе и когнитивной готовности к работе с научной информацией) и позволяет учесть индивидуальные перспективы и внутренние состояния участников. Это помогает понять, как воспринимается и оценивается готовность к работе с научно-исследовательским материалом, и разработать ряд практических предложений для формирования этой готовности.

Вот основные вопросы, оценка ответов на которые характеризует оперативную готовность к использованию научной информации:

- Как часто вы работаете с научной информацией?
- Насколько сложно для вас понимать научную литературу и информацию?
- Оцените свой личный опыт работы с научной информацией.
- Охарактеризуйте свою готовность к поиску и работе с научной информацией.

На рис. 1 представлены итоги субъективной оценки респондентами имеющегося у них опыта работы с научной информацией.

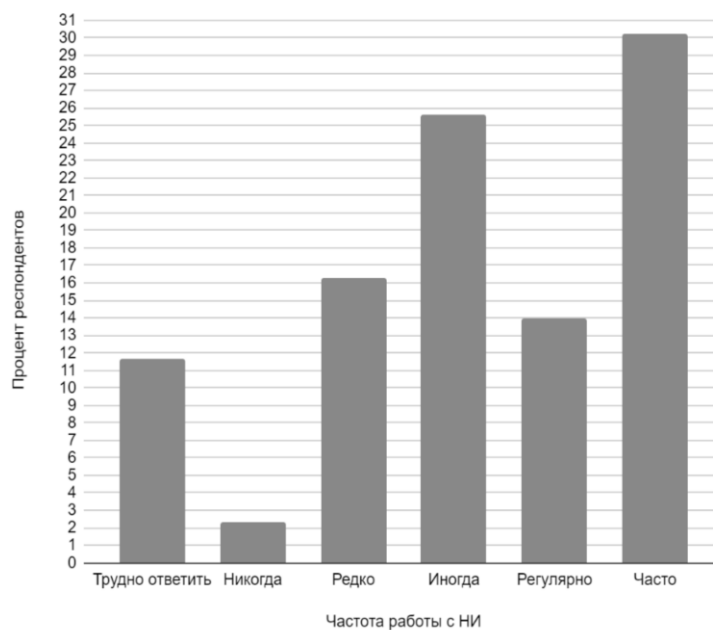

Рис. 1. Оценка респондентами регулярности использования научной информации

Регулярность обращения к научной информации рассматривается нами как значимый показатель операциональной готовности к работе с такого рода информацией. Из диаграммы видно, что в исследуемой группе наблюдается преобладание высокой и средней частоты работы с научной информацией. Это говорит о том, что подавляющее большинство молодежи имеет опыт работы с научными материалами и регулярно взаимодействует с ними.

Выделено три группы респондентов в соответствии с выраженным уровнем когнитивной готовности к работе с научной информацией: низким, средним и высоким. Наиболее показательными были ответы на вопросы:

- Как вы преодолеваете трудности, возникающие при работе с научной информацией?
- Какую именно информацию вы ищете, при поиске и работе с научной информацией?
- Как вы оцениваете качество источника научной информации?

На рис. 2 представлены обобщенные результаты оценки респондентами своего уровня преодоления трудностей при поиске и работе с научной информацией.

Среди общей выборки респондентов обозначилась группа молодых людей, которые не удовлетворены своим уровнем понимания научной информации. Возможно, они сталкиваются с трудностями в осмыслении сложных концепций, терминологии или логической структуры научных текстов. Одна из возможных интерпретаций этих данных состоит в том, что испытуемые могут нуждаться в дополнительной поддержке и обучении для развития своих навыков понимания научных материалов. Это может включать использование различных образовательных стратегий, таких как учебники на более доступном языке, визуализацию сложных концепций, обучение критическому мышлению и аналитическим навыкам.

Выявленные трудности, которые испытывали участники исследования при работе с научной информацией или демонстрировали низкую готовность к ее поиску, стали основой для второго этапа исследования по разработке специального электронного инструментария и рекомендаций для более эффективной работы с молодыми людьми, обладающими разным уровнем когнитивной готовности к работе с научной информацией, в рамках психолого-педагогического сопровождения учебной онлайн-библиотеки.

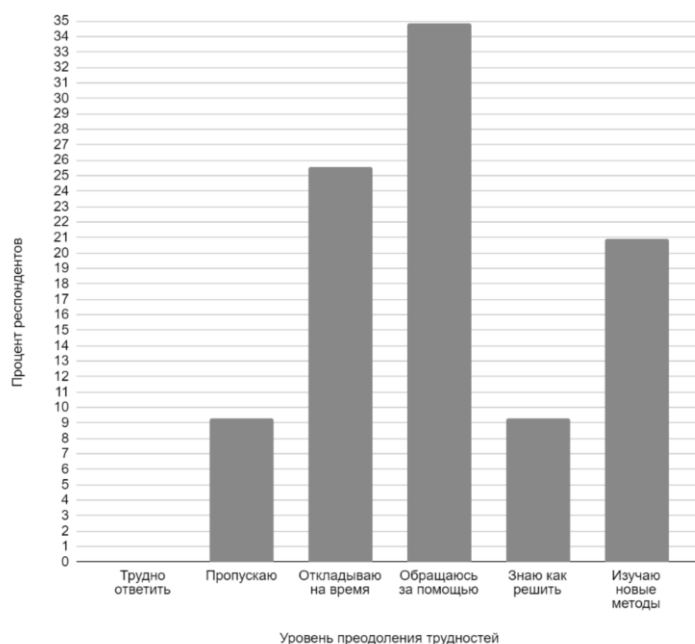

Рис. 2. Оценка респондентами уровня преодоления трудностей при поиске и работе с научной информацией

При регистрации и знакомстве с онлайн-библиотекой рекомендуется создать алгоритм, посредством которого можно будет определить уровень когнитивной готовности студента. Такой уровень можно определять анкетой из 3–4 вопросов, заполняемой при регистрации на сервисе (примеры 1–3 на рис. 3–5). Конечно, список вопросов и их содержание могут изменяться, а сам алгоритм может проводиться ежегодно, так как задачи студента первых и последних курсов могут значительно меняться.

После определения уровня когнитивной готовности сервис формирует главный экран для пользователя, в котором содержатся основные инструменты для поиска и работы с научной информацией.

Интерфейс для молодых людей с низким уровнем когнитивной готовности целесообразно начать с предложений по работе с электронными полками учебных дисциплин. Основной характеристикой инструментов онлайн-библиотеки для этой категории пользователей является минимализация количества кликов для поиска основной информации. Такими инструментами могут быть готовые подборки книг, видеолекции по темам, сервис подбора литературы для научных работ. Пользователь может перейти к дисциплинам, связанным с изданием, и найти больше литературы по теме. В качестве дополнительных возможностей выступают предложения по изучению дополнительных видеоматериалов и изображений (микрофотографий, снимков, схем, рисунков). Примеры интерфейсов представлены на рис. 6–8.

Онлайн-библиотека

Каталог книг

Сервисы

Настройки

Контакты

Что для вас важнее при поиске информации?

1. Скорость

2. Проверенный источник

3. Проверить информацию, даже из проверенного источника

Онлайн-библиотека

Рис. 3. Вопрос для определения уровня когнитивной готовности пользователя. Пример 1

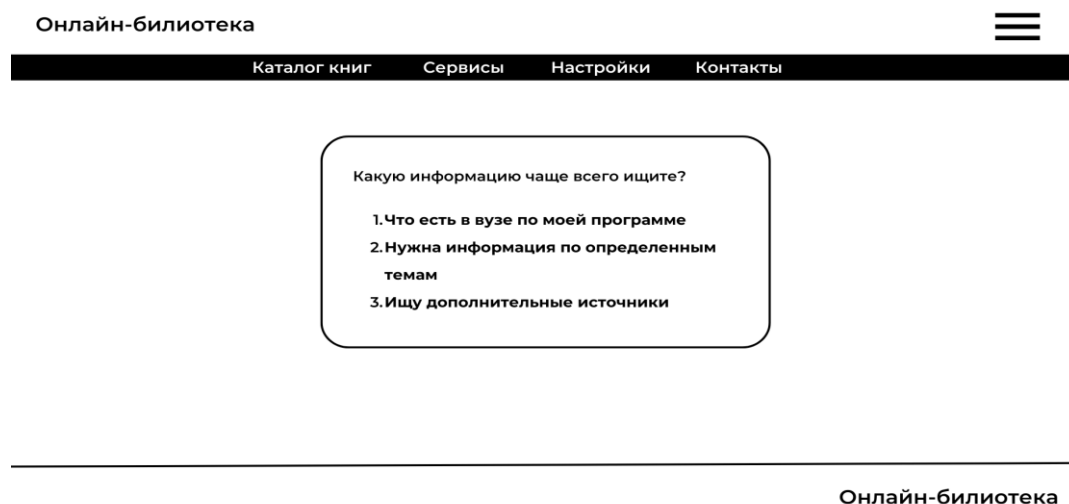

Рис. 4. Вопрос для определения уровня когнитивной готовности пользователя. Пример 2

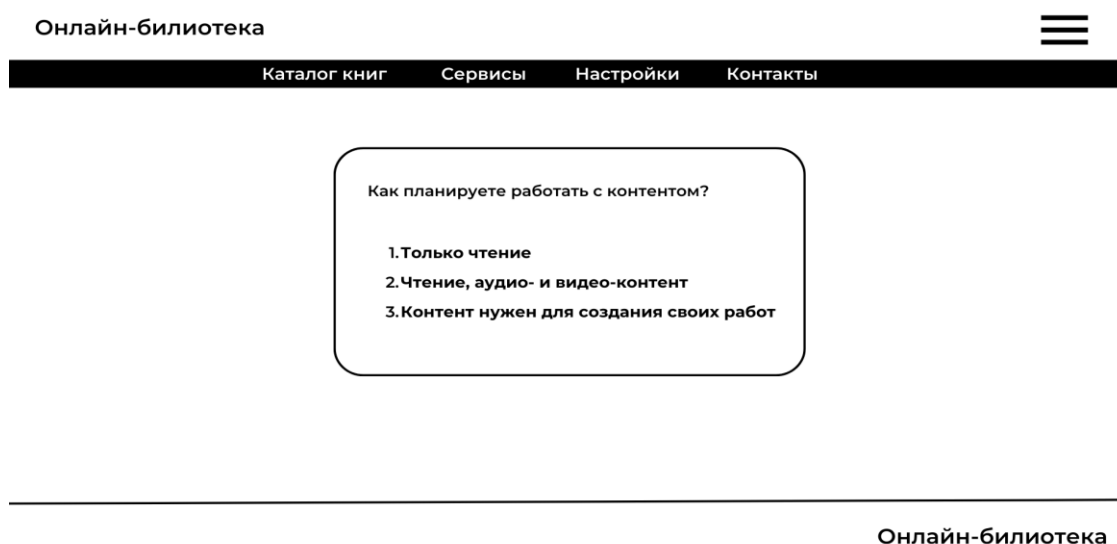

Рис. 5. Вопрос для определения уровня когнитивной готовности пользователя. Пример 3

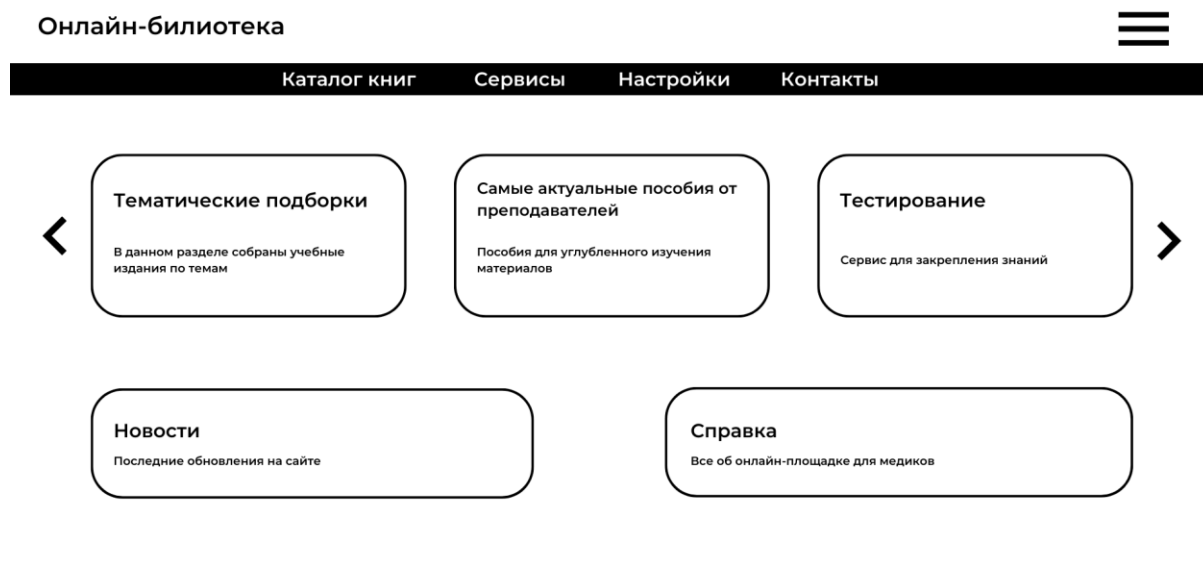

Рис. 6. Пример главного экрана для низкого уровня когнитивной готовности

Для среднего уровня могут подойти различные инструменты, в том числе и те, которые предназначены для других групп пользователей. Поэтому можно вывести на главный экран сервисы с различным функционалом: поиск по темам, интерактивная проверка знаний, материалы для углубленного изучения.

Для пользователей с высокой когнитивной готовностью возможно предложить эксклюзивные материалы,

или материалы, требующие дополнительных компетенций для работы с ними, например зарубежная литература. Хорошим дополнением будет подборка инструментов для онлайн-работы с текстом изданий, формирования собственных текстов и статей. В специальном разделе сайта могут быть собраны новые монографии, методические пособия от преподавателей.

Онлайн-библиотека

Рис. 7. Пример главного экрана для среднего уровня когнитивной готовности

Онлайн-библиотека

Рис. 8. Пример главного экрана для высокого уровня когнитивной готовности

Проектирование сервиса, включающего в себя все преимущества современных онлайн-сервисов, делает возможным сбор различного рода и форматов научной информации, обеспечение ее доступности и подключение интерактивных инструментов работы с ней. Увеличение степени вовлеченности студентов в процессы поиска и работы с научной информацией можно достичь за счет повышения качества пользования онлайн-сервисом, учитывая следующие принципы построения пользовательских интерфейсов:

1. Принцип простоты и понятности: необходимо создавать интерфейсы, которые легко использовать и понять. Следует избегать излишней сложности и перегруженности дизайна.

2. Принцип консистентности: дизайн интерфейса должен быть единообразным и последовательным. Это помогает пользователям быстро ориентироваться и уменьшает количество возникающих ошибок.

3. Принцип наглядности: интерфейс должен быть наглядным и информативным. Использование понятных иконок, цветов и шрифтов помогает пользователям быстро распознавать и воспринимать информацию.

4. Принцип адаптивности: дизайн интерфейса должен быть адаптивным к различным устройствам и разрешению экранов. Это обеспечивает удобство в использовании и улучшает пользовательский опыт.

5. Принцип эстетики: дизайн интерфейса должен быть привлекательным и эстетичным. Это помогает привлечь внимание пользователя и создать положительное впечатление от продукта.

Понимание и применение этих принципов помогает создать интерфейсы, которые легко использовать, удобны для восприятия и повышают удовлетворенность и вовлеченность пользователей.

Закключение

Таким образом, анализ полученных аналитических, исследовательских и проектных результатов позволяет сделать следующие обобщающие выводы:

1. Когнитивная готовность к поиску и работе с научной информацией отражает динамические характеристики многомерного мира человека (готовность принимать решения в условиях неопределенности на основе имеющейся информации; избирательность в процессе непрерывного обмена с информационной

средой, основным механизмом которой является соответствие; оперативное использование современных технологических приемов обработки и анализа научной информации).

2. Создание новых эффективных стратегий психолого-образовательной поддержки пользователей при разработке качественных онлайн-сервисов для учебных заведений, библиотек и других организаций, где высока актуальность использования научной информации, является актуальной задачей технологизации современного образования.

3. Электронные библиотеки – это сложные системы, представляющие собой ценный ресурс, который обладает рядом преимуществ по сравнению с традиционными библиотеками (предоставление непосредственного доступа к библиотеке пользователям; решение проблемы ограниченного доступа к книжному фонду; более низкие затраты на хранение информации; доступ к разнообразным видам информации, включая видео-, аудиоматериалы, 3D-объекты, интернет-источники). В состав онлайн-библиотек входят такие элементы, как интерфейс, база данных, обработка и хранение различного вида и формата данных, что обуславливает целесообразность применения новых подходов для организации работы с этими интернет-ресурсами.

4. При изучении когнитивного компонента психологической готовности к поиску и работе с научной информацией акцентируется внимание на способности личности оценивать ситуации с точки зрения потенциала для саморазвития. Это включает готовность интерпретировать ситуации неопределенности как возможности для приобретения нового опыта и альтернативных путей развития. Когнитивный компонент готовности к саморазвитию связан с познавательно-исследовательским отношением человека к окружающей действительности. В ходе эмпирического исследования выявлены дефицитарности когнитивной готовности молодежи к поиску и работе с научной информацией.

5. Определение индивидуального уровня когнитивной готовности на стадии знакомства с сервисом хранения научной информации позволяет подобрать необходимый инструментарий для комфортной работы с научной информацией, не лишая возможности повышения уровня работы с такой информацией. Разработано проектное предложение для проекта «МедХаб», открывающее новые возможности для студентов-медиков к поиску и работе с научной информацией.

Список источников

1. Берулава Г.А., Дружинина А.В., Беляева Е.В. Внутривузовское электронное пространство на основе новых образовательных технологий // Высшее образование в России. 2014. № 12. С. 83–89.
2. Яницкий М.С. Психологические аспекты цифрового образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. № 2 (34). С. 38–44.
3. Полудина В.П. Информационный шум в интернете как проблема потребления коммуникации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 5. С. 386–394.
4. Asrial M., Habibi A., Mukminin A., Hadisaputra P. Science teachers' integration of digital resources in education: A survey in rural areas of one Indonesian province // Heliyon. 2020 Vol. 6 (8). Art № e04631. doi: 10.1016/j.heliyon.2020.e04631
5. Шадченко Н.Ю. Цифровая трансформация общества: тенденции и перспективы // Базис. 2021. № 2 (10). С. 5–9. doi: 10.51962/2587-8042_2021_10_5
6. Грибков Д.Н. Зарубежный опыт функционирования университетских электронных библиотек // Научные и технические библиотеки. 2019. № 8. С. 77–89. doi: 10.33186/1027-3689-2019-8-77-89

7. Павлова Е.В. Электронные информационные ресурсы в контексте развития открытого образовательного пространства России // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 3 (108). С. 189–197. doi: 10.37972/chgpu.2020.108.3.022
8. Исаева Т.Е. Использование информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения иностранным языкам в вузе: методологический аспект // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 3 (71). С. 111–117. doi: 10.24158/spp.2020.3.17
9. Zaki M. Digital transformation: harnessing digital technologies for the next generation of services // Journal of Services Marketing. 2019. Vol. 33, № 4. P. 429–435.
10. Benavides L.M.C. et al. Digital transformation in higher education institutions: A systematic literature review // Sensors. 2020. Vol. 20, № 11. P. 32–91.
11. Abad-Segura E. et al. Sustainable management of digital transformation in higher education: Global research trends // Sustainability. 2020. Vol. 12, № 5. Art № 2107.
12. Петровский А.М., Баланова С.А., Кузнецова И.А. Возможности электронных библиотечных систем в организации научно-исследовательской деятельности // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78–4. С. 146–151.
13. Maslova I., Burdina G., Krapotkina I. The use of electronic educational resources and innovative educational technologies in university education // International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET). 2020. Vol. 15, № 16. P. 68–79.
14. Iivari N., Sharma S., Ventä-Olkkonen L. Digital transformation of everyday life—How COVID-19 pandemic transformed the basic education of the young generation and why information management research should care? // International journal of information management. 2020. Vol. 55. P. 102–183.
15. Булатова И.С. Качества знаний как сохраняемые модели содержания образования при обучении в вузе // Теория и практика общественного развития. 2011. № 3. С. 171–174.
16. Справка // Онлайн-библиотека БУКАП. URL: <https://www.books-up.ru/ru/> (дата обращения: 15.09.2022).
17. Кукушкина Е.А., Самосудова Л.В., Еремкина Н.В. Преимущества и недостатки электронного обучения во время пандемии // Гуманитарные науки и образование. 2021. Т. 12, № 1. С. 55–60.
18. Шрайберг Я.Л. Цифровизация и устойчивое развитие общества: роль библиотек в реалиях сегодняшнего дня // Библиотеки. Экология. Устойчивое развитие : ежегод. межвед. сб. науч. тр. М. : Гос. публичная науч.-техн. библиотека России, 2020. С. 5–7. doi: 10.33186/978-5-85638-226-5-2020-5-7
19. Токарева С.Б., Горина Т.С. Научно-просветительские практики в условиях информационной технологизации интеллектуальной среды // Logos et Praxis. 2017. Т. 16, № 4. С. 23–30. doi: 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.3
20. Akhmedov E.R. Use Of Interactive Electronic Educational Resources In Professional Training Of Students Of Vocational Education // European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences. 2019. Vol. 7, № 12. P. 1–5.
21. Аналитика // Ассоциация медицинских библиотек. URL: <https://amedlib.ru/analitika-2/> (дата обращения: 19.09.2022).

References

1. Berulava, G.A., Druzhinina, A.V. & Belyaeva, E.V. (2014) Vnutrivuzovskoe elektronnoe prostranstvo na osnove novykh obrazovatel'nykh tekhnologiy [Intra-university electronic space based on new educational technologies]. *Vysshee obrazovanie v Rossii*. 12. pp. 83–89.
2. Yanitskiy, M.S. (2019) Psikhologicheskie aspekty tsifrovogo obrazovaniya [Psychological aspects of digital education]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom*. 2 (34). pp. 38–44.
3. Poludina, V.P. (2011) Informatsionnyy shum v internete kak problema potrebleniya kommunikatsii [Information noise on the Internet as a problem of communication consumption]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*. 5 (14). pp. 386–394.
4. Asrial, M. et al. (2020) Science teachers' integration of digital resources in education: A survey in rural areas of one Indonesian province. *Heliyon*. 6 (8). Art. e04631. DOI: 10.1016/j.heliyon.2020.e04631
5. Shadchenko, N.Yu. (2021) Tsifrovaya transformatsiya obshchestva: tendentsii i perspektivy [Digital transformation of society: trends and prospects]. *Bazis*. 2 (10). pp. 5–9. DOI: 10.51962/2587-8042_2021_10_5
6. Gribkov, D.N. (2019) Zarubezhnyy opyt funktsionirovaniya universitetskikh elektronnykh bibliotek [Foreign experience in the functioning of university electronic libraries]. *Nauchnye i tekhnicheskie biblioteki*. 8. pp. 77–89. DOI: 10.33186/1027-3689-2019-8-77-89
7. Pavlova, E.V. (2020) Elektronnye informatsionnye resursy v kontekste razvitiya otkrytogo obrazovatel'nogo prostranstva Rossii [Electronic information resources in the context of the development of open educational space in Russia]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva*. 3 (108). pp. 189–197. DOI: 10.37972/chgpu.2020.108.3.022
8. Isaeva, T.E. (2020) Ispol'zovanie informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy v protsesse obucheniya inostrannym yazykam v vuze: metodologicheskii aspekt [The use of information and communication technologies in the process of teaching foreign languages at university: a methodological aspect]. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*. 3 (71). pp. 111–117. DOI: 10.24158/spp.2020.3.17
9. Zaki, M. (2019) Digital transformation: harnessing digital technologies for the next generation of services. *Journal of Services Marketing*. 4 (33). pp. 429–435.
10. Benavides, L.M.C. et al. (2020) Digital transformation in higher education institutions: A systematic literature review. *Sensors*. 11 (20). pp. 32–91.
11. Abad-Segura, E. et al. (2020) Sustainable management of digital transformation in higher education: Global research trends. *Sustainability*. 5 (12). Art. 2107.
12. Petrovskiy, A.M., Balanova, S.A. & Kuznetsova, I.A. (2023) Vozmozhnosti elektronnykh biblioteknykh sistem v organizatsii nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti [Possibilities of electronic library systems in the organization of research activities]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 78–4. pp. 146–151.
13. Maslova, I., Burdina, G. & Krapotkina, I. (2020) The use of electronic educational resources and innovative educational technologies in university education. *International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET)*. 16 (15). pp. 68–79.
14. Iivari, N., Sharma, S. & Ventä-Olkkonen, L. (2020) Digital transformation of everyday life—How COVID-19 pandemic transformed the basic education of the young generation and why information management research should care? *International journal of information management*. 55. pp. 102–183.
15. Bulatova, I.S. (2011) Kachestva znaniy kak sokhranyaemye modeli soderzhaniya obrazovaniya pri obuchenii v vuze [Quality of knowledge as preserved models of educational content during university education]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 3. pp. 171–174.
16. БУКАП. (n.d.) *Spravka* [Help]. [Online] Available from: <https://www.books-up.ru/ru/>. (Accessed: 15.09.2022).
17. Kukushkina, E.A., Samosudova, L.V. & Eremkina, N.V. (2021) Preimushchestva i nedostatki elektronnoy obucheniya vo vremya pandemii [Advantages and disadvantages of e-learning during a pandemic]. *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*. 1 (12). pp. 55–60.
18. Shrayberg, Ya.L. (2020) Tsifrovizatsiya i ustoychivoe razvitie obshchestva: rol' bibliotek v realiyakh segodnyashnego dnya [Digitalization and sustainable development of society: the role of libraries in today's realities]. In: Bychkova, E.F. (ed.) *Biblioteki. Ekologiya. Ustoychivoe razvitie* [Libraries. Ecology. Sustainable development]. Moscow: Russian National Public Library for Science and Technology. pp. 5–7. DOI: 10.33186/978-5-85638-226-5-2020-5-7
19. Tokareva, S.B. & Gorina, T.S. (2017) Nauchno-prosvetitel'skie praktiki v usloviyakh informatsionnoy tekhnologizatsii intellektual'noy sredy [Scientific and educational practices in the context of information technology of the intellectual environment]. *Logos et Praxis*. 4 (16). pp. 23–30.

DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2017.4.3

20. Akhmedov, E.R. (2019) Use of Interactive Electronic Educational Resources in Professional Training of Students of Vocational Education. *European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences*. 12 (7). pp. 1–5.
21. Assotsiatsiya meditsinskikh bibliotek [Association of Medical Libraries]. (n.d.) *Analitika* [Analytics]. [Online] Available from: <https://amedlib.ru/analitika-2/>. (Accessed: 19.09.2022).

Информация об авторах:

Красноярцева О.М. – д-р психол. наук, зав. кафедрой общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: krasnoo@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1549-9994

Яковлев И.С. – соискатель кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: yak-marketing@ya.ru. ORCID: 0009-0006-3133-761X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.M. Krasnoryadtseva, Dr. Sci. (Psychology), head of the Department of General and Pedagogical Psychology, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: krasnoo@mail.ru. ORCID: 0000-0003-1549-9994

I.S. Yakovlev, external postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: yak-marketing@ya.ru. ORCID: 0009-0006-3133-761X

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.11.2023;
одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 07.11.2023;
approved after reviewing 14.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

Научная статья
УДК 373.2
doi: 10.17223/15617793/496/3

Технологические возможности введения старших дошкольников в мир профессий

Елена Александровна Петраш¹, Инна Васильевна Прадун²

^{1, 2} Псковский государственный университет, Псков, Россия

¹ vea2005@mail.ru

² inna_62@mail.ru

Аннотация. Представлены материалы исследования по формированию представлений старших дошкольников о профессиях в виде адаптированной информации, способной вызвать познавательный и практический интерес. Выявлены педагогические условия знакомства с профессиями детей старшего дошкольного возраста посредством использования интерактивных технологий workshop, «интерактивная книга», «родительская (онлайн) конференция». Доказана эффективность интерактивных технологий в процессе «погружения» детей старшего дошкольного возраста в мир профессий.

Ключевые слова: профессия, технология, интерактивная технология, интерактивная книга, workshop, родительская конференция

Для цитирования: Петраш Е.А., Прадун И.В. Технологические возможности введения старших дошкольников в мир профессий // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 23–32. doi: 10.17223/15617793/496/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/3

Technological possibilities of introducing older preschoolers into the world of professions

Elena A. Petrash¹, Inna V. Pradun²

^{1, 2} Pskov State University, Pskov, Russian Federation

¹ vea2005@mail.ru

² inna_62@mail.ru

Abstract. The main goal of modern education is to create conditions for the development of a child as an individual capable of self-determination, including the professional one. Readiness is characterized by motivation for socially useful work activities, the ability to make an informed choice of a particular profession based on knowledge about the labor market. The modern world is developing, and there emerge new, unfamiliar and previously irrelevant areas of work, about which both children and adults have no clear ideas. The topic of early acquaintance with professions is relevant – society is constantly changing and developing, influencing people's professional activities. The ideal age for the formation of orientation in the world of professions is preschool: children get acquainted with the labor functions of people, think about a future profession, begin to dream and fantasize about what they will become when they grow up. Children willingly absorb information about the world of professions and choose the desired role in the game. In play activities, children imitate adults' behavior, reproduce their actions, "trying on" the roles of a teacher, driver, doctor, salesman, etc. Preschoolers vividly express their emotions, trying to imitate the actions of people in different professions, and often come up with various scenarios for performing professional roles themselves. Preschoolers' interest in certain roles, games, types of work and professional activities indicates the first manifestations of "professional orientation" that influence the development of the child's personality. Currently, older preschoolers' "immersion" in the world of professions occupies a large place in the organization of the educational process. A large amount of research is being conducted on this topic, new educational technologies are emerging, which teachers use in various forms. Interactive technologies can be an undoubted help for teachers and educators: workshops, "interactive books, parent conferences. Kindergarten teachers are faced with the task of organizing the educational process so that it becomes cognitive, creative, and forms children's positive attitude to and interest in professions. The result of such work will be the successful activities of children and in-demand knowledge about professions in the future.

Keywords: profession, technology, interactive technology, game, workshop, interactive book, parent conference

For citation: Petrash, E.A. & Pradun, I.V. (2023) Technological possibilities of introducing older preschoolers into the world of professions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 23–32. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/3

Актуальность исследования. В рамках преемственности по профориентации дошкольная образовательная организация (ДОО) является первоначальным уровнем единой непрерывной системы образования. Детский сад – первая ступень формирования базовых знаний о профессиях: дети знакомятся с миром современных профессий, элементарные знания помогают им расширить познания о работе взрослых, определить основные трудовые функции каждой профессии. Обращение педагога с детьми к миру профессий, знакомство с их особенностями, многообразием и различиями требует особых технологий, использование которых будет создавать необходимую базу для дальнейшего самоопределения детей в мире в специально созданных условиях в дошкольной образовательной организации.

Особенность работы ДОО в данной области с детьми старшего дошкольного возраста заключается в систематизированном подходе к организации образовательного процесса, который включает в себя трудовое воспитание подрастающего поколения, а также знакомство с различными видами профессиональной деятельности взрослых в современном обществе. Реализовать данный подход педагог может как во время спланированной образовательной деятельности, так и во время свободной деятельности детей: игры и беседы в группе, на прогулке, общение со сверстниками и взрослыми вне стен детского сада.

Трудовое воспитание является неотъемлемой частью процесса первичного знакомства с профессиональной деятельностью взрослых детей старшего дошкольного возраста. Оно включает в себя воспитание базовых качеств, необходимых личности для успешной трудовой деятельности в будущем: трудолюбие, ответственное и уважительное отношение к своему и чужому труду, орудиям и результатам трудовых действий, формирование интереса к поручениям и др. При знакомстве старших дошкольников с миром профессий целесообразно использовать элементы трудового воспитания, подкрепляющиеся профессиональным информированием, а именно передачей детям знаний о современном рынке труда и разнообразии профессий, подающихся в ненавязчивой форме, в виде доступной информации, вызывающей познавательный и практический интерес. Таким образом, трудовое воспитание и информирование о мире профессий является для старшего дошкольника одной из ступеней к успешной профессиональной жизни в будущем.

В Федеральном законе Российской Федерации «Об образовании в Российской Федерации» в ст. 42 указывается на обязанность педагога осуществлять помощь обучающимся в профориентации, получении профессии и социальной адаптации [1]. В Федеральном государственном образовательном стандарте дошкольного образования в ст. 4.6 говорится, что к целевым ориентирам дошкольного образования относятся: стремление ребенка к общению со взрослыми и активное подражание им в движениях и действиях; появление игр, в которых ребенок воспроизводит действия взрослого, установка ребенка на положительное отношение к миру, к разным видам труда, в том числе профессиональному труду [2].

Различные аспекты проблемы знакомства детей старшего дошкольного возраста с миром профессий представлены в психолого-педагогических работах. Исследователи раскрывают данное понятие через различные дефиниции: «профессия», «профессиональное самоопределение», «профессиональная ориентация» [3–5]. Однако в современных психолого-педагогических исследованиях недостаточно представлено описание использования интерактивных технологий как механизма «погружения» дошкольников в мир профессий.

Цель исследования: теоретически обосновать и эмпирически определить эффективность интерактивных технологий в процессе знакомства детей старшего дошкольного возраста с миром профессий.

В соответствии с целью были сформулированы следующие задачи:

1. Определить интерактивные технологии, способствующие эффективному освоению старшими дошкольниками особенностей профессий в условиях дошкольной образовательной организации.
2. Выявить критерии и показатели, уровни представлений старших дошкольников о профессиях, орудиях труда и особенностях работы людей разных профессий.
3. Апробировать интерактивные технологии для введения старших дошкольников в мир профессий.

Теоретико-методологические подходы, которые позволяют сформировать целостное представление об организации эффективной работы по освоению старшими дошкольниками особенностей профессий в условиях дошкольной образовательной организации:

- системно-деятельностный подход рассматривает старший дошкольный возраст как начальный этап знакомства с содержанием труда представителей разных профессий с последующим усложнением посредством включения детей в совместную деятельность (педагог + дети, ребенок + ребенок, педагог + педагог, педагог + ребенок + родители) по освоению основ профессии через погружение в различные виды активности, отражающие профессиональные особенности;

- событийный подход представляет интерактивные формы знакомства с профессиями старших дошкольников как совместную творческую деятельность, превратившуюся в событие, т.е. в совместное проживание действительности, позволяющее реализовывать содержательное общение на доступном ребенку уровне понимания.

Проведенный анализ научных источников [6–9] показывает, что в большинстве случаев знакомство старших дошкольников с профессиональной деятельностью взрослых сводится к раннему профессиональному воспитанию, а именно формированию у ребенка интереса и мотивации к труду, воспитанию в нем трудолюбия и ознакомлению детей с трудом. В то же время специфика труда ребенка состоит в том, что он тесно связан с игрой, которая выступает ведущим видом деятельности и создает «зону ближайшего развития» ребенка [10]. Объединяет их потребность принимать активное участие в жизни взрослых и стремление к самостоятельности. Д.Б. Эльконин отмечает, что «Сущность детской игры заключается в выполнении

какой-нибудь роли. Разыгрывая роль, дошкольник в своем воображении изменяет все окружающее, и оно получает тот вид и смысл, который в данный момент требуется этой ролью» [11. С. 20]. Знакомство с трудом взрослых, выполнение элементарных трудовых обязанностей и поручений формирует у детей представление о профессиях, появляются первые профессиональные предпочтения, намечаются профессиональные интересы. В процессе профессионального информирования ребенка в ходе трудовой и игровой деятельности старший дошкольник приобретает широкий круг представлений о мире профессий, основываясь на полученных знаниях и наблюдениях за действиями взрослых, в символической форме пытается проиграть действия представителей различных профессий (водитель, повар, врач, учитель и др.). Отдельные элементы профессиональной деятельности ребенку трудно понять, но в каждой профессии есть область, которую можно представить с помощью наглядных образов, впечатлений, конкретных ситуаций из жизни, историй. Н.Н. Захарова [12] подчеркивает, что данная деятельность способствует не только формированию у ребенка эмоционального отношения к профессиональному миру, но предоставляет ему возможности использовать свои силы в доступных видах деятельности.

Главное место в организации «путешествия» в мир современных профессий занимают словесные и наглядные методы. Важно организовать в ДОО развивающую предметно-пространственную среду, включающую художественную литературу, энциклопедии, книжки – игрушки о профессиях; картотеку пословиц и поговорок, загадок, стихов и песен о труде, профессиях и орудиях труда; иллюстрации, раскраски, картины о профессиях в уголке изобразительной деятельности; видеотеку фильмов, мультфильмов, видеороликов о новых и необычных профессиях; материалы и атрибуты для оборудования сюжетно-ролевых игр, связанных с профессиями взрослых.

Деятельность педагогов должна учитывать возрастные этапы «погружения» детей в мир профессий [13]. В работе с детьми старшего дошкольного возраста в данной сфере И.С. Маматова с соавторами [14] предлагает придерживаться определенного алгоритма:

- приближение детей к труду взрослых;
- ознакомление детей с трудом взрослых;
- совместная деятельность детей и взрослых.

По данным исследования, проведенного А.Н. Белоус [15], старший дошкольник обычно называет от 4 до 15 профессий, причем проявляются половые различия: мальчики больше знакомы с героико-хозяйственными, а девочки – с помогающими и обучающими профессиями. Сложным процессом для детей является осознание труда взрослых, его общественную значимость они выделяют в деятельности конкретных людей, профессии которых им знакомы. Старшие дошкольники знают орудия труда, необходимые людям многих профессий, могут описать процесс труда и выделить качества, соответствующие людям разных специальностей («капитан должен быть смелым и мужественным»).

Практика освоения основ профессий должна стать систематической не только в дошкольной образовательной организации, но и в семье. Целесообразно [16]:

- побуждать близких взрослых знакомить детей с домашним и профессиональным трудом родителей, показывать его результаты, обращать внимание на отношение членов семьи к труду;
- развивать интерес к совместной деятельности по изучению трудовых традиций, сложившихся в семье;
- ориентировать родителей на совместное с ребенком чтение литературы, посвященной миру профессий, труду, просмотр соответствующих художественных и мультипликационных фильмов.

Представление о профессиях у старшего дошкольника в первую очередь ассоциируется с трудом самых значимых взрослых – родителей. В.И. Логинова [17], И.В. Кларин [18] выделяют ряд критериев и показателей сформированности у старших дошкольников представлений о труде взрослых:

- полнота (или объем знаний) – многообразие профессий и их сторон;
- существенность знаний – выделение существенного в труде взрослых;
- общность знаний – выявление общественной значимости каждой профессии, объективных связей между профессиями (отражается в обобщенных представлениях, элементарных знаниях);
- системность знаний – познание обобщенной структуры трудового процесса, ее целостное рассмотрение, воспроизводящее содержание и структуру трудового процесса.

Старший дошкольный возраст рассматривается как этап раннего «погружения» и освоения мира взрослых профессий, требующий особых образовательных технологий, представляющих собой совокупность психолого-педагогических установок, определяющих специальный набор и компоновку форм, методов способов, приемов обучения, воспитательных средств [19].

В классификациях современных образовательных технологий важное место занимают интерактивные технологии. Понятие «интерактивный» происходит от английского «interaction» – взаимодействие. Согласно представлениям И.В. Плаксиной, субъекты такого взаимодействия находятся «в одном смысловом пространстве, совместном погружении в проблемное поле решаемой задачи, согласованности в выборе средств и методов реализации решения задачи; совместном вхождении в близкое эмоциональное состояние, переживании созвучных чувств, сопутствующих преодолению проблемы» [20. С. 21].

Интерактивная технология как структура подразделяется на отдельные уровни:

1. Организационный – организация и реализация деятельности.
2. Методический – отдельные методы, приемы, способы и элементы технологии.
3. Формообразующий – целесообразные формы обучения и организации деятельности.
4. Творческий – возможность педагога самостоятельно проектировать педагогическую технологию,

отвечающую современным требованиям науки и общества.

Нами были определены следующие интерактивные технологии, способствующие эффективной ориентации старших дошкольников в мире профессий в условиях ДОО: «workshop», «интерактивная книга», «родительская (оффлайн, онлайн) конференция».

«Workshop» (в пер. с англ. – мастерская) – «учебное мероприятие, на котором участники учатся, прежде всего, благодаря собственной активной работе. Даже необходимые теоретические “вкрапления”, как правило, кратки и играют незначительную роль. В центре внимания находится самостоятельное обучение участников и интенсивное групповое взаимодействие» [21. С. 13].

Ю.Н. Крайнова отмечает, что «в современном образовании “workshop” – короткий интенсивный курс, одно или несколько занятий, в процессе которых акцент ставится на взаимодействии и обмене информацией между участниками. “Workshop” – это метод обучения, который основан на изучении практических аспектов какого-либо вопроса. Это некая мастерская, где профессионал делится своим мнением и опытом, но также инициирует процесс обмена мнениями с помощью вовлечения участников в обсуждение проблематики» [22. С. 105].

Функция педагога, воспитателя в организации и реализации «workshop» в группе детского сада заключается не только в предоставлении материала, но и в активизации деятельности детей в процессе взаимодействия между ними для поиска решения.

Ю.Н. Крайнова [22] выделяет следующие алгоритмические этапы данной технологии:

- определение темы мероприятия;
- формулировка цели, задач и планирование ожидаемых результатов;
- подбор упражнений для начала занятия с целью эмоционально-положительного настроения детей;
- выбор методов и приемов для разделения коллектива на подгруппы или команды (при необходимости);
- сбор теоретического материала;
- подбор интерактивных практических игр и заданий для закрепления материала;
- рефлексия.

Опыт использования технологии «workshop» в процессе формирования представлений о профессиях у старших дошкольников находим в исследованиях разных авторов. Например, вот как его описывает Е.А. Колесникова: «на первом этапе детям представляется проблема – появился дом для кукол, но он совсем пустой и неудобный. Когда от детей поступило много предложений о том, как можно преобразовать дом, чтобы куклам понравилось, и на основе этих предложений было выделено четыре направления работы в мастерской:

1. “Мастерская дизайнеров интерьера”. Профессии – дизайнер интерьера, колорист, багетный мастер. Дети погружаются в творческие профессии: дизайнеры составляют проект интерьера помещений дома, подбирают материалы, интересные цветовые сочетания; ко-

лористы, смешивая различные цвета, подбирают нужные оттенки; багетные мастера создают рамки для картин и фотографий из разных материалов и декорируют их.

2. “Мастерская по ремонту жилья”. Профессии – маляр, плиточник, электрик. Дети знакомятся с орудиями труда и процессом работы данных специалистов. С помощью специальных инструментов, материалов и схем дети занимаются внутренней отделкой дома по составленному проекту: подбирают и клеят обои, застилают пол плиткой, декорируют участки дома и т.д.

3. “Мастерская плотника”. Профессия – плотник. В данной мастерской дети с помощью заготовок и специальных инструментов занимаются конструированием и сборкой мебели для комнат в доме.

4. “Швейная мастерская”. Профессии – швея, кройщик, вышивальщица. Выполняя роли людей данных профессий, дети совместными усилиями изготавливают предметы домашнего текстиля: скатерти, постельное белье, одеяла, занавески и т.д.» [23. С. 86].

Работа детей в мастерских способствует развитию привычки к трудовому усилию и способности работать в коллективе, использовать различные орудия труда. Возможность почувствовать свою значимость, выполняя «взрослые» трудовые функции, вызывает у детей восторг, гордость за себя, а также понимание, что труд каждого человека приносит пользу обществу.

В условиях включения цифровых технологий в образовательное пространство детского сада стало возможным применение технологии «интерактивная книга». Интерактивная книга – мультимедийный продукт, который включает в себя текст, иллюстрации, интерактивные элементы, видео- или аудиофайлы. Преимущество интерактивных книг заключается в оформлении электронного издания в привычном формате (книга), одновременной передаче аудиовизуальной информации, возможности ее размещения в социальных сетях (специально созданная электронная библиотека), использовании мультимедийных элементов и привлекательной видеoinформации, отсутствии затрат на публикацию.

Интерактивные книги «Тропинки в мир профессий» для старших дошкольников могут быть выполнены на основе:

– адаптации книг разных жанров известных русских и зарубежных авторов о мире профессий и людях труда;

– создания авторских изданий в электронном формате. Над созданием книги может работать целая команда: педагог, дети и их родители: концепт-мейкеры, дизайнер, иллюстратор, аниматор, программист, композитор и многие другие. Представим примерный алгоритм ее проработки: утверждается концепция книги (сюжет интересной истории с играми и анимацией), разрабатывается сценарий для детей старшего дошкольного возраста (небольшой объем для восприятия, например одна страница на одно прочтение – короткие тексты, насыщенные действиями и диалогами), продумывается дизайн оформления страниц, игр. Интерактивная книга – это захва-

тывающая история (веселая и одновременно познавательная) с задачами и играми, способствующая закреплению темы, материала.

Важно реализовывать взаимодействие дошкольной образовательной организации с родителями в вопросах ориентации старших дошкольников в мире профессий в различных формах. Одной из таких форм может служить технология «родительская конференция». Конференция – особая форма собрания определенных лиц с целью выдвижения и обсуждения различных тем, вопросов и проблем. «Родительская конференция» является уникальным средством сотрудничества между детьми, родителями и педагогами детского сада. Использование такой технологии позволяет включать родителей в образовательную деятельность ДОО, дает возможность участия в жизни группы, почувствовать себя в роли педагога во время взаимодействия с большим сообществом детей, а также поделиться с воспитанниками собственным опытом и расширить их круг знаний и умений в различных областях. Организация родительских конференций способна решать следующие задачи:

- предоставление родителям возможности индивидуального или совместного с ребенком публичного выступления в группе детского сада;
- возможность поделиться с детьми знаниями о профессии взрослого, опытом работы в определенной сфере;
- приобретение дошкольниками новых знаний и умений в различных областях труда взрослых;
- расширение круга предпочтений ребенка при выборе будущей сферы деятельности или профессии;
- вовлечение воспитанников в поисковую, исследовательскую, изобретательскую или иную творческую деятельность в различных областях.

Родительская конференция может организовываться в следующем формате: взрослый самостоятельно или с ребенком рассказывает о своей профессии, делится интересными фактами или историями о своей деятельности, в форме игры дает возможность

детям почувствовать себя человеком конкретной профессии, воспользоваться орудиями труда, произвести определенные трудовые операции. В результате таких конференций у детей не только расширяются знания и представления о профессии, но и появляется первый опыт выполнения трудовых функций, формируется бережное отношение к продуктам и результатам труда, уважение к труду людей и их профессиям, представление о значимости каждой сферы деятельности. Одной из форм интерактивного взаимодействия с родителями дошкольников является организация онлайн-конференций.

Использование современных образовательных технологий позволяет сопровождать детей старшего дошкольного возраста, расширяя представления о труде взрослых, орудиях труда и трудовых функциях, о роли профессий в жизни общества. Это помогает облегчить детям будущий выбор профессии, основываясь на собственных предпочтениях, умениях, склонностях и интересах. В дальнейшем такие дети могут стать востребованными и важными для общества профессионалами в различных сферах.

Методы и организация исследования. Исследование проведено на базе муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад общеразвивающего вида с приоритетным осуществлением познавательно-речевого развития воспитанников № 25 “Золотой ключик”», г. Псков. В статье представлены данные исследования за 2022/23 учебный год с участием детей двух подготовительных групп (6–7 лет). Характеристика исследуемых выборок: 22 ребенка старшего дошкольного возраста, родители детей подготовительной группы и 10 практикующих педагогов ДОО.

На следующем этапе исследования нами был подобран комплекс взаимодополняющих диагностических методик, которые позволили не только выявить имеющийся уровень знаний старших дошкольников о профессиях, но и степень включенности родителей в данный процесс и готовность педагогов применять современные практики создания развивающей предметно-пространственной среды (табл. 1).

Таблица 1

Методики диагностического исследования

Методика исследования	Исследуемые характеристики	Уровни и показатели
Диагностическая методика Е.И. Радиной [24] «Индивидуальная беседа с ребенком “Что значит трудиться”»	Выявление уровня имеющихся у детей представлений о труде и его значимости	<i>Высокий:</i> ребенок имеет четкое представление о содержании труда, отношении к труду; может рассказать о деятельности людей в связи с их профессиями. <i>Средний:</i> ребенок имеет неполное представление о содержании труда; может рассказать о значении труда в жизни человека по вопросам педагога. <i>Низкий:</i> ребенок затрудняется рассказать о значении труда в жизни человека даже по вопросам педагога
Диагностическая методика «Профессии» Л.Е. Смирновой [25]	Определение уровня накопленных у старших дошкольников знаний по теме «Профессии» на примере 12 профессий взрослых	<i>Высокий:</i> ребенок правильно отвечает, дает развернутый ответ, представляя профессию. <i>Средний:</i> ребенок правильно отвечает на вопросы, но не может их пояснить, не дает развернутого ответа, отвечает неточно при определении характеристики профессии. <i>Низкий:</i> ребенок дает неправильный ответ, не отвечает, не соотносит профессию и ее особенности
Диагностическая методика Е.И. Медведковой [26] «Что такое профессия»	Выявление уровня представлений старших дошкольников о профессиях, орудиях труда и процессе работы людей разных профессий	<i>Высокий:</i> ребенок устанавливает связи между мотивом, целью, результатом труда и физическими усилиями человека, может объяснить, чем заняты родители с помощью приобретенных ранее представлений.

Методика исследования	Изучаемые характеристики	Уровни и показатели
		<i>Средний:</i> ребенок с помощью педагога устанавливает связи между мотивом, целью, результатом труда и физическими усилиями человека; может объяснить, чем заняты родители с помощью приобретенных ранее представлений, опираясь на помощь педагога. <i>Низкий:</i> ребенок знает названия профессий, но затрудняется в обосновании значимости разных видов труда, установлении связи между ними; не может объяснить, чем заняты родители, с помощью приобретенных ранее представлений, даже с помощью педагога
Анкетирование на тему «Моя роль в подготовке ребенка к труду и выбору профессии»	Определение уровня вовлеченности родителей в процесс подготовки к знакомству детей старшего дошкольного возраста с профессиями	<i>Высокий:</i> стремление активно научить ребенка полезным трудовым умениям и навыкам, помочь проявлять себя, свои интересы, склонности, способности, расширять кругозор. <i>Средний:</i> наличие понимания важности семейного воспитания в подготовке ребенка к труду, но есть резервы для более активного участия в трудовом воспитании своего ребенка. <i>Низкий:</i> недостаточно внимания уделяется трудовому воспитанию сына (дочери) в подготовке его к жизни
Анкетирование практикующих педагогов ДОО	Выявление мнения воспитателей о проводимой в детском саду работе по формированию представлений о профессиях у детей старшего дошкольного возраста	

Итоги анкетирования родителей старших дошкольников позволили нам сделать вывод о том, что большинство (30% – высокий и 60% – средний уровень) родителей стремятся активно освоить с ребенком трудовые умения и навыки, помогают ребенку развивать его способности и определять интересы, рассказывают о профессиях взрослых, в том числе о своей, расширяя его кругозор.

С целью изучения опыта и выявления мнения о проводимой работе по приобщению старших дошкольников к будущей профессиональной деятельности нами было организовано анкетирование воспитателей ДОО. Результаты представлены в следующих положениях:

- 100% педагогов (9 человек) считают необходимым проведение работы по данной проблеме в ДОО, а также планируют провести или уже проводят различные мероприятия;

- среди психологических особенностей детей, которые необходимо учитывать в ходе знакомства с профессиями, воспитатели (67%) чаще всего называли

возрастные и индивидуальные, а также особенности темперамента и характера детей;

- в данном направлении работы наиболее эффективными методами педагоги (100%) считают различные игровые, словесные, наглядные и практические методы, а также рекомендуют большое количество литературных произведений для изучения совместно с детьми;

- обязательным условием успешного «погружения» в мир профессий (100%) воспитатели считают взаимодействие с семьями воспитанников, а также различными специалистами, в том числе с помощью организации встреч с людьми разных профессий;

- 56% педагогов (5 человек) указали на то, что нуждаются в дополнительном информировании.

На констатирующем этапе представлено распределение старших дошкольников по уровням представлений о профессиях и их особенностях (табл. 2).

Таблица 2

Результаты исследования изменений представлений старших дошкольников о профессиях, орудиях труда и особенностях работы людей разных профессий, %

Методики	Диагностическая методика Е.И. Радиной «Индивидуальная беседа с ребенком «Что значит трудиться»»		Диагностическая методика «Профессии» Л.Е. Смирновой		Диагностическая методика Е.И. Медвецкой «Что такое профессия»	
Уровни	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Высокий	–	–	–	–	9	9
Средний	82	73	27	19	73	73
Низкий	18	27	73	81	18	18

По итогам педагогической диагностики и проведенного анализа полученных результатов можно сделать вывод, что у старших дошкольников в экспериментальной и контрольной группах преобладает средний уровень представлений, т.е. дети могут рассказать о значении труда в жизни человека, но только по во-

просам педагога, а также имеют неполные представления о содержании труда. Также у них преобладает низкий уровень представлений по теме «Профессии», т.е. дети не осведомлены об орудиях труда, профессиональных функциях и личностных качествах представителей различных профессий. Дошкольники с помощью

педагога могут установить связи между мотивом, целью, результатом труда и физическими усилиями человека, а также рассказывать о профессиях своих родителей. В исключительных случаях респонденты самостоятельно делятся собственными профессиональными предпочтениями.

Поэтому на базе муниципального бюджетного дошкольного образовательного учреждения «Детский сад общеразвивающего вида с приоритетным осуществлением познавательно-речевого развития воспитанников № 25 “Золотой ключик”» нами была принята попытка реализовать педагогические условия с применением итеративных технологий, способствующих эффективному освоению старшими дошкольниками особенностей профессий в условиях дошкольной образовательной организации.

В подготовительной группе детского сада был создан «Центр профессии», который представлял собой не просто информационное пространство, содержащее материалы для детей о различных профессиях, но и ролевое пространство.

Для работы с родителями были организованы онлайн-конференции «Моя профессия», в ходе которых они совместно с детьми создали интерактивную книгу «Тропинки в мир профессий», посредством которой дети познакомились с профессиями родителей через занимательные истории о труде взрослых, увлекательные задания, побуждающие интерес к особенностям, орудиям и результатам труда, а также трудовому процессу людей различных профессий.

Повышению уровня имеющихся представлений о профессиях взрослых способствовал открытый в подготовительной группе ДОО кружок «ПРОФЕССИОНАЛ». Занятия в кружке проводились с использованием интерактивной технологии «workshop» один раз в неделю во второй половине дня для респондентов экспериментальной группы, а также всех желающих детей подготовительной группы. На занятиях ребята знакомились с особенностями таких профессий, как медсестра, библиотекарь, парикмахер, специалист по рекламе, инспектор ГИБДД, инструктор по йоге, писатель и др.

На первом занятии детям был представлен макет пустого города, сопровождающийся легендой: «Знаете ли вы, в какой стране мы все живем? В России живет много людей, у каждого человека своя жизнь: дела, семья, увлечения, работа. Чтобы людям было комфортно жить, строится много городов: есть маленькие города, в них почти все люди знают друг друга и дружат. В России много больших городов, в них у людей есть друзья, коллеги и знакомые, но также есть и незна-

комцы. А есть огромные города, а которых живут миллионы людей, знакомых и незнакомых друг другу. Как же выглядит город, который только строится? Он совсем пустой, в нем нет зданий, парков, машин – совсем ничего. Скажите, можно ли жить в таком городе? У нас с вами есть замечательная возможность создать свой город и сделать его таким, чтобы людям было комфортно жить в этом городе, они ухаживали за ним и любили его».

Дети решали, какие профессии нужны в этом городе, как его обустроить. Каждое занятие имело свою тему, посвященную конкретной профессии, в рамках которой ребята пробовали в себя в роли человека определенной сферы деятельности, а также приобретали навыки профессиональной деятельности. В конце занятия по заготовкам создавались здания, которые располагались на макете. На последнем занятии старшим дошкольникам предлагалось украсить город растительностью, придумать названия улиц и самого города.

Во время занятий в кружке с использованием технологии «workshop» у детей не только оттачиваются навыки продуктивной деятельности (рисование, раскрашивание, работа с ножницами, клеем и бумагой, картоном), развивается воображение, навыки коллективной деятельности, но и расширяется круг представлений о различных профессиях людей, их значимости для всего общества. В процессе коллективной работы в мастерской осваиваются трудовые действия, свойственные людям из различных сфер деятельности. По итогам работы кружка у воспитанников получился макет города «Мастерград», созданный совместными усилиями детей подготовительной группы.

На контрольном этапе эксперимента со старшими дошкольниками экспериментальной и контрольной группы были повторно проведены диагностические методики: на выявление уровня имеющихся представлений о содержании труда, об отношении к труду и его значимости Е.И. Радиной «Индивидуальная беседа с ребенком “Что значит трудиться”», «Профессии» Л.Е. Смирновой, направленная на определения уровня накопленных представлений у детей старшего дошкольного возраста по теме «Профессии», на выявление уровня представлений старших дошкольников о профессиях, орудиях труда и процессе работы людей разных профессий Е.И. Медвецкой «Что такое профессия».

Результаты контрольного этапа опытно-экспериментальной работы по выявлению уровня имеющихся представлений старших дошкольников о содержании труда, отношении к труду и его значимости представлены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты исследования изменений представлений старших дошкольников о профессиях, орудиях труда и процессе работы людей разных профессий, %

Методики	Диагностическая методика Е.И. Радиной «Индивидуальная беседа с ребенком “Что значит трудиться”»		Диагностическая методика «Профессии» Л.Е. Смирновой		Диагностическая методика Е.И. Медвецкой «Что такое профессия»	
	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Экспериментальная группа	Контрольная группа	Экспериментальная группа	Контрольная группа
Высокий	37	–	37	–	45	9
Средний	63	73	63	27	55	64
Низкий	–	27	–	73	–	27

Результаты контрольного этапа показали, что в экспериментальной группе появилось определенное количество детей с высоким уровнем имеющихся представлений о труде, его значимости и отношений к нему. Как и на констатирующем этапе, в экспериментальной группе количество респондентов со средним уровнем представлений преобладает, но на момент контрольной диагностики не осталось детей с низким уровнем.

Данные по методике Л.Е. Смирновой показали, что в экспериментальной группе старшие дошкольники имеют более высокие результаты по сравнению с констатирующим этапом, не осталось детей с низким уровнем, а также появились воспитанники с высоким уровнем. При этом преобладающим в экспериментальной группе остался средний уровень. В контрольной группе показатели почти не изменились, большинство ответов детей характеризуются низким уровнем представлений, и лишь у небольшой части (3 человека – 27%) уровень имеющихся представлений характеризуется как средний.

Проведенное с детьми старшего дошкольного возраста опытно-экспериментальное исследование позволило отметить качественные и количественные изменения в имеющихся представлениях о профессиях, что позволяет нам сделать вывод о том, что использование интерактивных технологий эффективно.

Заключение. Профориентация в настоящее время является важным направлением работы не только общеобразовательных организаций, но и дошкольных образовательных учреждений, где возможно «первое знакомство» ребенка с миром профессий, повышение уровня имеющихся у него представлений по этой теме и развитие необходимых ему трудовых навыков. Все это формирует основу для дальнейшего самоопределения и саморазвития ребенка в сфере профессиональной деятельности. Организовывать процесс «погружения» в мир профессий необходимо при взаимодействии трех сторон: родитель – педагог – ребенок. Каждый из субъектов играет важную роль в организации комплексного освоения дошкольником мира труда взрослых. Знакомство с профессиями взрослых представляет собой подготовительный этап к самостоятельной жизни «будущего взрослого» в обществе. Для этого старший дошкольник должен обладать установкой положительного отношения к миру, к людям и самому себе, а также к различным видам труда. Необходимо способствовать становлению таких качеств личности, как трудолюбие, самостоятельность, ответственность, инициативность и уважительное отношение ко всему окружающему, которые начинают формироваться и развиваться в дошкольном возрасте и продолжают модифицироваться в течение всей жизни.

Знакомство с профессиональным миром взрослых не направлено на выбор детьми старшего дошкольного возраста будущей профессии, однако оно дает возможность приобрести необходимые знания, умения и навыки для будущей жизни, что позволяет решать множество педагогических задач:

- социализация старших дошкольников;
- трудовое воспитание;

– познавательное развитие (приобретение широкого диапазона знаний о людях, объектах живой и неживой природы и в целом о мире);

– развитие психических познавательных процессов (память, внимание, мышление, воображение и др.);

– обогащение пассивного и активного словаря ребенка;

– становление различных качеств личности и многое другое.

Старший дошкольный возраст является идеальным для начала работы по знакомству с профессиональной деятельностью взрослых, которое включает в себя формирование у детей интереса к труду и трудолюбию, а также передачу детям необходимой информации о мире профессий.

Игра – ведущий вид деятельности дошкольников, и именно в ней дети расширяют свой кругозор, учатся общаться, применять полученные знания и умения, и, конечно, в игре дошкольники примеряют на себя роли взрослых, в том числе профессиональные. Во время такой игры дети узнают о профессиях и делятся информацией друг с другом, приобретают навыки трудовой деятельности и такое важное качество личности, как трудолюбие. Ребенок трудится по собственному желанию, проявляя инициативу и творчество, испытывая яркие положительные эмоции, понимает общественную значимость результатов труда.

Целесообразно выделить алгоритм «погружения» детей старшего дошкольного возраста в мир профессий:

– развитие положительного отношения к труду, трудолюбию;

– создание развивающей предметно-пространственной среды профессиональной направленности;

– расширение представлений о труде взрослых;

– воспитание бережного отношения к труду взрослых и результатам труда;

– формирование представлений о необходимости трудовой деятельности;

– формирование желания выполнять трудовые действия представителей разных профессий.

Современно организованный процесс знакомства детей старшего дошкольного возраста с профессиональной деятельностью взрослых включает в себя большое количество традиционных и современных методов и форм обучения и воспитания: словесный, наглядный, практический, игровой, ИКТ-технологии, проектов, метод моделирования и т.д. Все эти методы должны использоваться в сочетании друг с другом для достижения наибольшего результата. Отдельное место в этом перечне занимают интерактивные технологии: «workshop», «интерактивная книга», «родительская (оффлайн, онлайн) конференция».

В ходе исследования были реализованы следующие педагогические условия введения старших дошкольников в мир профессий в ДОО:

1. Организован «Центр профессий» в подготовительной группе детского сада, который позволил не только привлечь внимание детей к теме труда и профессий, но и расширить их представления о мире современных профессий.

2. Разработан план работы родительских конференций, по его результатам совместно с родителями детей подготовительной группы создана интерактивная книга «Тропинки в мир профессий», позволившая дошкольникам познакомиться с профессиями родителей.

3. Организована работа кружка «ПРОФессИонал» для детей подготовительной группы в формате занятий с использованием интерактивной технологии

«workshop», в ходе которых они не только узнали об особенностях различных профессий, но и приобрели трудовые навыки, характерные для специалистов различных сфер. В результате работы кружка детьми под руководством педагога был создан макет города «Мастерград» с проживающими в нем представителями профессий, с которыми они познакомились.

Список источников

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» : от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ: с коммент. юристов компании «Гарант» к послед. изм. / сост. А.А. Кельцева, С.Е. Прыгунов. М. : Эксмо, 2023. 224 с.
2. Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования: приказы и письма Минобрнауки РФ / ред.-сост. Т.В. Цветкова. М. : ТЦ Сфера, 2023. 48 с.
3. Детский сад будущего: ранняя профессиональная ориентация детей дошкольного возраста : сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. 25 марта 2021 г. / ред. кол. Е.С. Александрова, М.С. Задворная, Е.Б. Ковалева, Ю.В. Лагутина, Ю.Ю. Петрова. СПб. : Изд-во СПб АППО, 2021. Вып. 9. 367 с.
4. Кубайчук Н.П. Вопросы ранней профориентации детей дошкольного возраста // Проблемы и перспективы развития образования : материалы VI Междунар. науч. конф. Пермь : Меркурий, 2015. С. 97–101.
5. Донецкая Л.В., Печегина Т.А., Худобина Ю.А. Формирование представлений о профессиях в ходе ранней профориентации дошкольников // Современная педагогика и психология: актуальные вопросы : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Чебоксары, 2021. С. 59–61.
6. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1969–1978. 640 с.
7. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Садовникова Н.О. Профориентология: теория и практика : учеб. пособие. М. : Академический проект ; Фонд «Мир», 2008. 192 с.
8. Магомедова М.Г. Профессиональное самоопределение личности // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 15. С. 26–30.
9. Красновский Л.И. Опыт ранней профориентации // Дошкольное воспитание. 1991. № 10. С. 39–44.
10. Выготский Л.С. Игра и ее роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. 1966. № 6. С. 62–76.
11. Эльконин Д.Б. Психология игры. М. : Владос, 1999. 360 с.
12. Захаров Н.Н. Профессиональная ориентация дошкольников. М. : Просвещение, 1988. 272 с.
13. Пасечникова Т.В. Профориентационная работа в условиях дошкольной образовательной организации : методическое пособие / под ред. С.В. Елькиной. Самара : Изд-во ЦПО, 2013. 45 с.
14. Маматова И.С., Литвинова Л.П., Рысаева Е.В. Ранняя профориентация дошкольников в ДОУ // Молодой ученый. 2021. № 21 (363). С. 399–401.
15. Белоус А.Н. К вопросу об особенностях представлений детей дошкольного возраста о труде взрослых // Проблемы формирования социально-психологической готовности личности к труду. 1981. С. 4–13.
16. Профориентационная работа в условиях дошкольной образовательной организации : методические рекомендации / авт.-сост.: Н.В. Скибневская. Барнаул : Алтайский краевой центр психолого-педагогической и медико-социальной помощи, 2020. 51 с.
17. Логинова В.И. К вопросу о программе ознакомления детей дошкольного возраста с трудом взрослых // Умственное воспитание детей дошкольного возраста. М., 1996. С. 142–153.
18. Кларин И.В. Инновационные поиски в мировой педагогике. Рига : Эксперимент, 1998. С. 43–47.
19. Лихачев Б.Т. Педагогика : курс лекций. М. : Владос, 2010. 56 с.
20. Плаксина И.В. Интерактивные образовательные технологии : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2023. 151 с.
21. Фопель К. Эффективный воркшоп. Динамическое обучение : пер. с нем. М. : Генезис, 2003. 368 с.
22. Крайнова Ю.Н. Современные технологии: метод workshop // Проблемы и перспективы развития образования в России. 2012. № 13. С. 105–109.
23. Колесникова Е.А. Организация детских мастерских как эффективный метод ранней профориентации детей старшего дошкольного возраста // Инновационное развитие профессионального образования. 2019. № 1 (21). С. 86–90.
24. Радина Е.И. Ознакомление детей с трудом взрослых. Воспитание дошкольников в труде / под ред. В.Г. Нечаевой. М. : Просвещение, 1994. 325 с.
25. Смирнова Л.Е. Профессиональная ориентация дошкольников. М. : Просвещение, 2011. 190 с.
26. Ранняя профориентация дошкольников: Пособие по ранней профориентации детей старшего дошкольного возраста / авт.-сост. Е.И. Медведская. М., 2015. 96 с.

References

1. Kel'tseva, A.A. & Prygunov, S.E. (eds) (2023) *Federal'nyy zakon "Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii" : ot 29 dek. 2012 g. № 273-FZ: s komment. yuristov kompanii "Garant" k posled. izm.* [On Education in the Russian Federation: Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012: with commentary by lawyers of the company Garant to the last changes]. Moscow: Eksmo.
2. Tsvetkova, T.V. (ed.) (2023) *Federal'nyy gosudarstvennyy obrazovatel'nyy standart doshkol'nogo obrazovaniya: prikazy i pis'ma Minobrnauki RF* [Federal State Educational Standard of Preschool Education: Orders and letters of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation]. Moscow: TTs Sfera.
3. Aleksandrova, E.S. et al. (eds) (2021) *Detskiy sad budushchego: rannaya professional'naya orientatsiya detey doshkol'nogo vozrasta* [Kindergarten of the Future: Early vocational guidance for preschool children]. Proceedings of the All-Russian Conference. Vol 9. Saint Petersburg. 25 March 2021. Saint Petersburg: Academy of Postgraduate Pedagogical Education.
4. Kubaychuk, N.P. (2015) [Issues of early career guidance for preschool children]. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya* [Problems and Prospects for the Development of Education]. Proceedings of the 6th International Conference. Perm. April 2015. Perm: Mercuriy. pp. 97–101. (In Russian).
5. Donetskaya, L.V., Pechegina, T.A. & Khudobina, Yu.A. (2021) [Formation of ideas about professions during early career guidance of preschoolers]. *Sovremennaya pedagogika i psikhologiya: aktual'nye voprosy* [Modern Pedagogy and Psychology: Topical issues]. Proceedings of the All-Russian Conference. Cheboksary. 21 December 2021. Cheboksary: TsNS "Interaktiv-Plus". pp. 59–61. (In Russian).
6. Prokhorov, A.M. (ed.) (1969–1978) *Bol'shaya sovet'skaya entsiklopediya* [Great Soviet Encyclopedia]. 3rd ed. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
7. Zeer, E.F., Pavlova, A.M. & Sadovnikova, N.O. (2008) *Proforientologiya: teoriya i praktika* [Career Guidance: Theory and practice]. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond "Mir".

8. Magomedova, M.G. (2016) Professional'noe samoopredelenie lichnosti [Professional self-determination of personality]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal "Kontsept"*. 15. pp. 26–30.
9. Krasnovskiy, L.I. (1991) Opyt ranney proforientatsii [Experience of early career guidance]. *Doshkol'noe vospitanie*. 10. pp. 39–44.
10. Vygotskiy, L.S. (1966) Igra i ee rol' v psikhicheskom razvitiy rebenka [Game and its role in the mental development of a child]. *Voprosy psikhologii*. 6. pp. 62–76.
11. El'konin, D.B. (1999) *Psikhologiya igry* [Psychology of the Game]. Moscow: Vlos.
12. Zakharov, N.N. (1988) *Professional'naya orientatsiya doshkol'nikov* [Vocational Guidance for Preschoolers]. Moscow: Prosveshchenie.
13. Pasechnikova, T.V. (2013) *Proforientatsionnaya rabota v usloviyakh doshkol'noy obrazovatel'noy organizatsii* [Career Guidance Work in a Preschool Educational Organization: Methodological manual]. Samara: Izd-vo TsPO.
14. Mamatova, I.S., Litvinova, L.P. & Rysaeva, E.V. (2021) Rannaya proforientatsiya doshkol'nikov v DOU [Early career guidance for preschool children in preschool educational institutions]. *Molodoy uchenyy*. 21 (363). pp. 399–401.
15. Belous, A.N. (1981) K voprosu ob osobennostyakh predstavlenii detey doshkol'nogo vozrasta o trude vzroslykh [On the issue of the peculiarities of preschool children's ideas about the work of adults]. In: Kolominsky, Ya.L. et al. (eds) *Problemy formirovaniya sotsial'no-psikhologicheskoy gotovnosti lichnosti k trudu* [Problems of the Formation of a Person's Socio-Psychological Readiness for Work]. Minsk: Minsk State Pedagogical Institute. pp. 4–13.
16. Skibnevskaya, N.V. (ed.) (2020) *Proforientatsionnaya rabota v usloviyakh doshkol'noy obrazovatel'noy organizatsii* [Career Guidance Work in a Preschool Educational Organization]. Barnaul: Altayskiy kraevoy tsentr psikhologo-pedagogicheskoy i mediko-sotsial'noy pomoshchi.
17. Loginova, V.I. (1996) K voprosu o programme oznakomleniya detey doshkol'nogo vozrasta s trudom vzroslykh [On the issue of a program for introducing preschool children to the work of adults]. In: *Umstvennoe vospitanie detey doshkol'nogo vozrasta* [Mental Education of Preschool Children]. Moscow: [s.n.]. pp. 142–153.
18. Klarin, I.V. (1998) *Innovatsionnye poiski v mirovoy pedagogike* [Innovative Searches in World Pedagogy]. Riga: Eksperiment. pp. 43–47.
19. Likhachev, B.T. (2010) *Pedagogika: kurs lektsiy* [Pedagogy: Course of lectures]. Moscow: Vlos.
20. Plaksina, I.V. (2023) *Interaktivnye obrazovatel'nye tekhnologii* [Interactive Educational Technologies]. 3rd ed. Moscow: Yurayt.
21. Vopel, K. (2023) *Effektivnyy vorkshop. Dinamicheskoe obuchenie* [Effective Workshop. Dynamic learning]. Translated from German. Moscow: Genezis.
22. Kraynova, Yu.N. (2012) Sovremennyye tekhnologii: metod vorkshop [Modern technologies: workshop method]. *Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii*. 13. pp. 105–109.
23. Kolesnikova, E.A. (2019) Organizatsiya detskikh masterskikh kak effektivnyy metod ranney proforientatsii detey starshogo doshkol'nogo vozrasta [Organization of children's workshops as an effective method of early career guidance for children of senior preschool age]. *Innovatsionnoe razvitie professional'nogo obrazovaniya*. 1 (21). pp. 86–90.
24. Radina, E.I. (1994) *Oznakomlenie detey s trudom vzroslykh. Vospitanie doshkol'nikov v trude* [Familiarizing Children with the Work of Adults. Education of preschool children in labor]. Moscow: Prosveshchenie.
25. Smirnova, L.E. (2011) *Professional'naya orientatsiya doshkol'nikov* [Vocational Guidance for Preschoolers]. Moscow: Prosveshchenie.
26. Medvetskaya, E.I. (ed.) (2015) *Rannaya proforientatsiya doshkol'nikov: Posobie po ranney proforientatsii detey starshogo doshkol'nogo vozrasta* [Early Career Guidance for Preschool Children: A guide to early career guidance for children of senior preschool age]. Moscow: [s.n.].

Информация об авторах:

Петраш Е.А. — канд. пед. наук, доцент кафедры среднего общего образования и социального проектирования Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: vea2005@mail.ru

Прадун И.В. — старший преподаватель кафедры образовательных технологий Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: inna_62@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Petrash, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: vea2005@mail.ru

I.V. Pradun, senior lecturer, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: botkina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.10.2023;
одобрена после рецензирования 14.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 16.10.2023;
approved after reviewing 14.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

Научная статья
УДК 81`27
doi: 10.17223/15617793/496/4

Речевые практики в дискурсе цифрового города: «пересборка» иноязычного образования

Ирина Александровна Савченко^{1, 2}, Юлия Владиславовна Козлова^{3, 4}

^{1, 3} Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

^{2, 4} Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород, Россия

^{1, 2} savchenko-514@mgpu.ru

^{3, 4} Iris08@yandex.ru

Аннотация. Используя концепт цифрового города, предложен модифицированный вектор методики развития речевых практик при обучении иностранному языку. Обоснованы возможности актуализации ценностного содержания иноязычных речевых практик как средства развития языковой личности и формирования культурной идентификации. В качестве лаборатории иноязычного речевого тренинга, интегрирующей традиционные и цифровые обучающие технологии, выступает цифровой город, где сети диджитал-коммуникации внедрены в осязаемую историко-культурную (Л.С. Выготский) инфраструктуру. Раскрыты прикладные аспекты работы «лаборатории».

Ключевые слова: речевые практики, цифровой город, «пересборка», иноязычное образование, культурно-историческая концепция, акторно-сетевая теория, локальная идентичность, языковая личность, алгоритм, дискурс

Источник финансирования: исследование поддержано грантом Российского научного фонда № 23-18-00288, <https://rscf.ru/project/23-18-00288/>; проект «Дискурсивные трансформации современного города: координаты российской урбанистики» реализуется в Московском городском педагогическом университете.

Для цитирования: Савченко И.А., Козлова Ю.В. Речевые практики в дискурсе цифрового города: «пересборка» иноязычного образования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 33–43. doi: 10.17223/15617793/496/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/4

Speech practice in the digital city discourse: *Reassembling* the foreign language education

Irina A. Savchenko^{1, 2}, Yuliya V. Kozlova^{3, 4}

^{1, 3} Moscow City University, Moscow, Russian Federation

^{2, 4} Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

^{1, 2} savchenko-514@mgpu.ru

^{3, 4} Iris08@yandex.ru

Abstract. The formulation of the concept of “reassembling” the foreign language education is inspired by the provisions of the “reassembling the social” (Bruno Latour). The authors show that modern education, including foreign language education, is also becoming socially reassembled, since neural networks function alongside natural intelligence in it, and inanimate actors, almost on equal terms, act alongside animate ones. The authors take this situation as a given and suggest using it in the most relevant way for modern foreign language education. The authors show that language as a derivative of culture and social life is an autopoietic system and, therefore, develops in interaction with various forms of human activity (communication, play, work, creativity, learning), while speech is rather integrated into the structure of these forms of activity. Speech practices are most responsive to social changes. And it is in the process of immersion in foreign language speech practices (in a natural or educational environment) that a person acquires bilingual experience. The digital city thus becomes an educational laboratory, where territorial and educational, real and virtual spaces form a single system. The key problem the authors of the article solve is to use the concept of a digital city to propose a modified vector of the methodology for the development of speech practices in teaching a foreign language. The main condition for the viability of the new vector is the organic integration of cultural and historical tradition and technological and socio-cultural innovation, since the effective formation of foreign language communicative competence, on the one hand, is aimed at the assimilation of stable language forms, and, on the other hand, is designed to adapt the assimilation and implementation of speech practices to innovation. The possibilities of actualizing the value content of foreign language speech practices as a means of developing a language personality and

forming cultural identification are substantiated. The specifics of such identification are comprehensively represented in Lev Vygotsky's cultural-historical concept and Latour's actor-network theory. A real-virtual network structure implemented in urban space can be mastered when mastering practical and mental actions. The development of foreign language speech practices in the discourse of the digital city has a dichotomous character: dual, real and digital forms of identification become a tool for the development and maintenance of local identity; and, vice versa, local identity motivates the development of various forms of identification. It is essential that foreign language speech practices activate ideas about themselves as citizens and city dwellers, about their country, region, city, so that familiarity with the worldview and culture of other peoples through language becomes an impulse to reflect their own ideas.

Keywords: speech practices, digital city, "reassembling", foreign language education, cultural and historical concept, actor-network theory, local identity, linguistic personality, algorithm, discourse

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 23-18-00288; <https://rscf.ru/project/23-18-00288>). The project "Discursive transformations of a modern city: coordinates of Russian Urban Studies" is being implemented at the Moscow City University.

For citation: Savchenko, I.A. & Kozlova, Yu.V. (2023) Speech practice in the digital city discourse: *Reassembling the foreign language education. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 33–43. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/4

Введение

В июне 2024 г. исполнится 90 лет со дня кончины (и посмертного издания сборника «Мышление и речь» [1]) Льва Выготского, показавшего социальную природу языка. А в октябре 2024 г. будет два года с момента смерти Бруно Латура, раскрывшего характер «пересборки социального» [2]: в обществе, где границы между реальным и виртуальным утрачивают четкость, живые и неживые акторы начинают взаимодействовать на равных. Несмотря на временной разрыв между периодами творчества ученых, именно в цифровой век обнаруживается системная взаимосвязь между исследованиями Выготского и Латура.

Каким образом в «пересобранной» социальной реальности реализуют себя язык и речь, и как процесс овладения иноязычными речевыми практиками может быть адаптирован под новые условия – на эти вопросы пытаются дать ответ авторы этой статьи.

Язык отражает состояния общественного сознания и является инструментом коммуникации в пространственно-временном контексте (включая передачу опыта из поколения в поколение). Речь же является инструментом пространственной коммуникации и отражает результаты познавательной-мыслительной деятельности отдельных индивидов или групп на уровне актуальной ситуации. И если язык как производная культуры является аутопойетичной системой и поэтому, развивается во взаимодействии с различными формами человеческой активности (общением, игрой, трудом, творчеством, обучением), то речь, скорее, интегрирована в структуру этих форм деятельности.

Исторические события, значимые изменения социальной жизни трансформируют и язык: он, безусловно, меняется, но происходит это достаточно медленно. Несмотря на технологический прорыв, сегодня мы читаем книги, написанные два века назад, и в целом они нам понятны.

Что касается особенностей реализации речевых практик, их динамика стремительна. Особенно это заметно на фоне процессов виртуализации традиционных коммуникаций, цифровизации многих форм социального взаимодействия, в том числе образователь-

ного. Эти процессы неизбежно приводят 1) к формированию сетей разного типа и масштаба; 2) «удвоению», дублированию реальности. Современный человек для решения жизненных задач вынужден адаптироваться в материальной, предметной среде, строить и поддерживать реальные связи и в то же время оказывается вовлеченным в разнообразные формы сетевого взаимодействия, что накладывает отпечаток на его самосознание и самооценку, формирование картины мира и реализацию жизненной стратегии. Все это находит отражение в речевых практиках современного человека.

Нередко овладение иноязычными речевыми практиками рассматривается лишь как «пропуск» в другую культуру, как средство достижения статуса в профессиональной среде, как условие социальной мобильности. Между тем проблема взаимообусловленности речи, мышления и личности гораздо более многомерна, а ее решение представляет сложную и вдохновляющую междисциплинарную задачу.

Такие явления, как развитие нейросетей, искусственного интеллекта, виртуализация жизни стали реальностью – для кого-то пугающей, для кого-то воодушевляющей. Образовательные технологии не могут развиваться вне общих тенденций социально-технологической динамики, иначе они становятся нерелевантными. В данной статье предлагается новый взгляд на управление иноязычными речевыми практиками. В качестве методической основы модификации модели овладения иноязычными речевыми практиками концептуализируется цифровой город – как метафора и как реальное образовательное пространство.

Постановка проблемы

Ключевая проблема, которую решают авторы статьи, – используя концепт цифрового города, предложить модифицированный вектор развития речевых практик при обучении иностранному языку. Основное условие жизнеспособности нового вектора – органичная интеграция культурно-исторической традиции и технологической инновации, поскольку эффективное формирование иноязычной коммуникативной компе-

тенции, с одной стороны, нацелено на усвоение устойчивых языковых форм и, с другой стороны, призвано адаптировать усвоение и реализацию речевых практик к новым условиям жизни [3]. Решение проблемы, поставленной в статье, на практике становится возможным благодаря использованию моделей интеграции коммуникативно-проектной технологии в обучение иноязычной речи [4], применению технологий коммуникативного тренинга [5, 6] и коворкинг-технологий [7].

Цель статьи – обосновать концепт цифрового города как учебной лаборатории, в которой развиваются и совершенствуются иноязычные речевые практики. Обладая имманентным свойством сетевой лаборатории – внеаходимостью [8], эта лаборатория функционирует в дихотомной среде, которая, с одной стороны, сосредоточена в учебных заведениях и, с другой стороны, широко распространяет себя во внешние по отношению к ним дискурсивные пространства.

Методология и методы исследования

В исследовании применяются принципы и положения психолингвистики, построенной на положениях культурно-исторической психологии Л.С. Выготского и системно-деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, где языковые способности и речевая деятельность рассматриваются в контексте исследований языкового сознания и языковой личности [9]. Мотивация к освоению языка имеет социальную природу. При этом ключевая роль в совершенствовании коммуникативных навыков и развитии экспрессивных языковых средств в общей системе личности принадлежит лингвокреативности [10], которая формируется и реализуется в «широком» социуме. Деятельностный подход в целом рассматривает саму речь и речевую активность как социальную субъект-объектную коммуникацию, а языковую способность – как продукт интериоризации совместной деятельности, имеющей социальную природу. Образы предметов и явлений направлены на управление деятельностью, поэтому языковая личность направлена на освоение и создание знаковых систем [11]. Языковые способности отражают отдельные аспекты знаковых систем, выработанных в общении, обучении, труде, творчестве.

Дискурс-анализ позволил авторам статьи понять специфику интерпретации и функционирования понятий «языковая компетентность», «языковая личность», «онтогенез языкового развития» в исследованиях представителей деятельностного подхода. *Контекстный анализ* обеспечил рассмотрение возможностей изучения иностранного языка для формирования мотивационно-ценностных представлений, миропонимания и отношения, поддержания социальной идентичности. *Сравнительный анализ* позволил сопоставить тенденции развития содержания речевой деятельности и закономерностей ее формирования в теории культурно-исторического развития (Л.С. Выготский) и акторно-сетевой теории (Б. Латур). *Культурно-исторический метод* сделал возможным понимание процесса изучения иностранного языка как научно-практической области, имеющей социальное значение,

направленной на развитие языковыми средствами способности к рефлексии содержаний культуры (как родной, так и «иной»), переосмысление ее значимости для мыслительной, творческой, коммуникативной социальной и личностной динамики, для целеполагания, анализа своего миропонимания и мироотношения.

Личностно-деятельностный подход [12] позволил интегрировать индивидуально-личностные паттерны усвоения иностранного языка в классический деятельностный подход.

Теоретические основания методической модификации

Концепт «присвоения» общечеловеческого социального опыта в общении и действиях с предметами и особенно в двустороннем процессе обучения, предложенный Л.С. Выготским, вывел развитие личности с индивидуального уровня на макросоциальный общечеловеческий. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского позволяет понять, что социализация происходит путем «культурного присвоения», где предписанные способы действия и единицы общечеловеческого опыта формируются в сознании, концептуализируются в языке, экстериоризируются в речевой системе и реализуются в деятельности. Эта теория лежит в основе классической советской модели обучения, в том числе иностранному языку. Будучи адаптированной к современности, эта теория может быть представлена следующим образом: обновляемая «база данных» становится доступна каждому, развитие может происходить с посредником или напрямую на различной биологической основе, доступ к самым передовым достижениям открыт каждому. Если содержание обучения социально значимо и закреплено в культуре, прогресс закрепляется на уровне психических функций и личностных структур.

Акторно-сетевая теория (АСТ) Бруно Латура была создана спустя 40 лет (в 1970-е гг.) для разрешения противоречий профессиональной науки (особенно общественных ее аспектов) в связи с появлением кибернетики, алгоритмов, «умных технологий», «вещей» нового типа. АСТ рассматривает все типы объектов (в том числе предметы и технологии) как единицы социальных отношений. Таким образом, производство знаний на уровне как профессиональной науки, так и образования есть активность в гетерогенной сети. Именно поэтому особенно значимо комплексное освоение смысловой системы языка и концептуальных представлений о себе в рамках территориального жизненного пространства (локальной идентичности).

Понятие «перевод», «социальный перевод» в АСТ включило в сферу социального практически все объекты. В то же время можно сказать, что оно отменило само понятие стабильного «социального», заменив «социальной связью», «социальной сетью», в которых происходит обмен действиями. В этом и заключается дихотомная специфика пересборки социального.

Взаимодействие речевой сети, социальной сети города и ценностной динамики в процессе изучения иностранного языка становится все более актуальным, так

как функции и смыслы социальной жизни непрерывно реализуются в знаковой системе языка, происходит непрерывное развитие системы знак–речь–социум. К изучению этой взаимосвязи обращались представители различных направлений социально-гуманитарной науки.

Конструктивизм культурно-исторической (социокультурной) теории (Л.С. Выготский), построенный на марксистских позициях [1], обеспечивает эффективную методологию образования. Социальные артефакты содержат единицы культурного опыта, требуют овладения соответствующими практиками и организации процесса обучения, которому принадлежит ведущая роль в развитии и социализации.

А.М. Шахнарович [13], рассуждая в духе Л.С. Выготского, подчеркивал, что первоначально языковая способность формируется как генерализация форм речевого поведения во взаимосвязи с коммуникативной задачей и социальной (деятельностной) ситуацией, и выделял следующие этапы формирования языковой способности:

- формирование речевых эталонов в конкретной ситуации (предметная деятельность, обеспечение ее речевых эталонов);
- внеситуативная речь (познавательная-когнитивная деятельность, создание внеситуативных речевых форм);
- присвоение средового социально-коммуникативного опыта (коммуникативная деятельность, присвоение социального опыта речевой среды).

Можно предположить, что в редуцированном виде *алгоритм* – «предметное-когнитивное-коммуникативное овладение речевым знаком» – воспроизводится и в изучении иностранного языка, который присваивается не только как коммуникативный инструмент для особых речевых ситуаций, но и как система кодирования представлений о себе, своем прошлом и будущем, жизненном пространстве, целях, базовых и инструментальных жизненных ценностях.

Интерес, положительное эмоциональное отношение к изучению иностранного языка связаны, прежде всего, с этим когнитивно-коммуникативным комплексом потребностей и поддерживаются направленностью на окружающие объекты, вовлеченностью в социальные сообщества, в смысловое поле локальной культуры, которая становится все более актуальной для изучения иностранного языка.

Сетевые подходы к изучению и формированию языковой личности становятся максимально востребованы в период цифровой трансформации. Так, гиперсетевая теория сознания К.В. Анохина в контексте модели функциональных систем вводит понятие *когнитума* – нейронной гиперсети с особыми свойствами. По этому принципу координируется активность мозга, локализуемая высшие психические функции, в том числе и речь. В соответствии с динамикой когнитума в структуру когнитивной модели интегрируются новые элементы. В концепте когнитума как сознание, так и личность рассматриваются как продукты координации гиперсетевых нейронных процессов [14]. Можно предположить, что сетевой

принцип формирования индивидуального сознания соотносится с сетевым принципом формирования социальных сообществ. Так, научные сети формируются именно вокруг категориальной структуры той или иной области знаний, а академические интеллектуальные сообщества университетов – в том числе на основе диверсификации и интеграции функций производства научных знаний [15].

Неслучайно социальная семиотика описывает язык как средство реализации таких метафункций, как формирование картины мира «внутри мыслящих миров» [16], как репрезентацию межличностных отношений; осуществление коммуникаций, устанавливающих, таким образом, изоморфизм социальной и языковой структур [17]. Примечательно, что идея Л.С. Выготского об опосредованности речевого мышления социокультурными процессами нашла продолжение не только в российской, но и в зарубежной теориях образования [18] и преподавания иностранных языков [19].

Акторно-сетевая теория Б. Латура позволяет обосновать социальные возможности современных технологических (в том числе цифровых) медиаций посредством понятия *делегирование*. Имеется в виду, что каждая раз новая идея или технология получает материальное воплощение, функционал которого вовлекает, удивляет, «захватывает» человека. Технологией и вещам делегируются человеческие свойства, причем это могут быть свойства создателей или других пользователей. Свойства сети, в которые интегрируются материальные объекты и технологии, могут быть направлены то, чтобы объединить людей, вещи и природу [20. С. 43–44].

Так, противопоставление города и деревни Латур понимает как декорацию в которой существует противопоставление несоциальной и социальной природы. Этот троп он считает одним из самых нестабильных. Пространство вторжения одного полюса на территорию другого в этой конструкции определяется борьбой и соперничеством (сюда относятся артикуляции проблем, связанных со здоровьем и преступностью, с защитой жизненного пространства). Диалектика природного и общественного раскрывается Латуром в двух вариациях: 1) воздействие на природу является базовым свойством человеческой природы (*Homo Faber*); 2) в воздействии на природу проявляется решение противоречия «субъект–объект» [21. С. 64–65]. Для поиска и осуществления разрешения противоречия природного/общественного, по Латуру необходимо объединение в коллективы ради общих целей, а затем – объединение этих коллективов в макросистемы, «ассамблеи». Более того, он подчеркивает, что на современном этапе развития технологии возникает потребность и даже необходимость интеграции в общество как субъектов, так и объектов, «люди и нелюди могут попасть в гражданское общество, не обращаясь в объекты» [21. С. 183]. Хотя еще совсем недавно, в конце XX в. казалось, что «теории, факты и машины» конструируются людьми и могут использоваться по запросу. Латур приводит пример проекта «экологической деревни» Франгокастелло на Крите, которая, будучи детально разработана как проектная модель и получив высокие оценки экспертов, саботировалась местными жителями [22. С. 383].

Нередко «новое» находится в ресурсном поле или, по выражению Латура, до определенного момента существует как фон, «социальная плазма» в промежутках между обследованными, измеренными и мобилизованными вещами. Явления, отношения, инновационные объекты могут быть доступными лишь ученым, специалистам и экспертам до тех пор, пока они не в полной мере включены в акторные сети [2. С. 334].

С другой стороны, создание и запуск таких сетей требует изменений в обществе, «пересборки коллективов». Акторно-сетевая теория создана именно для концептуального исследования городского социума вне противоречия «природа/общество» [2. С. 355].

АСТ использует для характеристики коммуникации технологических объектов и людей понятия «модальность», «делегирование агентности» и «человеко-машинный ассамбляж» [23]. Устройства, их возможности и ограничения, предписывают программы действий и в более широком плане – мыслительные схемы. Например, интерфейс программного обеспечения, после того как пользователь его освоил, интериоризуется и становится рамочной схемой определенного вида деятельности. Алгоритмы удовлетворения потребительских, коммуникативных, образовательных и эмоциональных запросов с применением диджитал-технологий создают фрагменты опыта нового типа, опосредованные и подкрепленные лишь знаковыми системами.

Когда делегирование реализовано и распределено в акторной сети, действие связывает цепи разноплановых акторов, а его источник неопределен, человек и объект: 1) обуславливают друг друга общим смыслом; 2) объединяясь, совершают новые действия; 3) вновь интериоризуются (упаковываются); 4) составляют комплексный объект со спектром символических значений, продленный в пространстве и времени.

Таким образом, по Латуру, люди и объекты образуют коллектив нового типа, социотехнологический, направленный на технологическую медиацию. Такой, в котором не работают прежние схемы субъект-объектного взаимодействия. Делегирование формирует ансамбли, включающие науку, общественные процессы, художественное творчество и коммуникации, по сути, ни технологический, ни социальный акторы в АСТ не являются инвариантными, завершенными и «остановившимися». Более того, Латур заявляет о необходимости «парламента вещей», т.е. о новом уровне обратной связи и социальной ответственности, так как ученые, инженеры, публичные личности занимают семиотическую активность, меняя границы времени-пространства и неизбежно влияя на социальное сосуществование. В АСТ подчеркивается, что люди и вещи связаны реципрокными (взаимовыгодными) отношениями, поэтому социальные взаимодействия должны регулироваться с учетом технологических процессов во избежание техногенных общественных кризисов.

В чем же возможности и опасности распределенного «социального» в АСТ? Во-первых, действия человека при взаимодействии с цифровыми объектами в це-

лом становятся все более лаконичными, четкими, с минимумом случайных и пробных попыток. Во-вторых, они складываются из первоначального освоения и затем – применения в соответствии с заданным алгоритмом. Для обучения «цифровая среда» с ее системным, интерактивным представлением учебного содержания более интенсивна, чем реальная, так как позволяет интегрировать классические индивидуальные и групповые формы с базами знаний.

Во-вторых, делегирование агентности наряду с усложнением действий гаджетов и алгоритмов приводит к упрощению действий людей, которым приходится, например, вместо запоминания и структурирования информации лишь фиксировать алгоритмы доступа к ней. Возникает «взаимное принуждение» агентов, ориентация на завершенное действие, без домысливания, рефлексии.

Развитие идеи АСТ об отсутствии противопоставления природное – социальное возможно в радикальном ключе (полный переход технологической сингулярности уже к середине XXI в., утрата какого бы то ни было контроля над процессами в едином мировом информационном поле) [24]. Более вариативные прогнозы [25] рассматривают техногенные и эволюционные изменения природы и культурный технологический прогресс человечества как две параллельные, несводимые друг к другу линии.

Акторно-сетевая теория позволяет по-новому взглянуть на перспективы иноязычного образования. Если «объекты» становятся акторами и обучающими условиями, то, вероятно, нужно правильно определить объект, в котором будет фокусироваться обучение. В эпоху «социальных вызовов и технологических трансформаций» модернизация иноязычного образования [26] требует не отказа от методов иноязычного образования, доказавших свою эффективность, не смены обучающих парадигм, а именно их *пересборки* – концептуализации дискурсивной образовательной среды, по своим формальным и содержательным характеристикам соразмерной происходящим социально-технологическим трансформациям.

Цифровой город как центр методической пересборки

Почему цифровой город? Действительно, уже достаточно много написано и сказано об использовании диджитал-технологий в образовании, в том числе иноязычном. Что нового мы можем предложить в данном случае? Дело в том, что цифровой город – это осязаемое территориальное пространство со своими коммунациями, памятниками, музеями, парами, жилыми кварталами и университетами. Будучи оснащенным самыми современными цифровыми инструментами, приобретающая новые характеристики и осваивая новые функции, он, тем не менее, остается городом – осязаемым местом сосредоточения больших и малых групп людей, которые живут, учатся, работают, взаимодействуют, проводят досуг в его пределах. Человек из позапрошлого века, оказавшись в современной Москве,

возможно, был бы удивлен или озадачен, но он понял бы, что находится в городе.

Вот почему «умная» городская среда – это и есть то самое поле, во многом недооцененное в плане образовательных практик, где цифровые обучающие технологии не разрушают, а, наоборот, развивают традиционные технологии обучения. В образовательной среде цифрового города процесс, который принято называть цифровизацией, обозначает не только виртуализацию обучения (здесь уже образовательные технологии продвинулись достаточно далеко), скорее, он предполагает многостороннее креативное использование цифровых инструментов для развития способностей человека, в том числе в иноязычных речевых практиках.

Тренды цифровизации, в том числе сферы образования, урбанизации и диджитализации обуславливают необходимость выстраивания новых, сетевых моделей обучения. Так, в последние десятилетия отправным форматом является Computer Assisted Language Learning, «обучение иностранному языку с компьютерной поддержкой» [27].

В современных условиях объектом интериоризации, в том числе языковой стали цифровая среда и цифровая культура с их развивающимся функционалом и особой динамикой. Интерактивные учебные курсы, реализованные в цифровой образовательной среде, не являются заменой традиционных форм обучения, как не являются и простым дополнением. Среда умного (или цифрового) города дает новые возможности для создания вариативных курсов с блочно-модульной структурой, с введением региональных и элективных компонентов. Именно это необходимо для того, чтобы в процессе овладения иноязычными речевыми практиками происходила интеграция в смысловое поле «осязаемой» культуры, освоение конкретных ценностей, содержаний и смыслов, представленных, например, в ландшафте и топонимике города, в социокультурной среде которого осуществляется образовательный процесс. Закрепленные в языке названия улиц, площадей, архитектурных ансамблей, мемориальных групп, стоящие за ними факты и исторические события представляют сложную задачу поиска точных терминологических эквивалентов для профессиональных переводчиков, а для изучающих язык могут стать объектом рефлексии и одним из средств поддержания локальной идентичности.

В настоящее время высокотехнологичные средства широко применяются в преподавании иностранного языка в современных высокотехнологичных городах. Использование наряду с традиционными носителями систем машинного перевода, интерактивных словарей, учебников и баз знаний, цифровых проигрывателей и синтезаторов речи, систем поиска и тестирования шаг за шагом входит в инструментарий обучения. Возникает принципиально новая ситуация – в цифровой среде взаимодействуют не только педагог и обучающиеся, но и искусственный интеллект [28. С. 4050].

Социальные трансформации, происходящие вследствие такого смешанного «социально пересобранного» обучения с привлечением живых и неодушевленных акторов, определяются «смешанными когнициями»

[29. С. 109], погружением сознания в цифровую среду в процессе работы с информацией и непосредственным приобретением и применением знаний.

Поколения, выросшие в цифровом городе и осваивающие языковые компетенции таким способом, получают умения и навыки, которых не было ранее. В результате формируется опыт, требующий всестороннего изучения, формирования осознанной пользовательской позиции, построения сбалансированной системы применения полученных знаний.

Практические направления методической пересборки

С одной стороны, предсказанная и концептуализированная Латуром пересборка социального состоялась, и в сложившихся условиях было бы неблагоприятно пренебрегать образовательными возможностями искусственного интеллекта, включая обучение иноязычным речевым практикам. С другой стороны, нельзя допустить полную витруализацию иноязычного образования, сделать обучающую систему внесубъектной и заменить ее «интернетом вещей» [30].

Латуровская «пересборка социального» в любом случае предполагает и «пересборку методического». Для такой пересборки необходимо найти устойчивую основу, в которую органично были бы интегрированы и устойчивые осязаемые акторы, и нейросетевые акторы.

Именно в этом случае обретут «новое дыхание» механизмы критического мышления, используемые при развитии иноязычной коммуникативной компетенции [31]. Вот почему основанием методической пересборки становится новая локальность, а именно – дискрус цифрового города, в котором виртуально-нейросетевое и чувственно-территориальное пространства формируют единую систему.

В качестве пересборки методической модели развития иноязычных речевых практик становятся востребованными следующие методические решения:

- построение графов знаний по региональным и городским культурным объектам (подготовка и тестирование алгоритмов по пользовательским запросам обучающихся и педагогов);
- применение 3D-моделей объектов городской среды;
- использование VR-элементов (элементов виртуальной реальности) для дистанционного и/или фокусированного освоения идентификационных объектов локальной среды (данное решение эффективно в качестве этапа, предшествующего вхождению в реальную офлайн-среду города);
- геймификация образовательного процесса;
- конструирование чат-ботов как интерактивного формата обучения;
- размещение ссылок в формате QR-кодов с целью маркировки объектов городской среды на иностранном языке.

В видимом многообразии форм заложен единый методический принцип – посредством диджитал-инструментов, внедренных в образовательную среду умного города, адаптировать процесс обучения к индивидуальным

запросам обучающегося, к его уровню подготовки, темпоритму освоения программы, актуальной композиции речевых навыков. Использование цифровых технологий делает процесс обучения более индивидуализированным, создавая ту самую «интеллектуальную сеть» как на уровне цифровых следов, так и на уровне сформированных представлений, знаний и навыков.

Чтобы сохранить и реализовать ценностный мировоззренческий потенциал содержания иноязычных речевых практик, развиваемых в дискурсе цифрового города, важно формировать межуровневые смысловые связи. «Пересобранная» методическая модель позволяет (с активным использованием нейросетевого функционала) интегрировать страноведческий и региональный элементы системы развития иноязычных речевых практик. Действительно, овладение иноязычной коммуникативной компетенцией предполагает погружение в культуру страны изучаемого языка, формирование знаний и умений, необходимых для возможных работы и учебы за рубежом, взаимодействия с зарубежными коллегами, решения технических вопросов в разных профессиональных областях с использованием инструментария иноязычных речевых практик. В данном случае будет востребован и полезен VR-потенциал пересобранного методического подхода.

Вместе с тем в контексте регионализации содержания иноязычной подготовки [32] национально-культурная среда города и региона, где организован обучающий процесс, является тем самым контекстом, который позволил бы воплотить в жизнь ряд значимых решений:

1) сформировать смысловые блоки, интегрирующие знания об истории и культуре города и региона;

2) активировать комплексы лексических систем и билингвальных связей [33]; связанные с этими смысловыми блоками;

3) отобрать содержание для организации иноязычной подготовки, направленной на осмысление и внешнюю (обращенную к носителям языка) актуализацию локальной (региональной и городской) культурной идентичности [34].

Пересобранная методическая модель изначально фундирована ценностным содержанием. Для того чтобы это ценностное содержание стало имманентной составляющей речевых практик, подготовительные работы для внедрения пересобранной методической модели целесообразно проводить в три этапа:

1. Для организации констатирующего эксперимента осуществить пилотный проект внедрения новой модели, предварительно определив критерии отбора площадок для констатирующего пилотного этапа исследования. Найти и концептуализировать алгоритмы определения культурно-исторической [35] и инфраструктурно-цифровой релевантности новой методической модели.

2. Обосновать оптимальные методы и приемы, используемые в «смешанном» традиционно-цифровом дискурсе «умного города», разработать способы оценки эффективности этих методов, измерения их аксиологического контента.

3. Определить маркеры прикладной и личностной значимости элементов регионального компонента в иноязычных речевых практиках (в том числе для иностранных студентов и российских обучающихся, для которых русский не является родным).

Итог подготовительных работ – создание такой модели, которую можно предложить для адаптации различным городам и регионам. Исследовательским результатом в таком случае будет выявление и характеристика воспитательного, ценностного и смыслообразующего потенциала иноязычных речевых практик на материале прошлого и настоящего определенного социального пространства.

Ключевое значение для раскрытия и реализации аксиологического потенциала пересобранной методической модели имеет развитие способности анализировать и структурировать культурные факты в процессе включения в иноязычные речевые практики. Цифровые методики позволяют формировать пользовательский алгоритм работы с культурными фактами, который фиксируется лексическими средствами и затем может быть использован в реальной городской среде. Этот пользовательский алгоритм включает ряд умений:

– используя возможности иноязычных речевых практик, презентовать город, который ты считаешь «своим», где ты родился/учился/живешь, живут твои родные, друзья, коллеги, на иностранном языке;

– грамотно формировать поисковые запросы в различных сегментах сети и поисковых системах;

– корректно применять названия с использованием транслитерации, разных видов машинного перевода.

Интеграция в пересобранной методической модели традиционных и цифровых образовательных технологий в дискурсивной среде будет иметь следующие дополнительные эффекты:

– устанавливаются связи между смысловыми и символическими комплексами ландшафтных, культурно-исторических, инфраструктурных объектов города и региона, их лексическими формами в родном языке и иностранном;

– пользовательские умения в области цифровых технологий, связанные с запросами горожанина, обогащаются теми значениями, которые были получены из обязательных и элективных курсов;

– навыки поиска и размещения в сети информации о родном городе и крае развиваются благодаря пониманию принципов транслитерации и транскрипции топонимов, в том числе географических и городских объектов, названий территорий, административных структур.

Создание интегрированной онлайн-, офлайн-среды, обеспечивающей реализацию пересобранной методической модели, включает следующие шаги:

1. Создание обновляемой билингвальной цифровой базы знаний по изучаемым курсам, включающей блок для педагогов и для обучающихся.

2. Создание и внедрение «Карты памяти города», включающей описание его значимых объектов для изучения на иностранных языках. Создание билингвального аналога «Карты», дополненного интерактивными 3D-моделями.

3. Формирование экскурсионных маршрутов с прослушиванием материалов на иностранном языке, в том числе в форме квестов, в структуре которых QR-коды размещены в локациях зданий, памятников и т.д.

4. Разработка программ геймификации процесса обучения при помощи приложений, помогающих отрабатывать навыки (чтение, произнесение, перевод и написание текстов) на локальном культурно-историческом материале.

5. Создание каналов в социальных сетях, например, клуба иноязычного дискурса, где обсуждаются вопросы учебы и отдыха, вузовских и городских мероприятий.

6. Широкое использование в качестве итоговых отчетов реальных кейсов по интернет-брендингу города в иноязычной среде (например, в рамках практики «городов-побратимов» или для продвижения города как туристического объекта).

Пересобранная методическая модель позволит решить важные задачи, имеющие социально-образовательное значение:

- интегрировать речевые навыки, сетевые пользовательские умения и форматы самопрезентации как жителя города;

- формировать связь между представлениями о себе как жителе города, региона, страны в разных коммуникативно-речевых системах (что особенно важно для двуязычных студентов), приобретение навыка применения этих знаковых систем для самоидентификации;

- развивать в процессе погружения в иноязычные речевые практики локальную социальную идентичность в структуре самосознания, отражать ее на знаковом, коммуникативном и деятельностном уровнях.

Заключение

Освоение иноязычных средств речевой коммуникации – явление социального порядка (на чем и настаивал Л.С. Выготский). Во внешнем поведенческом аспекте оно затрагивает также оперативную, функциональную сторону языковой способности, звукопроиз-

носительные, грамматические, синтаксические, интонационные навыки. В то же время изучение и применение иностранного языка в качестве когнитивного инструмента развивает субъективную сторону социальности [36] и связано непосредственно с миропониманием и мироотношением.

Обоснование потенциала развития иноязычных коммуникативных практик в дискурсе цифрового города раскрывает возможности концептуализации города как идентификационной схемы в родном и иностранном языках. Особенности и траектории формирования такой схемы весьма полно отражены в культурно-исторической концепции Л.С. Выготского и акторно-сетевой теории Б. Латура. Эти научные модели имеют общие основания, что отражается в идеях о социальной природе деятельности и познания, о дихотомии предметного и знакового пространства. Анализ содержания понятия «перевод» (из реального в виртуальное и обратно) в акторно-сетевой теории Бруно Латура позволяет по-новому, более широко осмыслить сферу применения речевых практик, и прежде всего в социальной структуре города.

Сетевая структура, реализованная в городском пространстве, может быть освоена в процессе овладения практическими и умственными действиями, к которым в современной прибавляются и цифровые коммуникации. Двойная, реальная и цифровая идентичность делает развитие иноязычных речевых практик ключевым способом достижения и поддержания локальной идентичности. При этом важно, чтобы овладение иностранным языком активизировало представления о себе как гражданине и горожанине, о своей стране, регионе, городе, чтобы знакомство через язык с мировосприятием и культурой других народов становилось импульсом к рефлексии собственных представлений.

В процессе погружения в иноязычные речевые практики (в естественной или образовательной среде) человек приобретает билингвальный опыт. Цифровой город становится учебной лабораторией, где территориальное и образовательное, реальное и виртуальное пространства формируют дискурсивную систему.

Список источников

1. Выготский Л.С. Мышление и речь. М. : АСТ, 2022. 576 с.
2. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской ; под ред. С. Гавриленко ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
3. Новые подходы в лингводидактике и педагогическом образовании / К.Э. Безукладников, Е.К. Гитман, Е.П. Глумова [и др.]. Н. Новгород : Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова, 2022. 312 с.
4. Жарова Ю.В., Обдалова О.А. Модель интеграции коммуникативно-педагогической проектной технологии в обучение иноязычной публичной речи будущих инженеров // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2023. № 61. С. 175–190. doi: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-175-190
5. Cam M.F., Obdalova O.A. The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 5–13. doi: 10.17223/15617793/488/1
6. Obdalova O.A., Kharapudchenko O.V., Soboleva A.V., Minakova L.Y. Interactive Technology in Teaching English Oral Academic Discourse to Master Students // Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEEHIP 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. Vol. 499. Springer, Cham. doi: 10.1007/978-3-031-11435-9_6
7. Харапудченко О.В., Обдалова О.А. Коворкинг как инновационная педагогическая технология совершенствования иноязычной профессиональной коммуникативной компетенции студентов магистратуры // Развитие инноваций и инновационное развитие науки и общества : сб. материалов Всерос. науч.-метод. конф. 2020. С. 208–211.
8. Жарков Е.А. Лаборатория как внеаудиторная сущность // Социология науки и технологий. 2020. № 4. С. 175–190. doi: 10.24411/2079-0910-2020-14010
9. Российская психоллингвистика: итоги и перспективы (1966–1921) / науч. ред. И.А. Стернин, Н.В. Уфимцева, Е.Ю. Мягкова. М. : Ин-т языкознания – ММА, 2021. 626 с.
10. Потебня А.А. Слово и миф. М. : Академический проект, 2021. 676 с.

11. Савченко И.А., Кремнёв Е.В. Дискурсивная трихотомия в урбанистике: модели социального управления в Китае // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 113–125. doi: 10.17223/1998863X/74/1
12. Обдалова О.А., Харাপудченко О.В. Личностно-деятельностный подход как основа совершенствования иноязычной профессиональной компетенции студентов магистратуры // Система непрерывного филологического образования: школа–колледж–вуз. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования : сб. науч. тр. по материалам XXII Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф., Уфа, 14–15 апреля 2022 г. / под ред. В.Ф. Аитова, Х.Х. Галимовой, Н.У. Халиуллина, Ю.А. Шаниной. Уфа : Башкир. гос. пед. ун-т им. М. Акмуллы, 2022. С. 286–288.
13. Шахнарович А.М. Мышление, коммуникация, речевая деятельность: Онтогенез языкового значения // Вопросы психолингвистики. 2006. № 4. С. 25–32.
14. Анохин К.В. Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71, № 1. С. 39–71.
15. Савченко И.А., Козлова Ю.В. «Право на свой город»: проект эпистемологической урбанистики // Эпистемология и философия науки. 2022. Т. 59, № 3. С. 185–201.
16. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. СПб. : Азбука, 2014. 411 с.
17. Halliday M.A.K. Language as Social Semiotics: Towards a General Sociolinguistic Theory [1975] // Collected works / ed. by J. Jonathan. Webster. Vol. 10: Language and Society. London: Bloomsbury, 2009. P. 169–203.
18. Верч Д.В. Голоса разума: Социокультурный подход к опосредованному действию : пер. с англ. М. : Тривола, 1996. 175 с.
19. Sociocultural theory and second language learning / ed. by J.P. Lantolf. Oxford : Oxford University Press, 2000. 297 p.
20. Латур Б. Нового Времени не было. Эссе по симметричной антропологии / пер. с фр. Д.Я. Калугина ; науч. ред. О.В. Хархордин. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
21. Латур Б. Политики природы: как привить наукам демократию / пер. Е. Блинова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 335 с.
22. Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой ; науч. ред. С. Миляева. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.
23. Напреенко И.В. Делегирование агентности в концепции Бруно Латура: как собрать гибридный коллектив киборгов и антропоморфов? // Социология власти. 2015. Т. 27, № 1. С. 108–121.
24. Modis Th. The singularity is near: When humans transcend biology Discussions // Technological Forecasting and Social Change. 2006. Vol. 73. P. 104–112. doi: 10.1016/j.techfore.2005.12.004
25. McGinn C. Philosophy of Language: The Classics Explained. Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2015. 225 p.
26. Обдалова О.А., Соболева А.В., Минакова Л.Ю. Модернизация иноязычного образования в эпоху социальных вызовов и технологических трансформаций: кейс-исследование трансформации образовательной программы магистратуры // Перспективы науки и образования. 2023. № 2 (62). С. 102–124. doi: 10.32744/pse.2023.2.6
27. Розина И.Н. Эволюция call-методов обучения английскому языку // Образовательные технологии и общество (ОТО). 2017. № 3. С. 353–363.
28. Исламов Р.С. Специфика интеракции студентов полиэтнических групп с искусственным интеллектом образовательных информационно-коммуникационных технологий на занятиях по иностранному языку // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14, № 12. С. 4048–4055.
29. Котельникова Е.В. Когнитивные аспекты осмысления смешанной речемышлительной деятельности межкультурной коммуникации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7 (18). С. 108–110.
30. Feki M., Kawsar F., Boussard M., Trappeniers L. The Internet of Things: The Next Technological Revolution // Computer. 2013. Vol. 46. P. 24–25. doi: 10.1109/MC.2013.63
31. Обдалова О.А., Зелichenko Ю.Л. Критическое мышление как компонент научно-исследовательской компетенции аспирантов // Актуальные проблемы гуманитарных наук : материалы Всерос. науч.-практ. конф., Нижневартовск, 22 марта 2022 года / отв. ред. Д.А. Погонишев. Нижневартовск : Нижневартовск. гос. ун-т, 2022. С. 533–537. doi: 10.36906/NVSU-2022/88
32. Глумова Е.П. Проблема регионализации содержания иноязычной подготовки обучающихся // Педагогическое образование в России. 2015. № 6. С. 37–43.
33. Савченко И.А., Барсегян С.С. Билингвизм как феномен транскультурной коммуникации в процессе преподавания иностранного языка // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 463. С. 188–195. doi: 10.17223/15617793/463/24
34. Миркушина Л.Р., Дианов С.А., Чегодаев В.П., Бовкун А.С. Культуроцентризм как фактор устойчивого развития уральских поселений в XXI веке // Устойчивое развитие горных территорий. 2023. Т. 15, № 2. С. 398–407. doi: 10.21177/1998-4502-2023-15-2-398-407
35. Савченко И.А., Батаев Д.К.-С., Даукаев А.А., Батаева П.Д. Восстановление городских памятников: ресурсный потенциал Северного Кавказа // Устойчивое развитие горных территорий. 2023. Т. 15, № 2. С. 431–441. doi: 10.21177/1998-4502-2023-15-2-431-441
36. Касавин И.Т. Знание и социальность // Эпистемология и философия науки. 2006. Т. 8, № 2. С. 89–93.

References

1. Vygotskiy, L.S. (2022) *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. Moscow: AST.
2. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social an Introduction to Actor-Network-Theory]. Translated from English by I. Polonskaya. Moscow: Higher School of Economics.
3. Bezukladnikov, K.E., Gitman, E.K. & Glumova, E.P. (2022) *Novye podkhody v lingvodidaktike i pedagogicheskom obrazovanii* [New Approaches in Linguodidactics and Pedagogical Education]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Dobrolyubov State Linguistic University.
4. Zharova, Yu.V. & Obdalova, O.A. (2023) Model' integratsii kommunikativno-proektnoy tekhnologii v obuchenie inoyazychnoy publichnoy rechi budushchikh inzhenerov [Model of integration of communication and design technology in teaching foreign language public speech to future engineers]. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobrolyubova*. 61. pp. 175–190. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2023-61-1-175-190
5. Cam, M.F. & Obdalova, O.A. (2023) The technology of communicative training as a means of developing the skills of foreign language intercultural communication of students. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/488/1
6. Obdalova, O.A. et al. (2022) Interactive technology in teaching English oral academic discourse to master students. *Integration of Engineering Education and the Humanities: Global Intercultural Perspectives. IEEEHIP 2022. Lecture Notes in Networks and Systems*. Vol. 499. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-031-11435-9_6
7. Kharapudchenko, O.V. & Obdalova, O.A. (2020) [Coworking as an innovative pedagogical technology for improving foreign language professional communicative competence of master's students]. *Razvitie innovatsiy i innovatsionnoe razvitie nauki i obshchestva* [Development of Innovations and Innovative Development of Science and Society]. Proceedings of the All-Russian Conference. Rostov-on-Don. 27 April 2020. Rostov on Don: Don State Technical University. pp. 208–211. (In Russian).

8. Zharkov, E.A. (2020) Laboratoriya kak vnenakhodimaya sushchnost' [Laboratory as an external entity]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 4. pp. 175–190. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-14010
9. Sternin, I.A., Ufimtseva, N.V. & Myagkova, E.Yu. (eds) (2021) *Rossiyskaya psikholingvistika: itogi i perspektivy (1966–1921)* [Russian Psycholinguistics: Results and prospects (1966–1921)]. Moscow: Institute of Linguistics of the Moscow International Academy.
10. Potebnya, A.A. (2021) *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow: Akademicheskiiy proekt.
11. Savchenko, I.A. & Kremnev, E.V. (2023) Discursive Trichotomy in Urban Studies: Models of Social Management in China. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 113–125. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863Kh/74/1
12. Obdalova, O.A. & Kharapudchenko, O.V. (2022) [Personal-activity approach as the basis for improving foreign language professional competence of master's students]. *Sistema nepreryvnogo filologicheskogo obrazovaniya: shkola–kolledzh–vuz. Sovremennye podkhody k prepodavaniiyu distsiplin filologicheskogo tsikla v usloviyakh polilingval'nogo obrazovaniya* [System of Continuous Philological Education: School-college-university. Modern approaches to teaching philological disciplines in the context of multilingual education]. Proceedings of the 22th All-Russian Conference. Ufa. 14–15 April 2022. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla. pp. 286–288. (In Russian).
13. Shakhnarovich, A.M. (2006) Myshlenie, kommunikatsiya, rechevaya deyatel'nost': Ontogenez yazykovogo znacheniya [Thinking, Communication, Speech Activity: Ontogenesis of linguistic meaning]. *Voprosy psikholingvistiki*. 4. pp. 25–32.
14. Anokhin, K.V. (2021) Kognitom: v poiskakh fundamental'noy neyronauchnoy teorii soznaniya [Cognitome: in search of a fundamental neuroscientific theory of consciousness]. *Zhurnal vysshey nervnoy deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*. 1 (71). pp. 39–71.
15. Savchenko, I.A. & Kozlova, Yu.V. (2022) "Pravo na svoj gorod": proekt epistemologicheskoy urbanistiki ["The right to your city": a project of epistemological urbanism]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 3 (59). pp. 185–201.
16. Lotman, Yu.M. (2014) *Vnutri myslyashchikh mirov* [Inside Thinking Worlds]. Saint Petersburg: Azbuka.
17. Halliday, M.A.K. (2009) Language as Social Semiotics: Towards a General Sociolinguistic Theory [1975]. In: Webster, J.J. (ed.) *Collected Works*. Vol. 10. London: Bloomsbury. pp. 169–203.
18. Verch, D.V. (1996) *Golos razuma: Sotsiokul'turnyy podkhod k oposredovannomu deystviyu* [Voices of Reason]. Translated from English. Moscow: Trivola.
19. Lantolf, J.P. (ed.) (2000) *Sociocultural Theory and Second Language Learning*. Oxford: Oxford University Press.
20. Latour, B. (2006) *Novogo Vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoy antropologii* [We Have Never Been Modern. Essay on symmetrical anthropology]. Translated from French by D.Ya. Kalugin. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
21. Latour, B. (2018) *Politiki prirody: kak privit' naukam demokratiyu* [Politics of Nature: How to instill democracy in the sciences]. Translated by E. Blinov. Moscow: Ad Marginem Press.
22. Latour, B. (2013) *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vntri obshchestva* [Science in Action: Following scientists and engineers within society]. Translated from English by K. Fedorova. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
23. Napreenko, I.V. (2015) Delegirovanie agentnosti v kontseptsii Bruno Latoura: kak sobrat' gibridnyy kollektiv kiborgov i antropomorfov? [Delegation of agency in the concept of Bruno Latour: how to assemble a hybrid team of cyborgs and anthropomorphs?] *Sotsiologiya vlasti*. 2015. 1 (27). pp. 108–121.
24. Modis, Th. (2006) The singularity is near: When humans transcend biology Discussions. *Technological Forecasting and Social Change*. 73. pp. 104–112. DOI: 10.1016/j.techfore.2005.12.004
25. McGinn, C. (2015) *Philosophy of Language: The Classics Explained*. Cambridge, Massachusetts: MIT Press.
26. Obdalova, O.A., Soboleva, A.V. & Minakova, L.Yu. (2023) Modernizatsiya inoyazychnogo obrazovaniya v epokhu sotsial'nykh vyzovov i tekhnologicheskikh transformatsiy: keys-issledovanie transformatsii obrazovatel'noy programmy magistratury [Modernization of foreign language education in the era of social challenges and technological transformations: a case study of the transformation of a master's degree program]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2 (62). pp. 102–124. DOI: 10.32744/pse.2023.2.6
27. Rozina, I.N. (2017) Evolyutsiya call-metodov obucheniya angliyskomu yazyku [Evolution of call methods of teaching English]. *Obrazovatel'nye tekhnologii i obshchestvo (OTO)*. 3. pp. 353–363.
28. Islamov, R.S. (2021) Spetsifika interaktsii studentov politnicheskikh grupp s iskusstvennym intellektom obrazovatel'nykh informatsionno-kommunikatsionnykh tekhnologiy na zanyatiyakh po inostrannomu yazyku [Specifics of interaction of students of multiethnic groups with artificial intelligence of educational information and communication technologies in foreign language classes]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 12 (14). pp. 4048–4055.
29. Kotelnikova, E.V. (2012) Kognitivnye aspekty osmysleniya smeshannoy rechemyslitel'noy deyatel'nosti mezhkul'turnoy kommunikatsii [Cognitive aspects of understanding mixed speech and mental activity of intercultural communication]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 7 (18). pp. 108–110.
30. Feki, M. et al. (2013) The Internet of Things: The Next Technological Revolution. *Computer*. 46. pp. 24–25. DOI: 10.1109/MC.2013.63
31. Obdalova, O.A. & Zelichenko, Yu.L. (2022) [Critical thinking as a component of research competence of graduate students]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk* [Current problems of the humanities]. Proceedings of the All-Russian Conference. Nizhnevartovsk. 22 March 2022. Nizhnevartovsk: Nizhnevartovsk State University. pp. 533–537. (In Russian). DOI: 10.36906/NVSU-2022/88
32. Glumova, E.P. (2015) Problema regionalizatsii soderzhaniya inoyazychnoy podgotovki obuchayushchikhsya [The problem of regionalization of the content of foreign language training for students]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 6. pp. 37–43.
33. Savchenko, I.A. & Barsegyan, S.S. (2021) Bilingualism as a phenomenon of transcultural communication in foreign language teaching. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 463. pp. 188–195. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/463/24
34. Mirkushina, L.R. et al. (2023) Kul'turotsentrizm kak faktor ustoychivogo razvitiya ural'skikh poseleniy v XXI veke [Cultural centrism as a factor in the sustainable development of Ural settlements in the 21st century]. *Ustoychivoe razvitie gornyykh territoriy*. 2 (15). pp. 398–407. DOI: 10.21177/1998-4502-2023-15-2-398-407
35. Savchenko, I.A. et al. (2023) Vostanovlenie gorodskikh pamyatnikov: resursnyy potentsial Severnogo Kavkaza [Restoration of urban monuments: the resource potential of the Northern Caucasus]. *Ustoychivoe razvitie gornyykh territoriy*. 2 (15). pp. 431–441. DOI: 10.21177/1998-4502-2023-15-2-431-441
36. Kasavin, I.T. (2006) Znanie i sotsial'nost' [Knowledge and sociality]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*. 2 (8). pp. 89–93.

Информация об авторах:

Савченко И.А. – д-р социол. наук, руководитель проектного офиса гуманитарной аналитики, профессор общеуниверситетской кафедры философии и социальных наук Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); начальник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail: savchenko-514@mgpu.ru

Козлова Ю.В. – канд. психол. наук, эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики Московского городского педагогического университета (Москва, Россия); старший научный сотрудник международной междисциплинарной научной лаборатории «Технологии социально-гуманитарных исследований» Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород, Россия). E-mail Iris08@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.A. Savchenko, Dr. Sci. (Sociology), professor, Moscow City University (Moscow, Russian Federation); head of the International Interdisciplinary Research Laboratory “Technologies for Social and Humanitarian Research”, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: teosmaco@rambler.ru

Yu.V. Kozlova, Cand. Sci. (Psychology), Moscow City University (Moscow, Russian Federation); senior research fellow, Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail Iris08@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.10.2023;
одобрена после рецензирования 21.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 18.10.2023;
approved after reviewing 21.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

Научная статья
УДК 930.85
doi: 10.17223/15617793/496/5

Репрезентация техники движений античных атлетов по изображениям древнегреческой вазопи́си

Александр Сергеевич Сидоренко¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия, thesis@internet.ru

Аннотация. На примерах пяти современных олимпийских легкоатлетических дисциплин проанализирована техника древнегреческих атлетов в сравнении с современными спортсменами. Сравнение проводилось с точки зрения эффективности пространственно-временных и динамических характеристик движений. Для оценивания использовались доступные античные артефакты, такие как изображения на древнегреческих амфорах и других сосудах, античная статуя дискобола, а также свидетельства древнегреческих историков. Проведенное исследование показало высокую степень понимания жителями Античной Греции основных анатомических и биомеханических принципов двигательных действий.

Ключевые слова: легкая атлетика, техника движений, вазопи́сь, Античная Греция, Древняя Олимпия

Для цитирования: Сидоренко А.С. Репрезентация техники движений античных атлетов по изображениям древнегреческой вазопи́си // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 44–51. doi: 10.17223/15617793/496/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/5

Representation of the technique of ancient athletes' movements based on images of ancient Greek vase painting

Aleksandr S. Sidorenko¹

¹ Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg, Russian Federation, thesis@internet.ru

Abstract. Ancient Greece was a highly developed civilization that gave the world many useful discoveries and inventions. According to ancient Greek historians, as well as artifacts that have survived to our time, the Greeks achieved a lot in the field of sports. The world's modern Olympic movement is largely based on the experience of the Ancient Olympic Games, which continued without interruption for more than 11.5 centuries. In this regard, the technique of performing various physical exercises by ancient athletes and their understanding of the basics of kinematics and dynamics of movements are of interest. In this work, the author makes an attempt to analyze the technique of ancient athletes' movements in the types of the Olympic program that are currently disciplines of athletics and compare it with the technique of modern athletes. The analysis was carried out on fragments of images of ancient Greek vase painting, which have survived to our time and are related to the Olympic theme. In running at various distances, ancient athletes demonstrated a competent rational technique of movements. The technique of javelin throwing and long jump was different from the modern one; however, the Greeks managed to not only effectively distribute the applied efforts, but also correctly use technical devices to achieve the result. At the same time, ancient athletes and their mentors had a poor idea of the basics of aerodynamics, did not take into account the factors of lift acting on the projectile in flight and the height of its release, so the ancient technique of discus throwing was not rational from the point of view of modern approaches. In almost all images, athletes appear at the brightest moment of performing a particular competition, in poses demonstrating the beauty of the body, the relief of muscle groups, the smoothness and rhythm of movements, inner harmony and purposefulness. Often, ancient artists and sculptors deliberately distorted the technique of performing a motor task by an athlete in order to better perceive his image. The few surviving objects of ancient painting and sculpture make it possible to visually supplement the information of ancient Greek chroniclers about the features of ancient Greek sports competitions in terms of the movement technique performed by ancient athletes. The ancient Greeks were well aware of the optimal kinematic and dynamic structure of movements, anatomical and biomechanical principles of physical exercises. When depicting athletes on vases, great importance was attached to the perfection of their bodies, the beauty and harmony of their movements.

Keywords: athletics, movement technique, vase painting, Ancient Greece, Ancient Olympia

For citation: Sidorenko, A.S. (2023) Representation of the technique of ancient athletes' movements based on images of ancient Greek vase painting. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 44–51. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/5

Олимпийские игры, участвуя в которых атлеты в равной честной борьбе сравнивают свои физические возможности выявляя победителя, представляет собой одно из важных явлений современной жизни, доставшееся в наследство от Древней Греции.

Законы и принципы по которым проводились Античные Олимпийские игры, виды спорта, спортивные объекты, имена победителей, все это в определенной степени стало известно благодаря трудам древнегреческих историков, очевидцев тех событий: Павсания, Пиндара, Геродота и других [1–4]. Однако более полное понимание всех нюансов древнегреческих соревнований стало возможным только после активных археологических работ немецких ученых под руководством Эрнста Курциуса во второй половине XIX в. [5, 6]. Древние Игры проходившие на территории Олимпии (776 до н.э. – 394 н.э.), оказались более известными и изученными, хотя подобные спортивные соревнования имели место также и в других регионах Греции. Известно о проведении Пифийских игр (586 до н.э. – 394 н.э.) в Дельфах, Истмийских игр (582 до н.э. – 394 н.э.) в Коринфе, Немейских игр (573 до н.э. – 394 н.э.) в Немее [7]. Спортивные дисциплины и правила проведения перечисленных игр были практически идентичны, поэтому можно говорить о тенденциях в предпочтениях древних греков к тем или иным видам соревнований.

Спортивные соревнования античных атлетов имели очевидные религиозно-культовую и военную составляющие. Первая из них заключалась в поклонении античным богам и попытках подражания героям древнегреческого эпоса через достижение «арете» – полного совершенства духа и тела [3]. Военная составляющая предполагала через занятия спортом подготовку боеспособной армии, вследствие чего в программу Античных Олимпиад входили состязания, схожие по своей структуре с действиями воинов на поле боя. Преобладающие виды физических упражнений в Античной Греции – энергозатратные двигательные динамические задания, выполняемые в быстром темпе с максимальными мышечными усилиями [8].

Относящиеся к теме спорта древние артефакты, произведения культуры и искусства помогают лучше понять образ мышления и поведения представителей предыдущих поколений при организации соревнований и занятиях физическими упражнениями. Живопись лучше любых литературных источников позволяет отобразить особенности техники выполняемых физических упражнений древности, эмоции участников и драматизм спортивной борьбы в самые напряженные моменты соревнования. Скульптура помогает передать позу и направление взгляда атлета, включаемые в работу мышечные группы, хват снаряда и т.д. [9]. С одной стороны, очевидно, что художники и скульпторы творят то, что видят перед собой, и передают ту атмосферу, в которую сами погружаются. С другой стороны, возникает соблазн приукрасить то или иное событие и представить своего героя в лучшем свете в самый яркий момент его действия. Поэтому многие изображения имеют статичный характер и не могут отобразить все нюансы возможного движения

спортсмена, а специалистам в области спорта приходится воспроизводить технику движений атлетов по ее отдельным фрагментам.

Расцвет древнегреческой чернофигурной, а затем и краснофигурной вазописи как раз и приходится на VII–IV вв. до н.э., время активного развития античного олимпизма. Древнегреческая вазопись представляла собой декоративную роспись сосудов, выполненную керамическим способом специальными красками с последующим обжигом. Древние греки расписывали многие виды глиняной посуды, использовавшейся для хранения и приема пищи, в обрядах и праздниках [10]. Многие сюжеты того времени на амфорах, кратерах и ликифах отражали спортивные сюжеты из Олимпийских игр древности. Эти изображения и стали впоследствии главным источником информации о физических упражнениях греков.

Таким образом, благодаря живописи и скульптуре появилась возможность оценить особенности техники движений античных атлетов в различных видах спорта и сравнить ее с техникой современных спортсменов. Античная Греция подарила нам не так много спортивных дисциплин, но о каждой из них дошедшие до нас предметы старины могут многое рассказать.

Легкая атлетика в современном ее виде была представлена на Олимпийских играх древности пятью дисциплинами: бег на короткие (стадион – 192,28 м и диаул – 384,54 м) и средние (долиходром – от 1500 до 4500 м) дистанции, метание диска и копья и прыжки в длину. Еще один античный вид – бег в вооружении (гоплитодром) – также по структуре можно отнести к легкоатлетическим видам [11, 12].

Изображения бегунов на античных вазах свидетельствуют о том, что еще до нашей эры греки прекрасно владели рациональной техникой бега, различая особенности движений спринтеров и стайеров.

Для древнегреческих бегунов на короткие дистанции были характерны небольшой наклон туловища вперед, постановка ноги на грунт с передней части стопы, широкий беговой шаг с большими углами разведения бедер в тазобедренном сочленении, активные размашистые движения руками, т.е. та кинематическая структура бега, которая считается оптимальной и в настоящее время демонстрируется ведущими спринтерами мира (рис. 1). Следует помнить, что греки бегали босиком, что влияло на структуру и вектор отталкивания от беговой дорожки. Соответственно, античные бегуны имели более сильные стопы и хорошо развитую проприоцепцию через восприятие своего положения в пространстве с помощью рецепторов подошв [13].

Единственным отличием является положение стоп бегунов, которые вытянуты вперед в фазе амортизации. В современной технике спринта стопа атлета перед приземлением должна брать себя на себя для последующей постановки на грунт загребаящим движением вниз-назад для более эффективного отталкивания.

При этом древние спринтеры изображаются в самой привлекательной для восприятия безопорной фазе бега, точнее, даже в фазе завершения отталкивания, поэтому определенные вопросы могут возникнуть относительно кинематики перемещения маховой ноги в

фазе полета. Оптимальной считается техника, при которой после завершения отталкивания голень маховой ноги выполняет захлест назад с последующим максимальным сгибанием в коленном суставе в момент прохождения вертикали при выносе вперед. Поэтому о рациональной технике переноса маховой ноги стадионистов и диаулистов мы можем судить только по косвенным признакам, таким как длина бегового шага и положение бедер и голени на имеющихся изображениях. К сожалению, античные художники, пытаясь показать всю красоту спринтерского бега, не задумывались о ценности данной информации для будущих поколений.

Рис. 1. Изображение спринтеров (стадионистов)

Визуальным отличием античных стадионистов от современных спринтеров также является положение ладоней. Древнегреческие атлеты изображены с полностью выпрямленными ладонями и расставленными пальцами. Вероятно, атлеты и их наставники полагали, что это поможет лучше «разрезать» воздух, уменьшая его сопротивление. Однако современные специалисты считают, что положение прямых ладоней не вносит какого-либо существенного вклада в итоговый результат, напротив, заставляет напрягать мышцы предплечья и запястья, т.е. спортсмен расходует лишнюю энергию. Поэтому современные спринтеры удерживают пальцы рук во время бега в обычном полусогнутом состоянии и при этом не поднимают их выше уровня головы [14].

Стадионистам было намного сложнее пробежать дистанцию, чем современным бегунам на 200 м, так как античные атлеты были вынуждены преодолевать ее по прямой с максимальной скоростью, в то время как современные бегуны преодолевают первые 100 м по виражу с чуть меньшей скоростью, чем вторую часть по прямой. При беге по виражу и по прямой наблюдаются несущественные различия в технике движений (разный наклон туловища, постановка стоп, поворот верхней части тела, работа рук); тем не менее это допускает кратковременный отдых для отдельных

мышечных групп. При циклическом беге по прямой мышечная усталость наступает быстрее, тем более что античные бегуны преодолевали дистанцию босиком.

Для женщин на время проведения Олимпийских игр действовал строгий запрет на участие в каких-либо соревнованиях, однако после окончания программы мужских стартов для незамужних девушек устраивались Герейские игры, состоящие только из одного вида – бега на дистанцию, равную 5/6 длины стадия (~ 160 м). Девушки соревновались одетыми в хитоны с оголенной правой грудью [15]. Практически не сохранилось античных изображений легкоатлетов, а на имеющихся росписях технику бега гречанок, даже с учетом длинного платья, нельзя назвать рациональной. У девушек, изображенных на вазе, практически отсутствует фаза полета, кроме того, заметны низкая посадка и перемещение на полусогнутых ногах. При этом мы видим правильный наклон туловища и грамотную работу рук (рис. 2).

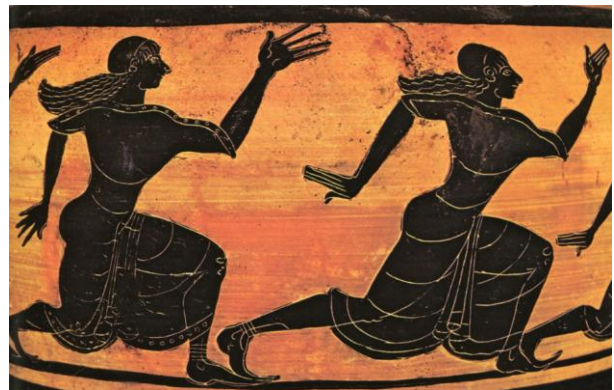

Рис. 2. Изображение девушек-стадионисток

У долихонистов, античных бегунов на средние и длинные дистанции, напротив, на изображении заметны более экономичные движения руками с меньшей амплитудой, почти прямой корпус, более короткий шаг, постановка ноги на грунт больше на всю стопу, взгляд направлен вперед (рис. 3).

Рис. 3. Изображение бега стайеров (долихонистов)

Данным бегунам была необходима, в первую очередь, хорошо развитая выносливость и как следствие –

более экономичная техника движений на каждом шаге. Ладони долихотромистов находятся в естественном положении и не выпрямляются, в этом нет необходимости, учитывая невысокую скорость бега.

То же самое естественное положение ладоней можно различить и на изображении гоплитотромистов (рис. 4), что также является косвенным подтверждением невысокой скорости данного вида бега.

Гоплиты – тяжеловооруженные пехотинцы, которые доминировали на поле боя в войнах древнегреческих полисов [16]. Поэтому данный вид беговой программы, который появился в программе Олимпийских игр одним из последних, был необходим в первую очередь для подготовки воинов. Бегунам приходилось преодолевать дистанцию в два стадия со щитом, в шлеме и поножах, которые вскоре отменили, поскольку бегать в них было крайне неудобно.

Бег гоплитотромистов, с одной стороны, можно условно сравнить с современным разбегом в метании копья, когда одна рука спортсмена держит снаряд и не участвует в процессе движения. В этом случае при перемещении атлета имеет место дисбаланс, четные шаги оказываются чуть длиннее нечетных или наоборот, а верхняя часть тела должна разворачиваться в сторону руки со снарядом. Это положение мы и видим на изображении.

Рис. 4. Изображение бегунов в вооружении (гоплитотромистов)

С другой стороны, бег с тяжелым щитом перед собой напоминает разбег прыгуна с шестом, который должен балансировать с грузом в руках, сохраняя центр тяжести. В этом ракурсе поза гоплитотромиста, изображенного на вазе, не является идеальной, поскольку заметен излишний наклон туловища вперед, а рука со щитом не прижата к телу, а находится немного впереди. Все это приводит к смещению общего центра массы тела вперед и негативно сказывается на кинематической структуре бега.

Древние греки метали диск не так, как современные атлеты. Бросок снаряда происходил с места. Дискотромист вставал на небольшое возвышение, брал диск в сильнейшую (правую) руку, наклонялся вперед, упираясь ладонью левой руки в правое колено, отводил прямую правую руку с диском назад, чуть за спину, и выпускал снаряд вперед снизу вверх в вертикальной плоскости ребром к земле [17]. Атлеты и их наставники полагали,

что таким образом диск будет лучше разрезать воздух, что и отразится на дальности броска (рис. 5).

Рис. 5. Изображение метателя диска

Исследовать технику античных метателей диска специалистам оказалось значительно проще, ведь в их распоряжении, помимо изображений на вазах, оказались копии одной из наиболее знаменитых статуй античности – статуи «Дискотромист» древнегреческого скульптора Мирона, оригинал которой был создан около 450 г. до н.э. и, к сожалению, не сохранился (рис. 6).

Рис. 6. Дискотромист (копия), Рим, Палаццо Массимо алле Терме

Это был первый опыт классической скульптуры, изображающей фигуру атлета в движении, поэтому статуя имеет совершенно плоскостной, рельефный характер, где все главные элементы движения собраны на передней плоскости; она рассчитана на просмотр только спереди, а профиль совершенно лишен самостоятельного значения, так как не имеет глубины [18].

Тем не менее статуя дает возможность с высокой степенью точности определить особенности техники античного метателя диска.

Статуя изображает подготовительную к действию стадию, когда атлет, нагнувшись и напрягая все мышечные группы, отвел правую руку с диском далеко назад, повернул голову в сторону снаряда и готов начать финальное усилие. Тяжесть всего тела приходится на правую ногу, напряжение всех сил выражено выступающими сухожилиями на правой ноге, левая отставлена назад на носок и помогает атлету поддерживать равновесие тела.

Надо признать, что кинематические и биомеханические характеристики техники античных атлетов были не совершенны. Дело в том что, во первых, на дальность полета диска влияет высота выпуска снаряда, поэтому бросок снизу вверх будет в заведомо проигрышном положении, а во вторых на летящий в вертикальной плоскости снаряд не будет действовать подъемная сила, удерживающая его в воздушном потоке.

На Олимпийских играх 1908 г. в Лондоне специально было проведено соревнование, в котором каждый из метателей совершал свои попытки сначала древнегреческим, а затем современным стилем метания. И результаты всех спортсменов в современном стиле метания оказались на 3–5 м больше [19].

Мнения исследователей относительно метания копья, другого вида древнегреческих метаний, расходятся. Многие полагают, что данный вид метаний сложно сравнивать с современным прежде всего потому, что согласно историческим хроникам античные атлеты совершали бросок с места в цель [7, 11]. О правоте данной версии говорит отмеченный на некоторых изображениях ограничительный столб, вероятно, отмечающий место, за которым должен был стоять атлет (рис. 7).

При этом некоторые сравнения техники финального усилия очевидно прослеживаются. На изображении древний метатель отводит прямую правую руку со снарядом максимально назад, добиваясь тем самым увеличения пути приложения усилия и одновременно выводя далеко вперед левую руку, задавая направление полета снаряда. Левая нога метателя отмечена постановкой на всю стопу. Все эти составляющие положительно влияют на дальность и точность броска. Однако при выполнении бросков на дальность впередистоящая левая нога не должна сгибаться в коленном суставе, иначе приобретенная нижними конечностями энергия не в полном мере будет передаваться верхним. Положение согнутой в коленном суставе левой ноги также указывает на то, что атлеты выполняют бросок в цель.

Единственное, что вызывает вопросы, это положение головы метателя, повернутой назад. Согласно кинематической схеме метания голова атлета не должна поворачиваться, а взгляд должен быть постоянно направлен вперед. Совершенно очевидно, что повороты головы во время подготовки и в момент выпуска снаряда будут отрицательно сказываться на траектории движения и точности броска [20]. Вероятно, при

изображении спортсмена древние художники использовали поворот головы как художественный прием, способствующий лучшему восприятию картины зрителем, опуская при этом правильную технику выполнения упражнения.

Рис. 7. Изображение копьеметателя

Однако некоторые специалисты считают, что на соревнованиях в Древней Греции все же практиковались броски копья на дальность [21]. Дело в том, что копья — один из самых распространенных предметов, представленных на вазах. При этом выделяют копья с заостренным наконечником для метания в цель и тупые копья, которые можно было использовать только для метания на дальние расстояния. Именно атлеты с тупыми копьями представлены почти на всех античных изображениях древнегреческих олимпийцев (рис. 8).

Рис. 8. Древнегреческие пятиборцы

Были у античных копьеметателей и свои маленькие хитрости. Атлетическое копье было легким оружием и металось с помощью метательного ремня, называемого аментум (рис. 9).

Рис. 9. Хват копья древнегреческими атлетами

Это был кожаный ремешок, который перед использованием крепко обвязывался вокруг центра древка таким образом, чтобы оставалась петля, в которую метатель вставлял указательный или безымянный и средний пальцы.

Точка крепления аментума находилась рядом с центром тяжести и менялась в зависимости от того, каким образом копье должно было быть брошено — на расстояние или в цель. Когда копье покидало руку, натяжение аментума поворачивало его на пол-оборота и придавало вращательное движение, которое помогало копью сохранять не только направление, но и стабильность в полете и увеличивало его дальность. Расположив аментум позади центра тяжести, можно было увеличить расстояние броска, но в ущерб точности [21].

Самым непонятным для современного восприятия был древнегреческий прыжок в длину. Дело в том, что атлеты выполняли прыжок со специальными каменными или металлическими гантелями в руках, называемыми хальтересами (рис. 10). Их вес колебался от 1,5 до 4,5 кг [22].

По мнению древних греков, гантели должны были усиливать отталкивание и точнее направлять размах рук, облегчая прыжок. В связи с этим длина прыжка должна была увеличиваться. В данном случае греки точно представляли себе такие понятия, как общий центр массы тела, действие на атлета силы реакции опоры, векторы приложения сил тяжести и инерции.

Рис. 10. Прыжок в длину с хальтересами

Точных описаний того, как греки выполняли прыжок, не сохранилось. Ситуацию окончательно запутали древнегреческие литературные источники, согласно которым античный олимпийский чемпион некто Фаилл прыгал (в пересчете на сегодняшние единицы измерения) в районе 16,20–16,40 м, что соответствует результату современного тройного прыжка [22]. Ученые, занимающиеся данным вопросом, с учетом современных знаний о кинематике и биомеханике прыжков имеют на этот счет разные мнения.

По мнению одних специалистов, прыжок выполнялся с разбега с небольшого возвышения, расположенного примерно в 8–10 м от ямы с песком, и результат измерялся от начала разбега [11]. По мнению других, атлет совершал тройной прыжок, аналогичный современному [23, 24]. Многие исследователи считают, что имело место выполнение пяти прыжков в длину с места подряд, при этом атлет гантели из рук не выпускал [25, 26].

В любом случае перед отталкиванием прыгуну было необходимо отвести руки с гантелями назад, а в момент отталкивания резко выбросить их вперед. Выброшенные вперед руки с гантелями под действием силы инерции гантелей тянули атлета вперед. Перед приземлением прыгун делал резкий замах руками назад, выбрасывая гантели за спину, что усиливало движение тела атлета. При этом туловище прыгун на протяжении всей фазы полета должен был держать ровно. Такую же технику в фазе полета демонстрируют и современные прыгуны в длину, только, естественно, без гантелей.

Кроме того, древние греки чрезвычайно важное значение придавали стилю прыжка, поэтому прыжки в длину всегда сопровождалась игрой на флейте. Возможно, музыкальное сопровождение обязывало атлета соблюдать темпо-ритмовые характеристики движений при разбеге и отталкивании, если считать, что греки все-таки прыгали с разбега [12]. Нечто подобное мы видим и в современных прыжках в длину, когда некоторые прыгуны перед началом разбега поднимают вверх руки и начинают хлопать в ладоши, заставляя зрителей делать то же самое, чтобы задавать прыгуну ритм разбега.

Выдерживать стиль античным прыгунам приходилось и при приземлении. Если по отпечаткам ступней на песке устанавливали, что одна ступня оказывалась впереди другой, то прыжок не засчитывался [7].

В ноябре 2022 г. преподаватели кафедры физической культуры Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения провели исследование, в процессе которого студенты, юноши в возрасте 17–19 лет, должны были выполнять прыжок в длину с места с гантелями весом 1,5 кг в каждой руке. Данное исследование показало, насколько важное значение имеет грамотная техника прыжка. Молодые люди, которые сумели «поймать» правильную кинематику и последовательность движений, смогли показать результат на 10–15 см выше, чем в прыжке без гантелей, что доказывает эффективность древнегреческого прыжка с использованием утяжелителей.

Проведенная автором работа позволяет сделать следующие выводы.

1. Все представленные на Античных Олимпийских играх виды легкоатлетических соревнований, за исключением бега в вооружении, и сегодня в несколько видоизмененном виде являются популярными дисциплинами современной легкой атлетики. Древние греки сумели подобрать и организовать соревнования по таким видам физических упражнений, которые позволяют развивать и проявлять все основные физические качества человека, способствуют повышению уровня его физической подготовленности и при этом интересны как самим атлетам, так и зрителям.

2. Древние греки были достаточно компетентны в вопросах оптимальной кинематической и динамической структуры движений, анатомических и биомеханических принципах физических упражнений. В беге на короткие дистанции, метании копья, прыжках в длину античные атлеты, в соответствии с особенностями соревнований, демонстрировали грамотную рациональную технику движений.

3. При этом античные атлеты и их наставники хуже представляли себе основы аэродинамики. Придавая важное значение уменьшению силы сопротивления воздушной среды (выпрямленные ладони в беге, выпускаемый в вертикальной плоскости диск), они не учитывали факторы подъемной силы, действующей на диск в полете, и высоту выпуска снаряда, поэтому античная техника метания диска не являлась рациональной с точки зрения современных подходов.

4. Важное значение древние греки отводили совершенству тела атлетов, красоте и гармонии движений. Красота движений при выполнении упражнений ценилась не меньше силовых и скоростных способностей атлетов, что проявлялось в живописи и скульптуре того времени. Практически на всех изображениях атлеты предстают в самый яркий момент выполнения того или иного вида олимпийской программы, в позах, демонстрирующих рельеф мышечных групп, плавность и ритмичность движений, внутреннюю гармо-

нию и целеустремленность. Часто античные художники и скульпторы намеренно искажали технику выполнения атлетом двигательного задания в угоду лучшему восприятию его образа.

5. Без уникальных артефактов прошлого и спортивных традиций древности современная легкая атлетика не состоялась бы во всей ее красоте и многообразии. Благодаря культуре и искусству спортивные традиции, заложенные в глубокой древности, смогли найти свое отражение в современной действительности.

В современных реалиях нашего общества остро ставится вопрос формирования спортивной культуры, в первую очередь у подрастающего поколения [27]. Молодые должны понимать, что двигательная деятельность человека не происходит сама по себе, а представляет собой жизненно важную необходимость, общественное явление, тесно связанное со многими сторонами социальной действительности, все глубже внедряется в общую структуру образа жизни людей.

Атмосфера состязательности античного греческого общества сформировала высокую культуру, которая позволяла грекам ощущать свое духовное превосходство над «варварами», т.е. над всеми остальными народами, которым все это было не свойственно.

С портретом греческого олимпийского атлета была связана целая система этических и эстетических ценностей. Систематическая тренировка, настойчивость в овладении упражнениями, непрерывность усилий, самодисциплина – все эти ценности выходят за пределы спорта. Истинный олимпийский дух предполагает сверхусилие, соединенное с безграничной сдержанностью. Закономерное желание победить, занять ведущее место среди других сочетается с реальной оценкой достоинств соперников [28]. Современные молодые начинающие атлеты должны научиться оценивать сущность спорта как социокультурного явления. Цель данной работы как раз и заключалась в том, чтобы показать тесную связь спорта с историей, культурой и искусством, решая задачу воспитания гармонично развитой личности, сильной духом и телом.

Список источников

1. Бурич В. Олимпийский огонь: Спорт в творчестве поэтов мира. М. : Физкультура и спорт, 1980. 382 с.
2. Геродот. История : в 9 кн. / под общ. ред. С.Л. Утченко. Л. : Наука, 1972. 600 с.
3. Павсаний. Описание Эллады. Ч. 2. / под ред. Е.В. Никитюк. СПб. : Алетея, 1996. 563 с.
4. Вишпер Б.Р. Искусство Древней Греции. М. : Наука, 1972. 270 с.
5. Andronicos M. 1992: Olympia: The Archaeological site and the Museum. Athens, 1992.
6. Schobel H. Olympia und seine Spiele. Gütersloh : Prisma, 1984. 148 p.
7. Palaeologos K. The Olympic Games in ancient Greece. Athens, 1976.
8. Сидоренко А.С. Сравнительный анализ философии игры в ножной мяч в странах Европы и Юго-Восточной Азии // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 168–175. doi: 10.17223/15617793/487/19
9. Сидоренко А.С. Репрезентация спорта в творчестве голландских художников 16–17 вв. // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2020. № 3 (38). С. 33–44.
10. Блаватский В.Д. История античной расписной керамики. М. : Изд-во Московского университета, 1953. 302 с.
11. Голощапов Б.Р. История физической культуры и спорта : учеб. пособие для студентов высших педагогических учебных заведений. М. : Академия, 2001. 312 с.
12. Платонов В.Н. Энциклопедия Олимпийского спорта. Киев : Олимпийская литература, 2002. 496 с.
13. Донской Д.Д. Биомеханика с основами спортивной техники. М. : Физкультура и спорт, 1971. 287 с.
14. Жиликин А.И., Кузьмин В.С., Сидорчук Е.В. Легкая атлетика : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 2003. 464 с.
15. Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М. : Прогресс, 1992. 519 с.
16. Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М. : Радуга, 1982. 387 с.
17. Липаев В.Ф. История метания диска // Е-СЮ. 2022. № 2 (65). С. 301–305.
18. Вальдгауер О.Ф. Мирон. Берлин : Госиздат РСФСР, 1923. 45 с.
19. The fourth Olympiad. The official report. 1908: London. London : The British Olympic association, 108 Victoria street, London, S.W, 1909. 798 p.

20. Томпсон Д.Л. Введение в теорию тренировки. Официальное руководство IAAF по обучению легкой атлетике. Lincolnshire : Warners Midland splcr The Maltings, 2009. 228 p.
21. Harris H. A. Greek Javelin Throwing // *Greece & Rome*. 1963. Vol. 10, № 1. P. 26–36.
22. Golden M. *Sport in the Ancient World from A to Z*. Routledge Taylor & Francis eBooks, 2008. 208 p.
23. Lenoir M., Clercq D., Laporte W. The "how" and "why" of the ancient Greek long jump with weights: A five-fold symmetric jump in a row? // *Journal of Sports Sciences*. 2005. Vol. 23 (10). P. 1033–1043.
24. Ebert J. Der Pentathlonsprung // *Abh. Söchs. Akad. Wiss. Philo-Hisot. Klasse*. 1963. Vol. 56. P. 35–65.
25. Minetti A.E., Ardigo L.P. Halteres used in ancient Olympic long jump // *Nature*. 2002. Vol. 420. P. 141–142.
26. Papadopoulos C., Noussios G., Manopoulos E., Kiritsi O., Ntones G., Gantiraga E., Gissis I. Standing long jump and handheld halters; is jumping performance improved? // *Journal of Human Sport & Exercise*. 2011. Vol. 6, № 2. P. 436–443.
27. Сосновский В.С., Дураc E.E., Загpевская В.С. Олимпийское образование как средство формирования нравственной культуры школьников // *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 385. С. 163–167. doi: 10.17223/15617793/385/29
28. Богданова М.А. Культурное содержание олимпизма: от античности к современности // *Вестник Томского государственного университета*. 2010. № 336. С. 55–59.

References

1. Burich, V.P. (1980) *Olimpiyskiy ogon': Sport v tvorchestve poetov mira* [Olympic Flame: Sports in the works of poets of the world]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
2. Herodotus. (1972) *Istoriya* [Histories]. Translated from Ancient Greek. Leningrad: Nauka.
3. Pausanias. (1996) *Opisanie Ellady* [Description of Greece]. Translated from Ancient Greek. Pt. 2. Saint Petersburg: Aleteyya.
4. Vipper, B.R. (1972) *Iskusstvo Drevney Gretsii* [Art of Ancient Greece]. Moscow: Nauka.
5. Andronicos, M. (1992) 1992: *Olympia: The Archaeological site and the Museum*. Athens: Ekdotike Athenon S.A.
6. Schobel, H. (1984) *Olimpia und seine Spiele*. Gütersloh: Prisma.
7. Paleologos, K. (1976) *The Olympic Games in Ancient Greece*. Athens: Ekdotike Athenon S.A.
8. Sidorenko, A.S. (2023) Comparative analysis of the philosophy of football in Europe and Southeast Asia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 487. pp. 168–175. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/487/19
9. Sidorenko, A.S. (2020) Reprezentatsiya sporta v tvorchestve gollandskikh khudozhnikov XVI–XVII vv. [Representation of sports in the works of Dutch artists of the 16th–17th centuries]. *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informatsionnyy zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv*. 3 (38). pp. 33–44.
10. Blavatskiy, V.D. (1953) *Istoriya antichnoy raspisnoy keramiki* [History of Ancient Painted Ceramics]. Moscow: Moscow State University.
11. Goloshchapov, B.R. (2001) *Istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [History of Physical Culture and Sports]. Moscow: Akademiya.
12. Platonov, V.N. (2002) *Entsiklopediya Olimpiyskogo sporta* [Encyclopedia of Olympic Sports]. Kiev: Olimpiyskaya literatura.
13. Donskoy, D.D. (1971) *Biomekhanika s osnovami sportivnoy tekhniki* [Biomechanics with the Basics of Sports Technology]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
14. Zhilkin, A.I., Kuz'min, V.S. & Sidorchuk, E.V. (2003) *Legkaya atletika* [Athletics]. Moscow: Akademiya.
15. Graves, R. (1992) *Mify Drevney Gretsii* [The Greek Myths]. Translated from English. Moscow: Progress.
16. Kun, L. (1982) *Vseobshchaya istoriya fizicheskoy kul'tury i sporta* [General History of Physical Culture and Sports]. Moscow: Raduga.
17. Lipaev, V.F. (2022) Istoriya metaniya diska [History of discus throwing]. *E-SCIO*. 2 (65). pp. 301–305.
18. Waldhauer, O.F. (1923) *Miron* [Miron]. Translated from German. Berlin: Gosizdat RSFSR.
19. The British Olympic association. (1909) *The fourth Olympiad. The official report. 1908: London*. London: The British Olympic association.
20. Tompson, P.J.L. (2009) *Vvedenie v teoriyu trenirovki. Ofitsial'noe rukovodstvo IAAF po obucheniyu legkoy atletike* [Introduction to Training Theory. The IAAF's Official Guide to Athletics Training]. Lincolnshire: Warners Midlands plc. The Maltings.
21. Harris, H.A. (1963) Greek Javelin Throwing. *Greece & Rome*. 1 (10). pp. 26–36.
22. Golden, M. (2008) *Sport in the Ancient World from A to Z*. Routledge Taylor & Francis eBooks.
23. Lenoir, M., Clercq, D. & Laporte, W. (2005) The "how" and "why" of the ancient Greek long jump with weights: A five-fold symmetric jump in a row? *Journal of Sports Sciences*. 10 (23). pp. 1033–1043.
24. Ebert, J. (1963) Der Pentathlonsprung. *Abh. Söchs. Akad. Wiss. Philo-Hisot. Klasse*. 56. pp. 35–65.
25. Minetti, A.E. & Ardigo, L.P. (2002) Halteres used in ancient Olympic long jump. *Nature*. 420. pp. 141–142.
26. Papadopoulos, C. et al. (2011) Standing long jump and handheld halters; is jumping performance improved? *Journal of Human Sport & Exercise*. 2 (6). pp. 436–443.
27. Sosunovskiy, V.S., Duras, E.E. & Zagrevskaya, V.S. (2014) Olympic Education as a Means of Forming the Moral Culture of Schoolchildren. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 385. pp. 163–167. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/385/29
28. Bogdanova, M.A. (2010) Cultural content of Olympism: from antiquity to modernity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 336. pp. 55–59. (In Russian).

Информация об авторе:

Сидоренко А.С. – канд. пед. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: thesis@internet.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.S. Sidorenko, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation (Saint Petersburg, Russian Federation) E-mail: thesis@internet.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2023;
одобрена после рецензирования 19.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 21.06.2023;
approved after reviewing 19.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/496/6

Женское самосознание в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: переосмысление и разрушение «Я»

Ван Люян

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, wangl@my.msu.ru

Аннотация. Статья посвящена выявлению особенностей женского самосознания в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал (1865(?)–1907) и исследованию обретения ею творческой самостоятельности, попыткам сопротивления патриархатному дискурсу символизма в лице ее мужа поэта Вячеслава Иванова. В хронологической последовательности, под углом зрения признаков самоидентификации устанавливается связь между событиями жизни автора и художественным автобиографизмом драмы «Кольца», повести «Тридцать три урода», рассказов «Трагический зверинец». Делается вывод о непреодоленном внутреннем конфликте, завершившемся разрушением «Я», т.е. смертью писательницы.

Ключевые слова: женское самосознание, Л.Д. Зиновьева-Аннибал, повесть «Тридцать три урода», цикл рассказов «Трагический зверинец», драма «Кольца», Вячеслав Иванов, автобиографизм

Для цитирования: Ван Люян. Женское самосознание в произведениях Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: переосмысление и разрушение «Я» // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 52–60. doi: 10.17223/15617793/496/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/6

Women's self-consciousness in works of Lydia Zinovieva-Annibal: The redefining and destruction of the Self

Wang Liuyang¹

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, wangl@my.msu.ru

Abstract. The aim of the study described in the article is to analyse three representative works (the drama *Rings*, the novella *Thirty-Three Abominations*, the cycle of short stories *The Tragic Menagerie*) by the Symbolist writer Lydia Dmitrievna Zinovieva-Annibal. These pieces reveal the manifestation of her self-consciousness in literary works in different periods, show the transformation of the writers' identity in her creative practice. The author proves that in terms of identity Zinovieva-Annibal is characterised by duality: in the cultural context she is known as the wife and muse of the Symbolist poet Vyacheslav Ivanov and the hostess of the St. Petersburg "Tower", and in literature she showed herself as an author of works – a creative subject. The article traces the profound influence her husband's philosophical and aesthetic ideas had on her and at the same time reveals that to a certain extent they caused strong resistance, which contributed to the strengthening of her writing voice. The study utilises biographical, intertextual and comparative-historical methods; each of them helps to identify important components of the text. As a result, the author found that all the analysed works have an autobiographical basis. The author shows that the process of perception of Ivanov's philosophical and aesthetic concept of life-creativity led to their transformation, which determined the independence of the creative efforts of Zinovieva-Annibal, who underlyingly rebelled against the patriarchal Symbolist discourse in general. Written during the period of marital harmony, *Rings* can be seen as a development and continuation of Ivanov's mystical-religious aesthetics, but its tragic finale suggests that the harmony envisioned is utopian. *Thirty-Three Abominations* is written in the genre of a diary; however, although at first glance the work corresponds to the aesthetic discourse of symbolism, it feels like a protest and rebellion against the symbolist idea of woman and femininity. In real life, Zinovieva-Annibal created a women's association called Fias where men were not allowed as an "answer" to the male community in the Tower of Hafiz. *The Tragic Menagerie* is thematically more varied, and it vividly reveals Zinovieva-Annibal's attempt to "free herself" from the Symbolist vitality of life. The author considers the change of themes and the change of ideas in Zinovieva-Annibal's works as a symptom of evolution, which led, however, to physical self-destruction. However, in her works, the writer triumphed: having destroyed the "Self", she tried to rethink the ideology of Symbolism and the role of women in it. This process prepared the ground for the subsequent artistic practice of Russian modernist women writers.

Keywords: women's self-consciousness, Lydia Zinovieva-Annibal, *Thirty-Three Abominations*, cycle of short stories *The Tragic Menagerie*, drama *Rings*, Vyacheslav Ivanov, autobiographism

For citation: Wang Liuyang. (2023) Women's self-consciousness in works of Lydia Zinovieva-Annibal: The redefining and destruction of the Self. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 52–60. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/6

Феномен отчуждения отчетливо ощущался в российском обществе в конце XIX в. и был явлен в различных формах жестокости. Достоевский еще раньше обнаружил это явление и изобразил его в виде «страданий, унижений и непризнанности человека в классовом обществе», как сформулировал это М.М. Бахтин. У человека «отняли признание и отняли имя. Его загнали в вынужденное одиночество, которое непокорные стремятся превратить в гордое одиночество» [1. С. 331]. Но Достоевскому важно было показать, что одиночество человека – иллюзия, что человек существует среди других и утверждает себя через них. Само бытие человека есть глубочайшее общение. Он заглядывает в свое собственное сердце, но также проникает в сердца других людей и видит себя глазами других. Бахтин расшифровывает эту тенденцию как потребность в диалоге: «Я не могу обойтись без другого, не могу стать самим собою без другого; я должен найти себя в другом, найдя другого в себе. Оправдание не может быть самооправданием, признание не может быть самопризнанием. Мое имя я получаю от другого, и оно существует для других (самоименование – самозванство). Невозможна и любовь к себе самому» [1. С. 330]. Это не только философский взгляд Достоевского, но и художественный взгляд на чувствование и познание человеческой души. Это явно гуманистический тезис. И такой гуманизм глубоко укоренился в русской культуре, для которой влияние Достоевского было чрезвычайно важным. Через призму литературных текстов можно увидеть, как самопознание и самосознание специфически проявляются в творчестве писателей Серебряного века, особенно тех, кто испытал влияние Достоевского и в чьих произведениях читается стремление изобразить отдельные стороны своего автобиографического «я», наделить протагонистов чертами собственной личности. Такая творческая стратегия характерна для женской прозы в целом. Но на рубеже XIX–XX вв., когда расширились границы дозволенного для женского нарратива, желание рассказать о лично пережитом, донести свой голос до читателя стали насущной потребностью. Героини Анны Мар, А. Мирз, Нины Петровской, Веры Рудич почти точно воспроизводят этапы судеб писательниц.

Среди них справедливо выделить имя Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал (1865(?)–1907). Так, В. Иванов в предисловии к ее драме «Кольца» писал о влиянии на нее и ее современников идей «Достоевского о круговой поруке всего живущего как грешного единым грехом и страдающего единым страданием...» [2. С. 27]. Зиновьева-Аннибал и Достоевский также схожи в том, как они изображают любовь в своих произведениях, которая зачастую носит у них дионисийский характер: «Все творчество Достоевского насыщено жгучей и страстной любовью. Он открывает в русской стихии начало страстное и сладострастное.

Ничего подобного у других русских писателей нет. <...> Любовь у Достоевского исключительно дионисична» [3. С. 273]. В текстах писательницы можно найти прямое воспроизведение мыслей классика (например, о жертве, страдании и человеческом муравейнике в рассказах «Помогите вы! Бред красным карандашом», «За решетку»).

Личность Зиновьевой-Аннибал при жизни осуществилась в двух основных ипостасях: супруга, мужа поэта-символиста В.И. Иванова, хозяйка петербургской «башни» и литературный творческий субъект. В первой функции она, по мнению Н.А. Бердяева, была «более дионисической, бурной, порывистой, революционной по темпераменту, стихийной, вечно толкающей вперед и ввысь» [4. С. 319] натурой, чем ее муж. Как писательница тоже была известна, но ее творческая деятельность получила неоднозначные отзывы. Первое свое произведение она создала в конце 1880-х гг., потом был довольно долгий перерыв, и напряженно творить она стала только в конце 1890-х. Прервала ее творчество смерть в 1907 г. Она оставила после себя пьесы, повести, рассказы, цикл стихотворений в прозе, критические эссе. Среди этих произведений наиболее репрезентативными можно считать пьесу «Кольца» (1904), лирическую повесть «Тридцать три уroda» (1906) и рассказы сборника «Трагический Зверинец» (1907), и не только по причине того, что эти произведения стали «вехами на пути обретения писательницей своего собственного художественного видения» [5. С. 24], но и потому, что «жанрово-стилистическая структура» произведений Зиновьевой-Аннибал позволяет оценить их «как “первые ласточки” того направления в литературе, которое получит развитие гораздо позже, а в середине XX века будет обозначено как “женское письмо” в терминологии феминистского литературного критицизма» [6]. Из-за двойственности функционирования феномена Лидии Зиновьевой-Аннибал (субъект собственного творчества и объект творчества своего мужа в образе менады) не только трудно уловить проявление ее личности как творческого субъекта, но и полностью осознать всю глубину ее произведений.

Это связано с тем, что «в истории литературы до сих пор доминирует подход, который представляет авторов-женщин через их взаимосвязи с мужчинами, как бы частью комплементарной пары» [7. С. 6]. Конечно, на рубеже XIX–XX вв. были и другие женщины, оказавшиеся в подобном положении: например, З.Н. Гиппиус была женой Д.С. Мережковского, художница Маргарита Сабашникова – женой поэта М.А. Володина. Но все же Гиппиус заявила о себе как писательница параллельно с Мережковским, а о даре Сабашниковой было ведомо только самым близким людям. Поэтому положение Зиновьевой-Аннибал можно считать наиболее уникальным и драматичным. И противоречие между различными идентичностями вызывает у

нее конфликт самосознания, что отражается в меняющемся ракурсе освещения событий ее жизни, которые становятся основой ее произведений. Это происходит потому, что, как считает американская исследовательница, «стремясь утвердить свой собственный голос как писательница, она вынуждена была настойчиво определять свою позицию по отношению к ряду сильных, проникающих влияний» [8. Р. 156]¹. Согласно мнению Т.Л. Никольской, подчеркнувшей глубокую связь творческой жизни писательницы с Вячеславом Ивановым и его воздействием, тем не менее, «“дионисийство”, и “соборность” были ею глубоко внутренне прочувствованы и выстраданы. Л.Д. Зиновьева-Аннибал никогда не прекращала духовных поисков, старалась найти свой собственный путь в жизни и литературе» [9. С. 131]. Так же считает и Франсуаза Дефарж: «Зиновьева-Аннибал соглашалась с традиционной женской ролью в обществе и знала, как воспользоваться поддержкой своего культурного окружения. Однако она сопротивлялась ассимиляции и играла с двойственностью своего образа, находя в себе силы бросить вызов общепринятым нормам, и выбирала свой собственный путь, проходящий в стороне от проторенных дорог» [10]². О том же пишет и Дж. Престо: «Тенденция к вытеснению “функции жены” и “функции музы” у подавляющего большинства женщин в символизме происходит одновременно с усилением “функции автора” и во многом была обусловлена философскими основами и эстетическими практиками самого русского символизма» [11. Р. 135]³.

Стоит указать на важные факторы, повлиявшие на творчество женщин на переломе XIX и XX вв. Символистский дискурс привлек внимание к творчеству женщин и в определенной степени создал позитивную творческую среду для писательниц. Китайский ученый Чэнь Фан отмечает, что «за каждой успешной женщиной-писателем Серебряного века стояли один или несколько великих писателей-мужчин <...> В Серебряном веке, когда распространялись литературные школы и литературные салоны, женщины-писательницы часто играли роль “хозяек”. Благодаря браку или семейным связям некоторые женщины-писательницы смогли раньше и легче проявить свои дарования и таланты» [12. С. 178]⁴. Этот культурный запрос создал среду относительного равенства с мужчинами в области творчества. Одним из таких пространств для проявления талантов стала “башня”, созданная В. Ивановым и Зиновьевой-Аннибал. Литературное творчество Зиновьевой-Аннибал обрело силу и уверенность именно после встречи с Ивановым, который, можно сказать, создал условия для работы жены. По мнению С. Аверинцева, «в атмосфере, порождаемой такими умственными движениями, как немецкая романтика и русский символизм, женщины не хотя бы только женщинами» [13]. Иванов подчеркивал важность гендерного равенства и женской независимости: «каждый пол в человечестве должен раскрыть свой гений отдельно и самостоятельно: мужчина и женщина равно должны достичь своей своеобразной красоты и мощи, своей завершительной энтелехии, не приспособляя свой пол к запросам и требованиям другого» [14. С. 144]. Но вопрос о том, способны ли женщины

сконструировать свою собственную идентичность как субъекты художественного творчества в символистском пространстве или они остаются зависимыми от теоретических конструктов мужского литературного канона, все еще требует конкретного анализа. По мнению Н. Бердяева, «женщина в полярной своей противоположности мужчине имеет свое индивидуальное призвание, свое высокое назначение», оно заключается «в утверждении метафизического начала женственности, которое призвано сыграть творческую роль в ходе всемирной истории. <...> Назначение женщины – конкретно воплотить в мир Вечную Женственность, то есть одну из сторон божественной природы, и этим путем вести мир к любовной гармонии красоте и свободе. <...> Женщина должна быть произведением искусства, примером творчества Божьего, силой, вдохновляющей творчество мужественное» [15. С. 253–254]. То есть мы видим превращение женщины в объект, пусть и прекрасный, но объект. Женщина в такой парадигме лишается субъектности. Она становится сосудом,местищем творческих импульсов, пусть и инициированных Богом, но способным в первую очередь вдохновлять и стимулировать творчество мужское.

Итак, закономерен вопрос: под чьим влиянием проходило формирование творческих импульсов Зиновьевой-Аннибал? Во-первых, в качестве значимого воздействия следует упомянуть о женском божестве, образ которого берет свое начало в мифологии и религии (для Вл. Соловьева это мистическое космическое существо, первоисточник мира – София) и глубоко укоренен в культуре, философии и эстетике русской ментальности. Бердяев определяет русскую религиозность как «женственную», как «религиозность коллективной биологической теплоты, переживаемой как теплота мистическая. <...> Это не столько религия Христа, сколько религия Богородицы, религия матери-земли, женского божества, освещающего плотский быт» [16. С. 10]. Философское понимание этого сложного женского образа лучше всего выражено в поэзии Серебряного века, где Вечная Женственность, София, Богоматерь, Земля стали олицетворением богоискательства и символом духовного обновления России.

В конце XIX – начале XX в. символизм в России стал важным способом противостояния пустоте и методом поиска новых духовных путей в культуре и искусстве. Философия Вл. Соловьева, вобравшая «в себя и шеллингову мировую душу, и “божественную подругу” Данте, и “вечную женственность” Гете, давала символистам своего рода “мифологический код”» [17. С. 83]. Его софиология «оказала сильнейшее воздействие как на философско-религиозную мысль XX века, так и на эстетическое сознание и художественную практику многих видных представителей культуры Серебряного века» [18. С. 15]. Стоит упомянуть, что реальная женщина, Любовь Дмитриевна Менделеева, предстала в облике Прекрасной дамы для поэта-символиста А. Блока и стала источником его вдохновения. При этом она «была вписана в соловьевский идеал как в любви, так и в искусстве», возведена на пьедестал «как пассивный объект поклонения» [8. Р. 159]⁵ не

только для Блока, но и для других символистов. Последователем софиологии Соловьева был теоретик символизма, поэт и мыслитель Иванов, чье творчество и жизненные устремления пропитаны женственными мистическими элементами. «Сама идеология символизма от вечала прерогативе женского начала мира, что для Иванова является идеей первосущностной, лежащей в основании духовной культуры вообще» [19. С. 95]. Кроме того, ядро философской и эстетической мысли Иванова было тесно связано с эллинским учением о дионисизме, пропущенном через восприятие идей Ницше (преодоление индивидуализма, дионисийское расширение границ собственной личности в состоянии экстаза, проявляющееся в беспредельной любви к другому). Известно, что непосредственное влияние мужа на Зиновьеву-Аннибал было огромным. И все эти импульсы не могли не отозваться в ее творчестве.

Элементы эстетических и философских теорий Иванова с опорой на учение Вл. Соловьева отчетливо проявляются в трех главных произведениях Зиновьевой-Аннибал: пьесе «Кольца», повести «Тридцать три урода», цикле рассказов «Трагический зверинец». Особенно это заметно в драме «Кольца». Пьеса была написана в Париже в 1903 г., в период, когда отношения Иванова и Зиновьева-Аннибал были на пике эмоциональной напряженности. Их встреча не только подарила Иванову музу и единомышленницу, но и указала поэту-символисту новое направление в его духовных поисках. Иванов пишет: «Друг через друга нашли мы – каждый себя и более, чем только себя: я бы сказал, мы обрели Бога. Встреча с нею была подобна могучей весенней дионисийской грозе, после которой все во мне обновилось, расцвело и зазеленело. И не только во мне впервые раскрылся и осознал себя, вольно и уверенно, поэт, но и в ней: всю нашу совместную жизнь, полную глубоких внутренних событий, можно без преувеличений назвать для нас обоих порою непрерывного вдохновения и напряженного духовного горения» [20. С. 315]. Влияние Иванова на Зиновьеву-Аннибал было, повторим, огромным. Их брак дал им настоящую объединяющую силу и раскрыл индивидуальность каждого⁶. В пьесе «Кольца» нашла отражение создаваемая именно в это время концепция В. Иванова о бесконечно расширяющемся, свободно принимающем в себя новых участников союзе мужчин и женщин, союзе, обеспечивающем освобождение от эгоизма и индивидуализма. Зиновьева-Аннибал воспроизводит эту схему «дарения» женой своего мужа другим женщинам. Себя она выводит в виде главной героини пьесы Аглаи, жены Алексея, которая проходит мучительный путь терзаний, ревности, но в итоге освобождается от них, веря себя и мужа космической стихии океана любви. Видимо, обсуждение этих идей происходило в семье Ивановых неоднократно, поэтому она вкладывает в уста Аглаи почти те же слова, что возникали в ее переписке с мужем: «Не помню себя до него, какая была. Была ли вообще? Я – он. Вся в нем» [21. С. 228]. В целом издание 1904 г. допустимо рассматривать как их совместное творение, так как текст драмы подвигнул Иванова к написанию статьи «Новые маски», которая стала предисловием к пьесе. Но и сама пьеса

стала иллюстрацией основных положений теории Иванова о трагедии. Статья «Новые маски» выступает и как подсказка для понимания и интерпретации символистского смысла пьесы. Она прочитывается в некотором роде и как общий манифест супругов, которые жаждали слияния не только в жизни, но и в искусстве (напомним, что они собирались выпускать совместный журнал, т.е. творческий процесс должен был стать воистину общим).

Важное место в дионисийской теории Иванова занимает тема жертвенности. Она многократно возникает на страницах произведений писательницы. Концепция жертвоприношения хорошо вписывалась в концепцию искусства как религиозной формы, предложенной русским символизмом. Как писал Иванов в «Новых масках», «трагическая Муза говорит всегда о целом и всеобщем, являет своих героев в аспекте вечной жертвы и осиявает частный образ космического мученичества священным литургическим венцом» [2. С. 76]. Иванов расшифровывает свою мысль: «В дифирамбических очищениях мы, хотя бы на одно мгновение, воистину ощущаем себя и мир по-иному <...>. Умереть в духе вместе с трагической жертвой, ликом умирающего Диониса, и воскреснуть в Дионисе воскресающем – в этом сущность дифирамбического очищения» [2. С. 79]. И Зиновьева-Аннибал выстроила пьесу как дифирамб. Об этом писали современники, ознакомившиеся с текстом.

Жертвенная концепция дионисийства присутствует и в повести «Тридцать три урода». Главная идея, которая проходит через все повествование, – это крик одной из героинь, Веры (в ней можно найти черты самой Зиновьевой-Аннибал, поскольку сюжет повести практически дублирует те «эксперименты» по созданию расширенных брачных союзов, которые проводил на башне Вяч. Иванов с М. Сабашниковой и С. Городецким), обращенный к ее возлюбленной: «Ты воистину прекрасна – я не могу не давать тебя людям <...> Я должна тебя дать людям» [21. С. 29]! Но именно после того, как Вера отпустила любимую в мир, она все же приходит к решению покончить с собой. То есть она преодолела свой эгоизм, но, как видим, не смогла принять на себя роль жертвы, отдающей миру поистине бесценное. Таким образом, «крах утопического идеала “священной”, “соборной” любви в мире дионисийского “раздора и хаоса” оказывается знаковым и отражает появление у писательницы сомнений в правильности выбранного к преосуществлению “здешней” реальности пути, в благотворности и безопасности “дионисийских” экспериментов» [22. С. 76]. Следовательно, возникают сомнения в возможности благостного разрешения столкновения дионисийского начала с проявлениями земной любви. Ученые отмечают, что «на основе мифа о Софии Л.Д. Зиновьева-Аннибал конструирует в “Тридцати трёх уродах” свой собственный миф, вслед за Ивановым пытаясь примирить Вл. Соловьёва и этически прочувствованного Ф. Ницше». Это могло быть осуществлено путем «воссоединения части с целым» с помощью «утончённой идеи Вл. Соловьёва», а также «посредством древнего дионисийского оргазма, экстатического выхода из

граней своего эмпирического «я» (в «земном», «человеческом» измерении)» [22. С. 76]. Но «функционирование категории феминности в конструировании символистской эстетики ставило авторов-женщин в сложную ситуацию. С одной стороны, женщин уважали, но, с другой стороны, они оказались в посреднической роли музы и супруги поэтов и писателей» [7. С. 16]. И вот этот диссонанс и рождал внутренние неразрешимые противоречия. Трагедийность «Тридцати трех уродов» не разрешалась катарсисом.

«Трагический зверинец» – последнее, что было издано при жизни Л.Д. Зиновьевой-Аннибал. Этот цикл рассказов, частично напечатанных ранее, считается вершиной ее творчества. Дионисийское бунтарское начало натуры писательницы ярко отразилось в этом произведении в очевидно автобиографическом образе героини, носящей знаковое имя Вера. Зиновьева-Аннибал рисует сначала взбалмошного подростка, а потом мятежную девушку, которая является полной противоположностью чистому и доброму ребенку в традиционной версии русской литературы. Однако в отличие от «Колеса» и «Тридцати трех уродов», хотя все три произведения объединяет трагический эмоциональный тон, в «Трагическом зверинце» возникает светлый, открытый финал, демонстрирующий силу любви, имеющую своим истоком сильную волю. Согласно точке зрения переводчицы произведения на английский язык и исследовательницы творчества писательницы Дж. Костлоу, «Вера, которой исполнилось восемнадцать лет, решает начать жизнь, состоящую из любви и борьбы. Ее обретения вдохновлены как отворачиванием к инертности и несчастьям России, так и ее собственным неутолимимым стремлением к свободе. Она мечтает о возрождении и широких горизонтах, где не долг и молчание, а любовь и справедливость будут соединены» [23. Р. 197]⁷. Следовательно, Зиновьева-Аннибал вносит коррективы в символистскую эстетическую модель, насыщая ее элементами женского самосознания. Анализируя основные идеи упомянутых трех произведений и творческую практику писательницы, можно прийти к выводу, что в каждом из анализируемых произведений наличествуют вариации обозначенных символистских концептов.

Написанные в гармоничный период брака с Ивановым «Кольца» можно рассмотреть как «дублирование» мистической религиозной эстетики Иванова. В этой пьесе «сплелись идеи отречения и самоотречения, отказа от уединенности и необходимость жертвы» [5. С. 8]. Однако идея пьесы, близкая к концепции дионисийского искусства, трактуемого Ивановым как преодоление индивидуализма и вхождение в «соборное» сообщество через «дионисийское очищение», не была услышана в символистских кругах. Пьеса получила единичные отзывы, хотя представляла собой едва ли не канонический образец символистской драмы. В пьесе сложный клубок взаимных желаний и привязанностей разрастается до космических размеров, демонстрируя глубины самопожертвования и вершины вселенской любви. В духовной трансформации и сублимации героини пьесы Аглае сосредоточена философская идея Иванова о мистическом дионисийском начале. Иванов

писал, что «драма была некогда только жертвенным дифирамбическим служением, и маска жертвы – трагического героя – только одним из обликов самого Страдающего Бога. По мере отдаления драмы от ее религиозных истоков, все менее прозрачною становится маска, все определеннее дифференцируется и сгущается трагический характер. Из агонии жертвы развивается трагическое действие с его перипетиями и прагматизмом внешним и психологическим <...> Снова разгоревшийся в нашу эпоху пафос живого проникновения в единство духа страдающего должен вновь опрозрачить маску и повлечь драму к ее другому полюсу... Драма отрешается от явления, отвращается от обнаружения <...> Наше самозабвение тогда уже не сладостное самоотчуждение чистого созерцания: под обаянием потустороннего взора вещей маски, надетой на лицо Ужаса, мы, сораспятые в духе со всем, что глянуло на нас ее глазами, требуем от художника врачевания и очищения в искупительном, разрешающем восторге» [2. С. 78]. Итак, Иванов предлагает увидеть в Аглае не женщину, а трагическую маску, за которой скрывается безличная боль и жертвенное страдание. Проникнув за маску, художник может очистить и приблизить к нам «земной» мир.

Аглая появляется уже в первом акте драмы. Одета в светлое, она жизнерадостна и приветлива. Но «за окном» таится иное, «глубокое темное» [21. С. 223]. Аглая «распахивает окно», и «темные ветки сосен врываются в комнату» [21. С. 222]). Такая антитетичность героини и внешнего мира образно намекает на риск вторжения темных сил в ее жизнь. Безумие и страдание демонстрирует и другая героиня, Анна, недавно ставшая любовницей мужа Аглаи. Она появляется в доме супругов, неся боль утраты мужа и детей. Одета Анна «в черное гладкое платье <...> любит тень» [21. С. 225]. Аглая – воплощение любви, она олицетворяет доброту, совершенство и стойкую непоколебимую любовь, соединенную с силой жизни. Анна тоже любит, но ее любовь мрачна, мертвенна, как коробки с игрушками ее умерших детей, с которыми она не расстается. Так писательница с самого начала обозначает наличие конфликта: столкновение разных типов любви, с которыми соотносятся героини (всеохватная любовь Аглаи и болезненная, эгоистическая любовь Анны).

По мере его углубления Зиновьева-Аннибал указывает на необходимость выйти за пределы узкой отгороженной от мира любви двух людей (такая любовь – «железное кольцо», «мертвое зеркало, не живая вода» [21. С. 227]). Для уничтожения этого «железного кольца» надо преодолеть ревность и ненависть. («Моя любовь распята. Здесь распятие моей любви <...> Моя любовь уходит, уходит дальше <...> дальше... чтобы не было железного кольца для двоих, чтобы не было мертвого зеркала для мира» [21. С. 284]). Восторгествовать должна гармоничная и всеобъемлющая любовь («Мы не можем быть двое, не должны смыкать кольца, мертвым зеркалом отражать мир <...> Вот брак двоих, жертва на алтаре, пылающей вселенской Любви! Беру, беру. Океану Любви – наши кольца любви!» [21. С. 303]). Так в пьесе была расшифрована идея Иванова: «отдать любимого всем» [5. С. 9]. Важна здесь и

метафора зеркала, которое в случае преодоления индивидуализма перестанет механически отображать мир (т.е. удваивать имеющееся в нем зло), а сделает мир цельным и объемным.

Идея «вселенской любви» организует повествование и в «Тридцати трех уродах». Существует мнение, что эта повесть «свидетельствует о бунте и протесте против символистской эстетики и особенно против символистских взглядов на женщину и фемининность, хотя на первый взгляд вписывается в этот эстетический дискурс» [7. С. 298]. В отличие от явного и прямого влияния Иванова в «Кольцах», в «Тридцати трех уродах» чувствуется сопротивление его концепции. В повести, разрабатывая тему влечения актрисы Веры к неизвестной прекрасной девушке, Зиновьева-Аннибал, хотя и надевает маску Менады и «прикрывается» стихией Диониса, на самом деле опровергает установки дионисийства и показывает трагический результат обретения «вселенской любви». Напомним, что и в реальной жизни супругов тоже все происходило не так гладко, как хотелось бы. Ни Городецкий, ни Сабашникова не смогли на деле доказать, что они достойны выбора Иванова, что способны воплотить «вселенскую любовь». Сабашникова погрузилась в пучину индивидуальной любви, Городецкий все эмоции выплеснул в стихах «Яри».

При появлении повести в печати она подверглась запрету, поскольку в ней явно прочитывались плотские отношения между героинями. Потом запрет был снят, и повесть появилась вторым изданием. Но если отвлечься от «лесбийской» канвы, то ее можно рассмотреть как феминистский проект, как свидетельство освобождения женского сознания. В данном случае речь идет об освобождении сознания автора. Героини Зиновьева-Аннибал озвучивают ее собственные мысли, она наделяет их биографическими чертами. То есть персонажи ее произведений часто транслируют те мысли, которые не осмелилась бы высказать она сама в реальной жизни, оставаясь в поле влияния своего мужа. Разумеется, речь не идет о полной идентичности писательницы и ее героинь. Но звук авторского голоса особенно ощутим в ее произведениях, которые почти всегда воспроизводят канву ее жизни. Конечно, как писал М.М. Бахтин, «автора мы находим (воспринимаем, понимаем, ощущаем, чувствуем) во всяком произведении искусства <...> Автора нельзя отделять от образов и персонажей, так как он входит в состав этих образов как их неотъемлемая часть» [24. С. 303–311]. Еще в большей степени это касается произведений, опирающихся на автобиографическую основу.

А те три произведения, о которых мы говорим, несомненно, автобиографичны. Анализ сохранившихся мемуаров о Зиновьевой-Аннибал доказывает, что все три имеют биографическую основу, в них отразился микроскоп самого автора вплоть до мелочей. Приведем такой пример: писательница носила оригинальную одежду – хитоны, которые ее дочь описывает так: «Хитон состоял из двух кусков материи, длинных, до полу, скрепленных на плечах брошками, сверху накидывала ткань в виде длинного и широкого шарфа, спускающегося с плечей вдоль рук» [20]. Но именно в

такие одежды обряжает свою возлюбленную Вера: она заказала для нее «шелковых и шерстяных тканей, <...> от них отрезает по три аршина. Скалывает у плеч и вдоль одного бока сверху до колена» [21. С. 25]. Кроме того, противодействие мужскому всевластию находит подтверждение в бытовых реалиях жизни на «башне». По инициативе Зиновьевой-Аннибал организовано женское объединение «Фиас», призванное быть дубликатом мужского «Гафиза», сформированного Ивановым. В «Фиас» не допускались мужчины, как в «Гафиз» – женщины. Подробности создания этих обществ найдем у Н.Г. Чулковой: «Вяч. Иванов называл свои собрания *Symposion* по примеру и в подражание “Пира” Платона. Устраивались еще и другие собрания, более интимных и более близких друзей, – на них не приглашались женщины. В противовес этим собраниям Лидия Дмитриевна собирала по вторникам своих друзей-женщин и назвала эти собрания Фиас. На этих вечерах, помню я, бывала Маргарита Васильевна Сабашникова <...> жена А. Блока – Любовь Дмитриевна Блок <...>. Всем давались имена исторических или мифологических героинь древности. Сабашникова названа была “Примавера”, Лидия Дмитриевна носила имя “Диотима”, Любовь Дм. Блок “Беатриче”» [25. С. 76]. Собственно, отношения Веры и ее возлюбленной могут восприниматься как «малый Фиас»: они тоже разговаривают на возвышенные темы, красиво одеваются. Об автобиографической основе повести свидетельствует и письмо Зиновьевой-Аннибал М.М. Замятиной: «А я вчера написала рассказ: “Тридцать три урода”. Это моя мука высказалась в очень странной форме. Задуман он давно» [26. С. 471].

Далеко не случайно для повести был выбран жанр дневника, который, как известно, ориентирован на биографический контекст, что придает произведению особую достоверность. Н.А. Богомолов отмечал, что при обращении к дневниковому жанру «граница между литературой и не-литературой перешагивается открыто, и переход осознается совершенно отчетливо <...> функции дневников решительно меняются, приобретают значение, далеко выходящее за пределы интимного жанра, находящегося за границами литературы» [27. С. 150]. Монологическая дневниковая форма повествования, избираемая автором, позволяет предположить, что его сознание близко человеку, пишущему дневник. И хотя в повести представлен дневник возлюбленной, а не Веры, на самом деле больше общего у Зиновьевой-Аннибал с Верой, а не с молодой девушкой. Но такая «запрограммированная» автором «тройственность» делает повествование еще более многоуровневым, позволяет автору-героине как бы наблюдать за собой, видеть себя глазами другого, о важности чего напоминал М.М. Бахтин: «я гляжу на себя глазами другого, оцениваю себя с точки зрения другого» [28. С. 241]. Это явно «утяжеляло» образ Веры, делало его более символичным и одновременно правдоподобным.

Сьюзен Лансер (Susan Lanser) считает, что «эпистолярность становится готовым убежищем, это композиционный суррогат, благодаря которому читатель может предположить идеологическую эквивалентность между автором и вымышленным автором письма, и

она, кажется, лучше всего достигается через эпистолярную структуру, в которой доминирует один голос» [29. Р. 46]⁸. Эти слова можно отнести и к дневнику. Таким образом, выбранная для повествования в «Тридцати трех уродах» форма дневника послужила для объединения голоса автора и голоса главной героини, что повысило доверие к прагматике текста и позволило «наблюдать» за поведением носительницы идеи всеобщей любви. Выбор такой жанровой формы придал повести ощущение подлинности, был многозначным и весьма обоснованным художественным решением. Об этом определенно пишет К. Эконен: «“Тридцать три урода” как металитературная повесть поднимает и связывает воедино вопросы феминности, женщины и творчества. Другими словами, жанровый выбор объединяет друг с другом две центральные темы повести – женщин и символизм» [7. С. 304]. Можно даже утверждать что, избрав такую форму повествования, автор старается избежать запрета, наложенного на женщин-творцов доминирующей патриархатной культурой, принимает «мужественное решение заявить о себе как о писателе в литературном мире, который был почти полностью мужским» [30]⁹.

На первых порах Иванов видел в Зиновьевой-Аннибал музу, он почти внушил ей, что ее природа – это дионисийский «проект» (у него были для этого основания, это помогло ее самораскрытию, сконструировало, по словам К. Эконен, ее «творческую идентичность» [7. С. 64]). На этой почве и появились «Кольца». Но вскоре она «пришла к выводу, что невозможно творить в позиции “отражения Иванова”» [7. С. 64]).

Если повесть «Тридцать три урода» прочитывается как поворот в мышлении писательницы, то пьесе «Певучий осел» можно счесть прямой пародией на дионисийскую мифогенную любовь и отрицанием возможности восхождения к вершинам духа путем экстатической любви к другому. По мнению Памелы Дэвидсон (P. Davidson), «“Певучий осел” предоставляет убедительные доказательства того», что писательница «начала отделяться от своего окружения и освобождаться от влияния мужа» [8. Р. 174]¹⁰.

Это же неприятие прежних идеалов проникло и в последнее произведение Зиновьевой-Аннибал – цикл «Трагический зверинец», объединяющий рассказы автобиографического характера. Костлоу вообще считает, что Зиновьева-Аннибал в них изменила писательскую оптику: «Если ее предыдущие работы иногда казались погруженными в выдуманную и вялую символику, то в “Трагическом зверинце” она двинулась в другом направлении, стала руководствоваться другой эстетикой. <...> Работа обнаруживает свой собственный поэтический источник <...> в животных, растительности, эротике» [23. Р. 195]¹¹. Прежде всего, бросается в глаза, что прослежен долгий путь взросления героини. Вера переходит из детства в юность. При этом героиня исследует свои внутренние побуждения, меняющиеся при соприкосновении с внешним миром. Она предается эротическим играм, склонна к воровству,

мошенничеству. В то же время писательница фокусирует внимание читателя в таких рассказах, как «Медвежата», «Журя», «Волки», «Чудовище», «Мошка», на судьбах животных и на размышлениях об отношениях между человеком и природой. Налицо такие важные темы, как выбор между добром и злом, переживание боли за все человечество, сомнение в вере и обретение ее. В рассказе «Чёрт» раздираемая эмоциями Вера превращается в «дьявола». Зиновьева-Аннибал анализирует болезненный подростковый возраст, показывая духовное смятение героини. Но когда Вера обращается к природе, та укрощает ее неистовые порывы («Красный паучок»). Подлинное обретение себя знаменует заключительный рассказ «Воля». Причем это не мрачная взвихренная шопенгауэровская воля, а воля просветленная, расковывающая, высвобождающая.

Согласно мнению P. Davidson, «символистский идеал включения абстрактных идей в жизнь часто приводил к превращению жизни в литературный артефакт, а не к ее желаемой интенсификации» [8. Р. 174]¹², но свободная воля, соединенная со «всеобщей любовью и жертвенностью», закрепленными в женском мышлении, становится тем новым путем, который намечает в женском творчестве Зиновьева-Аннибал. И хотя в цикле рассказов действует девочка-подросток, все импульсы ее жизни указывают, что автор «Трагического зверинца» хотела «жить не как молчаливая жена, а как путешественница, герой, поэт» [23. Р. 206]¹³.

Можно вспомнить «Кукольный дом» Г. Ибсена, который заканчивается уходом Норы. Но это был всего лишь импульсивный поступок, и он оставлял у читателей вопрос, что будет с Норой после ухода. Подобные вопросы связаны с жизнью и смертью Зиновьевой-Аннибал: как бы развивалось ее творчество, какие уроки она могла бы извлечь из своих дерзаний. Она явно пыталась «освободиться» от жизнетворчества символизма, избавиться от образа «прекрасной дамы», пусть и в облике Менады по имени Диотима. Но она не выдержала этой борьбы, надломилась и ушла из жизни недоиспользовавшись.

Трансформация художественного мышления Зиновьевой-Аннибал зафиксировалась в указанных произведениях. В личностном плане произошло разрушение «Я», но в творчестве была сделана попытка переосмысления идеологии символизма и роли женщины в нем. В целом вся ее творческая биография – пример постепенного избавления от патриархатного господства, дающего о себе знать и в символизме, хотя там он все же не декларируется открыто. Очевидно стремление к нахождению новых возможностей для диалога между полами, продемонстрированное в статье В.И. Иванова «О достоинстве женщины», идеи которой, скорее всего, были «подсказаны» женой. Эта интенция, продвигаемая идеологами Серебряного века, подготовила почву для следующей художественной практики русских писательниц-модернисток.

Примечания

¹ «In seeking to establish her own voice as a writer, she had to define her position with regard to a number of strong, pervasive influences» (перевод мой. – В.И.).

- ² «Zinovieva-Annnibal accepted her role as a woman, and she knew how to benefit occasionally from the support of the powerful and the wealth brought by their companionship. Yet she resisted assimilation and played with the ambivalence of images, finding the strength to challenge them and choose her own path, off the beaten track» (перевод мой. – В.Л.).
- ³ «...tendency for the “wife-function” and “muse-function” of the vast majority of women in Symbolism to supersede what Michel Foucault would refer to as the “author-function” (перевод мой. – В.Л.).
- ⁴ «Белый时代每一位成功的女作家背后，都站有一位或者数位男性大作家，<...> 在那个文学沙龙流派此起彼伏，文学沙龙鳞次栉比的年代，女性作家往往扮演着流派和沙龙“女主人”的角色，<...> 由于婚姻或者家庭关系，一些女作家得以较早、地更为便利地展现她们的天赋和才华» (перевод мой. – В.Л.).
- ⁵ «In her youth she was inscribed into the Solov'evian ideal, both in love and in art. Set up on a pedestal as a passive object of worship, her image was linked to that of the Beautiful Lady (Prekrasnaia Dama) and the eternal feminine and valued as a source of poetic inspiration» (перевод мой. – В.Л.).
- ⁶ Подробнее см.: Михайлова М.В. Вячеслав Иванов и Лидия Зиновьева-Аннибал: крах «идеального союза», или «Яркий образ возможного счастья?» // Философские эманации любви. М.: Языки славянских культур, 2019.
- ⁷ «Vera, now eighteen years old, resolves to embark on a life of love and struggle. Her quest is inspired both by revulsion at Russia's inertia and misery and by her own insatiable longing for freedom.<...> imagines regeneration and a broad horizon, not duty and silence but love and justice conjoined» (перевод мой. – В.Л.).
- ⁸ «Epistolarity be-comes a ready refuge, this compositional surrogacy, by which the reader might assume an ideological equivalence between the author and the fictional letter-writer, seems best accomplished through an epistolary structure that is dominated by a single voice» (перевод мой. – В.Л.).
- ⁹ «...her courageous determination to assert herself as a writer in a literary world that was almost entirely male» (перевод мой. – В.Л.).
- ¹⁰ «The Singing Ass provides compelling evidence that she was beginning to detach herself from her surroundings and to emancipate herself from her husband's influence» (перевод мой. – В.Л.).
- ¹¹ «For if her earlier work occasionally seemed mired in derivative and turgid symbolism, in The Tragic Menagerie she galloped off in a different direction. <...> The work discovers its own poetic source, not in cultural refinement or the Symbolists' "Tower," but in the animal, the meadow, the erotic» (перевод мой. – В.Л.).
- ¹² «It is well known that the Symbolist ideal of incorporating abstract ideas into life often resulted in the transformation of life into a literary artefact, rather than in its desired intensification» (перевод мой. – В.Л.).
- ¹³ «The Tragic Menagerie evokes Zinov'evaAnnibal's own unconventional life of creative relationship, suggesting that a woman can live not as the Silent Wife but as a traveler, a hero, a poet» (перевод мой. – В.Л.).

Список источников

- Бахтин М.М. К переработке книги о Достоевском // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 326–346.
- Иванов В. Новые маски // Иванов В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Брюссель, 1974. 852 с.
- Бердяев Н. Любовь у Достоевского // Русский эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. С. 273–283.
- Бердяев Н. Ивановские среды // Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М.: РИК Культура; Феникс, 1992. С. 319–323.
- Михайлова М.В. Страсти по Лидии // Тридцать три уroda: роман, рассказы, эссе, пьесы. М.: Аграф, 1999. С. 5–24.
- Суковатая В.А. «33 уroda» Лидии Зиновьевой-Аннибал, или Эротический «Другой» женской наррации // Гендерные исследования. 1999. № 2. URL: https://www.researchgate.net/publication/318100397_33_uroda_Lidii_Zinov'evaAnnibal_ili_Eroticeskij_Druoj_zenskoj_narracii_Gendernye_issledovania_1999_No_2 (дата обращения: 01.04.2023).
- Эконен К. Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 400 с.
- Davidson P. Lidiia Zinov'eva-Annnibal's The Singing Ass: A woman's view of men and Eros // Marsh R. Gender and Russian Literature: New Perspectives (Cambridge Studies in Russian Literature, pp. 155–183). Cambridge: Cambridge University Press, 1996. doi: 10.1017/CBO9780511554100.009
- Никольская Т.Л. Творческий путь Л.Д. Зиновьевой-Аннибал // Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1988. Вып. 813. С. 123–137.
- Defarges F. Being a Woman and a Writer in the Russian Silver Age // Revue Russe. Paris: Revue Russe. 2018. № 51. P. 29–40. doi: 10.3406/russe.2018.2857
- Presto J. Women in Russian Symbolism: Beyond the algebra of love // A History of Women's Writing in Russia / eds. by A. Barker, J. Gheith. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. P. 134–152. doi: 10.1017/CBO9780511485930.009
- 陈方, 俄罗斯文学的“第二性”. 北京: 北京语言大学出版社, 2015. 页数:260 [Чэнь Фан. “Второй пол” русской литературы. Пекин: Изд-во Пекинского ун-та языка и культуры, 2015. 260 с.]
- Аверинцев С. Культура русского символизма в мировом контексте. К постановке вопроса (доклад на Ученом совете МГУ 16 декабря 2002 г.) // In memoriam: Сергей Аверинцев. 2004. № 2004. С. 217–231.
- Иванов В. О достоинстве женщины // Иванов В. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. Брюссель, 1979. 896 с.
- Бердяев Н. Метафизика пола и любви // Русский эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. С. 232–272.
- Бердяев Н. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. 352 с.
- Гайденок П. Сблaзн «святой плоти» (Сергей Соловьев и русский серебряный век) // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 72–127.
- Бычков В.В. Соловьёв и эстетическое сознание Серебряного века // Владимир Соловьёв и культура Серебряного века. Сборник: к 150-летию Вл. Соловьёва и 110-летию А.Ф. Лосева. М.: Наука, 2005. С. 11–28.
- Дзуцева Н.В. «Вечная женственность» Вл. Соловьёва в эстетико-философском дискурсе Вяч. Иванова // Соловьёвские исследования. 2011. № 1. С. 93–99.
- Иванов В. Автобиографическое письмо С.А. Венгерову // Иванова Л. Воспоминания. Книга об отце. М.: РИК Культура; Феникс, 1992. С. 301–323.
- Зиновьева-Аннибал Л.Д. Тридцать три уroda: роман, рассказы, эссе, пьесы. М.: Аграф, 1999. 494 с.
- Баркер Е.Н. Дионисийский символ серебряного века: Творчество Л.Д. Зиновьевой-Аннибал: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001. 238 с.
- Costlow J. The Gallop, the Wolf, the Caress: Eros and Nature in the Tragic Menagerie // The Russian Review. 1997. Vol. 56 (2). P. 192–208. doi: 10.2307/131655
- Бахтин М.М. Опыт философского анализа // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 297–325.
- Богомолов Н.А. Петербургские гафизиты // Михаил Кузмин: статьи и материалы. М.: Новое литературное обозрение, 1995. 367 с.
- Кузмин М.А. Дневник 1905–1907 / предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова, С.В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.
- Богомолов Н.А. Дневники в русской культуре начала XX века // Тыняновский сборник: Четвертые Тыняновские чтения. Рига, 1990. С. 148–158.
- Бахтин М.М. К вопросам самосознания и самооценки // Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. С. 241–248.
- Lanser S. Fictions of Authority: Women Writers and Narrative Voice. Cornell University Press, 1992. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt207g6vm> (дата обращения: 01.04.2023).
- Defarges F. The body in the work of Lydia Zinovieva: an agent of liberation // Revue Russe. Paris: Revue Russe. 2019. № 51.

References

- Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskusstvo. pp. 326–346.
- Ivanov, V. (1974) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.

3. Berdyaev, N. (1991) Lyubov' u Dostoevskogo [Love in Dostoevsky]. In: Shestakov, V.P. (ed.) *Russkiy eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia]. Moscow: Progress. pp. 273–283.
4. Berdyaev, N. (1992) Ivanovskie sredy [Ivanovo environments]. In: Ivanova, L. *Vospominaniya. Kniga ob otse* [Memoirs. A book about my father]. Moscow: RIK Kul'tura; Feniks. pp. 319–323.
5. Mikhaylova, M.V. (1999) Strasti po Lidii [Passion for Lydia]. In: Zinovieva-Annibal, L. *Tridsat' tri uroda: roman, rasskazy, esse, p'esy* [The Tragic Menagerie: The novel, short stories, essays, plays]. Moscow: Agraf. pp. 5–24.
6. Sukovataya, V.A. (1999) “33 uroda” Lidii Zinov'evoy-Annibal, ili Eroticheskiy “Drugoy” zhenskoy narratsii [The Tragic Menagerie by Lydia Zinovieva-Annibal, or the Erotic “Other” of the Female Narration]. *Gendernye issledovaniya*. 2. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/publication/318100397_33_uroda_Lidii_Zinovevoj_-Annibal_ili_Eroticeskij_Druvoj_zenskoj_narratsii_Gendernye_issledovaniya_1999_No_2. (Accessed: 01.04.2023).
7. Ekonen, K. (2011) *Tvoret's, sub'ekt, zhenshchina: Strategii zhenskogo pis'ma v russkom simvolizme* [Creator, Subject, Woman: Strategies of women's writing in Russian symbolism]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Davidson, P. (1996) Lidia Zinov'eva-Annibal's The Singing Ass: A woman's view of men and Eros. In: Marsh, R. *Gender and Russian Literature: New Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 155–183. DOI: 10.1017/CBO9780511554100.009
9. Nikol'skaya, T.L. (1988) Tvorcheskiy put' L.D. Zinov'evoy-Annibal [Creative path of L.D. Zinovieva-Annibal]. *Uchenye zapiski Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta*. 813. pp. 123–137.
10. Defarges, F. (2018) Being a Woman and a Writer in the Russian Silver Age. *Revue Russe. Paris: Revue Russe*. 51. pp. 29–40. DOI: 10.3406/russe.2018.2857
11. Presto, J. (2002) Women in Russian Symbolism: Beyond the algebra of love. In: Barker, A. & Gheith, J. (eds) *A History of Women's Writing in Russia*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 134–152. DOI: 10.1017/CBO9780511485930.009
12. Cheng, F. (2015) *“The Second Sex” of Russian Literature*. Beijing: Beijing Language and Culture University. (In Chinese).
13. Averintsev, S. (2004) Kul'tura russkogo simvolizma v mirovom kontekste. K postanovke voprosa (doklad na Uchenom soвете MGU 16 dekabrya 2002 g.) [The culture of Russian symbolism in the global context. On posing the question (report at the Academic Council of Moscow State University on December 16, 2002)]. In: Gal'tseva, R.A. (ed.) *Inmemoriam: Sergey Averintsev*. Moscow: INION. pp. 217–231.
14. Ivanov, V. (1979) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Brussels: Foyer Oriental Chrétien.
15. Berdyaev, N. (1991) Metafizika pola i lyubvi [Metaphysics of sex and love]. In: Shestakov, V.P. (ed.) *Russkiy eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii* [Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia]. Moscow: Progress. pp. 232–272.
16. Berdyaev, N. (1990) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
17. Gaydenko, P. (1996) Soblazn “svyatoy ploti” (Sergey Solov'ev i russkiy serebryanny vek) [The temptation of “holy flesh” (Sergei Solovyov and the Russian Silver Age)]. *Voprosy literatury*. 4. pp. 72–127.
18. Bychkov, V.V. (2005) Solov'ev i esteticheskoe soznanie Serebryanogo veka [Solovyov and the aesthetic consciousness of the Silver Age]. In: Takho-Godi, A.A. & Takho-Godi, E.A. (eds) *Vladimir Solov'ev i kul'tura Serebryanogo veka* [Vladimir Solovyov and the Culture of the Silver Age]. Moscow: Nauka. pp. 11–28.
19. Dzutseva, N.V. (2011) “Vechnaya zhenstvennost'” VI. Solov'eva v estetiko-filosofskom diskurse Vyach. Ivanova [“Eternal Femininity” of VI. Solovyov in the aesthetic and philosophical discourse of Vyach. Ivanov]. *Solov'evskie issledovaniya*. 1. pp. 93–99.
20. Ivanov, V. (1992) Avtobiograficheskoe pis'mo S.A. Vengerovu [Autobiographical letter to S.A. Vengerov]. In: Ivanova, L. *Vospominaniya. Kniga ob otse* [Memoirs. A book about a father]. Moscow: RIK Kul'tura; Feniks. pp. 301–323.
21. Zinov'eva-Annibal, L.D. (1999) *Tridsat' tri uroda: roman, rasskazy, esse, p'esy* [The Tragic Menagerie: The novel, short stories, essays, plays]. Moscow: Agraf.
22. Barker, E.N. (2001) *Dionisiyskiy simvol serebryanogo veka: Tvorchestvo L.D. Zinov'evoy-Annibal* [Dionysian symbol of the Silver Age: creativity of L.D. Zinovieva-Annibal]. Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
23. Costlow, J. (1997) The Gallop, the Wolf, the Caress: Eros and Nature in the Tragic Menagerie. *The Russian Review*. 56 (2). pp. 192–208. DOI: 10.2307/131655
24. Bakhtin, M.M. (1986) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Iskustvo. pp. 297–325.
25. Bogomolov, N.A. (1995) *Mikhail Kuzmin: stat'i i materialy* [Mikhail Kuzmin: Articles and materials]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
26. Kuzmin, M.A. (2000) *Dnevnik 1905–1907* [Diary of 1905–1907]. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakh.
27. Bogomolov, N.A. (1990) *Dnevnik v russkoy kul'ture nachala XX veka* [Diaries in Russian culture of the early 20th century]. In: Chudakova, M.O. (ed.) *Tynyanovskiy sbornik: Chetvertye Tynyanovskie chteniya* [Tynyanov Collection: Fourth Tynyanov readings]. Riga: Latvian Academy of Sciences. pp. 148–158.
28. Bakhtin, M.M. (2000) *Avtor i geroy: k filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [Author and Hero: On the philosophical foundations of the humanities]. Saint Petersburg: Azbuka. pp. 241–248.
29. Lanser, S. (1992) *Fictions of Authority: Women Writers and Narrative Voice*. Cornell University Press. [Online] Available from: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt207g6vm>. (Accessed: 01.04.2023).
30. Defarges, F. (2019) The body in the work of Lydia Zinovieva: an agent of liberation. *Revue Russe*. 51.

Информация об авторе:

Ван Люян – аспирант кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). E-mail: wangl@my.msu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Wang Liuyang, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: wangl@my.msu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.05.2023;
одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 24.05.2023;
approved after reviewing 22.09.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/496/7

Б. Пастернак и С. Кьеркегор: тема повода

Алла Владимировна Радионова¹

¹ Смоленский государственный университет, Смоленск, Россия, allarad1@rambler.ru

Аннотация. На материале анализа книги С. Кьеркегора «Или-или», поэзии и прозы Б. Пастернака анализируются общие взгляды на вопрос о поводе к творчеству. Дается анализ комплексного межтекстового взаимодействия с несколькими точками соприкосновения: метатроп мельницы, метамотивы артистической игры, чадоубийства, принесения в жертву, бреда, бормотания и болтовни, незаметности великого и величия ничтожного. Этот комплекс формирует поэтико-философское поле, рассматривающее роль триггера в творческом процессе и творца в развитии истории и существования.

Ключевые слова: Б. Пастернак, С. Кьеркегор, межтекстовое взаимодействие, точки соприкосновения, поэтико-философское поле, тема повода

Для цитирования: Радионова А.В. Б. Пастернак и С. Кьеркегор: тема повода // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 61–67. doi: 10.17223/15617793/496/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/7

Boris Pasternak and Soren Kierkegaard: The problem of occasion

Alla V. Radionova¹

¹ Smolensk State University, Smolensk, Russian Federation, wangl@my.msu.ru

Abstract. The aim of this study is to analyse the influence of Soren Kierkegaard on the works of Boris Pasternak. Pasternak's poetry, fiction, publications and letters, as well as the chapter "First Love" of Kierkegaard's book *Either/Or* were used as research material to review the standpoint of both authors regarding the problem of occasion for creativity, twists of fate, and changes in history. The study notes that Goethe and Nietzsche wrote about occasion in creating art and culture, and that Nietzsche's ideas regarding genius and his own creation as an occasion for the other were reflected in Pasternak's works. But the comparative method of thematic complexes that form the reasoning about the nature of Kierkegaard's occasion found multiple points of contact with the poetic and philosophical field of Pasternak's "occasion for creativity" in his unfinished work, "The Story of a Counteroctave", in the prosaic fragments "The Second Picture. Saint Petersburg", in the poems "The Stars in Summer", "Slanting Pictures, Flying Rains...", "A Ballad". The analysis of the thematic paradigm of "occasion" revealed recurring themes, motifs and images in the works of both authors. These are particularly the images of "occasion → weeds", thread, fruit, the windmill poet, motifs of madness, mumbling, delirium, and chatter. The significance of these elements in Pasternak's creative paradigm speaks of their being metatropes, semantic nests that form his poetic and philosophical concept. Both Kierkegaard and Pasternak explored the duality of the "occasion"/"anledning" concept. In the Danish language, as well as in Russian, it has two meanings: a leash, a tool used for leading, as well as an external circumstance that has caused a certain event. Not only the closeness of thematic complexes around the nuclear concept of occasion were revealed, but also the coincidence of micro plots. Kierkegaard describes the type of writer who is less vain than he is insane, just "grinding" away as he chatters about life, while, in reality, uttering the truth. In his description, Kierkegaard, alluding to a well-known tale by the Brothers Grimm, "Around the Juniper Bush", also uses the allegory of the windmill. In the fairy tale, the father unknowingly eats his son who was killed by the evil stepmother, with the mill becoming a witness of what happens. The detected similarity in the use of the specified formal elements speaks of a convergence of Kierkegaard's and Pasternak's philosophical concepts.

Keywords: Boris Pasternak, Soren Kierkegaard, intratextual relations, points of contact, poetic and philosophical field, problem of occasion

For citation: Radionova, A.V. (2023) Boris Pasternak and Soren Kierkegaard: The problem of occasion. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 61–67. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/7

Серьезные занятия философией, которой Б. Пастернак отдал свои университетские годы и интерес к которой сохранил на протяжении всей жизни, в значительной степени повлияли на формирование поэтико-философского поля в его творческой системе. Ряд проблемных вопросов был разработан им концептуально в художественной, публицистической и эпистолярной форме. Один из таких вопросов связан со степенью обусловленности деятельности субъекта творчества внешним по отношению к нему бытием (историческим и бытовым). В своем романе Борис Пастернак описал процесс творчества: «в такие минуты Юрий Андреевич чувствовал, что главную работу совершает не он сам, но то, что выше его, что находится над ним и управляет им, а именно: состояние мировой мысли и поэзии и то, что ей предназначено в будущем, следующий по порядку шаг, который предстоит ей сделать в ее историческом развитии. И он чувствовал себя только поводом и опорной точкой, чтобы она пришла в это движение» [1. С. 434]. Взгляд на гениальность как повод, на ее роль в истории, на подчиненное по отношению к высшей силе положение гения сложились в результате осмысления нескольких философских систем.

В попытках понять феномен искусства в философии возникло особое проблемное поле, включающее вопрос о поводе, провоцирующем вдохновение. Гений может быть охарактеризован как остраненный свидетель, демиург-диктатор или как пассивное орудие высших сил. На генезис творчества сложилось два противоположных представления: истинное творчество целесообразно и планируемо или спонтанно и случайно. И.В. Гете о роли повода в процессе создания произведения рассуждал так: «читая отдельные произведения, нельзя не отметить, что почти все они обязаны своим возникновением тому или иному поводу и в каждом из них отчетливо видны определенные внешние обстоятельства...» [2. С. 9]. Он заметил, что великие произведения искусства создавались как по заданию, внешнему стимулу, так и спонтанно, по внутреннему побуждению. Но, анализируя проявления своего собственного поэтического дара, он писал несколько иное: «проявление поэтического дара, правда, могло быть вызвано и определено каким-нибудь поводом, но всего радостнее, всего ярче он проявлялся произвольно, более того – против моей воли» [2. С. 568–569].

Проблему возникновения искусства, его обусловленности рассматривал Ф. Ницше, и во многом Б. Пастернак отталкивался от его теории. Ницше отметил, что жизнь произведений искусства имеет самостоятельное значение: как книги, так и люди становятся поводами «к другим действиям, решениям, мыслям» [3. С. 153], окутывая все явления мира невидимыми связями, создавая бессмертные движения, бытие вечного становления. Каждый человек и каждое произведение искусства – повод для другого. Гений появляется, когда ущербный человек осознает, что его недостаток является поводом для наилучшего развития других черт, например, свободного ума [3. С. 172–173]. А вот глобальные события, типа становления государства, «приходят как судьба, беспричинно, безрассудно, без рассуждений и повода, они тут, как молния, слишком

ужасные, слишком неожиданные, слишком убедительные» [4. С. 77–76].

Возможно, этим ницшеанским сравнением навеян Пастернаку образ в описании революционного города: *Где-то с шумом падает вода. / Где-то театр музеем заподозрен. / Где-то реют молний повод. / Где-то рвутся каменные ноздри* («Город (Отрывки целого)» [5. С. 388]). Сопоставление повода и молнии встречается в стихотворении «Звезды летом» *Небо в бездне поводов, / Чтоб набедокурить* [5. С. 130]. Образ двойственен. С одной стороны, обыгрывается значение поводов и повода-поводья. Для Ницше поводья (удила) – концептуальный образ: удерживание человеком своих инстинктов усилиями разума он сравнивает с управлением поводьями «божественным зверем» [4. С. 264]. И эти поводья философ упоминает не раз. Так в свободном творчестве происходит отказ от традиционной морали – «смелое бросание поводьев» [6. С. 316]; «если он отпустит повод своего дарования – как легко может он погибнуть духовно» [4. С. 341]. Так, «подобно всаднику, мчащемуся на фыркающем коне, мы бросаем поводья перед бесконечным, мы, современные люди, мы, полуварвары...» [6. С. 345].

С другой стороны, для молнии не нужен повод, она сама есть повод для природного катаклизма. Так и все великое не нуждается в поводах, оно всегда повод само по себе.

Ницшеанская немотивированность глобальных исторических сдвигов отзывается в высказываниях на эту тему Юрия Живаго в романе Пастернака¹. Также и действия великих художников немотивированны, бессознательны. Ницше отмечал, что «они охвачены тем ужасным железным эгоизмом творчества, который вперед оправдан навсегда» [8. С. 77]. Ницшеанское сопротивление поводам и поводьям отражено в «Вакханалии»: *Но для первой же юбки / Он порвет повод, / И какие поступки / Совершит он тогда!* [9. С. 185].

Философия разделяет понятия «повод» и «причина»². Но Пастернак эти понятия сближал, в его поэтическом словаре они употребляются как синонимы. Понять причину и повод для него значило понять суть, природу явления. Интересовала его причинность творчества, любви, истории. Эти три стороны бытия были неразрывно связаны в границах его поэтико-философского поля.

Хотя формально поводы, инициирующие творчество, любовь и исторические сдвиги, всегда есть. Это случайное или запланированное событие дает лишь первичный импульс. Но по своей сути он ничтожен и может быть совершенно далек от предмета творчества, мало связан с ним логически. Гению не нужен повод, поскольку для мироздания само явление гения, способного артикулировать сущность и воплощения бытия, – и есть главный повод это сделать. Отказываясь от своей субъективности, гений соглашается быть орудием высшей силы, ее голосом. Таким образом, он превращается в плод существования, а история становится «записью плодов и урожаев» [11. С. 534]. И вот в контексте рассуждений об истории, отталкиваясь от Ницше, Пастернак удивляется его христорбчеству, непониманию того, откуда он «пропитался чувством

единственности и драматизма души и личности, ее божественной жертвенности, и отчего все это так хорошо понимал более бедный и скромный Кьеркегор» [11. С. 534].

И тут мы обнаруживаем гораздо более близкий поэту источник для осмысления Пастернаком философского значения темы повода. Это главка «Первая любовь» в книге Серена Кьеркегора «Или-или», полностью посвященная данной теме. Главным поводом к написанию статьи стала одноактная комедия французского драматурга начала XIX в. Эжена Скриба «Первая любовь». В 1825 г., в тот год, когда Грибоедов опубликовал «Горе от ума», Э. Скриб написал пьесу о том, как отец мечтает выдать замуж единственную дочь, которую растит без матери и слишком балует. Но дочь не желает выходить замуж, потому что хранит верность другу юности, на восемь лет отправившемуся в путешествие. Возникает любовный треугольник между дочерью, претендентом на ее руку и другом детства. При чем ситуация разрешается не в пользу последнего.

Оставим в стороне удивительные совпадения с А. Грибоедовым. Анатолий Луначарский в статье «Скриб и скрибизм» характеризовал Скриба как короля французского театра, удерживающего это положение с 1830 по 1860 г., мастера формы, в которой принцип марионеточности является основой комизма. Ссылаясь на книгу А. Бергсона «Смех», он отметил: «По Бергсону, публика, хохочущая над слишком симметричными, слишком невероятными, слишком нечеловечески глупыми положениями водеvilных персонажей, в сущности осмеивает, даже бичует смехом остатки автоматизма и господства случайности в нашей социальной жизни» [12. С. 407]. Вот что такое вкратце Скриб и скрибизм, на которые и отозвался Кьеркегор. Вся главка, посвященная «Первой любви», построена вокруг понятия «повод». В этой главке понятие «Anledning» повторяется 102 раза, при этом 100 раз в первой вводной части из 16 абзацев. Переводчики, составители комментариев Сергей и Наталья Исаевы сделали такое специальное пояснение: «Датское существительное «anledning» («повод») происходит от глагола «anlede» («вести», «приводить»). В этом смысле русское слово «повод» довольно точно передает этот оттенок случайности, необязательности, простого следования явлений друг за другом, когда мы даже не пытаемся проникнуть в более глубокие причины такой последовательности» [13. С. 265].

Несколько определений дает автор. Во-первых, повод – это одновременно и случайное, и необходимое³. Все литераторы относятся к одной из двух групп. Одни недооценивают повод и видят повод во всем, другие переоценивают повод, видят все в поводе и пишут по поводу. В любом случае повод управляет всем и от него зависит судьба автора. Если искать повод, он не приходит, и творчества не случится. А если творение создается без всякого повода, вдруг какой-то повод эту безделицу возводит в ранг великого, меняя судьбу творца, который осознает роковое значение данной случайности и отныне влюблен в нее. Недооценивающие повод также делятся на две группы: те, кто все же признают необходимость повода, и те, кто вообще не замечают его роли. Вторые менее тщеславны и более

безумны. Они просто мелют о жизни какую-то болтовню, и в их-то описании Кьеркегор употребляет два образа: «они старательно плетут, не оглядываясь по сторонам, тоненькую нить своей болтовни, и своими речами и творчеством производят в жизни то же действие, что и знаменитая мельница из сказки, о которой говорилось: И пока все это происходило, мельница молла “клипп-клапп”, “клипп-клапп”» [13. С. 264]. Указывая на мельницу, Кьеркегор цитирует знаменитую сказку братьев Гримм «Вокруг можжевельного куста». В сказке отец по незнанию съедает своего сына, убитого злой мачехой. Мельница – это посторонний свидетель происходящего, мелющая о своем.

Сопоставляя тексты Кьеркегора и Пастернака, мы обнаруживаем комплексное межтекстовое взаимодействие с несколькими точками соприкосновения. Кроме хорошо описанного Н. Фатеевой поэтического метатропа мельниц [14. С. 150–162], у Пастернака в прозе есть две аллюзии на эту знаменитую сказку. В неоконченной повести «История одной контроктавы» раскрыт сюжет об отце – гениальном музыканте, который, играя на органе, случайно убивает своего сына. Сюжет является аллегорическим развитием универсальной ситуации гения, охваченного силой вдохновения настолько, что даже самые главные ценности обыденной жизни отходят на второй план. Он – орудие в руках искусства, жертвуя своим ребенком, он жертвует и собой, своей судьбой, благополучием. Всю свою жизнь без остатка он превращает в музыку.

Еще одна аллюзия на сказку братьев Гримм появляется в ранней неоконченной прозе о революционерах, в эпизоде ужина: «...запах жареного и вареного мяса: лошадей, собак, коров, кошек и кроликов; запах окисшей крови на ножах – тошнило. Поевший чувствовал себя детоубийцей» [7. С. 397]. В этих прозаических набросках один из персонажей – Жизнь, которая отмечает своих избранных. Ее проявления охарактеризованы в аллегорическом сюжете поезда-чудовища, который разрезает жизнь на куски и поедает, принося ее в жертву⁴.

Дальше следует мерцающее одно сквозь другое описание музыкального сопровождения пьесы Шекспира в театре и петербургских улиц. К тому же году, в котором Пастернак писал прозу «Вторая картина. Петербург», относится его стихотворение «Звезды летом». Выше мы цитировали его в связи с темой «поводы – повода». Но его первая строфа дает лирически сжатый пересказ сюжета данной прозы, в которой революционеры собираются на съемной квартире: *Рассказали страшное, / Дали точный адрес. / Оттирают, спрашивают, / Двигаются, как в театре* [5. С. 130]. Мы видим, что наложение друг на друга реальной и эстетической действительности используется и в прозе, и в поэзии.

Поэтика не только указанного фрагмента, но и всего прозаического наброска «Вторая картина. Петербург» построена на столкновении двух реальностей: жизненных и театральных. Игра актера Кина совмещается с картиной вечернего пейзажа с часовой и похоронной процессией. Не то улицы превращаются в пьесу, не то пьеса своим исполнением вызывает образы города. А скорее, жизнь и искусство гармонизируются,

соединяются в единый процесс. И в указанном выше эпизоде налагаются друг на друга описания примет ужина и внутреннего пространства дома, в котором должно произойти символическое жертвоприношение. Персонажи-революционеры думают, что они меняют историю, но история управляет ими. Как и в пьесе, актер играет, но игра сама управляет развитием действия: «игра случайно находила новые поводы, тема варьировалась. Кин играл» [7. С. 394]. И эти фразы, наряду с мотивом отправления кусков пейзажа и жизни в жертвенный рот, мотивом ужина-детоубийства, возвращают нас в контекст «Истории одной контроктавы», в которой также были похороны, а органист, как и Кин, играл, «позабыв обо всем на свете» [7. С. 351]. Оба произведения указывают на то, что не артист ищет повод для игры, но игра-жизнь использует артиста как повод осуществиться.

Повод не имеет самостоятельного значения. Его ничтожность сродни мусору, окружающему шуму. Только внимание творца, его произвол делает какой-то факт поводом. Но из этих ничтожностей складывается величие мироздания, о чем Пастернак писал в письме М.И. Цветаевой от 17 июля 1927 г.: «когда вновь и вновь, по поводам, которыми густо покрыт весь мир и поросли дороги, и каждый из которых забывается в следующую же минуту, я вспоминаю и вновь измеряю бесконечностью was ich in Dir habe, мне, не считаясь с тобой, хочется прямо тебя спросить: скажи мне еще раз, что ты не выдумана, что ты – человек в юбке, что ты не заглавье редчайшей, обнимающей тысячу душевных повестей идеи, что ты не история счастья, первою из сказок рассказанная мне детством и потом поэтами и философами и потом собственным одиночеством в минуты его сильнейшей тоски по таком расказе» [15. С. 58–59]. Итак, поводы густо покрывают мир, наподобие сорняков, это идеи душевных повестей, которые рассказаны сказками, затем философами и поэтами.

Образ Пастернака ‘поводы → сорняки на дорогах’ восходит к кьеркегоровскому образу ‘повод → крапивник’ и объясняется им: «повод – это категория конечного, и потому имманентное мышление неспособно схватить его, – для этого повод слишком парадоксален. Это видно также и из того, что появляющееся из этого повода есть нечто совершенно иное, чем сам повод, – что для всякого имманентного мышления является абсурдом. Но поэтому повод есть также наиболее забавная, интересная и остроумная из всех категорий. Подобно крапивнику, он пребывает повсюду и нигде» [13. С. 268].

Если незначительный повод вызывает логически не связанные с ним художественные образы, это похоже на аномалию мышления. На то же указывает мания к непосредственному и неудержимому комментированию всего наблюдаемого, свойственная, например, мельнице, мелющей “клипп-клапп”, “клипп-клапп”. «Или-или» Кьеркегор опубликовал в 1843 г., ровно за двадцать лет до выхода книги Чезаре Ломброзо «Гениальность и помешательство», которую считают главным трудом, положившим начало трактовки тяги к

творчеству как психической деформации. Но мы видим, что эту теорию Кьеркегор предвосхитил: «...это знак чего-то великого и благого в человеке, если он кажется безумным, если он не отделяет друг от друга мир поэзии и мир действительности, но смотрит на них *sub specie poeseos*» [13. С. 598–599].

Таким образом, тема творчества как безумия навязана поэту не только отмеченными комментаторами воззрениями Платона о поэзии как разновидности священного безумия [16. С. 645], и не только представлениями о безумии поэзии в теории Ницше, но и текстом Кьеркегора. Природа этого безумия осознана Пастернаком еще в заметках 1911 г. «О предмете и методе психологии»: «...не только удел, но и самая природа этого психического на стадии переживания такова: быть неопределенным предметом, или, лучше, поводом возможных определений. <...> Непосредственно данное не поддается – без ущерба для этой непосредственности своей – непосредственному определению» [16. С. 316]. Непосредственное впечатление на дологической фазе не осмысленно, непредметно и поэтому не может вызвать интерес, для этого интереса нет повода. Эти первичные, логикой не обработанные впечатления становятся поэтическим материалом. В подчиненности поэта этой непосредственности – суть его безумия. Тема безумия в контексте рассуждения о природе творчества также возникнет у Пастернака в 1913 г., в докладе «Символизм и бессмертие», тезисы которого сохранились. Среди этих тезисов есть такие положения: «...бессмертие есть Поэт; и поэт никогда не существо – но условие для качества. Поэзия – безумие без безумного. Безумие – естественное бессмертие; поэзия – бессмертие, “допустимое культурой”» [16. С. 318]⁵. А в заметках к докладу, наиболее кратко отражающих его суть, прямо сказано о поводе: «поэт – субъективность – бессмертие. Он повод. Предоставление души в качестве наглядности. Реальность этого сношения – суть символизма» [16. С. 645].

Затем Пастернак развил эту тему в статье «Несколько положений» (1918). И сохранил мысль на протяжении жизни, повторив ее еще через 41 год в письме Жаклин де Пруайяр 1959 г.: «для меня искусство – это наваждение, а художник – одержимый, захваченный действительностью и увлеченный повседневностью, горячее и одухотворенное восприятие которой представляется более фантастичным, чем сказка, именно наличием в ней голой прозы, бытовой, привычной и обыкновенной» [11. С. 554].

Вернемся к кьеркегоровскому образу поэта, плетущего нити болтовни, подобно мельнице. Эта болтовня творца-мельницы отзовется в творчестве Пастернака многочисленными бормотаниями, бредом и болтовней. Например, в лирике сад *ожил ночью нынешней*. / *Забормотал, запах* [5. С. 120]; в стихотворениях Юрия Живаго – *Кровельных сосулек худосочье*. / *Ручейков бессонных болтовня!* [1. С. 515]; в поэме «Спекторский»: *Стоит и за сердце хватает бормот / Дворов, предместий, мокрой мостовой, / Калиток, капель... Чудный гул без формы, / Как обморок и разговор с со-*

бой [9. С. 11]. И при характеристике Верлена он подчеркнул его главное достоинство: он «хотел, чтобы поэзия содержала действительно пережитое или свидетельскую правду наблюдателя». И подтверждением этого служит цитата из стихотворения Верлена «Искусство поэзии» о поэзии как дурной болтовне: *Пускай он выболтает сдуру / Все, что впотьмах, чудотворя, / Наворожит ему зря, – / Все прочее – литература* [16. С. 56–57]. Как сказочные мельницы Кьеркегора, настоящий поэт, укладывая в форму стиха живую действительность, подобно безумцу, бредит и бормочет правду наблюдателя.

Именно образы нити и мельниц станут у Пастернака метатропами. Кьеркегор повторил первый образ и в определении повода: «повод – это та тонкая, почти невидимая паутина, к которой подвешен плод» [13. С. 264]. У Пастернака совершенно созвучен этому образ «Баллады»: *Я – мяч полногласья и яблоко лада* [5. С. 101]. Он также определяет повод как поворот к новому, но не так, что повод открывает новое, он просто открывает все, приводит к любому осуществлению. Для Пастернака в ходе жизни также важны повороты и к каждому был некий повод. Заметим, кстати, что для каждого своего немотивированного на первый взгляд поворота судьбы поэт отмечал особый повод, которому он придавал очень большое значение. Падение с лошади стало поводом писать стихи; успешная встреча со Скрябиным, сулящая большие продвижения на музыкальном поприще, стала поводом порвать с музыкой; разрыв с Идой Высоцкой после успешного дебюта на философской стезе в Марбурге стал поводом к разрыву с философией. Этот же принцип варьирования жизненной траектории образно выражен в сюжете игры на музыкальном инструменте темы с вариациями. Мы видели в приведенном фрагменте прозы об актере Кине, что тема повода появляется в контексте вариаций исполнения музыкального и театрального произведения [7. С. 394].

Кьеркегоровские мысли о том, что повод обнаруживает суть вещей, созвучны стихотворению «Косых картин, летящих ливня...»: *Но вещи рвут с себя личину. / Теряют власть, роняют честь. / Когда у них есть петь причина. / Когда для ливня повод есть* [5. С. 190]. В этом проявляется двойственность понятия и в датском языке, как и в русском: повод как приспособление, за которое ведут, и повод как внешнее обстоятельство, которое вызвало определенные события. В прозаическом фрагменте «Охранной грамоты» Пастернак обыгрывает эту двойственность, анализируя венецианские достижения итальянского Ренессанса: «Кругом львиный рык мнимого бессмертья, мыслимого без смеху только потому, что все бессмертное у него в руках и взято на крепкий львиный повод. Все это чувствуют, все это терпят. Для того чтобы ощутить только это, не требуется гениальности: это видят и терпят все. Но раз это терпят сообща, значит, в этом зверинце должно быть и нечто такое, чего не чувствует и не видит никто» [7. С. 206].

Далее Кьеркегор в своей статье обратил внимание на удивительный парадокс жизни: по-настоящему великое имеет обычно самый непрезентабельный, а порой, даже маргинальный вид. Как писал пророк Исайя

о грядущем пришествии Миссии, «нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему» (Ис. 53:2). Явление гения остается неузнанным окружающими: «вдохновение и повод неразрывно связаны друг с другом; в мире довольно часто встречается удивительное сочетание, когда великое и возвышенное сопровождается непрерывным присутствием некой жалкой и незначительной личности. Вот такая личность и является здесь поводом – это человек, перед которым никто не снял бы шляпу...» [13. С. 264]. И это совершенно созвучно концепции гения – незаметной личности, выраженной в «Докторе Живаго». Во-первых, Живаго сам говорит о себе, что он лишь повод, орудие высших сил в цитате, с которой мы начали. Второй раз Лара так характеризует Живаго после его смерти: «погребальный обряд так величав и торжественен! Большинство покойников недостойны его. А Юрочка такой благодарный повод!» [1. С. 496].

Кьеркегор, так же как и Пастернак потом, усматривал аналогии между процессами творчества и революционных изменений в обществе⁶. И также относился к вопросу значительности поводов: «стало быть, повод – это одновременно и самое значительное, и самое незначительное, – и самое высокое, и самое низкое, – и самое важное и самое неважное» [13. С. 267]. Повод, несмотря на всю свою незначительность, занимает промежуточное положение между идеей и действительностью, маркирует границу между возможностью и осуществлением. Но вместе с тем случайность, нелогичность повода, неочевидность его связи с последующими событиями делает его для многих незаметным и неосознанным.

Удивительно точно рассуждения Кьеркегора о том, что большое и настоящее творчество рождается из случайного ничтожного повода⁷, поддерживают пастернаковские строки *И чем случайней, тем вернее слагаются стихи навзрыд* [5. С. 62]. В посвященном своей соседке С.С. Адельсон стихотворении 1921 г. Пастернак рассуждал о поводах: *есть странности, и смысл одних / Жесток, других неясен; / Есть странность в том, что этот стих / Без повода прекрасен; / Что, взявшийся невесть когда, / Неведомо откуда, / Он отгорает без вреда, / Зажженный не без чуда...* [9. С. 273].

И это отрицание повода также идет от Кьеркегора, ведь свои пространные рассуждения о поводе он закончил парадоксами: «между тем поводом для повода к этому небольшому критическому обзору послужило то, что я хотел сказать нечто общее относительно повода, – или же сказать нечто о поводе вообще. Весьма удачно, что я уже успел сказать то, что хотел; ибо чем более я рассматриваю этот предмет, тем больше убеждаюсь в том, что о нем вообще ничего нельзя сказать, поскольку повода как такового вообще не существует» [13. С. 269]. И чуть дальше: «повод – это вообще нечто, которое есть ничто» [13. С. 270].

Вслед за Кьеркегором Пастернак многократно подчеркивал бесповодность происходящего. Великое не имеет повода, оно само повод, как стихия, как молния, когда «вдруг без всякого внешнего повода повскакали подбитые кусты, причалы, господа во

фланелевых костюмах, дамы под зонтами; лодки поскользнулись и подули смолистым холодком...» («Первые опыты. 1910–1912» [7. С. 475–476]). Не случайно среди его переводов грузинского поэта и друга Паоло Яшвили встречается очень близкое по духу самому Пастернаку стихотворение «Без повода»: *Небо над влажной землею. / Темновершинное дерево. / Я – в беспричинном покое. / Запросто. Без преднамеренья* [18. С. 472].

Мы видим, что в границах поэтико-философского поля Б. Пастернака неразрывно связаны в единую концепцию вопросы исторического развития и проявлений творческой гениальности. Большое значение в этой концепции имеет вопрос о мотивированности исторических перемен и произведений искусства. По Ницше, проявления человеческой гениальности нуждаются в поводах, и главным поводом является не формальный триггер, а преодоление собственной ущербности. Произведение искусства приобретает собственную субъективность, мир искусства и мир людей сливается в общую конгломерацию, обеспечивая реально существующее бессмертие [4. С. 153]. А движение истории немотивированно и нелогично, воля истории агрессивна, гений возникает из сопро-

тивления ее агрессии. Пастернак, гармонизируя понятия истории и жизни, смотрит на историю как на проявления высшей воли Творца, который использует гения как цель, орудие и результат осуществления бытия (см. об этом также: [19. С. 15–16]). От гения требуется жертвенная страдательность, добровольный отказ от волевых усилий по обеспечению обыденного благополучия. От «Или-или» Кьеркегора и цитируемой им сказки братьев Гримм идут нити к разным произведениям Пастернака, содержащим метатропы плода, мельниц, метамотивы артистической игры, чадоубийства, принесения в жертву, бреда, бормотания и болтовни, темы повода, незаметности великого и величия ничтожного. Все эти элементы участвуют в формировании концепции творчества, создающего бытие. Повод, как постороннее обстоятельство, для творчества важен, поскольку становится той частью действительности, которая застаёт поэта врасплох, но провоцирует его на творческую деятельность. Это деятельность, в свою очередь, творит историю и само существование. Но одновременно он не важен, так как настоящий, истинный повод – сам творец, его способность беспричинно болтать, увековечивая мимолетное.

Примечания

¹ «Я не знаю, сам ли народ подымется и пойдет стеной или все сделается его именем. От события такой огромности не требуется драматической доказательности. Я без этого ему поверю. Мелко копаться в причинах циклопических событий. Они их не имеют. Это у домашних ссор есть свой генезис, и после того как оттакают друг друга за волосы и перебыют посуду, ума не приложат, кто начал первый. Все же истинно великое безначально, как вселенная. Оно вдруг оказывается налицо без возникновения, словно было всегда или с неба свалилось» [1. С. 180]. См. также: «Война – особое звено в цепи революционных десятилетий. Кончилось действие причин, прямо лежавших в природе переворота» [7. С. 503].

² «Повод – внешнее, часто случайное событие, обстоятельство, дающее побудительный толчок для наступления др. событий. П. отличается от причины, т.к. им могут быть самые разнообразные факты, не связанные необходимо с наступлением др. событий, действий (следствий) (Причинность)» [10. С. 349].

³ «Повод – это всегда нечто случайное, и в этом заключен огромный парадокс, так как случайное оказывается тут прямо-таки столь же необходимым, как и само необходимое. В идеальном смысле повод – это не случайное (вроде того случайного, которое помыслено в логическом смысле слова); однако повод – это все же нечто случайное в смысле некоего фетишизма, – и однако в этой своей случайности он является необходимым» [13. С. 262–263].

⁴ «В жертвенный рот постоянного движения поездов совались куски пейзажа, целые жизни. Казалось, все, что текло, притекало роковым образом к рельсам и покорно склоняло свою голову на рельсовый путь, и железное чудовище торжественно перерезало в каждом метре своего вращения бесчисленные жертвы выкупающей будущее, – пошедшей на приманку быстроты, – жизни» [7. С. 387].

⁵ «Определение “свободной субъективности” как “безумия”, а поэзии – как “безумия без безумца” восходит, во-первых, к культу безумия в литературной традиции, берущей начало в немецком романтизме, а во-вторых, связано с идущим от восприятия позднего скрябинского творчества (а возможно, и собственной авторской трактовки его – в ницшеанском ключе) специфическим истолкованием жизни артистической – или, по терминологии Кьеркегора (в “Или-или”) “эстетической” – личности как существования экстатического» [17. С. 15].

⁶ «Повод, который сам по себе является несущественным и случайным, может в наши дни порой испытывать себя в революционных переменах» [13. С. 263].

⁷ «Тому, кто когда-либо ощущал в себе склонность к литературному творчеству, конечно же, случалось замечать, что обыкновенно некое незначительное и случайное внешнее обстоятельство становится вдруг поводом для самого творчества. Возражать против этого станут, пожалуй, только те писатели, которые заранее вдохновляются некой отдаленной целью. В этом, однако же, их собственная потеря, ибо тем самым они оказываются лишенными двух крайних полюсов всякого истинного и нормального литературного творчества. Один из полюсов – это как раз то, что обычно называют призывом Музы, другой же – этот самый “повод”. – Выражение “призыв Музы” может, конечно, привести нас к недоразумению. Призыв Музы может частью означать, что я сам зову Музу, частью же – что Муза зовет меня. Ну конечно, всякий писатель, который либо достаточно наивен, чтобы верить, будто все зависит от доброй воли, прилежания и целеустремленности, – либо достаточно бесстыден, чтобы распродавать с торгов творения духа, – не пожалеет тут ни усердных призывов, ни, соответственно, дерзкой настойчивости своих настояний» [13. С. 260].

Список источников

1. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 4: Доктор Живаго. М. : Слово/Slovo, 2004. 632 с.
2. Гете И.В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 3: Из моей жизни. Поэзия и правда. М. : Худож. лит., 1976. 718 с.
3. Ницше Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2 / пер. с нем. С. Франка, Е. Заболоцкой. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2011. 464 с.
4. Ницше Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 1 / пер. с нем. Я. Бермана, Т. Гейликина, Г. Рачинского, С. Франка. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2011. 480 с.
5. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. М. : Слово/Slovo, 2003. 576 с.
6. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. Т. 2. М. : Мысль, 1990. 829 с.
7. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 3: Проза. М. : Слово/Slovo, 2004. 632 с.

8. Ницше Ф. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5. СПб. : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2011. 416 с.
9. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 2: Спекторский. Стихотворения 1930–1959. М. : Слово/Slovo, 2004. 528 с.
10. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя, П.Ф. Юдина. М. : Политиздат, 1963. 544 с.
11. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 10: Письма 1954–1960. М. : Слово/Slovo, 2005. 680 с.
12. Луначарский А.В. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6: Западно-европейские литературы. Статьи, доклады, речи, рецензии (1930–1933). Зарубежный театр (1905–1932). М. : Худож. лит., 1965. 633 с.
13. Кьеркегор С. Или – или. Фрагмент из жизни : в 2 ч. СПб. : Изд-во Рус. христианск. гум. академии ; Амфора. ТИД Амфора, 2011. 823 с.
14. Фатеева Н.А. Поэт и проза: Книга о Пастернаке. М. : Новое литературное обозрение, 2003. 399 с.
15. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 8: Письма 1927–1934. М. : Слово/Slovo, 2005. 768 с.
16. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 5: Статьи, рецензии, предисловия. Драматические произведения. Литературные и биографические анкеты. Неоконченные наброски. Стенограммы выступлений. М. : Слово/Slovo, 2004. 752 с.
17. Флейшман Л. Статьи о Пастернаке. Bremen : K-Press, 1977. 149 с.
18. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений : в 11 т. Т. 6: Стихотворные переводы. М. : Слово/Slovo, 2005. 672 с.
19. Брюханова Ю.М. Творчество Бориса Пастернака как художественная версия философии жизни. Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2010. 209 с.

References

1. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 4. Moscow: Slovo/Slovo.
2. Goethe, I.V. (1976) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. Translated from German. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Nietzsche, F. (2011) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 2. Translated from German by S. Frank & E. Zabolotskaya. Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
4. Nietzsche, F. (2011) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 1. Translated from German by Ya. Berman et al. Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
5. Pasternak, B.L. (2003) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Slovo/Slovo.
6. Nietzsche, F. (1990) *Sochineniya* [Works]. Vol. 2. Translated from German. Moscow: Mysl'.
7. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 3. Moscow: Slovo/Slovo.
8. Nietzsche, F. (2011) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 5. Translated from German. Saint Petersburg: Azbuka; Azbuka-Attikus.
9. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 2. Moscow: Slovo/Slovo.
10. Rozental', M.M. & Yudin, P.F. (eds) (1963) *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary]. Moscow: Politizdat.
11. Pasternak, B.L. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 10. Moscow: Slovo/Slovo.
12. Lunacharskiy, A.V. (1965) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 6. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
13. Kierkegaard, S.A. (2011) *Ili – ili. Fragment iz zhizni* [Either/or. Fragment from life]. Translated from Danish. Saint Petersburg: Russian Christian Academy for the Humanities; Amfora. TID Amfora.
14. Fateeva, N.A. (2003) *Poet i proza: Kniga o Pasternake* [Poet and Prose: A book about Pasternak]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
15. Pasternak, B.L. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 8. Moscow: Slovo/Slovo.
16. Pasternak, B.L. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 5. Moscow: Slovo/Slovo.
17. Fleishman, L.S. (1977) *Stat'i o Pasternake* [Articles about Pasternak]. Bremen: K-Press.
18. Pasternak, B.L. (2005) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 6. Moscow: Slovo/Slovo.
19. Bryukhanova, Yu.M. (2010) *Tvorchestvo Borisa Pasternaka kak khudozhestvennaya versiya filosofii zhizni* [The Work of Boris Pasternak as an Artistic Version of the Philosophy of Life]. Irkutsk: Irkutsk State University.

Информация об авторе:

Радионова А.В. – д-р филол. наук, зав. кафедрой изобразительного искусства Смоленского государственного университета (Смоленск, Россия). E-mail: allarad1@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Radionova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Fine Arts of Smolensk State University (Smolensk, Russian Federation). E-mail: allarad1@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.04.2023;
одобрена после рецензирования 06.05.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 04.04.2023;
approved after reviewing 06.05.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Научная статья
УДК 811.161.1
doi: 10.17223/15617793/496/8

Особенности репрезентации модуса прошлого в современной женской прозе (на примере произведений Наринэ Абгарян)

Чжао Ситун¹, Ольга Петровна Кормазина²

^{1, 2} Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

¹ chzhao.sit@dvfu.ru

² olga.kormazina@mail.ru

Аннотация. Описывается модус прошлого как одна из составляющих модуса времени – понятия, берущего свое начало в философии и пока не получившего однозначной трактовки в лингвистических исследованиях. Ставится цель определить специфику репрезентации модуса прошлого в произведениях Наринэ Абгарян, одной из ярких представительниц современной женской прозы. Выявлены ключевые концепты, репрезентирующие модус прошлого, – «Воспоминание», «Жизнь» и «Смерть».

Ключевые слова: модус времени, модус прошлого, женская проза, Наринэ Абгарян, память, воспоминание

Для цитирования: Чжао Ситун, Кормазина О.П. Особенности репрезентации модуса прошлого в современной женской прозе (на примере произведений Наринэ Абгарян) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 68–75. doi: 10.17223/15617793/496/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/8

Features of representation of the past mode in modern female prose (on the example of works by Narine Abgaryan)

Zhao Xitong¹, Olga P. Kormazina²

^{1, 2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

¹ chzhao.sit@dvfu.ru

² olga.kormazina@mail.ru

Abstract. The article identifies the specifics of the representation of the past mode in the works of the Armenian Russian-speaking writer Narine Abgaryan, who is one of the brightest representatives of modern female prose. Given the obvious diversity of views on female literature and the multidimensionality of women's creativity, the phenomenon of female prose is united by the choice of problems and analysis of eternal issues based, in particular, on such concepts as People, Life, Death, Destiny, Time, Space. The topicality of the research is stipulated by the reference to the concept "mode of time" little studied in the modern linguistics, which is interpreted as a special philosophical category supposing a grammatical triad of time modes "past – present – future". Guided by the works of Galina Kalitkina, we think it is possible to consider past, present and future as fragments of a linguistic picture of the world of a carrier of a certain linguistic culture. In accordance with this, the article aims to determine the peculiarity of the author's understanding of the mode of time on the basis of the analysis of temporal vocabulary. The material for the study is the novel *Three Apples Fell from the Sky* (2015) and the short story collection *People of Our Yard* (2016). Both texts, as well as works of Narine Abgaryan as a whole, are autobiographical to a large extent, describing the fate of the inhabitants of small Armenian towns, in particular the town of Berd, the writer's homeland. A key theme in both works is that of memory, the careful preservation of the covenants of close relatives and family traditions. As a result of the study, the conclusion is made that the past mode is central in the works of Narine Abgaryan, the reference to which is a kind of "homage" to the native places and the older generation of the family. The specifics of the representation of the past mode can be traced in the analysis of the macro-concept "Time" and the related concepts "Memory/Memories", "Life", and "Death". This analysis shows that, on the one hand, the past in general is characterized as a terrible, painful, traumatic, which has caused and continues to cause mental and physical suffering, it is associated with severe trials, loss of close relatives, painful memories of them for many years. However, on the other hand, this gloomy tone is often replaced by a lighter one: the writer emphasizes that we invariably return to our memories, to our roots, and this is an integral part of our lives. It is this position that, in our opinion, characterizes the writer's perception of time as a fragment of the picture of the world.

Keywords: mode of time, past mode, female prose, Narine Abgaryan, memory, memories

For citation: Zhao, Xitong & Kormazina, O.P. (2023) Features of representation of the past mode in modern female prose (on the example of works by Narine Abgaryan). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 68–75. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/8

Одним из актуальных направлений в современной лингвистике является исследование модусных смыслов в различных типах текстов. Само понятие «модус», несмотря на давнюю историю изучения, не имеет однозначной трактовки. Ш. Балли определял модус как один из двух компонентов значения высказывания наряду с диктумом: «...модус – это субстрат представления. Поэтому будем называть модус темой, а диктум – поводом эксплицитного высказывания... Модус и диктум дополняют друг друга» [1. С. 46]. В настоящее время лингвисты подчеркивают, что способов выражения модуса чрезвычайно много и анализ его требует предварительного и детального обследования самих типов высказывания [2. С. 70].

В числе направлений исследования модусных смыслов текста (и в более широком смысле – дискурса) особое место занимает изучение художественного текста. Модус в художественном тексте помогает автору достроить свой виртуальный мир, а вслед за этим – достроить виртуальный мир читателя, причем результативным художественное высказывание может считаться только тогда, когда эти два мира совпали в главных идеях. Одной из главных функций модуса в тексте (в особенности поля модусного субъекта) является функция переключения: сознания повествователя на сознание автора-воплоти, сознания повествователя – на сознание персонажа N, сознание персонажа N – на сознание персонажа N1 и т.д. [3. С. 144]. Модус в пространстве художественного текста зависит не только от того, насколько далеко «ушёл» автор-воплоти от себя к роли повествователя или, наоборот, насколько близко он к себе в каких-то моментах художественного текста «вернулся». Модус в тексте зависит от того, какими способами автор отмечает личное, глубоко прочувствованное [3. С. 156].

Теоретическое осмысление вопроса репрезентации модусов времени в художественном тексте невозможно без обращения к понятию художественного времени. Согласно трактовке Н.А. Николиной, художественное время представляет собой способ организации эстетической действительности произведения, его внутреннего мира и одновременно образ, связанный с восприятием авторской концепции, с отражением его образа мира [4. С. 122]. З.Я. Тураева рассматривает художественное время как одну из важных категорий текста, отмечая, что «лишь в тексте можно выявить кардинальные особенности времени» [5. С. 88]. Соответственно, категория художественного времени – это разновидность временной структуры текста, отличающаяся от временных структур текстов других функциональных стилей [5. С. 86].

Категорию художественного времени можно считать основой, на которой базируется понимание сущности модуса времени. Обращаясь данному понятию, являющемуся ключевым для нашего исследования, в первую очередь следует отметить, что на сегодняшний день оно остается сравнительно малоизученным в современной лингвистике. Традиционно «модус времени» рассматривается как понятие философии: так именуются прошедшее, настоящее и будущее время. Сам термин «модус» в философии обозначает свойство

предмета, присущее ему лишь в некоторых состояниях, в отличие от атрибута – неотъемлемого свойства предмета. Таким образом, в самой квалификации прошедшего, настоящего и будущего как модусов времени отражено своеобразие их бытия [6]. Проблеме репрезентации модусов времени в модернистском нарративе посвящено исследование В.Г. Силантьевой. Модус времени интерпретируется как набор модусных категорий, используемых для изменения хода повествования, поэтому к модусу времени может относиться категория отрицания, оценочности и модальности. Как отмечает автор, термин «модус времени» включает в себя не только глагольную семантику, морфологию и временные наречия, отвечающие за локализацию события, но и любые супraseгментные и синтаксические единицы, влияющие на скорость интерпретации повествуемого читателем [7. С. 22]. К модусу времени также причисляется ассоциативная структура слова «время» (в цитируемом исследовании, осуществленном на материале английского языка, – слова «time»). В.Г. Силантьева полагает, что «лексемы, используемые в минимальном контексте “time”, организуют тематическое поле, формирующее определенное представление о времени в тексте» [7. С. 23]. Данное наблюдение представляется значимым для определения методологии анализа модусов времени на пространстве художественного текста.

Н.К. Шутая определяет время как модус личностного бытия героя художественного произведения, характеризующий определенного субъекта. В качестве такого субъекта, такой личности может выступать персонаж, повествователь, автор. Это, с точки зрения исследователя, «позволяет определить единицу исследования художественного времени романа: в качестве первичной единицы... должно выступать не произведение в целом, а тот или иной субъект, характеризующийся определенным отношением ко времени и определенным типом реализации себя во времени» [8. С. 20]. Используемые в художественном тексте временные понятия (*час, день, минута, год, вечность, завтра, вчера, сегодня* и т.д.), модальные выражения и наречия со значением времени (*вдруг, неожиданно, медленно, быстро, навсегда* и т.д.), а также выбор тех или иных форм вида и времени глагола, образы, так или иначе ассоциирующиеся со временем (описание движения или покоя, образ часов и т.д.), замедление или ускорение ритма повествования также помогают определить характер модуса личностного бытия модели [8. С. 20].

Тесно связанным с исследованием модуса времени является изучение ментальных модусов, в частности модуса воспоминания. Н.П. Перфильева сделала первую попытку дать определение модусной категории «воспоминание», рассматривая ее как «необязательную модусную категорию, обозначающую, что автор обращается к событиям, свидетелем которых он был в прошлом, и маркирует внимание адресата на степени погрешности в точности воспроизведения информации, в ее адекватности происходившим в прошлом событиям, что связано со свойством памяти» [9]. Т.И. Кораблина также добавляет, что «Воспоминание»

как модусная категория и ментальный модус тесно взаимодействуют друг с другом, потому что воспоминание – ментальный процесс. След этого взаимодействия отражен: 1) в специфике лексического значения и в этимологических особенностях глаголов *помнить*, *вспомнить*, *забыть* – ядерных средств выражения модуса «воспоминание»; 2) в их способности выступать в определенном контексте периферийными средствами выражения ментального модуса, т.е. употребляться как слова, близкие по смыслу к ментальным глаголам *думать*, *знать* [10. С. 245].

Значимой для определения методики описания модуса времени также представляется концепция Г.В. Калиткиной, исследовавшей специфику его репрезентации в диалектном дискурсе [11. С. 65–76]. Автор рассматривает модус времени как своеобразную «языковую картину мира» носителя определенной лингвокультуры, предполагающую грамматическую трихотомию «прошлое – настоящее – будущее». Эта картина мира формируется совокупностью концептов, относящихся к единому макроконцепту «Время». По нашему представлению, данная трактовка актуальна и для исследования модусов времени на пространстве художественного текста. С этой позиции ключевым методом исследования является метод концептуального анализа, предполагающий выявление ключевых концептов, составляющих макроконцепт «Время», и интерпретацию их содержания. При этом центральным объектом исследования становится художественный концепт. Л.В. Миллер определяет художественный концепт как «сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и (в качестве интенциональной составляющей эстетического опыта) психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», как «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала, при формировании новых художественных смыслов» [12. С. 42]. В диссертации О.Е. Беспаловой художественный концепт трактуется как «единица сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [13. С. 6]. В целом художественный концепт – это комплекс понятий, представлений, чувств, эмоций. Такой вид концептов формируется в процессе освоения окружающей действительности субъектом мысли и речи [14. С. 128]. Художественный концепт неразрывно связан с такими явлениями, как художественный текст, художественная картина мира, и потому рассматривается в комплексе лингвокультурных, лингвострановедческих, культурологических, психологических и других аспектов [14. С. 128]. Следовательно, чтобы правильно объяснить смысловое содержание художественных концептов, следует рассматривать не только заимствованные из литературоведения, стилистики и лингвистики текста методики исследования внутритекстовых семантических и стилистических элементов, но и когнитивный анализ «приращений» к содержанию

концепта смыслов и значений, принадлежащих к национальной концептосфере [15. С. 164]. И.А. Тарасова предлагает для исследования отдельных художественных концептов использовать методику послыслового анализа, основанную на последовательном выделении слоев концепта [16. С. 235]. Н.С. Болотнова представила коммуникативно-когнитивный методологический подход к анализу художественных концептов, учитывающий лингвистические и экстралингвистические факторы текстовой деятельности [17, 18]. М.И. Жук разрабатывает метод аппликации (наложения), суть которого состоит в «совмещении и анализе общеязыковой, общепозитической и индивидуально-авторской картин мира» [19. С. 9].

Целью данного исследования является выявление специфики репрезентации модуса прошлого как фрагмента индивидуально-авторской языковой картины мира в пространстве художественного текста. В центре нашего внимания – произведения Наринэ Абгарян, одной из ярких представительниц современной женской прозы.

К настоящему времени женская проза заняла прочные позиции в пространстве современной литературы. В последнее десятилетие продолжается процесс обновления направления, формирования новых тенденций. Е.А. Бурдина в своей работе предприняла попытку обнаружить и интерпретировать лингвостилистические особенности женской манеры повествования и способы создания образа времени, в том числе и в рамках своеобразного хронотопа, который составляет основу женской гендерной картины мира. Именно женщина, ее восприятие мира, внутреннее «я», философия бытия и бытия становится главным персонажем женской прозы. При очевидном разнообразии взглядов на женскую литературу и многоаспектности женского творчества феномен женской прозы объединяет выбор проблем и анализ вечных вопросов. Язык женской прозы дает богатейший материал для определения ценностных ориентиров духовной и душевной жизни женщины, позволяет рассмотреть философские категории с точки зрения гендерного аспекта. Основными концептами для автора-женщины являются «Человек», «Женщина», «Мужчина», «Ребенок», «Жизнь», «Смерть», «Судьба», «Время», «Пространство» [20. С. 298].

Наринэ Абгарян – армянская русскоговорящая писательница, представительница «новой женской прозы», в числе ее известных произведений – «Маячоня» (2010), «Люди, которые всегда со мной» (2014), «С неба упали три яблока» (2015), «Люди нашего двора» (2016), «Зулали» (2016) и др. Ее работы в значительной степени автобиографичны. Детство, трогательные воспоминания о нем, проблема памяти, бережное сохранение заветов близких и семейных традиций – магистральные темы творчества. Женские персонажи занимают главное место в системе образов ее произведений. Тот факт, что женские персонажи преобладают в поле внимания автора, – одна из устойчивых гендерных особенностей женской прозы. Тема рода, его бесконечности и незыблемости, силы предков, непрекращающейся связи с ними отражаются на всех уровнях организации повествования: в выборе

сюжета, композиционных особенностях произведений, организации нарратива [21. С. 114].

С целью выявления специфики репрезентации модуса прошлого в творчестве Наринэ Абгарян рассмотрим два произведения – роман «С неба упали три яблока» [22] и сборник рассказов «Люди нашего двора» [23]. Несмотря на жанровые различия, они объединены именно ведущей ролью модуса прошлого, определяющего основную тематику обоих текстов. При этом в «С неба упали три яблока» представлен автор-повествователь, существующий отдельно от героя, тогда как во многих рассказах «Люди нашего двора» автор сам становится героем, автор представляет свои мысли, чувства и переживания, не транслируя их на других персонажей. Это обуславливает и специфику репрезентации модуса прошлого.

Общим в обоих произведениях является их связь с Арменией – родиной автора. Центральной для них становится тема памяти, бережного сохранения заветов близких и семейных традиций. Именно данный факт позволяет утверждать, что ключевым в рассматриваемых текстах оказывается модус прошлого. При этом сама лексема «прошлое» в анализируемых произведениях представлена единичными употреблениями, что не дает возможности для ее полноценной интерпретации. В отмеченных примерах обращает на себя внимание различие в отношении автора к прошлому. Так, в романе «С неба упали три яблока» прошлое репрезентируется как «водоворот воспоминаний», терзающих душу героя: *Но совсем отгородиться от воспоминаний не получалось, они неминуемо всплывали из водоворота прошлого и долго потом терзали его своими ранящими душу подробностями*. А в рассказах «Люди нашего двора» оно описано в гораздо более светлых тонах, неизменно выражается идея возвращения в прошлое: *У всех есть неисполнимые мечты. Моя о том, чтобы вернуться в прошлое. И прожить один свой взрослый день там, где все живы, все рядом* («Неисполнимое»).

Специфику модуса прошлого как одной из составляющих модуса времени, безусловно, определяют особенности репрезентации макроконцепта «Время». В проанализированном материале мы обратили внимание на наиболее частотные языковые средства, указывающие на длительность, течение времени, а также повторяемость и цикличность тех или иных событий в прошлом. При этом, как показали наши наблюдения, для романа «С неба упали три яблока» характерно использование данных единиц в рамках двух основных тем – «Судьба женщины» и «Судьба Марана и маранцев».

Первая тема связана с проблемой влияния патриархальных устоев на судьбы женщин. Их прошлое, прожитые годы в основном описываются в романе в негативном ключе:

Мучительная и тяжёлая личная жизнь, на протяжении восемнадцати долгих лет неминуемо казнящаяся под откос, кончилась большой трагедией.

Порядки в Маране были строгие, девушки выходили замуж целомудренными и нецелованными; овдовев, крайне редко связывали себя повторными узами брака и всю жизнь носили траур по мужу.

Жена троюродного дяди, женщина несчастная и бесправная, находящаяся скорее в роли прислуги, чем хозяйки дома, приговоренная всю жизнь терпеть постоянные пьяные выходки мужа и сыновей, обучила ее всему, что знала сама.

Вот уже двадцать лет, как его и след простыл, а Анатолия ежедневно по старой памяти наливала в графин свежей воды. На следующее утро она пускала ее на полив растений в горшках и снова наполняла посудину водой. И так изо дня в день, каждый день, два десятка лет.

Выражения с временной семантикой (*всю жизнь, на протяжении восемнадцати долгих лет, изо дня в день, каждый день, два десятка лет*) в приведенных фрагментах демонстрируют несчастье героинь романа в личной жизни, их бесправное положение в семье, строгое подчинение сложившимся традициям и устоям.

Указание на течение времени связывается в романе «С неба упали три яблока» с судьбами и Марана – небольшого горного села, где разворачивается основное действие романа, – и его жителей:

Отступил голод через три года, оставив за собой кладбище, не уступающее в размерах окаменевшей от горя деревне. Деревня на долгие годы погрузилась в беспросветную темень, голод и холод.

Война, восемь невыносимо долгих лет собиравшая по миру урожай неприкаянных душ, однажды захлебнулась – и отступила, подвывая и прихрамывая, заливая кровавые лапы.

Годы войны, пережитые героями, позиционируются как «невыносимо долгие». Последовавшие за ней годы голода и разрухи также принесли жителям деревни лишь «беспросветную темень и холод».

В отличие от романа «С неба упали три яблока», в сборнике «Люди нашего двора» указание на течение времени приобретает более философское осмысление, на первый план выходят понятия вневременности и вечности:

У времени ход только вперед, но в самом деле это не так, ход у времени всегда к началу начал, туда, где, окуклившись, бытие обращается в небытие, как в той странной игре, где детвора, разбившись на два лагеря, вызывает кого-то, кто должен разбить круг («Осень»).

Специфика репрезентации макроконцепта «Время» определяется и особенностями языкового воплощения отдельных концептов, входящих в его структуру. На основе ассоциативного анализа нами было выделено три таких концепта – «Воспоминание», «Жизнь» и «Смерть», предпринята попытка первичного осмысления особенностей их воплощения в произведениях Н. Абгарян.

В обоих анализируемых произведениях – «С неба упали три яблока» и «Люди нашего двора» – одним из ключевых концептов является «Воспоминание». При этом в романе «С неба упали три яблока» воспоминания маранцев в основном обозначены как мучительные и страшные; после пережитых бедствий и войн любое воспоминание о прошлом травматично, поэтому часто «блокируется» в сознании героев. Исходя из данных

наблюдений, мы выделили две составляющих указанного концепта: *болезненность воспоминаний* и *блокирование тяжелых воспоминаний*.

О болезненности, травматичности прошлого для героев произведения «С неба упали три яблока» позволяют говорить примеры, в которых описывается как моральная, так физическая их боль от тех или иных воспоминаний, например:

Анатолия завозилась щекой по подушке, горько вздохнула, отгоняя набегавшие слезы. С того дня прошло много лет, но всякий раз она с большим трудом справлялась с глубокой душевной болью, когда вспоминала, в каком бедственном состоянии застала библиотеку. Библиотека становилась спасением для души Анатолии, которая видела в ней единственный выход из безысходной повседневной жизни. Однако библиотеку не обошла стороной жестокость войны. Когда Анатолия вспоминала катастрофическое состояние библиотеки, это служило напоминанием о страданиях ее сограждан в их собственном доме. О душевных страданиях, связанных с воспоминаниями, говорят такие выражения, как «горько вздохнула», «с трудом справлялась с глубокой душевной болью».

Уже потом, спустя годы, маранцы с горечью вспомнили, что голод, словно играя с ними в кошки-мышки, вперед себя посылал вестников и подавал знаки, с тем чтобы предупредить, а может, поглотиться... «Горечь воспоминаний» омрачает жизнь героев и в настоящем приносит им дурные предзнаменования предстоящего несчастья.

Следом, на колеснице солнечного ветра, нагрязнул он – волгловзглядый и мерзкий, не ведающий пощады и сострадания, страшнее самого страшного, что может быть на свете, – самой смерти. Каждый раз, вспоминая ту чудовищную пору, Василий начинал давиться от тяжелого, мучающего легкое кашля. Голод, оползни и война – все это принесло смерть, это время, которое, несомненно, было ужасным для одного из главных героев, Василия, и для любого из жителей деревни, за которых у него болело сердце. В данном случае боль становится физической, проявляется в «тяжелом, мучающем легкие» кашле героя.

Травматичность воспоминаний о пережитых в прошлом испытаниях приводит к тому, что в сознании героев прошлое зачастую «блокируется», «запирается», люди сознательно или неосознанно «теряют» свою память, отказываются от воспоминаний, например:

Несколько раз по старой памяти приезжали из долины цыгане, рассказывали, что часть рухнувших в пропасть домов унесло селем далеко на запад и прибило к чужим деревням, и что люди, жившие в этих домах, целы и невредимы, но никогда не вернутся, потому что пережитый страх отбил им память, и они не знают, что когда-то жили на макушке покрытой вековым лесом и благодатными пастбищами горы.

Годы голода зияли в памяти Василия черным провалом – он не разрешал себе оглядываться назад, из боязни вспомнить такое, от чего потом никогда

уже невозможно будет оправиться. Но совсем отгородиться от воспоминаний не получалось, они неминуемо всплывали из водоворота прошлого и долго потом терзали его своими ранящими душу подробностями. Здесь отказ от воспоминаний происходит сознательно – герой сам «не разрешал себе оглядываться назад», однако можно отметить, что воспоминания все же берут над ним верх, вновь принося как моральные, так и физические мучения.

Отказ от воспоминаний представляется способом избавления от горечи утраты. Некогда прекрасный дом тех, кто умер от войны и голода, должен быть сохранен в памяти, но боль прошлого должна быть забыта:

Но Капитон упорствовал – живя вдали от скорбящих родных, она меньше будет вспоминать о сестре и быстрее смиритесь с горечью утраты.

Можно увидеть, что не только герои романа «С неба упали три яблока» стремятся избавиться от своих воспоминаний, но и они сами оказываются давно забыты миром:

Но то было в оны дни, давно и неправда, а теперь, забытая всеми и навсегда, деревня неприкаянно болталась, словно пустое коромысло, на плече Маниши-кара.

Однако автор дает понять – неважно, помнит ли их внешний мир или нет, маранцы всегда останутся верны своему дому:

Только Марана эти перемены почему-то не касались – никто не вспоминал о деревне и даже не намеревался... Видно, в долине давно уже махнули рукой на горстку упрямых стариков, отказавшихся в свое время спускаться с макушки Маниши-кара в низины.

При этом стоит отметить, что в романе «С неба упали три яблока» прошлое все же не представляется исключительно в отрицательном плане. Нередко прошлое связывается с воспоминаниями о размеренной повседневной жизни, наполненной привычными хлопотами, и о беспечной молодости:

Василий к тому времени сидел в кузне, коротая праздный день, и, попыхивая трубкой, вспоминал годы, когда работы было столько, что спины не разогнуть, а загруженная домашними хлопотами жена была тиха и кротка, как снежная ночь.

Вспомнил себя, молодого и пустоголового, способного на спор убить ни в чем не повинного быка, – и усовестился.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в романе «С неба упали три яблока» прошлое чаще описывается как страшное, травматичное, причиняющее душевные и физические страдания, избавлением от которых оказывается забвение. Совсем иная тональность прослеживается в рассказах «Люди нашего двора»: здесь автор подчеркивает значимость и важность прошлого, воспоминания – это то, что нас определяет, что сохраняет наши корни и является основой нашей жизни, то, что нужно запомнить:

Потом, спустя много лет, вспоминая тот день, повторять про себя бессмертное «глаза у рыб полны слезами» («Неисполнимое»). В сказках, что рассказывает нани, чудеса вершат пахари, а тысячекрылая птица раз в сто лет отворяет врата мира мертвых,

чтобы они могли вспомнить свое прошлое. Мое прошлое – мои воспоминания. Его прошлое – его воспоминания («В горах»). Прошлое ведь не только живым нужно, говорит нани. Прошлое – путь к своей душе («О любви»).

Значимой особенностью репрезентации модуса времени в целом и модуса прошлого в частности в анализируемых произведениях Н. Абгарян является также связь с концептами «Жизнь» и «Смерть». В романе «С неба упали три яблока» смерть – неотъемлемый спутник героев на протяжении их жизненного пути: во время войны и голода они теряют близких людей, испытывают такие страдания, что сами желают уйти из жизни:

Мать умерла во вторую зиму голода, дотянув до самого ее конца, ушла в полдень, прилегла подремать, но так и не проснулась.

Ей было семь лет, когда ушла мама, – затопила баню, выкупила дочерей, уложила в постель, а на то время, пока возилась с ними, закрыла заслонку печной трубы, чтобы задержать жар.

Смерть Воске заставила ее подняться и взвалить на свои согбенные плечи заботы по дому, она прожила еще пять лет и ушла в самый страшный голод, похоронив обессиленных от недоедания старших правнучек.

Решила умереть, сохраняя достоинство и умиротворение, в тишине и спокойствии, в стенах дома, где она прожила свою нелегкую и напрасную жизнь.

Жизнь, однако, все же оказывается сильнее смерти – из текста романа «С неба упали три яблока» мы видим, что, даже не имея надежды на будущее, люди все же обнаруживают положительные изменения, происходящие естественным путем:

Надежды на то, что жизнь когда-нибудь изменится к лучшему, никто из маранцев не лелеял.

Топлива, как прежде, не хватало, но жизнь понемногу стала налаживаться, со скрипом возвращаясь на круги своя.

И в романе «С неба упали три яблока», и в рассказах «Люди нашего двора» автор делает акцент на силе жизни: «жизни всюду», «жизни везде». В этом заключается еще одна особенность репрезентации модуса прошлого – его тесная связь с модусом будущего, указание на то, что даже самый тяжелый опыт делает нас сильнее и заставляет двигаться вперед, например:

Детей в Маране не осталось, единственному пережившему голод ребенку, внуку Меликанц Ваню, едва исполнилось пять лет, построенные накануне голода школа и библиотека практически пустовали, но Анатолия не унывала: жизнь везде пробьет себе дорогу, скоро родится новое поколение детей, и все вернется на круги своя.

Там, на той драгоценной вышине, бабушка Тата протянула мне горсть летнего червивого снега – посмотри, Наринэ, всюду жизнь («Люди нашего двора»).

Значимой особенностью репрезентации концептов «Жизнь» и «Смерть» как компонентов модусов прошлого и будущего является обращение к природным образам. В романе «С неба упали три яблока» смерть

ассоциируется с запусчением: например, после того как в доме не стало хозяина, все стремительно заросло травой:

Брат давно умер, дети разъехались по миру, а оставшийся без людской заботы огород быстро зарос бурьяном и мятликом.

При этом можно отметить и противоположный пример: образы природы ассоциируются в сознании героев со светлыми воспоминаниями, которые «перекрывают» все плохое и дают силы жить:

Иногда, когда Василию хотелось ощутить давно забытое чувство счастья, он бережно, не дыша обходил стороной все, что ранило его до нескончаемой боли в сердце: смерть отца, смерть матери, смерть брата, смерть Магтахинэ, смерть троих сыновей-погодков, – и заглядывал далеко назад, туда, где лето было бескрайним, а деревья росли так высоко, что подпирали макушками небо.

Так, в приведенном фрагменте, несмотря на то что героя переполняют воспоминания о трагических событиях – смерти близких, есть и более далекие, но счастливые воспоминания – о «бескрайнем лете» и «высоких, подпирающих небо» деревьях.

Разные периоды жизни и разные события ассоциируются с разными временами года. Зима символизировала холод, смерть, мрак и несчастье. В следующих примерах фразы «потеряв к концу зимы половину людей», «умерли еще зимой», «зима – время тех, кто ушел» и «умерла во вторую зиму голода» приводят к выводу, что образ зимы – это смерть.

Вот на этой малой траве, выкорчеванных корнях, еловых иишиках и древесной коре и продержалась деревня до марта, потеряв к концу зимы половину людей.

Василий оставил у забора узел с вещами, вручил ей поднос с еще не остывшими лепешками и уверенно погнал скотину к хлеву, который полгода как пустовал – козы Анатолии заболели и умерли еще зимой, а новой живностью она намеревалась обзавестись ближе к осени, уже договорилась забрать у Ясаман козочку, когда та достаточно окрепнет, чтобы жить отдельно от матери.

Зима – время тех, кто ушел.

Мать умерла во вторую зиму голода, дотянув до самого ее конца, ушла в полдень, прилегла подремать, но так и не проснулась. Сыновья были на кузне, Василий забрал с собой Акона, чтобы отвлечь его от ночных бдений, возобновившихся с наступлением очередной зимы.

Радость от того, что наконец-то миновала беспросветная ледяная зима, была так велика, что затмила страх перед смертью. Пережить зиму – значит победить страх, это подтверждает тот факт, что зима тесно связана со страхом и страданием.

В отличие от зимы, весна в тексте символизирует тепло, обновление, надежду и счастье.

Весна настала чуть позже, чем обычно, только к середине марта измученный холодом и темнотой Маран, наконец, с облегчением выдохнул, заскрипел дверями и калитками, распахнул окна – впуская в дома солнечный свет.

Скоро весна, голод отступит, люди перестанут умирать. Вот увидишь, Акон успокоится.

Подождем еще год. Поженитесь следующей весной, если переживем зиму.

Весну того года, когда кончилась война, Ваню запомнил ровно так, как день, когда родился Тигран, – досконально, до мелочей.

Примеры позволяют увидеть, как тесно переплетены в произведениях Н. Абгарян смерть и жизнь, прошлое и будущее. Несмотря на все тяготы прошлого, в нем есть и такие воспоминания, которые дают силу жить. Это «пробуждение» к жизни символизирует весна, приходящая на смену долгой и холодной зиме. Данное представление, являясь типичным для многих культур, в анализируемых произведениях приобретает и индивидуально-авторский смысл, репрезентируя модус прошлого – в представлении Н. Абгарян, основу человеческого бытия.

Подводя итог, мы можем в первую очередь отметить высокую степень значимости модуса прошлого для авторской картины мира Наринэ Абгарян. Два рассмотренных нами произведения – роман «С неба упали три яблока» и сборник рассказов «Люди нашего двора» – несмотря на очевидные жанровые различия имеют явную ретроспективную основу. В числе ключевых для обоих произведений концептов выделяются концепты «Воспоминание», «Жизнь» и «Смерть», являющиеся составными единицами макроконцепта «Время». При этом сам

образ прошлого репрезентируется в данных текстах по-разному. В романе «С неба упали три яблока» присутствуют положительные воспоминания героев, однако в большинстве своем прошлое характеризуется как страшное, травматичное, причиняющее душевные и физические страдания, избавлением от которых оказывается забвение. По сравнению с данным произведением, в сборнике «Люди нашего двора» эта мрачная тональность сменяется на светлую, автор подчеркивает значимость и важность прошлого, указывает, что время вечно и циклично. Поскольку «Люди нашего двора» являются – это произведение, в котором наиболее выражены автобиографические мотивы, именно в нем мы можем увидеть авторское восприятие модуса прошлого. При этом объединяет оба произведения еще одна особенность репрезентации модусов времени, а именно соединение модусов прошлого и будущего, «переход» от одного модуса к другому. Этот признак находит отражение в репрезентации концептов «Жизнь» и «Смерть»: несмотря на то что прошлое часто ассоциируется с потерей близких, с горечью утраты, вера героев в жизнь не иссякает. Неслучайно смерть ассоциируется в текстах Н. Абгарян с зимой, а жизнь – с весной, приходящей на смену зиме. Сделанные наблюдения позволяют в дальнейшем продолжить исследование особенностей репрезентации модусов времени в женской прозе, точнее определить сущность модуса времени, функционирующего на пространстве художественного текста.

Список источников

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М. : Изд-во иностр. лит., 1955. 412 с.
2. Кобрин О.А. Специфика коммуникативной категории модуса // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 1 (026). С. 70–74.
3. Копытов О.Н. Модус на пространстве текста. Хабаровск : Изд-во ХГИИК, 2012. 299 с.
4. Никольская Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М. : Гнозис, 2009. 336 с.
5. Тураева З.Я. Лингвистика текста. Текст. Структура и семантика. М. : Просвещение ; Либроком, 1986; 2012. 127 с.
6. Модусы времени // Философская энциклопедия. URL: <https://terme.ru/termin/modusy-vremeni.html> (дата обращения: 24.03.2023).
7. Силантьева В.Г. Модусы времени в модернистском нарративе (на материале англоязычной прозы XX века) : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2017. 197 с.
8. Шутая Н.К. Время как модус личностного бытия героя // European science. 2015. № 5 (6). С. 20–22.
9. Перфильева Н.П. Модус воспоминания: между истиной и ложью // Дискурс лжи и ложь дискурса. Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2012. С. 24–33.
10. Коробкина Т.И. О взаимодействии модуса «воспоминание» и ментального модуса // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 241–247.
11. Калиткина Г.В. Модусы времени в текстах диалектного дискурса // Текст. Книга. Книгоиздание. 2014. № 3 (7). С. 65–76.
12. Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 303 с.
13. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н. Гумилева в ее лексикографическом представлении : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2002. 220 с.
14. Милейко Е.В., Рус-Брюшнина И.В. Художественный концепт как объект лингвистического исследования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11-3 (65). С. 128–130.
15. Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (на материале русской литературы) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2004. 303 с.
16. Тарасова И.А. Идиостиль Георгия Иванова: когнитивный аспект / под ред. М.Б. Борисовой ; пед. ин-т Саратов. гос. ун-та им. Н.Г. Чернышевского. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 280 с.
17. Болотова Н.С. Методики анализа концептуальной структуры художественного текста // Слово – сознание – культура : сб. науч. тр. / сост. Л.Г. Золотых. М., 2006. С. 309–318.
18. Болотова Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник ТГПУ. 2007. Вып. 2 (65). С. 74–79.
19. Жук М.И. Концепты Вера – Надежда – Любовь в идиостиле Булата Окуджавы : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2007. 31 с.
20. Бурдина Е.А. Образ времени сквозь призму языка «женской прозы» // Вестник Брянского государственного университета. 2011. № 2. С. 297–306.
21. Павлова Н.И. Память, род, семья как базовые концепты современной прозы (На примере творчества Наринэ Абгарян) // Науки об обществе и гуманитарные науки. 2017. № 3. С. 113–120.
22. Абгарян Н. С неба упали три яблока. М. : АСТ, 2015. 280 с.
23. Абгарян Н. Люди нашего двора // Люди нашего двора. М. : АСТ, 2021. С. 265–285.

References

1. Bally, Ch. (1955) *Obshchaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General Linguistics and Issues of the French Language]. Translated from French. Moscow: Izd-vo inostrannoy literatury.
2. Kobrina, O.A. (2011) Spetsifika kommunikativnoy kategorii modusa [Specificity of the communicative category of mode]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 1 (026). pp. 70–74.
3. Kopytov, O.N. (2012) *Modus na prostranstve teksta* [Mode on the Space of Text]. Khabarovsk: Khabarovsk State Institute of Culture.
4. Nikolina, N.A. (2009) *Aktivnye protsessy v yazyke sovremennoy russkoy khudozhestvennoy literatury* [Active Processes in the Language of Modern Russian Fiction]. Moscow: Gnozis.
5. Turaeva, Z.Ya. (1986; 2012) *Lingvistika teksta. Tekst. Struktura i semantika* [Linguistics of Text. Text. Structure and semantics]. Moscow: Prosveshchenie; Librokom.
6. Natsional'naya entsiklopedicheskaya sluzhba [National Encyclopedic Service]. (n.d.) *Modusy vremeni* [Modes of time]. In: *Filosofskaya entsiklopediya* [Philosophical Encyclopedia]. [Online] Available from: <https://terme.ru/termin/modusy-vremeni.html>. (Accessed: 24.03.2023).
7. Silant'eva, V.G. (2017) *Modusy vremeni v modernistskom narrative (na materiale angloyazychnoy prozy XX veka)* [Modes of time in modernist narrative (based on the material of English-language prose of the 20th century)]. Philosophy Cand. Diss. Saint Petersburg.
8. Shutaya, N.K. (2015) *Vremya kak modus lichnostnogo bytiya geroya* [Time as a mode of the hero's personal existence]. *European science*. 5 (6). pp. 20–22.
9. Perfil'eva, N.P. (2012) *Modus vospominaniya: mezhdue istinoy i lozh'yu* [Mode of memory: between truth and lies]. In: Tripolskaya, T.A. (ed.) *Diskurs lzh'i i lozh' diskursa* [Discourse of Lies and Lies of Discourse]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 24–33.
10. Korablina, T.I. (2016) *O vzaimodeystvii modusa "vospominanie" i mental'nogo modusa* [On the interaction of the "memory" mode and the mental mode]. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 4. pp. 241–247.
11. Kalitkina, G.V. (2014) *Modi of Time in Dialect Discourse Texts. Tekst. Kniga. Knigoizdanie – Text. Book. Publishing*. 3 (7). pp. 65–76. (In Russian).
12. Miller, L.V. (2004) *Lingvokognitivnye mekhanizmy formirovaniya khudozhestvennoy kartiny mira (na materiale russkoy literatury)* [Linguistic and cognitive mechanisms for the formation of an artistic picture of the world (based on Russian literature)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
13. Bespalova, O.E. (2002) *Kontseptosfera poezii N. Gumileva v ee leksikograficheskom predstavlenii* [Conceptosphere of N. Gumilyov's poetry in its lexicographic representation]. Abstract of Philology Cand. Diss. Saint Petersburg.
14. Mileyko, E.V. & Rus-Bryushinina, I.V. (2016) *Khudozhestvennyy kontsept kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Artistic concept as an object of linguistic research]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 11-3 (65). pp. 128–130.
15. Miller, L.V. (2004) *Lingvokognitivnye mekhanizmy formirovaniya khudozhestvennoy kartiny mira (na materiale russkoy literatury)* [Linguistic and cognitive mechanisms for the formation of an artistic picture of the world (based on Russian literature)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Saint Petersburg.
16. Tarasova, I.A. (2003) *Idiostil' Georgiya Ivanova: kognitivnyy aspekt* [Idiostyle of Georgy Ivanov: Cognitive aspect]. Saratov: Saratov State University.
17. Bolotnova, N.S. (2006) *Metodiki analiza kontseptual'noy struktury khudozhestvennogo teksta* [Methods for analyzing the conceptual structure of a literary text]. In: Zolotikh, L.G. (ed.) *Slovo – soznanie – kul'tura* [Word – Consciousness – Culture]. Moscow: Flinta: Nauka. pp. 309–318.
18. Bolotnova, N.S. (2007) *O metodike izucheniya assotsiativnogo sloya khudozhestvennogo kontsepta v tekste* [On the methodology for studying the associative layer of an artistic concept in a text]. *Vestnik TGPU*. 2 (65). pp. 74–79.
19. Zhuk, M.I. (2007) *Kontsepty Vera – Nadezhda – Lyubov' v idiostile Bulata Okudzhavy* [Concepts Faith – Hope – Love in the idiostyle of Bulat Okudzhava]. Abstract of Philology Cand. Diss. Vladivostok.
20. Burdina, E.A. (2011) *Obraz vremeni skvoz' prizmu yazyka "zhenskoy prozy"* [The image of time through the prism of the language of "women's prose"]. *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 297–306.
21. Pavlova, N.I. (2017) *Pamyat', rod, sem'ya kak bazovye kontsepty sovremennoy prozy (Na primere tvorchestva Narine Abgaryan)* [Memory, clan, family as basic concepts of modern prose (On the example of Narine Abgaryan's creativity)]. *Nauki ob obshchestve i gumanitarnye nauki*. 3. pp. 113–120.
22. Abgaryan, N. (2015) *S neba upali tri yabloka* [Three Apples Fell from the Sky]. Moscow: AST.
23. Abgaryan, N. (2021) *Lyudi nashego Dvora* [People of Our Yard]. Moscow: AST. pp. 265–285.

Информация об авторах:

Чжао Ситун – аспирант кафедры русского языка и литературы Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: chzhao.sit@dvfu.ru

Кормазина О.П. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: olga.kormazina@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Zhao Xitong, postgraduate student, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: chzhao.sit@dvfu.ru

O.P. Kormazina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: olga.kormazina@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.05.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 07.05.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

Научная статья
УДК 81'26
doi: 10.17223/15617793/496/9

Лингвистическая реализация речевой агрессии, направленной на дискредитацию внешнеполитического имиджа современной России в англоязычном дискурсе (на материале американских СМИ)

Диана Сергеевна Шипилова¹, Наталия Васильевна Пешкова²

^{1, 2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ diana.shipilov@yandex.ru

² peschkoffa@gmail.com

Аннотация. Проанализированы языковые средства реализации речевой агрессии, обнаруженной на страницах электронной американской прессы. Выявленные лингвистические средства являются эффективным способом воздействия на широкую аудиторию читателей и ведут к дискредитации внешнеполитического имиджа Российской Федерации. Реализация языковой агрессии и ее дискредитирующий потенциал осуществляются на трех уровнях языка – лексико-стилистическом, прагматическом и синтактико-стилистическом, за счет использования отрицательно-оценочных эпитетов, метафор, приемов создания «черно-белого мира» и некогерентности.

Ключевые слова: речевая агрессия, политический имидж, дискредитация, масс-медиа, лингвистические средства, лексико-стилистический уровень языка, прагматический уровень языка, синтактико-стилистический уровень языка

Для цитирования: Шипилова Д.С., Пешкова Н.В. Лингвистическая реализация речевой агрессии, направленной на дискредитацию внешнеполитического имиджа современной России в англоязычном дискурсе (на материале американских СМИ) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 76–88. doi: 10.17223/15617793/496/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/9

Linguistic realization of speech aggression aimed at discrediting the foreign policy image of modern Russia in the English-language discourse (as exemplified in the American mass media)

Diana S. Shipilova¹, Nataliya V. Peshkova²

^{1, 2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ diana.shipilov@yandex.ru

² peschkoffa@gmail.com

Abstract. Today, the manipulative function in the media displaces other language functions. The influence of the media on public consciousness often occurs through the use of verbal aggression. Speech aggression becomes a successful tool for influencing a mass audience and forming the necessary image in the minds. The study examines the foreign policy image of Russia and the impact of verbal aggression on it, which we define as linguistic behavior of a destructive nature. The aim of the article is to analyze the linguistic means of implementing verbal aggression as a way for the Western media to construct a negative image of the Russian Federation during the military special operation in Ukraine. The current trend of modern media is aimed at polarizing the world “ours” – “theirs”. This trend is most clearly expressed during the period of political conflicts, when certain methods of influencing the masses are developed, including verbal aggression. Speech aggression forms the attitude of the addressee to the problems and phenomena occurring in society, popularizes one idea and devalues another one. The material of the study was the electronic versions of newspaper articles from the leading American periodicals *USA Today*, *The New York Times*, *The Washington Post*, *New York Daily News*. The total volume of the studied material amounted to more than 100 publications selected in the period February–March 2022. Content analysis, semantic-stylistic analysis and contextual analysis were used as methods in the study. The use of modern manipulative mechanisms in the media significantly affects the image of the described phenomenon. The study showed that the Western media actively use verbal aggression, which manifests itself at different levels of the language, namely, lexical-stylistic, lexical-syntactic and syntactic-stylistic. The most common means of expressing verbal aggression are negatively colored epithets, lexemes with negative semantics, invective vocabulary, antithesis, comparison. The use of these linguistic means is explained by the intention to create a painful and terrifying foreign policy image of the Russian Federation as a country of a ruthless aggressor. Conclusions are drawn that verbal aggression is able to change the reader’s opinion and attitude towards any phenomenon to a sharply negative one, to impose the necessary image. Speech aggression in modern media has a powerful image-forming potential.

Keywords: speech aggression, political image, discredit, mass media, linguistic means, lexical stylistic devices, lexical-syntactic devices, syntactic stylistic devices

For citation: Shipilova, D.S. & Peshkova, N.V. (2023) Linguistic realization of speech aggression aimed at discrediting the foreign policy image of modern Russia in the English-language discourse (as exemplified in the American mass media). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 76–88. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/9

Введение

В современном мире, где количество информационных массивов растет с каждым днем, становится невозможно обрабатывать и запоминать все случаи какого-либо явления. Поэтому возникает необходимость использования сжатой информации, представленной в виде образов (images) [1. С. 215], что является оптимальным способом распознавания сложной социальной действительности. Имидж страны основан на стереотипном восприятии личности какого-либо государства. На основе опыта человека и поглощаемой им информации формируется комплекс рациональных и эмоциональных мнений, суждений, именуемых имиджем. Внешнеполитический имидж страны определяет ее место на мировой арене, статус и дальнейшее политическое развитие. Эффективным инструментом для создания имиджа страны в условиях глобализации и информатизации общества являются средства массовой информации, где в полной мере может функционировать политический дискурс. Манипулятивная особенность политического дискурса предполагает, что материалы, опубликованные в СМИ, несут в себе не только информативную функцию, но и прагматическую – формирование необходимого мнения и представления в сознании адресата. Поляризация мира и риторика настоящего времени ведет к дискредитации имиджа России, что находит отражение в западных СМИ, где одним из средств достижения желаемого результата является речевая агрессия.

В настоящее время средства массовой информации называют четвертой властью [2. С. 1202], поскольку они превращаются в средство когнитивного управления личностью. В истории существуют примеры когнитивного воздействия СМИ на широкую аудиторию, когда успешными усилиями были сформированы отрицательные имиджи государств, что привело к укреплению негативного отношения общества к данным странам. Например, в 1990-е гг. западные СМИ способствовали конструированию имиджа балканского региона, который стал восприниматься как область с повышенной напряженностью, где существуют острые межэтнические и религиозные противоречия, которые неразрешимы без постороннего вмешательства международных организаций. В 2003 г. United States Information Agency создали имидж Ирака как опасного государства, угрожающего мировой безопасности [3. С. 154–156]. Процесс дискредитации внешнеполитического имиджа другой страны происходит за счет освещения и усиления ее неблагоприятных качеств, а также «атак» на имидж лидера страны.

Целью настоящей статьи является анализ языковых особенностей реализации речевой агрессии с точки

зрения ее деструктивного влияния на внешнеполитический имидж государства. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить роль речевой агрессии в конструировании внешнеполитического имиджа страны; 2) выявить лингвистические способы реализации речевой агрессии в современных американских СМИ; 3) установить внешнеполитический имидж российской Федерации, формируемый речевой агрессией.

Обзор литературы

Современные политические системы любого государства сегодня прибегают к частому использованию средств массовой информации как мощного инструмента формирования общественного мнения и манипулирования сознанием широких масс, поэтому информативная функция замещается пропагандистской, факты подменяются мнениями. Тексты в СМИ имеют идеологический характер, что отражается на тщательно продуманном выборе языковых средств. Язык позволяет описывать и интегрировать происходящие явления в нужном правительству русле, задавая необходимое видение мира у адресата, управляя его восприятием различных ситуаций и навязывая желательную оценку [4. С. 682]. СМИ становятся «местом сведения политических счетов» [5. С. 121], поскольку способны воздействовать на сознание огромного количества людей путем сокрытия определенной информации, искажения фактов, замалчивания определенных доводов, эмоциональности и экспрессивности, освещения исключительно положительных/отрицательных событий, распространения ложных сведений и использования детерминированных языковых средств, одним из которых является речевая агрессия. Сегодня политический дискурс, опосредованный электронными СМИ, характеризуется повышенной степенью агрессивности, напряженности, жестокости, непрекращающимся соперничеством, ожесточенной борьбой интересов, отклонением от естественных норм поведения, что приводит к негативному представлению предмета речи и формированию враждебной реальности [6. С. 68]. Политические деятели и средства массовой информации способны изменять картину мира читателей и изображать происходящие события в темных красках, используя речевую агрессию.

Феномен речевой агрессии представляет собой мощный инструмент воздействия на человека и в связи со сложившейся ситуацией на мировой политической площадке (спецоперация России на Украине) является актуальным предметом изучения в политическом медиадискурсе. Международные конфликты оказывают мощное воздействие на тональность политической коммуникации, дестабилизируют нормы поведения (в том числе речевую деятельность) и приводят к агрессивному настрою

в процессе общения. Контекст для восприятия информации (положительный или отрицательный) обусловлен характером политических отношений. А.П. Чудинов указывает, что рост агрессии отмечается, когда «широкая аудитория граждан должна принимать политические решения», и сказывается на поведении граждан, формируя негативное отношение в адрес раздражителя [7. С. 55].

Агрессия как предмет изучения появилась в середине XX в. и рассматривалась представителями разных наук – социологии (Т.Г. Румянцев [8]; Р. Бэрон, Д. Ричардсон [9]; Р. Мэй [10]; В. Coloroso [11]; D. Reitman, M. Villa [12]), психологии (Н. Hartman, E. Kris, R. Loewinstein [13. Р. 9–36]; К. Лоренц [14]; D. Brandt, K. Pierce [15. Р. 71–78]; K. Kurt-Swanger, J.L. Petcosky [16]; Т.Н. Курбатова [17]; G.W. Russell [18. Р. 62–63]; M. Hamilton [19]), политологии (R.J.R. Levesque [20]), лингвистики (D. Infante [21]; L. Andersson, P. Trudgill [22]; О.Н. Быкова [23]; Е.Н. Басовская [24]; А. Rancer, Т. Avtgis [25]). Лингвистическая наука предполагает различные вариации данного термина: речевая агрессия, языковая агрессия, словесная агрессия, вербальная агрессия, коммуникативная агрессия. В настоящем исследовании мы будем придерживаться дефиниции «речевая агрессия», поскольку она контекстно обусловлена и зависит от ситуации общения [26. С. 13]. В широком смысле речевая агрессия представляет собой форму доминирующего поведения [24. С. 257], проявление грубости в речи, негативное речевое взаимодействие и воздействие, обидное общение [27. С. 13]. О.Н. Быкова описывает агрессию как один из видов речевого поведения коммуниканта, целью которого является преднамеренное оскорбление или унижение партнера [23. С. 96] за счет использования оскорблений, насмешек, утроз, проклятий, различных колкостей, враждебных замечаний, злых пожеланий и т.д. Подобное речевое поведение несет негативные последствия в целом для общества и является альтернативой агрессивных физических действий. Распространенными средствами реализации речевой агрессии в процессе общения выступают негативные номинации, просторечная лексика, единицы с негативно-оценочной семантикой [28. С. 79–80], обвинительный тон высказываний, разная степень интенсивности критики – от резкой до злобной, превалирование отрицательной оценочности [29. С. 58]. Вслед за Г.А. Копниной считаем, что речевая агрессия выполняет дискредитирующую и оскорбляющую функции и является способом сознательного речевого воздействия, направленного на умаление авторитета, очернение имени, компрометацию имиджа [30. С. 17].

Интересным является тот факт, что лингвисты неоднозначно оценивают речевую агрессию в процессе коммуникации. Одни исследователи утверждают, что речевая агрессия – нежелательное явление [23. С. 93], поскольку негативно сказывается на успешности коммуникации, другие – что речевая агрессия необходима индивиду для эмоциональной разрядки, поэтому оценивается как приемлемое речевое действие [31. С. 68–70; 32. С. 43]. Представители третьей группы подчеркивают положительный характер речевой агрессии, так как рассматривают ее в качестве пробивной стратегии в деловом дискурсе [33. С. 55]. Вслед за

Т.А. Воронцовой считаем, что речевая агрессия носит деструктивный характер, направленный на разбалансирование процесса коммуникации, изменение оценки референта, и используется с целью изменения представлений о том или ином событии или явлении [34. С. 13].

На современном этапе развития общества и виртуализации всех сфер жизни ученые стали говорить о речевой агрессии в Интернете (N. Werner, M. Bumpus, D. Rock [35]; A. Stephens, S. Trawley, K. Ohtsuka [36]; E. Sparby [37]). Широкие возможности виртуальной коммуникации позволяют публиковать информацию любого характера и содержания. Речевая агрессия рассматривается с точки зрения кибербуллинга/троллинга (Т.А. Воронцова [34]; K. Allison, K. Bussey [38]; D. Law, J. Shapka, J. Domene, M. Gagné [39]), вовлеченности подростков в виртуальную агрессию (Д.В. Жмуров [40]; N. Werner, M. Bumpus, D. Rock [35]), влияния речевой агрессии на детей во время видеоигр (C. Anderson, D. Gentile, K. Buckley [41]). Исследователи также отмечают роль речевой агрессии в создании речевого имиджа говорящего (Е.М. Меркулова [42]; Л.Р. Комалова [43]) и в воздействии на сознание людей (Л.М. Месропян [44]; Е.И. Булатова [45]). Политические системы активно используют информационную площадку Интернета как инструмент психологического воздействия, где целенаправленное использование речевой агрессии способствует выполнению политических и идеологических задач [46. С. 36–38]. За последние месяцы в связи со спецоперацией России на Украине обращения западных СМИ к речевой агрессии участились и приобрели регулярный характер. Сегодня Россия столкнулась с негативным настроением западных СМИ – искажение информации, раздувание скандалов, основанное на стереотипе жесткого «режима», и попытки изменения общественного мнения на резко негативное.

В настоящее время виртуализация традиционных СМИ играет ведущую роль при манипулировании массовым сознанием, поскольку электронные версии ведущих новостных журналов становятся доступными абсолютно любому человеку. Деструктивный характер и рост агрессии приобретают всемирный масштаб: СМИ обостряют внешнеполитические конфликты, способствуют разведению народов, создавая образы «своих» и «чужих», а также демонизируя их. Скрытое манипулятивное воздействие приобретает агрессивные формы и становится более очевидным. Агрессия может быть аффективной и распространяться на референта (политический или идеологический оппонент), и когнитивной – влияние на адресата (потребители информации). Когнитивная агрессия воздействует на когнитивное пространство человека, навязывая ему определенное видение, изменяя его картину мира и вызывая негативное отношение к референту [34. С. 85]. Агрессия к референту может выражаться как в открытой форме, так и имплицитно, регулярно и целенаправленно воздействуя на аудиторию для формирования враждебных чувств [47. С. 205]. Речевая агрессия путем искусного использования определенных ресурсов языка является наиболее распространенным и эффективным средством дегуманизации соперника, способствуя возникновению отрицательных ассоциаций и эмоций, связанных с соперником [48. С. 23].

Так, в настоящем исследовании мы под речевой агрессией будем понимать набор лингвистических средств деструктивного характера, который направлен на изменение когнитивных представлений адресата о референте и на возникновение у адресата негативных оценок, эмоциональных и поведенческих реакций (в данном случае мнение широкого круга читателей об имидже Российской Федерации).

Материал и методы исследования

Формирование внешнеполитического имиджа зарубежного государства в настоящее время происходит при помощи национальных СМИ. Реструктуризация имиджа, а также его дискредитация возможны путем многократного использования речевой агрессии в авторитетных источниках информации [34. С. 46]. Поэтому в рамках настоящей статьи материалом исследования послужили более 100 публикаций политической направленности о Российской Федерации, отобранные методом сплошной выборки и опубликованные в электронных версиях ведущих американских журналов «USA Today», «The New York Times», «The Washington Post» за период февраль–март 2022 г. Рассматриваемые издания статусно независимы и обладают широкой аудиторией читателей по всему миру, что обеспечивает распространение в мировом масштабе выражаемой авторами публикаций речевой агрессии, направленной на дискредитацию современного внешнеполитического имиджа России. Выбор материала обусловлен современным положением дел в российско-украинских отношениях, что отразилось на представлении анализируемого феномена в англоязычном массмедийном дискурсе. Объектом исследования в статье выступают языковые средства реализации речевой агрессии (около 600 единиц) и их употребление при освещении событий, связанных с Российской Федерацией, с целью дискредитации имиджа.

В качестве методологической базы настоящего исследования были выбраны контент-анализ, семантико-стилистический и контекстологический анализы, которые позволили описать исследуемый материал и установить общую дискредитирующую направленность речевой агрессии, обнаруженной в современных американских газетных статьях. Метод контент-анализа позволяет изучить качественно-количественную составляющую исследуемого материала. В качестве объекта исследования выступает речевая агрессия. Предметом исследования являются языковые средства реализации речевой агрессии. Единица анализа – средства реализации речевой агрессии. Мы рассматривали процентные данные от совокупности приемов на каждом уровне. Расчет был произведен по формуле $x = n \cdot 100\% / m$, где n – частота употребления определенного приема; m – общее количество всех приемов на определенном уровне; x – частота употребления конкретного приема на определенном уровне в процентах.

Результаты исследования

Информационное противоборство, вызванное ростом напряженности в обществе, а также геополитическими, со-

циальными и экономическими проблемами, является эффективным инструментом манипулирования и становится благоприятной средой для транслирования информации любого характера и содержания, в том числе и речевой агрессии. В дискурсе масс-медиа речевая агрессия часто нарушает моральные нормы коммуникации и проявляется в жестком виде негативными эмоционально-оценочными средствами языка [49. С. 141]. Речевая агрессия наполняет массмедийный текст вербализованной информацией отрицательного характера для психологического воздействия и манипулирования массовым сознанием с целью проведения политической пропаганды [44. С. 44]. В ходе проведенного исследования нами было установлено, что имеющаяся в публикациях американских СМИ информация содержит речевую агрессию, которая, в свою очередь, серьезно дискредитирует имидж Российской Федерации. Также выявлено, что дискредитирующая речевая агрессия проявляется на трех уровнях: лексико-стилистическом, прагматическом и синтактико-стилистическом. Рассмотрим каждый из них подробно.

Лексико-стилистический уровень обладает мощным потенциалом для психологического воздействия, поскольку предполагает использование экспрессивных лексем семантического поля «агрессия», инвективную лексику, гиперболы, сравнения и другое для создания сурового тона повествования. К *агрессивной лексике* на основе семантического принципа мы отнесли слова следующих групп: «смерть» (kill, die, perish, corpse, dead), «страх» (terror, anxiety, alarm, intimidation), «жертва» (wounded, hurt, victims, injured, suffering, pain), «насилие» (assault, unjustified violence, wholesales laughter), «враг» (enemy, hostile, sadistic killer, fascist, criminal), «гнев» (rage, fury, malice, spite), «война» (armed offence, bomb raid, soldiers, tank), «наказание» (penalty, guilty, offender), «негативные эмоции» (despair, fear, terror, cruelty, inhumanity), указывающие на наличие в газетных текстах речевой агрессии. Данные лексические единицы выражают негативное отношение авторов к описываемым событиям и за счет своей экспрессивности способны «нанести урон» имиджу РФ.

На страницах американских газет всю российскую политическую систему ассоциируют с образом президента РФ Владимира Владимировича Путина, поэтому описываемые журналистами действия и качества президента отождествляются с самим государством, с его имиджем. Так, при помощи частого использования базовых номинаций (Russia, Putin) и военной лексики (aggression, war, attack, invasion, assault, offence, incursion, encroachment) происходит отождествление России с враждебно настроенным и потенциально опасным государством. Очевидно, что семантика данных языковых единиц отрицательная, что впоследствии вызывает негативные ассоциации с РФ в сознании читателей. Деятельность президента РФ описывается с помощью *отрицательно-оценочных глаголов* (7,6%) (Putin choose this war, Putin made an assault, Putin attacked Ukraine, Putin only «recognizes power»). В.В. Путин предстает в качестве жесткого и агрессивного управленца, осуществляющего авторитарный стиль правления, а его поступки описываются как проявление агрессии со стороны России.

Эпитеты являются самым распространенным средством реализации речевой агрессии (40,8%), поскольку способствуют интенсификации воздействия на широкую аудиторию. Так, для описания военной спецоперации на Украине были использованы следующие эпитеты: «misbegotten war», «bloody business of war», «bloodshed unleashed on Ukraine», «full scale military assault», «unjustified attack», «invasion that has been almost universally condemned», «brutal act of war», «full-scale war», «cold-war style», «the horrific violence ravaging cities across Ukraine», «conspiracy theory». Происходит дискредитация российской армии, действия которой «практически заморожены» («basically frozen») на четвертой неделе «русского вторжения» («The Russian invasion»): «amid **fierce resistance** and **mounting logistical difficulties**... But Western officials warned that the Kremlin still has **significant combat power** in reserve, even though **poor logistics** and Ukrainian attacks on their supply lines have left Russian forces **scrambling for food and fuel**» [50]. Эпитеты «fierce resistance», «mounting logistical difficulties», «poor logistics» и «scrambling for food and fuel» создают образ плохо подготовленной армии, которая за четыре недели не сделала никакого значительного прогресса. Более того, она полагается на «"dumb" bombs», чтобы уничтожить мирное население страны, т.е. армия не только глупая, но и крайне жестокая. Примечательно, что в данном случае с целью привлечения внимания реципиента используется графический прием, когда эпитет «dumb» берется в кавычки.

Следующий пример: «Before the invasion, Russia's military might was **universally respected** and **feared**; today Putin's armed forces are revealed as **lumbering, ill-equipped and unmotivated**» [51] – строится при помощи противопоставления эпитетов с положительной коннотацией «universally respected», «feared» и слов с отрицательным оттенком «lumbering», «ill-equipped» и «unmotivated». Таким образом, развеивается устойчивое мнение о некогда могучей российской армии, всемирно почитаемой и наводившей страх. Речевая агрессия в американских СМИ создает имидж российского солдата как неопытного и малоподготовленного юнца, не имеющего мотивации и представления о том, что происходит вокруг.

Действия российской армии рядом с Запорожской атомной электростанцией были названы «reckless and dangerous Russian attack», а также «Nuclear power plants are not designed to withstand **military attacks**, underscoring **the recklessness of the assault**» [52]. Таким образом, подчеркивается жестокость и неоправданность действий государства. Россия предстает перед читателями в качестве миронарушителя, врага, который в любой момент готов напасть сурово и бесцеремонно.

Иногда реальное историческое здание может стать символом противостояния «русской агрессии»: «Odessa's **beloved opera house plays a starring role in a wartime drama**» [53]. Эпитет «beloved» подчеркивает ценность одесского оперного театра для жителей города. При помощи *олицетворения* (1,7%) здание приобретает человеческие качества, а именно оно «иг-

рает» роль в «военной драме». Данный прием усиливается в следующем контексте, когда здание прямо называют «живым существом», у которого есть «сердце»: «It deserves to be treated like a **living creature**. This is the **heart of Odessa**» [53]. Таким образом, подчеркивается символическая ценность оперного дома для жителей Одессы. Российская армия способна уничтожить даже историческое наследие города.

В ходе исследования были обнаружены немногочисленные случаи использования *аллюзии* (2,9%) на события во времена Второй Мировой Войны, когда оперный театр использовался для защиты от фашистов: «This famed Black Sea port used the same fortification in 1941, ahead of a Nazi siege. The Soviet Union's Red Army posted antiaircraft units on the roofs of buildings around the theater to protect it from bombing» [53]. Теперь, 80 лет спустя, украинцы используют то же самое укрепление, но теперь враг – не фашистская Германия, а Россия: «More than 80 years later, preparing for a potential Russian assault on Odessa, the theater is again the most fortified building in town» [53]. В данном фрагменте ставится знак равенства между современной армией России и армией нацистов. Также рассмотрены случаи употребления аллюзии на библейские события: «Most alley gates around downtown have Ukraine's blue-and-yellow flag painted on them – **reminiscent of the Passover story of Jews being told to smear lamb's blood on their doors**» [53]. Создается образ украинского народа, защищенного сине-желтым флагом и тем самым благословленного богом. Россия предстает перед широкой аудиторией как страна-грешник, обреченная на божий гнев.

Инвективная лексика (7,4%), цель которой – оскорбление, унижение или дискредитация адресата речи, является ярким примером речевой агрессии. Примечательно, что инвективная лексика, обнаруженная нами на страницах американских СМИ, характеризует исключительно умственные качества и черты характера президента. Так, используется прямое оскорбление в адрес президента: «He is **psychologically ill**» [54]. Такие заявления, как правило, исходят от анонимных источников, которые не хотят называть свои фамилии по соображениям безопасности: «who, because of safety concerns, asked that her last name not be used». Такое заявление не содержит ни достоверных фактов, ни убедительных аргументов. Тот факт, что имя человека скрывается, ставит под сомнение целесообразность данного высказывания, так как оно просто несет прямое оскорбление, а адресат не может ответить на него. Очевидно, что оно используется для воздействия на эмоции читателя, создавая образ «больного» руководителя целой страны, решившегося на «больной» поступок. В примере «...Putin is a **brutal dictator**» [54] речевая агрессия дискредитирует имидж президента и формирует образ жестокого и тоталитарного руководителя, использующего репрессивные меры. Соответственно, создается имидж Российской Федерации как страны с диктатурой, прибегающей к различным методам насилия и жестокости.

Интересны случаи непрямого оскорбления В.В. Путина. В примерах «Russia is facing disaster precisely because it is ruled by a man who accepts no criticism and brooks no dissent» [55] и «Nobody can tell the strongman that he's wrong or urge him to think twice before making a disastrous decision» [55] подчеркивается неспособность президента воспринимать критику и его эгоцентричность. Такие качества указывают на излишнюю самоуверенность, которая ведет к уменьшению страха и появлению склонности к рискованному поведению. А высказывание «he goes beyond truth and morality» [55], относящееся к президенту РФ, дает западной аудитории понять, что В.В. Путин является аморальной личностью, которую ничто не остановит на пути к достижению своих целей. Сформированный речевой агрессией образ «чудовища», находящегося у власти, дискредитирующе сказывается на имидже страны.

В следующих примерах можно проследить намек (4,2%) на «фашистский» подход президента России при решении украинского конфликта: «Vladimir Putin, once a wily political operator, is painting himself into a corner. His initial calculation seems to have been that Kyiv would fall in two days and the whole operation would be over in a fortnight» [56] и «On the military side, a war Russia clearly envisioned as a blitzkrieg that would overrun Ukraine in days has yet to capture any of the country's top 10 cities – although long-range bombardment is turning those cities into rubble» [55]. При упоминании В.В. Путина используется слово с негативной коннотацией – «willy»: «(...of a person) intelligent, having a very good understanding of situations, possibilities, and people, and often willing to use tricks to achieve an aim. Disapproving – о человеке (негативное значение) умный, очень хорошо разбирающийся в ситуациях, возможностях и людях и часто готовый использовать уловки для достижения цели» [57]. Метафора «painting himself into a corner» подчеркивает безвыходность положения «коварного» президента. Далее используется намек на немецкий план «Барбаросса», который предполагал быстрый захват СССР, а именно за два-три месяца: «His initial calculation seems to have been that Kyiv would fall in two days and the whole operation would be over in a fortnight»/ «blitzkrieg that would overrun Ukraine in days» [56]. Нелучайно используется метафора «Kyiv would fall», делается акцент на том, что люди просто так не сдадут свой город русским агрессорам. При помощи *гиперболы* (1,1%) «Kyiv would fall in two days» и «would overrun Ukraine in days», а все операция будет закончена за две недели «the whole operation would be over in a fortnight» подчеркивается безрассудность президента, который рассчитывал взять народ Украины за такой короткий срок. Таким образом, речевая агрессия направлена на формирование внешнеполитического имиджа России как нацистской страны.

В исследуемом нами материале были обнаружены случаи *сравнения* (15%) Российской Федерации с нацистской Германией («Russia treacherously attacked our state in the morning, as Nazi Germany did in 2#WW years») [58] и В.В. Путина – с Гитлером («He attacked us at 4 a.m. as if he was Hitler») [59]. Так, западные СМИ

пытаются навязать образ «фашистской» России, пытающейся завоевать народ Украины. Отождествление армии РФ с несокрушимой силой («Russia's military as an unstoppable force») [60] усиливает страх читателей, что приводит к возникновению в их сознании негативного образа всемогущего «притеснителя», «наступателя», представляющего собой угрозу для других стран. Запугивание читателей происходит за счет сравнения В.В. Путина с тираном, желающим смерти всем невинным людям («Putin stands revealed as a tyrant willing to kill large numbers of innocent people») [55]. Народ, охваченный страхом, деструктивно относится к «врагу», соответственно, наделяет его негативными качествами, что отрицательно сказывается на внешнеполитическом имидже государства.

Довольно часто используется намек на «императорские замашки» президента, который мечтает воссоздать Советский Союз: «He seems to believe it is **his destiny to Make Russia Great Again**» [51], «this greatness necessarily includes the effective reincorporation of **Ukraine into the empire**» [51], «For many years, there has been periodic talk about **merging Belarus**, population 9.4 million, and Russia both former Soviet Republics» [61]. Данное языковое средство применяется с целью понижения имиджа президента и отождествления его с монархом, который способен с макиавеллиевской изощренностью аннексировать чужие земли.

Метафора (19,3%) относится к непрямым формам коммуникации, так как она способна завуалировать информацию, которую адресант, по личным соображениям, не хочет озвучивать открыто. Она представляет собой «призму концептуализации и познания окружающего мира» [62. С. 179]. «Surround the population centers, choke off water, food and electricity, and Putin **assembles the ingredients for a humanitarian catastrophe**. Send in ground forces to take control, and Putin will **invite a blood bath that kills Ukrainians and sends troops in body bags back to Russia**» [63]. Слово «ingredients» определяется следующим образом в словаре: 1. «one of the things from which something is made, especially one of the foods that are used together to make a particular dish»; 2. one of the things or qualities that are necessary to make something successful [64]. Преимущественно данное слово используется, когда речь идет о приготовлении каких-либо блюд. Оно также имеет положительную коннотацию. В указанном контексте оно имеет переносное значение, составное часть чего-либо, но приобретает негативную окраску. Далее следует, что эти ингредиенты необходимы для создания гуманитарной катастрофы («humanitarian catastrophe»), которая дополняется метафорическим образом «ванной из крови» («blood bath»), строящимся по тому же принципу. Слово с нейтральной окраской «bath» вместе со словом «blood» приобретает негативную коннотацию. Завершается данный отрывок не мене сильной метафорой «body bags». Все высказывание строится при помощи использования достаточно сильных метафорических образов с негативной окраской, создающих в сознании читателей ужасы войны. Данные образы, воссозданные при помощи речевой агрессии, формируют представление о Российской Федерации как о «кроважидном антагонисте» и вызывают

резко негативное отношение к происходящим событиям, так как на подсознательном уровне у любого человека присутствует страх войны.

Прагматический уровень подразумевает сокрытие или завуалирование коммуникативных намерений говорящего. При помощи имплицитного использования различных тропов и фигур речи интенсифицируется воздействие речевой агрессии на широкую аудиторию с целью нанесения ущерба внешнеполитическому имиджу Российской Федерации. При анализе данного материала следует учитывать скрытый смысл высказывания для того, чтобы установить истинную коммуникативную задачу говорящего. Так, было установлено, что для выражения речевой агрессии на прагматическом уровне используется прием создания *черно-белого мира*, позволяющий противопоставить полярные явления и взаимоисключающие понятия. Основным средством реализации данного приема являются *антитеза* или *контекстные антонимы*, так как обнаруживаются в 46,1% случаях. Использование указанных средств способствует разделению мира на «хороший» и «плохой». Мы выделили два типа противопоставлений: Россия – жители Украины, президент России – президент Украины.

Первая корреляция заключается в изображении России как страны-агрессора. Данному образу противопоставляются мирные жители Украины, которые страдают в войне. В следующем отрывке рассказывается про жительницу Украины Татьяну: «There was more wine. More fury at Putin. People pulled out their phones and talked about the terrible news, the messages they were getting, the Russian propaganda, and relatives who believed Putin's war was justified» [65]. Идет противопоставление злости Татьяны, как представительницы народа Украины, и В.В. Путина. Однако данный пример указывает на еще одно противопоставление – тех, кто против военной операции, и тех, кто поддерживает ее. Есть люди, которые оправдывают данную военную операцию: «believed Putin's war was justified», но их мнение нельзя считать правильным, так как они подвержены русской пропаганде («the Russian propaganda»). Таким образом, данные корреляции подводят реципиента к мысли, что украинский народ «страдает», В.В. Путин «развязывает войну», а все, кто думают иначе, – просто жертвы пропаганды.

В другом отрывке России противопоставляется не отдельная личность, а целый народ Украины: «Russia's full-scale invasion in late February has been different. Russia has **blatantly launched hundreds of ballistic and cruise missiles** against Ukraine. It's not ashamed to **bomb children** for the whole world to see, to **starve cities to death by denying civilians access to water, food, electricity and heat**» [66]. *Эпитеты* (20,1%) «Russia's full-scale invasion» и «blatantly launched» особенно подчеркивают ужасные действия российского правительства. Используются слова с отрицательной коннотацией, а именно «bomb» «starve», «death», «denying access to water». Они усиливают отрицательный образ России, которая не стремится скрыть свои действия: «Putin's Russia is not even trying to hide its

atrocities». *Гипербола* (4%) «Putin's Russia» подчеркивает, что современный путинский режим привел к этим событиям, а все, кто его поддерживают, причастны к этим преступлениям.

Рассмотрим следующий пример: «Like every Ukrainian I know, I've had many strenuous nights. We've all been doing our part to help **the millions of innocents facing Russian missiles, tanks, bullets, rapes: in a word, genocide**» [66]. Фраза «Like every Ukrainian» создает чувство единения украинского народа. Так считает каждый украинец. С целью манипуляции сознанием читателей используется *стратагема влияния «предубеждение»* (2,6%), которая заставляет адресата думать, что это общепринятое мнение. Стратагема предубеждения характеризуется манипулированием в способах создания проблемы и путей ее разрешения. Успешность осуществления стратагемы определяется тем, «что всем известно» и «что все считают само собой разумеющимся» (даже если это положение таковым не является) [67. Р. 97]. Мы видим противопоставление «миллионов невинных украинцев» и «русские ракеты, танки, пули». Российская Федерация представлена как монстр, который даже «насилует» женщин. Данный ряд лексических синонимов завершается гиперонимом – «геноцид».

Вторая корреляция строится при помощи противопоставления президента России и президента Украины – Владимира Путина и Владимира Зеленского: «Ukrainian President Volodymyr Zelensky's improbable journey to a war hero» [68] – «Russian President Vladimir Putin has been targeting unarmed women, children and others» [69], «Volodymyr Zelensky delivered a rousing speech on video to crowds of demonstrators Friday night in major European cities and Russian forces remain largely stalled in their advance on the capital city of Kyiv» [70], «Zelensky: 'Victory of light over darkness'» [71]. Противопоставление возможно при помощи контекстных антонимов. В.А. Зеленский «hero», «light», он произносит «rousing speech», а В.В. Путин «darkness», и его армия готова взять Киев.

Президент Украины также является «wartime leader». Он противопоставляется Кремлю, для которого он является главной целью «the Kremlin's "target No.1"» [72]. *Метонимия* (1,2%) «the Kremlin's» создает намек на президента России В.В. Путина. Положительный образ В.А. Зеленского также усиливается за счет указания того факта, что он не покинул столицу, а, наоборот, остался и поддерживает свой народ: «he has earned the **respect of much of the Ukrainian public by refusing to flee the capital**. Instead, **he has walked the streets of Kyiv and urged Ukrainians to resist, while crafting a successful communications strategy that has won the hearts and minds of European leaders and voters**» [72]. В.А. Зеленский предстает как искусный стратег, так как он способен «искусно разрабатывать стратегии коммуникации». За счет этого он завоевал сердца европейских лидеров и простых людей. В данном фрагменте мы видим ирреалистичный светлый образ одного политика и упоминание вскользь второго. Весь акцент делается на достижениях В.А. Зеленского. Тем самым создается возвышенный, практически романтиче-

ский образ украинского президента с целью минимизировать имидж российского, провести между ними параллель «плохой–хороший».

В следующем примере беспощадному врагу в лице РФ противопоставляется герой, не только президент Украины, но и все жители: «Ours is a **land of heroes**. An unexpected **heroic leader** (I have been quite critical of him and for good reason) is Ukrainian President Volodymyr Zelensky» [66]. Метафоры «land of heroes» и «heroic leader» возвеличивают президента и народ Украины, которые противопоставляются «the devil – Russia's despot, Vladimir Putin». Создается однозначно «хороший, героический мир» и «дьявольский, деспотичный мир В.В. Путина». Люди современной Украины не намерены больше мириться с «дьяволом»: «Now Ukrainians have had enough. **They would rather die than commit deals with the devil and live under his regime. Zelensky is only one example of a changed Ukraine**» [66]. В другом фрагменте используется тот же образ: «Volodymyr Zelensky **did not flee** at the first Russian artillery salvo but **rather stayed defiantly in Kyiv, becoming an inspirational commander in chief and an iconic international hero**» [51]. Заслуга В.А. Зеленского в том, что он «не сбежал» из Украины, когда начались обстрелы Киева. За стремление укреплять отношения с США президент Украины также *сравнивается* (12,7%) с Уинстоном Черчиллем: «Zelensky is channeling Winston Churchill» [73]. Но его образ «бледнеет» («pales») перед украинскими людьми, которые «стоят грудью перед русскими танками» и «показывают средний палец российским самолетам» («but I believe he would be the first to say that his courage pales beside that of **the Ukrainians who stand in front of Russian tanks and raise their middle fingers when Russian warplanes fly overhead**») [51]. Используется гротескное и гиперболическое изображение жителей Украины, которые могут пойти на все, чтобы защитить свою страну, включая даже такой жест, как показать средний палец летящему самолету. Такое гипертрофированное изображение может породить обратный эффект: все, что могут противопоставить украинцы русским, – это их грудь и средний палец.

В ходе исследования было обнаружено использование еще одного прагматического приема – *приема некогерентности*, который характеризуется отсутствием логической связи в высказывании. Рассмотрим следующий пример: «Russian President Vladimir Putin's invasion of Ukraine has triggered an earthquake of global condemnation, including in his own backyard, where protests have swelled across the country in a remarkable outpouring of dissent against the Kremlin's deadly military assault» [52]. Метафора (46%) «his own back yard» создает убедительный образ незащищенности, а также отсутствия поддержки со стороны своего населения у президента России. Эпитет (54%) «remarkable» подчеркивает положительный образ всех диссидентов («dissent») действующего политического режима, который запустил «deadly military assault» против мирных людей на Украине. Данные высказывания обладают высокой степенью некогерентности. Безусловно, всегда будут несогласные с действующей властью люди, но это не означает, что они представляют мнение большинства.

В следующем предложении содержится прямая угроза: «Paralysed by Ukraine, the Russian president will need his security services to keep him in power» [56]. Автор приводит реципиента к мысли, что существует большое недовольство действиями президента в стране. Данные примеры речевой агрессии способствуют четкому формированию образа президента как одержимого властью человека, не имеющего поддержку даже среди своих граждан, что дискредитирует имидж целого государства.

В другом отрывке указывается, что политические сторонники В.В. Путина «*sycophants*» и они создали «**a system of fear that enables his barbaric, mid-20th-century thinking**» [66]. Данное высказывание порождает намек на то, что в России никто не может высказать противоположное мнение, что В.В. Путин «застрял в прошлом», а украинцы «ушли вперед»: «For Ukrainians, it is an act of pride to resist the Kremlin's **atrocious regime**. Putin thought that he could continue **manipulating and instilling fear among Ukrainians as he does at home**» [66]. Метафора «instilling fear» подчеркивает деспотичный характер президента, который сеет страх дома. Исходя из данного контекста, можно прийти к выводу, что В.В. Путин у власти не потому, что народ его выбрал, а потому, что все боятся ему противостоять.

На *синтактико-стилистическом* уровне дискредитация внешнеполитического имиджа современной России происходит за счет *риторических вопросов* (17,3%) (A new Cold War? Or WWII?) [74]. Намерение авторов связано не с желанием получить ответ на вопрос, а с целью оказать психологическое влияние на адресата. Данный прием проводит параллель между реальным миром и тем, который был в прошлом столетии (Первая и Вторая мировые войны, холодная война), а также выдвигает предположение о начале третьей мировой войны и намекает на «кошмар» (nightmare), сотворенный руками президента. Все это дискредитирует имидж России, описывая ее как жестокую и безжалостную страну, готовую пойти на любые действия (даже развязать войну) ради собственных интересов.

На данном уровне наибольшее суггестивное воздействие оказывает стилистический прием *синекдохи* (62,8%), поскольку помогает создать экспрессивно маркированный текст [75. С. 24]. В следующих примерах: Russia invades Ukraine, Russia thwart civilian evacuation, Russia continues to advance on the critical city, Russia sets fire to Ukraine, Russia continues to batter Ukraine, усиливается экспрессивность речи и формируется противостояние большой и агрессивной России и маленькой, находящейся под угрозой Украины. Очевидно, что речевая агрессия направлена на дискредитацию имиджа.

Также используются графические приемы (19,9%), а именно, подчеркивание определенных слов в предложении («The Ukrainian Parliament Commissioner for Human Rights is reporting that **32 children were killed and 70 injured** since Russia's invasion of Ukraine began» [76], «including **dozens of confirmed attacks** on health facilities during the invasion that entered its fourth week on Thursday» [77]); написание целого слова заглавными буквами («Wednesday even though the word "CHILDREN" in Russian was laid out in giant letters in front and behind

it» [76], «He seems to believe it is his destiny to MAKE RUSSIA GREAT AGAIN» [51]); некоторые слова берутся в кавычки («reckless and dangerous" Russian attack», «"dumb" bombs»). Данные приемы, безусловно, привлекают читателя, а выделенные слова или предложения надолго врезаются в память.

Заключение

Сегодня внешнеполитический имидж России претерпевает беспрецедентное информационное давление со стороны американских СМИ. Феномен речевой агрессии все чаще встречается в массмедийном дискурсе, где основной целью является формирование угнетающего настроения и отрицательного эмоционального впечатления у читателя. Проведенное нами исследование позволяет сказать, что западные средства массовой информации эксплицитно используют речевую агрессию, которая обладает сильной интенсивностью, о чем свидетельствует большое количество языковых средств ее реализации, и которая несет враждебный характер по отношению к РФ. На основе результатов анализа мы получили следующие выводы:

1. Исследуемая нами речевая агрессия, обнаруженная на страницах электронных американских СМИ, по отношению к России играет первостепенную роль в дискредитации внешнеполитического имиджа нашего государства и характеризуется трансляцией деструктивных смыслов.

2. Реализация дискредитирующей речевой агрессии в американских СМИ происходит на трех уровнях: лексико-стилистическом, прагматическом и синтактико-стилистическом. На лексико-стилистическом уровне наиболее распространенным лингвистическим средством, выражающим речевую агрессию, являются негативно окрашенные эпитеты (40,8%). Они создают яркие, резко негативные образы президента Российской Федерации и ее армии. Довольно часто применяется метафора (19,3%), содержащая «агрессивную» коннотацию, и сравнения (15%). Это объясняется намерением максимально резко и отрицательно описать конфликтную ситуацию, в которую вовлечена Россия, провести параллели с образами

всемирно известных убийц. На прагматическом уровне американские СМИ используют приемы: 1) создания «черно-белого мира», где основными средствами реализации служат такие стилистические средства, как антитеза или лексические антонимы (46,1%), эпитеты (20,1%) и метафора (13,3%); 2) *некогерентности*, реализующийся при помощи эпитетов (54%) и метафоры (46%). На синтактико-стилистическом уровне синекдоха является наиболее частотным средством (62,8%), к которому прибегают западные средства массовой информации. К данному уровню мы также отнесли риторические вопросы (17,3%) и графические приемы (19,9%), которые помогают привлечь внимание реципиента к наиболее важной информации и усилить имидж Российской Федерации как беспощадного завоевателя.

3. Речевая агрессия формирует имидж России как страны-агрессора/угнетателя/захватчика/тирана, угрожающего установленному мировому порядку и одержимого яростной идеей о завоевании мира. При помощи речевой агрессии формируется резко негативное отношение читающей публики об РФ в целом и о жителях страны в частности. Сформированный внешнеполитический имидж России как непримиримого и беспощадного врага вызывает страх и ненависть.

Полученные результаты могут быть использованы при разработке специальных курсов и семинаров по проблеме речевой коммуникации в политическом дискурсе, а также медиабезопасности и медиаграмотности. Кроме того, результаты настоящего исследования послужат основой для сравнительно-сопоставительного анализа отечественных и зарубежных СМИ, что будет отражено в нашей следующей работе.

В настоящие дни России становится особенно сложно бороться за позитивное восприятие имиджа. Опасность появления речевой агрессии в англоязычных электронных СМИ в адрес Российской Федерации заключается в широких масштабах своего деструктивного воздействия на формирование картины мира отдельного человека и общества в целом. Внешнеполитический имидж России как агрессивной страны сформировался в связи с ростом ее политического влияния и авторитета на международной арене.

Список источников

1. Анохин Е.В. Имидж страны: проблемы формирования и управления // Проблемы современной экономики. 2014. № 3 (51). С. 214–218.
2. Хажеева И.А. Речевая агрессия как специфический элемент речевого имиджа Дмитрия Киселева // Наука ЮУрГУ : материалы 67-й науч. конф. Секции социально-гуманитарных наук. 2015. С. 1202–1208.
3. Гаврилов Г.А. Имидж страны как одна из целей информационной войны // Актуальные вопросы филологических наук : материалы I Междун. науч. конф. Чита : Молодой ученый, 2011. С. 154–156.
4. Воронцова Ю.А. Особенности прагматического воздействия в текстах средств массовой информации // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: материалы II междун. науч. конф. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2007. С. 680–686.
5. Ржанова С.А. Оценочный характер узуса в СМИ // Язык, литература, культура: диалог поколений : материалы Междун. науч. конф. Москва ; Чебоксары, 2004. С. 118–123.
6. Солопова О.А. Кризис «настоящего» в российском политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2007. № 2 (22). С. 67–73.
7. Чудинов А.П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2012. № 2 (40). С. 53–59.
8. Румянцев Т.Г. Агрессия: проблемы и поиски в западной философии и науке. М. : Мир, 1991. 378 с.
9. Бэрн Р., Ричардсон Д. Агрессия. СПб. : Питер, 1999. 352 с.
10. Мэй Р. Сила и невинность. М. : Смысл, 2001. 320 с.
11. Coloroso B. The bully, the bullied, and the bystander: From preschool to high school: How parents and teachers can help break the cycle of violence. N.Y. : HarperResource, 2003. 272 p.
12. Reitman D., Villa M. Verbal aggression: Coping strategies for children. National Association of School Psychologists, 2004. URL: <https://cobbsuccessforall.com/wp-content/uploads/2014/05/Verbal-Aggression.html> (дата обращения: 06.04.2022).
13. Hartmann H., Kris E., Loewenstein R.M. Notes on the theory of aggression. The Psychoanalytic Study of the Child. N.Y. : International Universities Press, 1949.

14. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло). М. : Прогресс; Универс, 1994. 272 с.
15. Brandt D.C., Pierce K.J. When is verbal abuse serious? The impact of relationship variables on perceptions of severity. 2000.
16. Kurst-Swanger K., Petcosky J.L. Violence in the home: Multidisciplinary perspectives. N.Y. : Oxford University Press, 2003. 336 p.
17. Курбатова Т.Н. Психология агрессии // Агрессия : сб. ст. по материалам науч.-практ. конф. «Агрессия: биологические, психологические и философские аспекты» / отв. ред. А.М. Ельяшевич. СПб., 2004. 368 с.
18. Russell G.W. Aggression in the Sports World: A Social Psychological Perspective. N.Y. : Oxford University Press, 2008.
19. Hamilton M.F. Verbal aggression: Understanding the Psychological Antecedents and Social Consequences // Journal of Language and Social Psychology. 2012. № 31 (1). P. 5–12.
20. Levesque R.J.R. Adolescents, media, and the law: What developmental science reveals and free speech requires. N.Y. : Oxford University Press, 2007. 368 p.
21. Infante D.A. Verbal aggressiveness: An interpersonal model and measure // Communication Monographs. 1986. Vol. 53. P. 61–69.
22. Andersson L., Trudgill P. Bad Language. London : Penguin, 1990. 255 p.
23. Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия : материалы к энциклопедическому словарю «Культура русской речи» // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. 1999. Вып. 1 (8). С. 91–103.
24. Басовская Е.Н. Творцы черно-белой реальности: о вербальной агрессии в средствах массовой информации // Критика и семиотика. 2004. Вып. 7. С. 257–263.
25. Rancer A.S., Avtgis T.A. Argumentative and aggressive communication: Theory, research, and application. Thousand Oaks, CA : Sage, 2006. 321 p.
26. Сковородников А.П. О сверхсилной речевой агрессии и ее модальном антипode // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 12–21.
27. Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. М. : КомКнига, 2006. 360 с.
28. Стеклова Т.И. Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3. С. 77–81.
29. Горностаева А.А. Границы дозволенного в политическом дискурсе: ироничность, черный юмор, деструктивность, сквернословие // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 57–66.
30. Копнина Г.А. Речевое манипулирование : учеб. пособие. М., 2010. 172 с.
31. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М. : Ладомир, 1997. 330 с.
32. Михальская А.К. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике : учеб. пособие для студентов гум. вузов. М., 1996. 83 с.
33. Ротмайр Р. «Пробивные» стратегии на деловых переговорах как пример завуалированной агрессивности // Агрессия в языке и речи. М. : РГГУ, 2004. С. 53–66.
34. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход : дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2006. 296 с.
35. Werner N.E., Bumpus M.F., Rock D. Involvement in Internet aggression during early adolescence // Journal of Youth and Adolescence. 2010. P. 607–619.
36. Stephens A.N., Trawley S.L., Ohtsuka K. Venting anger in cyberspace: Self-entitlement versus self-preservation in #roadrage tweets // Transportation Research. Part F: Traffic Psychology and Behaviour. 2016. Vol. 42. P. 400–410.
37. Sparby E.M. Digital social media and aggression: Memetic rhetoric in 4chan's collective identity // Computers and Composition. 2017. Vol. 45. P. 85–97.
38. Allison K.R., Bussey K. Cyber-bystanding in context: A review of the literature on witnesses' responses to cyberbullying // Children and Youth Services Review. 2016. Vol. 65. P. 183–194.
39. Law D.M., Shapka J.D., Domene J.F., Gagné M.H. Are cyberbullies really bullies? An investigation of reactive and proactive online aggression // Computers in Human Behavior. 2012. Vol. 28, Is. 2. P. 664–672.
40. Жмуров Д.В. Криминальная агрессия детей и подростков. Иркутск : Репроцентр, 2007. 255 с.
41. Anderson C.A., Gentile D.A., Buckley K.E. Violent video game effects on children and adolescents: Theory, research, and public policy. Oxford : Oxford University Press, 2007. 199 p.
42. Меркулова Е.М. Средства вербализации жертвы в российском и американском военных дискурсах // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 139–144.
43. Комалова Л.Р. Вербальный образ субъекта агрессии в русскоязычных сетевых СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 5 (59) : в 3 ч. Ч. 2. С. 96–98.
44. Месропян Л.М. Имплицированная речевая (вербальная) агрессия как средство воздействия в информационной войне // Российский академический журнал. 2011. Т. 17, № 3. С. 44–46.
45. Булатова Е.И. Средства вербальной агрессии как инструмент информационных войн (На примере арктического медиадискурса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики : в 2 ч. Тамбов : Грамота, 2016. № 8 (62), ч. 1. С. 88–91.
46. Информационные войны в современном мире : материалы международной конференции. Москва, 2 октября 2008 года. М. : Ключ С, 2008. 96 с.
47. Озюменко В.И. Медийный дискурс в ситуации информационной войны: от манипуляции – к агрессии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21, № 1. С. 203–220.
48. Горностаева Ю.А. Вербальные маркеры манипуляции в англоязычном поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации и автоматической обработки : дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2018. 191 с.
49. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 6. С. 140–143.
50. Lviv aircraft attack sows fear as Biden warns China against supporting Russia // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/18/russia-ukraine-war-news-putin-live-updates/> (дата обращения: 06.04.2022).
51. Robinson E. The war in Ukraine could hardly be going worse for Putin. Don't assume he agrees // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/17/putin-may-not-care-that-ukraine-is-a-disaster/> (дата обращения: 06.04.2022).
52. In Russia, thousands defy police threats to protest the invasion of Ukraine. Can it make a difference? // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/03/04/russia-ukraine-war-protests/9351061002?gnt-cfr=1> (дата обращения: 06.04.2022).
53. Khurshudyan I. Odessa's beloved opera house plays starring role in wartime drama // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/17/ukraine-odessa-opera-russia/> (дата обращения: 06.04.2022).
54. Parker C. What are war crimes, and is Russia committing them in Ukraine? // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/03/russia-ukraine-war-crimes-explainer/> (дата обращения: 06.04.2022).
55. Krugman P. America's Right Has a Putin Problem // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/10/opinion/putin-ukraine-russia-usa.html> (дата обращения: 06.04.2022).
56. Galeotti M. How does Putin extract himself from this nightmare of his own making? // The New York Times. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/how-does-putin-extract-himself-from-this-nightmare-of-his-own-making-v2ktvw08g> (дата обращения: 06.04.2022).
57. Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/wily> (дата обращения: 06.04.2022).

58. Miranda G. Why is Russia invading Ukraine? Could it be the start of WWII? Here's what we know // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2022/02/24/russian-invasion-ukraine-questions-explained/6921368001/> (дата обращения: 06.04.2022).
59. Ruane M.E. Putin's attack on Ukraine echoes Hitler's takeover of Czechoslovakia // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/history/2022/02/24/hitler-czechoslovakia-sudeten-putin-ukraine/> (дата обращения: 06.04.2022).
60. Cooper H., Schmitt E., Barnes J.E. As Russia's Military Stumbles, Its Adversaries Take Note // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/07/us/politics/russia-ukraine-military.html> (дата обращения: 06.04.2022).
61. In war, Russia has swallowed up Belarus. Freedom is at stake there, too // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/03/war-russia-has-swallowed-up-belarus-freedom-is-stake-there-too/> (дата обращения: 06.04.2022).
62. Телия В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М. : Наука, 1988. С. 173–176.
63. Vanden Brook T. 'No good outcome': Putin's unraveling war plan leaves Russia, Ukraine in precarious positions // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/03/05/ukraine-putins-war-kyiv-turning-into-long-slog-death-despair/9377108002/> (дата обращения: 06.04.2022).
64. Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/ingredient?q=ingredients> (дата обращения: 06.04.2022).
65. Harlan Ch. First day as a Ukrainian refugee: Warm bed, guilt and cursing Putin // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/03/ukraine-refugees-housing-moldova/> (дата обращения: 06.04.2022).
66. Timchenko I. For Ukrainians abroad like me, watching the war from afar is excruciating // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2022/03/18/ukraine-students-abroad-war/> (дата обращения: 06.04.2022).
67. Aronson E., Pratkanis R. Age of propaganda: the everyday use and abuse of Persuasion. N.Y. : W.H. Freeman and company, 2001.
68. Zelensky: The TV president turned war hero // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/podcasts/post-reports/zelensky-the-tv-president-turned-war-hero/> (дата обращения: 06.04.2022).
69. Odessa braces for Russian assault as humanitarian conditions deteriorate // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/07/russia-ukraine-war-news-putin-live-updates/> (дата обращения: 06.04.2022).
70. Tebor C., Shannon J., Miller R.W., Hayes C., Santucci J. Volodymyr Zelenskyy delivers rousing speech; Former VP Mike Pence warns GOP: March 4 recap // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/03/04/ukraine-russia-invasion-live-updates/9369419002/> (дата обращения: 06.04.2022).
71. Bella T. 'We did not become slaves, and we never will': Zelensky remains defiant against Russia weeks into war // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/10/zelensky-ukraine-russia-slaves-invasion-putin/> (дата обращения: 06.04.2022).
72. Pietsch B., Westfall S. What to know about Volodymyr Zelensky, Ukraine's TV president turned wartime leader // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/01/ukraine-president-volodymyr-zelensky-russia/> (дата обращения: 06.04.2022).
73. Marr A. Zelensky Doesn't Know the End of His Story. Churchill Didn't Either // The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2022/03/23/opinion/zelensky-churchill.html> (дата обращения: 06.04.2022).
74. Hauck G. A new Cold War, or the start of World War III? How historians see the invasion of Ukraine // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2022/02/24/cold-war-wwiii-russia-ukraine/6923412001/> (дата обращения: 06.04.2022).
75. Желухина М.Р. Специфика речевого воздействия тропов в языке СМИ : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 48 с.
76. Lee E., Collins M., Fernando C., Santucci J., Keveney B. Ukraine-Russia cease-fire talks to resume Monday; Israel PM returns from meeting Putin: Saturday recap // USA Today. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/03/05/ukraine-russia-invasion-live-updates/9388548002/> (дата обращения: 06.04.2022).
77. Taylor A. Ukrainian hospitals continue to be in the firing line during Russia's invasion // The Washington post. URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/24/ukraine-public-health-hospital-war/> (дата обращения: 06.04.2022).

References

1. Anokhin, E.V. (2014) Imidzh strany: problemy formirovaniya i upravleniya [Image of the country: problems of formation and management]. *Problemy sovremennoy ekonomiki*. 3 (51). pp. 214–218.
2. Khazheeva, I.A. (2015) [Speech aggression as a specific element of Dmitry Kiselev's speech image]. *Nauka YuUrGU* [Science of SUSU]. Proceedings of the 67th International Conference. Humanities. Chelyabinsk. April 2015. Chelyabinsk: South Ural State University. pp. 1202–1208. (In Russian).
3. Gavrilov, G.A. (2011) [The image of the country as one of the goals of the information war]. *Aktual'nye voprosy filologicheskikh nauk* [Current Issues of Philological Sciences]. Proceedings of the 1st International Conference. Chita. November 2011. Chita: Molodoy uchenyy. pp. 154–156. (In Russian).
4. Vorontsova, Yu.A. (2007) [Features of pragmatic influence in mass media texts]. *Russkaya slovesnost' v kontekste sovremennykh integratsionnykh protsessov* [Russian Literature in the Context of Modern Integration Processes]. Proceedings of the 2nd International Conference. Volgograd. 24–26 April 2007. Volgograd: Volgograd State University. pp. 680–686. (In Russian).
5. Rzhanova, S.A. (2004) [Evaluative nature of the usage in the media]. *Yazyk, literatura, kul'tura: dialog pokoleniy* [Language, Literature, Culture: Dialogue between generations]. Proceedings of the International Conference. Moscow–Cheboksary. 14–16 October 2003. Moscow; Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University. pp. 118–123. (In Russian).
6. Solopova, O.A. (2007) Krizis "nastoyashchego" v rossiyskom politicheskom diskurse [The crisis of the "present" in Russian political discourse]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (22). pp. 67–73.
7. Chudinov, A.P. (2012) Diskursivnye kharakteristiki politicheskoy kommunikatsii [Discursive characteristics of political communication]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (40). pp. 53–59.
8. Rummyantseva, T.G. (1991) *Agressiya: problemy i poiski v zapadnoy filosofii i nauke* [Aggression: Problems and searches in Western philosophy and science]. Moscow: Mir.
9. Baron, R.A. & Richardson, D.R. (1999) *Agressiya* [Human Aggression]. Translated from English. Saint Petersburg: Piter.
10. May, R. (2001) *Sila i nevinnost'* [Power and Innocence]. Translated from English. Moscow: Smysl.
11. Coloroso, B. (2003) *The Bully, the Bullied, and the Bystander: From preschool to high school: How parents and teachers can help break the cycle of violence*. New York: HarperResource.
12. Reitman, D. & Villa, M. (2004) *Verbal Aggression: Coping strategies for children*. National Association of School Psychologists. [Online] Available from: <https://cobbsuccessforall.com/wp-content/uploads/2014/05/Verbal-Aggression.html>. (Accessed: 06.04.2022).
13. Hartmann, H., Kris, E. & Loewenstein, R.M. (1949) *Notes on the Theory of Aggression. The Psychoanalytic Study of the Child*. New York: International Universities Press.
14. Lorenz, K. (1994) *Agressiya (tak nazyvaemoe zlo)* [On Aggression]. Translated from German. Moscow: Izdatel'skaya gruppa "Progress", "Univers".
15. Brandt, D.C. & Pierce, K.J. (2000) When is verbal abuse serious? The impact of relationship variables on perceptions of severity. *UW-La Crosse JUR*. 3. pp. 7–78.
16. Kurt-Swanger, K. & Petcosky, J.L. (2003) *Violence in the Home: Multidisciplinary perspectives*. New York: Oxford University Press.

17. Kurbatova, T.N. (2004) Psikhologiya agressii [Psychology of aggression]. In: El'yashevich, A.M. (ed.) *Agressiya: biologicheskie, psikhologicheskie i filosofskie aspekty* [Aggression: Biological, psychological and philosophical aspects]. Saint Petersburg: Piter.
18. Russell, G.W. (2008) *Aggression in the Sports World: A Social Psychological Perspective*. New York: Oxford University Press.
19. Hamilton, M.F. (2012) Verbal aggression: Understanding the Psychological Antecedents and Social Consequences. *Journal of Language and Social Psychology*. 31 (1). pp. 5–12.
20. Levesque, R.J.R. (2007) *Adolescents, Media, and the Law: What developmental science reveals and free speech requires*. New York: Oxford University Press.
21. Infante, D.A. (1986) Verbal aggressiveness: An interpersonal model and measure. *Communication Monographs*. 53. pp. 61–69.
22. Andersson, L. & Trudgill, P. (1990) *Bad Language*. London: Penguin.
23. Bykova, O.N. (1999) Rechevaya (yazykovaya, verbal'naya) agressiya: materialy k entsiklopedicheskomu slovaryu "Kul'tura russkoy rechi" [Speech (linguistic, verbal) aggression: materials for the encyclopedic dictionary Culture of Russian Speech]. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshcheniya*. 1 (8). pp. 91–103.
24. Basovskaya, E.N. (2004) Tvortsy cherno-beloj real'nosti: o verbal'noj agressii v sredstvakh massovoy informatsii [Creators of black and white reality: on verbal aggression in the media]. *Kritika i semiotika*. 7. pp. 257–263.
25. Rancer, A.S. & Avtgis, T.A. (2006) *Argumentative and Aggressive Communication: Theory, research, and application*. Thousand Oaks, CA: Sage.
26. Skovorodnikov, A.P. (2019) O sverkhsil'noj rechevoy agressii i ee modal'nom antipode [About super-strong speech aggression and its modal antipode]. *Politicheskaya lingvistika*. 3 (75). pp. 12–21.
27. Shcherbinina, Yu.V. (2006) *Verbal'naya agressiya* [Verbal Aggression]. Moscow: KomKniga.
28. Steksova, T.I. (2013) Rechevaya agressiya v internet-kommentariyakh kak proyavlenie sotsial'noj napryazhennosti [Speech aggression in Internet comments as a manifestation of social tension]. *Politicheskaya lingvistika*. 3. pp. 77–81.
29. Gornostaeva, A.A. (2018) Granitsy dovolennogo v politicheskom diskurse: ironichnost', chernyy yumor, destruktivnost', skvernoslovie [Boundaries of what is permitted in political discourse: irony, black humor, destructiveness, foul language]. *Politicheskaya lingvistika*. 1. pp. 57–66.
30. Kopnina, G.A. (2010) *Rechevoe manipulirovanie* [Speech Manipulation]. Moscow: Flinta, Nauka.
31. Zhel'vis, V.I. (1997) *Pole brani. Skvernoslovie kak sotsial'naya problema v yazykakh i kul'turakh mira* [Battlefield. Foul language as a social problem in languages and cultures of the world]. Moscow: Ladomir.
32. Mihal'skaya, A.K. (1996) *Russkiy Sokrat. Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoy ritorike* [Russian Socrates. Lectures on comparative historical rhetoric]. Moscow: Academia.
33. Rothmayr, R. (2004) "Proibivnye" strategii na delovykh peregovorakh kak primer zavualirovannoy agressivnosti ["Punctuative" strategies in business negotiations as an example of veiled aggressiveness]. In: Sharonov, I.A. (ed.) *Agressiya v yazyke i rechi* [Aggression in Language and Speech]. Moscow: Russian State University for the Humanities. pp. 53–66.
34. Vorontsova, T.A. (2006) *Rechevaya agressiya: kommunikativno-diskursivnyy podkhod* [Speech aggression: communicative-discursive approach]. Philology Dr. Diss. Chelyabinsk.
35. Werner, N.E., Bumpus, M.F. & Rock, D. (2010) Involvement in Internet aggression during early adolescence. *Journal of Youth and Adolescence*. pp. 607–619.
36. Stephens, A.N., Trawley, S.L. & Ohtsuka, K. (2016) Venting anger in cyberspace: Self-entitlement versus self-preservation in #roadrage tweets. *Transportation Research. Part F: Traffic Psychology and Behaviour*. 42. pp. 400–410.
37. Sparby, E.M. (2017) Digital social media and aggression: Memetic rhetoric in 4chan's collective identity. *Computers and Composition*. 45. pp. 85–97.
38. Allison, K.R. & Bussey, K. (2016) Cyber-bystanding in context: A review of the literature on witnesses' responses to cyberbullying. *Children and Youth Services Review*. 65. pp. 183–194.
39. Law, D.M. et al. (2012) Are cyberbullies really bullies? An investigation of reactive and proactive online aggression. *Computers in Human Behavior*. 2 (28). pp. 664–672.
40. Zhmurov, D.V. (2007) *Kriminal'naya agressiya detey i podrostkov* [Criminal Aggression in Children and Adolescents]. Irkutsk: Repro-tsentr.
41. Anderson, C.A., Gentile, D.A. & Buckley, K.E. (2007) *Violent Video Game Effects on Children and Adolescents: Theory, research, and public policy*. Oxford: Oxford University Press.
42. Merkulova, E.M. (2012) Sredstva verbalizatsii zhertty v rossiyskom i amerikanskom voennykh diskursakh [Means of verbalization of sacrifice in Russian and American military discourses]. *Politicheskaya lingvistika*. 4 (42). pp. 139–144.
43. Komalova, L.R. (2016) Verbal'nyy obraz sub'ekta agressii v russkoyazychnykh setevykh SMI [Verbal image of the subject of aggression in Russian-language online media]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 5 (59). Pt. 2. pp. 96–98.
44. Mesropyan, L.M. (2011) Implitsitnaya rechevaya (verbal'naya) agressiya kak sredstvo vozdeystviya v informatsionnoy voyne [Implicit speech (verbal) aggression as a means of influence in the information war]. *Rossiyskiy akademicheskii zhurnal*. 3 (17). pp. 44–46.
45. Bulatova, E.I. (2016) Sredstva verbal'noj agressii kak instrument informatsionnykh voyn (Na primere arkticheskogo mediadiskursa) [Means of verbal aggression as a tool of information wars (On the example of Arctic media discourse)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 8 (62). Pt. 1. pp. 88–91.
46. Shevchenko, V.N. (ed.) (2008) *Informatsionnye voyny v sovremennoy mire* [Information Wars in the Modern World]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 2 October 2008. Moscow: Klyuch S.
47. Ozyumenko, V.I. (2017) Mediynny diskurs v situatsii informatsionnoy voyny: ot manipulyatsii – k agressii [Media discourse in a situation of information war: from manipulation to aggression]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Lingvistika*. 1 (21). pp. 203–220.
48. Gornostaeva, Yu.A. (2018) *Verbal'nye markery manipulatsii v angloyazychnom polarizovannom politicheskom diskurse: opyt parametrizatsii i avtomaticheskoy obrabotki* [Verbal markers of manipulation in English-language polarized political discourse: experience of parameterization and automatic processing]. Philology Cand. Diss. Krasnoyarsk.
49. Petrova, N.E. & Ratsiburskaya, L.V. (2011) Yazyk sovremennykh SMI: sredstva rechevoy agressii [The language of modern media: means of verbal aggression]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 6 (10). pp. 140–143.
50. The Washington Post. (2022) Lviv aircraft attack sows fear as Biden warns China against supporting Russia. *The Washington Post*. 18 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/18/russia-ukraine-war-news-putin-live-updates/>. (Accessed: 06.04.2022).
51. Robinson, E. (2022) The war in Ukraine could hardly be going worse for Putin. Don't assume he agrees. *The Washington Post*. 17 Mart. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/17/putin-may-not-care-that-ukraine-is-a-disaster/>. (Accessed: 06.04.2022).
52. USA Today. (2022) In Russia, thousands defy police threats to protest the invasion of Ukraine. Can it make a difference? *USA Today*. 04 March. [Online] Available from: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/03/04/russia-ukraine-war-protests/9351061002/?gnt-cfr=1>. (Accessed: 06.04.2022).
53. Khurshudyan, I. (2022) Odessa's beloved opera house plays starring role in wartime drama. *The Washington Post*. 17 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/17/ukraine-odessa-opera-russia/>. (Accessed: 06.04.2022).
54. Parker, C. (2022) What are war crimes, and is Russia committing them in Ukraine? *The Washington Post*. 03 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/03/russia-ukraine-war-crimes-explainer/>. (Accessed: 06.04.2022).
55. Krugman, P. (2022) America's Right Has a Putin Problem. *The New York Times*. 10 March. [Online] Available from:

- <https://www.nytimes.com/2022/03/10/opinion/putin-ukraine-russia-usa.html>. (Accessed: 06.04.2022).
56. Galeotti, M. (2022) How does Putin extract himself from this nightmare of his own making? *The New York Times*. 07 March. [Online] Available from: <https://www.thetimes.co.uk/article/how-does-putin-extract-himself-from-this-nightmare-of-his-own-making-v2ktvw08g>. (Accessed: 06.04.2022).
 57. *Cambridge Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://dictionary.cambridge.org/ru/slovar'/angliyskiy/wily>. (Accessed: 06.04.2022).
 58. Miranda, G. (2022) Why is Russia invading Ukraine? Could it be the start of WWII? Here's what we know. *USA Today*. 24 February. [Online] Available from: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2022/02/24/russian-invasion-ukraine-questions-explained/6921368001/>. (Accessed: 06.04.2022).
 59. Ruane, M.E. (2022) Putin's attack on Ukraine echoes Hitler's takeover of Czechoslovakia. *The Washington Post*. 24 February. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/history/2022/02/24/hitler-czechoslovakia-sudeten-putin-ukraine/>. (Accessed: 06.04.2022).
 60. Cooper, H., Schmitt, E. & Barnes, J.E. (2022) As Russia's Military Stumbles, Its Adversaries Take Note. *The New York Times*. 03 July. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2022/03/07/us/politics/russia-ukraine-military.html>. (Accessed: 06.04.2022).
 61. The Washington Post. (2022) In war, Russia has swallowed up Belarus. Freedom is at stake there, too. *The Washington Post*. 03 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/03/03/war-russia-has-swallowed-up-belarus-freedom-is-stake-there-too/>. (Accessed: 06.04.2022).
 62. Teliya, V.N. (1988) Metaforizatsiya i ee rol' v sozdanii yazykovoy kartiny mira [Metaphorization and its role in creating a linguistic picture of the world]. In: *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke: yazyk i kartina mira* [The Role of the Human Factor in Language: Language and the picture of the world]. Moscow: Nauka. pp. 173–176.
 63. Vanden Brook, T. (2022) 'No good outcome': Putin's unraveling war plan leaves Russia, Ukraine in precarious positions. *USA Today*. 05 March. [Online] Available from: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/03/05/ukraine-putins-war-kyiv-turning-into-long-slog-death-despair/9377108002/>. (Accessed: 06.04.2022).
 64. *Oxford Learner's Dictionary*. (n.d.) [Online] Available from: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/ingredient?q=ingredients>. (Accessed: 06.04.2022).
 65. Harlan, Ch. (2022) First day as a Ukrainian refugee: Warm bed, guilt and cursing Putin. *The Washington Post*. 03 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/03/ukraine-refugees-housing-moldova/>. (Accessed: 06.04.2022).
 66. Timchenko, I. (2022) For Ukrainians abroad like me, watching the war from afar is excruciating. *The Washington Post*. 18 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2022/03/18/ukraine-students-abroad-war/>. (Accessed: 06.04.2022).
 67. Aronson, E. & Pratkanis, R. (2001) *Age of Propaganda: The everyday use and abuse of Persuasion*. New York: W.H. Freeman and company.
 68. The Washington Post. (2022) Zelensky: The TV president turned war hero. *The Washington Post*. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/podcasts/post-reports/zelensky-the-tv-president-turned-war-hero/>. (Accessed: 06.04.2022).
 69. The Washington Post. (2022) Odessa braces for Russian assault as humanitarian conditions deteriorate. *The Washington Post*. 07 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/07/russia-ukraine-war-news-putin-live-updates/>. (Accessed: 06.04.2022).
 70. Tebor, C. et al. (2022) Volodymyr Zelenskyy delivers rousing speech; Former VP Mike Pence warns GOP: March 4 recap. *USA Today*. 04 March. [Online] Available from: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/03/04/ukraine-russia-invasion-live-updates/9369419002/>. (Accessed: 06.04.2022).
 71. Bella, T. (2022) 'We did not become slaves, and we never will': Zelensky remains defiant against Russia weeks into war. *The Washington Post*. 10 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/10/zelensky-ukraine-russia-slaves-invasion-putin/>. (Accessed: 06.04.2022).
 72. Pietsch, B. & Westfall, S. (2022) What to know about Volodymyr Zelensky, Ukraine's TV president turned wartime leader. *The Washington Post*. 01 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/01/ukraine-president-volodymyr-zelensky-russia/>. (Accessed: 06.04.2022).
 73. Marr, A. (2022) Zelensky Doesn't Know the End of His Story. Churchill Didn't Either. *The New York Times*. 23 March. [Online] Available from: <https://www.nytimes.com/2022/03/23/opinion/zelensky-churchill.html>. (Accessed: 06.04.2022).
 74. Hauck, G. (2022) A new Cold War, or the start of World War III? How historians see the invasion of Ukraine. *USA Today*. 24 February. [Online] Available from: <https://www.usatoday.com/story/news/nation/2022/02/24/cold-war-wwiii-russia-ukraine/6923412001/>. (Accessed: 06.04.2022).
 75. Zhelukhina, M.R. (2004) *Spetsifika rechevogo vozdeystviya tropov v yazyke SMI* [Specifics of the speech impact of tropes in the language of the media]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
 76. Lee, E. et al. (2022) Ukraine-Russia cease-fire talks to resume Monday; Israel PM returns from meeting Putin: Saturday recap. *USA Today*. 05 March. [Online] Available from: <https://www.usatoday.com/story/news/politics/2022/03/05/ukraine-russia-invasion-live-updates/9388548002/>. (Accessed: 06.04.2022).
 77. Taylor, A. (2022) Ukrainian hospitals continue to be in the firing line during Russia's invasion. *The Washington Post*. 24 March. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/world/2022/03/24/ukraine-public-health-hospital-war/>. (Accessed: 06.04.2022).

Информация об авторах:

Шипилова Д.С. – канд. филол. наук, ассистент кафедры межкультурной коммуникации Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: diana.shipilov@yandex.ru

Пешкова Н.В. – ассистент кафедры английского языка гуманитарных факультетов Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: peschkoffa@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

D.S. Shipilova, Cand. Sci. (Philology), teaching assistant, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: diana.shipilov@yandex.ru

N.V. Peshkova, teaching assistant, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: peschkoffa@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.04.2022;
одобрена после рецензирования 28.01.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 13.04.2022;
approved after reviewing 28.01.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

ФИЛОСОФИЯ

Научная статья
УДК 165
doi: 10.17223/15617793/496/10

Гуманитаризация экономической теории

Надежда Дмитриевна Асташова¹

¹ Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия,
nadya.astashova@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема использования гуманитарного подхода в экономических исследованиях. Ставится задача систематического анализа актуальных тенденций экономических исследований. Рассматриваются концепции «индустрии сознания», поведенческой, моральной, феминной экономики, «экономики счастья». Делаются выводы о том, что современную философию экономики во многом определяют попытки уйти от понимания человека как набора функций и опций.

Ключевые слова: экономическая модель, поведенческая экономика, экономика счастья, теоретический кризис

Для цитирования: Асташова Н.Д. Гуманитаризация экономической теории // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 89–96. doi: 10.17223/15617793/496/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/10

Humanitarization of economic theory

Nadezhda D. Astashova¹

¹ Lobachevsky University, Nizhny Novgorod, Russian Federation, nadya.astashova@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of using the humanitarian approach in economic research. The aim of a systematic analysis of current trends in economic research is set. The method of critical analysis is used for rethinking the stable ideas that have developed in economics about the appropriateness of using the normative theory of rationality and mathematical algorithms in the analysis of economic reality. The concepts of “consciousness industry”, behavioral, moral, feminine economy, and “happiness economy” are considered. Conclusions are drawn that the use of a mathematical approach in economics leads to an excessive abstraction of economic theories and distorts the idea of human qualities underlying social processes. Thus, the modern philosophy of economics is largely determined by attempts to get away from understanding a person as a set of functions and options. In this regard, humanitarization as a scientific approach consists in the idea of economic research as a sum of methods aimed at revealing human activity in all its diversity and completeness. The analysis of economic processes by methods of philosophy, psychology and literature reveals the symbolic, irrational essence of a person. The modern humanitarization of the economy has several important trends. The first trend is related to the phenomenon of information production as an important component of the modern economy; the second is due to the increasing popularity of psychologism in the economy and demonstrates the gap between real human behavior and the theory of rationality of economic interactions; the third trend is caused by the need for an ethical assessment of economic action. With the development of humanitarian approaches to economic research, there is a turn of economic knowledge towards “femininity”, which is expressed in the formation of an environment more responsive to human needs as a way of countering the imperatives of a technogenic society. Within this perspective, it is proposed to abandon the traditional monetary equivalents of economic success, such as income, assets, utility, and introduce qualitative indicators of health, physical and intellectual activity, lifestyle. Thus, it becomes obvious that the humanitarization of economic research demonstrates a purposeful movement towards rethinking economic processes. If changes in social reality are not yet noticeable, at the level of economic theory we observe readiness to move to a different, more human-oriented economic system.

Keywords: economic model, behavioral economics, happiness economics, theoretical crisis

For citation: Astashova, N.D. (2023) Humanitarization of economic theory. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 89–96. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/10

Развитие современного общества, которое характеризует противоречие между научно-техническим и социально-культурным развитием, во многом обуслов-

лено кризисным состоянием мировой экономики. Такая ситуация говорит о несовершенстве наших знаний об экономической системе и наводит на мысли о необ-

ходимости трансформации теории экономики. Анализируя экономические теории, не сложно обнаружить, что основная методологическая проблема – это упрощение, абстракция и идеализация экономических процессов как следствие использования математического подхода в качестве эталона познания. Классическая теоретическая экономика базируется на идее рационального выбора, объясняющего и прогнозирующего результаты математическими методами. Книги и статьи по экономике полны теорем и аксиом, утверждающих нормативную теорию рациональности. Господствующие экономические выводы основываются на том, что каждый человек рационален, обладает всей полной информацией, необходимой для наиболее оптимального решения, что совсем не соотносится с реальным поведением человека. Несмотря на очевидную целесообразность использования причинно-следственного в экономике, подобного рода аргументация вызывает у исследователей подозрения и недоверие из-за расхождений с математическими моделями и сравнительной статистикой. Например, закон спроса формулируется не в терминах причинно-следственных отношений, а ограничивается математическими выкладками, основанными на количестве товара и цене. Как следствие, казуальным концепциям не уделяется необходимого внимания, хотя мы можем найти на них ссылки в работах Д. Хаусмана [1], Д. Хелма [2], Дж. Рунде [3].

Нерелевантность математического подхода в экономике подчеркивают в своих работах австрийские исследователи (П. Беттке, С. Койн [4], Е. Деккер [5], А. Линсбихлер [6], Х. Хагедорн [7], С. Хорвиц [8], Дж. Нелл [9]). Обращая внимание на неопределенность экономических процессов, они выражают скепсис в отношении использования математических методов. Если экономику понимать как «науку, которая изучает человеческое поведение во взаимосвязи целей с ограниченными средствами» [10. Р. 15], то можно утверждать, что математический подход не просто не эффективен, но и усиливает пропасть между реальной производственной деятельностью и абстрактными расчетами. Существующий теоретический аппарат экономики обладает способностью создавать логически возможные модели, но они вступают в противоречие с экономической действительностью. Как следствие, экономическая теория превращается «в фактическое углубление и усложнение математического аппарата, прилаемого к данной научной области», при этом формальное содержание теоретических конструкций полностью или частично не соотносится с предыдущим теоретическим материалом, что ставит вопрос о том, «что изучает данная наука, каким образом существует объект, который она исследует?» [11. С. 157].

Д.У. Хэндс в работе «Размышление без правил» [12] утверждает, что «универсальная» методология и ее постулаты малопригодны для жизни, а излишняя абстрактность экономических теорий искажает представление о человеческих качествах, лежащих в основе социальных процессов, к которым относится и экономика, поэтому математический метод может и должен

оставаться «в скобках» как исключительно вспомогательное средство. С одной стороны, с этим сложно не согласиться, поскольку задача научных теорий заключается в понимании окружающего мира через обращение к неизвестному, а не решению прикладных задач. А поскольку они не претендуют на то, чтобы предъяснить достоверный образ действительности, то теоретические построения могут быть исключительно вероятностными [13. С. 23]. Как отмечает С.В. Наумов, экономическая жизнь «неисчерпаема в своих проявлениях», поэтому не могут быть сформулированы теории, полностью отвечающие запросу реальности [14. С. 29]. С другой стороны, любая свободно сформулированная теория представляет из себя репрезентацию объекта исследований, поэтому возникает необходимость доказательства ее значимости. Принцип объективности экономических построений требует от них соответствия реальной ситуации в экономике, при котором экономическая теория должна отражать наиболее значимые и характерные свойства социально-экономической среды, выявлять движущие силы трансформаций в обществе.

Таким образом, критика в отношении экономических теорий показывает, что, все более углубляясь в детали различных частных аспектов экономической жизни, теории начинают противоречить самим себе. Например, в эссе «Парадокс объяснения» Дж. Рейсс [15] обращает внимание на несовместимость положений, высказываемых в отношении теоретических построений. Действительно, в популярных экономических теориях¹ мы не сможем обнаружить целостного видения экономического процесса. Создается впечатление «бегства... от осмысления существующих условий, своего положения “здесь” и “сейчас”, забыв о рефлексии, об остановках для раздумья, исследователь уверенно и всеми силами стремится к реализации “прогрессивных” целей» [18. С. 242] в полном отрыве от реальной жизни. Мы сталкиваемся с ситуацией, когда «поставленные задачи не могут быть решены существующими методами», что является свидетельством кризисного состояния экономической теории [14. С. 26].

Анализируя проблемы современной экономической науки, В.А. Колпаков приходит к выводам о несоответствии научной теории фактам и опыту как следствие слабого теоретического интереса к реальной экономической жизни; кризисе, связанном с непониманием того, что есть экономический субъект и экономическая деятельность; обособлении от глубоких мировоззренческих проблем, что становится условием разрыва экономической теории с повседневной жизнью людей и обществом в целом [19]. Подобного рода размышления наталкивают на мысль о том, что адекватный вариант экономической теории должен отражать связь экономических механизмов с человеческой природой. Сопоставление поведения человека с математическими алгоритмами никак не поможет раскрыть сущность экономического взаимодействия.

Хотя начало гуманитаризации экономических исследований положено еще в прошлом веке, М. Бьёрн-

хольт и А. Маккей [20] уверены, что наиболее ярко интеллектуальный кризис экономической теории проявился в период финансового кризиса 2008 г., который привел к пересмотру представлений о системе экономики и работе экономиста. М.Г. Сметанина также отмечает, что методологические изменения в экономических исследованиях продиктованы новыми обстоятельствами [21]. По мнению В.В. Радаева, «вызовы экономической теории... связаны с текущим состоянием современного мира. Текущим не в смысле обычных явлений, происходящих всегда в процессе эволюции, но в смысле грядущего “перетекания”» [22. С. 118] в другую фазу развития. Таким образом, мы вполне подошли к осознанию того, что «в условиях кризиса требуется альтернативная установка мышления и деятельности, возвращающая человеческое измерение в инновационные стратегии» [18. С. 251]. Экономика нуждается в расширении понимания того, что она из себя представляет. Несомненно, она представлена процессами производства, потребления и обмена услуг и товаров, но также является сферой взаимодействий, раскрывающей сущность человека. В этой связи современную экономику также можно определить, как социально обусловленную интеллектуальную и практическую деятельность, ведущую к созданию новых ценностей в обществе.

Гуманитаризация экономики

Современную философию экономики во многом определяют попытки уйти от понимания человека как набора функций и опций, укрепившегося в научном сознании со времен Декарта. Назрела необходимость иного определения роли человека в экономике через рассмотрение его сквозь призму как межлических связей, так и диалога с бытием. В этой связи происходит гуманитаризация экономических исследований, в результате которой складываются из представления о сумме методов, направленных на раскрытие деятельности человека во всем ее многообразии и полноте. Анализ экономических процессов с использованием философских, психологических и литературоведческих подходов раскрывает символическую, иррациональную сущность человека.

Современная гуманитаризация экономики обусловлена несколькими важными тенденциями.

Первая тенденция связана феноменом информационного производства как значимой составляющей современной экономики. В течение последних ста лет развитие системы технических устройств, способствующих быстрой, почти мгновенной передаче информации, является условием получения новых значимых идей. Значение интеллектуальной деятельности становится гораздо более весомым для социальной жизни, чем товарное производство. Хотя формат экономических взаимодействий не изменился, но «продукт» производства меняется радикально, он становится информационным. Этот процесс приобрел столь глобальные масштабы и настолько многообразные формы, что его существование трудно поддается осмыслению в рам-

ках какого-то одного подхода. Г.М. Энценсбергер отмечает, что популярный ранее термин «индустрия культуры», получивший обоснование в работах Т. Адорно и М. Хоркхаймера [23], не может отражать сути описываемого явления, поэтому более оправданным выглядит использование понятия «индустрия сознания» [24], в том смысле, что «сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» (К. Маркс) [25. С. 30]. «Индустрия сознания» перенимает у «культурной индустрии», подчинившей законам капитализма искусство, знаковую многозначность. Однако некалькулируемость интеллектуального продукта требует специфического подхода при исследовании экономических процессов, связанных с ним. Интеграция не поддающегося исчислению интеллектуального продукта в экономику требует специфического подхода. Обращение к гуманитарному знанию оказывается более эффективным при анализе, а потому значение гуманитарных методов в построении экономических теорий растет.

Вторая тенденция связана с нарастающей популярностью психологизма в экономике. В целом, можно отметить, что теоретическая конфронтация с поведенческими экономистами, которую можно увидеть в рассуждениях Ф. Гуля и В. Песандорфера [26], сходит на нет. Отрицание реализма «допущений» в экономике, а также утверждения этих авторов о том, что выводы поведенческой экономики не имеют отношения к самой экономике, так как не рассматривают рыночный обмен и его последствия, теряют свою пафосность на фоне достаточно ясной картины понимания того, что методологическая база экономической науки гораздо сложнее и более специфична, чем правила, озвученные классической теорией.

Можно констатировать, что современная экономика значительную часть своих экспериментальных разработок выстраивает на основе поведенческой экономики, которую начали разрабатывать в конце прошлого века А. Тверски и Д. Канеман [27], А. Бен-Нер и Л. Путтерман [28]. Используя бихевиористический подход, экономисты изучают структуру и детерминанты индивидуального выбора (Р. Талер [29], С. Камерер [30], Дж. Левенштейн [31], С. Санштейн [32], Дж. Сен-Пол [33], А. Оливер [34]). Поведенческие экономисты гордятся тем, что их выводы основаны на эмпирических данных, объясняющих влияние психологии человека на принятие решения, в отличие от математических моделей, неспособных учесть иррациональность реакций человека в некоторых ситуациях. Например, с позиций «эффекта эндаумента» (неприятие потерь) [35] индивид с большей долей вероятности постарается сохранить принадлежащий ему объект и откажется обменивать его на новый, потенциально более лучший. Тем самым обнаруживается асимметрия обмена, противоречащая идее максимизации полезности и рациональности выбора, принятого классической экономикой. «Проблема с самоконтролем» (Р. Талер [29]), демонстрирует разрыв реального поведения человека с теорией рациональности экономических взаимодействий.

В такой ситуации возникает вопрос: какие же теории наиболее ясно могут пояснить природу человеческой мотивации в экономике? Конкуренцию психологам составляют социэкономисты. Трудности, с которыми столкнулась экономическая методология, представив поведение экономического агента как исключительно рациональное, привели к социологической рефлексии в экономических исследованиях, объединившей экономику с социологией Р. Сведберг [36]. По мнению таких историков и методологов экономики, как Д. Ваде Хэндс [37], Ф. Мировски [38], А. Этзионе [39], эти изменения позволяют отразить в экономической аналитике широкий спектр нерациональных факторов – политические обязательства, личностные интересы, конкуренцию, символичность и метафоричность социальной жизни, оказывающих непосредственное влияние на экономические решения.

Третья тенденция вызвана необходимостью этической оценки экономического действия. Наука экономика, как и любая человеческая деятельность регламентируется культурными, социальными ценностями, и это не обязательно те же ценности, что и ценности, регулирующие экономическую политику. Аксиологическое, моральное измерение экономики издавна волновало философов и экономистов, однако стремительное развитие технологий усиливает внимание к «этически ориентированной» традиции (А. Сен [40], Ф. Мировски [41]), и в XXI в. мы уже говорим об «экономике как моральной науке» (А.Б. Аткинсон [42], Б. Ходсон [43]). Р. Талер отмечает, что участники рынка «интуитивно учитывают этические нормы в принятии решений и, по меньшей мере, пытаются не допустить ситуаций, позволяющих трактовать их действия как несправедливые» [29. С. 144]. При этом важно отметить, что для большинства экономистов экономика – это набор опций, направленных на решение проблемы благосостояния, так как имеет место убеждение, что именно вопрос благосостояния является ключом для решения нравственных противоречий в обществе. В экономике тема благосостояния занимает приоритетное положение по отношению к другим этическим вопросам, таким как социальная справедливость, индивидуальная свобода, равенство прав и т.п. Таким образом, главным вопросом «моральной экономики» является этическая оценка распределения доходов и благ (А.Б. Аткинсон, Т. Пикетти, И. Саез [44]) и только после него – социальное обеспечение, интересы малообеспеченных групп, социальная ответственность (М. Флербей, Ф. Манике [45], Х. Гривз [46], Д. Маккарти [47]). Кроме того, представителями данного направления с целью использования в экономическом анализе разрабатываются характеристики рыночной и финансовой свободы (А. Сен [48], И. Картер [49], Р. Сагден [50]), а также границы и параметры экономической эксплуатации (Дж. Ремер [51]).

«Феминный» взгляд на экономику

С развитием гуманитарных подходов к экономическим исследованиям происходит поворот экономиче-

ского знания в сторону «феминности». Если классическую экономическую теорию, основанную на рациональности и жесткой математической логике, можно охарактеризовать с позиций «маскулинности», то психологизм современных экономических концепций – это в большей мере «феминное» знание. В данном случае, под «маскулинностью» науки мы понимаем редуцирование к объективности истины, которая доказывается при помощи внешних фактов и точности конкретных методов. Однако, «маскулинное» знание, как воплощение рациональности, не в состоянии объяснить явления иррационального характера. В этой связи обращение к «феминному» подходу, который характеризуется созерцательностью, нелинейностью логики, открывает путь к иному мировоззренческому измерению интеллектуальной и социальной деятельности, который может стать адекватным ответом науки на деструктивные явления современности. Важно отметить, что «феминный» подход, к которому можно отнести работы авторов разных течений и школ, не тождествен феминизму в науке, выражающему идеи социально-политического движения за права женщин, а есть особый мировоззренческий посыл, нашедший отражение в том числе в экономических исследованиях. Цель применения «феминного» подхода в экономике состоит в формировании среды, более отвечающей запросам и потребностям человека, как способа противостояния императивам техногенного общества. М. Шелер в своей работе «Природа симпатии» [52] отмечает, что обращение к эссенциальному измерению жизни должно произойти через женский взгляд на реальность и будет актуализировано резким скачком в развитии технологий. По мнению автора, именно женщины и дети страдают от капиталистической системы, и именно через женщин, владеющих эмоциональной властью, произойдет поворот к иному типу мышления, которое с современных позиций мы можем охарактеризовать как «экологическое»: защита природных ресурсов, гуманное отношение к животным, развитие сфер деятельности, раскрывающих таланты людей и т.п. – в целом, это подход, направленный на преодоление заикленности общества на приумножении материальных благ.

Справедливости ради, надо отметить, что современные женщины-ученые добились значимых результатов по пересмотру методологических, исследовательских подходов в экономике. В частности, они ставят под сомнение объективность построений традиционной экономики, так как она представляет односторонний взгляд, в котором выделяется автономия агентов, абстрактность построений и логика, но от внимания исследователей ускользает эмоциональное поле взаимодействий и образующиеся под его влиянием связи. Например, женщины-исследователи поднимают вопрос о социальной справедливости, подчеркивая значимость нерыночной деятельности для экономического развития (защита окружающей среды, воспитание детей, забота о стариках и т.п.). Эта позиция вступает в конфронтацию с неоклассическими подходами, где подобного рода активность считается нерыночной, и поэтому не рассматривается вообще.

Дж. Дрезе и А. Сен [53] доказали, что экономический рост не зависит от политических стратегий, т.е. то, как распределяется национальный доход, как поддерживаются государством системы образования и здравоохранения, не влияет на экономические показатели. Так они опровергли доминирующее десятилетиями предубеждение о том, что именно размер ВВП является показателем развития страны и качества жизни населения.

После доклада экономиста М. Хака «О человеческом развитии» [54] в ООН международным сообществом был принят так называемый «Индекс человеческого развития» как один из главных параметров прогресса. С. Фукуда-Парр [55] считает, что «индекс человеческого развития» как альтернатива «валового внутреннего продукта» позволяет сделать экономические модели более «человечными», отвечающими естественным желаниям и потребностям. Таким образом, важным экономическим показателем становится культурная и социальная динамика благополучия населения.

М. Уоринг [56] предлагает альтернативные способы измерения производительности труда на основе таких понятий, как «социальный» и «индивидуальный капитал», доказывая необходимость пересмотра методов финансового учета. А. Сен и М. Нуссбаум [57] считают, что необходимо использовать в качестве оценки экономической эффективности умение людей определять свой образ жизни на основе способностей. Здесь по аналогии с К. Марксом они рассматривают производство как социальный проект, однако предлагают отказаться от традиционных денежных эквивалентов экономической успешности, таких как доход, активы, полезность, и ввести качественные показатели здоровья, физической и интеллектуальной активности, образа жизни и т.п.

«Экономика счастья», возникающая на стыке психологии, социологии и экономики (Р. Истерлин [58]), исследует связь феномена «удовлетворенности жизнью» как результат индивидуального дохода, рецессии или роста ВВП, социального обеспечения, макроэкономической политики в определенный момент времени. Такие исследователи как И. Кубишевски, Р. Костанца,

К. Франко, Дж. Талбет [59], М. Флербей [60], Дж. Стиглиц [61], Р. Истерлин [62] уверены, что «субъективное благополучие» (счастье) служит наилучшим обобщающим показателем состояния общества и ориентиром для государственной политики. Р. Истерлин и К. О'Коннор [63] пришли к выводам о том, что экономический рост сам по себе не делает людей счастливыми, но экономическая политика может этого достичь, поэтому при экономическом планировании следует сосредоточиться на системе социальной защиты и занятости населения.

Выводы

На современном этапе мы можем говорить о гуманитарном ракурсе рассмотрения экономических процессов. Вступая в симбиоз с такими науками, как философия, психология, литература, исследующими духовную жизнь человека, экономика, будучи частью культуры, приближается к пониманию глубинных потребностей человека. В этом ключе она может быть рассмотрена как созидательная деятельность, направленная на гармонизацию и упорядочивание отношений в обществе.

Однако, несмотря на то, что мы совершенно четко можем выделить тенденцию к гуманитаризации современных экономических исследований, важно понимать, что «гуманитаризация» не означает «гуманизацию» экономики. Главные претензии к капиталистической экономике, заключающиеся в том, что она создает общество «одномерных людей» [64], бездумного потребления благ [65], «машин желания» [66], пока не могут быть сняты. Но также очевидно, что гуманитаризация экономических исследований демонстрирует целенаправленное движение к переосмыслению экономических процессов. И если изменения социальной реальности пока малозаметны, то на уровне научной мысли мы очевидно наблюдаем готовность к переходу в иную, более человекоориентированную экономическую систему, возможным результатом которой станет пересмотр всей парадигмы экономического развития общества.

Примечание

¹ Для классической экономики характерно использование таких терминов, как «теория», «принцип», «закон». Хотя эти обозначения не исчезли окончательно и мы можем услышать о «законе спроса» или «теории игр», в современной западной экономике наиболее востребованным интеллектуальным инструментом является «модель». Исследователям сподручнее обращаться к структурам, описывающим модель экономического явления, чем его теорию. Многие сторонники использования «моделей» в экономике рассматривают их как «вымышленные миры», облегчающие понимание реальности [16]. Для отечественных экономических исследований характерно четкое разграничение в употреблении терминов «теория» и «модель». Теория – абстрактная концептуальная структура, применяемая к классу объектов. Теория рассматривается как ответ на научную проблему. Модель подразумевает набор представлений, описывающих конкретный объект. Модель поясняет и объясняет научную теорию [17].

Список источников

1. Hausman D. Supply and Demand Explanations and their Ceteris Paribus, Clauses // Review of Political Economy. 1990. Vol. 2. P. 168–86.
2. Helm D. Predictions and Causes: A Comparison of Friedman and Hicks on Method // Oxford Economic Papers. 1984. Vol. 36. P. 118–34.
3. Runde J. Assessing Causal Economic Explanations // Oxford Economic Papers. 1998. Vol. 50. P. 151–72.
4. The Oxford Handbook of Austrian Economics / ed. by P. Boettke, C. Coyne. N.Y. : Oxford University Press, 2015. 832 p.
5. Dekker E. The Viennese Students of Civilization: The Meaning and Context of Austrian Economics Reconsidered. N.Y. : Cambridge University Press, 2016. 232 p.
6. Linsbichler A. Was Ludwig von Mises a Conventionalist? A New Analysis of the Epistemology of the Austrian School of Economics. N.Y. : Springer, 2017. 222 p.
7. Hagedorn H. A Model of Austrian Economics. Wiesbaden : Springer Gable, 2014. 104 p.

8. Horwitz S. Hayek's Modern Family: Classical Liberalism and the Evolution of Social Institutions. N.Y. : St. Martin's Press, 2015. 326 p.
9. Nell G. Liberty. The Driving Force of the Collective: Post-Austrian Theory in Response to Israel Kirzner. N.Y. : Palgrave Macmillan, 2016. 294 p.
10. Robbins L. An Essay on the Nature and Significance of Economic Science. London : Macmillan; New York : St. Martin's Press, 1962. 160 p.
11. Кошовец О.Б., Фролов И.Э., Чусов А.В. Онтологический анализ теории и реальности // Философия и общество. 2015. № 1. С. 156–176.
12. Hands D.W. Reflection Without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 408 p.
13. Летунова О.В. Экономическое мышление и стандарты научности (философско-методологический анализ) : дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2012. 330 с.
14. Наумов С.В. Основы теоретического исследования экономического пространства. М. : Весь мир, 2019. 192 с.
15. Reiss J. The Explanation Paradox // Journal of Economic Methodology. 2012. Vol. 19. P. 43–62.
16. Frigg R. Fiction and Scientific Representation // Beyond Mimesis and Convention. Boston Studies in the Philosophy of Science. Vol. 262. N.Y. : Springer Science+Business Media B.V., 2010. P. 97–138.
17. Нуреев Р.М. Развитие метода экономической теории // Мир новой экономики. 2014. № 3. С. 95–106.
18. Дыдров А.А. Человек будущего в контексте инновационных стратегий : дис. ... д-ра филос. наук. Челябинск, 2021. 354 с.
19. Колпаков В.А. Социально-эпистемологические проблемы современного экономического знания. Экономическая наука эпохи перемен. М. : Канон+; Реабилитация, 2008. 208 с.
20. Bjørnholt M., McKay A. Advances in Feminist Economics in Times of Economic Crisis // Counting on Marilyn Waring: New Advances in Feminist Economics / ed. by M. Bjørnholt. M., A.McKay. Bradford ; Ontario : Demeter Press, 2014. P. 7–20.
21. Сметанина М.Г. Современный глобальный экономический кризис как повод для переосмысления экономической теории // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 3. С. 104–107.
22. Радаев В.В. О парадигме экономической теории // Экономическая теория в XXI веке / под ред. Ю.М. Осипова [и др.]. М. : Экономистъ, 2004. С. 117–122.
23. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. М. ; СПб. : Медиум; Ювента, 1997. 312 с.
24. Энцесбергер Г. Индустрия сознания. Элементы теории медиа. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 94 с.
25. Маркс К. Немецкая идеология // Сочинения : в 30 т. 2-е изд. Т. 3: 1845–1847. М. : Госполитиздат, 1955. 630 с.
26. Gul F., Pesendorfer W. The Case for Mindless Economics // The Foundations of Positive and Normative Economics: A Hand Book / ed. by A. Caplin, A. Schotter. Oxford University Press, 2008. P. 2–40.
27. Tversky A., Kahneman D. Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty // Journal of Risk and Uncertainty. 1992. Vol. 5, № 4. P. 297–323.
28. Economics, Values and Organization / ed. by A. Ben-Ner, L. Putterman. N.Y. : Cambridge University Press, 1998. 556 p.
29. Талер Р. Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / пер. с англ. А. Прохоровой. М.: Эксмо, 2017. 368 с.
30. Camerer C. Behavioral Game Theory: Experiments in Strategic Interaction. Princeton : Princeton University Press, 2003. 550 p.
31. Advances in Behavioral Economics / ed. by C.F. Camerer, G. Loewenstein, M. Rabin. Princeton : Princeton University Press, 2013. 740 p.
32. Thaler R., Sunstein C. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness. London : Yale University Press ; New Haven, 2008. 293 p.
33. Saint-Paul G. The Tyranny of Utility: Behavioral Social Science and the Rise of Paternalism. Princeton : Princeton University Press, 2011. 176 p.
34. Behavioural Public Policy / ed. by A. Oliver. London School of Economics and Political Science Cambridge : Cambridge University Press, 2013. 249 p.
35. Plott Ch., R. Kathryn Z. The Willingness to Pay-Willingness to Accept Gap, the «Endowment Effect», Subject Misconceptions, and Experimental Procedures for Eliciting Valuations // American Economic Review. 2005. Vol. 95 (3). P. 530–545.
36. Swedberg R. Principles of Economic Sociology. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2003. 366 p.
37. Wade Hands D. Reflection Without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory. Cambridge : Cambridge University Press, 2001. 480 p.
38. Mirowski Ph. Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown. London : Verso, 2014. 496 p.
39. Etzioni A. Happiness is the Wrong Metric: A Liberal Communitarian Response to Populism. N.Y. : Springer, 2018. 304 p.
40. Сен А. Об этике и экономике / пер. с англ. А.В. Малишевского. М. : Наука, 1996. 159 с.
41. Mirowski Ph. Machine Dreams: Economics Becomes a Cyborg Science. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 2002. 655 p.
42. Atkinson A.B. Economics as a Moral Science // *Economica*. 2009. Vol. 76. P. 791–804.
43. Hodgson B. Economics as Moral Science. Berlin ; New York : Springer, 2001. 380 p.
44. Atkinson A.B., Piketty T., Saez E. Top Incomes in the Long Run of History // *Journal of Economic Literature*. 2011. Vol. 49, № 1. P. 3–71.
45. Fleurbaey M., Maniquet F. A Theory of Fairness and Social Welfare. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 316 p.
46. Greaves H. Antiprioritarianism // *Utilitas*. 2015. Vol. 27. P. 1–42.
47. McCarthy D. The Priority View // *Economics and Philosophy*. 2017. Vol. 33. P. 215–257.
48. Sen A. Welfare, Preference, and Freedom // *Journal of Econometrics*. 1991. Vol. 50. P. 15–29.
49. Carter I. A Measure of Freedom. Oxford : Oxford University Press, 1999. 324 p.
50. Sugden R. The Community of Advantage: A Behavioural Economist's Defence of the Market. Oxford : Oxford University Press, 2018. 320 p.
51. Roemer J. A General Theory of Exploitation and Class. Cambridge, MA : Harvard University Press, 1982. 298 p.
52. Scheler M. The nature of sympathy. Hamden, Conn. : Archon Books, 1970. 274 p.
53. Drèze J., Sen A. India: Development and Participation. New York ; Oxford : Oxford University Press, 2002. 512 p.
54. Haq M. Reflections on Human Development. Oxford University Press, 1995. 288 p.
55. Fukuda-Parr S. The human development paradigm: operationalizing Sen's ideas on capabilities // *Feminist Economics*. 2003. Vol. 9 (2-3). P. 301–317.
56. Waring M. If women counted : a new feminist economics. San Francisco : Harper & Row, 1988. 386 p.
57. The Quality of Life / ed. by M. Nussbaum, A. Sen. N.Y. : Oxford University Press, 1993. 452 p.
58. Easterlin R.A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence // *Nations and Households in Economic Growth*. 1974. Vol. 89. P. 89–125.
59. Kubiszewski I., Costanza R., Franco C., Lawn Ph., Talberth J., Jackson T., Aylmer C. Beyond GDP: Measuring and Achieving Global Genuine Progress // *Ecological Economics*. 2013. Vol. 93. P. 57–68.
60. Fleurbaey M. Beyond GDP: The Quest for a Measure of Social Welfare // *Journal of Economic Literature*. 2009. Vol. 47 (4). P. 1029–1075.
61. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J.-P. Report by the Commission of the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. URL: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr> (дата обращения: 03.05.2023).
62. Easterlin R.A. Foreword: Happiness or GDP? // *The Economics of Happiness: How the Easterlin Paradox Transformed Our Understanding of Well-Being and Progress* / ed. by M. Rojas. V–VIII. Switzerland : Springer Nature. 2019.
63. Easterlin R.A., O'Connor K.J. The Easterlin Paradox. IZA Discussion Papers 13923, Institute of Labor Economics (IZA). December 2020. URL: <http://www.iza.org> (дата обращения: 03.05.2023).

64. Маркузе Г. Одномерный человек / пер. с англ. А.А. Юдина. М. : АСТ; Ермак, 2003. 331 с.
65. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Культурная революция, Республика, 2006. 269 с.
66. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. 672 с.

References

1. Hausman, D. (1990) Supply and Demand Explanations and their Ceteris Paribus, Clauses. *Review of Political Economy*. 2. pp. 168–186.
2. Helm, D. (1984) Predictions and Causes: A Comparison of Friedman and Hicks on Method. *Oxford Economic Papers*. 36. pp. 118–34.
3. Runde, J. (1998) Assessing Causal Economic Explanations. *Oxford Economic Papers*. 50. pp. 151–72.
4. Boettke, P. & Coyn, C. (eds) (2015) *The Oxford Handbook of Austrian Economics*. New York: Oxford University Press.
5. Dekker, E. (2016) *The Viennese Students of Civilization: The Meaning and Context of Austrian Economics Reconsidered*. New York: Cambridge University Press.
6. Linsbichler, A. (2017) *Was Ludwig von Mises a Conventionalist? A New Analysis of the Epistemology of the Austrian School of Economics*. New York: Springer.
7. Hagedorn, H. (2014) *A Model of Austrian Economics*. Wiesbaden: Springer Gable.
8. Horwitz, S. (2015) *Hayek's Modern Family: Classical Liberalism and the Evolution of Social Institutions*. New York: St. Martin's Press.
9. Nell, G. (2016) *Liberty. The Driving Force of the Collective: Post-Austrian Theory in Response to Israel Kirzner*. New York: Palgrave Macmillan.
10. Robbins, L. (1962) *An Essay on the Nature and Significance of Economic Science*. London: Macmillan; New York: St. Martin's Press.
11. Koshovets, O.B., Frolov, I.E. & Chusov, A.V. (2015) Ontologicheskii analiz teorii i real'nosti [Ontological analysis of theory and reality]. *Filosofiya i obshchestvo*. 1. pp. 156–176.
12. Hands, D.W. (2001) *Reflection Without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Letunova, O.V. (2012) *Ekonomicheskoe myshlenie i standarty nauchnosti (filosofsko-metodologicheskii analiz)* [Economic thinking and scientific standards (philosophical and methodological analysis)]. Philosophy Dr. Diss. Krasnoyarsk.
14. Naumov, S.V. (2019) *Osnovy teoreticheskogo issledovaniya ekonomicheskogo prostranstva* [Fundamentals of Theoretical Research of Economic Space]. Moscow: Ves' mir.
15. Reiss, J. (2012) The Explanation Paradox. *Journal of Economic Methodology*. 19. pp. 43–62.
16. Frigg, R. (2010) Fiction and Scientific Representation. In: Frigg, R. & Hunter, M. (eds) *Beyond Mimesis and Convention. Boston Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 262. New York: Springer Science+Business Media B.V. pp. 97–138.
17. Nureev, R.M. (2014) Razvitie metoda ekonomicheskoy teorii. *Mir novoy ekonomiki*. 3. pp. 95–106.
18. Dydrov, A.A. (2021) *Chelovek budushchego v kontekste innovatsionnykh strategiy* [Man of the future in the context of innovative strategies]. Philosophy Dr. Diss. Chelyabinsk.
19. Kolpakov, V.A. (2008) *Sotsial'no-epistemologicheskie problemy sovremennogo ekonomicheskogo znaniya. Ekonomicheskaya nauka epokhi peremen* [Social and Epistemological Problems of Modern Economic Knowledge. Economic science in the era of change]. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiya.
20. Bjørnholt, M. & McKay, A. (2014) Advances in Feminist Economics in Times of Economic Crisis. In: Bjørnholt, M. & McKay, A. (eds) *Counting on Marilyn Waring: New Advances in Feminist Economics*. Bradford; Ontario: Demeter Press. pp. 7–20.
21. Smetanina, M.G. (2013) Sovremennyy global'nyy ekonomicheskii krizis kak povod dlya pereosmysleniya ekonomicheskoy teorii [The modern global economic crisis as a reason for rethinking economic theory]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 3. pp. 104–107.
22. Radaev, V.V. (2004) O paradigme ekonomicheskoy teorii [On the paradigm of economic theory]. In: Osipov, Yu.M. et al. (eds) *Ekonomicheskaya teoriya v XXI veke* [Economic Theory in the 21st Century]. Moscow: Ekonomist". pp. 117–122.
23. Adorno, T. & Horkheimer, M. (1997) *Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty* [Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments]. Translated from German. Moscow; Saint Petersburg: Medium; Yuventa.
24. Enzensberger, H.M. (2016) *Industriya soznaniya. Elementy teorii media* [Industry of Consciousness. Elements of media theory]. Translated from German. Moscow: Ad Marginem Press.
25. Marx, K. (1955) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. 2nd ed. Vol. 3. Moscow: Gospolitizdat.
26. Gul, F. & Pesendorfer, W. (2008) The Case for Mindless Economics. In: Caplin, A. & Schotter, A. (eds) *The Foundations of Positive and Normative Economics: A Hand Book*. Oxford University Press. pp. 2–40.
27. Tversky, A. & Kahneman, D. (1992) Advances in Prospect Theory: Cumulative Representation of Uncertainty. *Journal of Risk and Uncertainty*. 4 (5). pp. 297–323.
28. Ben-Ner, A. & Putterman, L. (eds) (1998) *Economics, Values and Organization*. New York: Cambridge University Press.
29. Taler, R. (2017) *Novaya povedencheskaya ekonomika: pochemu lyudi narushayut pravila traditsionnoy ekonomiki i kak na etom zarabotat'* [New Behavioral Economics: Why people break the rules of traditional economics and how to make money from it]. Translated from English by A. Prokhorova. Moscow: Eksmo.
30. Camerer, C. (2003) *Behavioral Game Theory: Experiments in Strategic Interaction*. Princeton: Princeton University Press.
31. Camerer, C.F., Loewenstein, G. & Rabin, M. (eds) (2013) *Advances in Behavioral Economics*. Princeton: Princeton University Press.
32. Thaler, R. & Sunstein, C. (2008) *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth, and Happiness*. London: Yale University Press; New Haven.
33. Saint-Paul, G. (2011) *The Tyranny of Utility: Behavioral Social Science and the Rise of Paternalism*. Princeton: Princeton University Press.
34. Oliver, A. (ed.) (2013) *Behavioural Public Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
35. Plott, C., & Zeiler, K. (2005) The Willingness to Pay-Willingness to Accept Gap, the "Endowment Effect," Subject Misconceptions, and Experimental Procedures for Eliciting Valuations. *American Economic Review*. 95 (3). pp. 530–545.
36. Swedberg, R. (2003) *Principles of Economic Sociology*. Princeton; Oxford: Princeton University Press.
37. Hands, D.W. (2001) *Reflection Without Rules: Economic Methodology and Contemporary Science Theory*. Cambridge: Cambridge University Press.
38. Mirowski, Ph. (2014) *Never Let a Serious Crisis Go to Waste: How Neoliberalism Survived the Financial Meltdown*. London: Verso.
39. Etzioni, A. (2018) *Happiness is the Wrong Metric: A Liberal Communitarian Response to Populism*. New York: Springer.
40. Sen, A. (1996) *Ob etike i ekonomike* [On Ethics and Economics]. Translated from English by A.V. Malishevskiy. Moscow: Nauka.
41. Mirowski, Ph. (2002) *Machine Dreams: Economics Becomes a Cyborg Science*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.
42. Atkinson, A.B. (2009) Economics as a Moral Science. *Economica*. 76. pp. 791–804.
43. Hodgson, B. (2001) *Economics as Moral Science*. Berlin; New York: Springer.
44. Atkinson, A.B., Piketty, T. & Saez, E. (2011) Top Incomes in the Long Run of History. *Journal of Economic Literature*. 1 (49). pp. 3–71.
45. Fleurbaey, M. & Maniquet, F. (2011) *A Theory of Fairness and Social Welfare*. Cambridge: Cambridge University Press.
46. Greaves, H. (2015) Antiprioritarianism. *Utilitas*. 27. pp. 1–42.
47. McCarthy, D. (2017) The Priority View. *Economics and Philosophy*. 33. pp. 215–257.
48. Sen, A. (1991) Welfare, Preference, and Freedom. *Journal of Econometrics*. 50. pp. 15–29.

49. Carter, I. (1999) *A Measure of Freedom*. Oxford: Oxford University Press.
50. Sugden, R. (2018) *The Community of Advantage: A Behavioural Economist's Defence of the Market*. Oxford: Oxford University Press.
51. Roemer, J. (1982) *A General Theory of Exploitation and Class*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
52. Scheler, M. (1970) *The Nature of Sympathy*. Hamden, Conn.: Archon Books.
53. Drèze, J. & Sen, A. (2002) *India: Development and Participation*. New York; Oxford: Oxford University Press.
54. Haq, M. (1995) *Reflections on Human Development*. Oxford University Press.
55. Fukuda-Parr, S. (2003) The human development paradigm: operationalizing Sen's ideas on capabilities. *Feminist Economics*. 9 (2-3). pp. 301–317.
56. Waring, M. (1988) *If Women Counted: A new feminist economics*. San Francisco: Harper & Row.
57. Nussbaum, M. & Sen, A. (eds) (1993) *The Quality of Life*. New York: Oxford University Press.
58. Easterlin, R.A. (1974) Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. *Nations and Households in Economic Growth*. 89. pp. 89–125.
59. Kubiszewski, I. et al. (2013) Beyond GDP: Measuring and Achieving Global Genuine Progress. *Ecological Economics*. 93. pp. 57–68.
60. Fleurbaey, M. (2009) Beyond GDP: The Quest for a Measure of Social Welfare. *Journal of Economic Literature*. 47 (4). pp. 1029–1075.
61. Stiglitz, J., Sen, A. & Fitoussi, J.-P. (2009) *Report by the Commission of the Measurement of Economic Performance and Social Progress*. [Online] Available from: <http://www.stiglitz-sen-fitoussi.fr>. (Accessed: 03.05.2023).
62. Easterlin, R.A. (2019) Foreword: Happiness or GDP? In: Rojas, M. (ed.) *The Economics of Happiness: How the Easterlin Paradox Transformed Our Understanding of Well-Being and Progress*. V–VIII. Switzerland: Springer Nature.
63. Easterlin, R.A. & O'Connor, K.J. (2020) The Easterlin Paradox. *IZA Discussion Papers 13923, Institute of Labor Economics (IZA)*. December 2020. [Online] Available from: <http://www.iza.org>. (Accessed: 03.05.2023).
64. Marcuse, H. (2003) *Odnomernyy chelovek* [One-Dimensional Man]. Translated from English by A.A. Yudin. Moscow: AST; Ermak.
65. Baudrillard, J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [The Consumer Society: Myths and Structures]. Translated from French. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya, Respublika.
66. Deleuze, G. & Guattari, F. (2007) *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Translated from French. Yekaterinburg: U-Faktoriya.

Информация об авторе:

Асташова Н.Д. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия). E-mail: nadya.astashova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.D. Astashova, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Lobachevsky University (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: nadya.astashova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.05.2023;
одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 14.05.2023;
approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Научная статья
УДК 165.2
doi: 10.17223/15617793/496/11

Метаконцептуальность первичных различий в теоретическом познании: к вопросу о фундаментальной асимметрии познавательного процесса

Юлия Михайловна Дуплинская¹

¹ Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, duplinskaya@mail.ru

Аннотация. Констатируется изменение конфигурации традиционного проблемного поля. Сфера проблематичного смещается от проблемы единства к проблеме источника различий. Доказывается, что естественный вектор теоретического мышления направляет познание от различающегося к тождественному, а противоположное движение от тождественного к различиям для него подобно плаванию против течения. Мета-концептуальность первичных различий обосновывается на примерах анализа философских и фундаментальных научных теорий.
Ключевые слова: единое, тождественное, различия, источник различий, симметрия, асимметрия, фильтрующие механизмы познания

Для цитирования: Дуплинская Ю.М. Метаконцептуальность первичных различий в теоретическом познании: к вопросу о фундаментальной асимметрии познавательного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 97–102. doi: 10.17223/15617793/496/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/11

Meta-conceptuality of primary differences in theoretical cognition

Yuliya M. Duplinskaya¹

¹ Saratov State University, Saratov, Russian Federation, duplinskaya@mail.ru

Abstract. The aim of the article is to study the cardinal transformation of the problem field, which is outlined in modern theoretical cognition. The author proves that the configuration of the traditional problem field begins to turn like the Möbius strip. This is stated in the following. The traditional problem field of both philosophy and science was associated with the search for the unified in diversity, the unchanged in the variable, the identical in the different. But today the problems shift from the identical to the different. The question of primary differences moves into the field of the meta-conceptual, which traditionally belonged to the unified. This statement is substantiated on the basis of an analysis of both philosophical and fundamental scientific theories. If the transformation of the problem field of philosophy (“post-metaphysics”) is currently well studied, then for science this thesis is less trivial. On the basis of the theories of “great association” in modern fundamental science, the possibility of a radical reversal of the field of the problematic, is justified. It is justified that the field of the problematic shifts from the problem of unity to the problem of the source of differences. Based on the analysis of the conceptual apparatus of fundamental theories, a paradoxical conclusion about the meta-conceptuality of primary differences is made. The rationality for this thesis is built as follows. The main concept in modern theories of “great association” is the concept of *symmetry*. All other laws and components of physical reality – forces, interactions, fermions, bosons – in this version arise as a result of the violation of original supersymmetry. From this follows a paradoxical conclusion. If the basis of fundamental laws is symmetry, then the violation of symmetry cannot be due to any physical laws. If “forces” and “interactions” are manifestations of symmetry, then no force can be the reason for breaking the original symmetry. Thus, the question of breaking the original symmetry, leading to the variety of the observed reality, refers to the field of the meta-conceptual for theoretical science. It is proved that even concepts such as dialectics and synergy have not escaped the problem of meta-conceptuality of primary differences. The conclusion that the problem of meta-conceptuality of primary differences is not eliminated either by finding another conceptual apparatus or by formulating a deeper theory is justified. It is proved that this is a fundamental asymmetry of the cognitive process. The intellectual outlook is retrospective in relation to actual formation. Cognition is focused on finding the unchanged in the variable and the unified in the diverse “thermodynamics of the mind”, which is akin to the natural processes of maintaining homeostasis. It is concluded that cognition is fundamentally asymmetric.

Keywords: unified, identical, differences, source of differences, symmetry, asymmetry, filtering mechanisms of cognition

For citation: Duplinskaya, Yu.M. (2023) Meta-conceptuality of primary differences in theoretical cognition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 97–102. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/11

Трансформация проблемного поля: от поисков тождества к мультиплицированию различий

Традиционная философская проблематика определялась стремлением найти единое в многообразии, неизменное в изменчивом, тождественное в различающемся. Архэ как первоначало и генетический источник всего сущего; субстанция как неизменная основа изменчивых свойств; Логос как всеобщий первопринцип, управляющий миром; идеи – эйдосы как вечные и неизменные первообразы, выстраивающие изменчивое многообразие вещей в иерархический порядок. И, наконец, венчающее эту иерархию Единое как абсолютное первоначало бытия, к которому сходятся все философские искания Античности. Далее – Бог. Бог христианской теологии как «конечная причина», в отличие от «действующих причин»; «Бог философов»: Бог Декарта, Спинозы, Лейбница как точка соединения «мыслящей» и «протяженной» субстанций и условие совпадения существования и сущности. Далее – априорные формы познания как неизменные атрибуты трансцендентального субъекта. Даже диалектика, легитимизирующая изменчивость, все же подводит эту изменчивость под единое устойчивое основание: *законы* диалектики. Последующая релятивизация гносеологии и констатация неустранимого плюрализма истин переадресовала традиционный вопрос о Едином к вопросу о едином языке науки. Отныне Единое и тождественное сопрягаются не с *истиной*, но с *ясностью* языковых выражений, термины которых должны иметь фиксированное значение.

И вот сегодня, в ситуации тотального «пост-» – «постфилософии» в том числе – конфигурация традиционного проблемного поля начинает выворачиваться, наподобие листа Мебиуса. Область проблематичного и главный интерес философской мысли смещаются *от тождественного к различающемуся*. От общего к сингулярности события; от поисков единого языка к умножению языковых игр, правила которых меняются по ходу игры; от идентичности «трансцендентального означаемого» к контекстуальности смысла, умножению интерпретаций и герменевтического перепрочтения традиционных текстов. Целью философии становится мультипликация различий и продуцирование множественности, избегающей слияния в единство. Умножение голосов в диалоге, а точнее, полилоге, без стремления прийти к единому мнению.

Что же касается генерирующего *источника различий* (Ж. Деррида противопоставляет термины *différance* – различение и *difference* – различие), то он не отсылает ни к какому предшествующему тождеству. Источник различий, – *difference*, – «никогда не дается в присутствующем» [1. С. 173]. Он отсылает «по ту сторону истории бытия, также по ту сторону нашего языка и всего того, что в состоянии в нем именовать» [1. С. 201]. Тем самым *различение* – *difference* *оккупирует область «сверхразумного», которая традиционно принадлежала Единому*.

Добавим, что не только современная «постфилософия», но и междисциплинарные научные концепции, объединяемые общим названием *когнитивная наука*

(не будем забывать, что европейская наука ведет свое происхождение от философии), совершают аналогичную переориентацию от тождества к различиям. Если *разум* (ум) устремлен к созерцанию Единого, то *интеллект* нацелен на обнаружение различий: получение информации, по Г. Бейтсону, есть получение новостей о различии: «информация состоит из различий, которые составляют различие» [2. Р. 99]. Причем постижение различий разными субъектами совершается, опять же, различным способом. «Бейтсон подчеркивает также, что разные организмы воспринимают разные типы различий и что не существует ни объективной информации, ни объективного знания» [3. С. 328].

Но далее мы постараемся показать, что *постфилософия*, с ее «переоценкой ценностей» от единого к множественному и от тождественного к различающемуся – это только *начало* и *преддверие* более радикального поворота в науках о познании. Но За фасадом множественности: релятивизма диссеминаций, ризомной сети, которая не имеет начального узла, начинается вырисовываться единый вектор, который позволяет выявить своего рода ось в беспорядочном калейдоскопе многообразия дискурсивных формаций.

Фундаментальная асимметрия познавательного процесса

В проблематике единство/тождество или множественность/различие манифестирует себя *фундаментальная асимметрия процесса познания*. Здесь познание являет себя, образно выражаясь, не как «скалярная», как «векторная» величина. Сформулируем тезис. Отвлеченное теоретическое познание имеет *«естественный», органичный для него вектор*, и этот вектор направляет мысль *от различающегося к тождественному и от множественного к единому*. Здесь отвлеченное теоретическое мышление движется «по течению», а вот противоположное движение: от тождественного/единого к различиям/множественности – для него подобно плаванию «против течения».

Это фундаментальная асимметрия отслеживается уже на уровне архетипов. Органичный для познания вектор – от различающегося/множественного к тождественному/единому – изначально являет себя в сакральных традициях, в опыте мистического созерцания первоисточков Творения. Затем в опыте философствования, а позже – теоретического познания. Как мистический, так и философский, и абстрактно-теоретический взгляды сфокусированы *вспять* по отношению к процессу творения. Ум пытается *свернуть* многообразие сущего к единству (воображаемому или имевшему место быть) первоисточков.

Выделим своего рода архетип, инвариантный для разнообразных сакральных традиций. Появление перворазличичности универсума (света и тьмы, вод и тверди) *есть тайна* сотворения мира демиургом. А опыт мистического постижения может лишь пройти этот процесс в обратном направлении: от разнообразия сущего к истокам Единого (неоплатоники), к «дню Аласта» (суфийская мистика), когда Бог еще не воззвал из бездны Ничто образы сотворенных Им вещей.

В русле того же вектора двигалась и традиционная философская мысль, и фундаментальная наука. Теории «великого объединения» (ТВО) пытаются свернуть многообразие физических взаимодействий к изначальному состоянию суперсимметрии, в котором еще не имела места дифференциация единой «суперсилы» на гравитацию, электромагнетизм, сильные и слабые взаимодействия. Но результатом успехов «великого объединения» становится радикальное переворачивание всего проблемного поля: сфера проблематичного теперь смещается от проблемы единства к проблеме источника различий. Покажем, как в данном случае трансформируется проблематика.

Источник различий как область метаконцептуального

Научная мысль ищет тождество в различающемся, единство в многообразии. Ключевым в таких изысканиях становится понятие «симметрия», создающей возможность инвариантных преобразований между уравнениями разных теорий. Стратегией «великого объединения» является обнаружение новых симметрий. Сначала – групп симметрий, позволивших увидеть четыре фундаментальных вида взаимодействий как модификации единой «суперсилы». Затем – «суперсимметрии», трансформирующей друг в друга бозоны (частицы поля) и фермионы (частицы вещества). Все остальные понятия, бывшие ранее ключевыми для физики, – теперь оказываются привязанными к понятию симметрии. В основе фундаментальных законов, – законов сохранения, – лежат те или иные группы симметрий. К понятию «симметрия» привязываются понятия «взаимодействие» и «сила»: «по убеждению физиков, все взаимодействия существуют лишь для того, чтобы поддерживать в природе набор неких абстрактных симметрий» [4. С. 123]. Но из всего этого следует ошеломляюще радикальный и, вместе с тем, ошеломляюще очевидный вывод. Если основой фундаментальных законов является симметрия, значит *нарушение* симметрии не может быть обусловлено никакими физическими законами! Если понятие «сила» привязано к понятию «симметрия», если все виды взаимодействий существуют в природе для поддержания набора абстрактных симметрий, значит никакая сила не может быть причиной *нарушения* изначальной симметрии! Того нарушения симметрии, в результате которого сформировалось наблюдаемое разнообразие физической реальности: различие между бозонами и фермионами, различие между основными видами взаимодействия. Вопрос о *нарушении* первоначальной симметрии как источнике различий и многообразия наблюдаемой реальности относится к области мета-концептуального для теоретического естествознания... подобно тому, как акт Божественного творения, создавший первозначительность сущего, относится к области сверхразумного в теологии.

Покажем, что проблема «сверхразумности» – метаконцептуальности источника различий, может быть поставлена не только в математике и точном естествознании. (В подтверждение тезиса о «сверхразумности» первоначальных различий для математики уместно вспомнить известный афоризм Л. Кронекера о том, что

натуральные числа создал Бог, а остальное – дело рук человеческих.) Осмелимся утверждать, что концепции, претендовавшие в свое время и претендующие ныне быть теориями многообразия, – сталкиваются с аналогичными проблемами, как только ставится вопрос об источнике первозначительности.

Классическим примером концепции, замахивающейся на *выведение* многообразия из единства (а не *сведения* одного к единству, что диалектика инкриминировала всем предыдущим учениям), в свое время считалась диалектика. Покажем, что умственный взор «диалектического разума», тем не менее, сфокусирован в том же направлении от различий к единству, как и предшествующая история познания. Сформулированное Г.В.Ф. Гегелем кредо диалектики в понимании различий гласит, что истиной различия является противоположность. Истинными различиями в диалектике считаются различия, доведенные до *взаимно отрицающих, или взаимоисключающих различий*, – т.е. до противоположности и противоречия. Но взаимное отрицание, или взаимоисключение между различиями, возможно не иначе, как в едином пространстве, на которое они спроецированы и которое они «делают» между собой. В отношениях взаимного отрицания, как замечает Ж. Делез, «различие является фоном, но фоном только для проявления тождества» [5. С. 287]. Этой импликацией единства взаимоисключающие различия, с которыми предпочитает иметь дело диалектика, отличаются от не взаимоисключающих, названных Ж. Делезом «*копошающимися различиями*». «Копошащиеся» различия не могут вступить в отношения взаимного отрицания до тех пор, пока они не помещены в единство общего для них гомогенного пространства. Это гомогенное пространство конструируется на уровне репрезентативного слоя сознания. Такое приведение «копошащихся различий» к единству взаимно отрицающих друг друга диалектических противоположностей Ж. Делез сравнивает с созданием плоскостных проекций бытия. «Оппозиции – всегда плоские; они передают искаженный эффект изначальной глубины лишь в одной плоскости» [5. С. 287].

Кроме того, диалектическая концепция провоцирует постановку следующего вопроса (остается лишь удивляться, почему он не был поставлен в течение длительного периода господства «диалектического материализма» в отечественной философии). Диалектические противоположности исключают друг друга. Диалектические противоположности переходят друг в друга. «Единство и борьба противоположностей» является источником развития и приводит к появлению новых форм сущего, в которых снова воспроизводятся диалектические противоположности. Но вот *вопрос, на который диалектическая концепция не дает ответа*: почему диалектические противоположности в результате этой борьбы продолжают «исключать» друг друга, а не усредняют, не взаимно погашают и не сглаживают друг друга? Иными словами, почему они не теряют определенности своего различия как *противоположностей*? Ведь с точки зрения «естественной интуиции» более органичным было бы представить взаимное «погашение» противоположностей в едином для них гомогенном пространстве до состояния некоей аморфной индифферентности. Иными словами, здесь та

же проблема источника исходных различий, которые запускают процесс последующего развития. И этот вопрос для диалектики относится к области «сверхразумного», – т.е. метаконцептуального.

Более продвинутые версии многообразия формулируются в рамках современных теорий самоорганизации сложных систем. На наш взгляд, в теории самоорганизующегося хаоса, получившей название синергетики, также неизбежно возникает и остается нерешенным аналогичный вопрос об источнике перворазличенности. Согласно второму закону термодинамики, все стремится к состоянию равновесия: «тепловой смерти», максимальной энтропии. Однако если система является не закрытой, а *открытой*, проявлением действия второго закона термодинамики может стать не равновесие, а образование сложных диссипативных структур. В том случае, подчеркиваем, если открытая система находится в *неравновесных условиях*. Но можно заметить, что здесь имеет место некий неявный логический круг. Самоорганизация хаоса в открытых системах объясняется из факта *уже имеющейся* перворазличенности: *уже имеющимися* неравновесными условиями. Нельзя не поставить вопрос: почему вообще где бы то ни было существуют неравновесные условия, несмотря на то, что, согласно второму закону термодинамики, весь мир стремится к состоянию равновесия. Из чего следует заключение, что в исходных посылах этой теории имплицитно уже содержалась некая *неявная* корректировка второго закона термодинамики, корректировка, на которую теория *явным* образом претендует только в выводах. На данный парадокс обращает внимание, например, Ф. Капра: «Но как мы можем представить себе Вселенную открытой системой, если она, по определению, заключает в себе все сущее?» [3. С. 235]. Ф. Капра в данном случае вынужден согласиться с мнением известного астрофизика Б. Лоувелла, что «здесь мы приходим к великому барьеру для нашей мысли» [3. С. 236].

Проблемы такого рода, по-видимому, фатальны для мысли и неизбежно возникают как в философии, так и в науке, когда делается попытка помыслить источник Различия в тождественном (что гораздо сложнее, нежели мыслить Тождественное в различном). В любом случае, *вопрос о начальной перворазличенности, есть, видимо, вопрос метаконцептуальный* («мета» означает «находящийся за пределами»). Универсалистские притязания любой концептуальной системы, в конце концов, всегда заканчивались необходимостью вынесения «за скобки» вопроса о Начале. Как диалектика, так и синергетика исходят из факта *уже имеющихся* первоначальных различий между противоположностями или неравновесных условий. А вот на следующий далее вопрос: почему изначально имеющиеся различия не сглаживаются, а сохраняются и усиливаются? – наука уже может давать вполне внятный ответ. Так, с точки зрения синергетики, неравновесные состояния поддерживаются и усиливаются за счет саморегулирования при помощи *петель обратной связи*, возникающих в системе.

«Термодинамика ума»

Осмелимся утверждать, что проблема метаконцептуальности источника различий не снимается «просто» путем нахождения более адекватного концептуального аппарата или более глубокой теории. Речь, повторяем, идет о некоей *фундаментальной асимметрии познавательного процесса*. А. Бергсон сравнивает направление нашего умственного взора с зрением существ, которые вынуждены, «двигаясь вперед, смотреть назад» [6. С. 236], ибо взор интеллекта всегда *ретроспективен* по отношению к действительному становлению. «Естественным» движением познающего ума является вектор, направленный вспять по отношению к процессу творения: вектор движения от многообразия к единству. Это отслеживается как на уровне архетипов сакральных учений, так и в традиционной философской проблематике и, наконец, в современных фундаментальных научных теориях. Поневоле напрашивается параллель с таким фундаментальным основанием асимметрии мироздания, как второй закон термодинамики.

По афористичному замечанию Ж. Делеза, *разум термодинамичен* [5. С. 275]. Как заметил тот же Делез, для философии после Ф. Ницше характерно заимствование языка физики энергий [5. С. 61]. (Мы бы сочли нужным добавить к этому также «энергичный» дискурс философии русского имяславия.) Действительно, можно констатировать, что «энергетические» метафоры изобилуют в концепции как Ж. Делеза, [5], так и Ж. Деррида [1]. В русле данного «мейнстрима» будет правомерным вести речь о своего рода «*термодинамике ума*». Можно сказать, что в поисках Единого и Тождественного ум находит некую *зону комфорта* – сродни состоянию термодинамического равновесия. Правда, в отличие от второго закона термодинамики, достижение «термодинамического равновесия» для ума направлено не к финалу, а к истокам развития.

Параллель между процессом познания и законами термодинамики возможно продолжить в свете некоторых «продвинутых» концепций современной когнитивной науки. Второй закон термодинамики – в неравновесных условиях, в открытых системах – может приводить не только к хаосу, но и к появлению новых форм порядка, называемых в синергетике *диссипативными структурами*. Диссипативные структуры являют парадоксальную форму устойчивости, которую принято называть состоянием *устойчивого неравновесия*. Разновидностью диссипативных структур являются в том числе живые организмы. В концепции аутопоэзиса У. Матураны и Ф. Варелы «определяющим свойством живого существа является поддержание им своей идентичности (тождественности) и внутренняя направленность на сохранение своей идентичности» [7. С. 253]. Когнитивная активность в этой концепции рассматривается как один из механизмов, наряду с многими другими, при помощи которых живой организм поддерживает свою самотождественность в состоянии устойчивого неравновесия. Например, в когнитивной иммунологии Ф. Варелы даже иммунная система трактуется как «автономная когнитивная сеть, которая отвечает за

молекулярную идентичность тела» [3. С. 300]. Если иммунная система расценивается в качестве когнитивной, то равным образом и назначение когнитивной деятельности усматривается в поддержании гомеостазиса, где иммунная и нервная системы взаимодействуют друг с другом в процессе непрерывного диалога. Таким образом, познавательный процесс здесь рассматривается не в терминах «отражения» реальности, а в терминах поддержания самотождественности живого организма. «Естественный вектор» познания в такой «термодинамике ума» ориентирован в направлении самодостраивания и сохранения гомеостазиса живой системы.

Резюмируем. Познание ориентировано на нахождение тождественного в различающемся и единого во множественном своеобразной «термодинамикой ума», которая естественным образом направляет ум к поддержанию гомеостазиса – самотождественности ауто-поэтой сети. Для живых систем это эквивалентно модифицированному состоянию термодинамического равновесия – *устойчивого* неравновесия. Такое направление познающего ума мы сравнили с плаванием «по течению».

Эволюционные фильтры когнитивных процессов

В таком случае закономерен вопрос: в чем находит опору та переориентация проблемного поля от установления тождества к мультиплицированию различий, которая констатируется в современной философии? Можно заметить, что здесь являет себя тот же самый архетип, что и в традиционных сакральных учениях, о котором мы вели речь: *единство познается, а различия создаются*. «Непосредственная данность» различий в познании создавалась в процессе биологической эволюции, которая приводила к дифференциации перцептивного аппарата. Первичное восприятие различий – «качеств» – окружающего мира базируется на различии между перцептивными каналами (зрение, слух, осязание, обоняние, вкус). Такие различия воспринимаются умом как уже имеющая место быть непосредственная данность. Далее «непосредственной данностью» для ума выступают и различия, фундированные *историческим априори* языковых криптитипов, дискурсивных формаций, эпистем. Эти различия также создаются, но уже в ходе культурно-исторических трансформаций. Здесь формируются те базовые дистинкции, которые размечают пространство эпистемологического поля и являются отправной точкой для познающего ума. Как правило, такое созидание совершается подспудно и бывает скрытым от «ясного света» *cogito*. М. Фуко сравнивает этот процесс с *археологией*, а Ж. Делез – с *геологией* мысли. Основные демаркации пространства мысли создаются процессами, которые Ж. Делез уподобляет перемещению геологических пластов, одни из которых погружаются вглубь, другие выходят на поверхность, «подобно выходу на поверхность древнего пласта, – это позволяет Делезу говорить о географии и геологии философии» [8. С. 170]. Познающий ум работает с уже готовым «ландшафтом» мыслительного поля, которое он застает в качестве условия возможности познания.

Если предшествующая философия имела дело с многообразием как отправной точкой познания – той «данностью», которую необходимо свести к единству, то сегодня философская мысль держит курс на сознательное производство различий. Параллельно переориентации *от тождественного к различающемуся*, совершается переориентация *от познания к созиданию*: от познания идей к *творчеству* концептов. Философское мышление отличается от всякого другого тем, что философ создает *концепты*, причем «концепт не имеет ничего общего с общей или абстрактной идеей, а равно и с несотворенной Мудростью, которая не зависела бы от самой философии» [9. С. 22]. В отличие от абстрактного понятия, всякий концепт – это множественность (хотя «не всякая множественность концептуальна» [9. С. 25]). Причем концепты, как отмечают Ж. Делез и Ф. Гваттари, не открываются и не познаются, а их «должно «изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи со-творившего они ничто» [9. С. 14].

Необходимо пояснить: о каких различиях идет речь в данном случае? По аналогии с «первичными» и «вторичными» качествами, можно вести речь о «первичных» и «вторичных» различиях. «Вторичные» различия (или «вторичные качества») возникают как эпифеномен комбинации и рекомбинации «первичных» различий («первичных качеств»). Например, возникновение необозримого многообразия вещей из ограниченного набора атомов («первичные качества») Демокрит сравнивал с тем, как из небольшого количества букв алфавита складывается несравнимо большее количество слов. «Вторичные» различия выводятся рассудком из уже имеющихся «первичных» различий.

Оформление «первичных» различий объяснить сложнее. Они фиксируются в познании как своего рода «непосредственная данность», от которой отталкивается деятельность рассудка. Ж. Делез называет такие различия *интенсивными* различиями. Выражение «различие интенсивности» – тавтология. Интенсивность – форма различия как причины чувственного» [5. С. 271]. Как видим, обсуждение данной проблемы идет в русле «мейнстрима» энергетических метафор. А вот комбинаторика элементов, в результате которой формируются «вторичные» качества, лишена интенсивности.

Итак, «первичные» различия формируются, как уже было сказано, в процессе творчества концептов. Возникнув же, они воспринимаются наподобие «первичных данностей» опыта. Выскажем утверждение. Созидание новых концептов совершается по тому же принципу, что и трансформация первичной чувствительности в процессе биологической эволюции органов чувств. Как если бы эволюционный процесс дифференциации перцептивного аппарата получил продолжение на новом уровне более тонкого слоя перцепции. Концепт надстраивается над органами восприятия, имея в своей основе тот же самый принцип действия, что и перцептивный аппарат организмов.

С точки зрения современной когнитивной науки, работа перцептивного аппарата совершается не по принципу репрезентации, а по принципу фильтрую-

щего механизма. Эта позиция аргументированно излагается Е. Князевой. Для неживой природы характерна «неразборчивая тотальность» процесса отражения, где «все воспринимает все». Формирование более высоких ступеней отражения (в живой природе, а затем появление сознания) есть не расширение, а, напротив, ограничение воспринятого, «защищенность от шквала внешних воздействий». «Что касается развития личности, индивидуальной креативности, – то с ее становлением и развитием степень избирательности восприятия увеличивается. Творческий ум вырабатывает свои достаточно жесткие личностные фильтры... Лишь дети и беспомощные старики, которые впадают в детство, имеют слабые фильтры сознания, впитывают как губки то, что их окружают» [7. С. 200–201]. Изоощрение восприятия различий в процессе эволюции перцептивного аппарата в то же время устанавливает своеобразный фильтрующий барьер, препятствующий интроспективному восприятию механизмов перцепции. Работа этого фильтра являет себя в том числе в факте, констатация которого стала общим местом в феноменологических описаниях креативных процессов. Интроспекция улавливает лишь конечный результат творческого процесса как некое «озарение», чему «предшествует стадия инкубации, в течение которой изучение

проблемы кажется прерванным и тема заброшенной» [10. С. 16]. Дело обстоит так, будто некий фильтр перекрывает ясному свету *cogito* возможности входа в «геологические недра» творческого процесса, позволяя освещать лишь выдаваемый «на гора» результат.

Вышеприведенные рассуждения приводят нас к следующему выводу. Если различия создаются в ходе творчества концептов, такое созидание неотделимо от самосозидания познающего субъекта. Творческий процесс производит в субъекте трансформацию, которая сродни формированию новых органов перцепции.

Резюмируем. *Тождество – познается, различия – созидаются*. Созидание, как и все остальное, понимается, также может быть предметом познания. Но здесь, как и везде, познание ретроспективно и направлено вспять по отношению к совершающемуся процессу. Процесс *развертывания* многообразия познающий ум стремится *свернуть* к единству и тождеству. Поэтому в процессах созидания всегда будет некий «остаток», фатальным образом ускользающий от познающего ума. *Метаконцептуальность первичных различий в теоретическом познании коррелятивна фильтрующим механизмам перцептивного аппарата*. Познание фундаментально асимметрично.

Список источников

1. Деррида Ж. Голос и феномен. СПб. : Алетейя, 1999. 208 с.
2. Bateson G. Mind and Nature. N.Y. : Dutton, 1979. 238 p.
3. Капра Ф. Паутина жизни. М. : Гелиос, 2002. 336 с.
4. Дэвис П. Суперсила. М. : Мир, 1989. 279 с.
5. Делез Ж. Различие и повторение. СПб. : Петрополис, 1998. 284 с.
6. Бергсон А. Творческая эволюция. М., 1998. 384 с.
7. Князева Е.Н. Энактивизм: новая форма конструктивизма в гносеологии. М. ; СПб. : Университетская книга, 2014. 352 с.
8. Малкина С.М. Постметафизические конфигурации онтологии. Саратов : Изд-во Саратовского университета, 2015. 268 с.
9. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб. : Алетейя, 1998. 288 с.
10. Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики. М. : Советское радио, 1970. 152 с.

References

1. Derrida, J. (1999) *Golos i fenomen* [Speech and Phenomenon]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteyya.
2. Bateson, G. (1979) *Mind and Nature*. New York: Dutton.
3. Capra, F. (2002) *Pautina zhizni* [Web of Life]. Translated from English. Moscow: Gelios.
4. Davies, P. (1989) *Supersila* [Superforce]. Translated from English. Moscow: Mir.
5. Deleuze, G. (1998) *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition]. Translated from French. Saint Petersburg: Petropolis.
6. Bergson, H. (1998) *Tvorcheskaya evolyutsiya* [Creative Evolution]. Translated from French. Moscow: Kanon-Press; Kuchkovo Pole.
7. Knyazeva, E.N. (2014) *Enaktivizm: novaya forma konstruktivizma v gnoseologii* [Enactivism: A new form of constructivism in epistemology]. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya kniga.
8. Malkina, S.M. (2015) *Postmetafizicheskie konfiguratsii ontologii* [Post-Metaphysical Configurations of Ontology]. Saratov: Saratov State University.
9. Deleuze, G. & Guattari, F. (1998) *Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?]. Translated from French. Saint Petersburg: Aleteyya.
10. Hadamard, J. (1970) *Issledovanie psikhologii protsessa izobreteniya v oblasti matematiki* [An Essay on the Psychology of Invention in the Mathematical Field]. Translated from French. Moscow: Sovetskoe radio.

Информация об авторе:

Дуплинская Ю.М. – д-р филос. наук, профессор кафедры теоретической и социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия). E-mail: duplinskayay@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.M. Duplinskaya, Dr. Sci. (Philosophy), professor, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: duplinskayay@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.03.2021;
одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 21.03.2021;
approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Научная статья
УДК 7.01
doi: 10.17223/15617793/496/12

Особенности артикуляции мысли М.К. Мамардашвили: эстетическо-патематический стиль философствования

Янина Юрьевна Петрык¹

¹ Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, p_yanina@mail.ru

Аннотация. Исследуются особенности артикуляции философской мысли М.К. Мамардашвили в рамках эстетическо-патематического стиля. Проявляется роль эстетизма и патематики в философии М.К. Мамардашвили. Так как мыслитель не посвящает проблеме артикуляции и стиля специальной работы, применен метод реконструкции. В результате доказано, что философия мыслителя может быть артикулирована в полном объеме, если в качестве универсального паттерна его философствования принять эстетическо-патематический стиль.

Ключевые слова: эстетизм, патематика, стиль, артикуляция, эстетическо-патематический стиль философствования

Для цитирования: Петрык Я.Ю. Особенности артикуляции мысли М.К. Мамардашвили: эстетическо-патематический стиль философствования // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 103–114. doi: 10.17223/15617793/496/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/12

Features of the articulation of Merab Mamardashvili's thought: The esthetic-pathematic style of philosophizing

Yanina Yu. Petryk¹

¹ Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation, p_yanina@mail.ru

Abstract. The article deals with the problem of Merab Mamardashvili's style of philosophizing as a special way of articulating the thought. In order to explain the process of embodying an idea in the language of philosophy, Mamardashvili uses an original style of philosophizing – “esthetic-pathematic”. Mamardashvili's own style is a combination of the “principle of construction” of the thought itself and the conditions of its existence, and a special method of an internal ordering of the idea and its external expression. The article substantiates the idea that such categories as “esthetics” and “pathematics”, which are the most important in the philosopher's works, play an essential role in solving the aesthetic problem of the embodiment of meaning through the style of thinking. In this regard, esthetics is considered as the principle of a spatial-temporal certainty of consciousness. Esthetics is a tactile, material experience of a person's physicality, without which thinking is impossible. Pathematics in this case is a special mental product, a special “geometry of the spirit”, the science of pathos and human suffering, which is necessary in order to describe a special spiritual effort of an individual in the world. Pathematics is an original thinking practice that is aimed at a creative, spiritual, thinking, reflexive achievement of truth. A distinctive feature of pathematics is the subject's personal participation in an intellectual-existential event, the need to live the process of thinking. The peculiarity of the articulation of philosophical thought by Mamardashvili consists not only in the initial attraction of the thinker to the “speech form” of presentation, but also in the amazing phenomenon of “extractability of thought”. Reflexive “pronouncing of truths” by the philosopher should lead the recipient to an independent original process of thinking, motivate the subject to an independent act of thought. Thanks to this approach, the possibility of both the variability of the presentation of the material by the philosopher and the variability of the understanding of articulated ideas is preserved. Unfortunately, Mamardashvili does not have a special work on the problem of articulation and style of philosophizing, so this article uses the method of reconstructing its provisions. As a result, the author of the article concludes that Mamardashvili's esthetic-pathematic style of philosophizing is an intellectual activity to embody the multidimensional experience of the creator's personality. In this style of thinking, an existential, sensory-spiritual experience of the material being is presented and, most importantly, the need for the same response from the recipient is mandatory. A further analysis of Mamardashvili's works and a study of the peculiarities of the philosophical style of thinking will contribute to solving the problem of expanding the horizons of the philosophical method.

Keywords: esthetics, pathematics, style, articulation, esthetic and pathematic style of philosophizing

For citation: Petryk, Ya.Yu. (2023) Features of the articulation of Merab Mamardashvili's thought: The esthetic-pathematic style of philosophizing. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 103–114. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/12

Введение

Проблема обоснования особенностей стиля философствования – это проблема артикуляции сложнейшего исследовательского инструментария необходимого для постижения эстетического статуса мысли, позволяющего осознать и литифицировать процесс экспликации идеи (смысла) в языке философии. Осмысление стиля философствования как возможности оригинальной артикуляции мысли философа – это одновременно уяснение мыслительной стратегии автора и понимание специфики мыслительных координат современной культуры, вариативности модусов ее толкования.

В традиционной лингвистической интерпретации В. Гумбольдта «язык представляет собой постоянно возобновляющуюся работу духа, направленную на то, чтобы сделать артикулируемый звук пригодным для выражения мысли» [1. С. 301]. То есть в акте языковой артикуляции синтезируется единица мышления, формируется и воплощается мысль. «Язык начинается непосредственно и одновременно с первым актом рефлексии», и «слово (есть) первое побуждение к тому, чтобы... определиться» [1. С. 302]. Иными словами, способ артикуляции мысли напрямую связан с опытом рефлексии, а проблема специфики философского дискурса и артикуляции опыта философской рефлексии является одной из самых существенных в рамках философского вопрошания о мире и человеке, о философском знании и языке.

В рамках лингвоцентризма постмодернистских штудий не угасали дебаты о семиотической артикуляции, где наличествуют различные формы мысли, соотнесенные с субъектом или отвлеченные от субъекта (межличностные), учитывающие высокую или низкую степень формализации, в которых существенную роль играет рекурсивное определение правильно построенных выражений этого языка. В философской артикуляции современной культуры особое значение имеет опыт феноменологического дискурса, позволяющий прояснить позицию Я в сознательном акте, предполагающий различие бытия и сущего на уровне рефлексии, дающий возможность человеку бесконечно открываться миру и самому себе. Таким образом, существенным моментом артикуляции и в философской и в лингвистической традиции остается ее использование для выражения смыслов, что приводит нас к эстетической проблеме выражения смысла посредством стиля мышления.

Безусловно важным моментом, углубляющим актуальность представленной проблематики, является растущая диффузность многообразных форм мышления в современной культуре. Будучи четко разграниченными в классическую эпоху, в постклассический период обнаруживаются тенденции к сближению и взаимопроникновению модусов смыслообразования. Философия, полем ответственности которой традиционно является обоснование рациональности, модифицирует свою логику в деконструктивистские игры, имеющие эстетическое происхождение, где эстетика и искусство решительно сближаются с обыденно-рациональным смысловым контекстом и приближают современную

эстетику к прагматическим рассудочно-утилитарным образцам дискурсов повседневности. Таким образом, модусом современной артикуляции философской мысли становится прагматизация философского дискурса как такового, что влечет за собой дефляцию эстетического и «вторжение» философии в сферу эссеистики и публицистики.

В контексте, определяемом постановкой вопроса, существенно важно понять: осуществима ли артикуляция мысли посредством традиционных форм философской рефлексии, воплощенных в отвлеченно-абстрактном языке понятий, терминов и категорий, находящихся по отношению друг к другу в строгой логической последовательности или мысль, как «проживаемое экзистенциальное событие» [2. С. 18], нуждается в привлечении вне-рациональных форм смыслообразования, опирающихся на живую речь, ускользающую от формализованной кодификации? Иными словами, в состоянии ли терминологический строго дефиниторный язык обнаружить новые эвристические возможности мышления? И способны ли традиционные для философской рефлексии модусы вскрыть специфику человеческого существования? Является ли «стиль философствования» значительным атрибутом философского мышления и в какой связи он состоит с «персональным» мышлением философа и проблемой человеческого существования в целом? В чем состоит специфичность подобного «литературно-экзистенциального прецедента»? Является ли сам стиль философствования тем эстетическим «рефлексивно-репрезентативным кодом», позволяющим вычленивать способы и методы взаимодействия с историческим опытом, учитывающим современные дивергентные концепции человека? И, в конечном итоге, какими особенностями обладает стиль мышления М.К. Мамардашвили? Какие линии приоритетны в форме его мыслительной артикуляции?

Современная культура в акте понимания мира давно уже не довольствуется только парадигмой рационального познания, выходит за рамки сугубо рационалистического смыслообразования, привлекая многообразные, вне-рациональные формы мышления, находящиеся на периферии рациональных систем. Поэтому проблема особенностей философского стиля мышления во многом является проблемой расширения горизонтов философского метода, проблемой смыслообразования как многовариантного события рекурсивного осознания, а также проблемой соизмеримости традиционной артикуляционной модели философского мышления – рациональной и вне-рациональной, которые в ситуации своей «методологической сходимости» могут дать выход на новый уровень осознания, образуя смысл в его феноменальных гранях.

В силу того что представленная проблема является совокупностью взаимосвязанных между собой значимых смысловых плоскостей, необходимо выявить несколько тематических локальностей в рассматривании вопроса. Во-первых, следует подвергнуть анализу историю проблемы, выявив ключевые аспекты стиля как эстетического и философского феномена (не претендуя на исчерпывающую полноту разбора). Очертить основные и существенные толкования стиля философствования М.К. Мамардашвили в поле критических

воззрений его современников. Указать на специфические стороны стиля мышления философа и показать роль и значение «эстетизма» и «патематики» как универсально-субстанциональных категорий, играющих существенную роль в способе артикуляции философской мысли М.К. Мамардашвили. И, наконец, обосновать «эстетизно-патематический стиль философствования» как рефлексивно-репрезентативное основание его творчества, в котором возможна многовариантность смысловых «данностей» в тонически-рефлексивном сознании. Необходимость рассмотрения столь многоплановой проблемы очевидна ввиду того, что истинное понимание особенностей стиля философствования – это ключ и предпосылка к глубинному пониманию характеристик и тенденций современного теоретизирования.

Артикуляция мысли: понятия «художественный стиль» и «стиль философствования»

Проблема стиля одна из труднейших проблем в эстетике. В попытках определить ускользающий смысл понятия различные философы создавали разнообразные дефиниции художественного стиля, фактически, выражающие классическое гегелевское основание: стиль – это воплощение оригинальности мысли.

П.С. Гуревич отмечает, что стиль, впервые как понятие, возникшее в античной Греции в рамках риторики, в двадцатом столетии максимально расширяет свои историко-типологические границы и мыслится как выражение особенностей художественного самовыявления, как совокупность основных художественных средств. Стиль трактуется как «модель формообразования», являющая собой не субъективное качество, а закон организации, но при этом стиль не есть сама «форма», а именно «выражение» культурных смыслов, которое к тому же предполагает наличие открытости личности самому бытию культуры.

Виднейший российский эстетик В.В. Бычков полагает, что стиль является более свободной модификацией канона, облекаясь в устойчивые, но трудноописуемые многоуровневые системы и конструктивно-формальные структуры, которые в определенном смысле возможно считать системой приемов и принципов организации художественных средств.

Однако наиболее развернутый анализ «проблемы стиля» в эстетике дает А.Ф. Лосев в работе «Проблема художественного стиля», полагая, что стиль применительно как к художественному творчеству, так и к философским трудам следует осознавать как общий «принцип конструирования всего потенциала... произведения» [3. С. 25].

Совершив тщательный и подробный анализ энциклопедических и словарных статей по предмету, А.Ф. Лосев как «философски мыслящий искусствовед», произведя сравнительный анализ теорий стиля, приходит к выводу о том, что стиль, с некоторыми оговорками, может быть отождествлен с подлинным (истинным) воплощением предмета, с тем созвучием и симфоничностью идеи и ее безупречным исполнением, которое и порождает ощущения подлинности произведения.

«Истина есть форма, принадлежащая самим объектам, это вершина их предметного бытия, реализующая нечто присущее им самим, их должное, их внутренний разум, логический порядок родов и видов». В искусстве, между тем, возможна такая ситуация, когда «...с формальной стороны все может быть правильно, идея художника... хороша, исполнение безошибочно, нет только одного – той высшей силы, которая делает художественное произведение подлинным» [3. С. 28].

Анализируя постепенную концептуализацию понятия «стиль» в истории эстетики, А.Ф. Лосев уделяет особое внимание толкованию данного понятия в рамках немецкого романтизма Ф. Шиллера и представителя немецкой классической философии Г.В.Ф. Гегеля. В творчестве Ф. Шиллера актуализируется универсальный, всеобщий и необходимый характер стиля: «стиль есть... наивысшая независимость изображения от всех субъективных и всех объективно-случайных определений», «совершенный подъем от случайного к всеобщему и необходимому» [4. С. 148].

А.Ф. Лосев полагает, что огромное преимущество в определении стиля Гегелем состоит в том, что мыслитель рассматривает искусство диалектически, подробно анализируя связь логических категорий, без которых оно немыслимо. В результате у Г.В.Ф. Гегеля рождается концепция стиля, именуемая А.Ф. Лосевым «субъект-объектной диалектикой оригинальности», в которой естественным образом совмещены «субъективная фантазия гения и объективное содержание произведения, создаваемого этим гением» [3. С. 96]. Однако, констатирует мыслитель, обретение истинного места в системе категорий для стиля «в этой сложной субъект-объектной области художественного творчества» возможно только в случае акцентуации внимания на «субъекте, создающем эту оригинальную художественную действительность» [3. С. 98]. Эту «субъективную действительность» Гегель называет манерой, вместе с тем, когда совершается переход к оригинальной действительности, которую создает художник, «и, когда мы ставим на ней присущее ей логическое ударение, то подобного рода субъективно-оснащенную объективную предметность Гегель и называет “стилем”». Именно здесь субъект-объектное тождество превращается в то, что Гегель именует оригинальностью.

Иными словами, стиль, по Гегелю, представляет собой «некоторого рода предметность», противостоящую субъективному творчеству, хотя и отражающую «на себе фантазию, талантливость, гениальность и вообще то своеобразие, которое творческий субъект наложил на созданную им объективную предметность». С одной стороны, стиль относится к «изображаемой предметности», и он оригинален в том смысле, что «на нем почил художественное творчество художника», а с другой стороны, стиль «объективен в смысле тех особенностей, которые вытекают из того рода искусств, которым он приписывается». Таким образом, А.Ф. Лосев делает вывод, что стиль есть «художественная и неповторимая оригинальность, которая дана предметно» [3. С. 98], и хотя, будучи в основе своей «виртуозной техникой», отнюдь не понимается как сугубо «формальная техническая

способность», но должен мыслиться в полном единении «как с высоким вкусом художника, так и с теми проблемами духа, которые в данном художественном произведении затрагиваются».

Продолжая историко-философский анализ понятия «стиль» А.Ф. Лосев приходит к выводу, что, наследуя интуицию романтиков, основоположники модернизма (О. Вальцель, А. Ричарде, Дж. Девото) проблематизировали стиль как чувственно ориентированную рациональность, благодаря которой воссоздаются такие структуры мысли, в которых актуализируется сама природа познавательного процесса, условия существования мысли и вопросы о природе сущностей вещей и существе человеческого, допуская в поле мышления не только понятийную оболочку, но и то, что «больше, чем» понятие. Подобное «эстетическое» ориентированное мышление принуждало отказаться от предсказуемых выводов, поставляемых логическими системами, а самое главное – от позиции отстраненного наблюдателя, и в вопросе о природе мыслительного процесса позволяло обратиться к истоку и условиям мышления. Именно эти принципы формировали семантические паттерны, фиксирующие определенную парадигму мысли двадцатого столетия, где сама мысль, понимаемая как эстетический феномен (в ее чувственно-пафосном основании) подвергалась анализу с точки зрения стилистического своеобразия мыслительных форм.

В понятии «стиль» в творчестве Вяч. Иванова А.Ф. Лосев стремится показать, что опыт русской философской мысли имел эстетический статус не столько потому, что реализовывался деятелями искусства, сколько потому, что логическое и эстетическое, художественное и теоретическое выступали как принципиально взаимосвязанные, а сами мыслительные фигуры, благодаря которым утверждался данный концепт, были максимально подвижны и открыты трансформации. В русской философии начала двадцатого столетия, в эпоху Серебряного века, философская рефлексия включала в себя экзистенциально значимый, проживаемый, чувственный опыт человека, позволяющий наиболее точно описать жизненное пространство и чувственное переживание человека.

Упорядочивая интерпретацию понятия «стиль» в истории эстетической мысли, А.Ф. Лосев стремился максимально структурировать феномен стилизации, приводя примеры «стиля как художественной формы, проработанной с точки зрения инобытия» [3. С. 185], понимая под инобытием «область культурно-социальных отношений». Преобразованный, исходя из данных позиций, стиль обретал свои актуальные формы. «Исторический стиль» («стиль третьей империи», «стиль Людовика XIV»), «общесоциальный стиль» («пролетарский», «военный»), «индивидуальный стиль» («стиль Чайковского», «стиль Шекспира») [3. С. 186]. Последний интересен акцентуацией внимания на уникальности личности творца. А говоря об основных особенностях стиля речи, А.Ф. Лосев упоминает логический и образно-эмоциональный. Логический стиль, как правило, отражает социальную и природную действительность рассудочным способом, а образно-эмоциональный отражает явления действительности наглядно.

Обобщая изложенный материал, А.Ф. Лосев стремится изложить собственное видение данного вопроса, четко разграничивая литературоведческие и искусствоведческие категории, полагая, что стиль «не есть художественная форма», «не есть чувственная форма», «не есть отвлеченная идея или соединение чувственного образа с отвлеченной идеей», «не есть содержание и не есть форма произведения» [3. С. 179], апеллируя к тому, что «нет в науке термина более путаного... темного... противоречивого, чем термин “форма”» [3. С. 189]. Продолжая линию апофатического определения, А.Ф. Лосев полагает, что «ни в коем случае нельзя сводить художественный стиль только к эстетическому», вследствие того что «все художественное эстетично, но не все эстетическое художественно». Стиль нельзя отождествить с приемом, и уж тем более с техническим приемом, это «неисповедимая таинственность». Стиль невозможно назвать методом построения произведения и нельзя отождествлять с жизнью, «хотя он обязательно обладает характером жизни и жизнетворчества и характером формообразующей деятельности» [3. С. 197].

А.Ф. Лосев полагает, что художественный стиль не следует относить к чему-то «личному и индивидуальному», ввиду того что «стиль» в равной мере содержит в себе, как «индивидуально-личное», так и общественное, не только отражая действительность, но и оказывая обратное воздействие на нее. Антиномическую природу «стиля» философ иллюстрирует диалектикой творческих глубин личности художника и той исторической принудительностью, которой художник подчинен, так как художник одновременно и творчески свободен, и исторически обусловлен.

Подводя итог, в толковании «стиля» по А.Ф. Лосеву, следует сказать, что мыслитель создает собственную эстетическую парадигму, в которой апеллирует к стилю как к «принципу конструирования» [3. С. 222] (который может быть понят по своей сути в рамках кантовской методологии, как собирание произведения в единое целое, как форма фиксации мысли, порядок формирования выразительного сюжета) и к понятию «художественный потенциал» (как выражения «художественной мощи произведения»). Таким образом, художественный стиль обладает целым рядом специфических особенностей: как «принцип конструирования» произведения – это способ внутреннего упорядочивания и одновременно внешнего выражения и самовыражения, в котором максимально проявлен «художественный потенциал» творения, как возможность продуктивной, свободной, созидательной деятельности по воплощению многомерного опыта личности творца, в опции единения высокого вкуса художника с проблемами духа, которые он стремится воплотить, с обязательным индивидуально-личностным, экзистенциально-чувственным проживанием излагаемого материала и завесой тайны творчества – «неисповедимой таинственности».

Вместе с тем в эстетической парадигме стиля, предложенной А.Ф. Лосевым, угадывается имплицитное стремление мыслителя подобные художественно-эстетические рецепции стиля экстраполировать и на поле

философствования, дать философско-эстетическое обоснование стиля, так как понятие «философский стиль мышления» очень редко становилось предметом специальной рефлексии философов. Понятие «стиль» применительно к культуре мышления также является собой «принцип конструирования», но не только самого философского произведения, но и самой мысли и условий ее существования. «Стиль философствования» указывает на наличие сложной, иерархически упорядоченной системы имплицитных доминант, образцов, принципов, форм и категорий теоретического освоения мира. Касательно стиля М.К. Мамардашвили отмечает: «...стиль – многозначная вещь. Давайте относить к стилю то, что я называл формой... артикулированную конфигурацию, которая сама производит какие-то эффекты (не рождающиеся естественным, стихийным путем)» [5. С. 187]. Таким образом, «стиль мышления» динамичен, исторически подвижен, цикличен, способен к воспроизведению собственной структуры и как некий нормообразующий (конструирующий) элемент способен задавать границы и горизонты теоретизирования (как артикулированная конфигурация), задавать общие универсальные схемы подхода к действительности, сохраняя при этом «живую историю» собственного самосмысления мира творцом. В рамках «стиля философствования» определенного мыслителя сохраняется «уникальный», «личностно-интерпретационный» контекст, гармонизируется философствование как дело теоретического субъекта и «целостного» человека с собственным созерцанием, волением и чувством.

Вместе с тем к органическим особенностям понятия «индивидуальный стиль мышления философа» следует отнести «историческую принудительность» стилей мышления разных культур. Ведь горизонт мышления каждой культуры также ограничен свойственным ей стилем мышления, который имплицитно включен в индивидуальный стиль мышления конкретного философа. Подобное осмысление «стиля мышления эпохи» порождает весьма условное разделение на западноевропейский стиль мышления со свойственной оксидентализму практикой четко проработанной технологии мышления, с заложенной в самой традиции панлогичностью и желанием четкой фиксации в написанном слове, и восточный стиль философствования (ориентализм), в котором сильно тяготение к аскриптуральности и акцентуации на интуитивность мыслительных практик.

Иными словами, ни один философ никогда не бывает полностью отъединен от традиции. Деятельность предшествующих мыслителей, богатейший предварительный мыслительный материал, оказывается базой для последующего философствования, в том числе и стилистического многообразия. Таким образом, истоки стиля философствования современной культуры, феномена современной артизации и эссеизации мышления, художественного гносиса и респонзивности поэтического необходимо искать в идеологемах классической эстетики, учитывая «опыт предшественников». Но вместе с тем важен и другой аспект – очень тонкая грань экспликации смысла: необходимо отказаться от

редукции философского дискурса конкретного мыслителя к биографическим фактам, ведь философия – это всегда поле понятийно-аргументированного знания, которое шире индивидуальных интенций автора. Помимо всего прочего, как полагал М.К. Мамардашвили, сам способ существования человека многомерен, а это означает то, что человек не тождествен себе, так как «ни в какой данный момент мы не даны себе во всей полноте своего существа», а «в нашей сознательной жизни есть некоторые свойства, которые неописуемы индивидуально-биографически» [5. С. 177].

Таким образом, безусловно, «индивидуальный стиль мышления» есть выражение «конкретной субъективности», которая, вместе с тем, преодолевает концептуальные структуры традиционной философии, являясь одновременно и продолжением традиции, и ее инновацией. В творчестве того или иного мыслителя «индивидуальный стиль философствования» очень часто трансформируется в форму жизни. «Стиль – это продуктивный механизм жизни» [5. С. 188]. Особенно в рамках влияния культуры Серебряного века это с очевидностью проявляется в творчестве русских философов (идея жизнетворчества), и в целом подобное видение очень ярко выражено в русской философии, характерной чертой которой является персонализм по причине «подчеркнутой значимости личности ее творцов» [6. С. 89].

Вариативность в определении стиля философствования М.К. Мамардашвили его критиками

Заметное место среди современников философа, которые комментировали его работы, занимают труды Ю.П. Сенокосова, В.А. Подороги, В.А. Кругликова, В.В. Бибикина, В.П. Зинченко, В.В. Калининченка, А.М. Пятигорского, Н.В. Мотрошиловой, Е.В. Ознобкиной и др. Вопросам оригинальности и стилистическим особенностям, анализу поэтики устной формы философствования М.К. Мамардашвили, уделено достаточное внимание, и в качестве оценки его философского наследия очень часто говорят о том, что его очень «сложно назвать типовым и стандартным» [7. С. 42]. Именно вследствие этого определить однозначно его стиль философствования затруднительно.

Однако, вне всякого сомнения, стиль философствования М.К. Мамардашвили – это стиль, отсылающий к логике откровения, во многом исповедально-личностный, пронизывающий любую сколь угодно абстрактную проблематику. Философу в рамках описательно феноменологического в своей основе дискурса изначально интересна та точка когитального состояния субъекта, в которой рождается индивидуальная, персональная эстетическая патософия или патематика, обнаруживающая структуру и основание человеческого существования.

Обращаясь к специфике стиля его философии, критики единодушно отмечают «трудности» языка, который очевидно и вполне сознательно семантически точно не определен (ввиду того, что каждый человек

обязан путем самостоятельной рефлексии «доопределять», и вследствие того, что продуктивно только творческое осмысление и открытие «личных смыслов»). Очень сложна расстановка акцентов, а присутствие дополнительных отступлений и пассажей делает произведение данного мыслителя весьма сложным для анализа. Однако все критики без исключения склоняются к версии об одной исконной установке философа: мыслить в заранее заданных терминах и понятиях – скучное и бесперспективное занятие, а приверженность четким дефинициям без возможности их трансформации – это неверный путь философствования.

Особую сложность в толковании творчества мыслителя создает то, что некоторая часть его наследия – не рукописные источники, обработанные и сданные в печать самим философом, а магнитофонные записи лекций, которые зачастую не были «вычитаны» и «отшлифованы» автором.

В этой части наследия М.К. Мамардашвили наиболее значима именно проблема артикуляции, т.е. в буквальном смысле «проговаривания» собственных идей, которые особым образом эмоционально (пафосно-эстетически) окрашены, и в которых присутствует особый шарм личностной акцентуации идей. Философия в понимании М.К. Мамардашвили не только тяготеет к сократической аскриптуральности, но предполагает новые грани речевого взаимодействия – особое монологическое самооткровение, не назидательное, но сугубо личностное участие внутри события интеллектуально-экзистенциального акта.

В множественном хоре оценок творчества мыслителя необходимо указать на особо значимые. Н.В. Мотрошилова свидетельствовала о вполне определенной тематике философских трудов мыслителя: «феноменологические мотивы почти изначально определили философствование Мамардашвили», но само время переместило акценты с «академичных... по стилю рассуждений на философско-публицистический жанр». И хотя к «чистым» историко-философским, том числе историко-феноменологическим исследованиям и сочинениям (с воспроизведением исходных текстов, литературы, должным научным аппаратом) «у философа... не было никакой склонности», он изначально апеллировал «к живому нерву философствования», пытаясь придать размышлениям «достаточно понятную форму». Н.В. Мотрошилова, сетуя на «не обладающие непосредственной ясностью... ни изяществом литературных форм» дефиниции М.К. Мамардашвили, вместе с тем свидетельствует о самостоятельности и оригинальности мысли: «Я далека от того, чтобы утверждать, что Мераб намеренно стремился воспроизвести чей-то чужой, хотя бы и великий путь» [7. С. 31].

Ю.П. Сенокосов отмечал подвижный и при этом «метафизически точный» язык философа, где само содержание мысли эксплицировано в свободной форме и возможности трансформации: «живое всегда может быть иным», так как мыслитель изначально «стремился всякий раз к обновлению терминологии, как бы заранее оберегая свою философию от догматизма», полагая что «поэтическая метафора» – такая же «плодо-

творная тавтология бытия, как и философия», метафора гораздо глубже проникает в «таинственные глубины человеческого “я”, тайну личности» [7. С. 56].

В.А. Подорога, отмечая семантическую насыщенность рассуждений философа, свидетельствовал о том, что его «творчество... объемно и разнопланово», но он человек, «который творил изустно». Это был философ «речевого исполнения мысли», «становящейся мысли» [7. С. 125], в размышлениях которого «нет определенной композиции, логики организации пространства», но это философия с особой «выразительной практикой», где есть особый «экзистенциально драматический» накал [7. С. 131].

В.В. Калиниченко писал о том, что как философ М.К. Мамардашвили счастливый заложник одной темы: «по форме дидактичен... он почти всегда “читал” одно Введение в философию, точнее, философствование» [7. С. 43].

Таким образом, из приведенных комментариев видно, что стиль мышления М.К. Мамардашвили действительно методологически труден, и поэтому в попытках обобщения столь разноплановой тематики и столь различных техник, методов и подходов его стиль небезосновательно именуют ампликативно-рекуррентным (В.В. Калиниченко) [7. С. 86] и метафорическим (В.А. Подорога) [7. С. 140]. Действительно, существование человека и его мышление, о нерасторжимом единстве которых учил мыслитель, могут получить свое воплощение только в ампликативном толковании. Философ объясняет собственную позицию следующим образом: любая «структура увеличивается тем, что мы ее понимаем» [8. С. 170], а непрерывное накопление смыслов с нарастанием экспрессивности помогает уяснению обретенных истин. Таким образом, герменевтическое поле дискурса расширяется за счет ампликативности.

Преднамеренно использует философ и рекуррентность в собственном стиле мышления. Дискурсивное поле рекуррентного движения в толковании М.К. Мамардашвили получает следующее объяснение: мыслительный процесс – это постоянное «движение вглубь» самого себя и собственной мысли, скольжение с поверхности и поверхностного понимания в глубины смысла, многократное проживание смысла, «бесконечное проигрывание» ситуации, упоение возвратом к исходным началам, где «количество (возвращений) не имеет никакого значения» [8. С. 34], но невероятно важен обнаруженный смысл. Рекуррентность артикулирует себя синтетикой обратного хода от любых аналитических «картин мира» к условиям возможности самой аналитики и толкуется как единственная возможность «удержания себя» в структуре рефлексии. В подобном феноменолого-герменевтическом аспекте целостность человека обнаруживает себя именно в «рекуррентном движении» к тождественному антропологическому фокусу, и это движение раскрывается в постоянном уточнении обосновывающего контекста.

Таким образом, рекуррентность как отличительная черта стиля философствования М.К. Мамардашвили обладает следующими характеристиками: будучи ак-

туальной конструкцией философствования, рекуррентность артикулирует линии всякого возможного осуществления языка, задавая его границы и горизонты, а в методологическом плане отсылает к тем состояниям, которые не поддаются отображению на уровне рефлексивных конструкций, но существуют в виде структур «волевой решимости», имеющих статус онтологической данности. Рекуррентность, восходя к онтологическому порядку мироустройства, не противопоставляет мир и его дискурсивное выражение, но изначально является условием «понимания» мира человеком. Особой заслугой рекуррентности как способа артикуляции мысли является то, что, она, очерчивая пространство синтетического мышления, способствует оформлению становящейся мысли, не ограничивая горизонт потенциальности и обозначая, тем самым, полную независимость событийных структур сознания от временных модификаций и эмпирической топики. Являясь одновременно инструментом самообоснования мысли и возможностью контроля над условиями ее существования, рекуррентность становится той «живой формой» и «генеративной структурой» (М.К. Мамардашвили), где событийные эффекты понимания несводимы к простому отражению эмпирического мира, но актуализируются вне зависимости от мотивации человека. Рекуррентный стиль изложения мысли позволяет связать воедино множественность и неопределенность фактов эмпирического хаоса, задает сам порядок их связности и помогает осуществлять непрерывное и единообразное воспроизводство предметов в опыте при удержании самоидентичности Я. Иными словами, рекуррентно-ампликативный стиль мышления, с одной стороны, задает концептуальную строгость артикуляции, фиксирует логику движения мысли к аналитически неразложимому акту исходной включенности в мир, а с другой стороны, становится способом практической осуществимости человека в мире, онтологически укорененной в нем. Таким образом, М.К. Мамардашвили в рамках собственного стиля философствования действительно активно использует такую когнитивно-лингвистическую универсалию, как рекуррентность, которая позволяет воплотить многослойность и вариативность человеческих когнитивно-эмоциональных планов.

Метафоричность стиля философствования М.К. Мамардашвили также отмечают многие критики. Ее неотчуждаемую от способа артикуляции мысли потенцию отмечает В.А. Подорога. Метафора органично «насыщает интеллектуально-метафизической кровью само размышление» [7. С. 140], являясь живой «плотью» мысли, «идеальной познавательной моделью» объективно защищая от косности и догматизма, выхолащивания и стерильности мышления, позволяя, «понимать, но не утверждать» [7. С. 142]. По тонкому замечанию В.А. Подороги, привлечение метафоры помогает воспроизводить полноту языкового события и придает особую пафосную тональность стилистике философствования. Метафоричность в сравнении с концептуальной строгостью языка науки являет свою нереферентность, однако существуют такие формы

субъективного знания, которые нереферентны, но тем не менее весьма ценны.

Уникальность метафоры как оригинального познавательного инструмента и средства выразительности, М.К. Мамардашвили подчеркивает следующими замечаниями: «метафора есть такое образование, которое находится в поисках своего смысла...», «это косвенный объект мысли, отличающийся от прямого аналитического (ее) содержания» [9. С. 39]. Если символ своей полисемантической в состоянии закрыть от индивида само бытие, то метафора не обладает подобной «загораживающей генерированностью» [10. С. 191]. Она не находит свое значение путем традиционной экспликации.

Ее продуктивно-творческий горизонт необычайно широк: она «может быть не истинной и не ложной», «может работать или не работать», быть «удачной или не удачной» [10. С. 191], но в своей открытости и незавершенности становится идеальной и весьма эффективной эстетической конструкцией. В работе «Стрела познания» мыслитель замечает: «...бытие метафорично, не линейно и не последовательно развернуто» [10. С. 165], уточняя: «...метафора всегда дает пространственно-одновременно то, что в действительности всегда расположено во временной последовательности, разнообразно по содержанию и даже принадлежит к разнородным областям» [11. С. 176], являясь внутренней «формой мысли», которая «изнутри координирует совершенно различные семантические единицы» [11. С. 166]. Таким образом, метафора, выпадая из причинно-следственной связи и старательно избегая строгой детерминации, помогает фиксировать те ускользающие от рационального познания данности, которые существенны для индивидуального, самобытно-событийного восприятия мира, к тому же пробуждая в самом субъекте интеллектуальную и эмоциональную активность.

В рамках собственного оригинального стиля философствования М.К. Мамардашвили, особенно в «Лекциях о Прусте», панметафоричен, полагая, что только метафора раскрывает истинные «психологические топологии пути», стремясь связать две тенденции в истолковании метафоры – семантическую и прагматическую. Семантическая линия акцентирует внимание на феномене смыслообразования, полагая его главной особенностью метафоризации. Противоположная ее прагматическая тенденция характеризуется редукцией эффекта метафоризации к эстетической роли изящества текста, и принципиальной невозможностью создания нового смысла в рамках метафизических конструкций. Однако общим основанием и существенной содержательной чертой метафоры является ее богатый экзистенциально-психологический потенциал, одновременно суггестивный и лаконично-выразительный, благодаря которому метафора наделяет отвлеченные понятия «жизненным» содержанием и смыслом, эксплицируя индивидуально-личностное суждение о непосредственно воспринимаемой реальности.

В свойственной только ему манере М.К. Мамардашвили пишет о стиле в пятой «Лекции о Прусте»:

«...составные части души объединены уникальным акцентом, который проявляется независимо от различия сюжетов... Пруст будет называть это стилем» [8. С. 57]. И добавляет, что, с точки зрения Пруста, стиль есть такое состояние художника, когда, даже если он написал сотню книг, в реальности это будет одна книга, так как стиль – это «составные части души, которые проявляются в сознательных намерениях», а именно в стиле «проявляется композиция души» [8. С. 57], это «реальный осадок» на пороге фраз. Таким образом, М.К. Мамардашвили, по сути, стремится воплотить и свой стиль. Для мыслителя стиль – это и есть уникальный акцент в композиции души, в случае философа – «эстетизно-патематический».

Подводя итог, важно отметить, что XX в. предлагал использование самых разных, в том числе внерациональных инструментов для экспликации философских смыслов. Стиль мышления, артикулируемый М.К. Мамардашвили, не только актуализирует очень важную пафосную экзистенциально-эстетическую составляющую мышления, но и синтезирует предшествующий опыт, органично включая в себя элемент фиксации и удержания «изображаемой предметности» при собирании в единое целое, соблюдая порядок формирования выразительности, выявляя «самобытные глубины человеческого субъекта». Стиль мышления М.К. Мамардашвили фактически соединяет упомянутый А.Ф. Лосевым логический и образно-эмоциональный стили речи – придавая мыслительному процессу целостность, единство внутренней формы и соединяя процесс и результат в единое и неделимое целое. Артикулируемый стиль мышления постулирует не отчуждаемость содержания от формы, т.е. специфичность языка напрямую зависит от смысла, той идеи, которая должна быть воплощена. Таким образом, М.К. Мамардашвили не замыкает стиль философского мышления только эстетической остенсивной функцией, но и бесконечно актуализирует феномен смыслопорождения, обращенный к внутреннему, жизненному опыту человека. М.К. Мамардашвили сознательно устанавливает свободное экзистенциально-герменевтическое поле для рефлексии и мыслительного эксперимента, объединяя сенсорный и когнитивный опыт человека, одинаково дистанцированный как от универсализма, так и от партикулярного консерватизма.

Стиль эстетизно-патематический.

Понятие эстетиза и патематики в философии М.К. Мамардашвили

При рассмотрении проблемы особенностей стиля философствования возникает необходимость обозначить «стиль мышления», как «рефлексивно-репрезентативный код», как общую «парадигму понимания», собирающую философию конкретного мыслителя воедино, помогающую образовать целостный (но не единственный) подход к интерпретации философствования и содержащую изначально нередуцируемый к чисто логическому аксиологический и экзистенциально-эвристический потенциал философии. Рацио-

нальное артикулирование данного специфически внерационального плана возможно, если учесть, что уровень артикуляции в эвристически движущейся рекуррентно-ампликативной философской мысли всегда достаточно высок. Собственный оригинальный стиль мышления М.К. Мамардашвили, имплицитно восходящий к исконному смыслу осознания, следует именовать в своем основополагающем философском значении не просто ампликативно-рекуррентным (это начальная ступень понимания), но эстетизно-патематическим, вбирающим в себя весь гуманистический потенциал мысли.

Стиль мышления философа ориентирован на восстановление первичных условий мысли, а его выразительные фигуры актуализируют единство именования и ощущения – эстетиз, в котором осуществляется эстетика и семиотика гаптики – опыт живого пространства телесности, опыт осязательный, тактильный, вещественный. М.К. Мамардашвили сознательно акцентирует внимание на телесно-чувственной модальности мышления: «мы понимаем только такой мир, в котором можем физически совершить акт, называемый *эстетизмом*», «мы *эстетизно* включены в этот мир и... теоретически о нем выдумываем» [10. С. 241]. Именно в рамках телесности и пространственности анализирует мыслитель и существование познающего субъекта: «если нет... тела, ничего не будет происходить и структурироваться, в том числе запоминаться и кумулироваться» [10. С. 100], и «если мы определились в мире, то мы определились в нем эстетизно» [10. С. 184]. Таким образом, М.К. Мамардашвили создает собственный стиль философствования, в котором акт понимания мира изначально сопровождается телесной вовлеченностью в процесс, и подобная «эстетизная» артикуляция мысли помогает эксплицировать не только познавательный процесс как таковой, но и экзистенциальные глубины мыслящего субъекта. Дело в том, что никакая понятийная структура не возникает исключительно на базе «чистых» пережитых эмоций, так же как и пережитая эмоция не порождает «чистых» понятийных структур. Необходим «эстетизный» момент для фиксации переживаний, который определяет действительность и одновременно является системным средством для переопределения концепта или изменения области его применимости, открывая одни стороны и скрывая другие. «Акт, каким мы определяемся в мире, эстетизсен... Эта определенность не дается (только) чувственностью... не дается (только) понятием» [10. С. 207].

Эстетиз для М.К. Мамардашвили не является простым пассивным восприятием мира или только средством его воспроизведения, он одновременно динамичен и созерцательно-рефлексивен. Чувственные данные, фиксируемые в эстетизе, приобретают в интерпретации философа любопытное звучание: эстетиз – это «уяснение» в наглядной и ясной форме «глубин духа», но не простая иллюстрация и дескрипция познавательного процесса. Эстетиз конкретизирует «бесформенный поток» непосредственного опыта и соединяет внешнее начало с внутренним, обладая к тому же

«бесконечно обновляемым познавательным эффектом», и это при том, что «эстезис не нуждается в дополнительном понимании, потому что он сам есть познавательное условие» [10. С. 265]. Таким образом, эстезис – это механизм, собирающий сознание субъекта в единую обладающую различными правилами и законами реальность, но при этом эстезис понимается не только как познавательный акт, не только как «точка рефлексии», обращенная к миру, или сугубо духовный интеллектуальный акт, но и «топос» (А.А. Грякалов) – состояние которое указывает на границы условия этого осмысления.

Эстезис в метафизическом смысле – это предел того, что человек может понимать, мера нравственных и логических абстракций, исходная «точка рефлексии», в которой нет ничего готового, а только воспроизводимое заново. Эстезис следует понимать как перманентно актуальное усилие по «собираанию самого себя», как «точку свершения» (А.А. Грякалов) себя и «события мысли». Это не просто первичный акт фиксации мысли в своей непосредственности, который лучше всего реализуется в практике искусства, но это всегда «участное» и «причастное мышление», «личное» знание, в котором артикуляционные фигуры ориентированы на стратегический ресурс для самоосмысления. Человек «эстезисен» именно во всей полноте телесно-чувственных интенций и рефлексии эстетического опыта, «эстезисен» как пафос, который в человеческом существе не случаен (при случайности существования человека), так как именно он вызывает определенный тип чувствования, распространенного в культурном пространстве, и поэтому артикуляция данного пафоса тоже телесно-чувственный (эстезисный) акт. Иными словами, М.К. Мамардашвили в своем «стиле философствования» генерирует те мыслительные приемы, которые не есть фигуры европейской традиции рациональности, но философу важно именно данное осознание чувственного в статусе мыслительных фигур.

Существенную роль в осознании структуры чувствования играет понятие, введенное М.К. Мамардашвили в «Лекциях о Прусте», – «патематика» [8. С. 114]. Философ сосредотачивает свое внимание на «пафосном характере» существования человека, и центральной проблемой его философствования оказывается уже не проблема познания или самопознания, а проблема генерализации или унификации чувственного начала человека. Патематика становится тем системообразующим средством, в котором выявляется возможность концептуализации множества нюансов «широкой гаммы эмоциональных переживаний, оттенков, запахов» при «разветвлении рядов значений и контекстов обыденного языка» [8. С. 122–123]. Философ отмечает, что «мы никогда в рамках одного логически гомогенного исследования не выйдем к месту, где что-то кем-то мыслится, видится, помнится, воображается, узнается, эмоционально переживается, мотивируется» [9. С. 79], так как эстезисно-патематическое существование – это всегда процесс, в котором пребывает человек константный по своей природе, но обладающий беспредельной многозначностью «Я».

Термин «патематика» номинально определяется мыслителем как «учение о человеческих страстях», «страстных бегах» [8. С. 116] человека, «учение о пафосах», которые допустимо разъяснить по аналогии с математикой. «Патематика» представляет собой опыт наших собственных размышлений, переживаний, испытаний, «мистику как состояние человека» [8. С. 120], это концентрированный сплав идеи, страсти, чувств, страданий и претерпеваний. Данный термин образован и двух греческих корней: первый корень – «патос» или «пафос» – «претерпевание», «осуществление драмы человеческого бытия» [12. С. 180], где мыслимое и чувственное нераздельно слиты, а сами страсти многообразны и глубоки, всеобщи и индивидуальны одновременно; второй корень – «матема» в его, по сути, исконном аристотелевском значении, как внутренняя упорядоченность и оформление знания.

Именно патематика в состоянии обосновать ценность эмоционально-волевого начала в человеке и целостность подхода к мыслительному акту. М.К. Мамардашвили не столько свидетельствует о том, что экзистенциальность есть имманентное свойство мышления, сколько стремится раскрыть смысл «пространственно-временной определенности» сознания. Его интересует «внутренняя познавательная хроногеометрия» [8. С. 143], скрытый, более глубокий слой человеческой личности, где «абстрактная точка здесь и теперь... охватывает весь мир, все его явления» [8. С. 172], «рефлексивное пространство наблюдателя... вмещающее все явления в одной перспективе». Именно в данной парадигме М.К. Мамардашвили строит собственную «топологию» человеческого пути в рамках патематики как «стратегию смыслогенеза жизни» (А.А. Грякалов), где «смыслы не суммируются» в многогранном человеческом опыте, но каждый раз вновь порождаются субъектом, и где мысль не есть исчисление...» [10. С. 11], так как «мысль не рождается механически», а пробуждается из душевного потрясения. Для М.К. Мамардашвили важно создать особую технику понимания человеком мира и самого себя, через экзистенциально-драматический накал, и именно определенный стиль философствования должен помочь человеку обрести подобную практику понимания. Традиционные способы философствования слишком «костны» для подобного маневрирования мысли, ведь в своей основе философия противится окончательной формализации, она «ощутимо» аксиологична и экзистенциальна, поэтому только комплексный, перцептивно-рациональный подход в состоянии эксплицировать личностные глубины человека.

В «Лекциях о Прусте» М.К. Мамардашвили, по собственному утверждению, создает «геометрию духа», выстроенную по определенным абсолютным и непреложным законам. Философ стремится не просто к «наукообразности», но именно к объективной научности, к качеству «строгой науки» применительно к области чувственно-волевых интенций человека. Патематика как «геометрия духа» предполагает безусловные начала и принципы, которые фундируют экзистенциалы и предполагают «построение какой-то структуры, внутри которой... фонтанирует жизнь» [8. С. 62].

Описать человеческие «пафосы» в форме строгих фундаментальных законов и есть основная задача мыслителя. Пафос как особо ценный опыт человека не должен быть утрачен в текучем и изменчивом континууме эмоциональности, но осознан и структурирован при сохранении «живой ткани» неповторимости бытийственного события.

Своеобразие рассуждений и, соответственно, применяемого стиля мышления М.К. Мамардашвили состоит в том, что философия, дабы сохранить невыхолощенный, живой опыт человеческого существования, не может опираться только на точные понятия и строгие дефиниции, а должна задействовать все возможные способы артикуляции смысла, в том числе данные в интуитивной форме. В сознании человека «есть законы, которые не соответствуют законам нашего рассудочного воображения» [8. С. 67], это «состояние экзальтации» и «жизненного ощущения» [8. С. 109]. «Это чисто духовные, а не психологические понятия... стрекжевые явления для психологических процессов» [8. С. 81], некие модусы, которые даны человеку и «оживляются» самим человеком. Таким образом, в рамках собственного стиля философствования мыслитель актуализирует не просто эмоции и пафосы, но стремится выстроить те правильные и классически точные магистральные линии эстетического праксиса, которые «соберут» человека воедино, «скоординируют» его многообразное и поливариантное существование.

Патематика, основанная на эстезисе как уникальном состоянии человека не спекулятивный акт, не умственный, а скорее ментальный. М.К. Мамардашвили полагает, что человек все и всегда «делает страстно», в том смысле что само сознание человека является страстью, а «страсть является пониманием». Патематика, генерируемая мыслителем, вбирает в себя не только «научную объективность» и строгость исходных принципов, в кантианском варианте категорического императива, но и незавершенность и отсутствие статичности ума, являя духовное усилие человека и весьма сложную специфическую процедуру редукции: отрицания привычного, стандартного, типового и заимствованного. В рамках уникальной и свободной рефлексии, неповторимо эмоционально окрашенной, патематика рождается как самобытная мыслительная практика индивида, направленная на творчески-рефлексивное добывание истины и процесс поиска ее аутентичной артикуляции. Эстезис и патематика настолько органично и естественно сливаются в стиле мышления философа, что образуют единый патематико-эстезисный акт понимания мира и самого себя, где драма мысли, как и драма существования, уникальна и имеет только свойственную ей артикуляцию.

Данное «эстезисно-патематическое» существование человека – это поле особого философского интереса мыслителя, понимаемое как ежеминутное и даже ежесекундное духовное «усилие» жить, это тонически напряженное, переводящее «объективное» знание о мире в «личное знание», в событие собственной жизни, в «незаместимый и невыводимый» факт узнавания. Описанное М.К. Мамардашвили состояние требует и

особого способа артикуляции мысли – «эстезисно-патематического стиля философствования» как оригинального, незаурядного и необычного, то есть не типового и не шаблонного, не стандартного и не рядового. «Эстезисно-патематический стиль философствования» изначально противостоит трафаретности начальных установок, апеллирует к самобытному творческому осмыслению бытия, так как «необходимо медленное продумывание достаточно сложных философских реалий на языке собственной мысли» [13. С. 8], благодаря чему любое философское исследование обретает неповторимый личностный оттенок, так как в своей основе изначально содержит экзистенциальный опыт конкретного человека – и автора и реципиента.

Резюмируя, следует отметить, что внерациональные модусы мысли, такие как эстезис и патематика, были своего рода изгоями духа рационалистической эпохи, имеющими «маргинальный статус в парадигме классической рациональности» (И.А. Кребель), т.е. не считались классическими рациональными мыслительными феноменами, но именно данные модусы мысли стали «системообразующими», субстанциональными в стиле философствования М.К. Мамардашвили, позволили создать целостную мыслительную конструкцию его философии.

Заключение

Стиль философствования М.К. Мамардашвили – это оригинальный мыслительный «бытийно-личностный» эксперимент, требующий такой актуальной формы артикуляции, которая максимально насыщена и глубоко воплотила бы интеллектуальные взгляды автора, стала той выразительной фигурой мысли, которая наиболее полно воспроизвела духовные идеи мыслителя о мире, о человеке и самом себе. В процессе прояснения «особенностей стиля философствования» рождается необходимость обоснования эвристической ценности стиля как единственно возможной формы воплощения идеи с сохранением эмоционально-экспрессивного эффекта и экзистенциально-психологического тона мышления.

В случае с оригинальным стилем философствования М.К. Мамардашвили его особенность состоит даже не в начальном тяготении мыслителя к «речевой форме изложения», а в принципиальной, совершаемой самостоятельно, «извлекаемости мысли». Философ констатирует, что «мы имеем дело со значениями, которых нет, если их не извлечь», «содержание их неотделимо от извлечения» [10. С. 206]. «Извлекаемость» смысла толкуется мыслителем как естественное самосознание индивида, его самостоятельная созидательная деятельность, осуществляемая не только посредством логического мыслительного аппарата, но и благодаря активизации имажитивных и эмотивных резервов сознания, рассчитанных суггестивных приемов, где деятельность субъекта не является чем-то внешним по отношению ко всеобщему содержанию жизни, а сливается с этим содержанием, становясь единым жизнеутверждающим актом. Важен всякий сознательный опыт проживания события мира, в основе которого лежит не формальное совершенство субъективной

техники, а объективное отношение к истине, независимой от нашего произвола.

Исходные установки философствования М.К. Мамардашвили состоят в том, что философия не свертывается только отстраненным абстрактным языком понятий и категориальных схем, находящихся в четкой логической последовательности по отношению друг к другу. Будучи аксиологическим и экзистенциальным явлением, мыслительный процесс, не локализуется в рамках концептуальных построений любой сложности, ускользая от формализованной кодификации и логической детерминации. Абстрактно-анонимный язык и традиционные для философской рефлексии модусы не в состоянии вскрыть новые эвристические возможности осмысления мира и специфики человеческого существования. Поэтому философ решается на создание собственного акта рефлексивного «проговаривания» истин – особый способ бытийствования мыслящего существа, где истина несообщаема как раз и навсегда как целостность и ценность, а воспроизводит рефлексирующим сознанием самостоятельно.

Специфичность подобного «эстетизно-патематического стиля философствования», как «литературно-экзистенциального прецедента» состоит в том, что язык «проговоренной истины» изначально вариативен, как и сама возможность понимания. М.К. Мамардашвили делает эстетизм и патематику приоритетными формами мыслительной артикуляции ввиду того, что именно эстетизм как основание познавательной-понимательной техники и патематика как духовная категориально-целостная структура чувственного в состоянии внутренне упорядочить и выразить вонне весь потенциал мыслительного бытийноличностного процесса.

Эстетизм – это не только точка отсчета начала мышления, не только телесно-пространственный, эстетический топос мысли, но содержащий в себе рекуррентный (возвратный) импульс восхождения к самому Я. Патематика присуща данному стилю мышления, не просто в силу своего аффективного, патетического начала, а в силу того, что только данная «структура чувственного», в которой изначально «пульсирует жизнь», выражает с необходимостью аксиологический потенциал человеческой личности. Надо думать, что именно соотносительность с эстетическим выражением смысла, которое присутствует в феномене «патематики» и которое по своей сути не может претендовать на статус нормативных категорий мысли, способно сделать смысловое пространство философии «всепонимающе гибким». М.К. Мамардашвили в работе «Эстетика мышления» писал: «...пафосы или страсти нельзя разбить никакими аргументами и доказательствами по той простой причине, что они (изначально) аккомодировали всю рациональную работу мысли, ее идеологический элемент» [14. С. 61]. Акт понимания всегда происходит «из опыта собственной жизни», в том числе и эмоционального – опыта пафосов и страстей. Иными словами, пафос отношения (к миру, к жизни и самому себе), исконно включенный в жизненное пространство человека, принципиально неустрашим из понятия человеческого существования, а значит, и понимания.

«Эстетизно-патематическое» в философии М.К. Мамардашвили – это взаимодополнительное складывание мысли в очень сложное единое эстетическое образование, являющееся еще и способом манифестации смысла. Только благодаря «эстетизно-патематическому стилю мышления» возможно выстроить иерархию ценностно-постигающих линий и мотивов осознания, только через данный свойственный этой культуре и этой философии способ артикуляции возможно осознать всю «драму сингулярности человека» [15. С. 40]. Причудливое сплетение различных философских школ, теоретических источников и методологических установок получает у М.К. Мамардашвили отражение в виде особого стиля философствования, не являясь при этом простой компиляцией чужого опыта, но выстраданным философским поиском мыслителя.

Исходным концептуальным основанием «стиля мышления» М.К. Мамардашвили следует назвать принцип диалектического единства уникального и универсального, индивидуального и социального, проявленного в феноменальной природе прямого речевого (говорения) дискурса как концепта. Этот синтез позволяет выявить творческий потенциал событийной и экзистенциальной жизни людей, отправляющихся на поиски смысла и создание своей собственной истории, обнаруживает новые интерпретационно-смысловые грани дискурсивной проявленности человеческого Я. М.К. Мамардашвили разработал целостную философско-антропологическую, эстетико-экзистенциальную концепцию дискурса, такой способ изложения материала рефлексии, в котором наряду с ярко выраженным философским нарративом присутствуют специфические аккомодационные линии – экзистенциальная транслисториальность и самоактуализация присутствия человека в истории.

Философ апеллирует к новым граням речевой деятельности человека, к акту проговаривания легитимных экзистенциально-интеллектуальных сценариев, преодолевающих ситуацию конфликта гетерогенных философских ориентаций. Основными принципами подобной артикуляции являются процессуальность и ответственное, активное действие, творческая открытость и субъективная свобода, развитие и становление мысли, где оказывается возможным осмысленное структурирование человеком самого себя и возврат к самотождественности. Вместе с тем смысловое своеобразие всегда ускользает от адекватной концептуальной рецепции, поэтому эстетизирующий потенциал философской мысли М.К. Мамардашвили рассчитан на идентификацию смысла как такового и на способ прояснения ситуации вариантности смыслообразования.

В композиционном единстве стиля философствования М.К. Мамардашвили точки схождения и узлы переплетения мотивационных линий вызывают у адепта такой мыслительной практики ощущение амплификации энергии мысли, активирующее и удерживающее понимание как начальное состояние предельного тонического напряжения сознания, отсылающего к конкретике драматической событийности. Эстетизм имплицитно сопровождает логос и сообщает последнему не только свободу выбора логических констант, но и уникальную равномерность и ритмичность, при

этом канализируя мысль, так как в эстетически размеренном мышлении присутствует свобода для самого эстетического опыта мысли и он с присущими ему поворотами и разветвлениями (возможностью вариативности) способен эксплицировать всю полноту идеи. Патематика – это сфера эстетического освоения мира, в которой сходятся в единое целое самостоятельные ценностно-значимые формы жизни и мышления человека, а сама мысль движется от конкретно-чувственного содержания уникальных переживаний пафоса к объективным, онтологическим, инвариантным формам

пафосов для всех конкретных и бесконечно разнообразных проявлений человека. Тем самым, М.К. Мамардашвили в «эстетическо-патематическом стиле философствования» актуализировал эстетический режим рефлексии, уже существовавший в мыслительной традиции прошлого, с необходимостью постулируя то, что эстетика мысли как феномен «личного участия» значительно расширяет тематическое пространство философии, позволяет семантическую материю раскрывать не линейно, но объемно, сообщая немалую перспективу мышлению.

Список источников

1. Гумбольдт В. О мышлении и речи // Избранные труды по языкознанию. М., 1984. С. 301–302.
2. Кребель И.А. Эстетический статус мысли в культуре русского модерна : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб., 2012. 38 с.
3. Лосев А.Ф. Учение о стиле / общ. ред. и сост. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи ; вступ. ст. К.В. Зенкина. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019. 456 с.
4. Шиллер Фр. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 6. М. ; Л., 1950.
5. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути: М. Пруст «В поисках утраченного времени». СПб. : Изд-во Рус. христианского гуманитар. ин-та, 1997. 473 с.
6. Эрн В.Ф. Сочинения. М. : Правда, 1991. 576 с.
7. Конгенитальность мысли. О философе Мерабе Мамардашвили / ред.-сост. В.А. Кругликов. М. : Прогресс-Культура, 1994. 240 с.
8. Мамардашвили М.К. Лекции о Прусте: психологическая топология пути. М. : AD MARGINEM, 1995. 547 с.
9. Мамардашвили М.К. Очерки современной европейской философии. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 584 с.
10. Мамардашвили М.К. Стрела познания. Набросок естественноисторической гносеологии. М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. 298 с.
11. Мамардашвили М.К. Кантовские вариации. М. : Аграф, 2002. 320 с.
12. Мамардашвили М.К. Необходимость себя. Лекции. Статьи. Философские заметки. М. : Лабиринт, 1996. 207 с.
13. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М. : Прогресс-Культура, 1992. 410 с.
14. Мамардашвили М.К. Эстетика мышления. М. : Моск. школа полит. исследований, 2000. 205 с.
15. Нугманов Р.Г. Философия страстей (или искусства) // Вестник КазГУКИ. 2013. № 2. С. 36–42.

References

1. von Humboldt, W. (1984) *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu* [Selected Works on Linguistics]. Translated from German. Moscow: Progress. pp. 301–302.
2. Krebel', I.A. (2012) *Esteticheskiy status mysli v kul'ture russkogo moderna* [Aesthetic status of thought in the culture of Russian modernism]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Saint Petersburg.
3. Losev, A.F. (2019) *Uchenie o stile* [The Doctrine of Style]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
4. Schiller, F. (1950) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Translated from German. Vol. 6. Moscow; Leningrad: Academia; Goslitizdat.
5. Mamardashvili, M.K. (1997) *Psikhologicheskaya topologiya puti: M. Prust "V poiskakh utrachennogo vremeni"* [Psychological Topology of the Path: M. Proust In Search of Lost Time]. Saint Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute.
6. Ern, V.F. (1991) *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda.
7. Kругликов, V.A. (ed.) (1994) *Kongenial'nost' mysli. O filozofe Merabe Mamardashvili* [Congeniality of Thought. About the philosopher Merab Mamardashvili]. Moscow: Progress-Kul'tura.
8. Mamardashvili, M.K. (1995) *Lektsii o Pruste: psikhologicheskaya topologiya puti* [Lectures on Proust: Psychological topology of the path]. Moscow: AD MARGINEM.
9. Mamardashvili, M.K. (2010) *Ocherki sovremennoy evropeyskoy filosofii* [Essays on Modern European philosophy]. Moscow: Progress-Traditsiya.
10. Mamardashvili, M.K. (1996) *Strela poznaniya. Nabrosok estestvennoistoricheskoy gnoseologii* [Arrow of Knowledge. Sketch of natural historical epistemology]. Moscow: Shkola "Yazyki russkoy kul'tury".
11. Mamardashvili, M.K. (2002) *Kantianskie variatsii* [Kantian Variations]. Moscow: Agraf.
12. Mamardashvili, M.K. (1996) *Neobkhodimost' sebya. Lektsii. Stat'i. Filosofskie zametki* [Necessity of Self. Lectures. Articles. Philosophical notes]. Moscow: Labirint.
13. Mamardashvili, M.K. (1992) *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I Understand Philosophy]. Moscow: Progress-Kul'tura.
14. Mamardashvili, M.K. (2000) *Estetika myshleniya* [Aesthetics of Thinking]. Moscow: Mosk. shkola polit. issledovaniy.
15. Nugmanov, R.G. (2013) *Filosofiya strastey (ili iskusstva)* [Philosophy of passions (or art)]. *Vestnik KazGUki*. 2. pp. 36–42.

Информация об авторе:

Петрык Я.Ю. – канд. филос. наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета (Краснодар, Россия). E-mail: E-mail: p_yanina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Ya.Yu. Petryk, Cand. Sci. (Philosophy), associate professor, Kuban State University (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: p_yanina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.11.2021;
одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 03.11.2021;
approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Научная статья
УДК 1.159.9
doi: 10.17223/15617793/496/13

Проблемы и противоречия цифровой трансформации личности в контексте современной действительности

Илья Михайлович Шмелев¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, shmelevim@mail.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемы и противоречия, которые возникают в научном дискурсе, посвященном влиянию цифровой трансформации личности в современном обществе. Обоснована актуальность концептуальных исследований, ориентированных на личностный аспект в условиях быстро развивающейся цифровой среды. Основной целью является изучение особенностей преобразования личности в контексте информационного общества, где цифровизация играет ключевую роль. Ставится задача разработки научного мировоззрения, которое бы учитывало личность как неотъемлемую часть объективной реальности, вместо того чтобы противопоставлять ее этой реальности. Обращается внимание на сложности и вызовы, связанные с процессом цифровой трансформации личности.

Ключевые слова: дискурс, личность, человек, цифровизация, трансформация, цифровое пространство, цифровая культура, противоречия

Для цитирования: Шмелев И.М. Проблемы и противоречия цифровой трансформации личности в контексте современной действительности // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 115–124. doi: 10.17223/15617793/496/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/13

Problems and contradictions of the digital transformation of the individual in the context of modern reality

Ilya M. Shmelev¹

¹ *HSE University, Moscow, Russian Federation, shmelevim@mail.ru*

Abstract. In modern realities, the study of the peculiarities of personal development in the context of the information society is an urgent task of modern science. The aim of this article is to identify problems and contradictions of the digital transformation of personality in the context of modern realities from a theoretical point of view. Literary sources indicate that the problem of personality and the individual has a genesis, which has long entered into the history of philosophy, establishing the notion that the phenomenon of personality is a fact of historical formation of culture. At present, the philosophical Pythagoreanism has received a new axiological interpretation – digitalization becomes a social phenomenon. Dynamism and multi-vector digital transformation in the conditions of epochal and basic innovations, transforming society in the 21st century, dictate methodologically relevant digital settings and guidelines for typological cognition of personality based on the integrity of “man–culture–society–nature–cosmos”. In this context, it is legitimate to talk about the formation of a new scientific picture of the world in the framework of the modern scientific worldview, in which one of the fundamental components is the personality, which is not opposed to objective reality, but is understood as part of this reality. Sociocultural conditions determine the process of forming a new type of personality, whose status is indicated, among other things, by the high level of digital culture. In turn, digital technologies create a social environment or “digital reality” in which the material, spiritual, moral and philosophical foundations of existence are transformed, and a personalized personality type is formed. This type begins to interact with the world and organize their social space in a new way: material (the use of digital gadgets, devices), symbolic (the use of digital programming systems), institutional (digital activities of social institutions), mental-spiritual (the use of digital devices), and spiritual. However, the permanent immersion of the individual in virtual space seriously transforms the structure of personal identity, forming a digital self-identification of the individual, far from “classical” forms (political, national-cultural, gender, religious, civil, etc.). The digital self-identification of a person reflects the experience of being in the new information reality, the awareness of oneself as a part of the real world and the virtual world. People begin to feel their own success. Cultural globalization is taking place – the exchange of ideas, meanings, passions and values around the world in a way that expands, intensifies and strengthens social relations. Overall, it is the field of sociocultural context in which the individual develops. The facts presented in the article emphasize the relevance and significance of the study of personality through the prism of conceptual discourses. The phenomenological approach combined with the information paradigm of modern science was the methodological basis for analyzing the specifics of personality in the digital reality.

Keywords: discourse, personality, person, digitalization, transformation, digital space, digital culture, contradictions

For citation: Shmelev, I.M. (2023) Problems and contradictions of the digital transformation of the individual in the context of modern reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 115–124. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/13

Введение

Современная реальность XXI в. отражает глубокие трансформации в системе общественной жизни, обусловленные информационным путем развития, что в результате привело к началу цифровой революции. Такая трансформация оказала существенное воздействие на все сферы человеческого бытия – от повседневной рутины до образа мышления. Информационный путь развития, с внедрением цифровых технологий и виртуальных сред, не только поверхностно изменил окружающий мир, но и вызвал глубокие метаморфозы в культуре, образе жизни, взаимодействии и даже мировоззрении индивида. Новая среда создала основу для формирования новых социальных, научных и экономических парадигм развития, что привело к изменению личности человека и ее адаптации к инновационному и информационному обществу.

В свете этих перемен особую значимость приобретает новая социально-научная парадигма, которая не только анализирует текущие процессы, но и определяет будущее развитие, признавая воздействие цифровой трансформации на общество, уделяя особое внимание личности, рассматривая ее как неотъемлемую часть изменяющегося окружающего мира. Такой личности необходимо чувство новизны, прогностическая направленность на будущее, у нее другие личностные и профессиональные компетенции, иная система ценностей, иная культура, тип мировоззрения, роль которых возрастает как в кризис, так и в состоянии переходного периода общества, связанного с тотальной цифровизацией общества в целом и личности в частности [1]. В связи с этим одной из главных задач становится поиск баланса между цифровой средой и личностным развитием, чтобы обеспечить гармоничное соответствие между инновационными технологиями и ценностями, потребностями и потенциалом каждой личности.

Актуализация вопроса разработки методологической модели психологических механизмов реализации личностью своего потенциала творчества, самопознания, счастья, общения с природой и культурой, а не просто деловых коммуникаций, на основе которых происходит поиск и формирование новой цивилизации как условия сохранения и безопасного развития человечества, приводит к принципиально иной возможности совершенствования, а не просто трансформации бытия субъекта [2].

Современные вызовы и угрозы цивилизации в значительной степени связаны с проблемами виртуального пространства, Интернета вещей и цифровизации общества. С одной стороны, технологические достижения играют важную роль в современной действительности, с другой – также представляют собой сложные вызовы для общества. Рост объема цифровых данных и информации, а также их быстрая транснациональная передача сформировали новую форму глобализации – цифровую [3]. В этом контексте цифровые

технологии и информационно-коммуникационная инфраструктура стали ключевыми факторами устойчивого роста и расширения экономических, финансовых и социальных связей между странами. Цифровое пространство также становится основой для формирования цифровой культуры. Важное значение приобретает самоопределение и самоидентификация личности. Человек сталкивается с новыми возможностями и рисками в меняющейся социотехнологической среде.

Стимулирующим фактором столь бурного развития научного интереса к личностно ориентированным исследованиям различных направлений развития общества и культуры, по-видимому, является забота о сохранении личностных аспектов развития человека, его индивидуальных возможностей личностного роста, исторически сформировавшихся стихийно, закрепляясь в традициях, обычаях, обрядах, но не фиксируясь через призму концептуальных дискурсов, а потому не попадающих в поле научного зрения. В современных реалиях изучение специфики развития личности в условиях цифрового общества является актуальной задачей современного научного знания.

Все это формирует потребность в теоретическом осмыслении происходящих изменений личности человека перед лицом возможностей и рисков меняющейся социотехнологической среды. Важно осмыслить возникающие проблемы и противоречия цифровой трансформации личности в контексте современной действительности.

Личность сквозь призму концептуальных дискурсов

Без преувеличения можно утверждать, что историко-эволюционное изучение проблемы личности и человека было сформировано уже в античной философии в рамках дуалистической антропологии, обоснованной в философских воззрениях Платона, основой которых являлось отождествление духовной и материально-телесной сфер в личности человека как онтологически различных, каждая из которых имеет свой источник и эволюционное развитие. Впоследствии в антропологии Средневековья дуалистическая онтология была доведена до антагонизма тела и духа (философия Декарта), что создало экзистенциальную драму человеческой личности, но в то же время стало основой богатейшей средневековой духовной культуры.

В русле антропоцентризма философии эпохи Возрождения XIV–XVI вв. сложилась новая картина мира, в центре которой – Человек – высшая цель мироздания, в отличие от средневековой – теоцентрической (теос – Бог), и античной – космоцентрической философии. В этот период философские воззрения устремляются к отрицанию Божественного и в большей степени отождествляют пантеизм (бога, природу и человека), а само понятие «личность» как экзистенция олицетворяется с

творчеством (научным открытием, произведением искусства, техническим изобретением) [4].

С XVI в. антропология добавляет в систему личностных свойств человека аспект социальности. Человек рассматривается в единстве его физических, культурных и социальных аспектов. Трехединая основа антропологических воззрений Нового времени была склонна не столько постулировать единство личности в трех ее ипостасях, сколько рассматривать господствующими свойства как человекообразующие. В зависимости от доминирования той или иной сферы личности формировалась антропологическая модель «социального человека», доведенная до высшей точки в философии марксизма.

В XX в. развились новые философские парадигмы в антропологической научной мысли, оказавшие значительное влияние на представление о личности, основным акцентом которых выступает некая космическая сила («жизненный порыв»), суть которого состоит в непрерывном воспроизведении себя и творении в различных новых формах, главным образом на основе интеллектуального и духовного (в единстве «культуры» и «природы»). Идеи разума и гармонии нашли свое обоснование в «философии жизни» А. Бергсона и в последующем в концепции ноосферы Э. Ле Руа, Т. де Шардена, персонализме Э. Мунье, Ж. Лакруа, М. Недонсея, Дж. Ройса и др. Так, в частности, становление подлинной личности в концепции Э. Мунье – это реальность, совпадающая с движением человеческой истории в поисках цивилизованного образа жизни среди людей. Человек может состояться лишь через самовоспитание личности, которое возможно только через духовно-творческую деятельность (стремление к самовосполнению и общественному признанию; поиск истинного призвания в самоконцентрации медитативного типа; самопожертвование через отказ от жизни ради других) [5, 6].

Новый подход к пониманию личности был раскрыт с позиции интервальной методологии в трудах Ф.В. Лазарева, согласно которому «для понимания феномена личности человека необходимо обратиться к пониманию многомерной природы личности, к анализу тех духовных практик, на основе которых человек на протяжении тысячелетий производил человеческое в самом себе» [7. С. 45]. Личность – это понятие, которое отображает комплекс социально значимых качеств и навыков, позволяющих человеку эффективно взаимодействовать с обществом, создавать материальные и духовные ценности. Она формируется на протяжении долгих лет жизни, поэтому может казаться, что чем человек старше, тем сложнее спровоцировать изменения его поведенческих черт.

Заметим, что в психологическом знании утвердились научные представления о том, что человеческая личность формируется в процессе исторического становления культуры. Данный феномен был подчеркнут в концепции Л.С. Выготского, согласно которой, развитие и сущность личности всегда зависят от исторических условий и культурных факторов [8]. Историческая обусловленность формирования, развития и суще-

ствования личности в контексте культурных и социальных процессов также подчеркивалась рядом ученых (А.Г. Асмоловым, Д.А. Леонтьевым, Т.Д. Марцинковской, А.В. Петровским, А.Л. Журавлевым и др.). В культурно-историческом становлении человечества, по мнению А.Р. Лурии, Л.И. Божовича и М. Коула, взаимодействие с окружающей средой и адаптация к культурным и социальным контекстам играют существенную роль в формировании личности и ее отношения к миру [9]. Идеи этих ученых подтверждают, что личность не формируется в изоляции, а тесно связана с культурой, общественными нормами, ценностями и историческим контекстом. Такой подход позволяет глубже понять процессы формирования личности в современной цифровой эпохе, учитывая влияние культурных и исторических факторов на ее развитие и проявления.

На основе проведенного литературного обзора представляется возможным выделить классические психологические подходы к категории понятия «личность»:

- биогенетический подход к пониманию личности (З. Фрейд, Э. Геккель, И. Мюллер, Э. Эриксон и др.) уделяет особое внимание взаимодействию между биологическими факторами и генетическим наследием с развитием и формированием личности человека. Этот подход предполагает, что наши генетические предпосылки, биологические процессы и структуры организма оказывают влияние на различные аспекты личности, такие как характер, поведение, эмоции и т.д.;

- социогенетический подход к пониманию личности (Дж. Уотсон, Дж. Локк, Э. Газри, Б. Скиннер и др.) подчеркивает важность социального окружения и влияния внешних обстоятельств на формирование и развитие личности. Данный подход предполагает, что человек рождается с определенными биологическими предпосылками, но его личность, характер, поведение и восприятие мира формируются под воздействием социокультурных условий и опыта, через взаимодействие с окружающей средой;

- психогенетический подход к пониманию личности (К. Юнг, У. Штерн и др.) подчеркивает важность внутренних психологических процессов, таких как эмоции, влечения, и психологических механизмов в формировании и развитии личности. Подход признает влияние как биологических, так и социальных условий на личность, но сосредоточивается на психологических аспектах, которые могут влиять на поведение и решения индивида.

Научные принципы каждого из выделенных подходов к пониманию категории «личность» обобщенно сведены в таблице.

В действительности, в современном психологическом знании однозначного определения понятия «личность» нет, и интерпретируется оно по-разному в зависимости от теоретических и концептуальных подходов. К примеру, как объект и продукт социальных отношений, специфическая интеграция социальных ролей (Э. Дюркгейм, Ж. Пиаже, С.Л. Рубинштейн, К.К. Платонов, А.В. Петровский, И.С. Кон и др.) или как некая абсолютно самостоятельная и индивиду-

ально-неповторимая целостность, субъект труда, познания и общения (В. Джеймс, М. Хайдеггер,

К. Ясперс, Ж.П. Сартр, А. Маслоу, К. Роджерс, Б.Г. Ананьев) и др.

Принципы научных подходов к пониманию категории «личность»

Научный подход	Принципы
Биогенетический подход (З. Фрейд, Э. Геккель, И. Мюллер, Э. Эриксон и др.)	– Генетическое наследие: влияние генетических факторов на формирование характера и индивидуальных черт личности. – Эпигенетика: воздействие окружающей среды на экспрессию генов, т.е., хотя генетический код остается неизменным, окружающая среда и опыт могут влиять на то, какие гены активируются и какие выключаются. – Биологические процессы, такие как работа нервной системы, гормональные изменения и т.д., могут оказывать влияние на эмоции, поведение и восприятие мира. – Фазы развития: важность различных фаз развития личности, начиная от раннего детства до зрелости, и как биологические процессы в каждой из этих фаз могут оказывать влияние на формирование характера и поведения. – Взаимодействие биологии и среды: важность взаимодействия между биологическими факторами и внешней средой в формировании личности
Социокультурный подход (Дж. Уотсон, Дж. Локк, Э. Газри, Б. Скиннер и др.)	– Социальная среда: влияние общественных норм, ценностей, традиций и институтов на формирование личности. Окружающая социальная среда определяет, какие черты и поведенческие образцы считаются желаемыми или нежелательными в данном обществе. – Социокультурные факторы: влияние культурных и социальных факторов на личность включает в себя воспитание, образование, общение, медиа, религиозные и иные социокультурные воздействия. – Социальное обучение: личность воспринимается как результат обучения и взаимодействия с окружающими. Под влиянием социальных стимулов и наказаний человек формирует определенные привычки и поведенческие модели. – Социальное воздействие: как общественные нормы и ожидания могут влиять на принятие решений и выбор поведения. – Интеракция с другими: влияния социальной интеракции с другими людьми на формирование самой личности
Психогенетический подход (К. Юнг, У. Штерн и др.)	– Психологические механизмы: психологические процессы, такие как эмоции, мотивация, влечения, сознание и бессознательное, влияют на то, как индивид воспринимает мир и взаимодействует с ним. – Внутренние конфликты: внутренние противоречия и борьба между различными психологическими аспектами могут оказывать влияние на поведение. – Эмоции и влечения: эмоциональные реакции и внутренние мотивы могут определять, какие действия предпримет личность. – Индивидуальная психология: индивидуальные особенности личности, такие как характер, темперамент, интеллект и другие психологические характеристики. – Адаптация и самореализация: процесс адаптации личности к разным жизненным ситуациям и стремлению к самореализации и развитию потенциала

Источник: составлено автором.

Обобщая вышеизложенное, можно констатировать, что личность представляет собой сложную и многогранную конструкцию, включающую в себя биологические, психологические, социальные и культурные аспекты. Она формируется в результате взаимодействия множества факторов, и ее характер и проявления могут быть уникальными для каждого индивида и в современном аспекте «становится неотъемлемой частью аксиосферы и социокультурных ценностей» [10].

В свою очередь, отвлеченные от аксиологических ориентиров экофилософские аспекты означают, что в рамках формирования ценностных установок, связанных с экологией и философскими взглядами, может происходить удаление от традиционных ценностных ориентиров. Экологические и философские аспекты в данном контексте представляют собой новые области рассмотрения и включают ценности, связанные с окружающей средой, устойчивостью, глобальными проблемами и т.д.

В рамках экофилософских знаний формирование личности развивается посредством целостного раскрытия всех категорий (частей) ее психического мира как особой всеобщей формы бытия и жизнедеятельности и не ограничивается непосредственным проявлением отдельных элементов. Данные научные воззрения основаны на принципе «антропности» – одном из главенствующих принципов экофилософского течения, построенном на гуманитарном научном наследии

не только идей гештальтпсихологии (Дж. Гибсон), но и на психологических и философских гуманистических концепциях, обосновавших и возвышавших базовые ценности человека и культуры до уровня «высших норм реальности» (К. Роджерс, Р. Мэй, А. Маслоу, Г. Оллпорт, А. Швейцер, Т. Манн, А. Франс, П.Т. де Шарден и др. [11].

В отечественной науке теоретические вопросы экофилософии и культуры становления личности глубоко изучены в концепциях В.И. Вернадского, К.Е. Циолковского, Н.Н. Моисеева, раскрыты в работах Э.В. Барковой [12], С.А. Горохова [13]. В практическом аспекте эффективность экофилософских идей апробирована в школе экологической педагогики, в частности, активно развиваемой Ю.М. Гришаевой [14] и Л.В. Моисеевой [15].

В настоящее время в современном научном сообществе экоцентризм интерпретируется как альтернативный вектор развития антропоцентризма [16], предполагающий, с одной стороны, развитие личности человека на основе «оцифровки» всех форм его бытия, формирования новых информационно-технологических и инновационно ориентированных систем цифровой среды (однако стоит отметить, данные тенденции влекут к полному исчезновению человечества как в высшей степени проводника гармонизации природы, культуры и социума); с другой стороны, переосмысление человеком своей миссии через антропный принцип экофилософии, направленный на формирование мета-

пространства как онтологической совместимости природы и культуры человека, возрождение эгоцентризма на основе целостности «Человек-культура-общество-природа-космос» как базовой составляющей модели нового глобального развития бытия, что предполагает установление границ допустимых трансформаций личности и экспериментов с ней.

Цифровая трансформация личности: проблемы и противоречия

Новую аксиологическую интерпретацию в настоящее время получил философский пифагореизм, и по утверждению Т.Н. Анциферовой, «...процесс цифровизации идет революционными темпами, чем любые другие изменения и связан не только с внедрением технологических новшеств во все сферы общества, но и проявлением новой картины мира, формированием иных ценностных установок личности и мировоззренческих парадигм» [17. С. 164]. Цифровизация становится социальным явлением. По мнению ведущих специалистов в области киберпсихологии Г.У. Солдатовой и А.Е. Войскунского, «...цифровые трансформации являются одним из важнейших трендов “новой нормальности”, которые меняют нашу повседневность и картину мира» [18. С. 433]; «...дискурс “новой нормальности” направлен на переосмысление прошлого и утверждения в качестве стандарта настоящего» [19. С. 28].

Динамичность и многовекторность цифровой трансформации в условиях эпохальных и базисных инноваций, преобразующих общество в XXI в., диктуют методологически актуальные цифровые установки и ориентиры типологического познания личности на основе целостности «Человек-культура-общество-природа-космос». Исходной методологией данного познания выступают:

- идеи активной эволюции русских ученых-космистов (В.И. Вернадский, Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и др.);
- постулаты цивилизационного подхода, идеи личности культуры (Н.Я. Данилевский, П. Сорокин, А. Панарин, А. Тойнби, О. Шпенглер и др.);
- парадигмы теории социальной эволюции и общественных трансформаций эпохи капитализма (Д. Белл, З. Бжезинский, Т. Лукман, О. Тоффлер, Ю. Хабермас и др.);
- общетеоретические и методологические вопросы аксиологического познания социального бытия (Ф. Брентан, В. Виндельбанд, О. Дробницкий, М. Коган, И. Кант, С. Крымский, Ф. Ницше, Г. Риккерт, В. Сержантова и др.);
- философско-аксиологическое осмысление бытия ценностей в различных сферах общества (экономике, культуре, праве и управлении) (А. Бакурадзе, М. Бочаров, Н. Гартман, К. Горобец, Р. Лотце, и др.);
- социально-психологические трансформации сознания личности посредством манипулятивного управления в условиях информационного общества (И.И. Засурский, С.Г. Кара-Мурза, Г.С. Мельник, Дж. Най, Г.Г. Почепцов, М. Фуко и др.);

– дискурсивные практики культуры в период глобальных трансформаций (О.Л. Девятова, Н.А. Кочеляева, М.А. Мясникова, Ю.А. Степанчук и др.);

– концепция цифровой социализации личности (Г.У. Солдатов, Т.А. Нестик, С.В. Чигарькова, Е.И. Шлягина и др.).

Стремительная цифровизация как инвариант технологического развития все активнее ставит общество перед выбором эволюционных направлений, рисков и перспектив дальнейшего прогресса с учетом особенностей и сущностных характеристик современного периода развития научной мысли, интерпретируемым как постнеклассический в постмодернистской культуре, основанный на глобальном эволюционизме, синергии, развитии био- и нанотехнологий [20].

В связи со сложившимся интересом в научном обществе относительно исследуемой проблемы [21–25] целесообразно вести научный дискурс относительно становления нового научного мировоззрения, в контексте которого основополагающим компонентом является личность, не противопоставляющаяся объективной реальности, а понимаемая как часть этой реальности.

Цифровая среда породила существенную трансформацию социокультурного пространства в целом и условия социализации личности в частности [26]. С одной стороны, функционируя в цифровом пространстве, личность постоянно развивается, совершенствуя свои знания, навыки, компетенции, осваивая новые виды профессиональной деятельности, с другой стороны, социокультурные условия выдвигают на первый план человека креативного, способного творчески мыслить, критически оценивать поступающую информацию извне, готового к сотрудничеству в поиске новых решений, и т.д.

Таким образом, социокультурный аспект цифровой эпохи предопределяет новый социокультурный тип личности, на статус которого указывают в том числе и высокий уровень цифровой культуры (К. Гир, Дж. Коэн, П. Левинсон, Дж. Маккарти, П. Тейлор, Дж. Харрис, Э. Шмидт и др.), под которой понимается «система, включающая в себя различные социальные практики и артефакты, связанные с использованием цифровых технологий» [27]. При этом цифровые технологии создают такую социальную среду или «цифровую реальность», в которой трансформируются материальные, духовно-нравственные и философско-мировоззренческие основы бытия и формируется персонализированный тип личности, который по-новому начинает взаимодействовать с миром и организовывать свое социальное пространство: материальное (использование цифровых гаджетов, устройств), символическое (применение систем цифрового программирования), институциональное (цифровая деятельность социальных институтов), ментально-духовное (формирование специфических норм и ценностей цифровой среды) [28, 29].

Однако перманентное погружение личности в виртуальное пространство серьезно трансформирует структуру личностной идентичности человека (Дж. Марсия, Э. Эриксон, Л. Б. Шнайдер и др.) [30],

формируя цифровую самоидентификацию личности, далекую от «классических» форм (политической, национально-культурной, гендерной, религиозной, гражданской и т.п.) [31]. Иными словами, цифровая самоидентификация личности отражает опыт пребывания человека в новой информационной реальности, где он осознает себя как часть и реального мира, и мира виртуального. То есть человек в процессе поиска себя в цифровой среде не начинает все с нуля, а скорее, продолжает демонстрировать качества своей глубинной личности и своего реального существования.

Обобщение основных положений, раскрывающих понимание цифровой идентичности, ее природы, особенностей возникновения и функционирования, позволяет выделить следующие аспекты цифровой трансформации личности:

1. Цифровая идентичность как осознание через виртуальное пространство: цифровая идентичность представляет собой способ осознания себя человеком в современной информационной среде через создание и поддержание цифровых образов и взаимодействие в онлайн-мире.

2. Трансформация личности и структуры идентичности: постоянное взаимодействие с цифровым пространством трансформирует структуру личностной идентичности, создавая новую форму самоидентификации, далекую от традиционных форм (политической, национально-культурной и др.).

3. Соотношение с реальным и виртуальным мирами: цифровая идентичность отражает осознание себя частью как реального, так и виртуального миров, позволяя индивидууму выражать свои глубинные черты и качества в обоих пространствах.

4. Продолжение личностных аспектов: в поиске себя в цифровом пространстве человек продолжает выражать и демонстрировать качества, характерные для его глубинных личностных уровней и реального бытия.

5. Потребность в присутствии и активности: основой формирования цифровой идентичности служит потребность человека в постоянной активности и присутствии в цифровой информационной среде.

6. Динамичность и изменчивость: в отличие от других видов идентичности, цифровая идентичность характеризуется высокой динамикой и изменениями, обусловленными постоянным взаимодействием и коммуникацией в онлайн-сообществах.

Эти аспекты подчеркивают сложность и многогранность цифровой трансформации личности, а также ее влияние на способы самопонимания и взаимодействия в современном цифровом мире. Иными словами, цифровая идентичность возникает как следствие систематического взаимодействия и активности человека в цифровой среде информационного пространства [32, 33].

Данный феномен распространен среди представителей разных социальных и профессиональных групп, но особо выражен в современной молодежной среде. По мнению исследователей (У. Штрау, Н. Хоув, В.И. Пищик и др.), наибольшее влияние новейших цифровых технологий оказывается на молодежь в возрасте от 0 до 20 лет, которое относят к так называемому поколению Z [34]. Представителей данного поколения –

«зумеров» – с детства окружает множество цифровых технологий и умных гаджетов (телефон, планшет, компьютер, компьютерные игры), позволяющих комбинировать множество виртуальных реальностей [35].

В связи с растущим влиянием цифровых технологий на общество в научный дискурс введено понятие «цифровая социализация» (Digital space), которое все чаще коррелируется с понятием «информационная социализация» [36]. Все более усиливается убеждение, что исследования в области цифровой социализации должны опираться на методологию культурно-исторической теории Л.С. Выготского и историко-эволюционного подхода А.Г. Асмолова. С одной стороны, культурно-историческая теория Л.С. Выготского [37] подчеркивает важность социокультурного контекста в развитии человека, т.е. взаимодействие с цифровой средой, включая социальные медиа, онлайн-платформы и другие цифровые инструменты, оказывает непосредственное влияние на формирование психических процессов и социальных навыков. В свою очередь, историко-эволюционный подход А.Г. Асмолова [38] акцентирует внимание на изменениях в обществе и их влиянии на человека. В рамках «цифровой социализации» данные подходы позволяют анализировать, как изменения в цифровом пространстве влияют на процессы социализации, самопонимания и взаимодействия индивида с окружающим миром [39, 40].

Стоит отметить, что в современной реальности молодое поколение проявляет интенсивную цифровую активность, связанную не только с обучением, переносимым в онлайн-режим, но также с образом жизни в целом. Молодежь, подросшая в эпоху цифровых технологий, становится частью глобального цифрового пространства, где онлайн-взаимодействие, социальные сети, цифровые платформы и медиа становятся неотъемлемой частью их повседневной жизни. Они воспринимают традиционную культуру, ценности и мировоззрение через призму цифровых форм представления (клиповую культуру, экранную культуру, культуру компьютерных игр и т.д.). Все это создает условия для формирования уникальной цифровой идентичности, отражающей как индивидуальные особенности, так и образ жизни молодежи в целом.

Однако внутри такой цифровой реальности возникает особое цифровое пространство, которое можно рассматривать как искусственную автономную территорию, обладающую уникальными характеристиками времени и местоположения, т.е. «здесь и сейчас», и может включать в себя виртуальные миры, онлайн-платформы, социальные сети и другие цифровые среды, где пользователи взаимодействуют, обмениваются информацией и воспринимают мир в соответствии с его внутренними законами и правилами. Эти правила могут определять, как взаимодействовать с контентом, как создавать и модифицировать виртуальные объекты и как общаться с другими пользователями. Аналогичная идея применяется и в архитектуре компьютерных игр, где игровое пространство создается с определенными параметрами и правилами, определяющими игровую механику, возможности персонажей и условия успешного прохождения игры [41, 42]. Таким образом, цифровое пространство олицетворяет не только уникальную

область личностной редукции и регрессии, где человек может «обнулиться», но также представляет собой источник нового потенциала для его будущего личностного развития. Такое пространство, благодаря более широкому спектру возможностей по сравнению с реальным миром, способствует формированию совершенно новых аспектов личности, которые могли бы существовать только в виртуальной среде.

Также важно отметить, что цифровое пространство снижает психическую, социальную, моральную и экзистенциальную нагрузку на индивида. Процесс формирования «новой» личности в цифровой среде может иметь деструктивные последствия, что может привести к развитию негативных аспектов личности, которые искажают ее подлинную природу. Такие искажения могут возникать из-за анонимности, которую предоставляет цифровая среда, и возможности создания виртуальных образов, которые могут значительно отличаться от реальной личности [43]. Страх как чувство некой возможности неудачи или негативного исхода может сопровождать процесс изменения и адаптации к новой цифровой реальности. В контексте цифровой трансформации это может быть связано с опасениями относительно утраты привычных ролей, идентичности или конфликтов во взаимодействии с другими в виртуальной среде. Деэскалация страха включает в себя процессы психологической поддержки, образования и адаптации, которые помогают справиться с переживаниями и преодолеть страх перед неизвестным [44. С. 59]. В свою очередь, отчаяние как стремление избавиться от самого себя может быть результатом чувства бесперспективности, недовольства собой или сложностей, связанных с цифровой трансформацией. В цифровом пространстве, где существует возможность создания виртуальных образов и манипулирования своей цифровой идентичностью, возникает риск утраты истинной самости. Деэскалация отчаяния требует внимания к психологическому благополучию, поиска путей самопринятия и позитивной самооценки, а также развития навыков психоэмоциональной адаптации [45. С. 36].

Кроме того, цифровое пространство вносит существенные изменения в восприятие прошлого опыта и будущего развития личности. Оно снимает ценз прошлых неудач и ограничений реальной жизни, создавая новые возможности для самопроекции и самоопределения. При этом цифровое пространство имеет способность трансформировать потенциальное в реальное в ограниченном контексте. Это может происходить за счет создания виртуальных сред, где пользователи могут воплощать свои желания и фантазии. Однако важно понимать, что эта реализация ограничена рамками цифровой среды и может не иметь прямой социальной, моральной или экзистенциальной корреляции с реальным миром.

Таким образом, цифровая социализация, взаимодействие и адаптация в цифровой среде действительно может привести к формированию уникальной цифровой личности. При этом важно отметить, что цифровая личность может быть как результатом естественной эволю-

ции в контексте цифровой трансформации, так и результатом осознанного создания виртуального «Я», содержащей элементы не только личной идентичности, но и черты виртуализации, которые варьируются в зависимости от контекста и целей пользователей [46].

В конечном итоге формирование цифровой личности – это динамичный и сложный процесс, который требует осмысленности, самоанализа и готовности адаптироваться, сохраняя при этом свою индивидуальность и ценности. К ключевым аспектам сформированности цифровой личности можно отнести:

- самоосознание: понимание себя как личности, включая свои интересы и ценности, исследование своих мотиваций и стремлений в цифровой среде;
- критическое мышление: развитие навыков анализа информации, оценка достоверности источников, разбор влияния цифровой среды на собственные мысли и поведение;
- самовыражение: активное участие в цифровом пространстве, выражение своих идей, взглядов и креативности через различные формы виртуального контента;
- адаптация и гибкость: готовность менять свое поведение и представление о себе в зависимости от изменяющихся условий и новых возможностей цифровой среды;
- защита личной информации: осознанное управление своей цифровой личностью и защитой личных данных в цифровом пространстве;
- этика и эмоциональное благополучие: понимание этических норм и ценностей в цифровой среде, а также поддержание эмоционального здоровья и психологического благополучия при взаимодействии в виртуальной среде;
- социальные навыки и сетевое взаимодействие: умение общаться, устанавливать контакты и поддерживать взаимодействие в цифровых социальных сетях и сообществах;
- саморегуляция времени: умение эффективно управлять временем, проведенным в цифровой среде, и поддерживать баланс с реальным общением;
- рефлексия и развитие: постоянное обновление и совершенствование своей цифровой личности на основе обратной связи и личного роста.

Таким образом, цифровая реальность предоставляет широкие возможности для трансформации личности, однако она также требует активного участия и осознанного подхода со стороны индивида. Цифровая идентичность становится все более важной в мире, где взаимодействие с технологией и интернетом все более интегрировано в жизнедеятельность. Однако важно понимать, что цифровая личность не обязательно должна быть точной копией реальной личности. Люди могут выбирать, какие аспекты своего «Я» подчеркнуть и каким образом представить себя в цифровой среде.

Заключение

В результате проведенного анализа можно констатировать, что цифровая трансформация оказывает значительное влияние на формирование лично-

сти в современном информационном обществе. Однако вместе с новыми возможностями возникают и проблемы, которые требуют особого научного осмысления. Противоречия между стремлением к индивидуальности и уникальности в цифровой среде и одновременной унификацией и стандартизацией цифровой личности представляют собой одну из таких проблем. Дополнительно появляется риск потери реальной связи с окружающим миром и своей личности в виртуальной реальности.

Предлагаемый подход, в котором личность рассматривается как часть объективной реальности, а не

противостоящая ей, представляет собой перспективное направление для дальнейших исследований.

Осознание того, что цифровая личность является продуктом и в этой связи – частью современной действительности, может помочь преодолеть некоторые противоречия и вызовы, с которыми сталкивается индивид в процессе цифровой трансформации.

Таким образом, новое научное мировоззрение с учетом специфики цифровой трансформации личности может способствовать более глубокому пониманию и эффективному управлению этим процессом в контексте современной действительности.

Список источников

- Исаева А.Н. «Бестелесность» личности в условиях виртуальной культуры // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 491–505.
- Петровский В.А. Человек над ситуацией. М. : Смысл, 2021.
- Гурьянов Н.Ю., Гурьянова А.В. Цифровая глобализация в контексте развития цифровой экономики и цифровых технологий // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 3. С. 63–69.
- Квашенко Н.Ю. Личность как объект исследования в контексте информационного общества // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т. 10, № 1. С. 81–86.
- Вдовина И.С. Французский персонализм (1932–1982). М. : Высшая школа, 1990. 151 с.
- Мунье Э. Манифест персонализм. М. : Республика, 1999. 559 с.
- Лазарев Ф.В. Истина и структура реальности. Основы интервальной методологии. Симферополь : АРИАЛ, 2019. 456 с.
- Рубцов В.В. Культурно-историческая научная школа: проблемы, которые поставил Л.С. Выготский // Культурно-историческая психология. 2016. Т. 12, № 3. С. 4–14.
- Кравцов Г.Г. Проблема личности в культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2006. Т. 2, № 1. С. 18–25.
- Naess A., Snyder G. The Deep Ecology Movement: An Introductory Anthology / ed. by A. Drengson, Y. Inoue. Berkeley : North Atlantic Publishers, 1995. 328 p.
- Гусельцева М.С. Психология личности и антропологический дискурс: в поисках новых подходов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2022. Т. 12, № 2. С. 132–149.
- Баркова Э.В. Экофилософская картина мира в проблемном поле современного познания // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2016. № 4. С. 180–186.
- Горохов С.А. Экофилософия как мировоззренческий каркас и основа развития человеческого общества // Проблемы современного образования. 2020. № 4. С. 20–27.
- Гришаева Ю.М., Гагарин А.В. Экологическое развитие личности в цифровом образовании: тренды междисциплинарных подходов // Психология развития и образования (российский журнал прикладных исследований). 2020. № 1. С. 5–8.
- Моисеева Л.В. Экологическая педагогика – теоретическая основа Уральской научной школы экологического образования // Педагогическое образование в России. 2015. № 12. С. 76–82.
- Гурьянова А.В., Жданова В.В. Экофилософия как мировоззренческая основа глобализации и цифровизации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2022. № 1. С. 76–84.
- Анциферова Т.Н. Цифровизация как фактор трансформации современного общества // Цифровая наука, 2020. № 5. С. 160–165.
- Солдатова Г.У., Войсунский А.Е. Социально-когнитивная концепция цифровой социализации: новая экосистема и социальная эволюция психики // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18, № 3. С. 431–450.
- Buheji M., Sick C.V. You and the new normal: Jobs, pandemics, relationship, climate change, success, poverty, leadership and belief in the emerging new world. Milton Keynes : AuthorHouse, 2020. 264 p.
- Тимофеев А.В. Становление цифровой аксиологии: ключевые понятия и проблемы // Вестник Московского государственного областного университета. Философские науки. 2019. № 3. С. 73–78.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Эксмо, 2018. 288 с.
- Старовойтенко Е.Б. Персонология: жизнь личности в культуре. М. : Академический проект, 2015. 431 с.
- Усманова А.А., Романова Е.С. Проблема личности в научных исследованиях // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 3-2(66). С. 115–123.
- Петровский В.А. Активность, деятельность, индивидуальность: между вчера и завтра (методологические заметки) // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2020. № 2 (102). С. 20–31.
- Petrovskiy V., Shmelev I. Personology of Difficult Life Situations: At the Intersection of Three Cultures // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2019. Vol. 16, № 3. P. 408–433.
- Шмелев И.М. Эмоциональный «флаттер» и овладевающее поведение: «межпространственный» переход // Мир психологии. Научно-методический журнал. 2015. Т. 84, № 4. С. 111–123.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М. : Смысл, 2017. 375 с.
- Чернов И.В. Цифровизация как тенденция развития современного общества: специфика научного дискурса // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 1. С. 121–132.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В., Львова Е.Н. Цифровая культура: правила ответственность и регуляция // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека : сб. науч. ст. Коломна : Гос. социал.-гуманит. ун-т, 2018. С. 374–379.
- Белинская Е.П. Информационная социализация подростков: опыт пользования социальными сетями и психологическое благополучие // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 3. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/679/366>
- Мамедова Н.М. Человек в эпоху цифровизации: на грани реального и виртуального // Век глобализации. 2021. № 3(39). С. 74–85.
- Солдатов Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен «виртуальной идентичности» // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 5. С. 105–124.
- Собольников В.В. Цифровая трансформация как фактор развития виртуальной личности // Профессиональное образование в современном мире. 2020. № 10 (1). С. 3601–3610.
- Кулакова А.Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42). С. 1–10.
- Данилов А.Н., Грищенко Ж.М., Щелкова Т.В. Поколение Z: раскол традиций или перекодировка культуры // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 1. С. 109–118.

36. Марцинковская Т.Д. Современная психология – вызовы транзитивности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/533/266>
37. Виготский Л.С. Инструментальный метод в психологии // Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 1. М. : Педагогика, 1982. С. 103–108.
38. Асмолов А.Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 1986. № 1. С. 28–41.
39. Асмолов А.Г. *Mobilis in mobili*: личность в эпоху перемен. М. : Издательский дом ЯСК, 2018.
40. Асмолов Г.А., Асмолов А.Г. Интернет как генеративное пространство: историко-эволюционная перспектива // Вопросы психологии. 2019. № 4. С. 3–28.
41. Кайуа Р. Игры и люди: Статьи и эссе по социологии культуры. М. : ОГИ, 2007. 304 с.
42. Хейзинга Й. *Homo Ludens*. Человек играющий. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.
43. Петев Н.И. Цифровое пространство как стимул формирования индивидуализации и самоопределения // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 1 (40). С. 79–96.
44. Кьеркегор С. Понятие страха. М. : Академический проект, 2014. 224 с.
45. Кьеркегор С. Болезнь к смерти. М. : Академический проект, 2019. 160 с.
46. Сорочайкин А.Н., Сорочайкин И.А. Формирование цифровой философии и цифрового человека в цифровой реальности // Основы экономики, управления и права. 2021. № 4 (29). С. 7–10.

References

1. Isaeva, A.N. (2021) “Bestechnost” lichnosti v usloviyakh virtual’noy kul’tury [“Incorporeality” of personality in the conditions of virtual culture]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 3 (18). pp. 491–505.
2. Petrovskiy, V.A. (2021) *Chelovek nad situatsiyey* [Man above Situation]. Moscow: Smysl.
3. Gur’yanov, N.Yu. & Gur’yanova, A.V. (2020) Tsifrovaya globalizatsiya v kontekste razvitiya tsifrovoy ekonomiki i tsifrovoykh tekhnologiy [Digital globalization in the context of the development of the digital economy and digital technologies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 3. pp. 63–69.
4. Kvashenko, N.Yu. (2019) Lichnost’ kak ob’ekt issledovaniya v kontekste informatsionnogo obshchestva [Personality as an object of research in the context of the information society]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 1 (10). pp. 81–86.
5. Vdovina, I.S. (1990) *Frantsuzskiy personalizm (1932–1982)* [French Personalism (1932–1982)]. Moscow: Vysshaya shkola.
6. Mounier, E. (1999) *Manifest personalizma* [Manifesto of Personalism]. Translated from French. Moscow: Respublika.
7. Lazarev, F.V. (2019) *Istina i struktura real’nosti. Osnovy interval’noy metodologii* [Truth and the Structure of Reality. Basics of interval methodology]. Simferopol: ARIAL.
8. Rubtsov, V.V. (2016) Kul’turno-istoricheskaya nauchnaya shkola: problemy, kotorye postavil L.S. Vygotskiy [Cultural-historical scientific school: problems posed by L.S. Vygotskiy]. *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya*. 3 (12). pp. 4–14.
9. Kravtsov, G.G. (2006) Problema lichnosti v kul’turno-istoricheskoy psikhologii [The problem of personality in cultural-historical psychology]. *Kul’turno-istoricheskaya psikhologiya*. 1 (2). pp. 18–25.
10. Naess, A. & Snyder, G. (1995) *The Deep Ecology Movement: An Introductory Anthology*. Berkeley: North Atlantic Publishers.
11. Gusel’tseva, M.S. (2022) Psikhologiya lichnosti i antropologicheskii diskurs: v poiskakh novykh podkhodov [Personality psychology and anthropological discourse: in search of new approaches]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya*. 2 (12). pp. 132–149.
12. Barkova, E.V. (2016) Ekofilosofskaya kartina mira v problemnom pole sovremennogo poznaniya [Ecophilosophical picture of the world in the problem field of modern knowledge]. *Vestnik Rossiyskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G.V. Plekhanova*. 4. pp. 180–186.
13. Gorokhov, S.A. (2020) Ekofilosofiya kak mirovozzrencheskiy karkas i osnova razvitiya chelovecheskogo obshchestva [Ecophilosophy as a worldview framework and the basis for the development of human society]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 4. pp. 20–27.
14. Grishaeva, Yu.M. & Gagarin, A.V. (2020) Ekologicheskoe razvitiye lichnosti v tsifrovom obrazovanii: trendy mezhdistitsiplinarnykh podkhodov [Ecological development of personality in digital education: trends in interdisciplinary approaches]. *Psikhologiya razvitiya i obrazovaniya: (rossiyskiy zhurnal prikladnykh issledovaniy)*. 1. pp. 5–8.
15. Moiseeva, L.V. (2015) Ekologicheskaya pedagogika – teoreticheskaya osnova Ural’skoy nauchnoy shkoly ekologicheskogo obrazovaniya [Environmental pedagogy – the theoretical basis of the Ural scientific school of environmental education]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 12. pp. 76–82.
16. Gur’yanova, A.V. & Zhdanova, V.V. (2022) Ekofilosofiya kak mirovozzrencheskaya osnova globalizatsii i tsifrovizatsii [Ecophilosophy as a worldview basis for globalization and digitalization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Filosofskie nauki*. 1. pp. 76–84.
17. Antsiferova, T.N. (2020) Tsifrovizatsiya kak faktor transformatsii sovremennogo obshchestva [Digitalization as a factor in the transformation of modern society]. *Tsifrovaya nauka*. 5. pp. 160–165.
18. Soldatova, G.U. & Voyskunskiy, A.E. (2021) Sotsial’no-kognitivnaya kontseptsiya tsifrovoy sotsializatsii: novaya ekosistema i sotsial’naya evolyutsiya psikhiki [Social-cognitive concept of digital socialization: a new ecosystem and social evolution of the psyche]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 3 (18). pp. 431–450.
19. Buheji, M. & Sisk, C.V. (2020) *You and the new normal: Jobs, pandemics, relationship, climate change, success, poverty, leadership and belief in the emerging new world*. Milton Keynes: AuthorHouse.
20. Timofeev, A.V. (2019) Stanovlenie tsifrovoy aksiologii: klyuchevye ponyatiya i problemy [The formation of digital axiology: key concepts and problems]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo un-ta. Filosofskie nauki*. 3. pp. 73–78.
21. Schwab, K. (2018) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Translated from English. Moscow: Eksmo.
22. Starovoytenko, E.B. (2015) *Personologiya: zhizn’ lichnosti v kul’ture* [Personology: The life of the individual in culture]. Moscow: Akademicheskii projekt.
23. Usmanova, A.A. & Romanova, E.S. (2022) Problema lichnosti v nauchnykh issledovaniyakh [The problem of personality in scientific research]. *Mezhdunarodnyy zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk*. 3-2 (66). pp. 115–123.
24. Petrovskiy, V.A. (2020) Aktivnost’, deyatelnost’, individualnost’: mezhdum vchera i zavtra (metodologicheskie zametki) [Activity, activity, individuality: between yesterday and tomorrow (methodological notes)]. *Mir psikhologii. Nauchno-metodicheskii zhurnal*. 2 (102). pp. 20–31.
25. Petrovskiy, V. & Shmelev, I. (2019) Personology of Difficult Life Situations: At the Intersection of Three Cultures. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*. 3 (16). pp. 408–433.
26. Shmelev, I.M. (2015) Emotsional’nyy “flutter” i ovladevayushchee povedenie: “mezhproustranstvennyy” perekhod [Emotional “flutter” and mastery behavior: “interdimensional” transition]. *Mir psikhologii. Nauchno-metodicheskii zhurnal*. 4 (84). pp. 111–123.
27. Soldatova, G.U., Rasskazova, E.I. & Nestik, T.A. (2017) *Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost’ i bezopasnost’* [Digital Generation of Russia: Competence and safety]. Moscow: Smysl.
28. Chernov, I.V. (2021) Tsifrovizatsiya kak tendentsiya razvitiya sovremennogo obshchestva: spetsifika nauchnogo diskursa [Digitalization as a trend in the development of modern society: the specifics of scientific discourse]. *Gumanitarniy Yuga Rossii*. 1 (10). pp. 121–132.
29. Soldatova, G.U. et al. (2018) [Digital culture: rules of responsibility and regulation]. *Tsifrovoe obshchestvo kak kul’turno-istoricheskii kontekst*

razvitiya cheloveka: sbornik nauchnykh statey [Digital Society as a Cultural and Historical Context of Human Development: Collection of scientific articles]. Proceedings of the International Conference. Kolomna. 14–17 February 2018. Kolomna: Gosudarstvennyy sotsial'no-gumanitarnyy universitet. pp. 374–379. (In Russian).

30. Belinskaya, E.P. (2013) Informatsionnaya sotsializatsiya podrostkov: opyt pol'zovaniya sotsial'nymi setyami i psikhologicheskoe blagopoluchie [Information socialization of adolescents: experience of using social networks and psychological well-being]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 6 (3). [Online] Available from: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/679/366>.
31. Mamedova, N.M. (2021) Chelovek v epokhu tsifrovizatsii: na grani real'nogo i virtual'nogo [Man in the era of digitalization: on the verge of the real and the virtual]. *Vek globalizatsii*. 3 (39). pp. 74–85.
32. Soldatov, E.L. & Pogorelov, D.N. (2018) Fenomen “virtual'noy identichnosti” [The phenomenon of “virtual identity”]. *Obrazovanie i nauka*. 5 (20). pp. 105–124.
33. Sobol'nikov, V.V. (2020) Tsifrovaya transformatsiya kak faktor razvitiya virtual'noy lichnosti [Digital transformation as a factor in the development of a virtual personality]. *Professional'noe obrazovanie v sovremennom mire*. 10 (1). pp. 3601–3610.
34. Kulakova, A.B. (2018) Pokolenie Z: teoreticheskiy aspekt [Generation Z: theoretical aspect]. *Voprosy territorial'nogo razvitiya*. 2 (42). pp. 1–10.
35. Danilov, A.N., Grishchenko, Zh.M. & Shchelkova, T.V. (2017) Pokolenie Z: raskol traditsiy ili perekodirovka kul'tury [Generation Z: split of traditions or recoding of culture]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya*. 1. pp. 109–118.
36. Martsinkovskaya, T.D. (2015) Sovremennaya psikhologiya – vyzovy tranzitivnosti [Modern psychology – challenges of transitivity]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. 42 (8). [Online] Available from: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/533/266>.
37. Vygotskiy, L.S. (1982) Polnoe sobranie sochineniy [Complete Works]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 103–108.
38. Asmolov, A.G. (1986) Istoriko-evolyutsionnyy podkhod k ponimaniyu lichnosti: problemy i perspektivy issledovaniya [Historical-evolutionary approach to understanding personality: problems and prospects for research]. *Voprosy psikhologii*. 1. pp. 28–41.
39. Asmolov, A.G. (2018) *Mobilis in mobili: lichnost' v epokhu peremen* [Mobilis in Mobili: Personality in an era of change]. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK.
40. Asmolov, G.A. & Asmolov, A.G. (2019) Internet kak generativnoe prostranstvo: istoriko-evolyutsionnaya perspektiva [The Internet as a generative space: a historical and evolutionary perspective]. *Voprosy psikhologii*. 4. pp. 3–28.
41. Caillois, R. (2007) *Igry i lyudi: Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Man, Play and Games: Articles and essays on the sociology of culture]. Translated from French. Moscow: OGI.
42. Huizinga, J. (2011) *Homo Ludens. Chelovek igrayushchiy* [Homo Ludens. A man playing]. Translated from Dutch. Saint Petersburg: Izd-vo Ivana Limbakha.
43. Petev, N.I. (2021) Tsifrovoye prostranstvo kak stimul formirovaniya individualizatsii i samoopredeleniya [Digital space as a stimulus for the formation of individualization and self-determination]. *Vektory blagopoluchiya: ekonomika i sotsium*. 1 (40). pp. 79–96.
44. Kierkegaard, S. (2014) *Ponyatie strakha* [The Concept of Fear]. Translated from Danish. Moscow: Akademicheskii proekt.
45. Kierkegaard, S. (2019) *Bolezнь k smerti* [Illness Leading to Death]. Translated from Danish. Moscow: Akademicheskii proekt.
46. Sorochoykin, A.N. & Sorochoykin, I.A. (2021) Formirovanie tsifrovoy filosofii i tsifrovogo cheloveka v tsifrovoy real'nosti [Formation of digital philosophy and digital man in digital reality]. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava*. 4 (29). pp. 7–10.

Информация об авторе:

Шмелев И.М. – канд. психол. наук, старший преподаватель Центра фундаментальной и консультативной персонологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: shmelevim@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.M. Shmelev, Cand. Sci. (Psychology), senior lecturer, HSE University (Moscow, Russian Federation). E-mail: shmelevim@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.12.2022;
одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 13.12.2022;
approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 159.99, 304.2
doi: 10.17223/15617793/496/14

«Безопасность»: обобщение подходов к трактовке понятия

Олеся Владимировна Бубновская¹, Виталина Владимировна Леонидова²,
Дмитрий Владимирович Лобач³

^{1, 2} Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия

³ Дальневосточный юридический институт Университета прокуратуры Российской Федерации, Владивосток, Россия

¹ bubnovskaia.ov@dvfu.ru

² leonidova.vv@dvfu.ru

³ dimaved85@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы изучения понятия безопасности как интегративного образования. Проанализировано понимание безопасности с точки зрения социально-психологического, философского, антропологического и правового знания. Показано, что, несмотря на кажущуюся «очевидность» сути данного феномена, определить объект и создать условия для его объективных измерений представляется проблемой ввиду множества разноплановых параметров, которые включает безопасность.

Ключевые слова: дискурс безопасности, секьюритизация, измерение безопасности, междисциплинарность, триангуляция

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке проекта «Безопасный кампус: разработка системы мониторинга вовлеченности в девиации и межличностное насилие в контексте благополучия студенчества» в рамках реализации договора пожертвования денежных средств от 19.05.2022 №Д-156-22 Фонда целевого капитала ДВФУ на финансирование проектов-победителей открытого конкурса поддержки исследовательских и прикладных проектов на период с 07.02.2022 по 31.12.2024 Школы экономики и менеджмента ДВФУ из дохода от доверительного управления целевым капиталом «Стратегические проекты ДВФУ» (Целевое назначение – пожертвование СБЕР (ПАО) на развитие ШЭМ).

Для цитирования: Бубновская О.В., Леонидова В.В., Лобач Д.В. «Безопасность»: обобщение подходов к трактовке понятия // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 125–134. doi: 10.17223/15617793/496/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/14

“Safety”: Generalization of approaches to the interpretation of the concept

Olesia V. Bubnovskaia¹, Vitalina V. Leonidova², Dmitrii V. Lobach³

^{1, 2} Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

³ Far Eastern Law Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Vladivostok, Russian Federation

¹ bubnovskaia.ov@dvfu.ru

² leonidova.vv@dvfu.ru

³ dimaved85@mail.ru

Abstract. The theoretical and empirical issues of studying the phenomenon of safety and security are considered in the article. The understanding of safety and security was analyzed by socio-psychological, philosophical and law approaches. It is well known that the desire for safety expresses the fundamental human need to preserve life. At the same time, despite the apparent “obviousness” of the essence of this phenomenon, it seems to be a problem to determine and establish the terms to measure it, due to the many parameters that it includes. The aim of the study was to substantiate the necessity of the interdisciplinary interpretation of the concept of safety and security in science, summarizing the main approaches to understanding it. The objective of the study was to analyze and interpret safety and security from the point of view of socio-humanitarian approaches. A systematic analysis of scientific literature and sources on the subject of safety and security and a comparative method were used to identify common and special interpretations in different fields of knowledge. The study established that the influence of political discourse prevails in approaches to safety and security studies, and that tendency determines control and total “securitization” of the society. The traditional representations about safety to the identification of the number of threats and creation of political ways for defending safety objects. The question is how total “securitization” correlates with people’s ideas about the world, their feeling

of safety; whether we can measure safety and security objectively, including both the threats and the human factor. The authors also point out an important difference between the concepts of safety and security, which is often not given due attention in the safety discourse. Safety refers to internal confidence in security, security refers to external protection against threats. The authors also consider safety in connection with the concept of risk. They argue that it is necessary to be prepared for uncertainty that is always in the environment, and not just for obvious and known threats. The complex interdisciplinary character of the safety concept hinders its operationalization, the choice and use of appropriate research tools that provide the “objectivity” of measurement, estimation of the relations and correlations of the analyzed parameters; the rational discourse uncovering differentiation of subjective feelings of safety and its objective evaluation requires support on social and individual levels.

Keywords: safety/security discourse, securitization, safety and security measurement, interdisciplinarity; triangulation

Financial support: The study was conducted with the support of the project “Safe Campus: development of a system for monitoring involvement in deviations and interpersonal violence in the context of the well-being of students” within the framework of the implementation of the contract of donations of funds from 19.05.2022 №-156-22 of the Endowment Fund of FEFU to finance projects-winners of the open competition for the support of research and applied projects for the period from 07.02.2022 to 31.12.2024 of the FEFU School of Economics and Management from income from trust management target capital “Strategic projects of FEFU” (Purpose donation of the SBER (PJSC)).

For citation: Bubnovskaia, O.V., Leonidova, V.V. & Lobach, D.V. (2023) “Safety”: Generalization of approaches to the interpretation of the concept. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 125–134. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/14

Введение

Сегодня безопасность как важнейшее условие существования человека, наряду с его потребностью в пище, воде, одежде, жилище, информации [1], является одной самых значимых характеристик жизни человека, что определяет усиление научного интереса к междисциплинарному изучению этого феномена [2].

В теоретическом плане концепт «безопасность» в фокусе всего многообразия социальных сфер определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов индивидуальных и коллективных субъектов от различного рода угроз [3–5], в специальной литературе – еще и как способность предмета, явления или процесса сохранять свою сущность, основные признаки и качества при разрушающих воздействиях со стороны других предметов, явлений или процессов (способность быть защищенным).

Говоря об объекте защищенности, ученые чаще упоминают личность, группу, общество и государство. Если учитывать те социальные сферы, где возникают специфические угрозы для стабильности государства, гармоничности общественных отношений и личных интересов человека, то в современном мире особое внимание уделяют безопасности в политической, экономической, военной, энергетической, социальной, экологической, технологической, ядерной, инновационной, культурной, интеллектуальной, демографической, информационной, научно-технической и образовательной сферах. Важно понимать, что сущностным признаком всех видов безопасности выступает состояние защищенности объекта от различных угроз (перманентный показатель), которые представляют собой динамично-релевантное условие, поскольку их содержание зависит от специфики сферы возникновения.

Таким образом, безопасность является многоаспектным и интегративным феноменом, характеризующим социальную и личностную сферы в их различных проекциях и выражениях.

Цель работы – обобщить основные подходы к пониманию безопасности в современной науке в контексте междисциплинарной трактовки понятия. Задачи исследования включают анализ и интерпретацию трактовок понятия безопасности с точки зрения социально-гуманитарных подходов.

Так как комплексный характер понятия безопасности требует в изучении применения различных подходов, в рамках данной работы анализ осуществлен с учетом философского, антропологического, правового и социально-психологического знания. При этом в статье мы будем разделять внешнюю безопасность (security), включая физическую безопасность среды, поддержание социального порядка и т.д., внутреннюю безопасность (safety) как чувство защищенности человека, физическую и личную безопасность, которые он в большей степени обеспечивает сам. Это различие не всегда артикулируется и осознается авторами, в связи с чем необходимо понять, какой из дискурсов преобладает в современных дискуссиях о безопасности. Соответственно, комплексное исследование этих двух дискурсов как различных определяет новизну работы.

Методы

Для того чтобы раскрыть значение понятия «безопасность», представив его разностороннее понимание в науке, но сохранив целостность этого понятия, предлагается системный анализ научной литературы и источников по тематике безопасности со сравнительным методом выявления общего и отличного в трактовках безопасности в разных науках с учетом исторического контекста и современности.

Результаты

Теоретические подходы к анализу концепта «безопасность». В философских исследованиях [6] понятие безопасности относится главным образом к политическому дискурсу, элементы которого обнаруживаются уже у Платона и Аристотеля в рассуждениях о

защитных функциях государства [7. С. 137; 8. С. 460–462]. Становление современного дискурса безопасности происходит в эпоху Нового времени, причем также преимущественно в контексте проблем защиты населения государством, его безопасности. Философско-политический подход к изучению безопасности остается преобладающим вплоть до XX в., оказывая и сейчас значительное влияние на развитие наук о безопасности.

Английский философ Т. Гоббс, стоявший у истоков современного понимания безопасности, трактует ее как цель, ради которой люди из природного коллектива объединяются в общество и создают государство. Он также раскрывает личностные аспекты проблемы безопасности, указывая на психологическое переживание безопасности как чувства защищенности. В природном состоянии «войны всех против всех» человеком движут мотивы страха, жадности, эгоизма, порождающие желание навредить другому, которое сдерживают общественные и государственные механизмы, не дающие социуму погрузиться в хаос. «Итак, следует признать, что происхождение многочисленных и продолжительных человеческих сообществ связано не со взаимным расположением людей, а с их взаимным страхом. Причина взаимного опасения заключается отчасти в природном равенстве людей, отчасти в их желании вредить друг другу. Отсюда следует, что мы не можем ни ожидать безопасности от других, ни обеспечить ее для самих себя» [9]. Можно заключить, что безопасное существование не дано человеку изначально, не является нормой жизни, это ценность и искомое благо. Такое понимание безопасности во многом разделяется и современными исследователями [10. С. 89].

В настоящее время трактовка безопасности в философии становится более сложной и противоречивой. С одной стороны, это понятие остается предметом политического анализа и редуцируется до включающего техники контроля управления населением, обеспечения воспроизводства и благополучия людей. Интерпретация безопасности как властного механизма развивается в работах французских философов М. Фуко [11, 12] и Ж. Бодрийера (2000) и признается частью биополитики, особой стратегии управления гражданами как социальными организациями, которые нуждаются в защите жизни и здоровья. «Биополитическая» забота приводит к гипертрофированному состоянию защитных функций государства, превращающего безопасность в инструмент тотального контроля за населением и борьбы с «опасностями».

С другой стороны, в неклассической философии развивается экзистенциальный подход, в рамках которого под безопасностью понимается личностное состояние, связанное с потребностью испытывать чувство защищенности и со способностью сохранять устойчивость перед угрозами и рисками. Источником опасности здесь может быть сам человек, его состояние и поведение, обусловленные абсурдностью и бессмысленностью мира, которые лишают существование человека каких бы то ни было устойчивых оснований, наполняют жизнь страхами и тревогами [13. С. 27–44;

14. С. 180–190]. Человек может достичь чувства безопасности, обнаруживая смысл своего личного существования, укорененный в различных экзистенциалах – любви, совести, мужестве, труде, творчестве и т.д. [13. С. 63–109; 14. С. 270–295], достижение безопасности и сохранение жизни здесь не может быть целеполаганием.

Резюмируя, отметим, что представления об этом понятии в истории философской мысли начинают формироваться в древности с общей идеи безопасности государства, развиваясь до понятия безопасности отдельного человека в современной философии. В философско-политическом контексте безопасность означает противостояние субъекта внешним по отношению к нему угрозам, природным и социальным, а ее достижение напрямую связано с безопасностью внешней среды, с устойчивостью взаимодействий человека, природы и членов социума. Преобладающим в изучении безопасности остается политический дискурс, акцентирующий внимание на «внешних» опасностях и инструментах защиты от них. В рамках этого дискурса развиваются дискуссии о национальной и международной безопасности, проблемы которых сегодня обсуждаются в русле теории секьюритизации [15, 16] и регулируются основанными на ней практиками безопасности как поиска и защиты от злонамеренных внешних угроз и воздействий [17].

Инструментальный подход, сложившийся под влиянием философско-политических концепций, находит отражение в антропологических и правовых трактовках безопасности, тогда как экзистенциальное понимание в большей степени выражается в психологических представлениях о безопасности.

Современные антропологические концепции безопасности, в рамках которых безопасность рассматривается как социальная форма предотвращения угроз, связанных в первую очередь с преступлениями и насилием, во многом конституируются идеями М. Фуко [11. С. 19–21]. Безопасность здесь представляется ключевой потребностью социума, оберегающей его от распада, способствующей его сохранению и культурной трансляции, при этом структура безопасности включает дисциплинарные и правовые техники воздействия на субъектов, способных угрожать целостности общества и социальному порядку.

Авторы антропологических исследований понимают безопасность как социально-пространственный механизм управления [18. Р. 487] и поддержания нормативного общественного и государственного порядка за счет продуцирования разного рода опасностей и угроз в социуме и защиты от них [19. Р. 282], связывая ее с такими проблемами, как угрозы здоровью, безопасность городских пространств, производство страхов, криминализированные сообщества, миграция, терроризм и экстремизм, силы и институты безопасности [20–22]. Исследователи выделяют в антропологии несколько подходов к изучению безопасности [20. Р. 64], связывая ее с насилием, милитаризацией, государственными и неправительственными институтами и системами обеспечения безопасности, а также с оценкой опасностей и угроз в качестве рисков для индивидуального существования [23, 24].

В целом антропологи исследуют безопасность как социальное состояние, связанное с силами и процессами по сохранению и поддержанию порядка (security), что отличается от понимания безопасности в личностном или физическом смысле (safety).

Подобное внешнее инструментальное понимание безопасности четко и более детально закреплено в правовом знании. В законодательных актах обозначены точные характеристики безопасности (субъекты и объекты безопасности, стратегии обеспечения различных видов безопасности, система социально значимых интересов и актуальных угроз), сформулирован строгий понятийно-категориальный аппарат.

В действующем Федеральном законе «О безопасности» (Федеральный закон «О безопасности», 2010)¹ унифицированная легальная дефиниция, понятие безопасности как основной категории нормативно-правового регулирования, отсутствует, но при этом принята попытка определения спектра общественных отношений, составляющих основу публичной безопасности (ст. 1), а также закреплены организационно-правовые аспекты обеспечения безопасности.

Особое внимание уделено основным принципам обеспечения безопасности (соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина; неукоснительное соблюдение режима законности; системность и комплексность применения федеральными органами государственной власти и местного самоуправления политических, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер обеспечения безопасности; приоритет предупредительных мер; взаимодействие федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации (далее РФ), других государственных органов с общественными объединениями, международными организациями и гражданами в целях обеспечения безопасности и др.). Согласно части 2 ст. 4 основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности определяет Президент РФ, анализ правотворческой работы которого в этой сфере позволяет констатировать, что на сегодняшний день специальные политико-правовые меры направлены на обеспечение экономической², общественной³, территориальной⁴, экологической⁵, технологической⁶ и информационной⁷ (Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации», 2016) безопасности.

На подзаконном уровне в п. 6 Указа Президента РФ «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (2016)⁸ нормативно закреплено понятие «национальная безопасность» как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие РФ. Это включает в себя оборону страны и все виды безопасности, предусмотренные Конституцией и

законодательством РФ (государственная, общественная, информационная, экологическая, экономическая, транспортная, энергетическая безопасность, безопасность личности), а под угрозами понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам – объективно значимым потребностям личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. Концепт «национальная безопасность» дополняет традиционное понятие безопасности условиями, при которых состояние защищенности будет адекватно обеспечивать национальные интересы страны.

В контексте сравнительно-правового анализа действующего законодательства РФ в области обеспечения национальной безопасности в целом и отдельных ее видов в частности обращает на себя внимание обширная нормативная база, в которой отражено все многообразие политико-правовых, организационно-функциональных, социально-экономических, информационных и других аспектов ее обеспечения. На сегодняшний день система правового обеспечения национальной безопасности включает в себя Конституцию РФ, 16 концептуально-правовых документов, более 80 федеральных законов, более 200 указов Президента, большое количество тематических постановлений Правительства РФ, нормативные акты субъектов РФ и другие подзаконные нормативные акты [25. С. 17].

Безопасность широко исследуется в социально-психологических науках [26, 27], в таких областях, как эргономика, психология труда, инженерная психология, организационная психология, психология образования. Исследователи выделяют в качестве основных направлений изучения безопасности психологию безопасности субъекта профессиональной деятельности и среды, выявляющих оптимальные (надежные) для существования человека условия [28]. Кроме того, в связи с усилившейся неопределенностью и психологической агрессивностью социальной среды, активно разрабатывается тематика психологической безопасности личности [29, 30], в рамках которой к направлениям изучения безопасности добавляются стресс-преодолевающее поведение, смыслообразование и убеждения, переживание экстремальных и террористических ситуаций. В рамках организационной психологии психологическая безопасность активно изучается в связи с проблемами лидерства [31, 32], эффективности и производительности команд [33, 34], здоровья и благополучия работников, безопасного поведения на рабочем месте [35].

Психологический модус понимания безопасности, связанный с ее оценкой и атрибуциями (психологическая безопасность), предполагает обязательный учет восприятия и человеческих реакций [26. С. 248], а также личностных особенностей [36, 37]. В исследовательской литературе представлены интерпретации безопасности как состояния защищенности субъекта от угроз, опасностей [26], устойчивости к стресс-факторам, что особенно актуально в экстремальных условиях жизнедеятельности [30],

ценностно-смысловой целостности личности [38–40], как атмосфера, в которой людям комфортно выражать себя и быть самими собой, принимать межличностные риски, не опасаясь негативных последствий [41], «экзистенциальная» модель ее изучения [42, 36].

Следует отметить, что зачастую чувство безопасности, испытываемое индивидом, может не соответствовать внешним параметрам безопасности, что связано со сложным взаимодействием ее рационального (когнитивного) и иррационального (эмоционального) компонентов, с субъективной и объективной оценкой. На эмоциональном уровне безопасность обусловлена базовой потребностью человека быть защищенным от угроз и инстинктом самосохранения, на когнитивном – оценкой безопасности на основе более сложных представлений о том, что такое безопасность, каковы ее факторы и какими средствами ее можно достичь и поддерживать.

В целом безопасность личности можно определить как фактор среды (физические и социальные параметры: экономические, социальные, культурные, экологические, политические, географические и т.д.) [43], фактор защищенности (средства защиты от угроз и опасностей) и человеческий фактор, включающий в себя различные реакции человека на опасность и оценку безопасности, которая зависит от индивидуальных различий и таких параметров, как пол (женщины выше оценивают безопасность среды, чем мужчины), возраст (с повышением возраста снижается оценка безопасности среды), материальное благополучие и наличие поддержки, уровень доверия институтам, склонность к риску и другие атрибуты [44, 45]. При этом важно учитывать, что уровень психологической безопасности может быть культурно и географически обусловлен, поэтому стоит говорить об этом феномене в рамках определенной страны, региона с учетом временного периода и социальной принадлежности [46]. Человек воспринимает безопасность на физическом и социально-психологическом уровне. В одном случае речь идет о факторах, сохраняющих жизнь, в другом – о субъективном восприятии среды и ситуаций как опасных [37].

Обзор А.В. Литвиновой с соавторами [30] показывает, что психологическая безопасность, связанная с преодолением угроз и экстремальных ситуаций, требует учета ресурсов личности (например, сплоченность перед угрозой, семейные и социальные ресурсы, высокий уровень эмоциональной устойчивости, использование конструктивных копинг-стратегий, самозффективность, религиозность, ведь чем более развиты у человека ценностные, коммуникативные, волевые характеристики, тем выше его психологическая защищенность).

Поскольку безопасность личности складывается из взаимосвязи комплекса факторов (объективных и субъективных), сложного взаимодействия когнитивного и эмоционального компонентов, безопасность можно рассматривать как связанный с устойчивыми личностными характеристиками и особенностями

среды социально-психологический конструкт, сущностной чертой которого является относительность [45; 47. С. 11; 48]. Это означает, что один и тот же набор характеристик в реальности одним субъектом может оцениваться как безопасный, а другим – как небезопасный, при этом степень безопасности и состояние защищенности могут быть различными, ими можно управлять. Другими словами, безопасность динамична, ее невозможно обеспечить единым статичным набором устойчивых параметров.

Как видно из представленного анализа, в рамках имеющихся подходов в интерпретации безопасности преобладает тенденция, которую можно обозначить термином «секьюритизация» (от англ. security), что выражается в определении безопасности как состояния внешней защищенности субъекта от угроз и насилия, исходящих от внешней среды, достигаемого при помощи социальных средств («сил безопасности» в терминологии Ж. Бодрийяра [49]), а также в усилении роли дисциплинарных и правовых систем обеспечения безопасности (фактор защищенности). На практике это означает, например, расширение функций полиции, армии, введение ограничений в публичную и частную жизнь человека, ужесточение наказаний. Абсолютизация «охранительных» тенденций в дискурсе безопасности создает, на наш взгляд, «иллюзию» защищенности, так как угрозы внешнего мира – перманентное условие его существования, поэтому ответы на них должны быть более гибкими, учитывать человеческий фактор (прежде всего, психическое состояние личности, ее опыт и личностные особенности), давать возможность развития.

Как иллюстрация – пример из инженерной сферы, где безопасность оценивается при помощи концепций риска [50. Р. 493–495], понимаемого как либо ожидаемое нежелательное событие (ошибка, происшествие), вероятность наступления которого просчитывается, либо само нежелательное событие, которое является возможным, но не ожидается и не просчитывается (риск как закладываемая в работу системы неопределенность). При этом события могут быть как преднамеренными, так не преднамеренными, что определяет характер безопасности либо как внешней защищенности (security), либо как внутреннего состояния (safety) готовности системы быть защищенной [50. Р. 504]. Если попытаться перенести это понимание в гуманитарную сферу, то можно сделать вывод о том, что человек должен быть защищен скорее не от преднамеренных, а от непреднамеренных угроз, потому что последние с трудом поддаются контролю, в этих условиях субъект должен быть психологически готов конструктивно совладать с угрозами, неизвестными по происхождению, интенсивности и времени наступления.

Исследователи в области междисциплинарного изучения безопасности [51, 52] предлагают уйти от секьюритизированной и негативной терминологии угроз и экстремальных ситуаций, создав понимание безопасности, выражающееся в системном подходе к ее изучению посредством учета субъективных и объективных

факторов, генно-средовой корреляции [53], интеграции различных инструментов обеспечения безопасности и благополучия личности.

Итак, анализ понятия «безопасность» показывает, что исторически сформировавшиеся устойчивые представления о безопасности связаны в основном с выявлением и определением конечного числа угроз и созданием политико-правовых механизмов защищенности объектов безопасности. Возникает вопрос, насколько эта «система безопасности» соответствует актуальной реальности, включающей субъектность и переживания конкретной личности, коррелирует ли тотальная «секьюритизация» с представлениями человека о мире, с его чувством защищенности. Другими словами, можно ли создать условия для объективного измерения безопасности, опираясь не только на видимые и выявленные угрозы, но и учитывая сложный комплекс компонентов, составляющих человеческий фактор безопасности? Хотя психологическая трактовка безопасности, учитывающая ее субъективные характеристики, дает основание для такого измерения, целостной модели безопасности, включающей интегративное теоретическое знание об этом понятии и подразумевающей комплексную междисциплинарную методологию его измерения, в настоящий момент в науке не представлено.

Обсуждение и выводы

Итак, в подходах к изучению безопасности преобладает влияние политического дискурса, определяющего тотальную «секьюритизацию» общества и контроль, при этом активно развиваются психологические концепции безопасности, направленные на разработку экзистенциально-гуманистических и когнитивных ее аспектов.

При всем богатстве и разнообразии теоретических интерпретаций понятия безопасности в данный момент недостаточно разработана методология измерения безопасности, требующая взаимодополнения применяемых методов с оценкой связей изучаемых параметров, существующие методики измеряют отдельные аспекты данного феномена, не давая его комплексной оценки, что хорошо заметно при анализе научных публикаций. В содержании зарубежных статей, посвященных анализу и измерению безопасности, речь идет о политических, организационных и управленческих факторах безопасности, полицейских мерах в области общественной безопасности, связанной с охраной здоровья [54–57], продовольственной безопасностью [58], защитой от угроз и насилия в образовательной среде [59–61] и др.

Указанные сферы жизни и поведение человека оцениваются с точки зрения внешних рисков и угроз для физического существования, поддающихся фиксации и контролю, факторы и инструменты защиты от которых включают превентивные или реактивные воздействия на среду и социальные отношения. Лишь в некоторых статьях [62–64] исследуется не только безопасность, связанная с внешней защитой от угроз, но и внутреннее чувство защищенности, факторы и инструменты его обеспечения.

Необходимость учитывать человеческий фактор при измерении безопасности, обоснованная представителями психометрического подхода еще в 70–80-е гг. XX в., раскрывшими особенности субъективного восприятия рисков [65], показывает, что изучение безопасности должно включать анализ того, что субъект понимает под опасностью и риском, какие объекты, деятельность и события он оценивает как безопасные и почему, с учетом расхождения оценок рискованного и безопасного экспертами и непрофессионалами [65].

Значимость субъективных факторов и субъектности при оценке безопасности иллюстрирует и «модель пирога» С. Любомирски, согласно которой уровень благополучия человека лишь на 10–15% объясняется внешними макросоциальными показателями [66]. Это подтверждает и наш анализ, проведенный с помощью QDA Miner, относительно частоты встречаемости волнующих молодежь страхов (например, боязнь одиночества).

Как демонстрируют наши блиц-опросы участников проводимых мероприятий при помощи «облака слов», самые распространенные ассоциации с понятием безопасности – это «спокойствие», «защищенность», «защита», «комфорт», «надежность», «отсутствие угроз», а риска – «опасность», «угроза», «возможности», «страх», «экстрим», что подтверждает выводы предыдущих исследований, согласно которым для обычных людей безопасность связана прежде всего с чувством защищенности, в то время как эксперты оценивают безопасность в связи с количеством ожидаемых жертв и затратами [66].

Таким образом, анализ понятия безопасности показывает ее комплексный и междисциплинарный характер, подтверждает необходимость создания условий для корректного ее измерения с учетом валидности и надежности соответствующих инструментов и их триангуляции, а также необходимость интеграции представлений о безопасности и рассмотрения ее обеспечения не только на социальном, но и на индивидуальном уровне.

Примечания

¹ Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (в ред. федеральных законов от 05.10.2015 № 285-ФЗ, от 06.02.2020 № 6-ФЗ, от 09.11.2020 № 365-ФЗ).

² Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13.05.2017 № 208; Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма от 30.05.2018; Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» от 30.01.2010, № 120.

³ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685; Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций на период до 2030 года» от 11.01.2018, № 12; Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации, 05.10.2009.

⁴ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной пограничной политики Российской Федерации» от 25.04.2018 № 174; Военная доктрина Российской Федерации от 25.12.2014 № Пр-2976.

⁵ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» от 19.04.2017 № 176.

⁶ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности Российской Федерации на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» от 13.10.2018 № 585; Указ Президента Российской Федерации «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области промышленной безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу» от 06.05.2018 № 198.

⁷ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» от 05.12.2016 № 646.

⁸ Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 31.12.2015 № 683.

Список источников

1. Лихолетов В.В., Абдуллин А.Г. Проблема безопасности личности: анализ базовых понятий и подходов к моделированию // Интеграция образования. 2022. № 26 (3). С. 483–502. doi: 10.15507/1991-9468.108.026.202203.483-502
2. Маджуга А.Г., Котелевцев Н.А., Рыбаков А.В. Безопасность жизнедеятельности как комплексный междисциплинарный феномен: концептуальные подходы к изучению // Гуманитарные науки. 2022. № 1 (57). С. 87–92.
3. Казаков Н.Д. Безопасность и синергетика (опыт философского осмысления) // Безопасность. 1994. № 4. С. 62–63.
4. Бельков О.А. Понятийно-категориальный аппарат концепции национальной безопасности // Безопасность. 1994. № 3. С. 91–94.
5. Петрянин А.В., Петрянина О.А. Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 173–176.
6. Герасимов А.В. Феномен безопасности в социально-философском дискурсе // Философская школа. 2018. № 4. С. 23–31. doi: 10.24411/2541-7673-2018-10411
7. Платон. Государство / пер. с др.-греч. А.Н. Егунова; под общ. ред. А.Ф. Лосева // Собрание сочинений. Т. 3. М.: Мысль, 1994. С. 116–149.
8. Аристотель. Политика / пер. с др.-греч. И.В. Брагинской, М.Л. Гаспарова, С.А. Шевелева, Г.А. Миллер; под ред. А.И. Доватур, Ф.Х. Кессиди // Сочинения: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 376–644.
9. Гоббс Т. Философские основания учения о гражданине. Минск: Харвест; Москва: АСТ, 2001. 304 с.
10. Фетисова Ю.В. Безопасность и культурный контекст: к обоснованию понятия «Культура безопасности» // Омский научный вестник. 2009. № 3. С. 88–90.
11. Фуко М. Безопасность, территория, население / пер. с фр. Н.В. Суслова, А.В. Шестакова, В.Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
12. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеже де Франс в 1978–1979 учебном году / пер. с фр. А.В. Дьякова. СПб.: Наука, 2010. 446 с.
13. Тиллих П. Мужество быть / пер. с англ. Т.И. Вевюрко // Теология культуры. М.: Юрист, 1995. С. 7–216.
14. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Ад Маргинем, 1997. 451 с.
15. Гайдаев О.С. Теория секьюритизации, или Хорошо забытое старое: к вопросу о теоретико-философских истоках и зарождении теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. № 21 (1). С. 20–32. doi: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32
16. Ковалева Т.К. Национальная безопасность и пандемии. Корректировка инструментов обеспечения биобезопасности: характер дискуссий и поиск элементов формулы успеха // Инновации и инвестиции. 2021. № 1. С. 187–192.
17. Севастьянова Я.В., Ефременко Д.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66–86.
18. Goldstein D.M. Toward a Critical Anthropology of Security // Current Anthropology. 2010. Vol. 51 (4). P. 487–517. doi: 10.1086/655393
19. Glück Z., Low S. A sociospatial framework for the anthropology of security // Anthropological Theory. 2017. Vol. 17. P. 281–296.
20. Samimian-Darash L.S., Stalcup M. Anthropology of security and security in anthropology: Cases of counterterrorism in the United States // Anthropological Theory. 2017. Vol. 17. P. 60–87. doi: 10.1177/1463499616678096
21. Low S. Security at home: How private securitization practices increase state and capitalist control // Anthropological Theory. 2017. Vol. 17. P. 365–381. doi: 10.1177/1463499617729297
22. Frazier M.L., Fainshmidt S., Klinger R.L., Pezeshkan A., Vracheva V. Psychological safety: A meta-analytic review and extension // Personnel Psychology. 2017. Vol. 70. P. 113–165. doi: 10.1111/peps.12183
23. Дуглас М. Риск как судебный механизм / пер. с англ. А.Д. Ковалева // Thesis. 1994. № 5. С. 242–253.
24. Kahan D.M. Cultural Cognition as a Conception of the Cultural Theory of Risk // Roeser S., Hillerbrand R., Sandin P., Peterson M. (Eds.) Handbook of Risk Theory. Dordrecht: Springer, 2012. P. 725–759.
25. Елфимова О.С. Национальная безопасность в теории и законодательстве России // Lex Russica. 2016. № 10. С. 15–28. doi: 10.17803/1729-5920.2016.119.10.015-028
26. Зотова О.Ю. Теоретический обзор современных концепций психологической безопасности // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 247–253.
27. Баева И.А. Психологическая безопасность в образовании. СПб.: СОЮЗ, 2022. 271 с.
28. Субботина Л.Ю. Что понимать под состоянием безопасности личности // Ярославский психологический вестник. 2021. № 3 (51). С. 37–42.
29. Баева И.А., Гаязова И.В., Кондакова И.В. Категория психологической безопасности в исследованиях устойчивости личности // Научное мнение. 2019. № 11. С. 18–24. doi: 10.25807/PBH.22224378.2019.11.18.24
30. Литвинова А.В., Котенева А.В., Кокурин А.В., Иванов В.С. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности // Современная зарубежная психология. 2021. № (10)1. С. 8–16. doi: 10.17759/jmfp.2021100101
31. Li T., Tang N. Inclusive Leadership and Innovative Performance: A Multi-Level Mediation Model of Psychological Safety // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Art. No. 934831. doi: 10.3389/fpsyg.2022.934831
32. Chen S.-C., Shao J., Liu N.-T., Du Y.-S. Reading the Wind: Impacts of Leader Negative Emotional Expression on Employee Silence // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Art. No. 762920. doi: 10.3389/fpsyg.2022.762920
33. Kim S., Lee H., Connerton T.P. How Psychological Safety Affects Team Performance: Mediating Role of Efficacy and Learning Behavior // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. Art. No. 1581. doi: 10.3389/fpsyg.2020.01581
34. Hebles M., Trincado-Munoz F., Ortega K. Stress and Turnover Intentions Within Healthcare Teams: The Mediating Role of Psychological Safety, and the Moderating Effect of COVID-19 Worry and Supervisor Support // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 12. Art. No. 758438. doi: 10.3389/fpsyg.2021.758438
35. Obrenovic B., Jianguo D., Khudaykulov A., Khan MAS. Work-Family Conflict Impact on Psychological Safety and Psychological Well-Being: A Job Performance Model // Frontiers in Psychology. 2020. Vol. 11. Art. No. 475. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00475
36. Лобанова А.В., Музыченко Л.С. Изучение факторов, обеспечивающих психологическую безопасность личности подростков // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2012. № 2. С. 12–18.
37. Субботина Л.Ю., Чудакова Т.Л. Взаимовлияние безопасности личности и ее свойств // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 2 (119). С. 87–95. doi: 10.20323/1813-145X-2021-2-119-87-95

38. Иванов М.С. Обеспечение личной безопасности как проблема психологии жизненного пути, самореализации и идентичности личности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (3). С. 128–133.
39. Лызь Н.А. Субъектный подход к обеспечению безопасности студентов технического вуза // Известия ЮФУ. Технические науки. 2012. № 4. С. 134–140.
40. Bubnovskaya O.V. Special aspects of individual's psychophysical well-being at student's age // Science and Technology. 2013. Vol. 1, № 4. P. 230–236.
41. Edmondson A. Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams // Administrative Science Quarterly. 1999. Vol. 44 (2). P. 350–383. doi: 10.2307/2666999
42. Эксакусто Т.В., Лызь Н.А. Психологическая безопасность в проблемном поле психологии // Сибирский психологический журнал. 2010. № 37. С. 86–91.
43. Хакимзянов Р.Н., Рязанов Д.А. Социальные, психологические и организационные факторы, влияющие на психологическую безопасность образовательной среды // Образование и саморазвитие. 2022. № 17 (4). С. 303–320.
44. Перельгина Е.Б., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В., Белоусова Н.А. Предикторы оценки личностью степени безопасности жизненного пространства // Человеческий капитал. 2018. № 3. С. 67–77. doi: 10.25629/HC.2018.03.07
45. Донцов А.И., Перельгина Е.Б., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В., Веракса А.Н., Рикель А.М. Доверие и субъективное благополучие как основание психологической безопасности современного общества. Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. 578 с.
46. Тучина О.Р., Аполлонов И.А. Региональная идентичность как фактор психологической безопасности // Гуманизация образования. 2019. № 5. С. 166–179.
47. Перельгина Е.Б., Зотова О.Ю. Представления интеллектуальной элиты о психологической безопасности российского общества (аналитический отчет по результатам интервью с экспертами в области экономической, экологической, информационной и правовой безопасности) // Человеческий капитал. 2017. № 9. С. 10–13.
48. Зинченко Ю.П. Методологические основы психологии безопасности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 11–14.
49. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с франц. С.Н. Зенкина. М. : Добросвет, 2000. 387 с.
50. Doorn N., Hansson S.O. Design for the Value of Safety // Handbook of Ethics, Values, and Technological Design. Springer Science, 2015. P. 492–511. doi: 10.1007/978-94-007-6970-0_19
51. Зинченко Ю.П. Психология безопасности как социально-системное явление // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 4. С. 4–11.
52. Bubnovskaya O.V., Leonidova V.V., Lysova A.V. Security or Safety: Quantitative and Comparative Analysis of Usage in Research Works Published in 2004–2019 // Behavioral Sciences. 2019. Vol. 9 (12). Art. No. 146. doi: 10.3390/bs9120146
53. Геномика поведения: детское развитие и образование / под ред. С.Б. Малых, Ю.В. Ковас, Д.А. Гайсиной. Томск : Издательский Дом Том. гос. ун-та, 2016. 442 с.
54. McKeown C. Patient safety culture: theory, methods & application // Ergonomics. 2016. Vol. 59 (8). P. 1132–1133. doi: 10.1080/00140139.2015.1130412
55. Waring J., Allen D., Braithwaite J., Sandall J. Healthcare quality and safety: a review of policy, practice and research // Sociology of Health & Illness. 2016. Vol. 38 (2). P. 198–215. doi: 10.1111/1467-9566.12391
56. Choi Y.J., Kang Y.K., Yang I.J., Lim J.Y. Patient Safety Perception of Nurses as related to Patient Safety Management Performance in Tertiary Hospitals // Journal of Korean Academy of Nursing Administration. 2018. Vol. 24 (3). Art. No. 193. doi: 10.1111/jkana.2018.24.3.193
57. Hignett S., Albolino S., Catchpole K. Health and social care ergonomics: patient safety in practice // Ergonomics. 2018. Vol. 61 (1). P. 1–4. doi: 10.1080/00140139.2017.1386454
58. Linder L.F. Regulating food safety: the power of alignment and drive towards convergence // Innovation: The European Journal of Social Science Research. 2008. Vol. 21 (2). P. 133–143. doi: 10.1080/13511610802214487
59. Tokel A., Altınay Z., Altınay F., Dagli G. An Evaluation of Safety and Security of Primary Schools of Cyprus for Welfare of Society // The Anthropologist. 2016. Vol. 23. P. 437–453.
60. Mowen T.J., Freng A. Is More Necessarily Better? School Security and Perceptions of Safety among Students and Parents in the United States // American Journal of Criminal Justice. 2019. Vol. 44. P. 376–394. doi: 10.1007/s12103-018-9461-7
61. Hanaya A., McDonald Z., Balie L. Teacher Agency in South African Education Policy Related to School Safety // Africa Education Review. 2018. doi: 10.1080/18146627.2018.1467734
62. Buregel B.J., Gillen M., White M.C. Health and Safety Strategies of Urban Taxi Drivers // Journal of Urban Health. 2012. Vol. 89. P. 717–722. doi: 10.1007/s11524-012-9685-7
63. Singh B., Winkel D.E., Selvarajan T.T. Managing diversity at work: Does psychological safety hold the key to racial differences in employee performance? // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2013. Vol. 86. P. 242–263. doi: 10.1111/joop.12015
64. Hashim I.H.M., Mohd-Zaharim N., Karupiah P., Selamat N.H., Endut N., Azman A.A. Crime and Social Connectedness in Malaysian Gated Communities // Social Indicators Research. 2019. Vol. 144. P. 1179–1193. doi: 10.1007/s11205-018-2046-5
65. Slovic P. Perception of risk // Science. 1987. Vol. 236 (4799). P. 280–285. doi: 10.1126/science.3563507
66. Леонтьев Д.А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. № 41 (6). С. 86–95. doi: 10.31857/S020595920012592-7

References

1. Likholetov, V.V. & Abdullin, A.G. (2022) The problem of personal security: An analysis of basic concepts and approaches to modeling. *Integratsiya obrazovaniya*. 26(3). pp. 483–502. doi: 10.15507/1991-9468.108.026.202203.483-502
2. Madzhuga, A.G., Kotelevtsev, N.A. & Rybakov, A.V. (2022) Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti kak kompleksnyy mezhdistitsiplinarnyy fenomen: kontseptual'nye podkhody k izucheniyu [Life safety as a complex interdisciplinary phenomenon: conceptual approaches to study]. *Gumanitarnye nauki*. 1 (57). pp. 87–92.
3. Kazakov, N.D. (1994) Bezopasnost' i sinergetika (opyt filosofskogo osmysleniya) [Security and synergetics (experience of philosophical understanding)]. *Bezopasnost'*. 4. pp. 62–63.
4. Bel'kov, O.A. (1994) Ponyatiyno-kategorial'nyy apparat kontseptsii natsional'noy bezopasnosti [Conceptual and categorical apparatus of the concept of national security]. *Bezopasnost'*. 3. pp. 91–94.
5. Petryanin, A.V. & Petryanina, O.A. (2013) Ponyatie bezopasnosti: zakonodatel'no-doktrinal'nye podkhody [The concept of security: legislative and doctrinal approaches]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 21. pp. 173–176.
6. Gerasimov, A.V. (2018) Phenomenon of safety in the social and philosophical discourse. *Filosofskaya shkola*. 4. pp. 23–31. (In Russian). doi: 10.24411/2541-7673-2018-10411
7. Plato. (1994) Gosudarstvo [The state]. Translated from Old Greek by A.N. Egunov. In: Losev, A.F. (ed.) *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 3. Moscow: Mysl'. pp. 116–149.
8. (1983) Aristotel'. Politika / Translated from Old Greek by I.V. Braginskaya, M.L. Gasparov, S.A. Shevelev, G.A. Miller. In: Dovatur, A.I. & Kessidi, F.Kh. (eds) *Sochineniya: v 4 t.* [Writings: in 4 vols]. Vol. 4. Moscow: Mysl'. pp. 376–644.

9. Hobbes, T. (2001) On the citizen. Minsk: Kharvest; Moscow: ACT.
10. Fetisova, Yu.V. (2009) Bezopasnost' i kul'turnyy kontekst: k obosnovaniyu ponyatiya "Kul'tura bezopasnosti" [Security and cultural context: to substantiate the concept of "Security Culture"]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 3. pp. 88–90.
11. Foucault, M. (2011) *Security, territory, population*. Translated from French by N.V. Suslov, A.V. Shestakov, V.Yu. Bystrov. St. Petersburg: Nauka.
12. Fuko, M. (2010) *The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978-1979*. Translated from French by A.V. D'yakov. St. Petersburg: Nauka.
13. Tillich, P. (1995) *The courage to be*. Translated from English by T.I. Vevyurko. In: *Teologiya kul'tury* [Theology of culture]. Moscow: Yurist. pp. 7–216.
14. Heidegger, M. (1997) *Bytie i vremya* [Being and time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem.
15. Gaydaev, O.S. (2021) Securitization theory or a well overlooked old: On the philosophical and theoretical premises and origins of the theory. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. 21 (1). pp. 20–32. (In Russian). doi: 10.22363/2313-0660-2021-21-1-20-32
16. Kovaleva, T.K. (2021) National security and pandemics. Adjusting the tools for ensuring biosafety: the nature of discussions and the search for elements of a formula for success. *Innovatsii i investitsii*. 1. pp. 187–192. (In Russian).
17. Sevast'yanova, Ya.V. & Efremenko, D.V. (2020) Securitization of memory and the dilemma of mnemonic security. *Politicheskaya nauka*. 2. pp. 66–86.
18. Goldstein, D.M. (2010) Toward a Critical Anthropology of Security. *Current Anthropology*. 51(4). pp. 487–517. doi: 10.1086/655393
19. Glück, Z. & Low, S. (2017) A sociospatial framework for the anthropology of security. *Anthropological Theory*. 17. pp. 281–296.
20. Samimian-Darash, L.S. & Stalcup, M. (2017) Anthropology of security and security in anthropology: Cases of counterterrorism in the United States. *Anthropological Theory*. 17. pp. 60–87. doi: 10.1177/1463499616678096
21. Low, S. (2017) Security at home: How private securitization practices increase state and capitalist control. *Anthropological Theory*. 17. pp. 365–381. doi: 10.1177/1463499617729297
22. Frazier, M.L. et al. (2017) Psychological safety: A meta-analytic review and extension. *Personnel Psychology*. 70. pp. 113–165. doi: 10.1111/peps.12183
23. Douglas, M. (1994) *Risk kak sudebnyy mekhanizm* [Risk as a judicial mechanism]. Translated from English by A.D. Kovalev. Thesis. 5. pp. 242–253.
24. Kahan, D.M. (2012) Cultural Cognition as a Conception of the Cultural Theory of Risk. In: Roeser, S. et al. (eds) *Handbook of Risk Theory*. Dordrecht: Springer. pp. 725–759.
25. Elfimova, O.S. (2016) National security: The theory and legislation of Russia. *Lex Russica*. 10. pp. 15–28. (In Russian). doi: 10.17803/1729-5920.2016.119.10.015-028
26. Zotova, O.Yu. (2016) Theoretical Overview of Contemporary Concepts of Psychological Security. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 6. pp. 247–253. (In Russian).
27. Baeva, I.A. (2022) *Psikhologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii* [Psychological safety in education]. St. Petersburg: SOYuZ.
28. Subbotina, L.Yu. (2021) What is meant by the state of personal security. *Yaroslavskiy psikhologicheskiy vestnik*. 3 (51). pp. 37–42. (In Russian).
29. Baeva, I.A., Gayazova, I.V. & Kondakova, I.V. (2019) The psychological safety category in resilience studies. *Nauchnoe mnenie*. 11. pp. 18–24. (In Russian). doi: 10.25807/PBH.22224378.2019.11.18.24
30. Litvinova, A.V. et al. (2021) Problems of psychological safety of a person in extreme conditions of life. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. 10 (1). pp. 8–16. (In Russian). doi: 10.17759/jmfp.2021100101
31. Li, T. & Tang, N. (2022) Inclusive Leadership and Innovative Performance: A Multi-Level Mediation Model of Psychological Safety. *Frontiers in Psychology*. 13. Art. No. 934831. doi: 10.3389/fpsyg.2022.934831
32. Chen, S.-C. et al. (2022) Reading the Wind: Impacts of Leader Negative Emotional Expression on Employee Silence. *Frontiers in Psychology*. 13. Art. No. 762920. doi: 10.3389/fpsyg.2022.762920
33. Kim, S., Lee, H. & Connerton, T.P. (2020) How Psychological Safety Affects Team Performance: Mediating Role of Efficacy and Learning Behavior. *Frontiers in Psychology*. 11. Art. No. 1581. doi: 10.3389/fpsyg.2020.01581
34. Hebles, M., Trincado-Munoz, F. & Ortega, K. (2022) Stress and Turnover Intentions Within Healthcare Teams: The Mediating Role of Psychological Safety, and the Moderating Effect of COVID-19 Worry and Supervisor Support. *Frontiers in Psychology*. 12. Art. No. 758438. doi: 10.3389/fpsyg.2021.758438
35. Obrenovic, B. et al. (2020) Work-Family Conflict Impact on Psychological Safety and Psychological Well-Being: A Job Performance Model. *Frontiers in Psychology*. 11. Art. No. 475. doi: 10.3389/fpsyg.2020.00475
36. Lobanova, A.V. & Muzychenko, L.S. (2012) Izucheniye faktorov, obespechivayushchikh psikhologicheskuyu bezopasnost' lichnosti podrostkov [Study of factors ensuring the psychological safety of adolescents]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2. pp. 12–18.
37. Subbotina, L.Yu. & Chudakova, T.L. (2021) Mutual influence of safety and personality features. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik*. 2 (119). pp. 87–95. doi: 10.20323/1813-145Kh-2021-2-119-87-95
38. Ivanov, M.S. (2015) Obespecheniye lichnoy bezopasnosti kak problema psikhologii zhiznennogo puti, samorealizatsii i identichnosti lichnosti [Ensuring personal safety as a problem of psychology of lifeway, self-realization and personal identity]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (3). pp. 128–133.
39. Lyz', N.A. (2012) Sub'ektivnyy podkhod k obespecheniyu bezopasnosti studentov tekhnicheskogo vuza [Subjective approach to ensuring the safety of students of a technical university]. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki*. 4. pp. 134–140.
40. Bubnovskaya, O.V. (2013) Special aspects of individual's psychophysical well-being at student's age. *Science and Technology*. 1 (4). pp. 230–236.
41. Edmondson, A. (1999) Psychological Safety and Learning Behavior in Work Teams. *Administrative Science Quarterly*. 44 (2). pp. 350–383. doi: 10.2307/2666999
42. Eksakusto, T.V. & Lyz', N.A. (2010) Psikhologicheskaya bezopasnost' v problemnom pole psikhologii [Psychological safety in the problem field of psychology]. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal*. 37. pp. 86–91.
43. Khakimzyanov, R.N. & Ryazanov, D.A. (2022) Social, psychological and organizational factors influencing the psychological safety of the educational environment. *Obrazovanie i samorazvitiye*. 17 (4). pp. 303–320. (In Russian).
44. Pereyagina, E.B. et al. (2018) Predictors of assessment by the person of the safety level of life space. *Chelovecheskiy kapital*. 3. pp. 67–77. doi: 10.25629/HC.2018.03.07
45. Dontsov, A.I. et al. (2018) *Doverie i sub'ektivnoye blagopoluchie kak osnovaniye psikhologicheskoy bezopasnosti sovremennogo obshchestva* [Trust and subjective well-being as the basis of psychological safety in modern society]. Yekaterinburg: Gumanitarnyy universitet.
46. Tuchina, O.R. & Apollonov, I.A. (2019) Regional'naya identichnost' kak faktor psikhologicheskoy bezopasnosti [Regional identity as a factor of psychological safety]. *Gumanizatsiya obrazovaniya*. 5. pp. 166–179.
47. Pereyagina, E.B. & Zotova, O.Yu. (2017) Ideas of the intellectual elite about the psychological security of Russian society (an analytical report based on the results of interviews with experts in the field of economic, environmental, information and legal security). *Chelovecheskiy kapital*. 9. pp. 10–13. (In Russian).
48. Zinchenko, Yu.P. (2011) Metodologicheskie osnovy psikhologii bezopasnosti [Methodological foundations of security psychology]. *Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal*. 2. pp. 11–14.
49. Baudrillard, J. (2000) *Simvolicheskiy obmen i smert'* [Symbolic exchange and death]. Translated from French by S.N. Zenkin. Moscow: Dobrosvet.

50. Doorn, N. & Hansson, S.O. (2015) Design for the Value of Safety. In: van den Hoven, J., Vermaas, P., van de Poel, I. (eds) *Handbook of Ethics, Values, and Technological Design*. Springer Science. pp. 492–511. doi: 10.1007/978-94-007-6970-0_19
51. Zinchenko, Yu.P. (2011) Psikhologiya bezopasnosti kak sotsial'no-sistemnoe yavlenie [Psychology of safety as a social-systemic phenomenon]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*. 4. pp. 4–11.
52. Bubnovskaia, O.V., Leonidova, V.V. & Lysova, A.V. (2019) Security or Safety: Quantitative and Comparative Analysis of Usage in Research Works Published in 2004–2019. *Behavioral Sciences*. 9 (12). Art. No. 146. doi: 10.3390/bs9120146
53. Malykh, S.B. et al. (eds) (2016) *Genomika povedeniya: detskoe razvitiye i obrazovanie* [Genomics of behavior: child development and education]. Tomsk: Tomsk State University.
54. McKeown, C. (2016) Patient safety culture: theory, methods & application // *Ergonomics*. 59 (8). pp. 1132–1133. doi: 10.1080/00140139.2015.1130412
55. Waring, J. et al. (2016) Healthcare quality and safety: a review of policy, practice and research. *Sociology of Health & Illness*. 38 (2). pp. 198–215. doi: 10.1111/1467-9566.12391
56. Choi, Y.J. et al. (2018) Patient Safety Perception of Nurses as related to Patient Safety Management Performance in Tertiary Hospitals. *Journal of Korean Academy of Nursing Administration*. 24 (3). Art. No. 193. doi: 10.1111/jkana.2018.24.3.193
57. Hignett, S., Albolino, S. & Catchpole, K. (2018) Health and social care ergonomics: patient safety in practice. *Ergonomics*. 61 (1). pp. 1–4. doi: 10.1080/00140139.2017.1386454
58. Linder, L.F. (2008) Regulating food safety: the power of alignment and drive towards convergence. *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 21(2). pp. 133–143. doi: 10.1080/13511610802214487
59. Tokel, A. et al. (2016) An Evaluation of Safety and Security of Primary Schools of Cyprus for Welfare of Society. *The Anthropologist*. 23. pp. 437–453.
60. Mowen, T.J. & Freng, A. (2019) Is More Necessarily Better? School Security and Perceptions of Safety among Students and Parents in the United States. *American Journal of Criminal Justice*. 44. pp. 376–394. doi: 10.1007/s12103-018-9461-7
61. Hanaya, A., McDonald, Z. & Balie, L. (2018) Teacher Agency in South African Education Policy Related to School Safety. *Africa Education Review*. doi: 10.1080/18146627.2018.1467734
62. Burgel, B.J., Gillen, M. & White, M.C. (2012) Health and Safety Strategies of Urban Taxi Drivers. *Journal of Urban Health*. 89. pp. 717–722. doi: 10.1007/s11524-012-9685-7
63. Singh, B., Winkel, D.E. & Selvarajan, T.T. (2013) Managing diversity at work: Does psychological safety hold the key to racial differences in employee performance? *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 86. pp. 242–263. doi: 10.1111/joop.12015
64. Hashim, I.H.M. et al. (2019) Crime and Social Connectedness in Malaysian Gated Communities. *Social Indicators Research*. 144. pp. 1179–1193. doi: 10.1007/s11205-018-2046-5
65. Slovic, P. (1987) Perception of risk. 236 (4799). pp. 280–285. doi: 10.1126/science.3563507
66. Leont'ev, D.A. (2020) Quality of life and well-being: objective, subjective and agentic aspects. *Psikhologicheskii zhurnal*. 41 (6). pp. 86–95. doi: 10.31857/S020595920012592-7

Информация об авторах:

Бубновская О.В. – канд. психол. наук, зав. лабораторией междисциплинарных исследований безопасности и риска Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: bubnovskaia.ov@dvfu.ru

Леонидова В.В. – канд. филос. наук, ведущий научный сотрудник лаборатории междисциплинарных исследований безопасности и риска Дальневосточного федерального университета (Владивосток, Россия). E-mail: leonidova.vv@dvfu.ru

Лобач Д.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института Университета прокуратуры Российской Федерации (Владивосток, Россия). E-mail: dimaved85@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.V. Bubnovskaia, Cand. Sci. (Psychology), head of the Laboratory of Interdisciplinary Research on Safety and Risk, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: bubnovskaia.ov@dvfu.ru

V.V. Leonidova, Cand. Sci. (Philosophy), leading research fellow, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: leonidova.vv@dvfu.ru

D.V. Lobach, Cand. Sci. (Law), associate professor, Far Eastern Law Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Vladivostok, Russian Federation). E-mail: dimaved85@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 14.07.2023;
одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 14.07.2023;
approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Научная статья
УДК 32.019.52
doi: 10.17223/15617793/496/15

Репрезентация генетических исследований в российских и зарубежных средствах массовой информации

Евгения Владимировна Попова¹, Дарья Михайловна Мацепуро²

^{1,2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ iam.e.popova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1716-8849

² daria.matsepuro@mail.tsu.ru; ORCID: 0000-0002-9809-082X

Аннотация. Исследование направлено на анализ медийной повестки, формирующейся в отношении генетических исследований в российских и зарубежных СМИ, посредством сравнительного контент-анализа. В результате были выявлены «проблемные точки» репрезентации геномных исследований. Проведенный анализ показал различия как в самом дискурсе, так и в ценностных установках и организационных практиках.

Ключевые слова: генетические исследования, СМИ, медийная повестка, информационное поле, контент-анализ

Источник финансирования: исследование выполнено при поддержке Программы развития ТГУ («Приоритет-2030»).

Для цитирования: Попова Е.В., Мацепуро Д.М. Репрезентация генетических исследований в российских и зарубежных средствах массовой информации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 135–143. doi: 10.17223/15617793/496/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/15

Representation of genetic research in Russian and foreign media

Evgeniya V. Popova¹, Darya M. Matsepuro²

^{1,2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ iam.e.popova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1716-8849

² daria.matsepuro@mail.tsu.ru; ORCID: 0000-0002-9809-082X

Abstract. As a result of the rapid development of genomic technologies and the growth of published studies on this topic, the number of mass media materials about genetic research has significantly increased. This is of particular research interest and requires a comprehensive analysis. This article presents the results of a comparative analysis of the media representation of the genetic science advancements in Russia and Western countries since November 2018, when the Chinese biophysicist Hè Jiànkūi (贺建奎) claimed that he had created the first human genetically edited babies, which was initially praised in the press and the scientific community until February 2022. Since in different countries the level of public attention to the positive and negative attitude of research and disciplines varies significantly, in this regard, we decided to include a country aspect by studying the media agenda of Russia and Western countries (400 and 159 media materials, respectively) through content analysis, which is often used in studies of public debates related to the development of technology, as well as in the analysis of the political and media agenda. We uploaded the resulting database of articles from Russian and foreign media to the PolyAnalyst platform to analyze the received texts. Key words and links between them were automatically extracted. Based on a qualitative analysis of the texts and the available theoretical models embedded in the research hypotheses, we identified significant key words for which links with other words were automatically derived, which made it possible to analyze changes in the content of the meanings of these categories. The theoretical basis for this study is the concept of agenda setting and the analysis of actors involved in its formation. In the first case, the role of the media comes to the fore in drawing attention to specific events, debates and attributes, in particular, to the main issues of genetic research and their results; in formulating ethical dilemmas that require the attention of public groups and/or are the results of demands from society. Mass media influence the opinion of society and other participants in the process of forming ideas about genetics and its possibilities. As follows from the analysis, “problem points” in the representation of genomic studies were identified. The analysis also showed differences both in the discourse itself and in value-based attitudes and organizational practices.

Keywords: genetic research, mass media, media agenda, information field, content analysis

Financial support: This study was supported by the Tomsk State University Development Programme (Priority-2030).

For citation: Popova, E.V. & Matsepuro, D.M. (2023) Representation of genetic research in Russian and foreign media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 135–143. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/15

Введение

Генетика сегодня является самой быстроразвивающейся наукой в истории человечества. Открытие структуры ДНК дает новое представление о процессах, лежащих в основе человеческого поведения и разума. Эти знания становятся все более и более актуальными для всех людей, живущих в эпоху генома [1], так как прогностическая информация, которая может быть извлечена из генетических данных, в том числе о здоровье, образовании и особенностях личности, очень обширна. Для людей возрастает необходимость понимания основных принципов генетики с тем, чтобы они могли осмысленно и мотивированно высказывать свое мнение в ходе важных общественных дискуссий и принимать взвешенные решения относительно своего здоровья в контексте возрастающего и удешевляющегося применения результатов геномных исследований. Осведомленность в области генетики представляет личный интерес для человека, поскольку может объяснить механизмы наследования тех или иных признаков, особенности генно-средового взаимодействия, экспрессии генов и др. В разных странах уровень общественного внимания к позитивным и негативным характеристикам исследований и дисциплин значительно различается, что делает актуальным анализ общественного внимания к научным открытиям и предметным областям с учетом странового аспекта. В данной статье изложены результаты сравнительного анализа репрезентации в средствах массовой информации (СМИ) достижений генетической науки в России и западных странах.

Одним из ключевых инструментов, работающих на осведомленность общества в области генетики, являются средства массовой информации. СМИ представляют собой первичный источник, который, с одной стороны, формирует мнение о геномных исследованиях для широкой общественности [2], а с другой стороны, является отражением общественного мнения [3]. Зачастую научные открытия, их содержание и значимость понятны лишь профессиональному сообществу, и именно средства массовой информации освещают их в доступной для широкой аудитории форме, выполняя популяризаторскую функцию [4]. Как следствие стремительного развития геномных технологий и роста опубликованных исследований по данной теме, в медийном поле значительно возросло количество материалов, посвященных генетическим исследованиям, что представляет особый исследовательский интерес и требует всестороннего анализа.

Появляющиеся наукоемкие технологии обычно привлекают широкое внимание средств массовой информации и общества, когда прорыв или применение вызывают общественные споры [5]. Редактирование генов (также называемое редактированием генома или геной инженерией) – это группа генетических техно-

логий, используемых для вставки, удаления, модификации или замены ДНК в геноме живого организма. Впервые этот вопрос стал предметом общенационального обсуждения после объявления в 2018 г. о рождении Лулу и Наны, которые родились в Китае и стали первыми в мире генно-модифицированными человеческими младенцами. Соответственно, это дает хорошую возможность понять, как противоречивая проблема редактирования генов воспринимается и обсуждается в разных национальных контекстах.

Роль средств массовой информации в репрезентации науки и техники

Процессы социальных репрезентаций науки и техники в СМИ характеризуются в научной литературе как «медиализация науки», предполагающая, что освещение научно-технического прогресса в СМИ является ключевым каналом, на который общественность полагается для получения научных знаний и формирования восприятия научно-технического прогресса [6]. Примечательно, что медиализация науки включает в себя и научную, и медиалогию при представлении науки и техники [7]. То есть в этом процессе происходит смешение утверждений, основанных на исследованиях, а также на новостных сюжетах и вкусовых пристрастиях редакций. В результате в публичном пространстве появляются «десциентизированные» нарративы науки [8], которые смешивают в разной пропорции позиции ученых, общественности, правительства и общества. Медиарепрезентация науки и техники обычно включает в себя как научно-ориентированные концепты (например, научный прогресс и фактические данные), так и социально ориентированные, такие как ценности, социальное воздействие и экономика [5, 9]. Соответственно, наука оказывается представленной множественным образом, что приводит к социальному представлению науки и техники.

Представления СМИ о генетических технологиях, их применении [9, 10] и спорах по поводу будущего отдельных технологий служат основой для изучения репрезентаций редактирования генов. Например, М. Нисбет и Б. Левенштейн [5] проанализировали освещение биотехнологий в «New York Times» и «Newsweek» в период с 1970 по 1999 г., на основе чего они разработали типологию фреймов, применимых в США к биотехнологиям. Авторы выделили следующие фреймы: «прогресс», «экономика», «этика», «Ящик Пандоры», «побег», «природа/воспитание», «общественная подотчетность» и «глобализация». Что касается генетических технологий и их применения, то ученые исследовали различные фреймы или темы, используемые при освещении развития данных технологий в СМИ в разных странах. Так, исследование Руана с соавторами, сравнивающее освещение ГМО в новостях в Великобритании, США и Китае, выявило семь

фреймов: «факты», «конфликт», «человеческие интересы», «регулирование», «мораль», «экономические последствия» и «лидерство» [9]. Ю. Дю и соавторы [11] провели качественный контент-анализ китайских новостных статей, касающихся редактирования генов, опубликованных в период с 2006 по 2017 г., и определили ключевые темы китайских СМИ, такие как этические проблемы, риски и выгоды.

СМИ влияют на мнение общества и других участников процесса формирования представлений о генетике и ее возможностях. Это делает актуальным анализ нарративов и фреймов в отношении этих технологий в СМИ отдельных стран, как и их сравнительный анализ. В фокусе данного исследования будет кейс российских СМИ в сравнении с репрезентациями генетики в СМИ зарубежных стран. Подобные исследования в других научных областях доказывают, что уже сформированный фрейм, используемый в дискурсе об объекте, чрезвычайно трудно разрушить или изменить [12, 13]. С одной стороны, высокий уровень поддержки и одобрения позволяет привлечь больше инвестиций и иных ресурсов в данное научное направление. Эти эффекты изучаются социологией ожиданий [14–18]. С другой стороны, негативные оценки и складывающиеся опасения, представления о рисках в той или иной области исследований формируют основы для того, что получило в литературе, посвященной исследованиям науки и техники, название «незавершенной науки» (undone science). Этот термин введен в 2010 г. [19] для анализа ситуаций в отдельных областях исследований, которые остались без финансирования или вообще игнорируются различными институциональными образованиями, что препятствуют завершению исследований или разработок. Это понятие акцентирует внимание на политических основаниях научных исследований, связанных в том числе с общественным мнением в отношении отдельных научных направлений. Оценка отношения к генетике со стороны СМИ дает основания для некоторых оценок общественного внимания и поддержки данной научной области в ближайшем будущем.

Методы исследования

Проведенное исследование нацелено на изучение материалов СМИ, в которых освещаются последние достижения в области генетики и практическое использование результатов генетических исследований, посредством контент-анализа. Это метод, который представляет собой «систематическую числовую обработку, оценку и интерпретацию формы и содержания информационного источника» [20], часто используется в исследованиях общественных дебатов, связанных с развитием технологий, а также при анализе политической и медийной повестки [5, 21].

Теоретической основой для такого исследования является концепция формирования повестки дня и анализ действующих лиц, которые участвуют в ее формировании. В первом случае выходит на первый план роль СМИ в привлечении внимания к конкретным событиям, дебатам и атрибутам (в частности, к основным

вопросам генетических исследований и их результатам), формулировании этических дилемм, которые требуют внимания общественных групп и/или являются результатами требований со стороны общества. СМИ влияют на мнение общества и других участников процесса формирования представлений о генетике и ее возможностях. Это демонстрирует важность анализа нарративов и фреймов, созданных и/или используемых акторами публичных обсуждений научных достижений в СМИ. Подобные исследования других научных дисциплин доказывают, что уже сформированный фрейм, используемый в дискурсе об объекте, чрезвычайно трудно разрушить или изменить [12, 13].

В качестве источников данных по вопросам геномных исследований выступали тексты ведущих российских и зарубежных СМИ, в том числе новостных агентств, профильных порталов о научных исследованиях и информационных ресурсах, направленных на популяризацию передового научного знания. Отправной точкой сбора данных стало 26 ноября 2018 г., когда китайский биолог и биофизик Хэ Цзянькуй заявил, что путем воздействия на ген CCR5 помог создать первых в мире людей с искусственно измененными генами – двух девочек-близнецов Лулу и Нана, которые, как предполагается, невосприимчивы к вирусу иммунодефицита человека [22–24]. Это событие стало мировой сенсацией и вызвало резонанс в научном сообществе [25–28]. СМИ бурно отреагировали на эту новость, опубликовав тысячи материалов. Об этом же свидетельствует и статистика поисковых запросов в России (рис. 1).

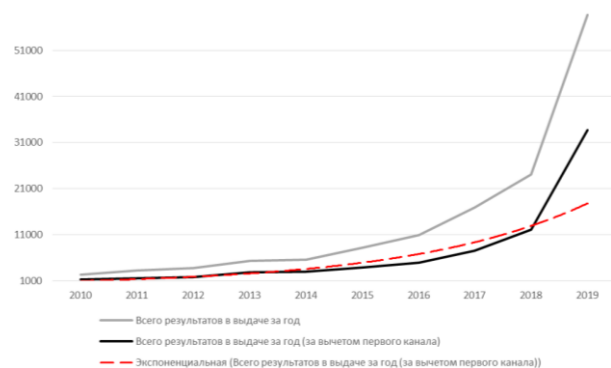

Рис. 1. Общая сумма результатов поисковых запросов за год.
Источник: сформировано авторами с помощью данных программы Яндекс.Радар

Для анализа репрезентации геномики в СМИ статьи собирались с ноября 2018 до февраля 2022 г. Для оценки динамики поисковых запросов за последние 10 лет и отбора достаточного количества материалов для контент-анализа на основе данных Яндекс.Радар был составлен список 20 сайтов из первых 26 (6 сайтов были отсеяны, так как являются агрегаторами и дублируют статьи с других новостных сайтов) самых посещаемых русскоязычных СМИ. Затем в них отбирались материалы по запросу «генетика». Всего было собрано 2 452 статьи в русскоязычных СМИ после удаления перепечатанных материалов. Материалы зарубежных СМИ были отобраны сходным образом. Сначала были

определены ведущие СМИ для США и стран Западной Европы. Ограничением стала работа только с англоязычными статьями – национальные языки были недоступны для отбора статей для анализа на этапе ручной обработки собранных текстов, поэтому те не были включены в проводимый анализ. Затем посредством инструмента поиска в системе Google были отобраны статьи по запросу «генетика» или «геномные исследования» и названия соответствующих СМИ на английском языке. Англоязычных статей собрано менее 400. Их небольшое количество связано с ручным сбором материалов и недоступностью статей из баз данных зарубежных СМИ для отбора всего объема доступных текстов.

После ручной загрузки текстов был проведен этап очистки и подготовки данных: удалены нерелевантные статьи, сокращены газетные полосы и новостные сообщения, которые содержат все материалы газетной полосы или новостного дайджеста. В таких выгрузках сохранялись только статьи/ новости, прямо связанные с целевым понятием. Для российского кейса мы сформировали случайную выборку, равную числу статей зарубежных СМИ для возможности сравнения. Мы сравнили медийную повестку в отношении геномики в России и США и странах Западной Европы на основе анализа 359 материалов СМИ каждого вида.

Полученная база данных статей российских и зарубежных СМИ была загружена на платформу PolyAnalyst для проведения анализа полученных текстов. Автоматически программой были выделены ключевые слова и связи между ними. Основываясь на качественном анализе текстов и имеющихся теоретических моделях, заложенных в гипотезы исследования, мы выделили значимые ключевые слова, для которых автоматически выводились связи с другими словами, что позволяло анализировать изменения в наполнении значений данных категорий. Так как мы работали со словами из разных языков: русского и английского, это ограничило возможность точного сопоставления некоторых слов. Например, использование синонимов одного и того же слова при наличии только одного чаще употребляемого слова в другом языке. В этом случае мы либо смотрели все синонимы в списке ключевых слов и отбирали самое часто употребляемое, либо при равной значимости нескольких вариантов показывали эти слова и их значения через знак слэш («/»).

Результаты

На первом шаге были выделены ключевые понятия изучаемого корпуса текстов. После загрузки таблиц была получена картина наиболее значимых слов для возможности сравнения контента российских и зарубежных СМИ. Для российских СМИ программа PolyAnalyst выделила 3 003 ключевых слова, для зарубежных СМИ – 1 792 слова. Нами проанализирован топ-50 ключевых слов, представленных в большем числе статей, посвященных генетическим исследованиям для каждого типа СМИ – российских и зарубежных.

Первый вывод, сделанный на основе выгруженных таблиц, состоит в том, что меньше половины слов одинаково значимы для российских и зарубежных СМИ, всего 18 слов (табл. 1). Мы предположили, что разница обусловлена различиями в языке, но поиск синонимов не увеличил данный список. Основной блок общих слов относится к полю науки, всего девять слов: «ученый», «исследование», «журнал» и др.; к генетике – «ген», «геном», «редактирование», «клетка», «мутация». Выделенное слово «животное» плотно ассоциируется с биологическими и медицинскими исследованиями.

Вторая по значимости группа общих слов относится к здоровью и болезни, всего три слова – «болезнь», «лечение» и «пациент». Из оставшихся интересны два слова – «технология» и «риск». Это отвечает теоретическим исследованиям науки, представленным выше, где наука прямо связана с технологиями, в случае генетики это в первую очередь технологии, связанные со здравоохранением. И еще одна связь, о которой говорят и российские, и зарубежные СМИ, – риски, связанные с результатами проводимых исследований и с появляющимися технологиями.

Таблица 1

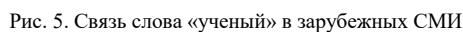
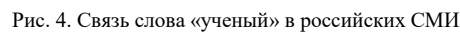
Топ ключевых слов о генетике, общих для российских и зарубежных СМИ

Ключевые слова	Число статей в российских СМИ	Число статей в зарубежных СМИ
Ученый	459	94
Ген	413	94
Геном	383	144
Исследование (research and study)	365	169
Редактирование	362	58
Клетка	315	42
Болезнь	310	76
Технология	301	43
Лечение	226	35
Мутация	213	40
Результат	185	42
Изменение	180	49
Журнал	174	36
Пациент	143	31
Риск	126	39
Инструмент	124	38
Процесс	116	44
Животное	113	38

Интересна группа слов, входящих в список топ-50 ключевых о генетике в российских СМИ, но не лидирующих для зарубежных СМИ. Все они относятся к традиционному представлению о научной работе – «эксперимент», «система», «метод» и др. (табл. 2). Однако для зарубежных СМИ они вытесняются другими понятиями, чаще не относящимися к языку науки.

Эту же логику продолжает список слов, относящихся к топ-50 для российских СМИ, не имеющих аналогов в списке ключевых слов зарубежных СМИ: «университет», «зародыш», «биолог», «генетик», «свойства», «фермент», «мышь», «институт», «лаборатория», «молекула», «орган» и др. Также небольшая группа слов относится к области медицины: «доктор»,

иными исследованиями (к слову, российский в данном контексте не упоминается вовсе), зарубежные СМИ не указывают на национальную принадлежность исследователей (рис. 5). Слово «ученый» в зарубежных СМИ, в отличие от «исследователя», больше связано с традиционными представлениями о науке («белок», «клетка», «журнал» и «автор»), а также показывает значимость для будущего.

сферы жизни человека диктуют необходимость соответствующей осведомленности населения и корректного формирования общественного мнения, основанного на научном знании. Геномные исследования будут оказывать все большее влияние на развитие медицины и биотехнологий, при этом достижения в этой области неизбежно коснутся (и в разной степени уже касаются) жизни каждого человека. Материалы средств массовой информации, очевидно, продолжают играть значительную роль в понимании и усвоении передового научного знания.

– Есть слова, значимость которых очень отличается для СМИ России, США и стран Запада. Так, в России чаще употребляется понятие «эксперимент», «система», «эксперт», а в зарубежных СМИ – «команда», «проект», «данные», «будущее», «мир».

Стремительное развитие исследований в области генетики и имплементация их результатов во все

«жизнь», «развитие», «человек». Можно предположить, что в российских СМИ чаще употребляются более старые и понятные читателю дефиниции геномики, т.е. происходит чрезмерное упрощение подачи материала.

В российских СМИ чаще, чем в зарубежных, употребляется слово «наука», тогда как в английском чаще применяется термин «исследование». Интересен набор терминов, маркирующих науку, которые употребляются российскими СМИ. Это всем известные термины, даже тем, кто закончил школу несколько десятилетий назад: «эксперимент», «метод», «организм», т.е. опять имеет место некоторое упрощение как представления о генетике, так и о науке в целом.

– В блок, связанный с ценностями и оценками происходящего, для зарубежных медиа включается набор слов, относящихся к человеку: «человек», «люди», «популяция». В российских СМИ слово «человек» встречается редко, среди ключевых слов появляется только понятие «сверхчеловек», а «человека» в списке нет.

– В зарубежных СМИ признается факт командной работы исследователей и проектной работы, в то время как в российских СМИ чаще делается упор на позицию и работу одного исследователя или ученого. Можно предполагать, что это особенности модели научной работы, которые сложились в разных культурных условиях, либо различные представления журналистов, которые не понимают особенностей работы современного исследователя. В зарубежных СМИ вопросам нового устройства науки отводится восемь значимых ключевых понятий, не значимых для российских СМИ: «команда», «исследовательская команда», «международная исследовательская команда», «исследовательский проект» и др. В действительности геномные исследования изменили форматы научной работы и научной коммуникации [33], в то время как российские СМИ все еще транслируют традиционный образ науки: ученый-одиночка в башне из слоновой кости, который ставит эксперимент. Имеется и еще значительный комплекс ключевых слов, характерных для зарубежных СМИ, но почти не представленных в российских публикациях: «генетические профили», «биоэкономика», «генетическое тестирование», «геновая инженерия», «геновая терапия», «генетический план», «генетическая модификация», «генетические маркеры» и т.д.

В логике исследователей, которые утверждают связь в материалах СМИ как научно-ориентированных фреймов, так и социально ориентированных рамок [5], обнаруживаем, что российские СМИ тяготеют скорее к презентации «чистой» науки, вне явной связи с социальным развитием, вопросами экономики или этическими проблемам. В отношении формирующихся фреймов генетических исследований в российских СМИ можно утверждать, что они значимо отличаются от привычного «западному» читателю. Так, в россий-

ских СМИ нет значимого для американских и британских СМИ разделения технологий на генно-модифицированные организмы и генно-модифицированные продукты [9], хотя, как показал проведенный нами анализ, тема генетических разработок в сельском хозяйстве гораздо чаще затрагивается российскими СМИ.

При сравнении фреймов о генетике в зарубежных и российских СМИ, обозначенных в обзоре литературы по результатам предыдущих исследований [5, 9, 11], в российских СМИ мы не обнаруживаем представлений о прогрессе или вопросов экономики, лидерства, обсуждения рисков (или Ящик Пандоры в исследовании Нисбета и Ливенштайна). Максимум сходного, что можно увидеть из связей ключевых слов российских СМИ и выделенных исследователями зарубежных СМИ, – это вопросы выгод от генетических технологий и научных «фактов», обсуждаемых СМИ. Каких-либо дополнительных фреймов обсуждения генетических технологий к имеющимся в научной литературе обнаружено не было.

Таким образом, можно сделать вывод, что российские СМИ рассказывают об исследованиях в области генетики более упрощенно, «плоско», чем зарубежные СМИ. Более того, можно предположить, что в российских публикациях нередко встречаются следы «теорий заговора», на что указывает встречающееся ключевое слово «сверхчеловек» вместо «человек».

Заключение

В проведенном исследовании мы обобщили материалы СМИ, в которых упоминаются проблемы генетики и применения результатов генетических исследований в России и за рубежом. Это позволило выявить основные проблемные точки репрезентации результатов геномных исследований, основные вызовы, формулируемые как значимые национальными СМИ, а также продемонстрировать стереотипные представления журналистов, которые пишут материалы о генетике.

Важно отметить, что выявленные ключевые слова о геномике не обнаружили связи со страхами, опасениями и предубеждениями общества в отношении использования результатов генетических исследований. Это, с одной стороны, дает основания для оптимизма по поводу установок общества и лиц, принимающих решения в отношении будущего генетических исследований и разработок. Можно с уверенностью утверждать, что в настоящий момент генетику не ждет судьба «незавершенной науки». Однако, с другой стороны, репрезентация в СМИ показывает, что генетика оказывается за рамками этических дебатов в отношении проводимых исследований (особенно для зарубежных СМИ, где вопросы редактирования генома китайских близнецов оказались за рамками внимания прессы, а понятие «этика» вообще не встречается среди ключевых слов). Эти слишком уж оптимистичные ожидания от результатов науки, как и отсутствие этической рефлексии, вызывают некоторые опасения.

Список источников

- Kovas Y., Selita F. Genes, Environments and Life Trajectories. In: *Oedipus Rex in the Genomic Era*. London : Palgrave Macmillan, 2021. doi: 10.1057/978-1-349-96048-4_2
- Geller G., Bernhardt B.A., Holtzman N.A. The Media and Public Reaction to Genetic Research // *JAMA*. 2002. Vol. 287 (6). Art. No. 773. doi: 10.1001/jama.287.6.773-JMS0213-3-1
- Dempster G., Sutherland G., Keogh L. Scientific research in news media: a case study of misrepresentation, sensationalism and harmful recommendations // *JCOM*. 2022. Vol. 21 (01). Art. No. A06. doi: 10.22323/2.21010206
- Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Проблемы биоэтики в СМИ. М. : Эслан, 2006. 93 с.
- Nisbet M.C., Lewenstein B.V. Biotechnology and the American media: The policy process and the elite press, 1970 to 1999 // *Science communication*. 2002. Vol. 23 (4). P. 359–391.
- Schäfer M.S. Taking stock: A meta-analysis of studies on the media's coverage of science // *Public Understanding of Science*. 2012. Vol. 21 (6). P. 650–663. doi: 10.1177/0963662510387559
- Plesner U. The performativity of «media logic» in the mass mediation of science // *Public Understanding of Science*. 2012. Vol. 21 (6). P. 674–688. doi: 10.1177/0963662510385309
- van Dijck J. Picturizing science: The science documentary as multimedia spectacle // *International Journal of Cultural Studies*. 2006. Vol. 9 (1). P. 5–24. doi: 10.1177/1367877906061162
- Ruan J., Hirai H., Yang D., Ma L., Hou X., Jiang H., Wei H., Rajagopalan C., Mou H., Wang G., Zhang J., Li K., Chen Y.E., Sun F., Xu J. Efficient Gene Editing at Major CFTR Mutation Loci // *Molecular Therapy – Nucleic Acids*. 2019. Vol. 16. P. 73–81. doi: 10.1016/j.omtn.2019.02.006
- Petersen A. Biofantasies: genetics and medicine in the print news media // *Social Science & Medicine*. 2001. Vol. 52, Is. 8. P. 1255–1268. doi: 10.1016/S0277-9536(00)00229-X
- Du Y., Tu L., Zhu P., Mu M., Wang R., Yang P. et al. Clinical Features of 85 Fatal Cases of COVID-19 from Wuhan: A Retrospective Observational Study // *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine*. 2020. Vol. 201. P. 1372–1379. doi: 10.1164/rccm.202003-0543OC
- Linksy M. How the press affects federal policymaking: Six case studies // *Ethnic and Race Studies*. 1986. Vol. 70 (1). P. 62–81.
- Rein M., Schön D. Frame-critical policy analysis and frame-reflective policy practice // *Knowledge and Policy*. 1996. Vol. 9. P. 85–104. doi: 10.1007/BF02832235
- Borup M., Brown N., Konrad K., Van Lente H. The Sociology of Expectations in Science and Technology // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2006. Vol. 18, № 3/4. P. 285–298.
- Brown N., Michael M. A Sociology of Expectations. Retrospecting Prospects and Prospecting Retrospects // *Technology Analysis and Strategic Management*. 2003. Vol. 15 (1). P. 3–18.
- Fortun M. Mediated speculations in the genomic futures markets // *New Genetics and Society*. 2001. Vol. 20 (2). P. 139–156.
- Lente H.V., Rip A. Expectations in Technological Developments: an Example of Prospective Structures to be filled in by Agency // Cornelis Disco, Barend van der Meulen (Eds.) *Getting New Technologies Together*. De Gruyter, 1998. P. 203–229. doi: 10.1515/9783110810721.203 (дата обращения: 01.03.2022).
- Lente H., Rip A. The rise of membrane technology: from rhetorics to social reality // *Social Studies of Science*. 1998. Vol. 28 (2). P. 221–254.
- Frickel S. et al. Undone Science: Charting Social Movement and Civil Society Challenges to Research Agenda Setting // *Science, Technology, & Human Values*. 2010. Vol. 35 (4). P. 444–473. doi: 10.1177/0162243909345836
- Мангейм Д.Б., Рич Р.К. Политология. Методы исследования ; пер. с англ. / предисл. А.К. Соколова. М. : Весь мир, 1997. 544 с.
- Zajc J., Erjavec K. "Othering" agricultural biotechnology: Slovenian media representation of agricultural biotechnology // *Public Understanding of Science*. 2014. Vol. 23 (6). P. 678–687.
- Marchione M. Chinese researcher claims first gene-edited babies // *Associated Press*. 26.11.2018 URL: <https://ap-news.com/4997bb7aa36c45449b488e19ac83e86d> (дата обращения: 10.03.2022).
- Ученые сообщили о рождении первых детей с искусственно измененной ДНК // *TACC*. 26.11.2018. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/5833684> (дата обращения: 10.03.2022).
- Kolata G., Wee S.L., Belluck P. Chinese scientist claims to use CRISPR to make first genetically edited babies // *The New York Times*. 2018. № 26.
- Swazo N.K. Doing Wrong to 'Lulu' and 'Nana'? Applying Parfit to the He Jiankui Experiment // *International Journal of Applied Philosophy*. 2021. Vol. 34 (1). P. 157–170.
- Macintosh K.L. Heritable genome editing and the downsides of a global moratorium // *The CRISPR Journal*. 2019. Vol. 2 (5). P. 272–279.
- Singh S.M. Lulu and Nana open Pandora's Box way beyond Louise Brown // *Canadian Medical Association Journal*. 2019. Vol. 191 (23). P. E642–E643. doi: 10.1503/cmaj.71979
- Ryder S.P. #CRISPRbabies: notes on a scandal // *The CRISPR Journal*. 2018. Vol. 1 (6). P. 355–357.
- Об утверждении Федеральной научно-технической программы развития генетических технологий на 2019–2027 годы. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102543863&rdk=&intelsearch=479+22.04.19> (дата обращения: 01.03.2022).
- Trubnikova T.V., Matsepuro D., Bezrukova E.M. Genomic era and new challenges for justice & regulation // *Legal Issues Journal*. 2020. Vol. 8 (1). P. 81–85.
- Попова Е.В., Устюжанцева О.В. Здоровье как объект управления: роль университетов (обзор литературы) // *Вестник Томского государственного университета*. 2021. № 465. С. 155–163. doi: 10.17223/15617793/465/21
- Godard B., Kääriäinen H., Kristofferson U. et al. Provision of genetic services in Europe: current practices and issues // *European journal of human genetics*. 2003. Vol. 11. P. S13–S48. doi: 10.1038/sj.ejhg.5201111
- Hilgartner S. *Reordering Life: Knowledge and Control in the Genomics Revolution*. MIT Press, 2017.

References

- Kovas, Y. & Selita, F. (2021) Genes, Environments and Life Trajectories. In: *Oedipus Rex in the Genomic Era*. London: Palgrave Macmillan, doi: 10.1057/978-1-349-96048-4_2
- Geller, G., Bernhardt, B.A. & Holtzman, N.A. (2002) The Media and Public Reaction to Genetic Research. *JAMA*. 287 (6). Art. No. 773. doi: 10.1001/jama.287.6.773-JMS0213-3-1
- Dempster, G., Sutherland, G. & Keogh, L. (2022) Scientific research in news media: a case study of misrepresentation, sensationalism and harmful recommendations. *JCOM*. 21 (01). Art. No. A06. doi: 10.22323/2.21010206
- Tishchenko, P.D. & Yudin, B.G. (2006) *Problemy bioetiki v SMI* [Problems of bioethics in the media]. Moscow: Eslan.
- Nisbet, M.C. & Lewenstein, B.V. (2002) Biotechnology and the American media: The policy process and the elite press, 1970 to 1999. *Science Communication*. 23 (4). pp. 359–391.
- Schäfer, M.S. (2012) Taking stock: A meta-analysis of studies on the media's coverage of science. *Public Understanding of Science*. 21 (6). pp. 650–663. doi: 10.1177/0963662510387559

7. Plesner, U. (2012) The performativity of “media logic” in the mass mediation of science. *Public Understanding of Science*. 21 (6). pp. 674–688. doi: 10.1177/0963662510385309
8. van Dijk, J. (2006) Picturizing science: The science documentary as multimedia spectacle. *International Journal of Cultural Studies*. 9 (1). pp. 5–24. doi: 10.1177/1367877906061162
9. Ruan, J. et al. (2019) Efficient Gene Editing at Major CFTR Mutation Loci. *Molecular Therapy – Nucleic Acids*. 16. pp. 73–81. doi: 10.1016/j.omtn.2019.02.006
10. Petersen, A. (2001) Biofantasies: genetics and medicine in the print news media. *Social Science & Medicine*. 52 (8). pp. 1255–1268. doi: 10.1016/S0277-9536(00)00229-X
11. Du, Y. et al. (2020) Clinical Features of 85 Fatal Cases of COVID-19 from Wuhan: A Retrospective Observational Study. *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine*. 201. pp. 1372–1379. doi: 10.1164/rccm.202003-0543OC
12. Linky, H.V. & Rip, A. (1986) How the press affects federal policymaking: Six case studies. *Ethnic and Race Studies*. 70 (1). pp. 62–81.
13. Rein, M. & Schön, D. (1996) Frame-critical policy analysis and frame-reflective policy practice. *Knowledge and Policy*. 9. pp. 85–104. doi: 10.1007/BF02832235
14. Borup, M. et al. (2006) The Sociology of Expectations in Science and Technology. *Technology Analysis & Strategic Management*. 18 (3/4). pp. 285–298.
15. Brown, N. & Michael, M. (2003) A Sociology of Expectations. Retrospecting Prospects and Prospecting Retrospects. *Technology Analysis and Strategic Management*. 15 (1). pp. 3–18.
16. Fortun, M. (2001) Mediated speculations in the genomic futures markets. *New Genetics and Society*. 20 (2). pp. 139–156.
17. Lente, H.V. & Rip, A. (1998) Expectations in Technological Developments: an Example of Prospective Structures to be filled in by Agency. In: Disco, C. & van der Meulen, B. (eds) *Getting New Technologies Together*. De Gruyter. pp. 203–229. doi: 10.1515/9783110810721.203
18. Lente, H. & Rip, A. (1998) The rise of membrane technology: from rhetorics to social reality. *Social Studies of Science*. 28 (2). pp. 221–254.
19. Frickel, S. et al. (2010) Undone Science: Charting Social Movement and Civil Society Challenges to Research Agenda Setting. *Science, Technology, & Human Values*. 35 (4). pp. 444–473. doi: 10.1177/0162243909345836
20. Mannheim, J.B., Rich R.C. (1997) *Politologiya. Metody issledovaniya* [Empirical political analysis: Research methods in political science]. Translated from English. Moscow: Ves’ mir.
21. Zajc, J. & Erjavec, K. (2014) “Othering” agricultural biotechnology: Slovenian media representation of agricultural biotechnology. *Public Understanding of Science*. 23 (6). pp. 678–687.
22. Marchione, M. (2018) *Chinese researcher claims first gene-edited babies*. Associated Press. 26 November [Online] Available from: <https://ap-news.com/4997bb7aa36c45449b488e19ac83e86d> (Accessed: 10.03.2022).
23. TASS. (2018) *Uchenye soobshchili o rozhdenii pervykh detey s iskusstvenno izmenennoy DNK* [Scientists report the birth of the first children with artificially altered DNA]. 26 November. [Online] Available from: <https://nauka.tass.ru/nauka/5833684> (Accessed: 10.03.2022).
24. Kolata, G., Wee, S.L. & Belluck, P. (2018) Chinese scientist claims to use CRISPR to make first genetically edited babies. *The New York Times*. 26.
25. Swazo, N.K. (2021) Doing Wrong to ‘Lulu’ and ‘Nana’? Applying Parfit to the He Jiankui Experiment. *International Journal of Applied Philosophy*. 34 (1). pp. 157–170.
26. Macintosh, K.L. (2019) Heritable genome editing and the downsides of a global moratorium. *The CRISPR Journal*. 2 (5). pp. 272–279.
27. Singh, S.M. (2019) Lulu and Nana open Pandora’s Box way beyond Louise Brown. *Canadian Medical Association Journal*. 191 (23). pp. E642–E643. doi: 10.1503/cmaj.71979
28. Ryder, S.P. (2018) #CRISPRbabies: notes on a scandal. *The CRISPR Journal*. 1 (6). pp. 355–357.
29. Pravo.gov.ru. (2022) *On approval of the Federal Scientific and Technical Program for the Development of Genetic Technologies for 2019–2027*. [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102543863&rdk=&intelsearch=479+22.04.19> (Accessed: 01.03.2022). (In Russian).
30. Trubnikova, T.V., Matsepuro, D. & Bezrukova, E.M. (2020) Genomic era and new challenges for justice & regulation. *Legal Issues Journal*. 8 (1). pp. 81–85.
31. Popova, E.V. & Ustyuzhantseva, O.V. (2021) Health as an Object of Governance: The Role of Universities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 465. pp. 155–163. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/465/21
32. Godard, B. et al. (2003) Provision of genetic services in Europe: current practices and issues. *European journal of human genetics*. 11. pp. S13–S48. doi: 10.1038/sj.ejhg.5201111
33. Hilgartner, S. (2017) *Reordering Life: Knowledge and Control in the Genomics Revolution*. MIT Press.

Информация об авторах:

Попова Е.В. – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: iam.e.popova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1716-8849

Мацепуро Д.М. – канд. ист. наук, старший научный сотрудник лаборатории когнитивных исследований и психогенетики, директор Центра науки и этики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: daria.matsepuro@mail.tsu.ru; ORCID: 0000-0002-9809-082X

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.V. Popova, Cand. Sci. (Political Science), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: iam.e.popova@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1716-8849

D.M. Matsepuro, Cand. Sci. (History), senior research fellow, Laboratory of Cognitive Research and Psychogenetics; director of the Centre for Science and Ethics, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: daria.matsepuro@mail.tsu.ru; ORCID: 0000-0002-9809-082X

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.05.2022;
одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 25.05.2022;
approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Научная статья
УДК 167
doi: 10.17223/15617793/496/16

Глобальные проблемы как объект исследования: предпосылки и последствия выбора

Ида Константиновна Цаликова¹, Светлана Владимировна Пахотина², Арина Евгеньевна Своєглазова³

^{1,2} Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал)

Тюменского государственного университета, Ишим, Россия

³ Брюссельский свободный университет, Брюссель, Бельгия

¹ i.k.calikova@utmn.ru

² s.v.pakhotina@utmn.ru

³ svoeglazova98@mail.ru

Аннотация. Определены и проанализированы направления исследовательского поиска в области глобальных проблем (global challenges) для понимания тенденций его развития. Представлен анализ научных публикаций (статей) и результатов статистических отчетов международной базы данных Scopus за период с 1978 по 2021 г. в области глобальных проблем. 34 850 статей были проанализированы и классифицированы по периодам, тематике и по количеству цитирований (как показателю интереса ученых).

Ключевые слова: глобальные проблемы, глобальные вызовы, современность, мир

Для цитирования: Цаликова И.К., Пахотина С.В., Своєглазова А.Е. Глобальные проблемы как объект исследования: предпосылки и последствия выбора // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 144–154. doi: 10.17223/15617793/496/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/16

Global problems as an object of research: Reasons and consequences of the choice

Ida K. Tsalikova¹, Svetlana V. Pakhotina², Arina Ye. Svoeglazova³

^{1,2} Ishim Pedagogical Institute – Branch of the University of Tyumen, Ishim, Russian Federation

³ Université Libre de Bruxelles, Brussels, Belgium

¹ i.k.calikova@utmn.ru

² s.v.pakhotina@utmn.ru

³ svoeglazova98@mail.ru

Abstract. The aim of the study is to identify and analyze the directions of research in the field of global problems in order to understand the trends of its development. The article presents an analysis of research publications and the results of statistical reports of the international reference database Scopus for the period from 1978 to 2021 in the field of global problems. To identify the main areas of research, 34,850 articles in open access scientific journals at the final stage of publication were analyzed and classified by period, subject and number of citations (as an indicator of scientists' interest). In the period from the 1970s to 2018, there was a gradual increasing interest in researching global problems, which is associated with the process of globalization. The pandemic of 2019–2021 provoked a sharp increase in the number of studies and combined medical problems with such global challenges as climate change, information security, individual rights, etc. During the same period, the main problem in the field of studying and solving global problems became obvious: the lack of cooperation between scientists from different countries. As of October 2022, 14% of all scientific articles for the period from 1978 to 2021 are related to medicine, 13.4% to social sciences, 10.4% to the environment. Further come articles on engineering (6.6%), agriculture (6.2%), biochemistry (6.1%), and information technology (5.8%). The first two places in terms of the number of published papers on global problems are occupied by scientists from the USA (30.7%) and the UK (20.1%). China is in the third place (11.3%). Russia ranks 17th (2.3%). Medicine and society as fields of research occupy the first and second places, respectively, throughout the entire period. The research agenda is determined by the level of development of a particular sphere of social life in a country or some industries and is formed mainly for reasons of economic benefit and the state order. The interaction of all participants in studying, making decisions, and creating a unified information field will help to make it more realistic, effective and free from national economic frameworks. Scientific novelty is provided by the absence of similar studies in this area. The results of the study will help understand what interests scientists in the field of global challenges at the moment and what their interest will be directed to in the future. This will become the basis for decision-making, will allow planning and coordinating research activities.

Keywords: global problems, global challenges, modernity, the world

For citation: Tsalikova, I.K., Pakhotina, S.V. & Svoeglazova, A.Ye. (2023) Global problems as an object of research: Reasons and consequences of the choice. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 144–154. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/16

Введение. Термин «глобальные проблемы» вошел в обиход в 1960-е гг. для обозначения совокупности проблем, которые к этому времени уже было невозможно решить силами отдельной страны. Рост мирового населения, который привел к расселению людей и, соответственно, к большей открытости границ государств, технологические прорывы заставили людей осознать, что определенные проблемы невозможно решить внутри своей страны из-за того, что касаются они в равной степени всех и решаться должны сообща.

Существует несколько «основных» списков глобальных проблем, которые регулярно обновляются такими организациями, как Организация Объединенных Наций¹ и Всемирный экономический форум². Официальные списки различных структур отличаются лишь формулировкой той или иной проблемы, либо степенью их генерализации и группирования, однако в смыслообразующем понимании основной кластер глобальных вызовов современности стабилен. В рамках данной статьи под глобальными проблемами понимается общий термин, принятый для обозначения следующих социально-экологических проблем (в редакции Лундской Декларации 2009 г.³): изменения климата; загрязнение воды, атмосферы и почвы; нехватка источников энергии, водных и продовольственных ресурсов; повышение среднего возраста мирового населения; перенаселенность; пандемии и вопросы безопасности (международный терроризм и распространение ядерного оружия). Такие проблемы отличаются своей комплексностью, неподатливостью и невозможностью однократного и окончательного решения [1]. Они характеризуются также масштабом и остротой проявления, возможностью решения только совместными усилиями всех стран и народов и влиянием на ход развития человеческой цивилизации.

Глобальные проблемы всегда очень интересовали ученых, поэтому в истории современной науки в общем и в международных базах данных научных публикаций в частности появилось огромное количество научных работ на эту тему, однако рамки статьи заставляют ограничить критерии отбора материалов типом публикации (статья) и лишь одним ключевым словосочетанием – global challenges.

Научный взгляд на сущность и возможные пути решения этих проблем, во-первых, является основой для анализа текущего положения и принятия решений; во-вторых, в этом процессе ученые представляют собой своего рода посредников между остальными участниками процесса (представители власти, промышленности и частного бизнеса). Несомненно, ученые, как и другие акторы, могут отстаивать какие-либо интересы в пользу финансовой или политической конъюнктуры, однако именно тематика научных исследований консолидирует и отражает в целом степень актуальности той или иной проблемы, а результаты научных изысканий становятся основой для принятия решений в дальнейшем. Кроме того, внешнее финансирование несколько

не умаляет ценность долгосрочных, крупномасштабных исследований, выполненных, например, на международном материале.

В статье представлен библиометрический и тематический анализ работ (статей) в области исследования глобальных проблем с целью определения направлений исследовательского интереса ученых и понимания тенденций его развития. Результаты исследования могут дать представление о том, как выглядит научная повестка в этой области, что позволит планировать, координировать и прогнозировать совместную исследовательскую деятельность ученых разных стран в области изучения и решения глобальных проблем с возможным участием представителей общественно-политических организаций, международных промышленных и производственных компаний и корпораций.

Обзор литературы. Самые цитируемые статьи. Интерес ученых всего мира к глобальным проблемам существует достаточно давно.

Считается, что термин «global challenges» стал использоваться позже, чем его синонимы («global issues», «global problems»), однако самое первое упоминание о подобных проблемах содержится в двух публикациях 1948 г. (здесь упомянута публикация без учета типа доступа. – *Авт.*): «Tropical Medicine and the Challenge of Global War» [2] и «Tropical Medicine and the Challenge of Global Peace» [3]. Обе статьи были опубликованы одним автором – J.S. Simmons в первом номере журнала «The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene» за 1947 г. Автор обращается к ученым из Американской академии тропической медицины и пишет о том, что после окончания Второй мировой войны мир вступает в новую Атомную эру и люди боятся, что цивилизация может быть уничтожена из-за неправильного использования атомной энергии; также есть сомнения относительно того, хватит ли у человека разума, чтобы контролировать эту энергию и защитить свое собственное будущее.

Первая статья, к которой открыт доступ в международной библиографической и реферативной базе данных Scopus (далее – МБД Scopus)⁴, «Perspectives on the International Relations of Food» появилась в журнале «International Organization» в 1978 г. Ее авторы R.F. Hopkins и D.J. Puchala рассказывают об изменениях в международной системе производства, распределения и потребления продуктов питания, управлением которой занимаются государства, корпорации и международные организации, в связи с растущим спросом на продовольствие, укреплением связи между рынками и увеличением зависимости от технологий, а также резким повышением цен и нормированием международных поставок продовольствия [4].

Две указанные проблемы – проблема использования ядерного оружия (которая входит в суперглобальную проблему войны и мира) и проблема голода (часть одной из острейших общеглобальных проблем – преодоление отсталости в развитии человечества) – до сих

пор остаются такими же острыми и, учитывая нынешнюю геополитическую ситуацию, с высокой долей вероятности можно предположить их возрастающую актуальность и, как следствие, новый виток исследований в этой сфере.

Изменилось ли со временем понимание ученых, какие вопросы нужно считать проблемами мирового уровня, какие из этих проблем интересуют ученых больше всего в данный момент и куда, возможно, будет направлен их интерес в будущем – на эти вопросы мы хотели бы ответить в нашей статье.

Остановимся лишь на тех научных публикациях, которые имеют наибольшее количество цитирований (поскольку именно это объективно свидетельствует о качестве исследования) и тем самым иллюстрируют основные направления исследовательского поиска ученых за период с 1978 по 2021 г.

Первых три места по количеству цитирований занимают исследования, выполненные при поддержке фонда, основанного Б. и М. Гейтс, и опубликованные в журнале «The Lancet».

Самое большое количество цитирований (7 703) имеет научная работа коллектива, состоящего из около 200 авторов, «Global, Regional, and National Prevalence of Overweight and Obesity in Children and Adults during 1980-2013: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2013». В статье речь идет о глобальной, региональной и национальной распространенности избыточного веса и ожирения в мире у детей и взрослых за период с 1980 по 2013 г. Исследователи говорят о необходимости регулярного мониторинга изменений показателей избыточного веса и ожирения, а также создания условий для количественной оценки воздействия избыточного веса и ожирения на здоровье населения с целью определения приоритетности действий при решении этой проблемы [5].

Второе место по количеству цитирований (6 132) занимает публикация коллектива авторов «Disability-Adjusted Life Years (DALYs) for 291 Diseases and Injuries in 21 Regions, 1990-2010: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2010», в которой они рассматривают заболеваемость и травматизм среди населения 21 региона мира в 1990, 2005 и 2010 гг. как показатель, отражающий преждевременную смертность и плохое состояние здоровья. Ученые подчеркивают важность изучения причин смерти и получения инвалидности, распространенности того или иного заболевания среди населения в разных регионах мира и причин, его вызывающих, для постановки целей и задач перед мировым сообществом [6].

Третье место с числом цитирования 5 358 занимает коллективная научная работа с похожей тематикой – «Years Lived with Disability (YLDs) for 1160 Sequelae of 289 Diseases and Injuries 1990-2010: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2010». Авторы анализируют несмертельные исходы для здоровья вследствие заболеваний и травм в 1990 и 2000 гг. на глобальном и региональном уровнях и считают, что системам здравоохранения будет необходимо удовлетворять потребности растущего числа людей с целым рядом расстройств, которые приводят к инвалидности,

но не к смертности, а количественная оценка их влияния будет иметь решающее значение для понимания того, насколько хорошо системы здравоохранения реагируют на эти вызовы [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что наибольшей популярностью у ученых всего мира в области изучения глобальных вызовов пользуются медицинские проблемы: избыточный вес и ожирение, плохое состояние здоровья, инвалидность и преждевременная смертность. Возможность их решения они видят только в случае объединения усилий с их стороны и правительств стран всего мира.

Возможный социально-политический контекст такой исследовательской повестки – процесс снижения численности населения, старения населения в развитых странах мира (в том числе в Европе и Северной Америке) на фоне очередного «демографического взрыва» в развивающихся странах. Демографическая проблема (или проблема перенаселения планеты) относится к разряду общепланетарных и всегда входит в списки глобальных вызовов, она аккумулирует на себе многие другие проблемы (лимиты природных ресурсов, влияние экологии на продолжительность жизни, социальное неравенство и др.), и попытки ее решить должны учитывать условия и качество жизни людей с хроническими заболеваниями и ограничениями здоровья. Кроме того, полагаем, что высокий индекс реферативности статей является показателем их научной легитимности и интереса для специалистов, в отличие от «научообразующих материалов», которыми изобилует столь популярная область научного поиска.

Методология, материалы и методы. Библиометрический и тематический обзор, предложенный здесь, выполнен с опорой на количественный и качественный контент-анализ документов (статей) и результатов статистических отчетов МБД Scopus⁵.

Научные публикации в журналах (статьи) за период с 1978 по 2021 г. были отобраны по наличию словосочетания «global challenges» (с учетом морфологии и похожего текста) в названии публикации, аннотации и ключевых словах. Рамки статьи не позволяют учесть весь синонимический ряд обозначений, принятых в английском языке для глобальных проблем (global problems; global issues etc). 34 850 документов (статей в научных журналах открытого доступа в финальной стадии публикации) были проанализированы и классифицированы по периодам, тематике и количеству цитирований (как показателю интереса ученых) для выявления основных направлений исследований.

Релевантность материалов определялась ключевыми словами с помощью коэффициента Танимото [8].

Как показали наши предыдущие исследования [9, 10], тематика научных исследований тесно связана с тем, что происходит в мире, и достаточно быстро реагирует на какие-либо социально-экономические, политические и культурные изменения. По количеству публикаций и цитирований можно увидеть, что интересует ученых (а соответственно, и население всего мира) на данный момент и как меняется направленность их интересов.

Результаты анализа исследовательской активности. Анализируя количественное распределение документов по годам, можно увидеть стабильный рост интереса ученых к изучению глобальных проблем – от 0,003 до 0,032% в год. Резкий рост фиксируется в период с 2019 по 2021 г.: на 9,9% (2019 г.), 14,8% (2020 г.), 18,5% (2021 г.). В 2021 г. был зарегистрирован максимум публикаций по этой теме – 6 459 документов (рис. 1)⁶.

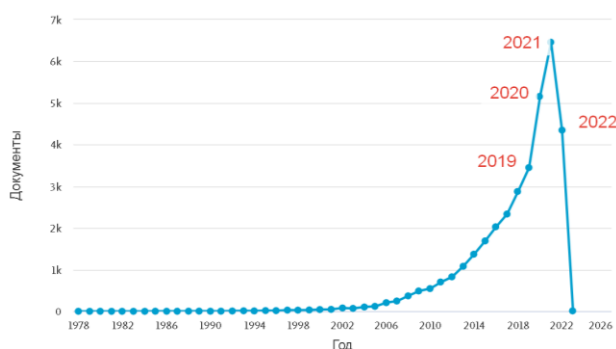

Рис. 1. Распределение документов по годам

Условно, используя количество опубликованных документов по этой теме как показатель научного интереса к ней, можно выделить три периода: стабильный небольшой рост – с 1978 по 2005 г., увеличение интереса – с 2006 по 2018 г., резкий рост интереса – с 2019 по 2021 г.

Первый период (1978–2005 гг.) отличается достаточной продолжительностью (27 лет) и очень низким уровнем интереса со стороны научного сообщества к данной проблеме. Вероятно, это был период накопления статистических и эмпирических материалов; заинтересованные стороны достаточно долго спорили о том, что считать первичным – глобализацию или глобальные проблемы, и что следует относить к перечню таковых [11]. В этот период было опубликовано всего 648 научных статей. Лидерами по количеству публикаций являются США (331 документ) и Великобритания (87 документов). Исследователей в первую очередь интересуют медицина (14,1% статей) и общество (11,3%).

Если как показатель интереса ученых к той или иной проблеме рассматривать цитируемость статьи, то больше всего науку интересует исследование генома [12]; социальные факторы, лежащие в основе неравенства в области здравоохранения и шаги, которые нужно предпринять, чтобы изменить эту ситуацию [13], – здесь следует указать, что некоторые медицинские статистические показатели (младенческая смертность, охрана материнства и детства, гинекологическая и санитарная служба, заболеваемость СПИДом и др.) являются главными показателями социального развития страны; мобилизация научно-технических ресурсов для удовлетворения потребностей человеческого развития при одновременной защите систем жизнеобеспечения земли [14], в реальности возможная, однако, лишь для крупных международных компаний, и на данном этапе выполнение этого требования часто является способом оставить позади более мелких конкурентов [11].

Россия по количеству публикаций в этот период находится на 33-м месте. Российскими учеными опубликовано три статьи: две публикации связаны с исследованием окружающей среды, одна – с медициной, биохимией и сельским хозяйством. Большее количество цитирований у научных работ, посвященных защите окружающей среды, – «Revising the Fundamentals of Ecological Knowledge: The Biota-Environment Interaction Ecological Complexity» (26 цитирований) [15] и «Environmental Lead Contamination in the Rudnaya Pristan – Dalnegorsk Mining and Smelter District, Russian Far East» (23 цитирования) [16].

Второй период (2006–2018 гг.) характеризуется увеличением интереса к данной проблематике в 22,8 раза: с 648 до 14 777 публикаций (и это за меньший в 2 раза период по сравнению с предыдущим). Два первых места по количеству публикаций сохраняется за США (5 323) и Великобританией (3 250). 3-е место занимает Австралия (1 312). Россия с 33-го места поднимается на 21-е (258 научных работ). Научное сообщество по-прежнему интересуется проблемами, связанные с медициной (14,3%) и обществом (13,4%). Уровень интереса к этим областям знаний находится примерно на том же уровне, что и в предыдущий период. Можно отметить только незначительное увеличение интереса (на 2,1%) к изучению социальных проблем. При относительной стабильности исследовательской повестки можно говорить о выработке арсенала подходов, теорий к изучению глобальных проблем, именно в этот период начинает прослеживаться внешнее финансовое участие (научные фонды). А значит, можно говорить о том, что исследуемая область становится средством продвижения определенных политических, промышленных и производственных интересов.

Тематическое распределение научных исследований, выполненных в этот период в России, как и в предыдущий период, кардинально отличается от мировой повестки. На 1-е место по количеству публикаций (26,3%) выходят статьи, объектом исследования которых является общество. 2-е место занимают экономические проблемы (15,7%). Популярность изучения защиты окружающей среды падает: статьи данной тематики делят со статьями по медицине 3-е место по количеству публикаций (по 8,2%). Возможно, социально-политический контекст здесь был сформирован следующими обстоятельствами: с 2000 г. руководство российской наукой осуществлялось в формате Федеральных целевых программ по приоритетным направлениям научного знания, но финансировались практически исключительно фундаментальные исследования. Интерес к процессам глобализации в этот период, как нам кажется, был связан с увеличением взаимодействия России с мировым сообществом: вступлением России в ВТО (2012 г.), зимними Олимпийскими играми в Сочи (2014 г.) и чемпионатом мира по футболу (2018 г.). Опосредованно также можно отметить влияние реформы российской академии наук (в 2013 г.) и, как следствие, изменение системы финансирования научных исследований (большая автономия в выборе тематики, необходимость перехода к экономике, основанной на знаниях).

Количественные данные подтверждаются и анализом результатов поиска документов, сортируемых по цитируемости.

Самыми цитируемыми исследованиями этого периода стали уже упомянутые выше работы, опубликованные коллективами авторов в журнале «The Lancet» при поддержке фонда Б. и М. Гейтс: «Global, Regional, and National Prevalence of Overweight and Obesity in Children and Adults during 1980–2013: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2013» (7 703 цитирования) об увеличении распространенности избыточного веса и ожирения во всех группах населения [5]; «Disability-Adjusted Life Years (DALYs) for 291 Diseases and Injuries in 21 Regions, 1990–2010: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2010» (6 132 цитирования) заболеваемости и травматизме среди населения как показатель, отражающий преждевременную смертность и плохое состояние здоровья [6]; «Years Lived with Disability (YLDs) for 1160 Sequelae of 289 Diseases and Injuries 1990–2010: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2010» (5358 цитирований) о последствиях заболеваний и травм для здоровья [7].

Вообще, именно в 2013–2018 гг. появились фонды, специализирующиеся на поддержке определенных направлений исследований, например, National Science Foundation (биология, компьютерно-информационные науки, инженерное дело, науки о Земле, физико-математические науки, общественные науки, образование и трудовые ресурсы), European Commission (единый рынок инноваций, цифровые технологии; сплоченность и ценности; природные ресурсы и окружающая среда; миграция и управление границами; безопасность и оборона; соседство и мир), Fogarty International Center (международные медицинские и поведенческие исследования, подготовка международных исследователей), National Cancer Institute, National Institute of General Medical Sciences National Cancer Institute (профилактика, диагностика, лечение и изучение злокачественных новообразований, подготовка кадров, поддержка онкологических пациентов и их семей), National Institute of General Medical Sciences (изучение биологических процессов; диагностика, лечение и профилактика заболеваний). Основные российские научные фонды, появившиеся еще в 1990-е гг., вообще не упоминаются среди бенефициаров подобных исследований. Это, прежде всего, объясняется тем, что традиционно (со времен СССР) фундаментальные научные изыскания оставались приоритетом для страны и, даже после создания научных фондов, давших исследователям относительную свободу в выборе предмета и тематики исследований, именно государство, являясь главным финансистом фондов (в отличие от зарубежной практики частного финансирования фондов) определяло «заказ» на фундаментальные исследовательские проекты. Показательно, что лишь к 2016 г. доля прикладных исследований опередила фундаментальные [17].

Третий период (2019–2021 гг.) – самый непродолжительный по времени, но самый продуктивный в

плане количества и тематического разнообразия опубликованных статей исследуемой тематики (15 065 документов). В этот период наблюдается резкий рост интереса ученых к изучению всякого рода глобальных вызовов. Возможно, в геополитическом контексте рост связан со сменой глобальных трендов, которая началась с отказа от стратегических интеграционных проектов (Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства), с американо-китайской торговой войной, пандемией, Brexit и т.д.

В этот же период зафиксирован максимум публикационной активности – 6 459 опубликованных статей (2021 г.). 1-е и 2-е места по количеству публикаций по проблемам глобального характера продолжают занимать США (4 091 статья) и Великобритания (2 927 статей). На 3-е место возвращается Китай (1 956 статей).

Основные тематические направления этого периода все те же – медицина (14,0% публикаций) и общество (13,7%). На 3-е место как объект исследования поднимается окружающая среда (11%).

Первые три места по цитируемости в этот период занимают научные работы, посвященные разработке и внедрению диагностики коронавирусной инфекции 2019-nCoV для использования в лабораториях общественного здравоохранения без наличия вирусного материала [18]; оценке эффективности отслеживания контактов и изоляции случаев заболевания в борьбе с патогеном, подобным коронавирусу с тяжелым острым респираторным синдромом (SARS-CoV-2) (1 362 цитирования) [19]; анализу распространенности деменции в мире, причин ее возникновения и случаев смертности (использованы данные из 195 стран и территорий с 1990 по 2016 г.) (911 цитирований) [20].

Россия с 434 документами интересующей нас тематики поднимается до 16-го места с 33-го и 21-го мест в первый и второй периоды соответственно. Самыми главными объектами внимания российских ученых по-прежнему являются общество (28,8% от всех документов за этот период, опубликованных российскими учеными), экономика (13%) и окружающая среда (8,8%).

Безусловно, пандемия стала одним из тех самых не локализуемых глобальных социально-гуманитарных кризисов, которые вызывали необходимость говорить о глобальных проблемах современности. Такие исключительные феномены значительно меняют приоритеты научного поиска, позволяют появиться в авангарде исследователей представителям других, возможно, не самых развитых стран – Китай в данном случае первым начал исследование вируса и вакцин.

На данный момент (октябрь 2022 г.), как видно из диаграммы, 14% все научных статей за период с 1978 по 2021 г. связаны с медициной, 13,4% – с социальными науками, 10,4% – с окружающей средой. Далее с небольшой разницей следуют инжиниринг (6,6%), сельское хозяйство (6,2%), биохимия (6,1%) и информатика (5,8%) (рис. 2)⁷.

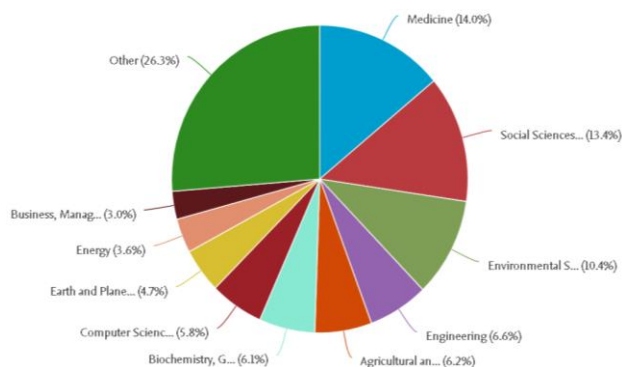

Рис. 2. Распределение документов по отраслям знаний

Первые два места по количеству опубликованных работ, посвященных глобальным проблемам, занимают ученые из США (30,7% от общего количества публикаций за период с 1978 по 2021 г.) и Великобритании (20,1%). На 3-м месте сейчас Китай (11,3%). Россия занимает на данный момент лишь 17-е место (2,3%).

Предпосылки и последствия выбора. Обсуждение и выводы. Несмотря на то что, казалось бы, ученые из разных стран должны считать глобальными, т.е. имеющими значение в равной мере для всего населения мира, одни и те же проблемы, понимание того, что является проблемой мирового уровня, а что – нет, и на чем должно сконцентрировать свое внимание научное сообщество, у исследователей из разных стран – разное. Например, ученые из США, которые занимают 1-е место по количеству научных публикаций указанной проблематики, глобальными, в первую очередь, считают проблемы, связанные с медициной (32,6% от всех исследований, проведенных учеными из США), а потом практически в равной мере – с окружающей средой (17,1%), биохимией, генетикой, молекулярной биологией (15,5%) и социальными науками (14,7%). Для исследователей из Великобритании (2-е место по количеству научных работ) глобальными являются проблемы, имеющие отношение к обществу (29,5%), и только потом – к медицине (27,2%) и окружающей среде (20%). Интересы же Китая в исследованиях проблем глобального плана находятся в других областях: инжиниринг (22,6%), информационные технологии (21,7%), затем медицина (20%) и проблемы окружающей среды (18,5%). Проблемы, связанные с обществом, занимают лишь 8-е место в китайской структуре исследования глобальных проблем⁸, что вполне объяснимо историческим развитием самой китайской цивилизации, ее очевидным консерватизмом и стабильностью (в стране просто нет необходимости в подобных изысканиях).

В первые пять областей, которые имеют какое-то отношение к глобальным, с точки зрения российских ученых, относятся социальные науки (50,2%), экономика и финансы (25,3%), окружающая среда (15,5%), медицина (13,5%), искусство и гуманитарные науки (10,1%)⁹.

Тем не менее количественный анализ показателей цитирования статей, а также распределения публикаций по отраслям знаний в каждом выделенном нами

периоде показывает, что прежде всего к глобальным проблемам исследователи относят проблемы, связанные с медициной и обществом. Медицина и общество как области исследования занимают 1-е и 2-е места соответственно во всех рассматриваемых нами периодах с 1978 по 2021 г. Интерес к медицине со стороны научного сообщества стабилен и составляет порядка 14% всех публикаций (14,1% – 14,3% – 14%). Внимание к изучению общественных проблем растет: 11,3% – 13,4% – 13,7%. Увеличивается и интерес ученых к исследованию окружающей среды: 1978–2005 гг. – 5-е место в мире по количеству публикаций из этой области (6,6% от всех опубликованных в мире статей), 2008–2018 гг. – 3-е место (9,8% статей), 2019–2021 гг. – 3-е место (11% статей).

Выбор объекта и предмета исследований ученых, как и предлагаемые ими пути решения проблемы, во многом определяется развитостью той или иной сферы социальной жизни в стране (демократия, права личности, морально-этические нормы) и развитием отдельных отраслей промышленности. Перед учеными ставятся задачи (государством, прежде всего), которые возникают в процессе практической или промышленной деятельности в этих сферах. Часто случается так, что ведущие участники процесса борьбы с этими проблемами приходят к взаимоисключающим решениям (то, что выгодно государству, не выгодно некоммерческим организациям, крупным производителям или потребителям и т.д.). И именно ученым должна принадлежать здесь роль объективного посредника; научное мнение должно учитываться и на этапе обсуждения возможных путей решения, и на этапе их реализации. В худшем случае, однако, научная актуализация той или иной глобальной проблемы используется как намеренное средство получения грантовой поддержки для общественных организаций (экологических движений в частности) или государственного финансирования крупных компаний или корпораций.

Особое положение медицины объясняется тем, что проблемы здравоохранения всегда и везде актуальны. Однако наибольшее количество изысканий в этой области наблюдается опять же в странах с высоким уровнем общего развития и благосостояния (прежде всего, из-за финансовой поддержки со стороны государства и частных инвесторов). Так, преобладание исследований медицинского характера в Америке можно объяснить наличием финансовой поддержки от частных благотворительных фондов (например, Bill and Melinda Gates Foundation) и тем, что подобные исследования входят в сферу интересов фондов. Неправильным, однако, было бы полагать, что внешнее финансирование всегда означает следование определенной политической или промышленной конъюнктуре.

Также здесь важно то, что ученые всегда стремятся развивать работу «вглубь», что означает последовательное изучение разных аспектов в наиболее развитых отраслях страны. Например, авторитетные британские исследования по вопросам прав личности – закономерный результат богатейшей истории Британской империи в части развития ее юридической системы и законодательства.

Обратный процесс тоже возможен, если в силу каких-то объективных причин определенные явления изучать в стране было невозможно. Так, российский интерес к проблемам общества связан, в первую очередь, с историческим отставанием страны в области развития сферы прав человека и недостаточной развитостью аналитики в этой сфере. Отечественные исследователи пытаются закрыть «белые пятна», возникшие из-за многолетнего запрета на изучение подобных социологических аспектов. Интерес китайских ученых к инженерным проблемам и информационным технологиям логически вытекает из промышленного бума, происходящего в стране в последние годы, и желанием китайских производителей занять свое место среди ведущих мировых корпораций.

Следует отметить, что глобальные потрясения уровня пандемии, случившейся в 2019 г., неизбежно меняют исследовательскую повестку – именно этим объясняется резкий рост количества исследований и, например, тот факт, что Китай, который стал эпицентром пандемии, вернул себе лидирующие позиции по глубине исследовательского интереса к глобальной проблематике. В 2022 г. появилось исследование, где приведены данные из Web of Science Core Collection, доказывающие, что наибольший вклад в изучение влияния COVID-19 на загрязнение воздуха в 2020–2021 гг. внес Китай с 365 научными работами (18,22%) и исследования китайских ученых выглядят наиболее авторитетными по количеству цитирований [21].

Внеаучные факторы (геополитические изменения, смена ключевых игроков на главных экономических рынках мира, угроза торговой войны между главными мировыми державами) оказывают непосредственное влияние на направление научного поиска, но и предлагают развивающимся странам появиться среди лидеров научного поиска. Китай впервые попадает в пятерку стран – лидеров по количеству опубликованных документов в 2019–2021 гг., что, вероятно, связано с тем, что руководство КНР претендует на роль всемирного лидера в процессе глобализации¹⁰, и пандемией COVID-19.

Ощутимое отставание России в степени изученности глобальных проблем и своеобразие ее исследовательской повестки, не раз отмеченное в ходе проведенного анализа, исторически объясняется несколькими причинами. Во-первых, российские ученые сразу после распада СССР (когда исследования воздействия глобальных проблем начинают активно появляться в мире) еще долго пребывали в изоляции от мировой научной повестки, вне мировой конкуренции, вне участия в академических обменах и сотрудничестве. Кроме того, процесс «демилитаризации» науки, который в США завершился в 1950–1960 гг., в нашей стране стартовал лишь в 1990-е гг. В-третьих, Россия получила в наследие от СССР не фундаментальную и прикладную науку (как в других странах), а науку академическую и вузовскую. Отсюда также следует почти полное отсутствие таких направлений в науке, как изучение влияния глобальных проблем на образование и медицину. Традиция научно-технического планирования в России уступила место планированию на основе

экономических, отраслевых приоритетов лишь после 2013 г. вследствие реформирования РАН РФ.

Можно предположить, что в большинстве стран приоритетными решениями в области глобальных проблем часто становятся те, что принимаются на государственном уровне (в результате исследований, выполненных по заказу государства) без какого-либо обсуждения имеющихся подходов к решению проблемы, без учета мнения всех причастных (начиная от ученых, законоотворцев и заканчивая общественностью) [1]. Именно вследствие этого формирование исследовательской повестки часто находится под влиянием необходимости «вписаться» в публичный политический дискурс; при этом исследования носят статистический характер и не предназначены для узких специалистов, экспертов, а являются научным обоснованием для решений, принимаемых различными конференциями и государственными органами.

Наряду с этим, трудно отрицать, что решение всеобщих задач невозможно без консолидации усилий представителей разных стран, ведь сущность процесса глобализации еще и в том, что мировое сообщество сознательно предпринимало шаги по унификации реалий жизни и производства. Большинство ученых говорят о необходимости взаимодействия не только на уровне изучения проблем, но и на уровне принятия решений, о так называемом «холистическом подходе» к решению этих проблем [22]. На смену преобладающему принципу «стратегических решений», когда учитывается лишь этическая и юридическая сторона вопроса (за которые отвечает государство), должен прийти «принцип переговоров», когда происходит обсуждение всех имеющихся точек зрения и альтернативных подходов разных участников процесса [1].

Размышляя о недостаточном международном сотрудничестве в области изучения и решения глобальных проблем, хотелось бы привести интересный пример подобного взаимодействия (такие проекты сейчас имеют особую значимость на фоне происходящих геополитических событий): в 2021 г. была реализована международная «Инициатива по преподаванию и изучению глобальных вызовов в области здравоохранения». Это был онлайн-курс для выпускников университетов из Бразилии, Германии, Мозамбика и Косово (дебаты, публикационные клубы, разбор реальных примеров); слушателям курса удалось установить сотрудничество между организациями, которые они представляли [23].

Есть и другой успешный опыт международного сотрудничества, например, в рамках сотрудничества стран БРИКС [24], международной инициативы по глубоководным наблюдениям за океаном «The Deep Ocean Observing Strategy» [25]; сети международных центров по изучению нанотехнологий «International Network for Sustainable Nanotechnology» [26], университетов здравоохранения Африки «The Africa One Health University Network» [27]; международной ассоциации по исследованию рака «International Association of Research on Cancer» [28], в сфере экологии – сохранение популяции морских черепах [29], загрязнения воздуха [21] и т.д.

Остается лишь надеяться, что политическим и научным лидерам стран удастся в современном мире не только сохранить, но и развивать подобный опыт сотрудничества. При всей исключительной сложности и комплексности глобальных проблем нужно понимать, что именно научные исследования, выполненные международными коллективами, могут стать отправной точкой сближения и диалога.

Заключение. Итак, в период с 1970-х по 2018 г. происходило постепенное нарастание интереса к глобальным проблемам, которое напрямую отражало их распространение в связи с процессом глобализации. Результатом все большей открытости границ разных стран (для международных корпораций, производств, туризма, учебного и профессионального обмена) стало осознание многих существующих вызовов как всеобщих, имеющих влияние на весь мир в одинаковой мере. При этом очевидно, что со временем спектр нерешенных проблем остается прежним и даже главные акценты внутри самого феномена (медицина, биотехнология, экология) остаются неизменными.

Резкий рост количества исследований после 2019 г. явился результатом пандемий коронавируса: целый ряд глобальных вызовов стал настолько очевидным, что от противодействия им зависело сохранение человечества. Помимо исследований, посвященных различным аспектам профилактики и лечения коронавируса, появилось множество работ по вопросам экологии и изменений климата, поскольку появление вирусов во многом обусловлено экологическими процессами. Пандемии 2019–2021 гг. объединили проблемы здравоохранения со всем комплексом глобальных вызовов (изменения климата, информационная безопасность, права личности и др.) [30]. В этот же период, когда вместо консолидации усилий с целью создания первых вакцин от коронавируса началось своего рода соревнование, стала очевидной основная проблема в области изучения и решения глобальных проблем – отсутствие сотрудничества между учеными разных стран. На данный момент, в силу геополитических причин, эта разобщенность только усиливается и остается надеяться на ученых и исследователей как граждан мира в процессе сохранения и развития международного взаимодействия.

Мировому сообществу необходимо преодоление не только национальных, но и экономических ограничений, когда исследовательская повестка формируется

исключительно из соображений экономической выгоды и заказа государства. Вследствие этого появляется некая сосредоточенность на актуальности той или иной проблемы для развития определенной страны, что объясняется прямой зависимостью исследовательского интереса от ее ведущей отрасли промышленности, экономики, истории или текущего научного развития.

Подводя итоги, следует сказать, что потенциал переговоров, сотрудничества и сближения видится в совместном решении экологических, медицинских и других проблем. Взаимодействие помогло бы сделать исследовательскую повестку более реалистичной, эффективной и свободной от национально-экономических рамок, так как в условиях оторванности исследователей и их изысканий практическая значимость их работы ограничена использованием наработок для осуществления дальнейших исследований. Из-за происходящих сегодня в мире событий можно предположить, что особую актуальность вновь приобретут нераспространение ядерного оружия, безопасность государств, противодействие терроризму. Кроме того, в нынешней нестабильной геополитической ситуации в мире именно дискурс на тему решения таких глобальных проблем, как экология, социальное равенство, здравоохранение, может стать инициацией диалога, прекрасной отправной точкой для нового сотрудничества и сближения.

Единственно возможным путем налаживания взаимодействия нам представляется создание единого информационного поля для всех участников процесса изучения и принятия решений (ученых, правоведов и правозащитников, представителей законодательной и исполнительной властей, международных организаций, гражданских сообществ и представителей частного бизнеса). На первый взгляд, такой подход кажется сугубо утопическим, однако не следует забывать, что мир за достаточно короткий период времени превратился в «глобальную деревню», где люди производят и потребляют одно и то же; используют одни и те же методы и подходы к решению экополитических вопросов и управлению природными системами. Почему же при таком развитии международных корпораций и уровне экономического взаимодействия нельзя попытаться наладить такой же открытый информационный обмен?

Примечания

¹ Peace, dignity and equality on a healthy planet // United Nations. URL: <https://www.un.org/en/global-issues> (дата обращения: 03.11.2023).

² List of global issues // Wikipedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_global_issues (дата обращения: 03.11.2023).

³ The Lund Declaration. Europe must focus on the grand challenges of our time. URL: <https://www.kooperation-international.de/uploads/media/Lund.Declaration.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).

⁴ Международная библиографическая и реферативная база данных Scopus. URL: <https://www.scopus.com/results/results.uri?cc=10&sort=cp-f&src=s&st1=global+AND+challenges&nlo=&nlr=&nls=&sid=ae81fa94e64015f9a1cef77bae5c9a08&sot=b&sdt=cl&cluster=scopusstage%2c%22final%22%2ct%2bscosubtype%2c%22ar%22%2ct%2bscofreetoread%2c%22all%22%2ct%2c%22sl=36&s=TITLE-ABS-KEY%28global+AND+challenges%29&ss=cp-f&ps=r-f&editSaveSearch=&origin=resultslist&zone=resultslist> (дата обращения: 02.10.2022).

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Кортунюв А.В. Кризис миропорядка и будущее глобализации: Доклад Российского совета по международным делам (РСМД). 2020. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/RIAC-Globalization-Report60.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).

Список источников

- Ludwig D., Blok V., Garnier M. et al. What's Wrong with Global Challenges? // *Journal of Responsible Innovation*. 2022. Vol. 9, № 1. P. 6–27. doi: 10.1080/23299460.2021.2000130
- Simmons J.S. Tropical Medicine and the Challenge of Global War // *The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 1947. Vol. 27, № 1. P. 1–9. doi: 10.4269/ajtmh.1947.s1-27.1.TMs1-270010001
- Simmons J.S. Tropical Medicine and the Challenge of Global Peace // *The American Journal Of Tropical Medicine And Hygiene*. 1947. Vol. 27, № 1. P. 11–19. doi: 10.4269/ajtmh.1947.s1-27.11
- Hopkins R.F., Puchala D.J. Perspectives on the International Relations of Food // *International Organization*. Special Issue: The Global Political Economy of Food. 1978. Vol. 32, № 3. P. 581–616. doi: 10.1017/S0020818300031878
- Ng M., Fleming T., Robinson A.M. et al. Global, Regional, and National Prevalence of Overweight and Obesity in Children and Adults during 1980–2013: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2013 // *The Lancet*. 2014. Vol. 384, № 9945. P. 766–781. doi: 10.1016/S0140-6736(14)60460-8
- Murray C.J.L., Vos T., Lozano R. et al. Disability-adjusted life years (DALYs) for 291 diseases and injuries in 21 regions, 1990–2010: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2010 // *The Lancet*. 2012. Vol. 380, № 9859. P. 2197–2223. doi: 10.1016/S0140-6736(12)61689-4
- Vos T., Flaxman A.D., Naghavi M. et al. Years Lived with Disability (YLDs) for 1160 Sequelae of 289 Diseases and Injuries 1990–2010: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study // *The Lancet*. 2010. Vol. 2012380, № 9859. P. 2163–2196. doi: 10.1016/S0140-6736(12)61729-2
- Белова К.М., Судаков В.А. Исследование эффективности методов оценки релевантности текстов // *Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша*. 2020. № 68. doi: 10.20948/prepr-2020-68
- Цаликова И.К., Пахотина С.В. Проблема мотивации изучения иностранных языков в международных исследованиях: систематический обзор // *Образование и наука*. 2021. № 23 (5). С. 38–63. doi: 10.17853/1994-5639-2021-5-38-63
- Цаликова И.К., Пахотина С.В., Кунгурова И.М. и др. Изменение тенденций в исследованиях мотивации изучения иностранных языков в 2021 году (систематический обзор) // *Психолого-педагогические исследования*. 2022. Т. 14, № 3. С. 3–20. doi: 10.17759/psyedu.2022140301
- Расторгуев В.Н. Глобальные проблемы и политическая власть // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. 2010. № 2. С. 22–35.
- Darling A.C.E., Mau B., Blattner F.R. et al. Mauve: Multiple Alignment of Conserved Genomic Sequence with Rearrangements // *Genome Research*. 2004. Vol. 14, № 7. P. 1394–1403. doi: 10.1101/gr.2289704
- Marmot M. Social Determinants of Health Inequalities // *Lancet*. 2005. Vol. 365, № 9464. P. 1099–1104. doi: 10.1016/S0140-6736(05)71146-6
- Cash D.W., Clark W.C., Alcock F. и др. Knowledge Systems for Sustainable Development // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2003. Vol. 100, № 14. P. 8086–8091. doi: 10.1073/pnas.123133210
- Gorshkov V.G., Makarieva A.M., Gorshkov V.V. Revising the Fundamentals of Ecological Knowledge: The Biota-environment Interaction // *Ecological Complexity*. 2004. Vol. 1, № 1. P. 17–36. doi: 10.1016/j.ecocom.2003.09.002
- Von Braun M.C., Von Lindern I.H., Khristoforova N.K. et al. Environmental Lead Contamination in the Rudnaya Pristan-Dalnegorsk Mining and Smelter District, Russian Far East // *Environmental Research*. 2002. Vol. 88, № 3. P. 164–173. doi: 10.1006/enrs.2002.4329
- Петровский А.Б., Проничкин С.В., Стернин М.Ю. и др. Организация и управление наукой: опыт России // *Труды ИСА РАН*. 2018. Т. 68, № 4. С. 53–73. doi: 10.14357/20790279180406
- Corman V.M., Landt O., Kaiser M. et al. Detection of 2019 Novel Coronavirus (2019-nCoV) by Real-time RT-PCR // *Eurosurveillance*. 2020. Vol. 25, № 3. Art. No. 2000045. doi: 10.2807/1560-7917.ES.2020.25.3.2000045
- Hellewell J., Abbott S., Gimma A. et al. Feasibility of Controlling COVID-19 Outbreaks by Isolation of Cases and Contacts // *The Lancet. Global Health*. 2020. Vol. 8, № 4. P. e488–e496. doi: 10.1016/S2214-109X(20)30074-7
- Nichols E., Szeoke C.E.I., Vollset S.E. et al. Global, Regional, and National Burden of Alzheimer's Disease and Other Dementias, 1990–2016: a Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2016 // *The Lancet. Neurology*. 2019. Vol. 18, № 1. P. 88–106. doi: 10.1016/S1474-4422(18)30403-4
- Mehmood K., Mushtaq S., Bao Y. et al. The Impact of COVID-19 Pandemic on Air Pollution: a Global Research Framework, Challenges, and Future Perspectives // *Environmental Science and Pollution Research*. 2022. № 29. P. 52618–52634. doi: 10.1007/s11356-022-19484-5
- Daszkiewicz T. Food Production in the Context of Global Developmental Challenges // *Agriculture*. 2022. Vol. 12, № 6. Art. No. 832. doi: 10.3390/agriculture12060832
- Vicente C.R., Jacobs F., Siqueira de Carvalho D. et al. The Joint Initiative for Teaching and Learning on Global Health Challenges and One Health Experience on Implementing an Online Collaborative Course // *One Health*. 2022. № 15. Art. No. 100409. doi: 10.1016/j.onehlt.2022.100409
- Petrone F. The Future of Global Governance after the Pandemic Crisis: What Challenges will the BRICS Face? // *International Politics*. 2022. № 59. P. 244–259. doi: 10.1057/s41311-021-00301-8
- Smith L.M., Cimoli L., LaScala-Gruenewald D. et al. The Deep Ocean Observing Strategy: Addressing Global Challenges in the Deep Sea Through Collaboration // *Marine Technology Society Journal*. 2022. Vol. 56, № 3. P. 50–66. doi: 10.4031/MTSJ.56.3.11
- Pokrajac L., Abbas A., Chrzanowski W. et al. Nanotechnology for a Sustainable Future: Addressing Global Challenges with the International Network for Sustainable Nanotechnology // *ACS Nano*. 2021. Vol. 15, № 12. P. 1860–18623. doi: 10.1021/acsnano.1c10919
- Ssekamatte T., Isunju J.B., Nalugya A. et al. Using the Kolb's Experiential Learning Cycle to Explore the Extent of Application of One Health Competencies to Solving Global Health Challenges; a Tracer Study among AFROHUN-Uganda Alumni // *Global Health*. 2022. Vol. 18, № 49. doi: 10.1186/s12992-022-00841-5
- Deo S.V.S., Sharma J., Kumar S. GLOBOCAN 2020 Report on Global Cancer Burden: Challenges and Opportunities for Surgical Oncologists // *Annals of Surgical Oncology*. 2022. № 29. P. 6497–6500. doi: 10.1245/s10434-022-12151-6
- Lopes L., Paulsch A., Nuno A. Global Challenges and Priorities for Interventions Addressing Illegal Harvest, Use and Trade of Marine Turtles // *Oryx*. 2022. Vol. 56, № 4. P. 592–600. doi: 10.1017/S0030605320001210
- Schaepmana M., Tarantinobc M., Aggarwal-Khand Sh. et al. Are our Data Ready for the Next Global Challenges? Resilient data for resilient societies and economies // *Environmental Science & Policy*. 2022. № 138. P. 146–148. doi: 10.1016/j.envsci.2022.10.006

References

- Ludwig, D. et al. (2022) What's Wrong with Global Challenges? *Journal of Responsible Innovation*. 9 (1). pp. 6–27. doi: 10.1080/23299460.2021.2000130
- Simmons, J.S. (1947) Tropical Medicine and the Challenge of Global War. *The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 27 (1). pp. 1–9. doi: 10.4269/ajtmh.1947.s1-27.1.TMs1-270010001

3. Simmons, J.S. (1947) Tropical Medicine and the Challenge of Global Peace. *The American Journal of Tropical Medicine and Hygiene*. 27 (1). pp. 11–19. doi: 10.4269/ajtmh.1947.s1-27.11
4. Hopkins, R.F. & Puchala, D.J. (1978) Perspectives on the International Relations of Food. *International Organization. Special Issue: The Global Political Economy of Food*. 32 (3). pp. 581–616. doi: 10.1017/S0020818300031878
5. Ng, M. et al. (2014) Global, Regional, and National Prevalence of Overweight and Obesity in Children and Adults during 1980–2013: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2013. *The Lancet*. 384 (9945). pp. 766–781. doi: 10.1016/S0140-6736(14)60460-8
6. Murray, C.J.L. et al. (2012) Disability-adjusted life years (DALYs) for 291 diseases and injuries in 21 regions, 1990–2010: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2010. *The Lancet*. 380 (9859). pp. 2197–2223. doi: 10.1016/S0140-6736(12)61689-4
7. Vos, T. et al. (2010) Years Lived with Disability (YLDs) for 1160 Sequelae of 289 Diseases and Injuries 1990–2010: A Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study. *The Lancet*. 2012380 (9859). pp. 2163–2196. doi: 10.1016/S0140-6736(12)61729-2
8. Belova, K.M. & Sudakov, V.A. (2020) Effectiveness of methods for assessing the text relevance. *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha*. 68. (In Russian). doi: 10.20948/prepr-2020-68
9. Tsalikova, I.K. & Pakhotina, S.V. (2021) The issue of motivation for foreign languages learning in international research works: Scoping review. *Obrazovanie i nauka*. 23 (5). pp. 38–63. (In Russian). doi: 10.17853/1994-5639-2021-5-38-63
10. Tsalikova, I.K. et al. (2022) Changed tendencies in research issues on motivation for foreign languages learning (Review for 2021). *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya*. 14 (3). pp. 3–20. (In Russian). doi: 10.17759/psyedu.2022140301
11. Rastorguev, V.N. (2010) Global'nye problemy i politicheskaya vlast' [Global problems and political power]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 2. pp. 22–35.
12. Darling, A.C.E. et al. (2004) Mauve: Multiple Alignment of Conserved Genomic Sequence with Rearrangements. *Genome Research*. 14 (7). pp. 1394–1403. doi: 10.1101/gr.2289704
13. Marmot, M. (2005) Social Determinants of Health Inequalities. *Lancet*. 365 (9464). pp. 1099–1104. doi: 10.1016/S0140-6736(05)71146-6
14. Cash, D.W. et al. (2003) Knowledge Systems for Sustainable Development. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 100 (14). pp. 8086–8091. doi: 10.1073/pnas.123133210
15. Gorshkov, V.G., Makarieva, A.M. & Gorshkov, V.V. (2004) Revising the Fundamentals of Ecological Knowledge: The Biota-environment Interaction. *Ecological Complexity*. 1 (1). pp. 17–36. doi: 10.1016/j.ecocom.2003.09.002
16. Von Braun, M.C. et al. (2002) Environmental Lead Contamination in the Rudnaya Pristan-Dalnegoorsk Mining and Smelter District, Russian Far East. *Environmental Research*. 88 (3). pp. 164–173. doi: 10.1006/enrs.2002.4329
17. Petrovskiy, A.B. et al. (2018) Organizatsiya i upravlenie naukoy: opyt Rossii [Organization and management of science: Russian experience]. *Trudy ISA RAN*. 68 (4). pp. 53–73. doi: 10.14357/20790279180406
18. Corman, V.M. et al. (2020) Detection of 2019 Novel Coronavirus (2019-nCoV) by Real-time RT-PCR. *Eurosurveillance*. 25 (3). Art. No. 2000045. doi: 10.2807/1560-7917.ES.2020.25.3.2000045
19. Hellewell, J. et al. (2020) Feasibility of Controlling COVID-19 Outbreaks by Isolation of Cases and Contacts. *The Lancet. Global Health*. 8 (4). pp. e488–e496. doi: 10.1016/S2214-109X(20)30074-7
20. Nichols, E. et al. (2019) Global, Regional, and National Burden of Alzheimer's Disease and Other Dementias, 1990–2016: a Systematic Analysis for the Global Burden of Disease Study 2016. *The Lancet. Neurology*. 18 (1). pp. 88–106. doi: 10.1016/S1474-4422(18)30403-4
21. Mehmood, K. et al. (2022) The Impact of COVID-19 Pandemic on Air Pollution: a Global Research Framework, Challenges, and Future Perspectives. *Environmental Science and Pollution Research*. 29. pp. 52618–52634. doi: 10.1007/s11356-022-19484-5
22. Daszkiewicz, T. (2022) Food Production in the Context of Global Developmental Challenges. *Agriculture*. 12 (6). Art. No. 832. doi: 10.3390/agriculture12060832
23. Vicente, C.R. et al. (2022) The Joint Initiative for Teaching and Learning on Global Health Challenges and One Health Experience on Implementing an Online Collaborative Course. *One Health*. 15. Art. No. 100409. doi: 10.1016/j.onehlt.2022.100409
24. Petrone, F. (2022) The Future of Global Governance after the Pandemic Crisis: What Challenges will the BRICS Face? *International Politics*. 59. pp. 244–259. doi: 10.1057/s41311-021-00301-8
25. Smith, L.M. et al. (2022) The Deep Ocean Observing Strategy: Addressing Global Challenges in the Deep Sea Through Collaboration. *Marine Technology Society Journal*. 56 (3). pp. 50–66. doi: 10.4031/MTSJ.56.3.11
26. Pokrajac, L. et al. (2021) Nanotechnology for a Sustainable Future: Addressing Global Challenges with the International Network for Sustainable Nanotechnology. *ACS Nano*. 15 (12). pp. 1860–18623. doi: 10.1021/acsnano.1c10919
27. Ssekamatte, T. et al. (2022) Using the Kolb's Experiential Learning Cycle to Explore the Extent of Application of One Health Competencies to Solving Global Health Challenges; a Tracer Study among AFROHUN-Uganda Alumni. *Global Health*. 18 (49). doi: 10.1186/s12992-022-00841-5
28. Deo, S.V.S., Sharma, J. & Kumar, S. (2022) GLOBOCAN 2020 Report on Global Cancer Burden: Challenges and Opportunities for Surgical Oncologists. *Annals of Surgical Oncology*. 29. pp. 6497–6500. doi: 10.1245/s10434-022-12151-6
29. Lopes, L., Paulsch, A. & Nuno, A. (2022) Global Challenges and Priorities for Interventions Addressing Illegal Harvest, Use and Trade of Marine Turtles. *Oryx*. 56 (4). pp. 592–600. doi: 10.1017/S0030605320001210
30. Schaeppmana, M. et al. (2022) Are our Data Ready for the Next Global Challenges? Resilient data for resilient societies and economies. *Environmental Science & Policy*. 138. pp. 146–148. doi: 10.1016/j.envsci.2022.10.006

Информация об авторах:

Цаликова И.К. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета (Ишим, Россия). E-mail: i.k.calikova@utmn.ru

Пахотина С.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры русской и зарубежной филологии, культурологии и методики их преподавания Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета (Ишим, Россия). E-mail: s.v.pakhotina@utmn.ru

Своглазова А.Е. – аспирант Брюссельского свободного университета (Брюссель, Бельгия). E-mail: svoeglazova98@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.K. Tsalikova, Cand. Sci. (Philology), associate professor, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute – Branch of the University of Tyumen (Ishim, Russian Federation). E-mail: i.k.calikova@utmn.ru

S.V. Pakhotina, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute – Branch of the University of Tyumen (Ishim, Russian Federation). E-mail: s.v.pakhotina@utmn.ru

A.Ye. Svoeglazova, postgraduate student, Université Libre de Bruxelles (Brussels, Belgium). E-mail: svoeglazova98@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.01.2023;
одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 27.01.2023;
approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94:[323.269.6:355.426](574.2-35)"1919"
doi: 10.17223/15617793/496/17

Антиколчаковское повстанческое движение в Акимоллинской области весной 1919 г.

Игорь Владимирович Курьшев¹

¹ Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал)
Тюменского государственного университета, Ишим, Россия, ivkishim2019@mail.ru

Аннотация. На основе изучения архивных документов, периодической печати и воспоминаний рассматриваются ход и причины поражения восстаний весной 1919 г. в Акимоллинской области. Предпринята попытка рассмотреть социально-психологические мотивы массового протеста. Делается вывод о том, что повстанческое движение в Акимоллинской области в целом имело стихийный характер и было обусловлено репрессивными мерами со стороны военных отрядов колчаковского правительства, устойчивыми антиказацкими настроениями.

Ключевые слова: Акимоллинская область, протестное движение, крестьянство, фронтовики, казачество, деструктивное поведение, массовые репрессии

Для цитирования: Курьшев И.В. Антиколчаковское повстанческое движение в Акимоллинской области весной 1919 г. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 155–162. doi: 10.17223/15617793/496/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/17

Anti-Kolchak insurgency in Akmol region in the spring of 1919

Igor V. Kuryshchev¹

¹ Ishim Pedagogical Institute – Branch of the University of Tyumen, Ishim, Russian Federation, ivkishim2019@mail.ru

Abstract. In order to interpret the transformation of social processes, the study of the remonstrative behaviour of the peasant masses acquires particular relevance. The author considers the problem of the emergence, development and defeat of the peasant protest in Akmol region in the spring of 1919 on the basis of a comprehensive, objective study of archival documents, periodicals and memoirs. In the course of the study, the author found that anti-Kolchak insurgency in Akmol region was caused by a widespread protest of the peasantry against the violent mobilization of all draft-age people into the White Army, including former front-line soldiers; by acute social contradictions and conflicts between peasant immigrants and Cossacks; by the requisition of light carriages and supplies to the White Army. The peasant unrest took place in many volosts of Kokchetav district. In early April 1919, under the influence of a powerful protest movement in the neighbouring Kustanai district of Turgai region, the flames of the rebellion engulfed Petropavlovsky district of Akmol region. During the uprising, especially in Petropavlovsky district, the hatred towards the Kolchak police was clearly manifested in the behaviour of the rebellious peasants. The author notes that anti-Cossack feelings and moods became one of the leading socio-psychological motives of the mass protest movement, which began on April 23, 1919, in Atbasarsky district, the epicenter of which was the resettlement village of Mariinskoye. The former front-line soldiers who had launched anti-Kolchak activities among rural residents played a significant role in organizing the uprising there. The main headquarters of the people's army of Atbasarsky district in Mariinskoye appealed to the population of the surrounding volosts on May 1, 1919, to defend people's freedom and overthrow the Cossack yoke that was hated by the peasantry. From May 12 to May 13, 1919, Mariinskoye was captured by Kolchak troops and the uprising was brutally suppressed. The author concludes that the insurgency in Akmol region was spontaneous and was provoked by repressions and abuses by the military detachments of the Kolchak army and the front-line situation in the spring of 1919, but there was no noticeable Bolsheviks' influence on it. The intensity of the stubborn and irreconcilable struggle with the Kolchak authorities can be largely explained by complex land contradictions and strong anti-Cossack motives and mood. Despite the brutal suppression of the Mariinskoye (Atbasarsky) uprising by Kolchak punitive detachments, it gave a powerful impetus to the development of the anti-Kolchak partisan movement in Akmol region.

Keywords: Akmol Region, protest movement, peasantry, front-line soldiers, Cossacks, destructive behaviour, mass repression

For citation: Kuryshchev, I.V. (2023) Anti-Kolchak insurgency in Akmol Region in the spring of 1919. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 155–162. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/17

Для осмысления трансформации социальных процессов особую актуальность приобретает изучение протестного поведения крестьянских масс, отражающего не только ухудшение их положения, нарастание напряженности в обществе, но и рост политической активности. Целью статьи является изучение условий, особенностей, причин возникновения, развития и поражения крестьянского протеста в Акмолинской области весной 1919 г. на основе комплексного, объективного изучения архивных документов (в том числе ранее не введенных в научный оборот), периодической печати и воспоминаний. В ходе исследования использовались сравнительно-исторический и историко-генетический, междисциплинарные методы исследования.

Изучение протестного движения крестьянства азиатских регионов бывшей Российской империи в период Гражданской войны началось еще в 1920–1930-е гг. Существенный вклад в изучение повстанческо-партизанского движения внес эсер Е.Е. Колосов, который рассмотрел в своем труде условия, причины, ход, характерные особенности, итоги повстанческо-партизанского движения в Сибири в 1918–1919 гг. [1]. Социально-экономические корни крестьянского движения в Сибири и его общий обзор с выделением наиболее характерных черт по губерниям и областям рассмотрел В. Эльцин [2]. Общий ход сражения в с. Мариинском Атбасарского уезда, карательную операцию белых по подавлению крестьянского восстания, белый террор описали в своих воспоминаниях участники повстанческо-партизанского движения в Акмолинской области И. Кумач, Ф. Калюта [3]. Краткую, неполную характеристику массового восстания в районе Атбасарского уезда весной 1919 г. дал В.А. Кадейкин [4. С. 358].

В своем известном исследовании подготовку подпольщиками повстанческого движения в Атбасарском уезде Акмолинской области, организацию ими Мариинского восстания рассмотрел И.Ф. Плотников [5. С. 235–236]. Подробно, с привлечением комплекса архивных документов, воспоминаний повстанческое движение в Атбасарском уезде и, в том числе восстание в с. Мариинском, были рассмотрены в труде советского историка П.М. Пахмурного [6. С. 259–276]. Историографию, краткий очерк истории, характерные особенности антиколчаковского партизанского движения в наиболее крупных территориальных очагах Сибири, а также его общие итоги рассмотрели в своих работах известные специалисты по истории Гражданской войны В.И. Шишкин и Н.С. Ларьков [7, 8]. В частности, они пришли к объективному выводу о том, что, например, в Алтайской губернии, ставшей ареной ожесточенных боев сибирских повстанческо-партизанских соединений с регулярными частями колчаковской армии во второй половине 1919 г., большевики пытались организовать среди партизан идейно-политическую работу, но в силу малочисленности не могли придать ей масштабность. По их мнению, «формально большинство партизан боролось за восстановление советской власти, понимаемой, правда, по-разному. Среди них были как сторонники «диктатуры пролетариата», так и ее противники. Но еще больше партизан не хотело никакой власти и являлось носителями стихийного анархизма» [7. С. 91].

Современный казахский историк Ж.А. Еремекбай обратился к истории Мариинского восстания 1919 г. на основе изучения воспоминаний участников повстанческого движения [9]. Однако целостные исследования с применением современных концептуальных подходов по проблеме антиколчаковского повстанчества в Северном Казахстане пока отсутствуют. Вместе с тем этот регион стал одним из масштабных очагов упорной повстанческо-партизанской борьбы с колчаковским режимом.

Пламя крестьянского протеста в Тургайской и Акмолинской областях (Степном крае) вспыхнуло в апреле–мае 1919 г. В это время шли упорные бои за Среднее Поволжье и Южный Урал между Красной Армией и колчаковской Западной армией генерал-лейтенанта Ханжина. Мотивами его являлись: нараставшее недовольство колчаковским режимом, сопротивление разгулу военно-полицейских методов управления деревней, усиление антивоенных настроений, разрушение привычных, устоявшихся хозяйственно-экономических связей между городом и деревней. Эсер Е.Е. Колосов, характеризуя крестьянские восстания, подчеркивал длительный, упорный и организованный характер крестьянского сопротивления белогвардейским правительствам и режимам в масштабе всей Сибири [1. С. 9]. При этом Колосов объяснял социально-психологические мотивы тяготения сибирской деревни к большевизму стихийным и бессознательным протестом крестьянства против различных форм неравенства (экономического, государственного, по образованию, по культурному уровню и других) [1. С. 27].

В основе антиколчаковского протестного движения в Акмолинской области лежал ярко выраженный протест крестьянства против насильственной мобилизации в белую армию практически всех военнообязанных, в том числе, и бывших фронтовиков; острые социальные противоречия и конфликты между крестьянами-переселенцами и казаками; реквизиция бричек и подвод в белую армию. В то же время повстанческо-партизанское движение в Степном крае (1918–1919 гг.), отличаясь мощным накалом антиколчаковской борьбы, имело свои региональные особенности. По мнению советского историка С.Н. Покровского, «здесь приходилось преодолевать значительные проявления местнических настроений, партизанщины, крестьянской ограниченности» [10. С. 131].

Еще в конце марта 1919 г., перед официальным объявлением призыва запасных, ополченцев, белобилетников и новобранцев циркулировали слухи о нежелании крестьян в некоторых волостях Кокчетавского уезда идти на призыв. Однако первоначально власти Акмолинской области ничего тревожного не заметили, мобилизация в армию, по их утверждению, шла спокойно.

В письме в департамент милиции МВД управляющий Акмолинской областью сообщал, что настроение населения Атбасарского уезда во второй половине апреля, до того сравнительно спокойное, резко изменилось к худшему. Главными причинами недовольства, по его мнению, явились отчасти мобилизация, отчасти реквизиция гужевого транспорта и, главным образом,

приближение от Кустаная дезертиров, которые рассказывали своим односельчанам разные «небылицы», склоняя население на свою сторону и восстанавливая его против правительственной власти [11. Л. 232].

Следует отметить, что в Акмолинской области, как и повсюду в Сибири, трудности при мобилизации в белую армию возникли еще осенью 1918 г. [11. Л. 14]. По мнению уездных должностных лиц, возникшее восстание было вызвано ростом недовольства населения: взысканием налогов, мобилизацией запасных и новобранцев, реквизицией в армию лошадей и подвод, обременительной гужевой повинностью по перевозке пленных и запасных, а также явной агитацией большевиков, которых крестьяне добровольно не желали выдавать [11. Л. 126].

В то же время управляющий Кокчетавским уездом отмечал, что в конце марта – начале апреля 1919 г. в уезде усилилось дезертирство призывников, которые бежали от мобилизации и скрывались в лесах. По его мнению, массовое дезертирство явилось «результатом недовольства населения одновременным призывом запасных и молодых солдат, а также реквизицией повозок и лошадей для армии», что значительно усложнило весенние полевые работы. Кроме того, плохая организация военными властями отправки призывных команд до г. Петропавловска привела к массовому дезертирству по пути следования [12. Л. 12].

С развитием протестных настроений против насильственной мобилизации в колчаковскую армию было связано и крестьянское выступление в Андреевской волости Кокчетавского уезда в конце марта 1919 г. По сообщению газеты «Атбасарская жизнь», собравшиеся мобилизованные, «подстрекаемые тайными большевистскими агентами», заявили, что они на призыв не пойдут, так как якобы пришла телеграмма об отмене мобилизации, но ее от них скрывают [13]. Вскоре стало известно о возникших здесь беспорядках, подвозе оружия и снарядов, появившихся патронташах взбунтовавшихся крестьян.

В село Андреевское из Кокчетава в помощь участковому начальнику милиции был немедленно командирован сводный отряд солдат, казаков и конных милиционеров под командованием сотника Тыртова. В ночь на 30 марта в селе Андреевском повстанцы напали на размещившийся в местной школе белогвардейский отряд из 120 человек: в здание школы полетели гранаты, зажигательные бомбы, а затем оно было подожжено. Два человека из карательного отряда были убиты, три ранены. Со стороны мятежников погибло около 100 человек, остальные бежали [12. Л. 1; 14. Л. 26].

Основным оружием взбунтовавшихся крестьян были вилы и топоры: у повстанцев было всего около 20–30 винтовок, такое же количество разных гранат. Получивший помощь из Кокчетава карательный отряд прошел по близлежащим селениям и волостям и арестовывал зачинщиков восстания. Открытый протест сопровождался состоянием крайнего возбуждения участвующих в нем людей, что прослеживается, в частности, в инвективизации речи бунтовщиков. «Черная сотня, переходи на нашу сторону!» [13] – кричали повстанцы.

Одновременно крестьянские волнения охватили Корнеевскую, Макинскую, Вознесенскую и Дмитровскую волости Кокчетавского уезда. Несколько карательных отрядов было направлено в Атбасарский и Кокчетавский уезды для частичного завершения принудительной мобилизации крестьян. В начале апреля 1919 г. под влиянием мощного протестного движения в соседнем Кустанайском уезде Тургайской области пламя мятежа охватило Петропавловский уезд Акмолинской области. Отступавшие отсюда под натиском белогвардейских сил повстанческие отряды захватили село Всесвятское и станицу Звериноголовскую, разоружив местную милицию и проведя мобилизацию населения в свои отряды, а также реквизируя скот и припасы [11. Л. 277]. Управляющий Петропавловским уездом Гославский сообщал о том, что село Всесвятское занято большевиками, милиция 5-го участка разогнана. По дороге повстанцы отбирали у населения оружие и скот, а тех, кто оказывал сопротивление, расстреливали [11. Л. 136; 12. Л. 10].

В ходе восстания, особенно в Петропавловском уезде, в поведении взбунтовавшихся крестьян ярко проявилась ненависть к колчаковской милиции, замешанной в масштабной коррупции, вымогательстве, порочных связях с преступными группировками. Так, в селе Явленском взбунтовавшаяся крестьянская толпа жестоко расправилась над начальником участка милиции по причине пособничества местной милиции конокрадству [15. Л. 34].

В связи с реквизицией белыми подвод у сельского населения волнения вскоре охватили и Анновскую волость Петропавловского уезда, где милиция также была разогнана и разоружена. В селе Всесвятском был образован повстанческий штаб, силы повстанцев в данном районе достигали численности 500–700 человек. 6 мая 1919 г. село Анновку окружили значительные силы повстанцев, к которым добровольно присоединилось местное население [12. Л. 13 об.].

В Кокчетавском уезде крестьяне Дмитровской, Вознесенской, Макинской волостей решили объединить свои силы и войти в село Александровское к 9 апреля, направив оттуда делегацию в г. Кокчетав для предъявления требований о выдаче одежды и обуви, предупредив, что в случае отказа они «намерены устроить бунт и перебить всю интеллигенцию» [11. Л. 136; 12. Л. 10 об.].

Несмотря на отчасти насильственную мобилизацию в крестьянскую армию, повстанческое движение расширилось, охватив целый ряд сел Кокчетавского и Акмолинского уездов. Управляющий Акмолинским уездом Надеждин 10 апреля 1919 г. сообщал: «Население Журавлевской волости оказало явное сопротивление участковому начальнику милиции, непризнание власти Временного правительства, восхваляя при этом Советскую власть» [11. Л. 138].

В Урюпинской волости Акмолинского уезда действовали отряды восставших крестьян численностью около 1 200 человек под командованием фельдшера Горланова, телеграфная линия была повреждена мятежниками, в результате чего город Акмолинск оказался отрезанным. Отправленные для исправления

почтово-телеграфной связи чиновник Пивоваров и почтальон Копыткин были арестованы повстанцами в селе Мариинском. Для подавления восстания в северо-западной части Акмолинского уезда выдвинулся отряд из казаков и милиционеров под командованием хорунжего Кучковского [12. Л. 2].

На подавление вспыхнувшего мятежа в Петропавловском уезде из Кургана отправился отряд капитана Ванягина, который в ночь на 16 апреля 1919 г. разгромил повстанческие отряды, захватил в плен их военный штаб. Расстреляв 85 комиссаров и красноармейцев, он двинулся дальше по уезду. Бежавшие из соседней Тургайской области дезертиры разлагающе воздействовали на местное население, по словам управляющего уездом, и без того «достаточно зараженное ядом большевизма и начавшее теперь под влиянием агитации волноваться» [12. Л. 1 об.–2].

18 апреля в селе Спасском взбунтовавшиеся крестьяне отняли у реквизиционной комиссии лошадей и повозки, взятые для военно-транспортных нужд, и вынудили ее прекратить работу. Затем в селах Знаменском, Буланковском и Мариинском дезертиры совместно с рассеявшимися после разгрома повстанческого движения в Кустанайском и Петропавловском уездах повстанцами организовали советы.

В значительной мере антиказацкие социальные чувства и настроения стали одним из ведущих социально-психологических мотивов массового протестного движения, начавшегося в апреле 1919 г. в Атбасарском уезде, главным очагом которого стало переселенческое село Мариинское [11. Л. 166]. Повсеместно милиция и лесная стража были разоружены и арестованы; той же участи подвергся приехавший в село Мариинское председатель атбасарской уездной земской управы Ященко, а также множество зажиточных крестьян, сотрудничавших с белыми. К восстанию в селе Мариинском примкнули также другие поселки: Ковыльный, Колтуновское, Ново-Братское, Красносельское, Степное и Добровольное. Один из организаторов повстанческо-партизанского движения в Акмолинском уезде К.П. Горланов считал, что в Мариинском восстании участвовало свыше 60 сел Атбасарского, Акмолинского, Кокчетавского и Петропавловского уездов [6. С. 268]. Повстанцам удалось отразить несколько попыток колчаковских карательных отрядов разгромить их. Так, для подавления крестьянского выступления в Атбасарском уезде из Акмолинска выдвинулся карательный отряд в 500 штыков со 120 кавалеристами под командованием Васильева. В ночь на 22 апреля 1919 г. отряд повстанцев из 500 человек встретил белых в казахском ауле, за Старым Колутуном [3. С. 42]. В ходе боя белые были отброшены в сторону Акмолинска, понеся незначительные потери. Примечательно, что в восстании видную роль играли и местные женщины, принявшие участие в конной контратаке под руководством Ксении Малоковой.

Главный штаб народной армии Атбасарского уезда в селе Мариинском за подписью председателя главного штаба Никифора Ирченко обратился к населению окрестных волостей с воззванием от 1 мая 1919 г.

встать на защиту народной свободы и свергнуть ненавистное крестьянству казачье иго [11. Л. 247].

В организации восстания в с. Мариинском существенную роль сыграли бывшие фронтовики, развернувшие антиколчаковскую деятельность среди своих соотечественников: братья Никифор и Константин Ирченко, Алексей Лукич Белаш, Иван Алексеевич Ященко, Иван Миронович Белозерский, Алексей Иванович Шайкин, Яков Белокобыльский, Поликарп Безверхов, Яков Осипович Шайкин, Матвей Сазонович Анашкин. Эти наиболее политически активные крестьяне подготовили план вооруженного восстания и организовали штаб во главе с Н.М. Ирченко и А.Л. Белаш [6. С. 259; 9. С. 75]. Председателем Мариинского повстанческого совета являлся бывший член Атбасарского уездного исполкома советов Н.М. Ирченко. Как вспоминал видный участник повстанческо-партизанского движения К.П. Горланов, Н.М. Ирченко – местный крестьянин, около 30 лет, крепкого телосложения и высокого роста, энергичный, храбрый, обладавший сильной волей, бывший фронтовик, заурядный прапорщик первой мировой войны, имел семью и занимался сельским хозяйством [9. С. 74]. Другой известный деятель акмолинского повстанчества – А.Л. Белаш родился в 1887 г. в Полтавской губернии, подвергался гонениям за участие в первой российской революции 1905–1907 гг., был вынужден с семьей переехать в с. Мариинское Акмолинской области. По мнению казахского историка Ж.А. Еремекбая, оба руководителя восставших были беспартийными, но поддерживали большевиков [9. С. 74]. На начальном этапе восстания отправленный из Атбасара для усмирения мятежников небольшой карательный отряд, состоявший из 25 казаков и 12 милиционеров, был ими отброшен [12. Л. 2].

По свидетельству «Атбасарской жизни», зловещие слухи об усилении организации большевиков в селе Мариинском возрастали, углубляя нервное состояние населения [16, 17]. Официальные власти считали, что организаторами Мариинского восстания являются хулиганы, дезертиры, возвратившиеся с фронта [16]. Общую численность повстанческих отрядов в селе Мариинском белые определяли в 1 тыс. человек [12. Л. 13]. Управляющий Атбасарским уездом отмечал, что «бунт принимает колоссальные размеры, местная рота дезертирует, часть патронов оказалась снаряжена песком вместо пороха» [12. Л. 13–13 об.].

Колчаковские власти считали дезертиров из Кустанайского уезда главными виновниками возникновения повстанческого движения на юге Акмолинской области, в том числе в Атбасарском уезде. Крестьянское население, состоявшее в основном из переселенцев, активно поддерживало быстро растущие повстанческие силы [11. Л. 147]. При этом действия восставших сопровождалось различными формами деструктивного поведения. Так, корреспондент газеты «Приишимье» сообщал, что в селе Веролобовском Кокчетавского уезда были убиты и изуродованы до неузнаваемости казацкие офицеры хорунжий Ощепков, сотник Усачев и чиновник Суковатый, приехавшие в село Введенское с целью реквизиции бричек и телег для нужд

военного времени [18]. 7 мая в 9 часов утра в село Всесвятское Петропавловского уезда ворвался один из повстанческих отрядов численностью около 700 человек. Он прибыл сюда из села Борового Кустанайского уезда; разграбил почту, медицинский переселенческий пункт, частную аптеку и местное зажиточное население на сумму более 1 500 000 руб. Повстанцы арестовали и предали суду военно-революционного трибунала заведующего 3-м переселенческим подрайоном Петропавловского уезда Мишина, почтово-телеграфного чиновника Родишева и врача Троицкого с женой и кучером [12. Л. 2 об.]. Причем первых двоих по просьбе жителей отпустили, а врач и его жена были подвергнуты жестоким истязаниям и убиты. По донесению начальника милиции Медведского, в шести верстах от Всесвятского были позже обнаружены трупы Троицкого и его жены с перерезанными горлами, вырванными глазами [11. Л. 207]. Грабежи и насилия отдельных деморализовавшихся повстанческих отрядов порой отталкивали от себя нейтральное политически крестьянство [19].

1 мая 1919 г. Верховный правитель адмирал А.В. Колчак возложил общее руководство подавлением восстания в Акмолинской области на командира сводного казачьего корпуса генерал-майора В.И. Волкова. Для координации военных действий белогвардейских карательных отрядов с целью подавления повстанческого движения в регионе генерал Волков назначил полковника Г.Е. Катанаева. В начале мая из Петропавловска были выдвинуты в трех направлениях достаточно многочисленные и хорошо вооруженные военные отряды белых, направившиеся к с. Мариинскому Атбасарского уезда. В это же время силы повстанцев, достигнув около 2 тыс. человек, попытались овладеть г. Атбасаром [12. Л. 2 об.]. Сохранившиеся единичные документы повстанцев позволяют утверждать, что в мотивации их поведения существенную роль играли также антибуржуазные установки и настроения, ненависть к колчаковскому режиму, мотивируя их к мужественной и упорной борьбе с колчаковскими карательными отрядами. Так, в циркуляре начальника Главного штаба народной армии Атбасарского уезда Ирченко от 3 мая 1919 г., направленном в села, присоединившиеся к восстанию, сообщалось о том, что наша организованная народная армия идет добровольно для защиты не буржуев наших, а трудового народа, который пострадал уже до невозможности от буржуев...» [6. С. 278].

С первых дней восстания мятежники рассматривали село Мариинское как выгодный плацдарм для дальнейшего продвижения вперед, вынашивая планы наступления на Атбасар и Акмолинск и последующего их захвата. Однако начало наступления восставших крестьян и их продвижение к Атбасару было предупреждено своевременно прибывшими отрядами полковника Катанаева численностью в 1 500 хорошо вооруженных солдат. Как отмечал советский историк П.М. Пахмурный, ошибка руководителей восстания заключалась в том, что они затянули время для наступления на Атбасар, упустив выгодный стратегический момент, дав возможность колчаковцам стянуть сюда

крупные карательные соединения [6. С. 276]. Серьезным недостатком деятельности повстанческих органов управления являлись отсутствие информации о сильном брожении в местной воинской команде атбасарского гарнизона, отсутствие координации с ним своих действий. Повстанцы не провели конфискацию денег у председателя уездной земской управы, что, несомненно, укрепило бы их финансово-экономическое положение [6. С. 273–274].

И. Кумач и Ф. Калюта утверждали в своих воспоминаниях о возникших разногласиях в рядах повстанческого командования. На общем собрании партизан 25 апреля 1919 г., по их утверждению, руководители повстанческого штаба Ирченко и Белаш считали, что необходимо занять оборонительную позицию, воздержаться от дальнейшего наступления. П.М. Пахмурный, в свою очередь, всячески опровергал данное утверждение [6. С. 275]. Представители других отрядов, влившихся в общие повстанческие силы, предлагали совершить нападение на слабый воинский гарнизон Атбасара, разбить его, и, получив вооружение, далее двигаться на Петропавловск. Третьи полагали, что следует разбиться на мелкие отряды, мнимо уповав на их неуловимость, и, поддерживая между ними связь, делать внезапные налеты на города Атбасар и Кокчетав, наводить панику в колчаковском тылу, отвлекая силы противника с фронта. В конечном итоге победила оборонительная позиция. Некоторые повстанцы, не согласившись с таким решением, самостоятельно ушли; начались разногласия, отряд стал распыляться, дисциплина упала, доверие к штабу пошатнулось; повсюду действовали осведомители белых из местных кулаков [3. С. 42–43]. В то же время штаб в Мариинском сильно преувеличивал панические настроения у белых в Атбасаре. Повстанцы не учли того, что, заняв оборонительную позицию, они тем самым предоставили противнику возможность окружения, изоляции от других повстанческо-партизанских отрядов. Расправа со стороны белоказачьих становилась неминуемой.

Вся Мариинка была забаррикадирована плугами, боронами, бричками с сеном. Местные крестьяне охотно снабжали повстанцев провиантом. Наступление белых сдерживало и мощное половодье разлившихся на 20 километров рек Ишима и Колутона.

Для подавления восстания в Атбасар прибыл казачий полк под командованием полковника Г.Е. Катанаева, имевший на вооружении два тяжелых артиллерийских орудия и десятков пулеметов. Кроме того из Курганского военного округа прибыл конный отряд из 500 человек под командованием капитана Ванягина. С целью разгрома главного очага восстания в селе Мариинском по распоряжению казачьего полковника Катанаева стягивавшимися белогвардейскими и казачьими отрядами было начато его окружение. С 12 на 13 мая 1919 г. с 3 часов ночи развернулось мощное наступление на Мариинку, сопровождавшееся артиллерийским и пулеметным обстрелом, и уже к 5 часам утра она была занята колчаковскими войсками.

Несмотря на отчаянное, мужественное сопротивление обреченных мятежников, потери их здесь были огромными. Белые же понесли незначительные потери. В телеграмме от 15 мая 1919 г. управляющего

Петропавловским уездом Гославского, занижавшего потери повстанцев, сообщалось управляющему Акмолинской областью о ликвидации восстания в Мариинском Атбасарского уезда: «Банда окружена, расстреляно около 1 000 чел. Село сожжено» [11. Л. 14]. По сведению очевидцев, село полыхало так, что клубы дыма были видны из Атбасара. По сведениям газеты «Атбасарская жизнь», наступление началось в 2 часа ночи. Мариинцы оказали упорное сопротивление, однако после двухчасового боя оно было сломлено. Убито из восставших, утонуло в реке, спасаясь от карателей, и расстреляно до 1 500 человек [19]. Участники повстанческо-партизанского движения в Атбасарском уезде Кумач И., Калюта Ф. в воспоминаниях отмечали, что каратели подожгли в Мариинском 120 домов, погибли 3 тыс. человек; после жестокой расправы белоказаков осталось 500 вдов и 926 сирот [3. С. 57]. В своих воспоминаниях они воссоздают ужасающую картину колчаковского террора: белые, не насытившись кровью, возле дома Чеснокова «облили керосином и сожгли раненых. У партизана Андрея Пашкова обгорели руки, лопнули глаза, и его живого зарыли в землю. Подбирать и зарывать валявшиеся трупы белые не разрешали. Свиньи и собаки выедали у убитых глаза, отгрызали уши, носы и конечности, распарывали животы и внутренности таскали по улицам» [3. С. 52].

Понеся огромные потери (более 1 500 человек), повстанцы под ураганным огнем колчаковцев отступили на окраину села, затем, вплавь переправившись через реку, бежали в степь. Овладев селом, каратели жестоко расправились с местными жителями и пленными мятежниками. Они грабили крестьян, насиловали женщин, избивали их плетью. Уцелевшее население села белые выгнали за околицу, расстреливали из пулеметов, живьем бросали в огонь. По данным П.М. Пахмурного, в селе Мариинском было убито более 3 тыс. человек, сожжено 80 дворов, разграблено 100 тыс. пудов хлеба, угнано 400 лошадей, 600 голов крупного рогатого скота, 8 тысяч овец, 50 бричек [6. С. 286]. По свидетельству мирового судьи станицы Сандыктавской, каратели капитана Ванягина и сотника Шайтанова, ворвавшись в село Мариинское, «начали истреблять всех без разбора, бросая бомбы в убежавших, стреляя по полям и в дома. На улице деревни были найдены трупы даже детей» [6. С. 286].

Возмущенный массовыми репрессиями над беззащитными крестьянами со стороны карательных отрядов штабс-капитан Воскресенский телеграфировал командующему Курганским военным округом: «Начальник гарнизона Шайтанов производит над дезертирами и крестьянами небывалые и неслыханные в истории зверства, ежедневно десятки человек расстреливаются и зарубливаются, предполагает расстрелять 200 человек арестованных» [6. С. 287].

После разгрома главного очага повстанческого движения в селе Мариинском карательные отряды двинулись в следующий повстанческий район, охватывавший Журавлевскую, Камышенскую, Оксановскую и Урюпинскую волости Акмолинского уезда, где полностью уничтожили отряды повстанцев численностью более 1 тыс. человек, сожгли дома и конфисковали

имущество мятежников. По дороге в Марииновку карательным отрядом было расстреляно 43 агитатора и члена большевистских ячеек [20. Л. 6].

Быстрый разгром крупных повстанческих соединений в этом районе объяснялся и тем обстоятельством, что их руководители, опоздав прийти на помощь осажденным села Мариинского и узнав о страшной расправе над ними, распустили свои сформированные отряды общей численностью 1 200–1 300 человек. Поэтому колчаковцам удалось быстро совершить рейды по селам и расстрелять укрывшихся в них мятежников, а их дома сжечь. Лишь отряд во главе с К.П. Горлановым, в количестве 150 человек скрылся в лесах северо-западной части Акмолинского уезда [6. С. 287].

Один из военных чиновников, анализируя политическое состояние г. Петропавловска и Петропавловского уезда, откровенно признавал, что крестьянское и киргизское население волости крайне раздражено и озлоблено участвовавшими случаями насилия и грабежей со стороны воинских отрядов, которые избивают противодействующих грабежу крестьян и киргиз, а также насиловуют их женщин и девушек [21. Л. 54].

Усиливая репрессивную политику, начальник всех карательных отрядов Кокчетавского, Акмолинского и Атбасарского уездов полковник Г. Катанаев в целях подавления антиколчаковского повстанческого движения на юге Акмолинской области возложил всю полноту ответственности за нахождение большевистских агитаторов, дезертиров, всех активных повстанцев на сельских старост и сельские сходы, которым грозил расстрелом, а также реквизицией скота и имущества [11. Л. 261].

Колчаковские военные власти проявили непопустительную близорукость в вопросах гражданского управления, в оценке социально-психологических мотивов, происхождения и характера крестьянских восстаний, поверхностно объясняя их мотивы темнотой крестьян и большевистской агитацией [22].

Некоторые запуганные до крайности сельские общества под давлением колчаковской пропаганды поспешили принять приговоры, выражавшие безграничную поддержку и благодарность белогвардейским карательным отрядам, Российскому правительству А.В. Колчака и лично Верховному Правителю [11. Л. 547–548]. 14 мая 1919 г. в г. Кокчетаве Акмолинской области в местном общественном собрании состоялось чествование генерал-майора В.И. Волкова, устроенное офицерством, представителями городского общественного управления, торгово-промышленных кругов, земства, а также мусульманского и казахского населения. В газете «Приишимье» был опубликован белогвардейский экспромт о столь внушительной победе белых (авангард которых составляли преданные казачьи отряды) над повстанческими силами: «Было много слухов, было много толков, но вопрос на деле оказался прост. Не успел проехать с казаками Волков, как вся свора мигом вновь поджала хвост. Не слышать собачьих большевистских лаев, как рукою сняло вихрь мятежных бурь – Волкова сподвижник, славный Катанаев, из голов дурацких сразу выбил дурь. Шлю привет героям и пред всеми Вами с твердой верой в сердце я

сказать берусь: “С этими орлами, с этими штывками возродится скоро боевая Русь”» [23]. В свою очередь, генерал Волков разрешил представить к боевым наградам отличившихся карателей: наградить их георгиевскими крестами и медалями.

Однако пассивное сопротивление крестьянства продолжалось. В еженедельной сводке за 26 мая – 2 июня 1919 г. управляющий Кокчетавского уезда докладывал, что за последнее время в уезде усилилось дезертирство призванных, которые разбегаются и прячутся в лесах [24. Л. 109]. Более того, жители села Все-святского и некоторых других сел, отличившихся на-калом повстанческой борьбы, несмотря на репрессии ка-рательных отрядов, по-прежнему противодействовали предоставлению подвоза для белогвардейских отрядов [21. Л. 9].

Несмотря на жестокий разгром повстанческого движения в апреле – середине мая 1919 г. в Акмолин-ской области, протестные настроения крестьян прояв-ляли себя вновь, а рассеявшиеся повстанцы создали партизанские отряды, вступившие в упорную и ожесточенную партизанскую борьбу с колчаковской адми-нистрацией. Штабс-капитан Добромислов, например, делился своими впечатлениями о поездке по Акмолин-ской области, обращая внимание на большевистские и антиказацкие настроения крестьянского населения [21. Л. 12]. Жестокость казачьих карательных отрядов по отношению к крестьянству, обострение земельных споров между казаками и крестьянско-переселенче-ским населением обусловили широкое распростра-нение устойчивых чувств и настроений ненависти по от-ношению к казачеству [16, 25].

Член Российского правительства А.В. Колчака Г.К. Гинс весьма проникательно отмечал в своих вос-поминаниях: «В Боровом Вологодском¹ доложили, что весь юг Акмолинской области охвачен восстани-ями. Крестьяне объясняли причины: мы не больше-вики, мы против казаков. Привилегированное сосло-вие казаков, пользуясь военным положением, чинило, под видом борьбы с большевиками, насилия над мир-ными крестьянами, и последние, не видя на местах сильной власти, которая могла бы их защитить, начи-нали повсюду партизанскую борьбу. Власть отвечала на это репрессиями, и война разгоралась» [26. С. 382].

Подводя общие итоги, отметим, что повстанческое движение в Акмолинской области в целом имело стихий-ный характер и было обусловлено репрессивными ме-рами, злоупотреблениями со стороны военных отрядов колчаковской армии, «чрезвычайщиной» военного вре-мени, прифронтовой обстановкой вблизи театра военных действий весной 1919 г.; заметного большевистского вли-яния в нем не прослеживается. Накал ожесточенной, упорной и непримиримой борьбы с колчаковскими вла-стями во многом объясняется сложным, запутанным ком-плексом давних проблем и противоречий, связанных с за-селением и жизнью крестьянства в переселенческих степ-ных районах, многочисленными земельными спорами и противоречиями [27. С. 616], устойчивыми антиказачь-ими мотивами и настроениями [27. С. 625, 634]. Несмотря на жестокий разгром Мариинского (Атбасарского) вос-стания колчаковскими карательными отрядами, оно дало мощный толчок развитию антиколчаковского партизан-ского движения в Акмолинской области в сентябре – ок-тябре 1919 г. [28. С. 194–195, 200].

Примечания

¹ Вологодский Петр Васильевич (1863–1925) – председатель Совета министров Всероссийского правительства А.В. Колчака, занимал эту должность до 22 ноября 1919 г.; умер в эмиграции в Китае.

Список источников

1. Колосов Е.Е. Сибирь при Колчаке: Воспоминания, материалы, документы. Петроград : Былое, 1923. 202 с.
2. Эльцин В. Крестьянское движение в Сибири в период Колчака // Пролетарская революция. 1926. № 2 (49). С. 5–49; № 3 (50). С. 51–82.
3. Кумач И., Калюта Ф. В Акмолинских степях. Страницы из истории борьбы за Советскую власть в Атбасарском уезде. Алма-Ата ; Москва : Казакстанское краевое изд-во, 1936. 87 с.
4. Кадейкин В.А. Сибирь непокоренная. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1968. 568 с.
5. Плотников И.Ф. Героическое подполье. Большевистское подполье Урала и Сибири в годы иностранной интервенции и гражданской войны (1918–1920). М., 1968. 348 с.
6. Пахмурный П.М. Коммунистическая партия – организатор партизанского движения в Казахстане. Алма-Ата : Казахстан, 1965. 453 с.
7. Ларьков Н. С., Шишкин В. И. Партизанское движение в Сибири во время гражданской войны // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. ст. Новосибирск, 2013. Вып. 4. С. 76–114.
8. Шишкин В.И. Власть и население партизанских районов Сибири во время Гражданской войны // Международный colloquium «Граждан-ская война в России: Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний», 1917–1922 : сб. докл. СПб., 2019. С. 238–249.
9. Ермакбай Ж.А. Мариинское восстание 1919 г. в Акмолинской области // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь докумен-тальное наследие : материалы V Междуна. науч.-практ. конф., посвящ. 130-й годовщине со дня рождения Маршала Советского Союза М.Н. Тухачевского и 100-летию событий антибольшевистского Якутского мятежа (Россия, Омск, 18–19 окт. 2023 г.). Омск : Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 73–79.
10. Покровский С.Н. Разгром иностранных военных интервентов и внутренней контрреволюции в Казахстане (1918–1920 гг.) / АН Каз. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата : Наука, 1967. 367 с.
11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 147. Оп. 8. Д. 14.
12. ГАРФ. Ф. 1700. Оп. 1. Д. 57. Л. 12.
13. Приишимье (Петропавловск). 1919. 24 апреля.
14. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 34.
15. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 11. Д. 15.
16. Приишимье (Петропавловск). 1919. 6 мая.
17. Единство (Петропавловск). 1919. 13 мая.
18. Приишимье (Петропавловск). 1919. 28 мая.
19. Приишимье (Петропавловск). 1919. 20 мая.
20. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 8. Д. 13-а.
21. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 10. Д. 48-б.

22. Приишимье (Петропавловск). 1919. 23 мая.
23. Приишимье (Петропавловск). 1919. 21 мая.
24. ГАРФ. Ф. 147. Оп. 7. Д. 34.
25. Приишимье (Петропавловск). 1919. 2 июля.
26. Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918–1920 (Впечатления и мысли члена Омского правительства). М.: Айрис-пресс, 2008. 670 с.
27. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 1: Май 1918 года – сентябрь 1919 года / сост. А.Г. Багрянцев, А.С. Елагин, И.А. Алимов и др. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз.ССР, 1963. 701 с.
28. Иностранная военная интервенция и гражданская война в Средней Азии и Казахстане. Т. 2: Сентябрь 1919 года – декабрь 1920 года / сост. А.Г. Багрянцев, А.С. Елагин, П.В. Агапов и др. Алма-Ата: Изд-во Акад. наук Каз.ССР, 1964. 724 с.

References

1. Kolosov, E.E. (1923) *Sibir' pri Kolchake: Vospominaniya, materialy, dokumenty* [Siberia under Kolchak: Memoirs, materials, documents]. Petrograd: Byloe.
2. El'tsin, V. (1926) *Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri v period Kolchaka* [Peasant movement in Siberia during the Kolchak period]. *Proletarskaya revolyutsiya*. 2 (49). pp. 5–49; 3 (50). pp. 51–82.
3. Kumach, I. & Kalyuta, F. (1936) *V Akmolinskikh stepyakh. Stranitsy iz istorii bor'by za Sovetskuyu vlast' v Atbasarskom uезде* [In the Akmola Steppes. Pages from the history of the struggle for Soviet power in Atbasar district]. Alma-Ata; Moscow: Kazakstanskoe kraevoe izd-vo.
4. Kadeykin, V.A. (1968) *Sibir' nepokorennyaya* [Siberia Unconquered]. Kemerovo: Kemerovskoe kn. izd-vo.
5. Plotnikov, I.F. (1968) *Geroicheskoe podpol'e. Bol'shevistskoe podpol'e Urala i Sibiri v gody inostrannoy interentsii i grazhdanskoy voyny (1918–1920)* [Heroic Underground. Bolshevik underground of the Urals and Siberia during the years of foreign intervention and civil war (1918–1920)]. Moscow: Mysl'.
6. Pakhmurnyy, P.M. (1965) *Kommunisticheskaya partiya – organizator partizanskogo dvizheniya v Kazakhstane* [The Communist Party, the Organizer of the Partisan Movement in Kazakhstan]. Alma-Ata: Kazakhstan.
7. Lar'kov, N.S. & Shishkin, V.I. (2013) *Partizanskoe dvizhenie v Sibiri vo vremya grazhdanskoy voyny* [Partisan movement in Siberia during the civil war]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Vlast' i obshchestvo v Sibiri v XX veke* [Power and Society in Siberia in the 20th Century]. Vol. 4. Novosibirsk: Parallel'. pp. 76–114.
8. Shishkin, V.I. (2019) [The authorities and population of the partisan regions of Siberia during the Civil War]. *Grazhdanskaya voyna v Rossii: Zhizn' v epokhu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917–1922* [Civil War in Russia: Life in the era of social experiments and military trials, 1917–1922]. Proceedings of the International Colloquium. Saint Petersburg. 10–13 June 2019. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 238–249. (In Russian).
9. Ermekbay, Zh.A. (2023) [Mariinsky uprising of 1919 in Akmola region]. *Grazhdanskaya voyna na vostokey Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noye nasledie* [Civil War in the East of Russia: A look through the documentary heritage]. Proceedings of the 5th International Conference. Omsk. 18–19 October 2022. Omsk: Omsk State Technical University. pp. 73–79. (In Russian).
10. Pokrovskiy, S.N. (1967) *Razгром inostrannykh voennykh interventov i vnutrenney kontrevolyutsii v Kazakhstane (1918–1920 gg.)* [The Defeat of Foreign Military Interventionists and Internal Counter-Revolution in Kazakhstan (1918–1920)]. Alma-Ata: Nauka.
11. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 147. List 8. File 14. (In Russian).
12. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 1700. List 1. File 57. Page 12. (In Russian).
13. *Priishim'ye (Petropavlovsk)*. (1919) 24 April. (In Russian).
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 147. List 8. File 34. (In Russian).
15. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 147. List 11. File 15. (In Russian).
16. *Priishim'ye (Petropavlovsk)*. (1919) 6 May. (In Russian).
17. *Edinstvo (Petropavlovsk)*. (1919) 13 May. (In Russian).
18. *Priishim'ye (Petropavlovsk)*. (1919) 28 May. (In Russian).
19. *Priishim'ye (Petropavlovsk)*. (1919) 20 May. (In Russian).
20. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 147. List 8. File 13-a. (In Russian).
21. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 147. List 10. File 48-b. (In Russian).
22. *Priishim'ye (Petropavlovsk)*. (1919) 23 May. (In Russian).
23. *Priishim'ye (Petropavlovsk)*. (1919) 21 May. (In Russian).
24. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 147. List 7. File 34. (In Russian).
25. *Priishim'ye (Petropavlovsk)*. (1919) 2 July. (In Russian).
26. Gins, G.K. (2008) *Sibir', soyuzniki i Kolchak. Povorotnyy moment russkoy istorii. 1918–1920 (Vпечатleniya i mysli chlena Omskogo pravitel'stva)* [Siberia, Allies and Kolchak. A turning point in Russian history. 1918–1920 (Impressions and thoughts of a member of the Omsk government)]. Moscow: Ayris-press.
27. Bagryantsev, A.G. et al. (eds) (1963) *Inostrannaya voennaya interentsiya i grazhdanskaya voyna v Sredney Azii i Kazakhstane* [Foreign Military Intervention and Civil War in Central Asia and Kazakhstan]. Vol. 1. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.
28. Bagryantsev, A.G. et al. (eds) (1964) *Inostrannaya voennaya interentsiya i grazhdanskaya voyna v Sredney Azii i Kazakhstane* [Foreign Military Intervention and Civil War in Central Asia and Kazakhstan]. Vol. 2. Alma-Ata: Kazakh SSR AS.

Информация об авторе:

Курышев И.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных наук и методик их преподавания Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиала) Тюменского государственного университета (Ишим, Россия). E-mail: ivkishim2019@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Kuryshov, Cand. Sci. (History), associate professor, P.P. Ershov Ishim Pedagogical Institute – Branch of the University of Tyumen (Ishim, Russian Federation). E-mail: ivkishim2019@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.11.2023;
одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

Научная статья
УДК 39; 93
doi: 10.17223/15617793/496/18

Открытие внешних округов Омской области в документальном дискурсе российских военных и пограничной администрации

Игорь Русланович Прохоров¹

¹ *Национальный архив Республики Казахстан, Астана, Казахстан, prohorov1974@mail.ru*

Аннотация. Проанализирован документальный дискурс российских военных и сибирской пограничной администрации на границе с казахской степью Среднего жуза. Сделан вывод, что открытие внешних округов Омской области и принятие «Устава о сибирских киргизах» имело положительное значение. Отмечено, что одной из главных причин административных нововведений стала необходимость соблюдения интересов России в регионе.

Ключевые слова: Средний жуз, сибирские казаки, казахи, внешние округа, Отдельный Сибирский корпус, Омская область, генерал-губернатор Сибири И.Б. Пестель, Император Александр I, имперский дискурс

Для цитирования: Прохоров И.Р. Открытие внешних округов Омской области в документальном дискурсе российских военных и пограничной администрации // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 163–170. doi: 10.17223/15617793/496/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/18

Opening of the outer districts of Omsk Oblast in the documentary discourse of the Russian military and border administration

Igor R. Prokhorov¹

¹ *National Archive of the Republic of Kazakhstan, Astana, Republic of Kazakhstan, prohorov1974@mail.ru*

Abstract. The article examines the documentary discourse of the Russian military and the Siberian border administration, dedicated to the implementation of Speransky's reform on the opening of the outer districts of Omsk Oblast. The problematic issues of administrative-territorial transformations in the pre-revolutionary Omsk Oblast, carried out in accordance with the Charter on the Siberian Kyrgyz adopted in 1822, are considered. The creation of the outer districts provoked opposition and an uprising of part of the local nobility and population, led by the descendants of Khan Abylai. One of the main reasons for administrative innovations was the need to respect Russia's interests in the region. The main historical source was the documents identified by the author of the article in the Russian State Historical Archive (RGIA), as well as in the Historical Archive of Omsk Oblast (MAOO). The funds of these archives contain information about the formation of the outer districts of Omsk Oblast, the plans of the central government of Russia and the Siberian governors in relation to the Kazakh steppe, methods and consequences of the practical implementation of the Charter of the Siberian Kyrgyz. The letters sent by the Siberian border administration to the Kazakh sultans consistently voice the idea that the opening of the outer districts is beneficial, first of all, for the Kazakhs themselves. However, in fact, Speransky's reform was aimed at ensuring the interests of the Russian Empire in the Kazakh steppe. The official Russian discourse repeatedly points out that Speransky's reform was carried out peacefully. In practice, it turned out that not all the sultans and rulers of the Middle Juz were persuaded to introduce the new administrative structure in the steppe. Part of the Kazakh ruling elite opposed these innovations, seeing them as a violation of their own power. Those who disagreed with the reform were able to attract the population of the outer districts that began to migrate outside the lands controlled by the Russian administration. The culmination of the confrontation was an armed movement led by Kenesary Kasymov, a descendant of Khan Ablai. As a result of these events, military force had to be used to retain the subjects of the districts. It turned out that the representatives of the hereditary Kazakh aristocracy who defected to Russia did not have the full power and authority that the organizers of the Speransky reform had hoped for. Nevertheless, over time, the reform showed its positive features. Thus, a clear administrative division of the ways of Kazakh tribal nomadism contributed to the cessation of armed clashes between Kazakh clans for pastures. According to researchers, if at the beginning of the 19th century the relations between Kazakhs and Russians were restrained, and sometimes conflicts arose, in the middle of the 19th century mutual interest in the neighbors' life, their economy, culture and everyday life was observed.

Keywords: Middle Juz, Siberian Cossacks, Kazakhs, external districts, Separate Siberian Corps, Omsk Oblast, Governor-General of Siberia Pestel, Emperor Alexander I, imperial discourse

For citation: Prokhorov, I.R. (2023) Opening of the outer districts of Omsk Oblast in the documentary discourse of the Russian military and border administration. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 163–170. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/18

Введение

В 1820-х гг. Российская империя вводит новую форму управления в Среднем жузе. Наследственная ханская власть на его территории отменяется. Согласно разработанному губернатором Сибири М.М. Сперанским «Уставу о сибирских киргизах», образуется Омская область с внешними округами на территории Среднего жуза. Начиная с 1828 г. было образовано семь внешних округов – Каркаралинский, Аягузский, Кокчетавский, Акмолинский, Кушмурунский, Баянаульский, Кокпектинский. Округами руководили административные органы – приказы, состоящие из канцелярии, полиции, судов. Приказы возглавляли старшие султаны. Ага-султаны имели помощь в лице четырех заседателей, два из которых были казахами и двое назначались российской администрацией. Султаны были объявлены «высшим и почетнейшим между киргизами сословием».

В современной казахстанской историографии принято считать, что реформы России по упразднению ханской власти в казахской степи вызвали недовольство местного населения. Однако признается, что части кочевой аристократии новые административные структуры давали возможность сохранить свою власть над родами и племенами в качестве старших султанов и других должностных лиц. Эта возможность заняла умы наиболее знатных, направило их усилия на то, чтобы не быть обойденными новыми должностями. Представители ханских династий втянулись в конкурентную предвыборную борьбу, которой управлял Омск. Они старались сохранить свое влияние, показать свою значимость в глазах народа и пограничной администрации. Таким образом, недовольство казахов на время было приглушено и направлено в управляемое и безопасное для империи русло. «Сохранив власть, пусть даже сильно урезанную, потомки ханов надеялись сохранить видимость государственности под усилившимся патронажем России. Случаев, когда чингизиды сообща пытались выбрать из своей среды одну кандидатуру на трон, не было и в лучшие времена» [1. С. 28].

Современные российские историки подчеркивают, что взаимодействие пограничных российских властей с казахской знатью зачастую было выгодно обеим сторонам. Сознавая, что удержать гигантский регион исключительно только военными силами, имевшимися в Сибири, невозможно, российское правительство пыталось инкорпорировать казахскую элиту в российское общество. Казахская аристократия и родовая знать были приравнены к служилому сословию согласно «Табели о рангах». Ее представители получали за службу дворянское звание, классные чины, награды – медали и ордена, земельные владения. Российские власти привлекали на свою сторону казахскую элиту богатыми подарками и выплатой жалованья [2. С. 39].

По оценкам современных российских историков М.К. Чуркина и Б.С. Токмурзаева, сформировалась достаточно сложная историографическая ситуация. Смена идеологических парадигм приводила к изменению акцентов и некоторому сближению историографических дискурсов, рождая новые номинации мифа:

«...угнетение коренного населения окраин царизмом, дружба русского и казахского народов в условиях имперской экспансии». При этом продолжала оставаться неизменной доминанта в изучении процесса включения степных областей Западной Сибири в общеимперский механизм [3. С. 10].

Ранее, в 1950-е гг., оценки ситуации с открытием внешних округов и отменой ханской власти во многом диктовалась политический обстановкой. Казахский историк Ермухан Бекмаханов создавал свой труд «Казахстан в 20–40 годы XIX века» во время Великой Отечественной войны, когда национально-освободительное движение в казахской степи против создания внешних округов воспринималось положительно. Однако после войны, в начале 1950-х гг., политическая конъюнктура изменилась, и национально-освободительное движение под руководством султана Кенесары Касымова было призвано феодально-реакционным. Ермухан Бекмаханов был репрессирован [4. С. 392–393].

В позднее советское время оценки создания внешних округов по «Уставу о сибирских киргизах» были, на наш взгляд, более взвешенными. Так, казахстанский историк М.С. Муқанов в 1970-х гг. отмечал, что при всей своей ограниченности «Устав о сибирских киргизах» и организация внешних округов сыграли положительную роль в развитии казахского общества. Внешние округа устанавливали территориальную определенность отдельных родов, хозяйств, способствовали искоренению родовых и феодальных междоусобиц. Выборность родоуправителей и султанов при всей своей несовременности все же создала некоторую гласность [5. С. 78].

Знаковую роль в перестройке российской историографии процесса колонизации в постсоветское время сыграли труды австрийского историка Андреаса Каппелера. Имперский нарратив в работах А. Каппелера занял центральное место в научных публикациях начала 1990-х гг. Каппелер предпринял оригинальную попытку общего обзора истории полиэтнической Российской империи. Автор выявил и обосновал специфику российского колониализма, определив движение России в казахские степи как «шаг за шагом в казахские степи», «step by step», утверждая, что Россия изначально и поступательно осуществляла свой восточный проект [6. С. 109].

Работы российских историков А.В. Ремнёва [7], М.К. Чуркина [8] дают реальную возможность составить представление об имперском контексте колонизации Степного края, принципах и практиках национальной и окраинной политики Российского государства во второй половине XIX – начале XX в., организации регионального управления в империи.

В свою очередь, крупнейший российский востоковед дореволюционного времени Н.А. Аристов дал отрицательную оценку целям и методам нового административного устройства в Казахской степи. Он отмечал, что в официальном дискурсе организатора внешних округов, губернатора Сибири М.М. Сперанского преобладали мотивы спасения казахского народа от надвигающейся катастрофы. На самом же деле реформы проводились для колонизации казахских степей в интересах империи.

Так, востоковед приводит слова губернатора Сибири М.М. Сперанского о том, что «в видах общего образования и собственной пользы, Россия не должна смотреть равнодушно на положение соседственного народа, который от безначалия и неустройства приходил постепенно в нищету... Не должно допускать, чтобы разоряемые ежегодно барантой, они дошли до совершенной бедности: тогда труднее и управлять ими, и приводить их к образованию» [9. С. 208].

Аристов считал, что образование внешних округов было насильственным актом, включавшим скрытое и открытое принуждение султанов к участию в выборах. При этом султаны не представляли интересы всего народа и не обладали реальной властью.

Согласно доводам Аристова, по причине незнания народного быта и, не оценив значение биев и родовых старшин, Сперанский считал ханских потомков, единственным элементом, пригодным для образования у кочевников какого-нибудь управления. На деле оказалось, что старший султан, по представленной ему правительством власти, есть тот же самый хан в своем округе, с той лишь разницей, что в его избрании черная кость не участвует. Так как получение этой должности зависело от султанского сословия, то получал ее тот, кто, не жалея денег и интриг, успевал составить себе сильную между султанами партию. Султаны, достигая должностей при помощи партий и денег, прежде всего только и думают о том, чтобы поскорее вернуть свой проигрыш, а потом, постепенно вникая в выгоду такого положения, измышляя новые пути для своего обогащения, становятся... маленькими ханами над своими подчиненными. Также Аристов пишет, что сибирскому начальству было прекрасно было известно: кочевники никогда, по всей вероятности, добровольно не пожелают отказаться от своего управления по обычаям и принять управление русского начальства через посредство султанов. Петр Капцевич, генерал-губернатор Западной Сибири, предвидел затруднения и заблаговременно обращался к Сперанскому за разъяснениями. Но Сперанский, нередко прибегавший к темным и неопределенным фразам, чтобы уклониться от точного выяснения дела, с целью быть всегда правым, отделался таким туманным ответом: «Шаг в киргизскую степь на примерной карте хотя и кажется смелым, но в уставе он так расположен, что новая черта представляет только цель, куда идти и куда, может быть, только в полвека прийти будет можно, подаваясь всегда тихим и измеренным движением, не чувствительно, но всегда по одному плану и пользуясь случаями и местными обстоятельствами» [9. С. 209].

Результаты

О том, что Российская империя планировала продвижение в казахские степи со стороны Сибирской границы задолго до реформ Сперанского и разработки «Устава о сибирских киргизах» известно, в том числе, из материалов РГИА.

В частности, сибирская пограничная администрация вела поиски удобных пастбищ и пахотных земель для сибирских казаков, охранявших границу, а также

поиски новых мест расселения, свободных от сибирской язвы.

К примеру, командир Отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенант Григорий Глазенап в докладе императору Александру I сообщает, что жители линии (границы) ежегодно подвергаются от сибирской язвы неисчислимым убыткам. Только в 1813 г. губительная болезнь уничтожила столько скота, что в редких селениях осталось от 5 до 15 животных, были и людские жертвы [10. Л. 15].

В результате, как указывает Глазенап, сибирские казаки становятся неисправными к службе и лишаются способов прокормить свои семейства. Коммуникации по линии прекращаются. Спасти скот можно только поспешным перегоним его за линию в казахскую степь под прикрытием конвоев при самом начале язвы. Из этих обстоятельств Глазенап заключает, что скотоводство на сибирской границе постепенно придет в упадок, а Сибирское линейное казачье войско не сможет защищать границу. Поэтому он предлагает перенести границу в казахские степи [10. Л. 16].

По убеждению Григория Глазенапа, земли Среднего жуза готовы к постоянному поселению казаков, при этом казаки не будут стеснять казахов. Это подтверждают результаты экспедиции в степь майора Набокова, нашедшего в степи ко всему прочему богатые металлические рудники. Для их охраны также необходимо перенести к ним линию укреплений. В целом Глазенап называет следующие выгоды от переноса пограничной линии в казахскую степь. Изобилие рек и озер, богатых рыбой, даст продовольствие сибирским казакам, казна получит оброчную статью. Кроме того, купеческие караваны не будут иметь потребности в воинском прикрытии от нападений казахов во время пути через степь. Казаки получат доступ к удобной для хлебопашества земле, продовольствию. Поэтому командир Отдельного Сибирского корпуса в июле 1816 г. просит в письме к императору Александру I его согласия на предварительное сочинение проекта о переводе в казахскую степь сибирской границы и создания административных учреждений для кочующих казахов Средней орды [10. Л. 22].

Однако идеи Григория Глазенапа встретили обоснованные возражения генерал-губернатора Сибири Ивана Пестеля. Он пояснил, что после вывода жителей пограничной линии в степь, пространство их прежнего обитания станет пустыней или будет занято кочевьями казахов. Удаленные в степь соотечественники не будут иметь связи с Россией, потому что за их спинами будут кочевать фактически неподвластные казахи. Потребность охранять торговые караваны никуда не денется, а доставлять металлы из рудников в Россию через неподвластные казахские кочевья будет невозможно [10. Л. 9].

Пестель пишет о планах Глазенапа: «...120 тысяч казахов командир Отдельного Сибирского корпуса предлагает селить внутри линии. Не должно ли будет после сего учреждать еще новую линию со стороны внутренних наших селений, судя по наклонности казахов к нападениям? Выгоды торговли будут те же, что и до переноса линии, а в конвоях будет такая же нужда, какая и ныне, ибо нравы казахов останутся те же» [10. Л. 10].

В результате от переноса пограничной линии в казахские степи руководство империи временно отказалось, но вскоре увидели свет проекты Михаила Сперанского, предложившего другие способы продвижения в казахскую степь.

Задавал тон имперскому дискурсу сам император Александр I. Историк Сибирского казачьего войска Н.Г. Путинцев сообщает, что известие об открытии первых двух внешних округов – Каркаралинского и Кокчетавского – привез в Петербург, где тогда находился генерал-губернатор Западной Сибири П.М. Капцевич, хорунжий Нюхалов, который и был представлен Капцевичем императору. Александр I заметил, что «только мирным управлением, осторожностью, строгим и справедливым обхождением с киргизами можно достигнуть цели, но отнюдь не оружием, которое должно употреблять только в крайнем случае [11. С. 125].

Несомненно, это высказывание императора, обозначившего официальную идеологию продвижения России в казахские степи, широко распространялось в российском обществе.

Между тем время во многом показало справедливость суждений Н.А. Аристов. Так, российский исследователь Александр Гейнс в 1865 г. характеризует деятельность уже умершего к тому времени первого старшего султана Акмолинского внешнего округа следующим образом.

«Конур Кульджа принадлежал к одним из самых влиятельных лиц в степи. Он с Алтаевскими волостями (кочевали в юго-восточной части Акмолинского округа), у которых он был старейшиной, первым просил о введении в степи положения Сперанского. Тем не менее покойник был великий грабитель. Когда он был выбран старшим султаном Акмолинского округа в 1831 или 1832 году, то начал отбирать у Алтаевских волостей подписки, что земля им принадлежащая, составляет его родовую зимовку. Потом он обзавелся документами и при содействии продажной нашей администрации, в особенности какого-то Кури, правителя канцелярии губернатора Фридрихса, окончательно закрепил за собой заграбленные земли. Таким манером у него появились его собственные земли, верст до 400 в ширину и такой же длины. Когда в сороковых годах волости, ушедшие [во время восстания] с Кенесары, стали возвращаться, попечительское начальство отравило Конура устроить их на пустых землях. Конур начал с того, что ограбил их дочиста» [12. С. 287].

Вместе с тем документы показывают крайнюю заинтересованность пограничной администрации в поддержке со стороны султанов. Так, Омский областной начальник в мае 1835 г. сообщал генерал-губернатору Западной Сибири о тяжелой ситуации в недавно открытом Аман-Карагайском внешнем округе. Отправленный в Аман – Карагайский приказ штаб – лекарь Зибберштейн осмотрел больных цингой, горячкой и лихорадкой 20 нижних чинов местного казачьего отряда и такое же число ослабших, находившихся на грани болезни казаков. Штаб-лекарь выяснил, что болезни происходят от нездоровой местности, воздуха, а также употребляемой в пищу и питье плохой воды. Казачий отряд и приказ, были

расположены при небольшом, так называемом, Карстном озере. Глубина его весной не превышала 2 аршина, а зимой и того меньше. Берега были окружены гнилыми трясины, болотами и топиями. Вода затхлая и горько-соленая. Воздух сырой, неприятный для дыхания, напоит сероводородным газом. В этой связи, Зибберштейн настоятельно советовал как можно быстрее перенести приказ на правый берег Тобола, где местность была здоровой и предоставляла все необходимые условия для поселения [13. Л. 1].

Сообщив генерал-губернатору итоги поездки Зибберштейна, Омский областной начальник отмечал: «...при таковом положении места неудивительно, что служащие в отряде казаки столь сильно подвергаются поносам, цинге, гнилой, простудной, воспалительной горячкам, от которых, а также от самой смертности живущих теперь и имеющих участь жить дальше на этом невыгодном месте, никакие силы и искусство не в состоянии будут сохранить и защитить» [13. Л. 2].

Он также упоминает, что «сами киргизы, ближайшие родственники сим местам, чувствуют их разрушительное и гибельное положение и потому стараются с открытием весны с поспешностью от них откочевать. Такое местоположение, наводя уныние на живущих там, страх и печаль на прибывающих туда на службу при самом начале, порождает болезни, которых никакие силы, никакое искусство не в силах сохранить людей» [13. Л. 8].

Как указано выше, единственным средством избежать от этого зла было перемещение Аман-Карагайского приказа на новое здоровое место. В этой связи старший султан Аман-Карагайского округа Чингис Валиев, заседатель Исеней Естемесов, управляющий Сибан-Керевской волостью старшина Кандубай Айданазаров и многие другие почетные казахи, прибыв к Омскому областному начальнику в Пресногорьковскую крепость, просили перенести его на реку Ишим, в урочище Бекчантай, расстоянием не более 100 верст от первоначального расположения. На предложенном ими месте находился сосновый и березовый леса, покосы и рыбных озер. Делегация изъявила готовность и усердие к нахождению лошадей для перевозки строевых. Причем они объявили, что «означенное место на Ишме пусто и служит средоточием набегов барантовщиков, невернопопданных казахов Кидель-Кипчаковской и Баганалинской волостей. Если на том месте будет водворен приказ, то многие казахские волости, вступившие в состав Аман-Карагайского округа, смогут приблизиться к самому приказу. Они смогут иметь возле приказа летние и зимние кочевья, а упомянутые Кидель-Кипчаковцы и Баганалинцы должны будут удалиться вглубь степи, или поступить в Аман-Карагайский округ» [13. Л. 3].

Таким образом, документы свидетельствуют, что российская администрация, с одной стороны, зависела от поддержки местной знати (иначе бы приказы внешних округов, подобные Аман-Карагайскому, не выжили в трудных природных условиях). С другой стороны, она неизбежно вступала в межродовые распри, встав на позицию одной из сторон, в данном случае

Чингиса Валиевва. Несомненно, таким образом готовилась почва для конфликтов с участием российских казаков. К примеру, с вышеуказанными кидель-кипчаковцами и баганалинцами.

В докладе омского областного начальника генерал-губернатору Западной Сибири говорится: «Основываясь на отзывах киргиз и донесении штаб-лекаря Зибберштейна, что Аман-Карагайский округ водворен на весьма худом месте, на котором он далее существовать постоянно не может, и имея при том в виду, что описанное Зибберштейном на Тоболе место оспаривается оренбургскими киргизами, о чем происходила переписка с главным областным начальством, я, по уважению сего, признаю необходимым освидетельствовать указанное место на Ишиме чрез особого чиновника и будь окажется оное удобным к заселению, перенести туда непременно настоящим летом на киргизских лошадях приказ и все принадлежащие оному строения» [13. Л. 4].

Безусловно, открытие внешних округов давало казахским султанам отличный шанс для блестящей карьеры. Так, когда сведения об открытии округов дошли до султана Джумы Худаймендина, кочевавшего с подданными ему волостями против крепостей Пресногорьковской и Звериноголовской он беспрекословно согласился на открытие округа в подвластных ему волостях и послал для просьбы об этом в город Омск 5 депутатов. Депутаты имели письма от султана Джумы Худаймендина и других почетнейших биев и старшин о желании открыть в кочевьях своих округ [14. Л. 1–1 об.].

Полковник Броневский, начальник Омской области, признал возможным ввести новое управление и открыть округ под именем Аргынского. В него вошло бы до 50 тыс. человек. «Султан Джума, уважаемый киргизами, непременно бы умножил число волостей. Таким образом, обнаджив письмом своим султана Джуму о принятии его с подвластными волостями в подданство России, доказывали ему еще и ту пользу, которая должна прийти от введения нового управления. Желание султана Джумы Худаймендина было доведено до Сибирского комитета» [14. Л. 2–2 об.].

Сибирский комитет, в свою очередь, уведомил, что об успехах по приведению в действие Устава о Сибирских киргизах доведено было до Высочайшего сведения и государь император нужную для открытия 3-го внешнего округа под именем Аргынского штатную сумму 31 тыс. руб. соизволил назначить на 1825 г., только тогда, когда Министерство финансов найдет возможности исполнить. В противном же случае расходы планировалось перенести на 1826 г. и до того времени отложить открытие третьего внешнего округа. Вся сумма министерством была ассигнована, но областной начальник предложил употребить ее для открытия другого округа – Баян-Аульского, потому что султан Джума вступил в должность согласно Положению об Оренбургских киргизах и был уполномочен от начальства области оренбургских киргизов исключительной властью. Сведения об этих обстоятельствах дошли до областного начальства [14. Л. 3–3 об.].

То есть желание султана было, но конкретно этот Аргынский округ не был открыт вследствие путаницы в новом административном делении. Впрочем, карьера Джумы Худаймендина от этого не пострадала. В области оренбургских киргизов он получил столь высокую должность, о которой, по всей видимости, и мечтать ранее не мог. Он стал правителем восточной части Орды оренбургских киргизов [14. Л. 4].

Документы свидетельствуют, что в открытии округов была заинтересована и часть родовых правителей. Так, из Омска в марте 1826 г. генерал-губернатору Западной Сибири поступило представление об открытии Баянаульского округа. В нем указывается, что при основании Каркаралинского округа было принято в основание, что волость Туртугурская, происходя от главного рода каракесекского, из которого составлен округ, должна присоединится под управление одного приказа. Но в последствии оказалось, что разногласия султанов Букеевых с родоначальниками ведут к учреждению в волости особого округа. Казахи этой волости выжидали только приглашения со стороны здешнего начальства. Открыть новый Баянаульский округ поручено было казахскому сотнику Карбышеву. Для этого он встречался с родоначальником туртугурской волости бием Чоном. В результате «бий Чон не только принял предложение, но и вступил торжественно в подданство России, а вместе с тем отправил и депутацию от волостей туртугурской, басентеинской и канжигалинской, которая уже сюда [в Омск] и прибыла, из коих должен образоваться новый Баянаульский округ» [14. Л. 5–5 об.].

В документах российской пограничной администрации, занятой организацией внешних округов, четко прослеживается имперский дискурс, предназначенный как для «внутреннего», так и внешнего «слушателя».

К примеру отмечается, что «польза открытия округа при Баян-Ауле такова, что киргизы, на пространстве между двумя внешними округами и здешнею [пограничной] линией кочующие, с вступлением во владение сего нового округа прекратят уже те беспорядки и грабежи, какие от них претерпевали до сего соседние волости, состоящие под управлением Каркаралинского и Кокчетавского приказов; учредятся сообщения от одного приказа до другого; составится связь в управлении между тремя округами, и наконец все сие совокупно послужит к прочному восстановлению в степи порядка» [14. Л. 7 об.–8].

То есть дискурс российских военных и администраторов о том, что открытие внешних округов выгодно в первую очередь самим казахам приобретает первостепенное звучание. Насколько справедливы были эти высказывания? Приведем по этому поводу мнение советского казахского исследователя М.С. Муканова: «...если в начале XIX века отношения между казахами и русскими были сдержанными, а порою имели место конфликты, то в середине XIX века наблюдается взаимный интерес к жизни соседа, его экономике, культуре и быту. Казахи приобретают навыки в строительстве, перенимают некоторые элементы быта. Многие русские жители, особенно дети, свободно говорят по-

казахски. Казахи становятся постоянными участниками ярмарок в русских селениях. Развивается “тамырство” – взаимная дружба, взаимное гостеприимство» [5. С. 86].

Также и в письме самому бию Чону генерал-губернатор Западной Сибири Иван Вельяминов поясняет смысл и назначение открытия внешних округов, подчеркивает, какие преимущества получают от них казахи: «Посредством открытия округа Вы и сам народ киргизский освободитесь от баранты и грабежей, истребляющих всякое достояние» [14. Л. 29].

Следует подчеркнуть, что увещаниями и добрыми словами сибирское начальство в отношениях со знатными казаками не ограничивалось. Дарили и подарки. Вот к примеру, Иван Вельяминов пишет бию Чону: «...в знак признательности и уважения передаю Вам с побывавшем у меня на приеме вашим сыном Такпаем в подарок серебряную кружку, и желаю, чтобы Вы, бий, пили из нее кумыс и был здоровы» [14. Л. 8].

Также генерал-губернатор Западной Сибири отправил через Итемгена в подарок бию Чону «пять аршин сукна оливкового цвета, 12 аршин ситцу и чашку чайную с золотом, почти такую же, какие вручили Итемгену и всем бывшим при нем родоначальникам» [14. Л. 103].

Вместе с тем для охраны кочевий бия Чона в мае 1830 года по его просьбе был отправлен отряд казаков, состоящий из 15 человек под командованием хорунжего Карбышева 3-го [14. Л. 108].

Об этом просил сын, бия Чона Итемген, побывавший на приеме у генерал-губернатора Западной Сибири в Тобольске. Как пояснил Итемген, казачий отряд был необходим «для сохранения тишины между народами» [14. Л. 102].

Само это выражение «для сохранения тишины между народами» вызывает очень много вопросов. Очевидно, не все были согласны с решением бия Чона принять подданство России и дать согласие на открытие внешнего округа, раз последнему потребовалась охрана из казаков. Видимо, недовольные открытием округа были, и они лишь ждали подходящего случая для восстания. Таковой представился в недалеком будущем, когда против внешних округов выступила семья султана Касыма Аблайханова, его сыновья Саржан и Кенесары.

Итак, первоначально открытие внешних округов прошло достаточно спокойно, не встретило сопротивления местного населения. Однако уже в то время российские военные и администраторы начали понимать, что главные трудности для новой системы управления впереди, когда придет время собирать в округах с подвластного населения налоги. Каждый внешний округ после открытия получал 5 льготных лет, когда местное население освобождалось от уплаты ясака. «Удастся ли безболезненно начать его сбор?», такая мысль не покидала умы сибирского начальства.

К примеру, начальник штаба Отдельного Сибирского корпуса 30 августа 1830 г. сообщал начальнику казачьего отряда подполковнику Набокову, что «состояние умов киргизского народа, и по прочим частям довольно удовлетворительны; но не следует внушать

им иносказательно, что они податей прямо в казну платить не будут, а только жалование султанов и содержание приказа; ибо при будущем взыскании ясака на основании устава в казну могут возникнуть недоразумения» [14. Л. 127].

Заключение

Анализ документов, связанных с образованием внешних округов Омской области в 20-е гг. XIX в., позволяет представить ряд выводов.

В ряде случаев успех реформы Сперанского, внедрение в жизнь «Устава о Сибирских киргизах» зависели исключительно от поддержки казахской аристократии. Причина тому, на наш взгляд, – слабая подготовка и непродуманность практического этапа реализации устава. К тому же для насильственного осуществления этой реформы сил сибирского казачества просто бы не хватило. По всей видимости, планирование размещения внешних округов велось без тщательного изучения территории. Только благодаря содействию казахских правителей ситуацию удалось исправить, приказы были перенесены в нормальную, здоровую местность, из которой, что главное, удавалось наладить надежное управление вновь созданными административными единицами. Конечно, такие сведения позволяют сделать заключение, что создание внешних округов не было грубым насильственным актом колонизации. Без поддержки части казахской правящей элиты система внешних округов долгое время в Степном крае бы не продержалась.

Документы показывают, что участие казахской аристократии во внедрении административных преобразований Сперанского не было только пассивным и вынужденным.

Становится понятным заинтересованность казахских султанов поддерживать открытие внешних округов. На их создание выделялись солидные деньги, часть которых переходила султанам-правителям в качестве жалования, а также давала султанам ранее невиданную ими власть над казахскими родовыми подразделениями.

Немаловажным фактором согласия казахских султанов на организацию внешних округов стала возможность для них личного обогащения, получения земли в собственность, безнаказанных злоупотреблений, связанных с коррупцией власти в регионах.

Для создания внешних округов российская администрация готова была привлекать на свою сторону не только представителей казахской аристократии – султанов, но и в случае необходимости активно работала с родоправителями из «черной кости».

В этой связи в публичном имперском дискурсе особенно подчеркивалось, что реформа Сперанского осуществлялась в первую очередь в интересах самих казахов. Анализ документов показывает, что проводили ее прежде всего в интересах империи. Однако и коренные интересы казахов учитывались. Пресекалось скотокрадство, введение нового административного деления сокращало конфликты между родовыми подразделениями за обладание пастбищами, торговые караваны

получили безопасность. В имперском дискурсе, тон которому задал император Александр I, особый акцент также делался на исключительно мирном характере введения нового административного устройства на территории Среднего жуза. Насколько справедливы были эти суждения? В скором времени выяснилось, что выбранные в округах старшие султаны не обладают достаточной властью и авторитетом для удержа-

ния подвластного им населения. Это особенно ярко показало восстание под предводительством Кенесары Касымова, охватившее всю территорию внешних округов. Для его подавления пришлось применять военную силу. Тем не менее новая административная структура оказалась жизнеспособной и достигла поставленных перед ней целей – установления реальной российской власти на территории Среднего казахского жуза.

Список источников

1. Хафизова К.Ш. Степные владетели и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Нур-Султан : Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте РК, 2019.
2. Лосунов А.М., Сорокин А.П. Очерк I. Русские и казахи: взаимные контакты в панораме XVIII – начала XX веков // Россия – Казахстан. По-новому о старом. Век 21-й. Историко-публицистические очерки / ред.-сост. С.Ш. Хусаинов. Омск : Типография «Золотой тираж» (ООО «Омскбланкиздат»), 2023.
3. Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2019.
4. Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX века. Алма-Ата : Қазақ университеті, 1992.
5. Муканов М.С. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Алма-Ата : Наука, 1974.
6. Абселемов С.А. Современная российская историография колонизации Степного края во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 108–116. doi: 10.17223/15617793/452/13
7. Ремнёв А.В. Генерал-губернаторская власть в XIX столетии. К проблеме организации регионального управления Российской империи // Вестник Омского отделения Академии гуманитарных наук. 1997. С. 79–85.
8. Чуркин М.К. Исследовательские практики «новой истории империи» в научной рефлексии аграрной колонизации Степного края Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. // Актуальные вопросы истории Сибири. Десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : материалы Всерос. науч. конф. / под ред. В.А. Скубневского, К.А. Пожарской. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 62–64.
9. Аристов Н.А. Усуни и кыргызы или кара-кыргызы: Очерки истории и быта населения западного Тянь-Шаня и исследования по его исторической географии. Бишкек : Илим, 2001.
10. Российский государственный исторический архив. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 2147.
11. Путинцев Н.Г. Хронологический перечень событий из истории Сибирского казачьего войска со времени водворения западносибирских казаков на занимаемой ими ныне территории. Омск : Типография окружного штаба, 1891. 276 с.
12. Гейнс А.К. Дневник 1865 года. Путешествие по Киргизским степям // Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. 1. СПб. : Типография М.М. Стасюлевича, 1897. С. 179–589.
13. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 1469.
14. ИАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 568.

References

1. Khafizova, K.Sh. (2019) *Stepnye vlastiteli i ikh diplomatiya v XVIII–XIX vekakh* [Steppe Rulers and Their Diplomacy in the 18th–19th centuries]. Nur-Sultan: Kazakhstanskiiy institut strategicheskikh issledovaniy pri Prezidente RK.
2. Losunov, A.M. & Sorokin, A.P. (2023) Ocherk I. Russkie i kazakhi: vzaimnye kontakty v panorame XVIII – nachala XX vekov [Essay 1. Russians and Kazakhs: mutual contacts in the panorama of the 18th – early 20th centuries]. In: Khusainov, S.Sh. (ed.) *Rossiya – Kazakhstan. Po-novomu o starom. Vek 21-y. Istoriko-publitsisticheskie ocherki* [Russia – Kazakhstan. In a new way about the old. 21st century. Historical and journalistic essays]. Omsk: Zolotoy tirazh.
3. Churkin, M.K. & Tokmurzaev, B.S. (2019) *Agrarnaya kolonizatsiya Stepnogo kraya: obshchestvenno – politicheskiy diskurs i imperskie praktiki vtoroy poloviny XIX – nachala XX vv.* [Agrarian Colonization of the Steppe Region: Socio-political discourse and imperial practices of the second half of the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State Pedagogical University.
4. Bekmakhanov, E. (1992) *Kazakhstan v 20–40-e gody XIX veka* [Kazakhstan in the 1820–1840s]. Alma-Ata: Kazak universiteti.
5. Mukanov, M.S. (1974) *Etnicheskiy sostav i rasselenie kazakhov Srednego zhuza* [Ethnic Composition and Settlement of the Kazakhs of the Middle Zhuz]. Alma-Ata: Nauka.
6. Absilemov, S.A. (2020) Modern Russian historiography of colonization of the Steppe Region in the second half of the 19th – early 20th centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 452. pp. 108–116. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/452/13
7. Remnev, A.V. (1997) General-gubernatorskaya vlast' v XIX stoletii. K probleme organizatsii regional'nogo upravleniya Rossiyskoy imperii [Governor-General's power in the 19th century. On the problem of organizing regional governance of the Russian Empire]. *Vestnik Omskogo otdeleniya Akademii gumanitarnykh nauk*. pp. 79–85.
8. Churkin, M.K. (2015) [Research practices of the “new history of empire” in the scientific reflection of the agrarian colonization of the Steppe Region of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Aktual'nye voprosy istorii Sibiri* [Current Issues in the History of Siberia]. Proceedings of the 10th All-Russian Conference. Barnaul. 9–10 October 2015. Barnaul: Altai State University. pp. 62–64. (In Russian).
9. Aristov, N.A. (2001) *Usuni i kyrgyz ili kara-kyrgyz: Ocherki istorii i byta naseleniya zapadnogo Tyan'-Shanya i issledovaniya po ego istoricheskoy geografii* [Usuns and Kyrgyz or Kara-Kyrgyz: Essays on the history and life of the population of the western Tien Shan and studies on its historical geography]. Bishkek: Ilim.
10. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1409. List 1. File 2147. (In Russian).
11. Putintsev, N.G. (1891) *Khronologicheskii perechen' sobyitii iz istorii Sibirskogo kazach'ego voyska so vremeni vodvoreniya zapadnosibirskikh kazakov na zaniemaemoy imi nune territorii* [A Chronological List of Events from the History of the Siberian Cossack Army from the Time of the Establishment of the West Siberian Cossacks in the Territory They Currently Occupy]. Omsk: Tipografiya okruzhnogo shtaba.
12. Geysns, A.K. (1897) *Sobranie literaturnykh trudov* [Collected Literary Works]. Vol. 1. Saint Petersburg: Tipografiya M.M. Stasyulevicha. pp. 179–589.
13. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 3. List 1. File 1469. (In Russian).
14. Historical Archive of Omsk Oblast (IAOO). Fund 3. List 1. File 568. (In Russian).

Информация об авторе:

Прохоров И.Р. – канд. ист. наук, научный сотрудник Национального архива Республики Казахстан (Астана, Казахстан).
E-mail: prohorov1974@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.R. Prokhorov, Cand. Sci. (History), research fellow, National Archive of the Republic of Kazakhstan (Astana, Republic of Kazakhstan). E-mail: prohorov1974@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19.11.2023;
одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 19.11.2023;
approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

Научная статья
УДК 94:33
doi: 10.17223/15617793/496/19

Топливо-энергетический комплекс России на рубеже XX–XXI вв.

*Игорь Сергеевич Соловенко¹, Анатолий Алексеевич Рожков²,
Кирилл Александрович Пинжин³, Андрей Павлович Жолбин⁴*

^{1, 3, 4} Национальный исследовательский Томский политехнический университет, Томск, Россия

² Российское энергетическое агентство Минэнерго России, Москва, Россия

¹ solovenko71@mail.ru

² aarozhkov@mail.ru

³ pinzhin98@mail.ru

⁴ pszholbin@gmail.com

Аннотация. Анализируются условия развития топливно-энергетического комплекса (ТЭК) России на рубеже XX – XXI вв., которые отразились на темпах и содержании его цифровой трансформации. Показано и обратное воздействие ТЭК на все сферы общественной жизни. Делается вывод о том, что в течение анализируемого времени ТЭК обеспечил энергетическую безопасность России, а также создал базу для формирования суверенной модели развития всего народного хозяйства.

Ключевые слова: постсоветская Россия, топливно-энергетический комплекс, инновации, цифровизация

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00987, <https://rscf.ru/project/23-28-00987/>

Для цитирования: Соловенко И.С., Рожков А.А., Пинжин К.А., Жолбин А.П. Топливо-энергетический комплекс России на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 171–179. doi: 10.17223/15617793/496/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/19

The fuel and energy complex of Russia at the turn of the 21st century

Igor S. Solovenko¹, Anatoliy A. Rozhkov², Kirill A. Pinzhin³, Andrey P. Zholbin⁴

^{1, 3, 4} Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation

² Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of Russia, Moscow, Russian Federation

¹ solovenko71@mail.ru

² aarozhkov@mail.ru

³ pinzhin98@mail.ru

⁴ pszholbin@gmail.com

Abstract. The authors analyze the conditions for the development of the Russian fuel and energy complex at the turn of the 21st century, which affected the pace and content of its digital transformation. They demonstrate the reverse impact of the fuel and energy complex on all spheres of public life, emphasizing its basic importance in the development of the Russian economy and statehood. The authors believe that the history of the development of the Russian fuel and energy complex during the period under review shows the following important chain of events. From 1992 to 1998, its enterprises, along with the entire national economy, went through radical transformation processes that were contradictory in nature, but the main tasks of entering the market were completed. A significant improvement in the global energy market in 1999 allowed the state to expand its financial capabilities and, starting with 2000, to more actively participate in the formation of a new type of economy. Since that time, the socio-economic policy of the Russian Government began, aimed at creating favorable conditions for scientific and technological development in the sectors of the fuel and energy complex. In 2006, the first real results of this policy appeared: the dynamics of digitalization increased, and breakthrough technologies began to be introduced. However, the unlimited possibilities of using foreign technologies reduced the degree of involvement of domestic resource potential in solving pressing problems of modernizing the fuel and energy complex. This situation was changed by the 2008 crisis, which showed the vulnerability of the extractive industries of the Russian economy and the importance of forming our own centers of scientific, technological and economic power. The final conclusion is that the fuel and energy complex of Russia at the turn of the 21st century was characterized by the following stages in its development: (1) 1992–1998 (transition to the market), (2) 1999 (increase of competitiveness), (3) 2000–2005 (strengthening of public-private partnerships), (3) 2006–2010 (beginning of the transition to an intensive development path). The first three stages of development, where technologies of informatization and digitalization of industries in the fuel and energy complex became a necessary reality, were

the most difficult. The accumulated capabilities allowed domestic enterprises to enter a new phase of innovative development – digital transformation – during the fourth stage. In general, during the analyzed time, the Russian fuel and energy complex passed all tests with dignity. It fully ensured the country's energy security and also created the basis for the formation of a sovereign model for the development of the entire national economy.

Keywords: post-Soviet Russia, fuel and energy complex, innovation, digitalization

Financial support: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00987, <https://rscf.ru/project/23-28-00987/>

For citation: Solovenko, I.S., Rozhkov, A.A., Pinzhin, K.A. & Zholbin, A.P. (2023) The fuel and energy complex of Russia at the turn of the 21st century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 171–179. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/19

Важным наследием СССР для нас стал самый крупный в мире топливно-энергетический комплекс (ТЭК) [1. Л. 6], который включал и сегодня включает в свой состав такие базовые отрасли, как газовая, нефтяная, угольная и энергетическая. Значимость ТЭК для всего народного хозяйства постсоветской России хорошо отражена как в средствах массовой информации, так и в научной литературе [2]. Вместе с тем большая часть исследований, посвященных ТЭК России рубежа XX–XXI вв., представлена трудами экономистов и инженеров. Историческая наука только формирует свой взгляд на этот не столь отдаленный период, хотя степень динамизации многих процессов тогда существенным образом изменила облик как самого топливно-энергетического комплекса, так и всей экономики России. В те годы решался судьбоносный вопрос Российского государства – его энергетическая безопасность. Среди других приоритетных вопросов функционирования ТЭК были такие, как сохранение индустриальной мощи страны, пополнение ее бюджета, укрепление места и роли на мировых энергетических рынках, а также выполнение роли локомотива для смежных отраслей экономики. Все это происходило в динамично меняющихся исторических условиях, которые до сих пор имеют разную научную оценку. Положительная, как правило, оценка присутствует в трудах экономистов [3, 4], у историков (за редким исключением [5])

преобладает отрицательный взгляд [6, 7]. Это обуславливает высокую степень актуальности избранной темы.

Цель статьи – охарактеризовать политические, социально-экономические и научно-технические условия развития топливно-энергетического комплекса России на рубеже XX–XXI вв., которые отразились на темпах и содержании его цифровой трансформации. Вместе с тем считаем важным показать и обратное воздействие ТЭК на общественно-политические, социально-экономические и научно-технические процессы, которые имели фундаментальное значение.

К неизменным характеристикам истории России рубежа XX–XXI вв. относятся такие, как демократический путь развития, рыночная модель экономики, социально ориентированное государство, инновационный курс научно-технической политики и др. Вместе с тем как в эволюции народного хозяйства, так и в развитии ТЭК того периода просматриваются определенные этапы с их характерными чертами. При этом наиболее трудными для топливно-энергетического комплекса, как и для всей экономики России, были 1990-е гг. Народное хозяйство и общество в целом оказались не готовы к радикальным рыночным преобразованиям, что привело к резкому спаду производства. Снижение объемов производства наблюдалось и в отраслях ТЭК, однако это происходило не столь динамично (рис. 1).

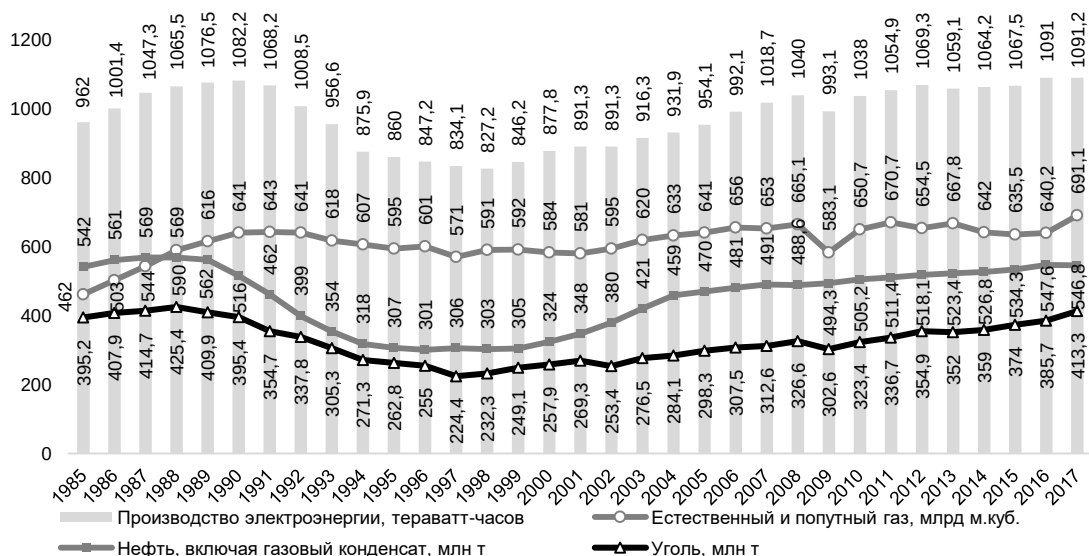

Рис. 1. Динамика добычи первичных энергоресурсов отраслями ТЭК России и производство электроэнергии в период 1985–2017 гг. (составлено по: [8])

Отечественный ТЭК оказался весьма уязвим, так как: наблюдался высокий уровень общественно-политических и социально-экономических потрясений; в стране динамично уменьшалось количество субъектов хозяйственной деятельности; снижался платежеспособный спрос населения; имела высокая энергоёмкость отечественной экономики; наблюдался низкий уровень инновационной активности российских предприятий; были подорваны хозяйственные связи с предприятиями бывших советских республик; конъюнктура цен на мировых рынках энергоносителей имела не очень выгодный характер; разрушалась научно-техническая и технологическая база отраслей, в то время как мир был охвачен пятым технологическим укладом и третьей промышленной революцией. При этом научно доказано, что на содержание работы ТЭК тогда в большей мере воздействовали не технико-технологические факторы (например, надёжность и безотказность оборудования), а факторы общественно-политические (забастовки, национальные конфликты и т.п.) и экономические (финансовая нестабильность, дефицит инвестиций и пр.) [9. С. 99]. В совокупности все эти проблемы угрожали энергетической безопасности России, особенно на уровне ее отдельных регионов.

Все-таки основная проблема в развитии топливно-энергетического комплекса заключалась в значительном дефиците финансовых средств. В начале 1990-х гг. это было актуально для всех без исключения отраслей ТЭК в силу сдерживания внутренних цен на энергоносители, значительного уровня налогообложения и экспортных ограничений. В наибольшей степени финансовый дефицит испытывала угольная промышленность [10], так как ее продукция оказалась наименее востребованной в условиях глубокого макроэкономического спада и неблагоприятной ценовой конъюнктуры на внутреннем и внешнем энергетических рынках, где господствовал природный газ. К тому же с 1994 г. шахтерская отрасль переживала кардинальную реструктуризацию, которая сопровождалась акциями протеста вплоть до 1999 г. Вместе с тем осложнялось в те годы и положение в нефтяной промышленности в связи с завершением эры «легких» месторождений [11. Л. 10], а труднодоступные места требовали дополнительных капиталовложений.

Дефицит финансовых средств сохранялся, а государство на протяжении 1990-х гг. все больше дистанцировалось от активного решения как макроэкономических, так и отраслевых вопросов. До 1998 г. серьезным образом не использовались как экономические, так и политические инструменты воздействия на хозяйственные процессы в стране. Вместо денег неолберальное Правительство РФ предлагало частную собственность, конкуренцию, выход на мировые рынки, экономическую свободу и т.п. Конечно, использование данных инструментов новыми политическими и экономическими институтами принесло свои плоды: изживалось иждивенчество, формировались ментальные основы предпринимательства, появились материальные стимулы к труду, наблюдался рост технико-экономических показателей (даже в такой инертной отрасли, как угольная промышленность) и т.д. Между тем принципиальных сдвигов в деятельности предприятий ТЭК не наблюдалось. Межотраслевое сравнение показывает, что в более лучшем положении находились нефтегазовая промышленность и энергетика. При этом во всех отраслях процветали такие системные проблемы, как сокращение объемов геолого-разведочных работ, высокая степень износа техники и оборудования, большой отток специалистов, в том числе за рубеж, использование дорогостоящих услуг иностранных специалистов, высокая зависимость от импортных технологий [12. Л. 125; 13. С. 30] и др. Экспортно ориентированным предприятиям иметь дополнительную прибыль не позволял «валютный коридор».

Надо отдать должное предприятиям ТЭК России, которые, несмотря на все трудности, сумели мобилизовать свои силы и стали оперативно решать задачи стратегического характера. Особенно в этом преуспели предприятия нефтегазовой отрасли, которые не испытали значительного сокращения производства, в то же время сохранили высокий экспортный потенциал. Их доминирование во многом было связано со сменой приоритетов основных видов топлива (укладов) в топливно-энергетическом балансе как нашей страны, так и в мире (рис. 2). На рубеже XX–XXI вв. доля газа в топливно-энергетическом балансе России достигла 55–60%, нефти 21–23%, угля на уровне 17–19%.

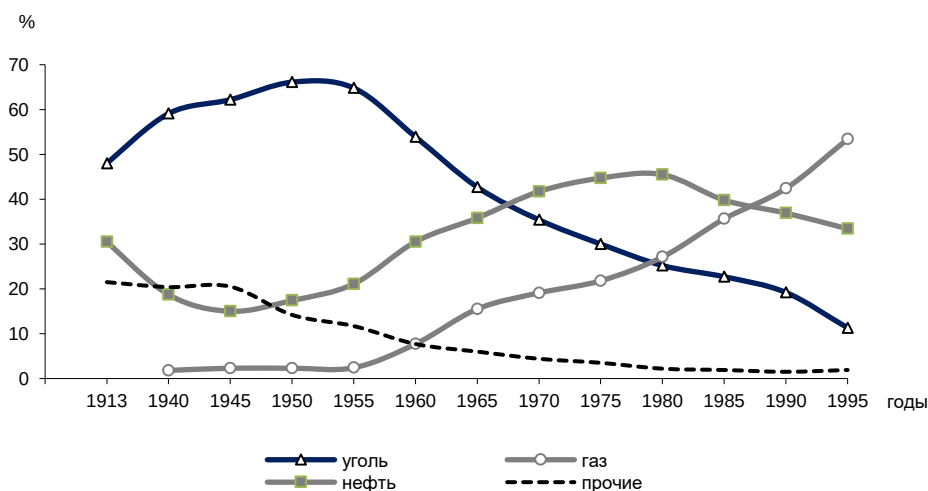

Рис. 2. Доля участия различных энергоносителей в структуре топливно-энергетического баланса России с 1913 по 1995 г. [3]

К наиболее важным мероприятиям по повышению экономической эффективности предприятий ТЭК в то время относятся: поиск новых форм и методов повышения конкурентоспособности, расширение интеграционных связей, модернизация техники и оборудования (в том числе за счет импорта), социальная поддержка рабочих и инженерно-технических служащих (особенно в угольной промышленности) и др. Особое место в повышении уровня конкурентоспособности производственно-экономической деятельности занимали новые технологии, в том числе цифровые. В середине 1990-х гг. фактически все предприятия ТЭК России использовали компьютерные технологии, базы данных, Интернет, мобильную связь, новые средства автоматизации [14. Л. 25 об.]. Создавать собственные прорывные технологии тогда было сложно в силу дефицита финансовых ресурсов и депрессивного состояния науки. Поэтому большая часть инновационной продукции имела зарубежное происхождение. При этом сохранялись старые и формировались новые отечественные научно-технологические центры – научно-исследовательские институты, научно-производственные фирмы и т.д.

В ходе радикальной экономической реформы, приватизации и структурных преобразований в российском ТЭК, по инициативе Правительства РФ, были созданы крупные жизнеобеспечивающие и экспортно ориентированные холдинги (бизнес-группы), наиболее значимыми из которых стали: «Газпром», «ЮКОС», «Лукойл», «СУЭК», «Кузбассразрезуголь», «Мечел», РАО «ЕЭС России». Топливно-энергетический комплекс тогда стал основным «двигателем» экономики нашей страны. На его предприятиях в приоритетном порядке внедрялись современные технологии и инновационные разработки, прежде всего автоматизированные системы управления (АСУ) и информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). Это позволяло иметь им лидирующие позиции в производстве инновационной продукции на макроуровне [15. Л. 40]. Однако в большинстве случаев в силу сложившейся структуры топливно-энергетического баланса (см. рис. 2), средства, в первую очередь, направлялись для информатизации и автоматизации предприятий нефтегазовой промышленности, в то время как угольная промышленность и электроэнергетика оставались в этом вопросе на вторых ролях. Данная ситуация была несколько выровнена в 1995 г., когда была принята первая «Энергетическая стратегия России на период до 2010 года», одобренная Правительством РФ и определившая ключевые задачи, механизмы и направления обеспечения энергетической безопасности страны, в том числе за счет увеличения доли угля в топливно-энергетическом балансе [16].

Весьма событийным, сложным и противоречивым оказался 1998 г. На фоне ухудшения социально-экономической и общественно-политической стабильности в первой половине этого года государство стало более активно вмешиваться в экономические процессы, создавая благоприятные условия развития ТЭК, особенно в угольной промышленности: снижались транспортные тарифы, усиливалась борьба с экономическими преступлениями, расширялись возможности

приватизации предприятий, реализовывалась политика диверсификации экономики ресурсных регионов. Конечно, данные действия не имели фундаментального характера, но позволили заметно смягчить градус социально-экономической напряженности, в которой оказались россияне из-за разразившегося в том году мирового финансово-экономического кризиса. Цены на сырье в мире значительно упали, что привело к снижению валютных поступлений в бюджеты государства и экспортно ориентированных компаний. В результате были существенно подорваны материальные возможности и других отраслей экономики России, особенно смежных с ТЭК – металлургической, химической и др.

Пик испытаний в том году приходится на 17 августа, когда Правительство РФ объявило дефолт. В результате резко усилилась инфляция, сократились инвестиции, обанкротились многие предприятия и банки, снизились объемы производства, а также доходы федерального бюджета и населения. Однако сразу же появились и важные позитивные последствия дефолта, например, переход от политики «валютного коридора» к «плавающему» курсу рубля. Это заметно улучшило позиции отечественных экспортно ориентированных компаний, основная часть которых относилась к топливно-энергетическому комплексу. В сентябре 1998 г. было сформировано коалиционное Правительство РФ, состав и действия которого заметно укрепили общественно-политическую стабильность. В совокупности со скорым ростом цен в мире на энергоносители это положительным образом изменило финансово-экономические возможности как предприятий ТЭК, так и государства. Уже в конце 1998 г. обозначился экономический подъем не только в отраслях топливно-энергетического комплекса, но и во всем народном хозяйстве. Это сопровождалось сокращением задолженности за потребленные топливо и энергию, снижением задолженности по зарплате, повышением инвестиционной привлекательности предприятий ТЭК, усилением их интеграции со смежными отраслями, расширением программ научно-технологического развития [17. Л. 5], созданием отдельных цифровых продуктов, которые превосходили зарубежные аналоги [18. Л. 31]. Весьма символичным стало то, что с 1998 г. обозначился рост добычи угля в главном угледоугольном регионе страны – Кузбассе, который на протяжении всех лет «шоковой терапии» отсутствовал.

Таким образом, к началу 1999 г. сформировалась благоприятная политико-экономическая обстановка для решения более амбициозных задач в развитии топливно-энергетического комплекса, в том числе его технико-технологической модернизации. Положительные изменения актуализировали широкое внедрение цифровых продуктов и реализацию масштабных проектов совместно с иностранными партнерами. Однако серьезная альтернатива зарубежным информационным технологиям фактически не просматривалась. Использование цифровых технологий в большей мере было заметно в крупных компаниях, а из видов деятельности – в управлении.

Значительные изменения в общественно-политической и социально-экономической жизни страны произошли в 1999 г. Большая их часть имела положительный

характер: продолжала укрепляться политическая стабильность, в экономике реализовывались общественно значимые реформы, улучшалось материальное положение населения. Весьма благоприятная среда сложилась и для предприятий топливно-энергетического комплекса. С одной стороны, Правительство РФ усиливало меры государственного контроля над стратегически важными предприятиями и направлениями развития народного хозяйства, с другой – провело комплекс удачных рыночных реформ в духе монетаристской политики. Из наиболее значимых результатов политической и социально-экономической деятельности Правительства России в деле стимулирования развития ТЭК выделяются следующие: расширение полномочий руководителей субъектов РФ, преодоление кризиса неплатежей, серьезное снижение уровня инфляции, усиление прозрачности и правовой защиты хозяйственных процессов, создание регулируемого рынка энергоресурсов, а также условий для увеличения притока инвестиций (в том числе из-за рубежа), ослабление иностранных конкурентов на российском рынке энергоресурсов, повышение экономической привлекательности регионов с топливно-ресурсным потенциалом, рост социальной ответственности государства перед трудящимися и др. [19. Л. 11; 20. Л. 7]. Компании и предприятия ТЭК в том году существенно снизили издержки производственно-управленческой деятельности, повысили производительность труда, увеличили рентабельность и объемы производства продукции. Серьезный прогресс показывала угольная промышленность в связи с увеличением в народном хозяйстве спроса на уголь. Здесь быстро обозначился рост производительности труда и других производственно-экономических показателей. После долгого падения в стране стала расти угледобыча (см. рис. 1), снизились травматизм и смертность, госдотации были сведены к минимуму [21]. В результате экспорт каменного угля из России в 1999 г. увеличился по сравнению с 1998 г. на 3,8 млн т и составил 27,8 млн т [22]. В целом с 1999 г. начинается отчет стабильного роста ВПП, ВВП и других важных макроэкономических показателей России [23].

Таким образом, 1999 г. – это время, когда отечественный топливно-энергетический комплекс из состояния «шоковой терапии» вступил в период укрепления государственного контроля над экономическими процессами. Субъекты хозяйственной деятельности стали работать на перспективу, что находило отражение в долгосрочных контрактах. Увеличение объемов оборотного капитала позволило предприятиям топливно-энергетического комплекса усилить финансирование мероприятий инновационного типа, в том числе и в таком важном направлении, как цифровая трансформация. Особые успехи предприятий и компаний угольной промышленности позволили заметно приблизить их модернизационный потенциал к уровню отраслевых лидеров – предприятий нефтегазовой промышленности и энергетики.

Избрание в 2000 г. нового Президента России – В.В. Путина, который к тому времени немало сделал для наведения порядка в финансово-экономической

сфере предприятий ТЭК [24], придало дополнительную уверенность в укреплении стабильности. Эти надежды довольно быстро стали оправдываться. Продолжая политику укрепления государственного контроля, а где-то и его прямого вмешательства, Президент и Правительство России сохранили приверженность магистральным направлениям в развитии государственности – демократический путь и рыночная экономика. Народное хозяйство и ТЭК показывали высокие темпы роста. По многим параметрам Россия занимала ведущие позиции в мире (добыча газа, нефти, угля, производство электроэнергии и т.д.). Продолжал расти экспорт энергоносителей [25. С. 8, 11]. Наблюдались диверсификация их производства и увеличение доли переработанной продукции [26].

При этом усилилось внимание руководства страны к решению социальных вопросов, в том числе области развития образования и науки. Реформы в совокупности с улучшением бюджетных возможностей (основную долю которых давал ТЭК) позволили создать благоприятную базу для научно-технологической модернизации. В начале 2000-х гг. были предприняты меры по созданию отечественных технопарков, бизнес-инкубаторов и других центров генерации и пропаганды продуктов инновационного типа. Значительную роль в их организации и функционировании играли предприятия и субъекты РФ, напрямую связанные с топливно-энергетическим комплексом. Таким образом, выстраивалось новое направление в области государственно-частного партнерства, дефицит которого долгое время не позволял сконцентрироваться на решении фундаментальных задач развития практико-ориентированных технологий. При этом фактически все новые технологии базировались на использовании цифровых решений. Предприятия ТЭК, которые повысили свою платежеспособность, стали больше приобретать конкурентоспособной техники, оборудования и технологий. Однако данная деятельность имела весьма разрозненный и не системный характер, в том числе в силу недостаточного протекционизма и конкурентного отставания отечественных технологий в сравнении с западными.

В 2000-е гг. приходит осознание того, что конкурентоспособность российской экономики зависит не столько от объема потребленных энергоресурсов, сколько от количества и качества научно-технологических достижений в сфере энергообеспечения. Российский рынок информационных технологий стал развиваться быстро и разностороннее. Данную динамику посредством кредитования поддерживал банковский сектор [27. Л. 1–3]. Однако по-прежнему народное хозяйство испытывало дефицит отечественных разработок. Поэтому в 2001 г. была принята федеральная целевая программа «Электронная Россия» (2002–2010 гг.) [28. Л. 19], которая стала драйвером развития цифровых технологий на государственном уровне. Предприятия и компании сворачивали внедрение локальных решений и стали ориентироваться на масштабные комплексные проекты. Таким образом, информатизация бизнес-процессов, совершенствование технологий обработки и анализа информации стали приоритетными.

Динамичное развитие информационных технологий изменило все области научных знаний, а также заставило пересмотреть принципы управления ведущими отраслями промышленности, прежде всего, на предприятиях ТЭК, которые обеспечивали энергетическую безопасность России. Поэтому в 2003 г. Правительством РФ была утверждена «Энергетическая стратегия России на период до 2020 года», главной задачей которой являлось определение путей достижения качественно нового состояния ТЭК, роста конкурентоспособности его продукции и услуг на мировом рынке [29]. Одним из главных векторов перспективного развития отраслей топливно-энергетического комплекса являлся переход на путь инновационного и энергоэффективного развития. Благодаря использованию механизмов государственной энергетической политики, была осуществлена реформа электроэнергетики, создавались удобные налоговые условия в нефтегазовой отрасли, произошла либерализация рынка электроэнергии, стимулировалось развитие нефтеперерабатывающих и нефтехимических предприятий, развивалась биржевая торговля энергоресурсами, ликвидировались избыточные административные барьеры в деятельности энергетических компаний, реализовывались важные инфраструктурные проекты.

Первые успехи данной стратегии проявились в 2006 г., когда инновационная политика стала показывать пусть и незначительные, но реальные примеры модернизации экономики [30], в том числе и в сфере цифровизации [31]. С того времени на предприятиях ТЭК России стали внедряться «интеллектуальные» системы («умная скважина», «умная шахта» и т.д.), которые динамично распространялись во всех отраслях и предприятиях. В результате отрасли топливно-энергетического комплекса показывали рост интенсивности промышленного производства [32. Л. 41]. При этом на макроэкономическом уровне наблюдалось снижение энергоемкости производства [33. Л. 20]. В целом начался переход компаний и предприятий ТЭК от экстенсивного к интенсивному пути развития.

Значительную роль в развитии данной тенденции играли профессорско-преподавательский состав технических вузов, а также специалисты ведущих научно-исследовательских центров. Некоторые из предлагавшихся ими продуктов имели прорывной характер, но таких было мало [31]. Немаловажно и то, что сохранялся существенный разрыв в сроках между презентацией нового продукта и его внедрением. Поэтому среди руководства предприятий ТЭК России в сфере цифровых технологий продолжали преобладать прозападные ориентиры, которые компенсировались вполне завидными результатами. Тогда данная ситуация не вызывала особой тревоги, так как отношения России со странами Запада развивались по нарастающей линии. При этом зависимость имела обоюдный характер: предприятия российского ТЭК – от передовой техники и технологий, страны Запада (в основном Европы) – от энергоносителей. Топливо-энергетический комплекс становился все более значимым инструментом продвижения не только экономических, но и геополитических интересов России.

В течение рассматриваемого периода серьезное воздействие на отечественный ТЭК оказал мировой финансово-экономический кризис 2008 г., поразивший, в большей мере, страны Запада. Он больно ударил по сырьевому сектору народного хозяйства, так как цены в мире на энергоносители значительно снизились. Произошел спад в отечественной экономике на 8%, в энергетике на 6% и т.д. В 2009 г. ситуация на глобальном рынке ухудшилась, так как сократился мировой ВВП. В результате понизилась рентабельность большинства важнейших инвестиционных проектов топливно-энергетического комплекса России [34. Л. 4]. Пострадали все его отрасли, но особенно угольная. В 2009 г. она, впервые с 2001 г., стала убыточной. Одним из ответов на данные разрушительные последствия кризиса стала переориентация отраслей ТЭК России на азиатско-тихоокеанский рынок энергоресурсов.

Как и любой другой, этот кризис имел не только отрицательные, но положительные последствия. Государство уменьшило налоговое бремя [35. С. 71]. Предприятия ТЭК взяли курс на снижение издержек производства, в том числе и посредством цифровизации. Ее ключевым направлением явилось увеличение количества и качества «интеллектуальных» систем. Нарастали и другие виды цифрового совершенствования производственной деятельности – автоматизация, роботизация, видеонаблюдение, беспилотные механизмы и др. Увеличивалось финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Показательно, в 2010 г. доля затрат на НИОКР у ПАО «Газпром» и ОАО «НК «Роснефть» была выше, чем у группы компаний «Shell» [36. С. 116]. В конце рассматриваемого периода уже были созданы предпосылки для перехода топливно-энергетического комплекса к новому формату использования цифровых технологий, получившего название «Индустрия 4.0». Однако сохранялся и ряд острых проблем, связанных с некоторыми провалами в ходе рыночных преобразований: сравнительно высокая себестоимость продукции, низкая инвестиционная привлекательность предприятий, высокая монополизация рынка электроснабжения, низкий уровень КПД использовавшихся ресурсов, серьезный износ оборудования и др. [37. С. 18; 38. С. 16, 19] От степени их решения во многом зависела последующая динамика цифровой трансформации отраслей топливно-энергетического комплекса.

Таким образом, в истории развития ТЭК России в течение рассматриваемого периода просматривается следующая важная цепь событий. С 1992 по 1998 г. топливно-энергетический комплекс, вместе со всем народным хозяйством, прошел через радикальные трансформационные процессы. Они имели противоречивый характер, но главные задачи по вхождению в рынок были выполнены. Существенное улучшение конъюнктуры мирового рынка энергоносителей в 1999 г. позволило государству расширить свои финансовые возможности и, начиная с 2000 г., активнее участвовать в формировании экономики нового типа. С того времени берет начало социально-экономическая политика Правительства РФ, ориентированная на

создание благоприятных условий научно-технологического развития, в том числе и в отраслях ТЭК. В 2006 г. появились первые реальные результаты данной политики: повысилась динамика цифровизации, стали внедряться прорывные технологии. Однако безграничные возможности использования зарубежных технологий снижали степень вовлечения отечественного ресурсного потенциала в решение актуальных задач модернизации топливно-энергетического комплекса. При этом всем участникам такое положение было выгодно. Данную ситуацию несколько изменил кризис 2008 г., который показал уязвимость добывающих отраслей российской экономики, важность формирования собственных источников и центров научно-технологической и экономической силы.

Итак, топливно-энергетический комплекс России на рубеже XX–XXI вв. характеризовался следующими

этапами в своем развитии: первый – 1992–1998 гг. (переход к рынку), второй – 1999 г. (рост конкурентоспособности), третий – 2000–2005 гг. (укрепление государственно-частного партнерства), четвертый – 2006–2010 гг. (начало перехода к интенсивному пути развития). Первые три этапа были самыми трудными, где технологии информатизации и цифровизации отраслей ТЭК стали необходимой реальностью, показав свой важный потенциал. Накопленные возможности позволили отечественным предприятиям во время четвертого этапа вступить в новую фазу инновационного развития – цифровую трансформацию. В целом в течение анализируемого времени ТЭК России достойно прошел все испытания. Он в полной мере обеспечил энергетическую безопасность страны, а также создал базу для формирования суверенной модели развития всего народного хозяйства.

Список источников

1. Протокол № 4 заседания Пленума Тюменского обкома КПСС, 26 января 1991 г. // Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 160. Д. 987.
2. Осипова И.М., Наумова Т.А. К вопросу об ускорении внедрения инноваций в топливно-энергетическом комплексе // Вестник ИрГТУ. 2012. № 10 (69). С. 312–316.
3. Грунь В.Д., Зайденов В.Е., Килимник В.Г., Малышев Ю.Н., Попов В.Н., Рожков А.А. История угледобычи в России / под общ. ред. Б.Ф. Братченко. М.: Росинформуголь, 2003. 480 с.
4. Капитонов И.А., Шулуз А.А. Внедрение современных технологий в отечественном ТЭК как фактор инновационного развития российской экономики // Вестник НГИЭИ (Нижегородский государственный инженерно-экономический университет). 2016. № 11 (66). С. 58–65.
5. Славкина М.В. Влияние отечественного нефтегазового комплекса на модернизационные процессы в СССР–России (1939–2008 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2013. 46 с.
6. Калинов В.В. Реформирование газовой отрасли промышленности в 90-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (38). С. 166–170.
7. Бодрова Е.В. Разработка проектов реформирования научно-технической сферы и результаты их реализации в контексте перехода РФ к рынку // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 80. С. 5–15. doi: 10.17223/19988613/80/1
8. Текущий архив Росинформуголь – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России.
9. Топливо-энергетический комплекс России: Современное состояние и взгляд в будущее / Г.В. Агафонов, Е.Д. Волкова, Н.И. Воропай и др. Новосибирск: Наука, 1999. 312 с.
10. Техничко-экономические показатели работы акционерного общества за 1997 г. // Государственный архив Кузбасса. Ф. Р-183. Оп. 1. Д. 497.
11. Программа организации полигонов проведения опытно-промышленных работ, 1996 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10240. Оп. 1. Д. 1529.
12. О положении дел в угольной промышленности Кузбасса, 1997 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 801. Оп. 3. Д. 31.
13. Сулоева С.Б., Мартынов В.С. Особенности цифровой трансформации предприятий нефтегазового комплекса // Организатор производства. 2019. Т. 27, № 2. С. 27–36.
14. Сборник Минтопэнерго России «Результаты важнейших работ Минтопэнерго России по межотраслевым научно-техническим программам в 1994 г.» // ГАРФ. Ф. 10240. Оп. 1. Д. 966.
15. Постановление Правительства РФ «О первоочередных мерах по развитию и господдержке инновационной деятельности в Российской Федерации», 1995 г. // ГАРФ. Ф. 10200. Оп. 5. Д. 3650.
16. Постановление Правительства РФ от 13.10.1995 г. № 1006 «Об Энергетической стратегии России» // Текущий архив Росинформуголь – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России.
17. О ходе выполнения программы научно-технического перевооружения ВНК, 1998 г., 08 июня // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 318.
18. Решение № 21 заседания секции «Новые высокие технологии для газовой промышленности» ОАО «Газпром», документы к заседанию, 07 октября – 22 декабря 1998 г. // РГАЭ. Ф. 977. Оп. 1. Д. 1585.
19. Протокол заседания Правительства РФ от 21.08.98 // ГАРФ. Ф. 10104. Оп. 1. Д. 3.
20. Протокол схода жителей п. Углекаменск, 1999 г. // Архив Партизанского городского округа (Приморский край). Ф. 35. Оп. 1. Д. 362.
21. Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1992–2008 гг. URL: http://www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls (дата обращения: 02.10.2023).
22. Экспорт важнейших видов промышленных товаров из Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780r.htm (дата обращения: 26.10.2023).
23. Индексы физического объема валового внутреннего продукта и валовой добавленной стоимости отраслей экономики (в постоянных ценах, в % к предыдущему году) // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/tab50.htm (дата обращения: 23.10.2023).
24. Соловенко И.С. Протестное движение шахтеров России в 1992–1999 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. Томск, 2017. 600 с.
25. Лапаева М.Г., Лапаева О.Ф. Основные этапы формирования и развития топливно-энергетического комплекса в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 8. С. 4–12.
26. Энергетическая стратегия России на период до 2030 г., 13 ноября 2009 г. // Текущий архив Росинформуголь – филиал ФГБУ «Российское энергетическое агентство».
27. Отчет о работе Службы новых технологий ВНК в 2001 г. // ГАТО. Ф. Р-2023. Оп. 1. Д. 408.
28. ГАРФ. Ф. 10255. Оп. 1. Д. 19.
29. Энергетическая стратегия России на период до 2020 года (Утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 августа 2003 г. № 1234-р) // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/all/46465/> (дата обращения: 22.10.2023 г.).

30. Клеева Л.П., Воробьев И.В. Оценка уровня инновационного развития отечественной экономики // Креативная экономика. 2011. № 9. С. 98–107.
31. Соловченко И.С., Рожков А.А. Основные этапы цифрового перехода в топливно-энергетическом комплексе России (рубеж XX–XXI вв.) // Уголь. 2023. № 10. С. 72–78.
32. Отчет о деятельности центра экономической конъюнктуры при Правительстве РФ в 2007 г. // ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 3. Д. 80.
33. Информационно-аналитический доклад Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации об эффективности использования топливно-энергетических ресурсов и энергосбережения в России за 2008 год // ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 3. Д. 204.
34. Инвестиционная активность организаций промышленного производства в 2008 г. // ГАРФ. Ф. 10342. Оп. 3. Д. 209.
35. Малышева Д.А. Экспортная стратегия нефтяных компаний // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 2. С. 70–72.
36. Остроухова Н.Г. Проблемы и перспективы развития инновационной деятельности в топливно-энергетическом комплексе России // Вестник Пермского университета. Сер. «Экономика». 2016. № 2 (29). С. 109–119.
37. Вдовин А.Н. Развитие топливно-энергетического комплекса России: альтернативные сценарии // Экономический анализ: теория и практика. 2011. № 41 (248) С. 13–20.
38. Синяк Ю.В., Некрасов А.С., Воронина С.А., Семикашев В.В., Колпаков А.Ю. Топливо-энергетический комплекс России: возможности и перспективы // Проблемы прогнозирования. 2013. № 1 (136). С. 4–21.

References

1. Russian State Archive for Social and Political History. Fund 17. List 160. File 987. *Protokol № 4 zasedaniya Plenuma Tyumenskogo obkoma KPSS, 26 yanvarya 1991 g.* [Minutes No. 4 of the meeting of the Plenum of the Tyumen Regional Committee of the CPSU, January 26, 1991].
2. Osipova, I.M. & Naumova, T.A. (2012) K voprosu ob uskorenii vnedreniya innovatsiy v toplivno-energeticheskom komplekse [On the issue of accelerating the implementation of innovations in the fuel and energy complex]. *Vestnik IrGTU*. 10 (69). pp. 312–316.
3. Grun', V.D. et al. (2003) *Istoriya ugledobychi v Rossii* [History of Coal Mining in Russia]. Moscow: Rosinformugol'.
4. Kapitonov, I.A. & Shulov, A.A. (2016) Vnedrenie sovremennykh tekhnologiy v otechestvennom TEK kak faktor innovatsionnogo razvitiya rossiyskoy ekonomiki [Introduction of modern technologies in the domestic fuel and energy complex as a factor in the innovative development of the Russian economy]. *Vestnik NGIEI (Nizhegorodskiy gosudarstvennyy inzhenerno-ekonomicheskii universitet)*. 11 (66). pp. 58–65.
5. Slavkina, M.V. (2013) *Vliyaniye otechestvennogo neftegazovogo kompleksa na modernizatsionnye protsessy v SSSR–Rossii (1939–2008 gg.)* [The influence of the domestic oil and gas complex on the modernization processes in the USSR–Russia (1939–2008)]. Abstract of History Dr. Diss. Moscow.
6. Kalinov, V.V. (2015) Reformirovaniye gazovoy otrasli promyshlennosti v 90-e gg. [Reforming the gas industry in the 1990s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (38). pp. 166–170.
7. Bodrova, E.V. (2022) Development of projects of reforming of the scientific and technical sphere and results of their realization in the context of transition of the Russian Federation to the market. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 80. pp. 5–15. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/80/1
8. *Tekushchiy arkhiv Rosinformugol' – filial FGBU "REA" Minenergo Rossii* [Current Archive of Rosinformugol of Russian Energy Agency].
9. Agafonov, G.V. et al. (1999) *Toplivno-energeticheskii kompleks Rossii: Sovremennoe sostoyaniye i vzglyad v budushchee* [Fuel and Energy Complex of Russia: Current state and outlook into the future]. Novosibirsk: Nauka.
10. State Archive of Kuzbass (GAK). Fund R-183. List 1. File 497. *Tekhniko-ekonomicheskie pokazateli raboty aktsionernogo obshchestva za 1997 g.* [Technical and economic performance indicators of the joint-stock company for 1997].
11. State Archive of the Russian Federation. (GARF). Fund 10240. List 1. File 1529. *Programma organizatsii poligonov provedeniya opytno-promyshlennykh rabot, 1996 g.* [Program for organizing test sites for experimental industrial work, 1996].
12. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 801. List 3. File 31. *O polozhenii del v ugol'noy promyshlennosti Kuzbassa, 1997 g.* [On the state of affairs in the coal industry of Kuzbass, 1997].
13. Suloeva, S.B. & Martynatov, V.S. (2019) Osobennosti tsifrovoy transformatsii predpriyatiy neftegazovogo kompleksa [Features of digital transformation of oil and gas enterprises]. *Organizator proizvodstva*. 2 (27). pp. 27–36.
14. State Archive of the Russian Federation. (GARF). Fund 10240. List 1. File 966. *Sbornik Mintopenergo Rossii "Rezul'taty vazhneyshikh rabot Mintopenergo Rossii po mezhotraslevym nauchno-tekhnicheskim programmam v 1994 g."* [Results of the most important work of the Ministry of Fuel and Energy of Russia on intersectoral scientific and technical programs in 1994. Collection of the Ministry of Fuel and Energy of Russia].
15. State Archive of the Russian Federation. (GARF). Fund 10200. List 5. File 3650. *Postanovleniye Pravitel'stva RF "O pervoocherednykh merakh po razvitiyu i gospodderzhke innovatsionnoy deyatel'nosti v Rossiyskoy Federatsii", 1995 g.* [Decree of the Government of the Russian Federation "On priority measures for the development and state support of innovative activities in the Russian Federation", 1995].
16. *Tekushchiy arkhiv Rosinformugol' – filial FGBU "REA" Minenergo Rossii* [Current Archive of Rosinformugol of Russian Energy Agency]. *Postanovleniye Pravitel'stva RF ot 13.10.1995 g. № 1006 "Ob Energeticheskoy strategii Rossii"* [On the Energy Strategy of Russia. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1006 of October 13, 1995].
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-2023. List 1. File 318. *O khode vypolneniya programmy nauchno-tekhnicheskogo perevooruzheniya VNK, 1998 g., 08 iyunya* [On the progress of the scientific and technical re-equipment program of the VNK, 1998, June 08].
18. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 977. List 1. File 1585. *Resheniye № 21 zasedaniya sektsii "Novye vysokie tekhnologii dlya gazovoy promyshlennosti" OAO "Gazprom", dokumenty k zasedaniyu, 07 oktyabrya – 22 dekabrya 1998 g.* [Decision No. 21 of the meeting of the section "New high technologies for the gas industry" of OJSC Gazprom, documents for the meeting, October 7 – December 22, 1998].
19. State Archive of the Russian Federation. (GARF). Fund 10104. List 1. File 3. *Protokol zasedaniya Pravitel'stva RF ot 21.08.98* [Minutes of the meeting of the Government of the Russian Federation of August 21, 1998].
20. Archive of Partizansky City District (Primorsky Krai). Fund 35. List 1. File 362. *Protokol skhoda zhiteley p. Uglekamensk, 1999 g.* [Minutes of the gathering of residents of the village of Uglekamensk, 1999].
21. Federal State Statistics Service (Rosstat). (2009) *Sotsial'no-ekonomicheskie pokazateli Rossiyskoy Federatsii v 1992–2008 gg.* [Socio-economic indicators of the Russian Federation in 1992–2008]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/doc_2009/year09_pril.xls. (Accessed: 02.10.2023).
22. Federal State Statistics Service (Rosstat). (2002) *Eksport vazhneyshikh vidov promyshlennykh tovarov iz Rossiyskoy Federatsii* [Export of the most important types of industrial goods from the Russian Federation]. [Online] Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/B02_48/IssWWW.exe/Stg/d020/i020780r.htm. (Accessed: 26.10.2023).
23. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Indeksy fizicheskogo ob'ema valovogo vnutrennego produkta i valovoy dobavlennoy stoimosti otrasley ekonomiki (v postoyannykh tsenakh, v % k predydushchemu godu)* [Indices of the physical volume of gross domestic product and gross added value of economic sectors (in constant prices, in % of the previous year)]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/vvp/tab50.htm. (Accessed: 23.10.2023)
24. Solovenko, I.S. (2017) *Protestnoye dvizheniye shakhterov Rossii v 1992–1999 gg.* [Protest movement of Russian miners in 1992–1999]. History Dr. Diss. Tomsk.

25. Lapaeva, M.G. & Lapaeva, O.F. (2004) Osnovnye etapy formirovaniya i razvitiya toplivno-energeticheskogo kompleksa v Rossii [The main stages of the formation and development of the fuel and energy complex in Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. 8. pp. 4–12.
26. *Tekushchiy arkhiv Rosinformugol' – filial FGBU "REA" Minenergo Rossii* [Current Archive of Rosinformugol of Russian Energy Agency]. *Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2030 g., 13 noyabrya 2009 g.* [Energy strategy of Russia for the period up to 2030, November 13, 2009].
27. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-2023. List 1. File 408. *Otchet o rabote Sluzhby novykh tekhnologiy VNK v 2001 g.* [Report on the work of the Service for New Technologies of VNK in 2001].
28. State Archive of the Russian Federation. (GARF). Fund 10255. List 1. File 19. (In Russian).
29. The Russian Government. (2003) *Energeticheskaya strategiya Rossii na period do 2020 goda (Uverzhdena rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 28 avgusta 2003 g. № 1234-r)* [Energy strategy of Russia for the period until 2020 (Approved by order of the Government of the Russian Federation No. 1234-r of August 28, 2003)]. [Online] Available from: <http://government.ru/docs/all/46465/>. (Accessed: 22.10.2023).
30. Kleeva, L.P. & Vorob'ev, I.V. (2011) Otsenka urovnya innovatsionnogo razvitiya otechestvennoy ekonomiki [Assessing the level of innovative development of the domestic economy]. *Kreativnaya ekonomika*. 9. pp. 98–107.
31. Solovenko, I.S. & Rozhkov, A.A. (2023) Osnovnye etapy tsifrovogo perekhoda v toplivno-energeticheskom komplekse Rossii (rubezh XX–XXI vv.) [The main stages of the digital transition in the Russian fuel and energy complex (the turn of the 21st century)]. *Ugol'*. 10. pp. 72–78.
32. State Archive of the Russian Federation. (GARF). Fund 10342. List 3. File 80. *Otchet o deyatelnosti tsentra ekonomicheskoy kon'yunktury pri Pravitel'stve RF v 2007 g.* [Report on the activities of the Center for Economic Conjuncture under the Government of the Russian Federation in 2007].
33. State Archive of the Russian Federation. (GARF). Fund 10342. List 3. File 204. *Informatsionno-analiticheskiy doklad Analiticheskogo tsentra pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii ob effektivnosti ispol'zovaniya toplivno-energeticheskikh resursov i energosberezheniya v Rossii za 2008 god* [Information and analytical report of the Analytical Center under the Government of the Russian Federation on the efficiency of use of fuel and energy resources and energy saving in Russia for 2008].
34. State Archive of the Russian Federation. (GARF). Fund 10342. List 3. File 209. *Investitsionnaya aktivnost' organizatsiy promyshlennogo proizvodstva v 2008 g.* [Investment activity of industrial production organizations in 2008].
35. Malysheva, D.A. (2010) *Ekspornaya strategiya neftyanykh kompaniy* [Export strategy of oil companies]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*. 2. pp. 70–72.
36. Ostroukhova, N.G. (2016) Problemy i perspektivy razvitiya innovatsionnoy deyatelnosti v toplivno-energeticheskom komplekse Rossii [Problems and prospects for the development of innovative activity in the fuel and energy complex of Russia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. "Ekonomika"*. 2 (29). pp. 109–119.
37. Vdovin, A.N. (2011) *Razvitie toplivno-energeticheskogo kompleksa Rossii: al'ternativnye stsennarii* [Development of the Russian fuel and energy complex: alternative scenarios]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika*. 41 (248) pp. 13–20.
38. Sinyak, Yu.V. et al. (2013) *Toplivno-energeticheskiy kompleks Rossii: vozmozhnosti i perspektivy* [Fuel and energy complex of Russia: opportunities and prospects]. *Problemy prognozirovaniya*. 1 (136). pp. 4–21.

Информация об авторах:

Соловенко И.С. – д-р ист. наук, доцент Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: solovenko71@mail.ru

Рожков А.А. – д-р экон. наук, начальник отдела аналитических исследований и краткосрочного прогнозирования развития угольной промышленности Российского энергетического агентства Минэнерго России (Москва, Россия). E-mail: aarozhkov@mail.ru

Пинжин К.А. – студент Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: pinzhin98@mail.ru

Жолбин А.П. – студент Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия). E-mail: pszholbin@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

I.S. Solovenko, Dr. Sci. (History), associate professor, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: solovenko71@mail.ru

A.A. Rozhkov, Dr. Sci. (Economics), head of a department, Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: aarozhkov@mail.ru

K.A. Pinzhin, student, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pinzhin98@mail.ru

A.P. Zholbin, student, Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: pszholbin@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.11.2023;
одобрена после рецензирования 13.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 13.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

Научная статья
УДК 94(571.1):504.06
doi: 10.17223/15617793/496/20

Управление водопользованием во второй половине XX в. (на примере Обь-Иртышского бассейна)

Анна Владимировна Шмыглёва¹

¹ Западный филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте
Российской Федерации, Калининград, Россия, alisa-umka@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа архивных документов, материалов периодической печати и литературных источников выявлены особенности системы управления водопользованием в Обь-Иртышском бассейне во второй половине XX в. Рассмотрены основные подходы к управлению водопользованием: административный и бассейновый. Дана характеристика бассейнового принципа как эффективного способа управления водопользованием на региональном уровне. Приведены примеры применения бассейнового принципа в управлении водными ресурсами в пределах Обь-Иртышского речного бассейна.

Ключевые слова: Обь-Иртышский речной бассейн, история управления водопользованием, XX в.

Для цитирования: Шмыглёва А.В. Управление водопользованием во второй половине XX в. (на примере Обь-Иртышского бассейна) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 180–190. doi: 10.17223/15617793/496/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/20

Water management in the second half of the 20th century (a case study of the Ob-Irtysh basin)

Anna V. Shmygleva¹

¹ Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Kaliningrad, Russian Federation, alisa-umka@yandex.ru

Abstract. The object of the research is the territory of the Ob-Irtysh river basin, which is a complex ecosystem. The focus of the study is the water use management system in the basin in the second half of the 20th century. The aim is to identify the problems of water use in the Ob-Irtysh basin on the basis of archival documents, periodicals and literary sources, and the features of the water management system of the region in the period under review. The quality of water sources in the basin under consideration is the result of a combination of natural and anthropogenic factors: floods, low water, negative riverbed and coastal processes, large-scale water pollution. Some areas of the basin were characterized by insufficient water resources, while others by redundancy, leading to spring flooding and floods. The state of the water sources in the region in recent decades has been assessed as unfavorable: the mining and processing industry, agricultural production, and utilities have had a negative impact on the reservoirs. Water use in the USSR, as in most countries of the world, in the second half of the twentieth century was based mainly on the administrative principle. One of the tools of the administrative system of water management at that time was schemes for the integrated use and protection of water resources, which included measures in such areas as water supply to the population and economic facilities, prevention of the consequences of the negative impact of water, protection and restoration of water bodies. The basin principle in water resources management in the 1960s–1980s was applied in fragments, as an addition to the administrative-territorial approach. Examples of the application of the basin approach in water resources management within the Ob-Irtysh River basin, in particular, attempts to create basin committees and adopt basin agreements, were local and sporadic. The analysis of the historical experience of applying the basin principle to some rivers of the basin, on the one hand, confirms the need for special bodies responsible for managing water resources in the river basin and, on the other hand, clearly demonstrates the imperfection of water management. Conflicts between water users of different levels and decades-long pollution of water sources indicate the inefficiency of the historically established water management system based on the administrative principle that does not take into account the consequences of the anthropogenic impact on ecosystems. At the same time, the experience of other countries confirms the effectiveness of the practical application of the basin principle not only for solving water use problems, but also in the field of environmental management in general. Given the continuing urgency of the water problem in the region, it is necessary to further improve the water management system based on a convergence of approaches and taking into account the specifics of the Ob-Irtysh basin.

Keywords: Ob-Irtysh river basin, history of water management

For citation: Shmygleva, A.V. (2023) Water management in the second half of the 20th century (a case study of the Ob-Irtysh basin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 180–190. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/20

В советский период государство определяло политику в области управления водными ресурсами, основываясь на теоретических подходах, которые эволюционировали в зависимости от приоритетов и масштабов природопользования. Особенностью системы управления природопользованием в СССР было использование административно-территориальных границ как основы законодательного регулирования, однако структура власти и юридической ответственности не совпадала со структурой речных систем, а система управления противоречила логике и динамике целостной речной системы. В то же время бассейновый подход в СССР длительное время не выходил за пределы теоретических исследований и дискуссий относительно его эффективности и его применение рассматривалось лишь как дополнение к существовавшему административному подходу. Несмотря на серьезную теоретическую проработанность и обоснованность, бассейновый принцип управления водными ресурсами стал применяться в СССР значительно позже, чем за рубежом. Целью данной статьи является анализ практики управления водопользованием в Обь-Иртышском бассейне во второй половине XX в. и выявление ее особенностей, в том числе, связанных с применением бассейнового принципа.

В последнее время водно-экологическая проблематика привлекает к себе повышенное внимание, растет количество публикаций, посвященных вопросам формирования и развития государственной водной политики в России – СССР, в частности, на примере бассейна р. Волги [1–3]. Сибирские историки активно включились в изучение проблематики, связанной с освоением водно-ресурсного потенциала Западной и Восточной Сибири в условиях активного индустриального развития. Проблемам использования, загрязнения и охраны рек в процессе индустриального развития Восточной Сибири в советский период посвящены публикации С.Т. Гайдина, Г.А. Бурмакиной [4, 5]. В работах Д.М. Нечипорука [6], Э.С. Красовитовой [7] исследуются экологические проблемы, вызванные антропогенным воздействием на водные экосистемы Западной Сибири во второй половине XX в. Работы М.В. Комгорт, Г.Ю. Колевой [8], В.Л. Некрасова [9], О.Н. Стафеева [10], Е.А. Хромова [11] раскрывают специфику процесса проектирования и строительства объектов гидроэнергетики на р. Обь в 1950–1960-е гг. Проблемы освоения рыбных ресурсов и развития рыбной промышленности в Западной Сибири отражены в исследованиях Е.И. Гололобова [12, 13], М.С. Мостовенко [14]. В перечисленных работах отмечается важная роль водных источников как ресурса для индустриального освоения Сибири, отмечаются противоречия в целях местных органов власти и всесоюзных ведомств, которое практически сводило на нет природоохранные усилия.

Источниковая база исследования представлена широким спектром законодательных и нормативных документов, материалами архивов, публикациями в периодических изданиях, материалами научных и практических конференций, совещаний, семинаров, посвя-

щенных проблеме рационального использования природных ресурсов. Следует отметить, что в рассматриваемый период проблема рационального использования водных источников широко обсуждалась в трудах географов, гидрологов, биологов, экологов.

Территориальные рамки – Тюменская, Омская, Курганская, Свердловская, Челябинская области, Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа, Омская, Кемеровская, Новосибирская, Томская области, Алтайский край, Республика Алтай. Обь-Иртышский бассейн представляет собой сложную экосистему субпланетарного масштаба, интегрируемую стоком воды, он охватывает практически всю Западно-Сибирскую низменность, включая часть территории Казахстана и Китая. Для Обь-Иртышского бассейна характерны следующие водные проблемы: дефицит водных ресурсов; наводнения; маловодья; деградация озер в бессточных степных областях бассейна; заболоченность бассейна; низкое качество вод, обусловленное как природными, так и антропогенными факторами. В настоящее время управление водным хозяйством в бассейне осуществляют Верхне-Обское и Нижне-Обское бассейновые водные управления (БВУ), образованные в составе Федерального агентства водных ресурсов Министерства природных ресурсов России.

Поверхностные воды Обь-Иртышья являются основным источником промышленного и хозяйственно-питьевого водоснабжения населенных пунктов. На протяжении многих лет водные ресурсы подвергаются масштабному воздействию со стороны промышленности, сельского хозяйства, ЖКХ и населения. Факты безответственного отношения к водопользованию со стороны промышленных предприятий, колхозов, жилищного хозяйства отражены в многочисленных архивных документах, отложившихся в фондах региональных архивов [15–18]. Наиболее загрязненными оказались водоемы, по берегам которых в 1930–1950-е гг. были построены крупные предприятия. Отсутствие очистных сооружений или их неудовлетворительная работа во второй половине XX в. были основной проблемой для рек Обь, Иртыш и их притоков. Значительное влияние на водные ресурсы Обь-Иртышского бассейна оказывал созданный в XX в. мощный водохозяйственный комплекс, включающий более 200 крупных водохранилищ, наиболее крупными из которых были Новосибирское, Аргазинское, Гилевское и Белоярское. Обь-Иртышский бассейн традиционно играл важную роль в рыбном хозяйстве страны – в годы с высоким уловом (до 580 тыс. ц рыбы) он давал более 30% улова по РСФСР и 70% уловов по Сибири, однако загрязнение рек сточными водами и создание гидротехнических сооружений привели к резкому сокращению запасов ценных пород рыб (осетра, нельмы, стерляди), сокращению улова щуки, язя, плотвы [19. С. 155].

Проведенные в 1950–1960-е гг. гидрологические исследования позволили сделать вывод о преобладающем влиянии хозяйственной деятельности на химический состав воды. Загрязнение воды фенолами, нефтепродуктами, кислотами и щелочью не только отрицательно сказывалось на рыбных запасах крупных рек

(Обь, Томь), но делало их опасными для здоровья населения. Небольшие таежные реки были подвержены загрязнению вследствие несоблюдения правил лесосплава и заготовок древесины. Судьба малых рек в горах была еще трагичнее – уже в начале 1960-х гг. вследствие сброса нечистот они стали местными «до-стопримечательностями», полностью оправдывая закрепившееся за ними название «речки-вонючки» [17]. Масштабы загрязнения водных источников Обь-Иртышского бассейна потребовали вмешательства центральных властей: в 1963 г. Совет министров РСФСР принял первое постановление, предусматривавшее строительство очистных и канализационных сооружений на ряде промышленных предприятий и коммунальных объектов Западно-Сибирского и Кузбасского СНХ. Однако документы комиссий по охране природы, региональных и городских отделений Всесоюзного общества охраны природы, контролирующих органов свидетельствуют о том, что постановление повсеместно не выполнялось, важные решения оставались на бумаге, а загрязнение рек усиливалось одновременно с ростом экономических показателей [20]. Таким образом водные ресурсы Обь-Иртышья стали заложниками той системы управления природопользованием, которая сформировалась в стране в предшествующий период.

В истории управления водопользованием в разное время применялись различные подходы, основными из которых можно считать административный (ведомственный) и бассейновый (гидрографический). Несмотря на широкое применение, административный подход имеет определенные недостатки – несоответствие границ бассейнов и суббассейнов административным границам обуславливает невозможность планирования и эффективного управления на уровне гидрографических единиц, что приводит к нежелательным последствиям и неуправляемости водных ресурсов. Гидрографический принцип управления водными ресурсами предусматривает участие представителей всех заинтересованных сторон на демократических основах, а роль государства при таком принципе заключается в создании благоприятной среды – политических и экономических условий для достижения целей управления водопользованием, обеспечение доступности информации и т.п. Отсутствие единого общепринятого подхода способствовало формированию двух десятков моделей бассейнового управления, представляющих собой вариации «агентств», «управлений», «комиссий», выполняющих различные функции [21]. В соответствии с целями устойчивого развития бассейновый подход широко применяется в сфере управления трансграничными водными ресурсами [22]. В мире накоплен достаточно серьезный опыт в сфере организации управления природопользованием на основе бассейнового подхода. Национальные системы управления водопользованием Франции, Канады, Великобритании, США, Польши, Испании, Голландии, Индии и некоторых других стран построены на бассейновом принципе. Еще в 1960–1980-х гг. успешный опыт применения бассейнового подхода изучался в рамках

научно-технического сотрудничества СССР с зарубежными странами, в том числе с Францией и Великобританией [23, 24].

Водопользование в СССР, как и в большинстве стран мира, основывалось на административном принципе. Создание бассейновых органов управления в СССР связано с идеей рационального водопользования, которая стала основой политики природопользования в 1960–1970-х гг. В соответствии с Постановлением Совета министров СССР от 22.04.1961 № 425 «О мерах по упорядочению использования и усилению охраны водных ресурсов СССР» [25] началось создание специальных органов по использованию и охране поверхностных и подземных водных ресурсов. После принятия Постановления Совета министров РСФСР от 03.07.1961 № 856 «Вопросы Государственного комитета Совета министров РСФСР по водному хозяйству» [26] было образовано 14 бассейновых инспекций, подчинявшихся Госводхозу РСФСР. На Инспекции возлагалась ответственность по решению следующих задач:

- организация рационального использования поверхностных и подземных водных ресурсов;
- учет количества потребляемой воды из поверхностных и подземных источников;
- изучение состояния дел у водопользователей с использованием воды и степенью очистки сточных вод;
- паспортизация всех водозаборов и сбросов в водные объекты;
- осуществление государственного надзора за проведением предприятиями, хозяйствами, учреждениями мероприятий по рациональному использованию водных ресурсов, а также по борьбе с их истощением и вредным воздействием;
- охрана поверхностных и подземных водных источников, а также прибрежных полос рек, лиманов, озер и морей от загрязнения и засорения сточными водами и отходами производства.

В соответствии с Основами водного законодательства СССР и союзных республик в 1970-е гг. повсеместно началось создание системы, в рамках которой государственное управление в области использования и охраны вод осуществлялось Советом министров СССР, Советами министров союзных республик, Советами министров автономных республик, исполнительными комитетами местных Советов депутатов трудящихся, специально уполномоченными государственными органами по регулированию использования и охране вод [27]. Постановлением Совета министров РСФСР № 569 от 24.12.1973 «Об укреплении государственных органов по регулированию использования и охране вод в РСФСР» образованы бассейновые (территориальные) управления по регулированию использования и охране вод на базе бассейновых инспекций по использованию и охране водных ресурсов, функции которых были определены утвержденным в 1974 г. положением [28].

В середине 1960-х гг. для управления водными ресурсами в СССР начали использовать «бассейновые и региональные Схемы комплексного использования водных ресурсов (СКИВР), которые разрабатывались

для отдельных рек, крупных бассейнов и регионов, а также для водного хозяйства всей страны» [29. С. 7]. Разработчиком первой Генеральной схемы СССР стал институт «Гидропроект» (1965 г.). Помимо него, в процессе разработки схемы принимали участие представители заинтересованных водопользователей, а также специалисты гигиенических научно-исследовательских институтов, кафедр медицинских институтов и санэпидстанций, которые на протяжении нескольких лет собирали эмпирический материал по санитарной характеристике водоемов страны. В 1970-е гг. на основе проведенных исследований были разработаны схемы по отдельным водным бассейнам (реки Ока, Томь, Белая, Чусовая, Урал, Кубань и др.). В 1970-х гг. применялись Схемы комплексного использования и охраны водных объектов (СКИОВО) – «обоснованный перечень первоочередных в масштабе бассейна реки мероприятий по гарантированному водообеспечению населения и объектов экономики, предотвращению и смягчению последствий негативного воздействия вод, охране и восстановлению водных объектов» [30. С. 30]. В 1980-х гг. на основе СКИОВО осуществлялось управление водопользованием в бассейнах Западной Двины, Оби, Иртыша и других. Несмотря на значительный объем данных и широкий спектр задействованных специалистов, схемы имели ряд недостатков, обусловленных несовершенством применяемой методологии проектирования:

- не учитывалась бассейновая и региональная специфика, в частности, не придавалось значение особенностям крупных территориально-промышленных комплексов, которые размещались в бассейнах нескольких рек;

- в плане реализации запланированных мероприятий не предусмотрено экономическое стимулирование водопользователей;

- в условиях интенсивного развития мелиорации орошаемое земледелие часто преобладало в ущерб другим направлениям водопользования;

- схемы не предусматривали долгосрочного планирования и стратегических задач.

Разработка схем продолжалась в 1980–1990-х гг. В это время были разработаны Схема СССР на период до 2000 г. и Схема Российской Федерации до 2005 г., «основанные на принципах плановой экономики и директивных документах о развитии производительных сил» [31. С. 6]. Однако методология проектирования, применявшаяся с 1965 г., уже не соответствовала меняющейся концепции природопользования, что приводило к противоречиям и конфликтам между водопользователями, снижало эффективность мероприятий, направленных на защиту водных ресурсов. При составлении схем для оценки качества воды водоемов проектными организациями применялись гигиенические нормативы, определяющие безопасность и пригодность воды для населения [31. С. 39]. Несмотря на положительные оценки данного подхода к решению вопросов рационального водопользования в целом, специалисты обращали внимание на следующую особенность: «...в рамках схем рассматривались вопросы конкретного проектирования вплоть до детальных

конструкций отдельных сооружений и даже их элементов, в то время как долгосрочные задачи сводились к формальному применению нормативов, по которым практически невозможно было провести содержательный анализ» [29. С. 9]. Несовершенство схем негативно отражалось на всей системе природопользования.

Эволюция подходов к решению вопросов водопользования в Обь-Иртышском речном бассейне хорошо прослеживается на примере 1970–1980-х гг. К началу 1970-х гг. здесь проявились недостатки сложившейся системы управления водными ресурсами:

- 1) управление на основе административно-территориального деления приводило к преобладанию локальных интересов водопользователей, при этом интересы речного бассейна не учитывались;

- 2) планирование осуществлялось отдельными ведомствами, заинтересованные стороны в процессе принятия решений, как правило, не принимали участия, несмотря на законодательное закрепление такой возможности;

- 3) несогласованность действий и зачастую противоречащие цели водопользователей приводили к конфликтным ситуациям и снижали эффективность государственной водной политики;

- 4) вопросы охраны водных ресурсов не рассматривались как первоочередные, масштабы антропогенного воздействия на водные ресурсы недооценивались, следствием этого стало значительное ухудшение состояния водных источников.

В середине 1970-х гг. проблемы водопользования на реках Обь-Иртышского бассейна стали чрезвычайно актуальными. Об этом свидетельствует активное обсуждение водных проблем на совещаниях, тематических научно-практических конференциях, в средствах массовой информации, повсеместное создание специальных постоянно действующих комитетов при облисполкомах и крайисполкомах, которые должны были объединить усилия, направленные на комплексное рациональное водопользование и охрану водного бассейна. Такие структуры были созданы при региональных органах власти в Кемеровской, Новосибирской, Тюменской, Томской областях, Алтайском крае.

В 1977 г. образован постоянный межобластной общественный комитет по Верхней Оби в Кемерово. 21 июля 1977 г. состоялось первое организационное заседание комитета, на котором присутствовали представители партийных, советских, комсомольских органов и общественных организаций Алтайского края, Кемеровской, Новосибирской и Томской областей, ученые и специалисты. Заслушаны доклады работников Министерства мелиорации и водного хозяйства, Минлесхоза РСФСР, Центрального совета ВООП о состоянии и проблемах комплексного использования природных богатств в бассейне Верхней Оби. Принято постановление, избран руководящий орган комитета – Президиум, председателем которого стал первый секретарь Кемеровского обкома КПСС Л.А. Горшков [32]. В составе комитета утверждены отраслевые комиссии, в том числе по охране водных,

земельных и лесных ресурсов, по охране воздушного бассейна. Комитет должен был активизировать природоохранную работу в бассейне Верхней Оби путем координации научной и практической деятельности всех организаций и учреждений по таким направлениям, как борьба с эрозией почв, загрязнение поверхностных водоемов, обезлесение. Особое внимание следовало уделять комплексу мероприятий, предусматривавших создание лесозащитных насаждений, рациональное использование водных ресурсов, сокращение загрязнения окружающей среды и т.п.

В середине 1970-х гг. призывы к применению научно обоснованного комплексного подхода к проблеме водопользования звучали в Алтайском крае. В докладах участников научно-практической конференции «О мерах по охране и рациональному использованию бассейна р. Алей» [33], которая проходила в Рубцовске в 1976 г., вопрос о необходимости разработки схемы использования природных ресурсов бассейна р. Алей поднимался учеными и представителями органов власти Алтайского края: «Мы стоим перед качественно новым этапом в освоении природных ресурсов, когда требуются не только узкие специальные знания, но и умение видеть все сложные взаимоотношения природных компонентов и взаимоотношения человека с природой... Решение всех сложных задач, поставленных перед хозяйствами региона, требует привлечения сил научных сотрудников вузов и научно-исследовательских институтов. Особенно важна их роль в разработке научно обоснованной схемы использования природных ресурсов бассейна р. Алей, разработка такой схемы – это не разовое мероприятие. Необходим постоянный орган, который бы контролировал выполнение и качественный уровень мероприятий по использованию с учетом новейших достижений науки и техники, а также изменений среды в результате деятельности человека. Таким органом мог бы быть постоянно действующий комитет по проблемам бассейна р. Алей» [33. С. 4].

Комитет по рациональному природопользованию в бассейне р. Алей был образован в 1977 г. по решению краевого комитета КПСС. Председателем комитета избран В.И. Овчинников, секретарь крайкома КПСС. Его заместителями стали И.С. Процюк – первый заместитель председателя крайисполкома и Ю.И. Винокуров – заведующий Алтайской лабораторией экологии и рационального природопользования Института географии СО АН СССР, ученым секретарем – А.А. Кованова, преподаватель АлтГУ. На комитет возлагались полномочия по учету, планированию, финансированию и контролю в сфере водопользования и охраны окружающей среды в рамках речного бассейна. На местах аналогичные функции должны были выполнять районные комиссии. Комитет не только занимался разработкой и реализацией мероприятий по охране природы и рациональному природопользованию в бассейне р. Алей, но и готовил научное обоснование Генеральной схемы рационального использования и охраны природных ресурсов бассейна р. Алей. К работе над Генеральной схемой были привлечены специ-

алисты из проектных, научно-исследовательских организаций, вузов края: Алтайский филиал института Запсибгипрозем, Алтайский госуниверситет, Алтайская лаборатория экологии и рационального природопользования Института географии СО АН СССР.

Бассейн р. Алей для разработки схемы комплексного использования был выбран не случайно – учитывалось его значение для народного хозяйства края, особые экологические условия, необходимость поиска наиболее эффективных способов организации природопользования в регионе. Алей – самая протяженная река Алтайского края, объединившая огромную территорию края: площадь бассейна составляла 11% территории региона и охватывала земли 12 административных районов. На берегах р. Алей и его притоков располагалось около 250 месторождений полезных ископаемых [34]. Бассейн р. Алей был наиболее экономически развитым и населенным аграрно-индустриальным районом Алтайского края: более 400 населенных пунктов, в том числе 3 поселка и 4 города (Рубцовск, Алейск, Змеиногорск, Горняк). По оценкам специалистов, именно они наиболее неблагоприятным образом воздействовали на экосистему р. Алей: территория, размеры которой не превышали 1% площади бассейна, поставляла в окружающую среду 98% загрязняющих веществ от промышленных объектов и 33% – от транспорта.

Бассейн р. Алей в рассматриваемый период испытывал достаточно серьезную антропогенную нагрузку, которая сформировалась в основном в 1940–1950-е гг. по двум направлениям: промышленному и сельскохозяйственному. Начало активного промышленного освоения района связано с деятельностью эвакуированных во время Великой Отечественной войны промышленных предприятий и созданием в регионе крупных объектов машиностроительной и пищевой отраслей. Развитие аграрного сектора связано с периодом 1950–1960-х гг., когда осуществлялась массированная распашка целинных и залежных земель в регионе. При этом р. Алей оставалась единственным источником водоснабжения для юго-западной части края. Проблема обеспечения водой экономики региона ощущалась здесь достаточно остро. Для водообеспечения населения, сельского хозяйства и промышленности строились гидротехнические сооружения: Гилевский гидроузел, подпорные сооружения у с. Веселоярск, у г. Рубцовска, Склюихинское водохранилище. Вода из р. Алей использовалась для работы первой в Сибири системы крупных водозаборных и очистных сооружений, строительство которой началось еще в 1930 г. Таким образом, р. Алей стала незаменимым в прямом смысле слова источником воды для края.

На создание проекта схемы водопользования бассейна р. Алей потребовалось несколько лет и усилия десятков организаций. «Генеральная схема комплексного использования и охраны природных ресурсов бассейна р. Алей» была утверждена в 1985 г. Она предусматривала создание Общественного совета, который должен был осуществлять организационную и координирующую функции. Впервые в схеме были

учтены особенности системы отраслевого использования природных ресурсов, а также территориальная и структурная целостность бассейна. Комплексное рациональное использование природных ресурсов и охрана окружающей среды бассейна рассматривались как важнейшая задача природопользования. В отличие от традиционных для СССР схем охраны природы первостепенное значение приобретали «реальные перспективы использования ресурсов с учетом необходимости их охраны и воспроизводства» [35]. Использование бассейнового подхода позволило не только осуществить масштабное исследование природных ресурсов и хозяйства региона, но и выявить особенности взаимодействия природных и хозяйственных систем в рамках речного бассейна. К достоинствам Генеральной схемы по Алею также можно отнести системную проработку проблем природопользования в речном бассейне и комплексный подход к их решению; одним из главных недостатков можно считать применение жесткого механизма государственного планирования мероприятий, что не способствовало заинтересованному отношению к решению проблем со стороны природопользователей. В масштабах огромного Обь-Иртышского бассейна с его накапливавшимися десятилетиями проблемами экологического характера, этого явно было недостаточно. Для комплексного решения проблем водопользования следовало или применить опыт Алтайского края в других регионах, или разработать аналогичную схему для всего Обь-Иртышья.

Концепция бассейнового управления водопользованием была предложена в 1992 г. Комитетом Российской Федерации по водному хозяйству (Роскомвод). На ее основе были разработаны методические рекомендации по разработке бассейновых соглашений и созданию бассейновых советов. Практически сразу же началась разработка бассейновых соглашений и были созданы бассейновые советы для крупнейших рек России: Оби, Енисея, Волги, Лены. Законодательно институт бассейновых соглашений¹ и бассейновых советов² впервые был закреплен в ст. 120 Водного кодекса Российской Федерации (1995 г.) [36]. Данный шаг должен был обеспечить совместное принятие решений Российской Федерации и ее субъектов по вопросам владения, пользования и распоряжения водными ресурсами, как это предусмотрено п. в. ст. 72 Конституции Российской Федерации.

Необходимость создания бассейновых советов была обусловлена обострением экологических проблем в регионах и недостаточно эффективной политикой государства в сфере природопользования и охраны окружающей среды. История бассейновых советов началась еще в середине 1980-х гг. – на десятках водных объектов создавались бассейновые советы, инициаторами которых выступали как органы власти, так и общественность. Судьба советов складывалась по-разному: большая часть создавалась формально, существовала недолго и не смогла стать реально действующим институтом. Некоторые советы работали достаточно успешно, эффективно решая вопросы на локальном уровне, как, например, совет по р. Бурла в Алтай-

ском крае. На наш взгляд, история бассейновых советов и бассейновых соглашений наглядно демонстрирует те противоречия, которые были характерны для экологической политики в России периода 1980–1990-х гг.

В Обь-Иртышском бассейне создание советов было инициировано как государственными органами власти (по р. Алей в 1985 г., по р. Обь, р. Бурла в 2000 г.), так и общественными организациями при активном участии международных НКО (р. Томь в 1994 г., р. Иртыш в 2000 г.). Важно отметить, что для эффективной работы советов необходимым условием является совместное участие в их работе представителей властных структур и общественности, поскольку первые обладают правом законодательной инициативы в процессе организации бассейновых советов, принимают экологически значимые решения, а вторые отличаются выраженной гражданской позицией и осознают необходимость создания данного института в целях эффективного решения общих для бассейна проблем. Для успешной деятельности советов также принципиально важное значение имеет участие специалистов научных и образовательных организаций.

30 декабря 1993 г. было подписано бассейновое соглашение между 14 субъектами Российской Федерации и Правительством Российской Федерации. Главными целями соглашения провозглашались:

- 1) нормализация водохозяйственной и водоохранной ситуации в бассейне р. Оби;
- 2) реализация государственной водной политики, включающей регулирование использования, воспроизводства и восстановления водных ресурсов, мониторинг и контроль качества воды.

В качестве основных задач рассматривались бесперебойное обеспечение водопользователей (населения и объектов экономики) водой надлежащего качества; защита территорий от воздействия угроз, связанных с водой (наводнений, засух и т.п.); улучшение экологической обстановки в бассейне. Для разработки и реализации мероприятий создан Обской Бассейновый комитет. Положение о бассейновом комитете было подписано 25 марта 1994 г. В его состав вошли 37 представителей субъектов Российской Федерации и федеральных органов власти. Председателем избран В.С. Ревякин. Деятельность комитета, как и многих других аналогичных искусственно созданных институтов, имела в большей степени формальный характер и сводилась к «ежегодному формированию перечней первоочередных мероприятий и отчетам об их выполнении» [37]. Главным препятствием для эффективной работы комитета можно считать противоречия между Верхне-Обским и Нижне-Обским БВУ, которые не могли найти общий язык и проводили мероприятия раздельно по Верхней и Нижней Оби, что противоречило изначальному замыслу бассейнового подхода. Бассейновый комитет не оправдал надежд общественности и специалистов в сфере управления водными ресурсами. Его участникам не удалось договориться и разработать единую бассейновую программу действий по р. Оби, ради чего и было подписано бассейновое соглашение.

Безуспешными оказались и усилия Бассейновых водных управлений (Верхне-Обского, Нижне-Обского, Уральского) по созданию федеральной целевой программы «Чистая Обь», «КЦП Обь», которые начиная с 1993 г. предпринимали попытки согласования проектов программ на федеральном уровне. В условиях непростой экономической ситуации в стране и критического состояния водохозяйственной отрасли, которая переживала перманентный процесс реорганизации, эти программы приняты не были. Попытки создания эффективного механизма управления на основе бассейнового принципа в Обь-Иртыше потерпели неудачу.

Более продуктивной оказалась попытка применения бассейнового подхода к управлению водными ресурсами, предпринятая в 1994 г. в рамках «Программы российско-французского сотрудничества по организации управления водными ресурсами в России (бассейн р. Томь)» [38]. В Томске был образован Межрегиональный Бассейновый комитет по р. Томи из числа представителей органов государственной власти, научно-исследовательских организаций, общественных организаций и руководителей предприятий двух субъектов РФ – Кемеровской и Томской областей. В сферу деятельности комитета входили вопросы, связанные с разработкой и реализацией единой инвестиционно-технической политики в сфере водопользования и охраны водных источников; согласованием водохозяйственных и водоохраных программ; повышением эффективности механизмов управления водопользованием в бассейне. В процессе принятия решений необходимо было учитывать мнение всех стейкхолдеров, несмотря на противоречия, возникавшие между ними.

Подготовкой и реализацией проектов водохозяйственных программ должна была заниматься Исполнительная дирекция водохозяйственной программы. Финансирование работ осуществлялось из различных источников, в том числе федерального и регионального бюджетов, внебюджетных экологических фондов, а также средств организаций-водопользователей [39]. В целом работа Бассейнового комитета р. Томь получила положительную оценку всех участников проекта, однако специалисты критически отнеслись к целесообразности тиражирования данного опыта в масштабах всего бассейна р. Оби, поскольку «пространственная размерность Обского бассейна и сложность его иерархической организации несоизмеримы с территорией Франции и ее речными бассейнами, что накладывает отпечаток на характер проблем водопользования, формы и способы их решения на разных уровнях» [40]. Главным препятствием для эффективного решения проблем водопользования в бассейне оставалось несовершенство всей системы управления природопользованием, которая была слишком инерционна и не могла быстро перестраиваться.

Следующий этап совершенствования политики водопользования на основе применения бассейнового подхода связан с попытками создания системы управления водопользованием в речном бассейне на основе принципов устойчивого развития. В 1997 г. в рамках

стратегии перехода Российской Федерации к устойчивому развитию [41] начался процесс активного обсуждения концепции устойчивого водопользования. Первая попытка создания «устойчивой» системы управления водопользованием в бассейне реки была предпринята в 1998–2000 гг. – в рамках российско-канадского сотрудничества разработан проект управления качеством воды р. Ангара [42]. Проектом предусматривалось создание устойчивой социально-экологической системы в бассейне, были разработаны Соглашение по управлению бассейном и Положение о совете по бассейну р. Ангара, который должен был осуществлять координирующую и консультативную функции. Этот опыт, как и другие аналогичные попытки применения бассейнового принципа для решения вопросов водопользования, не получил дальнейшего развития.

В нормативных документах Правительства РФ идея устойчивого развития водосборных бассейнов нашла отражение лишь в начале 2000-х гг. В 2004 г. система государственного управления водопользованием была реформирована с учетом бассейнового принципа и целей устойчивого развития. Несмотря на активную позицию общественных организаций, которые стали одним из реальных акторов экологической политики в регионах, общественности в данном процессе отводилась незначительная роль.

В 1990-х – начале 2000-х гг. обсуждались различные варианты применения бассейнового подхода в Обь-Иртыше, основанные как на отечественном, так и на зарубежном опыте. За основу была взята Федеральная целевая программа «Оздоровление экологической обстановки на р. Волге и ее притоках, восстановление и предотвращение деградации природных комплексов Волжского бассейна на период до 2010 года» (ФЦП «Возрождение Волги»), утвержденная Постановлением Правительства РФ в 1998 г. [43] Программа финансировалась субъектами РФ, которые относились к бассейну р. Волги, федеральным бюджетом и водопользователями. Ключевым элементом структуры управления программой выступал общественный координационный орган – Волжский бассейновый Совет, на который возлагались полномочия по формированию Волжского бассейнового соглашения. Эксперты в целом позитивно оценивали данную программу, но считали, что ее следует адаптировать применительно к условиям Обского бассейна и привести в соответствие действовавшему законодательству. Помимо этого, ученые предлагали не игнорировать опыт других стран, в которых бассейновый принцип достаточно давно и успешно применялся, а учитывать его в процессе разработки собственных программ [44].

Опыт бассейнового соглашения по р. Бурла (Алтайский край) оказался наиболее успешным. Значение р. Бурла было обусловлено рядом факторов. Во-первых, в бассейне реки находились пять административных районов Алтайского края, Новосибирская область и Казахстан, отличавшиеся спецификой сочетания природных, социальных и экономических условий. Во-вторых, вода из реки использовалась для работы Бурлинской обводнительно-оросительной системы (ООС). В-третьих, компоненты технической схемы

Бурлинской ООС были тесно взаимосвязаны с компонентами природной среды. В-четвертых, в бассейне р. Бурла находились несколько озёр, имеющих рыбохозяйственное и рекреационное значение для местного населения. Таким образом, для создания эффективной системы управления водопользованием в бассейне р. Бурла требовалось найти консенсус между всеми участниками процесса и учесть факторы влияния. Именно обострение противоречий между пользователями водных ресурсов наиболее крупных озёр – оз. Хорошее (Новосибирская область) и оз. Песчаное (Алтайский край) способствовало созданию Бассейнового совета р. Бурла по инициативе глав администраций районов. Администрации Алтайского края и Новосибирской области поддерживали идею создания совета и пригласили к участию в проекте Алтайское региональное отделение Русского географического общества и Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН. Бассейновое соглашение в 2000 г. подписали администрации Новосибирской области и Алтайского края, Верхне-Обское БВУ, администрации шести районов [45]. Председателем совета был избран И.И. Барабаш – глава администрации Бурлинского района. За 4 года работы были проведены 8 сессий совета, на которых принимались реальные решения по наиболее важным и актуальным вопросам бассейна.

Работа Бурлинского бассейнового совета получила положительные оценки, поскольку благодаря совместной работе заинтересованных сторон удалось привлечь внимание властей к проблемам местного населения и решить вопросы финансирования водохозяйственных мероприятий. Следует особо отметить роль Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН в деятельности совета. Благодаря неравнодушным и грамотным сотрудникам института удалось избежать принятия непроработанных и порой вредоносных решений: проект строительства оросительного канала, представленный ОАО «Алтайводпроект» дважды был возвращен на доработку, в итоге он стал более сбалансированным в отношении режима подачи воды из Новосибирского водохранилища. К сожалению, как и в большинстве случаев, бассейновое соглашение не было пролонгировано на последующий период и бассейновый совет прекратил свое существование.

Несмотря на неоднократные попытки применения бассейнового принципа для управления водопользованием в Обь-Иртышье, однозначного подхода для бассейнов Оби и Иртыша выработать не удалось. В конце 1990-х гг. специалистами Института водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН (ИВЭП

СО РАН) (Барнаул) было предложено собственное видение системы управления водопользованием в бассейне реки Оби, основанное на идее взаимосвязи всех форм и видов использования водных ресурсов, оказывающих влияние на формирование водного фонда бассейна [46], однако реализовать ее в полном масштабе не удалось до сих пор.

В результате антропогенного воздействия уже в середине XX в. отмечалось существенное ухудшение качества воды в реках Обь-Иртышского бассейна. Действовавшая во второй половине XX в. система управления водопользованием, основанная на административном подходе, не учитывала особенности экосистемы, в частности, низкую способность к самоочищению северных и сибирских рек. Интересы водопользователей часто игнорировались, что приводило к конфликтным ситуациям на разных уровнях. Идея комплексного использования и охраны природных ресурсов речных бассейнов в Обь-Иртышском бассейне впервые была применена в середине 1980-х гг. в бассейне р. Алей. Бассейновые советы (комитеты) создавались по инициативе региональных органов власти или общественности, в том числе в рамках проектов, финансируемых международными фондами. Противоречивость и несовершенство законодательно-нормативной базы, которая не успевала за практикой применения таких элементов управления как бассейновый совет и бассейновое соглашение, сказывались на деятельности самих бассейновых организаций. Достаточно успешным оказался опыт локального применения бассейнового подхода – на реках Алей, Бурла, Томь. В конце XX – начале XXI в. были предприняты попытки разработки концепции природопользования на основе бассейнового подхода для достижения целей устойчивого развития, но они не получили широкого распространения на практике. Несмотря на имеющийся опыт построения эффективной модели в сфере управления водопользованием, в Российской Федерации остается нерешенной проблема развития институциональных механизмов управления водными ресурсами, особенно в части общественных и муниципальных инициатив. Созданные в речных бассейнах структуры управления водными ресурсами относятся к государственной власти федерального и регионального уровней, при этом отсутствует децентрализация полномочий на местах. В условиях дальнейшего совершенствования системы управления водными ресурсами посредством внедрения принципов интегрированного управления следует учитывать исторический опыт применения различных подходов к управлению водными ресурсами.

Примечания

¹ Бассейновое соглашение о восстановлении и охране водных объектов целью юридическое закрепление добровольного объединения усилий договаривающихся Сторон для взаимодействия и координации действий по восстановлению состояния водных ресурсов, их рациональному использованию, гарантирующих надежное обеспечение населения и объектов экономики водой требуемого качества. Оно является государственным актом, реализуемым в соответствии с актами экологического законодательства.

² Бассейновый совет – координационный орган, создаваемый с целью обеспечения реализации бассейнового соглашения и координации совместной деятельности договаривающихся сторон в рамках бассейнового соглашения.

Список источников

1. Бурдин Е.А. Разработка и практическая реализация планов советского руководства в сфере гидростроительства в 1930–1980-е гг. (на примере Волжского каскада гидроузлов) : дис. ... д-ра ист. наук. Ульяновск, 2012.

2. Макеева Е.Д. Взаимоотношения власти и общества в России в сфере охраны природы в 1917–1991 гг. (на материалах Среднего и Нижнего Поволжья: исторический аспект) : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2020.
3. Цинцадзе Н.С. История государственной политики водопользования в России конца XIX – первой трети XX в. // Вестник СурГПУ. 2021. № 6. С. 20–35.
4. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. Освоение водных путей северной части бассейна Енисея в XVII – начале XX века // Исторический курьер. 2022. № 3 (23).
5. Гайдин С.Т., Бурмакина Г.А. История использования и охраны рек в процессе индустриального развития Восточной Сибири в советский период // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81).
6. Нечипорук Д.М. Послевоенное великое ускорение: индустриальное освоение Сибири и восприятие проблемы загрязнения водных ресурсов в 1950–1970-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 67. С. 26–32. doi: 10.17223/19988613/67/4
7. Красовитова Э.С. Экологические проблемы использования водных ресурсов Северо-Западной Сибири в 1960–1980-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63).
8. Комгорт М.В., Колева Г.Ю. Проблема повышения уровня индустриального развития Западной Сибири и проект строительства Нижнеобской ГЭС // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 85–90.
9. Некрасов В.Л., Стафеев О.Н. Проект Нижне-Обской ГЭС (1958–1963 гг.): лоббирование, создание коалиции интересов, оппортунизм // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 4.
10. Мостовенко М.С., Стафеев О.Н. Природные ресурсы в индустриальном контексте: проект Нижне-Обской ГЭС и лесная промышленность Севера Западной Сибири, экспертные сообщества и экологические риски // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57).
11. Хромов Е.А. Экологический аспект гидроэнергетического варианта хозяйственного освоения Севера Западной Сибири в конце 1950-х – первой половине 1960-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (57).
12. Гололобов Е.И. Государственная политика по освоению рыбных ресурсов Тюменской области в 1945–1975 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 6 (81). С. 82–91.
13. Гололобов Е.И. Пространство воды как ресурс и как угроза в истории освоения Севера Западной Сибири в XX веке // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6 (75). С. 79–92.
14. Мостовенко М.С. Проблемы развития рыбной промышленности на севере Западной Сибири в послевоенный период, 1945–1950-е гг. (на примере Ханты-Мансийского национального округа) // Вестник Томского государственного университета. История. 2022. № 78. С. 38–45. doi: 10.17223/19988613/78/6
15. Государственный архив Новосибирской области. Ф. Р-2083. Верхне-Обское бассейновое управление по регулированию, использованию и охране вод. Оп. 1. Д. 24.
16. Государственный архив Алтайского края. Ф. Р-1252. Алтайская краевая организация Всероссийское общество охраны природы. Оп.1. Д. 1.
17. Государственный архив Томской области (ГАТО). ГАТО. Ф.Р-829. Облисполком Совета народных депутатов Томской области. Оп. 1. Д. 651.
18. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Р.790. Кемеровский облисполком. Оп. 2. Д. 184.
19. Шмыглева А.В. Экологические проблемы индустриального Кузбасса: исторический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 162–169.
20. Шмыглева А.В. Антропогенное воздействие как фактор деградации экосистем Западной Сибири в советский период // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (51). С. 48–54.
21. Alaerts G.J. Institutions for River Basin Management: The Role of External Support Agencies (International Donors) in Developing Cooperative Arrangements. Paper presented at the 4th River Basin Management Workshop. World Bank Institute. Washington D.C. April 2000. 19 p.
22. Садофф К., Грейбер Т., Смит М., Бергкамп Г. Вместе – Управление трансграничными водами. 2011. Гланд, Швейцария: IUCN. URL: http://www.cawater-info.net/library/rus/share_rus.pdf (дата обращения: 20.08.2023).
23. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 436. Оп. 2. Д. 965.
24. РГАЭ. Ф. 436. Оп. 2. Д. 4976.
25. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : в 5 т. Сборник документов за 50 лет. Т. 4: 1953–1961 гг. М. : Политиздат, 1968.
26. Постановление Совета Министров РСФСР от 3 июля 1961 г. № 856 «Вопросы государственного комитета Совета Министров РСФСР по водному хозяйству» // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=22049&dst=100001#5nzOksTVtW1UdSdA> (дата обращения: 12.09.2023).
27. Водный кодекс РСФСР от 30 июня 1972 г. // СПС «Консультант Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3218/ (дата обращения: 12.09.2023).
28. Положение о бассейновом (территориальном) управлении по регулированию использования и охране вод Министерства мелиорации и водного хозяйства РСФСР. Утверждено Министерством мелиорации и водного хозяйства РСФСР 24 мая 1974 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9013565> (дата обращения: 12.09.2023).
29. Пряжинская В.Г., Левит-Гуревич Л.К., Хранович И.Л., Ярошевский Д.М. Проблемы при составлении схем комплексного использования и охраны водных объектов // Водное хозяйство России. 2010. № 6. С. 4–18.
30. Беляев С.Д. Первоочередные меры по совершенствованию нормативной и методической базы разработки схем комплексного использования и охраны водных объектов // Водное хозяйство России: проблемы, технологии, управление. 2014. № 5. С. 29–40.
31. Шицкова А.П., Акулов К.И., Гурвич Л.С., Новиков Ю.В., Савелова В.А., Плитман С.И. Схемы комплексного использования и охраны водных ресурсов как форма государственной регламентации санитарных условий водопользования населения на перспективу // Гигиена и санитария. 1977. № 7. С. 36–40.
32. Заседание комитета по Верхней Оби // Кузбасс. 22 июля 1977 г.
33. Проблемам бассейна Алей – комплексное решение : тез. докл. к науч. конф. «О мерах по охране и рациональному использованию бассейна р. Алей» (г. Рубцовск, декабрь 1976 г.). Барнаул, 1976.
34. Севостьянов К. Преображенная река // Коммунистический призыв. 1973. 13 октября.
35. Булатов В.И., Винокуров Ю.И., Гросс В.Л. и др. Географический анализ и синтез в создании и реализации схем природопользования // Роль географии в ускорении научно-технического прогресса : тез. докл. Иркутск, 1986. С. 97–99.
36. Комментарий к Водному кодексу Российской Федерации. М. : Юридический Дом Юстицинформ, 1997. 336 с.
37. Бавский С.П. О создании программы по восстановлению и охране водных ресурсов в бассейне реки Оби. URL: <https://ecodelo.org> (дата обращения: 23.07.2023).
38. Михеев Н.Н., Крузе Ф., Шварцев С.Л., Зеленский Г.И. Российско-Французское сотрудничество в области управления водными ресурсами (на примере бассейна Томи Россия) // Материалы Международного конгресса «Вода: экол. и технol.» (Москва, 6–9 сент. 1994.). М., 1994. С. 228–236.
39. Временное положение о Бассейновом Комитете р. Томь: Утверждено Комитетом Российской Федерации по водному хозяйству 21 ноября 1994.
40. Винокуров Ю.И., Жерелина И.В., Краснаярова Б.А. Подходы к формированию стратегии устойчивого водопользования в бассейне р. Оби // Ползуновский вестник. 2004. № 2. С. 4–13.
41. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Приложение к указу Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440 «О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию».

42. Управление водными ресурсами в бассейне р. Ангара // Проблемы управления качеством воды в бассейне р. Ангара : матер. науч.-метод. семинара. М., 2000. 188 с.
43. О федеральной целевой программе «Оздоровление экологической обстановки на реке Волге и ее притоках, восстановление и предотвращение деградации природных комплексов Волжского бассейна на период до 2010 года» (программа «Возрождение Волги»): Постановление Правительства РФ от 24.04.1998. № 414 // Собрание законодательства РФ. 1998. № 18. Ст. 2051.
44. Пурдик Л.Н., Жерелина И.В. Ландшафтно-экологический анализ гидромелиоративного освоения бассейна р. Бурла // VII научное совещание по прикладной географии : тез. докл. Иркутск, 2001. С. 57–59.
45. Временное положение о бассейновом совете по р. Бурла (утв. начальником Верхне-Обского ББУ 2000). URL: <https://dereksiz.org/utverjden-o.html> (дата обращения: 16.05.2023).
46. Винокуров Ю.И., Жерелина И.В., Красноярова Б.А. Принципы управления устойчивым водопользованием в бассейне реки Оби // Фундаментальные проблемы воды и водных ресурсов на рубеже третьего тысячелетия : матер. Междунар. науч. конф. Томск, 2000. С. 608–614.

References

1. Burdin, E.A. (2012) *Razrabotka i prakticheskaya realizatsiya planov sovetskogo rukovodstva v sfere gidrostritel'stva v 1930–1980-e gg. (na primere Volzhskogo kaskada gidrouzlov)* [Development and practical implementation of plans of the Soviet leadership in the field of hydraulic construction in the 1930–1980s. (on the example of the Volga cascade of waterworks)]. History Dr. Diss. Ulyanovsk.
2. Makeeva, E.D. (2020) *Vzaimootnosheniya vlasti i obshchestva v Rossii v sfere okhrany prirody v 1917–1991 gg. (na materialakh Srednego i Nizhnego Povolzh'ya: istoricheskiy aspekt)* [The relationship between government and society in Russia in the field of nature conservation in 1917–1991 (on materials of the Middle and Lower Volga region: historical aspect)]. History Dr. Diss. Samara.
3. Tsintsadze, N.S. (2021) *Istoriya gosudarstvennoy politiki vodopol'zovaniya v Rossii kontsa XIX – pervoy treti XX v.* [History of state water use policy in Russia at the end of the 19th – first third of the 20th centuries]. *Vestnik SurGPU*. 6. pp. 20–35.
4. Gaydin, S.T. & Burmakina, G.A. (2022) *Osvoenie vodnykh putey severnoy chasti basseyna Eniseya v XVII – nachale XX veka* [Development of waterways in the northern part of the Yenisei basin in the 17th – early 20th centuries]. *Istoricheskiy kur'er*. 3 (23).
5. Gaydin, S.T. & Burmakina, G.A. (2022) *Istoriya ispol'zovaniya i okhrany rek v protsesse industrial'nogo razvitiya Vostochnoy Sibiri v sovetskiy period* [History of the use and protection of rivers in the process of industrial development of Eastern Siberia during the Soviet period]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (81). pp. 25–36.
6. Nechiporuk, D.M. (2020) The postwar “Great acceleration”: an industrial development of Siberia and perception of the problem of water pollution in the 1950–1970s. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 67. pp. 26–32. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/67/4
7. Krasovitova, E.S. (2019) *Ekologicheskie problemy ispol'zovaniya vodnykh resursov Severo-Zapadnoy Sibiri v 1960–1980-kh gg.* [Environmental problems of using water resources in North-West Siberia in the 1960–1980s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (63). pp. 20–28.
8. Komgort, M.V. & Koleva, G.Yu. (2008) *Problema povysheniya urovnya industrial'nogo razvitiya Zapadnoy Sibiri i projekt stroitel'stva Nizhneobskoy GES* [The problem of increasing the level of industrial development of Western Siberia and the construction project of the Nizhneobskaya hydroelectric station]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 308. pp. 85–90.
9. Nekrasov, V.L. & Stafeyev, O.N. (2012) *Proekt Nizhne-Obskoy GES (1958–1963 gg.): lobbyirovanie, sozdanie koalitsii interesov, opportunizm* [Nizhne-Obskaya HPP project (1958–1963): lobbying, creation of a coalition of interests, opportunism]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4. pp. 175–181.
10. Mostovenko, M.S. & Stafeyev, O.N. (2018) *Prirodnye resursy v industrial'nom kontekste: projekt Nizhne-Obskoy GES i lesnaya promyshlennost' Severa Zapadnoy Sibiri, ekspertnye soobshchestva i ekologicheskie riski* [Natural resources in an industrial context: the Nizhne-Ob hydroelectric power station project and the forest industry of the North of Western Siberia, expert communities and environmental risks]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (57). pp. 155–165.
11. Khromov, E.A. (2018) *Ekologicheskiy aspekt gidroenergeticheskogo varianta khozyaystvennogo osvoeniya Severa Zapadnoy Sibiri v kontse 1950-kh – pervoy polovine 1960-kh gg.* [The environmental aspect of the hydropower option for the economic development of the North of Western Siberia in the late 1950s – the first half of the 1960s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (57). pp. 166–178.
12. Gololobov, E.I. (2022) *Gosudarstvennaya politika po osvoeniyu rybnnykh resursov Tyumenskoy oblasti v 1945–1975 gg.* [State policy for the development of fish resources of the Tyumen region in 1945–1975]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (81). pp. 82–91.
13. Gololobov, E.I. (2021) *Prostranstvo vody kak resurs i kak ugroza v istorii osvoeniya Severa Zapadnoy Sibiri v XX veke* [The space of water as a resource and as a threat in the history of the development of the North of Western Siberia in the 20th century]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (75). pp. 79–92.
14. Mostovenko, M.S. (2022) *Problemy of the development of the fishing industry in the North of Western Siberia in the post-war period 1945–1950s (Using the example of the Khanty-Mansi National District)*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 78. pp. 38–45. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/78/6
15. State Archives of Novosibirsk Region (GANO). Fund R-2083. *Verkhne-Obskoe basseynovoe upravlenie po regulirovaniyu, ispol'zovaniyu i okhrane vod* [Upper Ob Basin Department for regulation, use and protection of water]. List 1. File 24.
16. State Archives of Altai Krai (GAAK). Fund R-1252. *Altayskaya kraevaya organizatsiya Vserossiyskoe obshchestvo okhrany prirody* [Altai regional organization All-Russian Society for Nature Conservation]. List 1. File 1.
17. State Archive of Tomsk Oblast (GATO). Fund R-829. *Oblispolkom Soveta narodnykh deputatov Tomskoy oblasti* [Regional Executive Committee of the Council of People's Deputies of Tomsk Oblast]. List 1. File 651. (In Russian).
18. State Archive of Kemerovo Oblast (GAKO). Fund R.790. *Kemerovskiy oblispolkom* [Kemerovo Regional Executive Committee]. List 2. File 184.
19. Shmygleva, A.V. (2015) *Ecological problems of industrial Kuzbass: a historical aspect*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 400. pp. 162–169. (In Russian).
20. Shmygleva, A.V. (2017) *Antropogennoe vozdeystvie kak faktor degradatsii ekosistem Zapadnoy Sibiri v sovetskiy period* [Anthropogenic impact as a factor in the degradation of ecosystems in Western Siberia during the Soviet period]. *Vestnik Surgutskogo pedagogicheskogo universiteta*. 6 (51). pp. 48–54.
21. Alaerts, G.J. (2000) *Institutions for River Basin Management: The Role of External Support Agencies (International Donors) in Developing Cooperative Arrangements*. Paper presented at the 4th River Basin Management Workshop. Washington D.C.: World Bank Institute.
22. Sadoff, K. et al. (2011) *Vmeste – Upravlenie transgraničnymi vodami* [Together – Managing transboundary waters]. Gland, Switzerland: IUCN. [Online] Available from: http://www.cawater-info.net/library/rus/share_rus.pdf. (Accessed: 20.08.2023).
23. *Russian State Archive of the Economy (RGAE)*. Fund 436. List 2. File 965. (In Russian).
24. *Russian State Archive of the Economy (RGAE)*. Fund 436. List 2. File 4976. (In Russian).
25. Chernenko, K.U. & Smirnyukov, M.S. (eds) (1968) *Resheniya partii i pravitel'stva po khozyaystvennym voprosam* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues]. Vol. 4. Moscow: Politizdat.
26. Consultant Plus. (1961) *Issues of the State Committee of the Council of Ministers of the RSFSR on Water Management. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR No. 856 of July 3, 1961*. [Online] Available from: <https://www.consultant.ru/cons/CGI/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=22049&dst=1000015nzOksTVtW1UdSdA>. (Accessed: 12.09.2023). (In Russian).

27. Consultant Plus. (1972) *Water Code of the RSFSR of June 30, 1972*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3218/. (Accessed: 12.09.2023). (In Russian).
28. Elektronnyy fond pravovykh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov [Electronic Fund of Legal, Regulatory and Technical Documents]. (1974) *Polozhenie o basseynovom (territorial'nom) upravlenii po regulirovaniyu ispol'zovaniya i okhrane vod Ministerstva melioratsii i vodnogo khozyaystva RSFSR. Utverzhdeno Ministerstvom melioratsii i vodnogo khozyaystva RSFSR 24 maya 1974 g.* [Regulations on the basin (territorial) management for regulating the use and protection of waters of the Ministry of Land Reclamation and Water Management of the RSFSR. Approved by the Ministry of Land Reclamation and Water Management of the RSFSR on May 24, 1974]. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/9013565>. (Accessed: 12.09.2023).
29. Pryazhinskaya, V.G. et al. (2010) Problemy pri sostavlenii skhem kompleksnogo ispol'zovaniya i okhrany vodnykh ob'ektov [Problems in drawing up schemes for the integrated use and protection of water bodies]. *Vodnoe khozyaystvo Rossii*. 6. pp. 4–18.
30. Belyaev, S.D. (2014) Pervoocherednye меры по совершенствованию нормативной и методической базы разработки схем комплексного ispol'zovaniya i okhrany vodnykh ob'ektov [Priority measures to improve the regulatory and methodological base for the development of schemes for the integrated use and protection of water bodies]. *Vodnoe khozyaystvo Rossii: problemy, tekhnologii, upravlenie*. 5. pp. 29–40.
31. Shitskova, A.P. et al. (1977) Skhemy kompleksnogo ispol'zovaniya i okhrany vodnykh resursov kak forma gosudarstvennoy reglamentatsii sanitarnykh usloviy vodopol'zovaniya naseleniya na perspektivu [Schemes for the integrated use and protection of water resources as a form of state regulation of sanitary conditions for water use of the population in the future] *Gigiena i sanitariya*. 7. pp. 36–40.
32. Kuzbass. (1977) Zasedanie komiteta po Verkhney Obi [Meeting of the Committee on the Upper Ob]. *Kuzbass*. 22 June.
33. Maloletko, A.M. (ed.) (1976) *Problemy basseyna Aleya – kompleksnoe reshenie* [A Comprehensive Solution to Problems of the Alei basin]. Abstracts of the Conference O merakh po okhrane i ratsional'nomu ispol'zovaniyu basseyna r. Alei [On Measures for the Protection and Rational Use of the Alei River Basin]. Rubtsovsk. December 1976. Barnaul: [s.n.].
34. Sevost'yanov, K. (1973) Preobrazhennaya reka [Transformed River]. *Kommunisticheskii prizyv*. 13 October.
35. Bulatov, V.I. et al. (1986) Geograficheskii analiz i sintez v sozdanii i realizatsii skhem prirodopol'zovaniya [Geographical analysis and synthesis in the creation and implementation of environmental management schemes]. In: *Rol' geografii v uskorenii nauchno-tekhnicheskogo progressa* [The Role of Geography in Accelerating Scientific and Technological Progress]. Irkutsk: [s.n.]. pp. 97–99.
36. Bogolyubov, S.A. (ed.) (1997) *Kommentarii k Vodnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Water Code of the Russian Federation]. Moscow: Yuridicheskii Dom Yustitsinform.
37. Bavskiy, S.P. (n.d.) O sozdanii programmy po vosstanovleniyu i okhrane vodnykh resursov v basseyne reki Obi [On the creation of a program for the restoration and protection of water resources in the Ob River basin]. [Online] Available from: <https://ecodelo.org>. (Accessed: 23.07.2023).
38. Mikhhev, N.N. et al. (1994) [Russian-French cooperation in the field of water resources management (on the example of the Russian Tom basin)]. *Voda: tekhnologiya i ekologiya* [Water: Technology and Ecology]. Proceedings of the International Congress. Moscow. 6–9 September 1994. Moscow: [s.n.]. pp. 228–236. (In Russian).
39. Komitet Rossiyskoy Federatsii po vodnomu khozyaystvu [Committee on Water Management of the Russian Federation]. (1994) *Vremennoe polozhenie o Basseynovom Komitete r. Tom': Utverzhdeno Komitetom Rossiyskoy Federatsii po vodnomu khozyaystvu 21 noyabrya 1994* [Temporary regulations on the Basin Committee of the river Tom: Approved by the Committee on Water Management of the Russian Federation on November 21, 1994]. Moscow: [s.n.].
40. Vinokurov, Yu.I., Zherelina, I.V. & Krasnoyarskaya, B.A. (2004) Podkhody k formirovaniyu strategii ustoychivogo vodopol'zovaniya v basseyne r. Obi [Approaches to the formation of a strategy for sustainable water use in the river Ob basin]. *Polzunovskiy vestnik*. 2. pp. 4–13.
41. Russian Federation. (1996) *Kontseptsiya perekhoda Rossiyskoy Federatsii k ustoychivomu razvitiyu. Prilozhenie k ukazu Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 1 aprelya 1996 g. № 440 "O kontseptsii perekhoda Rossiyskoy Federatsii k ustoychivomu razvitiyu"* [On the Concept of the Russian Federation's Transition to Sustainable Development. Concept of the transition of the Russian Federation to sustainable development. Appendix to the Decree of the President of the Russian Federation No. 440 of April 1, 1996]. Moscow: [s.n.].
42. Upravlenie vodnymi resursami v basseyne r. Angary [Water Resources Management in the Angara River Basin]. (2000) *Problemy upravleniya kachestvom vody v basseyne r. Angary* [Problems of Water Quality Management in the Angara River Basin]. Proceedings of the Seminar. Irkutsk. 12–13 October 1999. Moscow: Moskovskiy obshchestvennyy nauchnyy fond.
43. Sobranie zakonodatel'stva RF. (1998) O federal'noy tselevoy programme "Ozдорovlenie ekologicheskoy obstanovki na reke Volge i ee pritokakh, vosstanovlenie i predotvrashchenie degradatsii prirodnikh kompleksov Volzhskogo basseyna na period do 2010 goda" (programma "Vozrozhdenie Volgi"): Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.04.1998. № 414 [On the federal target program Improving the Environmental Situation on the Volga River and Its Tributaries, Restoring and Preventing the Degradation of Natural Complexes of the Volga Basin for the Period until 2010 (the Volga Revival program. Decree of the Government of the Russian Federation No. 414 of April 24, 1998)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 18. Art. 2051.
44. Purdik, L.N. & Zherelina, I.V. (2001) [Landscape-ecological analysis of hydro-reclamation development of the Burla river basin]. *Abstracts of the 7th Meeting on Geography*. Irkutsk. 22–23 May 2001. Irkutsk: Institute of Geography SB RAS. pp. 57–59. (In Russian).
45. Verkhne-Obsskoe Basseynovoe Vodnoe Upravlenie [Upper-Ob Basin Water Administration]. (2000) *Vremennoe polozhenie o basseynovom sovete po r. Burla (utv. nachal'nikom Verkhne-Obsskogo BVU 2000)* [Temporary regulations on the river Burla basin council (approved by the head of the Upper-Ob Basin Water Administration 2000)]. [Online] Available from: <https://dereksiz.org/utverjden-o.html>. (Accessed: 16.05.2023).
46. Vinokurov, Yu.I., Zherelina, I.V. & Krasnoyarskaya, B.A. (2000) [Principles of sustainable water use management in the Ob River basin]. *Fundamental'nye problemy vody i vodnykh resursov na rubezhe tret'ego tysyacheletiya* [Fundamental Problems of Water and Water Resources at the Turn of the Third Millennium]. Proceedings of the International Conference. Tomsk. 3–7 September 2000. Tomsk: Izd-vo NTL. pp. 608–614. (In Russian).

Информация об авторе:

Шмыглёва А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры региональной экономики и менеджмента Западного филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Калининград, Россия). E-mail: alisa-umka@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Shmygleva, Cand. Sci. (History), associate professor, Western Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: alisa-umka@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.10.2023;
одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.

The article was submitted 17.10.2023;
approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.97, 343.98
doi: 10.17223/15617793/496/21

Актуальные вопросы распространения и профилактики современных форм насилия в молодежной среде стран Балтийского региона

Михаил Владимирович Авакьян¹, Татьяна Станиславовна Волчецкая²,
Екатерина Васильевна Осипова³

^{1, 2, 3} Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

¹ avakyan1992@gmail.com

² larty777@gmail.com

³ EVOsipova@kantiana.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнительного анализа современных форм девиантного поведения в образовательных учреждениях стран Балтийского региона. Проведено сопоставление статистических данных молодежной преступности в образовательной среде, результатов анонимного анкетирования преподавателей образовательных учреждений Калининградской области, сформулированы научно-обоснованные рекомендации, направленные на организацию системы первичной профилактики насилия в образовательной среде.

Ключевые слова: криминальная активность в странах Балтийского региона, насилие в молодежной среде, девиантное поведение, скулшутинг, буллинг, суицидальные сообщества, профилактика насилия, зарубежная криминалистика

Для цитирования: Авакьян М.В., Волчецкая Т.С., Осипова Е.В. Актуальные вопросы распространения и профилактики современных форм насилия в молодежной среде стран Балтийского региона // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 191–200. doi: 10.17223/15617793/496/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/21

Current issues of the spread and prevention of modern forms of violence among the youth in the Baltic region countries

Michael V. Avakian¹, Tatyana S. Volchetskaya², Ekaterina V. Osipova³

^{1, 2, 3} Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russian Federation

¹ avakyan1992@gmail.com

² larty777@gmail.com

³ EVOsipova@kantiana.ru

Abstract. The article presents the results of a comprehensive transnational analysis of modern forms of deviant criminal behavior in educational institutions of the Baltic region countries. The territorial scope of the study is predetermined by the historical and cultural community of the countries of the Baltic region and is determined by the degree of prevalence of forms of violence among the youth of a particular state. An analysis of domestic and foreign scientific literature shows that the phenomenon of violence among youth has been studied to one degree or another in relation to individual states of the selected region, but no comparative analysis has been carried out. The need to study the trends and characteristics of the spread of modern forms of violence in the educational environment among young people and to develop effective measures for their prevention is due to a qualitative change in the structure of destructive behavior, its transfer into the Internet, while today's young people will in the near future form the basis of the adult population, which will determine the vector of political and economic development of their countries. This study aims to identify characteristic modern forms of violence among the youth, compare their regional manifestations using the example of the countries of the Baltic region, and develop a set of measures to suppress and prevent them. During the study, statistical data on youth crime in the educational environment were compared; the results of an anonymous survey of teachers of educational institutions in the Kaliningrad region were based on the study and generalization of the findings of previous studies; scientifically grounded recommendations were formulated aimed at organizing a system of primary prevention of violence in the educational environment. The spread of such forms of violence as bullying and cyberbullying, school shooting, the organization of suicidal communities in cyberspace, and inducing of minors to suicide was revealed. The analysis of the factual material shows that these forms of violence are disproportionately widespread in the countries of the Baltic region. The conclusion is justified that the spread of violence in the educational environment leads to an increase in the level of criminalization of youth, which ultimately may be one of the factors threatening the national security of the countries of the Baltic region. Despite the specifics of each national state of the region, it is

advisable to build an effective system for the prevention of deviant behavior of young people in educational institutions on the basis of common, basic principles: respect for natural rights and freedoms of an individual, transparency and equality in international cooperation, integration of teaching and administrative staff of educational institutions into educational activities.

Keywords: criminal activity, youth violence, deviant behavior, school shooting, bullying, suicidal communities, violence prevention, foreign criminology, Baltic region

For citation: Avakian, M.V., Volchetskaya, T.S. & Osipova, E.V. (2023) Current issues of the spread and prevention of modern forms of violence among the youth in the Baltic region countries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 191–200. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/21

Криминализация подрастающего поколения, обусловленная совокупностью социальных, экономических, политических и культурологических факторов, представляет угрозу безопасности любого государства.

По данным Управления ООН по наркотикам и преступности, ежегодно жертвами убийств на протяжении последних десяти лет становятся порядка 420 000 человек, что позволяет определить средневзвешенный индекс убийств как шесть случаев насильственного лишения жизни на 100 000 населения [1].

Несомненно, с точки зрения географии преступность распространяется неоднородно и общеевропейский индекс насильственной смертности равен 3 (количество случаев на 100 000 человек). Более того, применительно к большей части стран Балтийского региона индекс еще меньше и в среднем, опираясь на открытые источники, составляет 1,5 [2].

Следует отметить что схожая корреляция криминогенных показателей между общемировыми и европейскими показателями свойственна и для других категорий корыстно-насильственных преступлений.

Однако, несмотря на относительно низкий уровень криминальной активности в странах Балтийского региона, особую озабоченность вызывает увеличение доли преступлений, совершаемых молодыми людьми. Так, средневзвешенная доля криминальной активности несовершеннолетних в странах Балтийского региона составляет 9% от общего числа преступлений [2].

Схожим образом «омоложение» преступности фиксируется и в той части Российской Федерации, которая непосредственно относится к Балтийскому региону. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, на протяжении последних пяти лет около 20% от всех преступлений, зарегистрированных в Калининградской области, совершались молодыми людьми в возрасте от 14 до 24 лет. Так, в 2021 г. этот показатель составлял 17,71% от всех преступлений, совершенных в регионе, в 2020 г. – 18,61%, в 2019 г. – 17,32%, а в 2018 г. – 21% [3]. Исследователями, проводившими анализ количественных показателей преступности в 166 странах за период с 2006 по 2019 г., выявлена положительная корреляция между изменениями в процентной доле молодежи и тенденциями воровства, насилия и этих преступлений вместе взятых. В странах, где растет доля маргинализованной молодежи, участились различные виды преступности [4].

В связи с этим возникла необходимость исследования тенденций и особенностей распространения современных форм насилия в образовательной среде среди молодежи, поскольку она в скором будущем составит костяк взрослого населения, который будет определять

вектор политического и экономического развития своих стран.

Целью настоящего исследования является выявление характерных современных форм насилия в молодежной среде и анализ их региональных проявлений на примере стран Балтийского региона, а также разработка комплекса мер по их пресечению и профилактике.

Следует отметить, что методика исследования основана на современных подходах к исследованию регионального распространения и специфики проявления криминальной деятельности, связанной с насилием. На основе системно-структурного подхода строились классификационные схемы структуры насилия молодежи в образовательной среде, с применением прогнозирования и ситуационного моделирования криминального поведения построены прогнозы его распространения. Также в рамках исследования применялись статистические и конкретно-социологические методы при сборе и анализе эмпирического материала. Так, в результате проведенного в марте 2021 г. онлайн-анкетирования с использованием инструментов Google были получены и проанализированы анкеты от 1 649 учащихся школ в возрасте 14–18 лет и 323 анкеты от учителей, завучей по воспитательной работе, школьных психологов, причем доля учителей со стажем работы более 8 лет составила 73%. Кроме того, в исследовании приводятся результаты проведенного в ноябре 2021 – феврале 2022 г. социологического опроса о состоянии идеологии терроризма и экстремизма в Калининградской области и тенденциях ее развития, участие в котором приняли 602 респондента в возрасте от 18 до 35 лет, из них 267 (44,4%) мужчин и 335 (55,6%) женщин. Метод сравнительного правоведения использовался при анализе статистических и эмпирических данных, полученных учеными Финляндии, Литвы, Латвии и других государств Балтийского региона, исследовавших отдельные виды насилия среди молодежи указанных стран, а также данных, опубликованных на официальных сайтах организаций ЕС.

Анализ научной литературы позволил констатировать, что интерес ученых к проблеме распространения насилия в молодежной среде растет с каждым годом: если в 2009 г. свободный поиск в Google выводил на этот запрос 15 000 ссылок [5], то в сентябре 2023 г. – уже более 15 млн ссылок.

Актуальность проблемы подчеркивает и ее междисциплинарный характер: сущностные основы молодежного насилия неоднократно становились предметом научного интереса социологов (О.В. Башкатов, И.В. Смагина, Л. Биддл, Б. Марс) и философов (Ю.В. Баранчик, М. Перхоло, М. Сисаск), юристов

(Д.Г. Давыдов, А.Л. Осипенко, И.Н. Мосечкин, Д. Пэтчин) [6–8].

Практически во всех предшествующих научных трудах анализу подвергалась одна форма девиантного поведения, а география исследования не выходила за рамки двух суверенных государств. Представляется целесообразным исследовать вопросы распространения насилия среди молодежи стран Балтийского региона, которые, несмотря на языковое многообразие, объединяет территориальная близость и высокий уровень межкультурной коммуникации. Так, например, молодые люди из Калининградской области регулярно посещали приграничные регионы Польши и Литвы, в рамках программ сотрудничества обучались по обмену в университетах Германии, Норвегии, Дании, Финляндии и других, что обуславливает формирование единой информационной повестки, общности интересов и культурных ценностей.

Среди общих форм насилия традиционно принято выделять физическое, моральное психическое, эмоциональное сексуальное и экономическое насилие [9, 10].

Проведенное нами анонимное анкетирование 1 649 учащихся и 323 преподавателей общеобразовательных школ Калининградской области позволило дополнить указанную классификацию современными формами насилия. Так, по мнению опрошенных педагогов, наиболее актуальную угрозу на сегодняшний день представляют такие виды насилия, как: кибербуллинг (57,3%) и буллинг (56,4%), физическое насилие (45,7%), психическое насилие (44,8%), в том числе психическое насилие посредством вовлечения в различного рода группы и организации, а также склонение несовершеннолетних к суициду (38,3%), скулшутинг (16,9%).

Помимо этого, 61% респондентов-учителей отметили учащение случаев проявления физического насилия за последние десять лет. Случаи психологического насилия значительно участились за тот же период, по мнению, 68% опрошенных.

Между тем результаты анализа заполненных учителями анкет показали, что они имеют весьма размытое представление о сущности и содержании различных форм молодежного насилия. Так, 19,2% опрошенных преподавателей не знакомы с понятием «кибербуллинг», в отношении термина «скулшутинг» показатели еще более тревожные – 47% респондентов впервые узнали о криминальном феномене «скулшутинг» при прохождении анкетирования.

Анкетирование учащихся применительно к конкретным формам насилия, распространенным среди молодежи, позволило получить следующие результаты. Наибольшее распространение в молодежной среде, по мнению респондентов, имеют случаи буллинга (68%), кибербуллинга (56%), различные проявления физического насилия (49,5%). Также к актуальным формам насилия 40% опрошенных респондентов отнесли «учащающиеся случаи скулшутинга», а 22% учащихся указали, что сталкивались с пропагандой идеологии терроризма и распространением экстремистских материалов в сети Интернет.

Непосредственными свидетелями буллинга являлись 63% учащихся. Примечательным является фактор терпимости по отношению к буллингу среди учащихся. Так, 20% опрошенных подчеркнули, что никому не сообщили бы о регулярных издевательствах в отношении своего одноклассника со стороны других учащихся.

На регулярной основе с различными формами физического насилия сталкиваются 34% респондентов среди учащихся. При этом более половины опрошенных учащихся (53%) считают, что на любое агрессивное поведение в их адрес следует отвечать аналогичным способом. И наряду с этим 22% респондентов среди учащихся указали, что не чувствуют себя в безопасности, находясь в школе.

С учетом полученных результатов по степени общественной опасности можно выделить следующие современные формы насилия: буллинг; кибербуллинг; физическое насилие (умышленное причинение вреда здоровью); склонение несовершеннолетних к суициду; скулшутинг (массовые расстрелы в образовательных учреждениях); молодежный экстремизм, связанный с насильственными действиями, или перетекающий в них.

Характеризуя в целом данные формы проявления насилия в молодежной среде, отметим, что *вовлечение молодежи в экстремистскую и (или) террористическую деятельность* осуществляется преимущественно с использованием различных ресурсов сети Интернет [11. С. 777].

В силу высокой степени информатизации и глобализации современного общества экстремизм значительно трансформировался, утратив свою миграционную направленность. Культивация экстремистских идей уже не зависит от пересечения национальных границ, наличия определенной этнической принадлежности, приверженности к определенной религиозной конфессии. Экстремистов (террористов) проще воспитывать, нежели экспортировать [12].

Между тем высокую угрозу представляют неонацистские группировки и сообщества. На фоне миграционных и экономических проблем идеологи экстремистских сообществ получают дополнительную возможность для популистской пропаганды собственных проектов. Причем праворадикалы иногда представляют для общества и государства даже большую угрозу, нежели религиозные фундаменталисты террористической направленности. Они могут охватить большие массы обывателей, не требуют исполнения каких-либо религиозных предписаний, их риторика кажется привлекательной для части молодежи (немедленное выдворение мигрантов, сильное националистическое государство, идеи культурного превосходства и пр.). Кроме того, вербовка молодежи в экстремистские организации может осуществляться опосредованно, через сообщества футбольных фанатов, в спортивных секциях, в учебных заведениях, с использованием всех доступных современных способов (интернет, музыка, игры, благотворительность, политические и общественные движения и пр.).

Скулшутинг, или массовые расстрелы, в образовательных учреждениях представляет собой общее обо-

значение случаев насилия в образовательных учреждениях, когда учащийся совершает действия, направленные на причинение смерти или тяжкого вреда здоровью учащимся, преподавателям или персоналу образовательной организации.

По состоянию на 2023 г. в России было совершено 15 нападений, которые можно охарактеризовать как скулшутинг [13. С. 130–131]. В ряде стран Балтийского региона (Германия, Польша, Дания) имели место разовые случаи скулшутинга [14].

Побуждение к совершению суицида является опасной формой девиантного поведения в молодежной среде, также непосредственно сопряженной с развитием информационно-телекоммуникационных сетей [15, 16].

Факторами, предопределяющими суицидальное поведение подростков, могут быть: конфликты, агрессивные настроения в социуме, а также воздействие виртуальных сообществ, поскольку содержащиеся в них суицидальные призывы, деструктивные материалы, направлены на дискредитацию общечеловеческих ценностей, депрессивный контент, пропаганду субкультур, побуждающих подростков к совершению суицида [17. С. 5].

Дополнительным фактором, детерминирующим распространение преступлений данной направленности, является широкая доступность информации о способах совершения суицида, которую отмечают ученые разных стран [18–20].

Буллинг как форма молодежного насилия предполагает систематическую и целенаправленную травлю определенной группой молодых людей одного из своих сверстников, который не смог по различным причинам социализироваться [21].

При этом многочисленные исследования показывают неизменчивость акторов, участвующих в буллинге [22]. Так, например, опрос пяти тысяч студентов из Финляндии показал, что 51% лиц, которые издевались над своими однокурсниками во время обучения в высших учебных заведениях, также издевались над своими одноклассниками в предшествующие школьные годы, а 47% из тех, кто подвергался преследованиям во время обучения в высших образовательных учреждениях, ранее были жертвами издевательств в школе [23]. Полученные результаты в полной мере согласуются с разработанной М. Перхоло теорией интеграции равноправного сообщества («The peer community integration theory»), согласно положениям которой уровень интеграции человека в референтной среде в детстве и подростковом возрасте отражается в дальнейшем в их способности интегрироваться в другие сообщества сверстников [24. С. 41].

Особенности проявления кибербуллинга как формы девиантного поведения состоят в том, подростки используют инструментарий социальных сетей, позволяющий анонимно унижать, высмеивать, притеснять, пугать сверстников, а также распространять сплетни и информацию, не соответствующую действительности, с целью нанесения вреда репутации жертвы буллинга [25; 26. С. 277].

Как справедливо отмечает эстонские ученые, кибербуллингу следует уделять больше внимания, поскольку жертвы киберпреступлений имеют самый низкий уровень психического благополучия [27]. Данное обстоятельство может в том числе обуславливать возможное совершение жертвой кибербуллинга насильственных преступлений из чувства мести или совершения суицида.

Последствия перенесенного в школьные годы буллинга отражаются на последующей жизнедеятельности человека (развивают чувства одиночества и фрустрации у индивидуума, препятствуют установлению ординарной межличностной коммуникации) [24. С. 41]. Вне зависимости от формы реализации систематический буллинг обуславливает общую криминализацию молодежной среды и может привести к совершению несовершеннолетними преступлений (побои, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, убийство и иное).

В силу определенной социально-экономической общности, не отменяющей при этом политических, культурных, национальных и административных особенностей каждого государства, география настоящего исследования всецело сосредоточена вокруг стран Балтийского региона. Применительно к поставленным в рамках настоящего исследования целям и задачам Балтийский регион следует рассматривать в узком понимании, как территории, находящиеся непосредственно на морском побережье и вблизи него [28. С. 17]. Исходя из этого, представим анализ отдельных форм проявления насилия в молодежной среде в странах указанного региона.

Молодежный экстремизм. На сегодняшний день молодежный экстремизм является глобальной проблемой, представляющей угрозу национальной безопасности любого суверенного государства. Не являются исключением и страны Балтийского региона, каждая из них имеет индивидуальный перечень социальных, экономических, культурологических и этноконфессиональных проблем, являющихся катализатором усиления протестной, в том числе экстремистской активности.

Так, в последнее десятилетие власти Дании фиксируют активное распространение экстремистской идеологии, основанной на радикальной интерпретации исламского фундаментализма. По состоянию на март 2020 г. не менее 159 граждан Дании отправились воевать вместе с экстремистскими группировками в Ираке и Сирии [29]. А в начале февраля 2021 г. правоохранительными органами Дании и ФРГ были задержаны 14 человек (из которых 13 – в Дании), планировавших серии террористических атак [30].

Между тем для большинства стран Балтийского региона сохраняет свою актуальность проблема правового экстремизма, который базируется на деструктивном постулате, что принадлежность человека к определенному этносу, нации или расе определяет его ценность [31. С. 2].

В некоторых странах Балтийского региона проблема молодежного экстремизма не представляет существенной угрозы для национальной безопасности.

Из отчета Департамента государственной безопасности Литовской Республики следует, что крайне правые экстремистские идеологии не смогли повысить свою популярность среди молодежи ввиду отсутствия подходящих для эскалации тем (в стране не наблюдается этническая или межконфессиональная напряженность), а также в силу фрагментации и внутренних конфликтов среди идеологов экстремизма [32].

Результаты проведенного социологического опроса о состоянии идеологии терроризма и экстремизма в Калининградской области показали, что большинство респондентов воспринимают проблему экстремизма в России как серьезную. При этом молодые люди в возрасте 25–35 лет рассматривают данную проблему острее, чем представители возрастной группы 18–24 лет (табл. 1).

Таблица 1
Насколько серьезной, с вашей точки зрения, является проблема экстремизма для России? (%)

Ответ	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет
Это одна из наиболее острых проблем	13,1	33,1	27,7
Это достаточно острая проблема	44,2	36,4	35,5
Проблема существует, но вряд ли ее можно рассматривать как актуальную	41,7	28,1	34,4
Это надуманная проблема, не считаю ее серьезной	1	2,5	2,5

Применительно же к Калининградской области опрошенные представители молодежи в большинстве своем не считают проблему экстремизма достаточно актуальной (табл. 2).

Таблица 2
Насколько серьезной, с вашей точки зрения, является проблема экстремизма для Калининградской области? (%)

Ответ	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет
Это одна из наиболее острых проблем	13,1	33,1	27,7
Это достаточно острая проблема	44,2	36,4	35,5
Проблема существует, но вряд ли ее можно рассматривать как актуальную	41,7	28,1	34,4
Это надуманная проблема, не считают ее серьезной	1	2,5	2,5

Побуждение к совершению суицида. Согласно опубликованному исследованию «Самочувствие молодежи в странах Балтии», в Латвии на 100 тысяч жителей в возрасте от 15 до 19 лет жизнь самоубийством заканчивают 11 детей, в группе от 20 до 24 лет – 16 человек. Согласно информации Центра по профилактике и контролю заболеваний Латвии, с 2008 по 2017 г. покончил с собой 41 ребенок в возрасте до 17 лет [33].

Открытые данные о количестве суицидов среди литовской молодежи отсутствуют, однако значительная часть исследователей отмечают, что со времени обретения независимости Литва стабильно опережает другие государства Балтийского региона по общей статистике суицидов на душу населения [34]. В среднем заканчивают жизнь самоубийством в стране 30 человек на 100 000 граждан, что вдвое больше чем в Эстонии и

Финляндии, второе – в Дании [35]. Результаты предыдущих исследований показывают, что по состоянию на 2012 г. суициды составляли 35% от всех других видов детской смертности (что также составляло 15 случаев самоубийств на 100 000 населения в возрастной группе от 15 до 19 лет) [36].

Согласно некоторым источникам за последние 50 лет показатели самоубийств возросли во всем мире на 60%, при этом в некоторых странах (включая Россию) самоубийство является одной из трех основных причин смерти среди людей в возрасте от 15 до 45 лет, причем Россия находится на четвертом месте в мире по уровню самоубийств (Литва – на пятом) [37]. Каждый двенадцатый российский подросток в возрасте 13–17 лет пытался совершить попытку самоубийства (или высказывал такие намерения), причем девушки пытаются покончить с собой в 4 раза чаще, чем юноши, но число законченных суицидов среди юношей в среднем в 3 раза больше, чем среди девушек [38]. При этом в 2021 г. в Калининградской области был отмечен рост числа попыток суицидов, совершенных подростками на 118,2% (24 случая к 11, зарегистрированным в 2020 г.), в результате которых четверо несовершеннолетних скончались [39].

На сегодняшний день активность «суицидальных сообществ» в русскоязычном киберпространстве существенным образом снизилась, однако сама проблема не исчерпала себя. На смену ушедшему «синему киту» пришли другие деструктивные формы и методы склонения несовершеннолетних к суициду.

Например, в июле 2020 г. полиция Таллина опубликовала на своей странице в сети Интернет предостережение о новой угрозе. По сведениям правоохранителей, в популярных социальных сетях неизвестный под псевдонимом Йонатан Галиндо (Jonathan Galindo) в маске диснеевского персонажа Гуфи, дает опасные для жизни задания, а в случае их невыполнения высказывает угрозы причинения насилия или смерти в адрес несовершеннолетних [40]. *Буллинг и кибербуллинг* сегодня широко распространены среди всех государств Балтийского региона: доля школьников, подвергшихся травле на момент проведения исследований, составила от 5,1% в Финляндии и до 23,5% в Литве [41].

Согласно результатам исследования латвийского центра SKDS более половины из 1 113 опрошенных школьников (57%) заявили, что подвергались издевательствам или изоляции со стороны одноклассников. С явной агрессией в форме физического насилия либо угроз сталкивались 36% школьников, 25% подвергались моббингу в виртуальной среде, получали оскорбительные сообщения или даже угрозы здоровью [42].

По данным специалистов Государственной инспекции по защите прав детей Латвии, насилие одних школьников над другими является распространенным («регулярным») явлением в Латвии. В 2019 г. в рижской Английской гимназии после занятий спортом в раздевалке был жестоко избит третьеклассник, по словам родственников, данный инцидент являлся точкой бифуркации предшествующей многомесячной травли со стороны учащихся старших классов [33].

Согласно данным ВОЗ, высокие показатели среди государств Европы по буллингу в молодежной среде были зарегистрированы не только в Латвии, но и в Литве. По результатам исследования, в 2018 г. с буллингом в литовских школах сталкивался почти каждый третий подросток 11–13 лет, а участвовали в травле каждый четвертый мальчик и каждая седьмая девочка [43].

Между тем Латвия имеет единоличное лидерство по распространенности кибертравли, до 31% среди 15-летних жителей республики прибегали к такой форме насилия [44].

Иная картина наблюдается в Эстонии, где к жертвам буллинга себя причислили 9,5% из числа опрошенных респондентов. При этом министр образования и научных исследований Майлис Репс заявила, что, хотя физическое насилие снизилось, психологическое насилие – по-прежнему обычное явление, в том числе среди студенток [45]. Между тем другое кросс-культурное исследование 864 представителей профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений Эстонии и их 327 коллег из Финляндии показало, что 27% респондентов из Эстонии и 18% из Финляндии были объектами буллинга в предшествующие исследованию шесть месяцев [44].

Согласно нашим исследованиям на территории Калининградской области, 63% респондентов – учащихся школ указали, что им доводилось видеть, как другого ученика неоднократно обижали, оскорбляли, пугали сверстники, при этом 17% отметили, что подобная травля имела место в интернет-пространстве. Также 63% опрошенных ответили, что в их классе имеются учащиеся, с которыми никто не общается, а 45% сообщили, что в их классе были ученики, которые не находили общего языка с одноклассниками и по этой причине уходили в другую школу. Обращает на себя внимание и тот факт, что 66% опрошенных учителей знают о случаях оскорблений, унижений, издевательств одних учеников над другими в школе и за ее пределами, но только 31% респондентов допускают, что случаи буллинга могут иметь место в образовательной среде.

Приведенные данные свидетельствуют о значительном уровне распространения буллинга и кибербуллинга среди молодежи практически всех стран Балтийского региона. Масштабы проявления буллинга в молодежной среде имеют тенденцию к увеличению; и если ранее в большей степени превалировала травля с использованием физического насилия, то теперь зачастую она происходит в форме психического насилия, оставляя порой достаточно серьезные психологические травмы на всю жизнь.

Рекомендации по противодействию распространению насилия в молодежной среде в Калининградской области как социокультурной части Балтийского региона. Несмотря на непропорциональное распространение различных форм молодежного насилия в образовательных учреждениях стран Балтийского региона, выработка мер по осуществлению эффективного и своевременного противодействия девиантному поведению и превенции преступности в молодежной среде

представляется одинаково актуальной задачей для каждого национального государства.

В этой связи представляется целесообразным осуществлять профилактическую деятельность на основе многовекторности, в обязательном порядке включающей в себя информирование об основах обеспечения личной безопасности, а также правовое просвещение относительно сущности и специфики наиболее актуальных угроз в этой сфере.

Информирование. В рамках проведенного социологического опроса молодежи о состоянии идеологии терроризма и экстремизма в Калининградской области каждый второй респондент признался в том, что не знает, куда следует обращаться в случае проявления актов терроризма и экстремизма (табл. 3).

Таблица 3
Знаете ли вы, куда можно обратиться в случае проявления актов терроризма и экстремизма? (%)

Ответ	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет
Да	44,2	44,6	52,5
Нет	55,8	55,4	47,5

Кроме того, из числа лиц, утвердительно ответивших на вопрос, в какое ведомство следует обращаться, наиболее часто упоминались полиция и правоохранительные органы.

При таких обстоятельствах очевидно, что на текущем этапе уровень осведомленности молодежи о видах и компетенции государственных органов, уполномоченных в силу закона осуществлять противодействие экстремизму и терроризму, крайне невосок. Восполнить данный пробел можно за счет проведения регулярных практико-ориентированных информационно-просветительских занятий.

Правовое просвещение. Еще одним важным направлением в области противодействия распространению насилия в молодежной среде является информирование о видах угроз и способах противодействия им.

В этой связи следует отметить, что проводимая на протяжении последнего десятилетия в Российской Федерации государственная политика в области профилактики идеологии терроризма уже приносит свои плоды. Так, большинство респондентов в ходе проведенного социологического опроса ответили, что получали информацию по профилактике экстремизма и терроризма. При этом была выявлена определенная закономерность: чем старше респонденты, тем выше доля тех, кто не получал такой информации (табл. 4).

Таблица 4
Получали ли вы информацию по профилактике терроризма и экстремизма? (%)

Ответ	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет
Да	53,3	46,3	40,1
Нет	29,6	40,5	43,6
Затрудняюсь ответить	17,1	13,2	16,3

Говоря о площадках, в рамках которых должна осуществляться профилактическая работа с молодежью,

большинство респондентов указали образовательные учреждения (табл. 5).

Таблица 5
Как вы считаете, нужно ли проводить профилактические мероприятия на тему терроризма и экстремизма?
Если да, то где? (%)

Ответ	18–24 года	25–29 лет	30–35 лет
Нет, не нужно	2,0	1,7	3,2
Да, в школах	40,2	44,6	47,5
Да, в высших и средних учебных заведениях	30,2	46,3	41,5
Да, в любых профессиональных учреждениях и организациях	27,8	25,3	24,5
Затрудняюсь ответить	9,0	8,3	2,8

По мнению опрошенной молодежи Калининградской области, не существует единственно верного (унифицированного) формата профилактики. Зато скептицизм и нигилизм в отношении эффективных форм противодействия присутствует на уровне статистической погрешности среди всех возрастных групп. За правовое и духовное воспитание населения больше выступают 30–35-летние респонденты (55,3%), за активную деятельность правоохранительных органов – 18–24-летние (66,3%), за ужесточение нормативно-правовой базы выступил каждый третий респондент в возрасте 25–29 и 30–35 лет. Это наименее популярная мера среди самой молодой возрастной группы. Уже-сточение контроля на сайтах и в социальных сетях в Интернете в целом поддержала только группа 30–35-летних (34,8%).

В этой связи представляется целесообразным усилить разработку и реализацию научно обоснованных специализированных программ подготовки субъектов первичной профилактики не только в сфере противодействия идеологии терроризма, но и в сфере иных форм насилия, распространенных в образовательной среде.

В качестве непосредственных субъектов первичной профилактики насилия в образовательной среде, по нашему мнению, должны выступать преподаватели и административный персонал образовательных учреждений как лица, которые в силу своих профессиональных обязанностей постоянно коммуницируют с подрастающим поколением. Так, по результатам проведенного нами анонимного опроса преподавателей общеобразовательных школ Калининградской области 72% респондентов заявили, что никогда не проходили специального обучения или курсов повышения квалификации по разрешению ситуаций насилия в школе (буллинга, кибербуллинга, гендерного насилия, скулшутинга и т.д.).

В этой связи первостепенную важность на пути формирования эффективной системы профилактики распространения насилия в образовательной среде приобретает вопрос подготовки квалифицированных кадров, которые бы обладали навыками по выявлению и пресечению распространения конкретной формы насилия в образовательном коллективе, а также могли разъяснить аудитории деструктивную сущность такого поведения.

Важным направлением организации профилактической работы в исследуемой сфере является разработка эффективных форм взаимодействия правоохранительных органов и образовательных учреждений (в том числе взаимодействие общеобразовательных учреждений и высшего образования), различных специализированных общественных организаций, средств массовой информации.

Таким образом, проведенный компаративный анализ показал, что распространение в образовательной среде насилия в самых различных его проявлениях является одинаково актуальной проблемой для всех стран Балтийского региона.

Среди наиболее распространенных современных форм насилия в молодежной среде можно выделить: вовлечение молодежи в экстремистскую и (или) террористическую деятельность, буллинг и кибербуллинг, скулшутинг, практику суицидальных сообществ в киберпространстве и склонение несовершеннолетних к суициду. Основной детерминантой этого является распространение различных деструктивных субкультур в обществе.

Проведенный анализ показал, что различные формы насилия в молодежной среде распространены в странах Балтийского региона непропорционально. В ходе исследования было установлено, что для Литовской Республики проблема молодежного экстремизма имеет меньшую актуальность, чем для Федеративной Республики Германия. Между тем в Германии рейтинг суицидов среди несовершеннолетних на протяжении нескольких лет не превышает 10 случаев на 100 000 населения, в то время как в Литве этот показатель находится на отметке 30 – наивысший в Европе. Схожие закономерности были выявлены и между другими странами: проблема буллинга и травли в образовательных организациях имеет повышенный общественный резонанс в Латвии и отходит на второй план в общественно-политическом дискурсе Дании, уступая проблеме вовлечения молодых людей в деятельность экстремистских и террористических организаций.

Прогнозирование криминогенной обстановки в странах Балтийского региона позволяет с высокой долей вероятности предположить, что дальнейшее распространение насилия в образовательной среде приведет к ухудшению общей криминогенной обстановки в странах Балтийского региона, а также в Калининградской области. Данная гипотеза предопределена естественными демографическими процессами, в рамках которых сегодняшние школьники постепенно становятся полноправными гражданами, сначала вливаясь, а затем и составляя ядро общества, предопределяющее экономические, политические и социо-культурные векторы развития любого государства.

С учетом национальных и культурных особенностей каждой из стран Балтийского региона имеется необходимость дальнейшей научной проработки вопросов, связанных с организацией профилактической работы по уменьшению распространения насилия в молодежной среде. Применительно к Калининградской области проведенные в рамках настоящего исследова-

дования социологические опросы показали, что наибольшего внимания требуют такие угрозы, как буллинг, склонение несовершеннолетних к совершению суицида, а также распространение идеологии экстремизма (терроризма). Особую тревогу вызывает тенденция все большего распространения вышеуказанных форм насилия посредством использования сети Интернет.

В целях противодействия распространению различных форм девиантного поведения в молодежной среде представляется целесообразным осуществлять системную профилактическую работу по двум основным направлениям: 1) информирование молодежи об основах обеспечения личной безопасности; 2) правовое просвещение относительно сущности и специфики наиболее актуальных угроз в этой сфере.

Усиление профилактической работы должно подразумевать, как разработку (реализацию) научно обоснованных специализированных программ подготовки субъектов первичной профилактики, так и выработку новых форматов коммуникации с молодежью. Площадкой для проведения комплекса профилактических мероприятий, направленных на недопущение распространения различных форм насилия в молодежной среде, должны стать образовательные учреждения. При этом развитие научных исследований по обозначенной тематике на национальном уровне должно в числе прочего включать в себя анализ, осмысление и адаптацию положительного опыта отдельных суверенных государств Балтийского региона.

Примечание

¹ Внесено 28.03.2022 г. Минюстом России в реестр иностранных агентов.

Список источников

1. Homicide rate // United Nations Office of Drugs and Crime. URL: <https://dataunodc.un.org/content/data/homicide/homicide-rate> (дата обращения: 21.05.2023).
2. The statistical office of the European Union. URL: <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (дата обращения: 31.05.2022).
3. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/social_portrait (дата обращения: 20.09.2023).
4. van Dijk J., Nieuwebeerta P., Larsen J.J. Global Crime Patterns: An Analysis of Survey Data from 166 Countries Around the World, 2006–2019 // Journal of Quantitative Criminology. 2022. Vol. 38. P. 793–827. doi: 10.1007/s10940-021-09501-0
5. Dewey G.C., Matthew J.M. Why Do school order and safety matter? // Educational Researcher. 2010. Vol. 39, № 1. P. 7–15.
6. Карпов В.О. Култ Колумбайна: основные детерминанты массовых убийств в школах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 4 (34). С. 442–446. doi: 10.24420/KUI.2018.49.27.001
7. Мосечкин И.Н. Виктимологические аспекты противодействия вооруженным нападениям на учебные заведения (school-shooting) // Виктимология. 2019. № 1 (19). С. 46–53.
8. Давыдов Д.Г. Массовые убийства в образовательных учреждениях: механизмы, причины, профилактика // Национальный психологический журнал. 2018. № 4(32). С. 62–76. doi: 10.11621/npj.2018.0406
9. Устинов В.П. Психологические последствия насилия и их влияние на обучаемость младших школьников : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2005. 159 с.
10. Смагина М.В. Насилие над детьми в семье как социокультурное явление современной России : дис. ... канд. социол. наук. Ставрополь, 2006. 163 с.
11. Иванцов С.В., Борисов С.В., Узембаева Г.И., Муzychuk Т.Л., Тищенко Ю.Ю. Актуальные проблемы совершенствования системы мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 6. С. 776–784.
12. Borum R., Patterson T. Juvenile Radicalization Into Violent Extremism: Investigative and Research Perspectives // Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry. 2019. Vol. 58. P. 1142–1148.
13. Осипова Е.В., Авакьян М.В. Криминалистический анализ скулшутинга в России и за рубежом // Союз криминалистов и криминологов. 2023. № 1. С. 128–137.
14. How a school shooting 15 years ago changed Germany // The Local. URL: <https://www.thelocal.de/20170426/how-a-school-shooting-15-years-ago-changed-germany/> (дата обращения: 05.05.2022).
15. Корсаков К.В. Суицид в фокусе криминологической науки // Психология и право. 2020. Т. 10, № 3. С. 108–119.
16. Осипенко А.Л., Соловьев В.С. Киберугрозы в отношении несовершеннолетних и противодействия им с применением информационных технологий // Общество и право. 2019. № 3 (69). С. 23–31.
17. Волчецкая Т.С., Кот Е.А. Криминалистический анализ использования интернет-ресурсов как места и средства побуждения несовершеннолетних к суициду // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 3. С. 3–10.
18. Phillips J., Mann L. Suicide baiting in the internet era // Computers in Human Behavior. 2019. Vol. 92. P. 29–36.
19. Biddle L., Derges J., Mars B., Heron J., Donovan J., Potokar J., Piper M., Wyllie C., Gunnell D. Suicide and the Internet: Changes in the accessibility of suicide-related information between 2007 and 2014 // Journal of Affective Disorders. 2015. Vol. 190. P. 370–375.
20. Fahey R., Boo J., Ueda M. Covariance in diurnal patterns of suicide-related expressions on Twitter and recorded suicide deaths // Social Science & Medicine. 2020. Vol. 253. Art. No. 112960. doi: 10.1016/j.socscimed.2020.112960
21. Colleen L. Teachers' Responsibilities Towards the Bullying Behaviours of Students. Masters of Arts in Education Thesis // McGill University. 2013. URL: http://digitool.library.mcgill.ca/webclient/StreamGate?folder_id=0&dvs=1510568555495~98
22. Schäfer M., Korn S., Brodbeck F.C., Wolke D., Schulz H. Bullying roles in changing contexts: The stability of victim and bully roles from primary to secondary school // International Journal of Behavioral Development. 2005. Vol. 29. P. 323–335.
23. Pörhölä M. Kiusaaminen opiskeluyhteisössä [Bullying in university community] // Kunttu K., Komulainen A., Makkonen K., Pynnönen P. (Eds.) Opiskeluterveys. Helsinki, Finland : Duodecim, 2011. P. 166–168.
24. Pörhölä M. Do the roles of bully and victim remain stable from school to university? Theoretical considerations // Cowie H., Myers C.-A. (Eds.) Bullying among university students: cross-national perspectives. 2016. P. 35–46.
25. Hinduja S., Patchin J.W. Cyberbullying: Identification, Prevention, & Response // Cyberbullying Research Center. 2018. URL: <https://cyberbullying.org/CyberbullyingIdentification-Prevention-Response-2018.pdf>
26. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. Т. 9, № 2. С. 276–295.
27. Mark L., Värnik A., Sisask M. Who Suffers Most From Being Involved in Bullying – Bully, Victim, or Bully-Victim? // The Journal of School Health. 2019. Vol. 89 (2). P. 136–144.

28. Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т., Студжиницкий Т., Федоров Г.М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 4. С. 17.
29. Denmark: Extremism & Counter-Extremism // The Counter Extremism Project (CEP). URL: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/country_pdf/DK-02182021.pdf
30. Denmark charges seven with attempted terrorism // Deutsche Welle¹. URL: <https://www.dw.com/en/denmark-charges-seven-with-attempted-terrorism/a-56542573> (дата обращения: 22.04.2023).
31. Антонов А.Е. История правого экстремизма в Федеративной Республике Германии на примере национал-демократической партии (НПД) // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 1–17.
32. National security threat assessment. Vilnius : State Security Department of the Republic of Lithuania, 2017. 38 p. URL: https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2017/03/AKATSKT_DRAFT-3-31-EN-HQ.pdf
33. «Мама, я не могу больше выдержать, я не хочу жить». Как защитить ребенка от травли в школе? // Латвийский новостной интернет-портал – PRESS. URL: <https://press.lv/post/mama-ya-ne-mogu-bolshe-vyderzhat-ya-ne-hochu-zhit-kak-zashhitit-rebyonka-ot-travli-v-shkole> (дата обращения: 28.12.2022).
34. Värnik A., Sisask M., Värnik P. Baltic suicide paradox. Tallinn : Tallinn University Press, 2010. 62 p.
35. Comunale M. The persistently high rate of suicide in Lithuania: An updated view // Bank of Lithuania Discussion Paper. 2020. № 21.
36. Zaborskis A., Sirvyte D., Zemaitiene N. Prevalence and familial predictors of suicidal behaviour among adolescents in Lithuania: a cross-sectional survey 2014 // BMC Public Health. 2016. Vol. 16. Art. No. 554. doi: 10.1186/s12889-016-3211-x
37. Рейтинг стран мира по уровню самоубийств // Гуманитарный портал. Центр гуманитарных технологий. 29.11.2023. URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-suicide-ranking> (дата обращения: 23.12.2022).
38. Топ 10 стран по суициду в 2021 году // Миграционный центр Мытищи. URL: <https://pvs-fms.ru/grazhdanstvo/top-10-stran-po-suicidu-v-2021-godu.html>
39. В Калининграде подростковый суицид вырос на 118,2% // Информационное агентство «Мой Калининград». URL: <http://kgzt.ru/v-kaliningrade-podrostkovyy-suicid-vyros-na-118-2> (дата обращения: 19.03.2022).
40. Новый «Синий кит»: полиция Эстонии предупреждает детей об опасности // Общественный информационный портал «Baltija.eu». 23.07.2020. URL: <https://baltija.eu/2020/07/23/novyi-sinii-kit-policiia-preduprezhaet-detei-ob-opasnosti/> (дата обращения: 20.03.2023).
41. Youth violence // Eurosafe. URL: <https://www.eurosafe.eu.com/uploads/inline-files/Policy%20briefing%202015%20Youth%20violence.pdf> (дата обращения: 24.03.2023).
42. The research centre SKDS. URL: <https://skds.lv/research> (дата обращения: 20.03.2023).
43. Inchley J., Currie D., Budisavljevic S., Torsheim T., Jåstad A., Cosma A. et al. Spotlight on adolescent health and well-being. Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) survey in Europe and Canada. International report. Vol. 1: Key findings. Copenhagen : WHO Regional Office for Europe, 2020. URL: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332091/9789289055000-eng.pdf>
44. Meriläinen M., Käyhkö K., Kõiv K., Sinkkonen H.-M. Academic bullying among faculty personnel in Estonia and Finland // Journal of Higher Education Policy and Management. 2019. Vol. 41, Is. 3. P. 241–261. doi: 10.1080/1360080X.2019.1591678
45. Report: Students worried about bullying, not tests // Eesti Rahvusringhääling. URL: <https://news.err.ee/590783/report-students-worried-about-bullying-not-tests> (дата обращения: 16.05.2023).

References

1. United Nations Office of Drugs and Crime. (2023) *Homicide rate*. [Online] Available from: <https://dataunodc.un.org/content/data/homicide/homicide-rate> (Accessed: 21.05.2023).
2. The Statistical Office of the European Union. [Online] Available from: <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do> (Accessed: 31.05.2022).
3. Portal pravovoy statistiki General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii [Legal Statistics Portal of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. [Online] Available from: http://crimestat.ru/social_portrait (Accessed: 20.09.2023).
4. van Dijk, J., Nieuwebeerta, P. & Larsen, J.J. (2022) Global Crime Patterns: An Analysis of Survey Data from 166 Countries Around the World, 2006–2019. *Journal of Quantitative Criminology*. 38. pp. 793–827. doi: 10.1007/s10940-021-09501-0
5. Dewey, G.C. & Matthew, J.M. (2010) Why Do school order and safety matter? *Educational Researcher*. 39 (1). pp. 7–15.
6. Karpov, V.O. (2018) Cult of columbine: Main reasons for school shooting. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 4 (34). pp. 442–446. (In Russian). doi: 10.24420/KUI.2018.49.27.001
7. Mosechkin, I.N. (2019) Victimological aspects of counteraction to school-shooting. *Viktimologiya*. 1 (19). pp. 46–53. (In Russian).
8. Davydov, D.G. (2018) Massovye ubiystva v obrazovatel'nykh uchrezhdeniyakh: mekhanizmy, prichiny, profilaktika [Mass murders in educational institutions: mechanisms, causes, prevention]. *Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal*. 4 (32). pp. 62–76. doi: 10.11621/npj.2018.0406
9. Ustinov, V.P. (2005) *Psikhologicheskie posledstviya nasiliya i ikh vliyaniye na obuchaemost' mladshikh shkol'nikov* [Psychological consequences of violence and their influence on younger schoolchildren's learning ability]. Law Cand. Diss. Irkutsk.
10. Smagina, M.V. (2006) *Nasilie nad det'mi v sem'e kak sotsiokul'turnoe yavlenie sovremennoy Rossii* [Violence against children in the family as a sociocultural phenomenon of modern Russia]. Sociology Cand. Diss. Stavropol.
11. Ivantsov, S.V. et al. (2018) Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya sistemy mer kriminologicheskogo preduprezhdeniya prestupleniy ekstremistskoy napravlenosti, sovershaemykh s ispol'zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh setey [Current problems of improving the system of measures for criminological prevention of extremist crimes committed using information and telecommunication networks]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 12 (6). pp. 776–784.
12. Borum, R. & Patterson, T. (2019) Juvenile Radicalization Into Violent Extremism: Investigative and Research Perspectives. *Journal of the American Academy of Child and Adolescent Psychiatry*. 58. pp. 1142–1148.
13. Osipova, E.V. & Avak'yan, M.V. (2023) The criminological description and prevention of school shootings and cyberbullying in russia and abroad. *Soyuz kriminalistov i kriminologov*. 1. pp. 128–137. (In Russian).
14. The Local. (2017) *How a school shooting 15 years ago changed Germany*. [Online] Available from: <https://www.thelocal.de/20170426/how-a-school-shooting-15-years-ago-changed-germany/> (Accessed: 05.05.2022).
15. Korsakov, K.V. (2020) Suicide in the Focus of Criminology. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*. 10 (3). pp. 108–119. (In Russian). DOI: 10.17759/psylaw.2020100308
16. Osipenko, A.L. & Solov'ev, V.S. (2019) Cyberthreats against minors and the features of countering them with the use of information technology. *Obshchestvo i pravo*. 3 (69). pp. 23–31. (In Russian).
17. Volchetskaya, T.S. & Kot, E.A. (2020) Forensic analysis of the use of internet resources as a place and means of inciting minors to suicide. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 3. pp. 3–10. (In Russian).
18. Phillips, J. & Mann, L. (2019) Suicide baiting in the internet era. *Computers in Human Behavior*. 92. pp. 29–36.
19. Biddle, L. et al. (2015) Suicide and the Internet: Changes in the accessibility of suicide-related information between 2007 and 2014. *Journal of Affective Disorders*. 190. pp. 370–375.
20. Fahey, R., Boo, J. & Ueda, M. (2020) Covariance in diurnal patterns of suicide-related expressions on Twitter and recorded suicide deaths. *Social Science & Medicine*. 253. Art. No. 112960. doi: 10.1016/j.socscimed.2020.112960

21. Colleen, L. (2013) *Teachers' Responsibilities Towards the Bullying Behaviours of Students*. Masters of Arts in Education Thesis. McGill University. [Online] Available from: http://digitool.library.mcgill.ca/webclient/StreamGate?folder_id=0&dvs=1510568555495~98
22. Schäfer, M. et al. (2005) Bullying roles in changing contexts: The stability of victim and bully roles from primary to secondary school. *International Journal of Behavioral Development*. 29. pp. 323–335.
23. Pörhölä, M. (2011) Kiusaaminen opiskeluyhteisössä [Bullying in university community]. In: Kunttu, K. et al. (eds) *Opiskeluterveys*. Helsinki, Finland: Duodecim. pp. 166–168.
24. Pörhölä, M. (2016) Do the roles of bully and victim remain stable from school to university? Theoretical considerations. In: Cowie, H. & Myers, C.-A. (eds) *Bullying among university students: cross-national perspectives*. Routledge. pp. 35–46.
25. Hinduja, S. & Patchin, J.W. (2018) *Cyberbullying: Identification, Prevention, & Response*. Cyberbullying Research Center. [Online] Available from: <https://cyberbullying.org/CyberbullyingIdentification-Prevention-Response-2018.pdf>
26. Khlobov, K.D., Davydov, D.G. & Bocharov, A.A. (2019) Cyberbullying in the experience of Russian teenagers. *Psikhologiya i pravo*. 9 (2). pp. 276–295. (In Russian).
27. Mark, L., Värnik, A. & Sisask, M. (2019) Who Suffers Most From Being Involved in Bullying – Bully, Victim, or Bully-Victim? *The Journal of School Health*. 89 (2). pp. 136–144.
28. Klemeshev, A.P. et al. (2017) Approaches to the definition of the Baltic Sea region. *Baltiyskiy region*. 9 (4). p. 17.
29. The Counter Extremism Project (CEP). (2021) *Denmark: Extremism & Counter-Extremism*. [Online] Available from: https://www.counterextremism.com/sites/default/files/country_pdf/DK-02182021.pdf
30. Deutsche Welle1. (2023) *Denmark charges seven with attempted terrorism*. [Online] Available from: <https://www.dw.com/en/denmark-charges-seven-with-attempted-terrorism/a-56542573> (Accessed: 22.04.2023).
31. Antonov, A.E. (2015) Istoriya pravogo ekstremizma v Federativnoy Respublike Germanii na primere natsional-demokraticeskoy partii (NPD) [History of right-wing extremism in the Federal Republic of Germany using the example of the National Democratic Party (NPD)]. *APRIORI. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 3. pp. 1–17.
32. State Security Department of the Republic of Lithuania. (2017) *National security threat assessment*. Vilnius: State Security Department of the Republic of Lithuania. [Online] Available from: https://www.vsd.lt/wp-content/uploads/2017/03/AKATSKT_DRAFT-3-31-EN-HQ.pdf
33. PRESS. (2022) “Mama, ya ne mogu bol'she vyderzhat', ya ne khochu zhit'”. *Kak zashchitit' rebenka ot travli v shkole?* [“Mom, I can't stand it anymore, I don't want to live.” How to protect your child from bullying at school?]. [Online] Available from: <https://press.lv/post/mama-ya-ne-mogu-bolshe-vyderzhat-ya-ne-hochu-zhit-kak-zashchitit-rebyonka-ot-travli-v-shkole> (Accessed: 28.12.2022).
34. Värnik, A., Sisask, M. & Värnik, P. (2010) *Baltic suicide paradox*. Tallinn: Tallinn University Press.
35. Comunale, M. (2020) The persistently high rate of suicide in Lithuania: An updated view. *Bank of Lithuania Discussion Paper*. 21.
36. Zaborskis, A., Sirvyte, D. & Zemaitiene, N. (2016) Prevalence and familial predictors of suicidal behaviour among adolescents in Lithuania: a cross-sectional survey 2014. *BMC Public Health*. 16. Art. No. 554. doi: 10.1186/s12889-016-3211-x
37. Gumanitarnyy portal. Tsentr gumanitarnykh tekhnologiy [Humanitarian portal. Center for Humanitarian Technologies]. (2023) *Reyting stran mira po urovnyu samoubiystv* [Rating of countries in the world by suicide rate]. 29 November. [Online] Available from: <https://gmarket.ru/ratings/global-suicide-ranking> (Accessed: 23.12.2022).
38. Migratsionnyy tsentr Mytishchi [Mytishchi Migration Center]. (n.d.) *Top 10 stran po suitsidu v 2021 godu* [Top 10 countries for suicide in 2021]. [Online] Available from: <https://pvs-fms.ru/grazhdanstvo/top-10-stran-po-suitsidu-v-2021-godu.html>
39. Moy Kaliningrad [My Kaliningrad]. (2022) *V Kaliningrade podrostkovyy suitsid vyros na 118,2%* [In Kaliningrad, teenage suicide increased by 118.2%]. [Online] Available from: <http://kgzt.ru/v-kaliningrade-podrostkovyj-suitsid-vyros-na-118-2> (Accessed: 19.03.2022).
40. Baltija.eu. (2020) *Novyy “Siniy kit”: politiya Estonii preduprezhdaet detey ob opasnosti* [New “Blue Whale”: Estonian police warn children about danger]. 23 July 2020. [Online] Available from: <https://baltija.eu/2020/07/23/novy-siniy-kit-policiya-predyprejdaet-detei-ob-opasnosti/> (Accessed: 20.03.2023).
41. Eurosafe. (2015) *Youth violence*. [Online] Available from: <https://www.eurosafe.eu.com/uploads/inline-files/Policy%20briefing%2015%20Youth%20violence.pdf> (Accessed: 24.03.2023).
42. The research centre SKDS. [Online] Available from: <https://skds.lv/research> (Accessed: 20.03.2023).
43. Inchley, J. et al. (2020) *Spotlight on adolescent health and well-being. Findings from the 2017/2018 Health Behaviour in School-aged Children (HBSC) survey in Europe and Canada. International report*. Vol. 1: Key findings. Copenhagen: WHO Regional Office for Europe. [Online] Available from: <https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/332091/9789289055000-eng.pdf>
44. Meriläinen, M. et al. (2019) Academic bullying among faculty personnel in Estonia and Finland. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 41 (3). pp. 241–261. doi: 10.1080/1360080X.2019.1591678
45. Eesti Rahvusringhääling. (2023) *Report: Students worried about bullying, not tests*. [Online] Available from: <https://news.err.ee/590783/report-students-worried-about-bullying-not-tests> (Accessed: 16.05.2023).

Информация об авторах:

Авакьян М.В. – канд. юрид. наук, доцент Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: avakyan1992@gmail.com

Волчetskaya Т.С. – д-р юрид. наук, профессор Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: larty777@gmail.com

Осипова Е.В. – канд. юрид. наук, доцент Образовательно-научного кластера «Институт управления и территориального развития» Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград, Россия). E-mail: EVOsipova@kantiana.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.V. Avakian, Cand. Sci. (Law), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: avakyan1992@gmail.com

T.S. Volchetskaya, Dr. Sci. (Law), professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: larty777@gmail.com

E.V. Osipova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad, Russian Federation). E-mail: EVOsipova@kantiana.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 15.10.2023;
одобрена после рецензирования 10.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 15.10.2023;
approved after reviewing 10.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

Научная статья
УДК 343.9
doi: 10.17223/15617793/496/22

Феномен гомеостаза в криминалистическом исследовании личности с помощью биографического метода

Николай Трофимович Ведерников¹, Владимир Лишиньевич Юань²

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, tsu-crime@mail.ru

² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, it-rigon@mail.ru

Аннотация. Обосновывается тезис о необходимости понимания идеи природы гомеостаза как системообразующей в содержании биографического метода исследования личности преступника. Рассматривается соотношение механизмов гомеостаза и гетеростаза на различных этапах формирования и реализации преступного навыка. Проведено разграничение между понятиями «биографический», «исторический» и «юридический факт». Основной акцент в работе сделан на анализе возможности использования механизма гомеостаза в контексте реализации не только конкретного навыка, но и в контексте возникновения биографических фактов.

Ключевые слова: гомеостаз, гетеростаз, биографический метод, криминалистика, личность преступника

Для цитирования: Ведерников Н.Т., Юань В.Л. Феномен гомеостаза в криминалистическом исследовании личности с помощью биографического метода // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 201–205. doi: 10.17223/15617793/496/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/22

The phenomenon of homeostasis in forensic research of personality within the framework of the biographical method

Nikolai T. Vedernikov¹, Vladimir L. Yuan²

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, tsu-crime@mail.ru

² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, it-rigon@mail.ru

Abstract. This article discusses the need to understand the essence of homeostasis as a system-forming element for the biographical method of a criminal's personality research. The range of problems includes methodological, forensic and psychological aspects. The subject of the study is the biographical method, which is used in the forensic study a criminal personality. The study employed general (analysis, synthesis, the systems-structural method) and special (modeling, expert assessment) scientific methods. The article obtained a number of the following conclusions. A biography is based on the chronological sequence of biographical facts, and a biographical fact is the basic unit of a biography. Without understanding what it is, analyzing the structure of a biography is impossible. The process of skill formation is heterostatic and energy-consuming. However, in all the described cases, a dynamic stereotype is formed when the mechanism of heterostasis (energy saving) is activated, which ensures the achievement of the most optimal way of performing certain movements and skills. In the center of this process is a combination of speed (time), effort (energy) and result (expected quality) of actions. The implementation of the formed dynamic stereotype is predominantly homeostatic in nature. In terms of the scope of events and actions, a legal fact turns out to be narrower than a biographical fact, since many events and actions may not be of interest from the point of view of legal assessment. A biographical fact generally covers everything that happened in a person's life and everything that he or she did. For this reason, collecting biographical facts is more difficult than collecting legal facts. However, from a combination of several legal facts, conclusions can be drawn about the existence of a number of biographical facts, the existence of which is not recorded anywhere, but which can be discovered in the process of analyzing the amount of collected data about the life of a particular person. The final conclusion is that the mechanism of homeostasis appears in the biography of the individual as a key factor that ensures his or her best adaptation to life in society. Studying the mechanism of homeostasis makes it possible to foresee the most accessible, habitual and frequently repeated forms of behavioral patterns and action strategies that he or she will most likely use not only when committing a crime, but also at the stage of investigation of a criminal case, when he or she participates in investigative actions.

Keywords: homeostasis, heterostasis, biographical method, criminology, forensic science, criminal's personality

For citation: Vedernikov, N.T. & Yuan, V.L. (2023) The phenomenon of homeostasis in forensic research of personality within the framework of the biographical method. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 201–205. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/22

Взаимосвязь личность преступника – следы преступления является, вероятно, ключевой для криминалистической науки, и трудно представить, что существует система, которая была бы более информативной. В основе расследования практически любого преступления лежит отраженная в реальности совокупность следов, которая неизбежно остается в результате преступления как поведенческого акта. Вместе с тем нужно отметить, что как и любое действие, совершенное преступлением содержит в себе сведения не только о том, кто его фактически совершил, что обеспечивает возможность последующей идентификации «владельца» как носителя биологических признаков, но также данные о характерных личностных особенностях совершившего такое преступление лица. Именно изучение личностных особенностей лица позволило условно разделить проводимые исследования на «идентификационные» и «неидентификационные», соответствующие вопросам «кто он, человек, совершивший преступление?» и «каков он, человек, совершивший преступление?» [1. С. 105–106]. Вторая группа исследований в основном ориентирована на использование биографического метода изучения личности преступника, о чем ранее говорилось неоднократно [2. С. 240; 3. С. 127; 4. С. 392–395].

Дальнейшее углубление в анализ механизма преступления позволяет обнаружить любопытную деталь, которая может быть сформулирована примерно следующим образом: человек совершает преступление так, как ему удобно. Не так как в целом эффективнее или экономичнее, а как в целом для него комфортнее. Естественно, для любого преступника приоритетно нежелание быть подвергнутым наказанию, нежелание быть пойманным, но вместе с тем это одновременно некий неосознаваемый компромисс: нужно совершить преступное деяние как можно проще, но при этом снизить вероятность быть пойманным и наказанным. В последнем случае речь идет не только о сокрытии следов преступления, «работе» со свидетелями, но также в целом о постпреступном поведении. Распространяя этот вывод на всю систему события преступления, можно утверждать, что не только само преступление, но и подготовка к совершению, сокрытие следов также укладывается в эту логику. Возникает вопрос можно ли говорить о том, что все допреступное и постпреступное поведение укладывается в логику гомеостаза?

В криминалистической науке широко известен механизм динамического стереотипа. Его эффект заключается в том, что человек, повторяя одни и те же механические действия определенным образом, вырабатывает свой собственный уникальный стиль реализации данного навыка. Причина существования такого положения вещей заключается в нейропсихических процессах, сопровождающих исполнение тех или иных движений, на которые расходуется ресурс временной и энергетической для достижения ситуативно оптимального результата. К примеру, в возрастном диапазоне от 6 до 8 лет большинство детей осуществляют отработку навыка письма, поскольку без освоения этого навыка дальнейшее обучение недоступно. Этот непростой период проходят все люди, и поначалу всем он дается

одинаково энергозатратно, однако в процессе формирования этого навыка растет устойчивая привычка исполнять те или иные графические элементы индивидуальным образом, наиболее удобным с точки зрения оптимального способа исполнения, с учетом психофизиологических особенностей автора.

Более ранние навыки, предшествующие письму, но не менее важные и не менее легкие – это ходьба и речь. Как и в случае с письмом, в процессе взросления дети приобретают свой собственный индивидуальный стиль ходьбы и речи [5. С. 167], которые несут на себе своеобразные отпечатки их личностных особенностей. Формирование навыка процесс сам по себе преимущественно гетеростатичный, энергозатратный. Однако во всех описанных случаях динамический стереотип формируется также с задействованием механизма гомеостаза (энергоэкономии), который обеспечивает достижение наиболее оптимального способа исполнения тех или иных движений, действий и реализацию навыков, на основе сочетания быстроты (время), усилий (энергия) и результата (ожидаемого качества) такого исполнения. Сама же реализация сформировавшегося динамического стереотипа носит преимущественно скорее гомеостатичную природу.

На поведенческом уровне проявление механизма гомеостаза также можно отследить, если проанализировать совокупности определенных действий, которые совершает человек, но которые не доходят до уровня навыка. Само по себе условно изолированное от всего действие может анализироваться только на предмет исполнения определенных движений, однако желаемый результат, ожидаемый человеком, очевиден. Смысл приобретают лишь совокупность действий, их связка, из которых можно составить более четкую картину той реальной действительности, наступление которой желал человек. В зависимости от ощущения собственных потребностей, которые ложатся в основу мотивации, с учетом оценки доступных человеку собственных возможностей происходит наработка поведенческих шаблонов в условиях тех или иных ситуаций. В самом деле, еще с детства у детей обнаруживается разная реакция в одних и тех же ситуациях, и даже при одинаковом воспитании у одних и тех же родителей все дети будут по-разному адаптироваться к жизненным обстоятельствам.

Адаптация – исходная составляющая существования любого человека как живого существа. Механизм гомеостаза в полной мере обслуживает достижение этой цели, и известные психологические исследования только подтверждают данный тезис [6. С. 364–365; 7. С. 60–61]. Действительно, различие в поведении во время следственных действий у разных обвиняемых отмечается следователями уже после проведения первых следственных действий. Поведенческая реакция может сильно отличаться в зависимости от того, является ли ситуация привычной, не стрессовой для человека, либо наоборот. При этом стрессовая ситуация отличается осознанием человеком потенциальной опасности и, как правило, острым пониманием факта дефицита времени. Классический пример стрессовой ситуации – преступление. Как уже отмечалось выше, момент совершения

преступления нередко сопровождается пониманием нехватки времени, осознанием потенциальной опасности быть раскрытым (к примеру, неожиданно высокий или низкий уровень оказанного сопротивления жертвы преступления, обнаружение присутствия свидетелей, появление сотрудников правоохранительных органов), что предопределяет факт стрессового поведенческого реагирования преступника в ситуации преступного события. В таких жестких рамках преступник психологически будет тяготеть к наиболее удобным, знакомым и заранее многократно отработанным моделям поведения, а большинство его движений будет укладываться в уже привычную для него схему реагирования на данный тип раздражителей. Шаблонность поведения (не только усредненная, но и шаблонная для каждого психологического типа) – ключевой признак, по которому можно сделать вывод, что преступник действовал наиболее типичным для себя образом, поскольку во всех иных сценариях он теряет преимущество, и опасность прерывания (пресечения) совершения преступления, а также угроза быть раскрытым значительно возрастают.

Таким образом, механизм гомеостаза обеспечивает адаптацию личности, открывая ей доступ к оптимальным в плане доступности, но не эффективности способам исполнения навыков (в чем проявляется динамический стереотип) и схемам поведения [8. С. 167]. При расширении ракурса исследования личности неизбежно возникает вопрос: проявляется ли механизм гомеостаза в масштабе всей жизнедеятельности человека или он предельно ситуативен? В нашем случае речь идет о возможности выявления влияния механизма гомеостаза на биографию личности преступника. В основе биографии лежит хронологическая последовательность биографических фактов, при этом биографический факт – базовая единица биографии, и без понимания того, что она из себя представляет, содержательно-системный анализ биографии невозможен.

Само по себе понятие «биографический факт» в криминалистической литературе практически не освещается, а в других, некриминалистических источниках он определяется как «исторический факт», имеющий отношения к биографии человека. В масштабе личности сложно себе представить, каким образом можно делить события из его жизни на «исторические» и «неисторические», особенно если учитывать тот факт, что в перспективе некоторые незначительные и малоизвестные (и даже не известные никому) события в жизни человека могут стать поворотными и значимыми. Попытка определения понятия «биографический факт» может быть предпринята при обозначении цели криминалистического исследования личности обвиняемого: сбор наиболее полных, точных и достоверных сведений о лице, совершившем преступление, для решения задач расследования преступлений, обеспечения эффективности проведения следственных и иных процессуальных действий. В этом смысле рассмотрение понятия «биографический факт» в связке с юридическими фактами представляется разумным шагом.

В праве под юридическими фактами подразумевают как действия (бездействия) различных лиц, так и

значимые события, которые влекут правовые последствия для тех или иных субъектов – участников правовых отношений. Юридические факты могут быть разными: правообразующие, правоизменяющие, прекращающие, правоблокирующие, правовосстанавливающие и др. При этом для биографического анализа имеет значение то обстоятельство, что многие из них фиксируются в официальных актах различных органов государственной власти: рождение, проживание, обучение, трудоустройство, правонарушения, достижения, награды, создание семьи, покупка и продажа транспортных средств, недвижимости и др., что позволяет концентрировать сведения об этих фактах в конкретных базах данных, доступных для следствия. Вместе с тем в аспекте охвата событий и действий юридический факт оказывается уже, чем биографический, поскольку многие события и действия могут не представлять интерес с точки зрения правовой оценки. Биографический факт вообще охватывает все, что происходило в жизни человека, все, что он делал. По этой причине сбор биографических фактов оказывается сложнее, чем сбор юридических фактов, при этом из связки нескольких юридических фактов могут быть сделаны выводы о целом ряде биографических фактов, существование которых нигде не зафиксировано, но которые можно установить в процессе анализа совокупности собранных данных о жизни того или иного лица.

В качестве наглядного примера можно взять за основу связку юридических фактов, сведения о которых, предположим, имеются в архивах университета, в котором обучался обвиняемый:

- 1) поступил сразу после окончания школы (11 классов), в том же году;
- 2) спустя полгода, в следующем семестре взял академический отпуск на один год;
- 3) через один год был восстановлен и продолжил обучение;
- 4) учился плохо, прогуливал занятия;
- 5) спустя один год обучения был отчислен по собственному желанию.

Какие вероятностные выводы можно сделать из этой совокупности биографических фактов? С высокой степенью вероятности можно утверждать, что поступал человек в данное учебное заведение высшего профессионального образования под влиянием внешних факторов, среди которых возможны варианты:

А. Не потерять один год и куда-то пристроиться, возможно, потому что набрал нужные баллы именно на этот факультет и в этот вуз.

Б. Принял решение о поступлении в вуз, что называется, за компанию. В этом же варианте – важна была не учеба, а человек, доступ к которому открывался при поступлении в указанное место, но этот подвариант маловероятен, так как он не сходится с тем, что он так быстро все бросил, потом снова вернулся и второй раз ушел оттуда окончательно.

В. Настояли родители (или иные лица из числа его близкого окружения) под разными предложениями.

Варианты трактовки биографических фактов могут уточняться, дополняться, если собрать больше сведений о его биографии. Так, если обнаружится частая смена места работы исследуемым, при этом уходил он без конфликтов, но качество работы всегда было плохим, а по словам его бывших одногруппников и коллег, он не старался, часто демонстрируя невысокий уровень качества выполняемой работы, и не был способен возразить коллегам и начальнику, то можно сделать вывод о высокой конформности, нерешительности, низких волевых качествах данного человека. Зная социально-психологические механизмы формирования малой группы, можно с высокой степенью вероятности предположить, что в окружении исследуемого есть человек, который является постоянным инициатором того, чтобы исследуемый шел учиться и работать.

Как видно из примера, в основе определения недостающих (неизвестных) данных о лице лежит выявление механизма гомеостаза, т.е. того, что объяснило бы смысл и логику последовательности всех его действий, того, что пролило бы свет на его мотивацию. Трудно называть результат анализа здравым смыслом или упираться на законы формальной логики, здесь речь идет именно о механизме гомеостаза как ключевого элемента, обеспечивающего адаптацию человека в процессе своей жизнедеятельности в окружающей среде и в обществе, – если один и тот же человек в разных ситуациях при разных обстоятельствах и на протяжении конкретного отрезка своей жизни проявлял одну и ту же поведенческую стратегию, делая один и тот же выбор (просто уйти, бросить, не стараться и не довести дело до конца), то именно этот выбор лежит в основе большинства его поведенческих моделей и именно он будет шаблонным и будет повторяться в его жизни, о чем также можно будет судить при дальнейшем анализе его биографических фактов. Разумеется, полученные данные будут очень ценными для следствия на этапе планирования процесса расследования и подготовки к проведению следственных действий с участием такого обвиняемого. Кроме того, если из материалов уголовного дела следует, что именно такой человек действовал в оди-

нотную, нужно задаться вопросом, а не было ли в совершенном преступлении подстрекателя или организатора.

Возможно возражение о том, что в некоторых ситуациях человек может использовать другие поведенческие стратегии и даже проявить нехарактерную для него модель поведения в схожих обстоятельствах в будущем. Такое действительно вероятно, хотя и выступает скорее исключением. Для изучения описанной ситуации необходимо выяснить:

– Является ли новая модель поведения закономерным развитием прежних моделей?

– Является ли новая модель поведения случайным отклонением от нормы (своеобразный аналог флуктуации)?

– Является ли появление новой модели следствием влияния человека со стороны?

Закономерности не могут существовать без причинно-следственных связей, поэтому, если подобный факт будет обнаружен, необходимо поставить вопрос о том, что существует какой-то фактор, вызвавший подобное изменение. Таким образом, во всех случаях, когда анализируется биография обвиняемого, следует исходить из восприятия ее в качестве «дорожной карты», на которой отражен способ адаптации, наиболее приемлемый и близкий обвиняемому, на основе доступных ему умений, знаний и навыков.

Таким образом, механизм гомеостаза проявляется в биографии личности как ключевой фактор, обеспечивающий наилучшую его адаптацию к жизни в обществе, и его изучение позволяет предусмотреть наиболее доступные, привычные и часто повторяемые им шаблоны поведенческих моделей, стратегий и отдельных действий, которые он с высокой степенью вероятности задействует не только при совершении преступления, но и на этапе расследования уголовного дела при участии в следственных действиях. Выбор и все решения, которые он делал на протяжении всей своей жизни, до этого укладываются в его индивидуальную форму адаптации. Знание об этом способно повысить результативность решения криминалистических задач, достигаемых по итогам криминалистического исследования личности обвиняемого.

Список источников

1. Ведерников Н.Т. Криминалистическое изучение личности // Криминалистика : учебник для студентов вузов / под ред. А.Ф. Волынского, В.П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана ; Закон и право, 2008. 943 с.
2. Ведерников Н.Т. Избранные труды : в 3 т. Т. 1. Томск : Изд-во ТГУ, 2009. 249 с.
3. Образцов В.А. Криминалистика: модели средств и технологий раскрытия преступлений. М. : ИМПЭ-Паблш, 2004. 397 с.
4. Ахмедшин Р.Л., Ахмедшина Н.В. Криминалистическое профилирование : учебник для вузов. М. : Юрайт, 2023. 514 с.
5. Алексеева Т.А. Криминалистическая структура устной речи // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 381. С. 167–170. doi: 10.17223/15617793/381/27
6. Романов С.П. Нейрофизиологические механизмы гомеостаза двигательных функций : дис. ... д-ра биол. наук. Л., 1989. 444 с.
7. Маслоу А. Мотивация и личность. 3-е изд. СПб. : Питер, 2003. 352 с.
8. Юань В.Л. Механизм гомеостаза в системе биографического метода криминалистического исследования личности // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 167–169.

References

1. Vedernikov, N.T. (2008) *Kriminalisticheskoe izuchenie lichnosti* [Forensic Study of Personality]. In: Volynskiy, A.F. & Lavrova, V.P. (eds) *Kriminalistika* [Forensic Science]. 2nd ed. Moscow: Yuniti-Dana; Zakon i pravo.
2. Vedernikov, N.T. (2009) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Vol. 1. Tomsk: Tomsk State University.
3. Obratsov, V.A. (2004) *Kriminalistika: modeli sredstv i tekhnologiy raskrytiya prestupleniy* [Forensics: Models of means and technologies for solving crimes]. Moscow: IMPE-Publish.
4. Akhmedshin, R.L. & Akhmedshina, N.V. (2023) *Kriminalisticheskoe profilirovanie* [Forensic Profiling]. Moscow: Yurayt.

5. Alekseeva, T.A. (2014) The criminalistic structure of oral speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 381. pp. 167–170. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/381/27
6. Romanov, S.P. (1989) *Neyrofiziologicheskie mekhanizmy gomeostaza dvigatel'nykh funktsiy* [Neurophysiological mechanisms of homeostasis of motor functions]. Biology Dr. Diss. Leningrad.
7. Maslow, A. (2003) *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. Translated from English. 3rd ed. Saint Petersburg: Piter.
8. Yuan', V.L. (2015) The mechanism of homeostasis in the biographical method of forensic investigation of the personality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 167–169. (In Russian).

Информация об авторах:

Ведерников Н.Т. – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: tsu-crime@mail.ru

Юань В.Л. – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия). E-mail: it-rigon@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.T. Vedernikov, Dr. Sci. (Law), professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: tsu-crime@mail.ru

V.L. Yuan, senior lecturer, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: it-rigon@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 06.11.2023;
одобрена после рецензирования 15.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 06.11.2023;
approved after reviewing 15.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

Научная статья
УДК 349.2
doi: 10.17223/15617793/496/23

Взаимодействие государственной социальной политики и законодательства в сфере труда и занятости в области повышения качества трудовой жизни лиц старшего поколения

Алена Вадимовна Серова¹

¹ *Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия, a.v.serova@icloud.com*

Аннотация. Исследованы документы стратегического планирования и нормативные правовые акты относительно вопросов труда и занятости лиц старшего поколения. Утверждается, что в условиях современных политико-экономических вызовов важно создать для них систему стимулирования длительной занятости. Предлагается на основе концепции повышения качества трудовой жизни предусмотреть использование в сфере труда и занятости комплекса политико-программных и правовых инструментов для реализации трудового потенциала лиц старшего поколения с учетом различий в потребностях и обусловленных состоянием здоровья возможностях у лиц предпенсионного возраста и пенсионеров по старости.

Ключевые слова: лица старшего поколения, лица предпенсионного возраста, активное долголетие, качество трудовой жизни, отраслевые соглашения, политико-экономические вызовы

Источник финансирования: исследование выполнено при финансовой поддержке УрГЮУ имени В.Ф. Яковлева в рамках реализации проекта ведущей научной школы № 0504/23.

Для цитирования: Серова А.В. Взаимодействие государственной социальной политики и законодательства в сфере труда и занятости в области повышения качества трудовой жизни лиц старшего поколения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 206–219. doi: 10.17223/15617793/496/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/496/23

Interaction of state social policy and legislation on labor and employment in the field of improving the quality of older people's working life

Alena V. Serova¹

¹ *Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russian Federation, a.v.serova@icloud.com*

Abstract. The current demographic situation in Russia is characterized by the trend of a natural decline and aging of the population. Almost a quarter of Russian citizens are in the older age group. Today, the Russian labor market, for the first time in many years, is experiencing a shortage of personnel, which has arisen against the backdrop of geopolitical processes. Despite the pension reform and the accompanying changes in labor and employment legislation, there is still a high level of unemployment among the older generation. As you know, older people face a number of difficulties in the labor market. Most of them are associated with age-related changes that occur in connection with aging. Despite the enormous experience they have accumulated, with digitalization, their qualifications no longer meet the needs of the economy. Therefore, the aim of this work is to find the best ways to develop the state social policy and legislation on labor and employment in the field of improving the quality of older people's working life. Within the framework of the study, the following tasks are consistently solved: the study of the genesis and interaction of the state social policy and legislation on labor and employment of the older generation; analysis of the current provisions of the legislation on labor and employment in terms of their potential to contribute to improving the quality of working life of the older generation; gradation of the older generation for the purposes of reforming legislation in the field of labor and employment; proposal and scientific substantiation of ways to solve the identified problems. The methodological basis of the research is formed by the general scientific dialectical method of cognition of objective reality. Analysis and synthesis, induction and deduction, ascent from the abstract to the concrete, and others were used to collect, process, analyze and interpret the information necessary for the study, formulate conclusions. The method of systems analysis, formal-legal, historical-legal, and political-legal methods were applied. The results of the study prove that, with the help of political, program and legal instruments, it is necessary to create both a system of stimulation of long-term feasible employment for the older generation and conditions for maintaining their demand in the labor market. At the same time, the concept of improving the quality of working life should become the basis for building such a set of motivational measures. The opinion expressed in the literature that a differentiated approach should be used to solving the problem of the quality of working life of persons of pre-retirement age and old-age pensioners due to differences in their needs is supported. Options for solving the problem of competition between the policy of active longevity and the youth policy are proposed.

Keywords: persons of the older generation, persons of pre-retirement age, active longevity, quality of working life, industry agreements, political and economic challenges

Financial support: The reported study was funded by USLU named after V.F. Yakovlev as part of the leading scientific school project No. 0504/23.

For citation: Serova, A.V. (2023) Interaction of state social policy and legislation on labor and employment in the field of improving the quality of older people's working life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 496. pp. 206–219. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/496/23

Одной из современных демографических проблем российского общества является естественная убыль населения. В 2021 г. она составила 1 043 341 чел. [1]. При этом уменьшение численности населения происходит на фоне его старения. В течение многих лет статистические данные показывали рост численности населения России в возрасте старше трудоспособного. Доля такой категории граждан в общей численности населения России с 2005 по 2019 г. выросла с 20,4% до 25,9%. Начиная с 2020 г. она уменьшается, но незначительно. В 2022 г. такой показатель составил 24,1%, что соответствует 35 013,2 тыс. чел. [2]. Вероятно, такое снижение связано с последствиями распространения пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, но так или иначе он остается на достаточно высоком уровне.

В условиях сложившейся тенденции старения населения России проблема увеличения периода активного долголетия старшего поколения является одним из актуальных направлений социальной политики нашего государства. Как указывают разработчики проекта Концепции политики активного долголетия, под политикой активного долголетия понимается «целостная система принципов, задач и мер, направленная на повышение качества жизни граждан старшего поколения благодаря расширению возможностей для физического, социального, экономического и психологического благополучия на протяжении всей жизни» [3. С. 7].

Важно понимать, что такая политика носит глобальный характер. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) выражает свою озабоченность проблемой эйджизма, как минимум, с начала XX в. 2020–2030 гг. объявлены ею десятилетием здорового старения [4], в рамках которого был подготовлен Глобальный доклад о проблеме эйджизма. В нем указано, что эйджизм – это стереотипы, предрассудки и дискриминация в отношении людей на основании их возраста, он причиняет вред здоровью и благополучию и препятствует принятию эффективных мер политики и действиям в отношении здорового старения [5]. В России базовые положения политики активного долголетия содержатся в федеральном проекте «Старшее поколение» в структуре национального проекта «Демография». Основная его задача – разработка и реализация программы системной поддержки и повышения качества жизни граждан старшего поколения.

Анализ положений федерального проекта позволяет сказать, что в деятельности российского государства антиэйджизм рассматривается в приоритетном порядке как профилактика старения с сохранением качества жизни лиц старшего поколения. В первую очередь предполагается решение вопросов, связанных с

охраной здоровья таких граждан. Свидетельством тому является указание в качестве первого результата федерального проекта «Старшее поколение» [6] (в ред. 2018 г.) увеличение периода активного долголетия и продолжительности здоровой жизни. В этом же направлении развивается и региональная демографическая политика. Вопросы повышения качества жизни лиц старшего поколения являются неотъемлемой частью Стратегий социально-экономического развития регионов¹ и предметом отдельных региональных программ².

Одновременно увеличение продолжительности жизни людей неизбежным образом ставит на повестку дня вопрос о продлении активности граждан в трудовой сфере. Недаром в утвержденной в 2016 г. Правительством РФ Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г. [9] (далее – Стратегия) подчеркивается значимость участия граждан старшего поколения в общественной жизни, поскольку они обладают колоссальным уровнем профессиональной компетентности, стремятся к осуществлению трудовой деятельности, участвуют в производстве материальных благ, транслируют свой опыт молодым специалистам, обеспечивая тем самым связь и солидарность поколений. Авторами проекта Концепции политики активного долголетия также указывается, что занятость наряду с участием в жизни общества и автономной жизнью является одной из областей осуществления такой политики [3. С. 9]. Поэтому демографическая политика в отношении лиц старшего поколения не оставляет в стороне вопросы их занятости.

Однако при всей совокупности положительных результатов политики активного долголетия она имеет некоторые негативные побочные эффекты. В частности, возникает угроза устойчивости существующей пенсионной системы: продолжительность жизни увеличивается, но лица старшего поколения не стремятся долго работать. Статистические данные показывают, что с 2015 по 2017 г. наблюдался спад доли лиц, работающих в возрасте 50–59 лет с 22,3 до 21,7%, в то время как доля лиц, работающих в возрасте 60–72 лет составляла всего 5,3% [10]. Согласно одним из последних имеющихся данных, в 2021 г. занятыми в возрасте 55–59 лет было 1 814,8 тыс. чел., в возрасте 60–64 лет этот показатель меньше на 26,5% (1 333,9 тыс. чел.), а в возрасте от 65 лет и старше он уменьшился уже на 57,8% (766,7 тыс. чел.) [11]. Средняя продолжительности трудовой деятельности после назначения пенсии составляет 7,47 лет, при этом больше 15 лет работают всего 1,7% пенсионеров [12]. Снижение активности в сфере труда по мере взросления работников обусловлено вполне понятными и объективными причинами.

Согласно исследованиям, лица в возрасте 45–60 лет находятся на таком этапе развития своей карьеры, как сохранение. Этот этап характеризуется тем, что здесь «наступает пик совершенствования квалификации и происходит ее повышение в результате активной деятельности и специального обучения, работник заинтересован передать свои знания молодежи... многие потребности работника в этот период удовлетворены, его продолжает интересовать уровень оплаты труда, но появляется все больший интерес к другим источникам дохода» [13. С. 80]. Следующий этап – этап завершения. Он длится около 5 лет: с 60 до 65 лет. Это кризис карьеры, когда работники получают «все меньшее удовлетворение от работы и испытывают психологический и физиологический дискомфорт» [13. С. 80–81], а потому все меньше проявляют интерес к трудовой деятельности. Ввиду этого перед государством встает непростой вопрос о том, как мотивировать «возрастных» работников к тому, чтобы они как можно дольше оставались включенными в состав рабочей силы.

Ученые-социологи и экономисты активно проводят исследования в поиске ответа на данный вопрос. Ими изучаются разные способы, но большинство из них солидарны в том, что система мотивации должна иметь одновременно трех адресатов: заинтересованность в этом следует сформировать как у самих работников старшего поколения, так и у работодателей, и у государства. В этой связи предметом научного анализа в отношении работников становятся методы административного принуждения (к примеру, проведение пенсионной реформы по повышению пенсионного возраста) или экономического стимулирования; в отношении работодателей – поддержка в их действиях по найму и сохранению рабочих мест для «возрастных» работников; со стороны государства – повышение конкурентоспособности лиц старшего возраста на постоянно изменяющемся рынке труда [14. С. 147].

Как известно, в 2018 г. в России была проведена пенсионная реформа, в результате которой был повышен возраст назначения страховой пенсии по старости. Параллельно в ином отраслевом законодательстве появились некоторые льготные и защитные положения для лиц предпенсионного возраста: в законодательстве о занятости населения они были отнесены к числу лиц, испытывающих трудности в поиске работы, установлены специальные правила выплаты пособия по безработице; в трудовом законодательстве установлены гарантии при прохождении диспансеризации; установлена уголовная ответственность за необоснованный отказ в приеме на работу или за необоснованное увольнение. Вместе с тем оценить такие новшества как эффективные затруднительно. К примеру, льготный порядок исчисления пособий по безработице скорее демотивирует активную занятость предпенсионеров, учитывая, что пенсионеры вообще такой возможности лишены, поскольку они не могут получить статус безработного гражданина. Поэтому заявленное направление государственной политики в области содействия занятости населения – осуществление мероприятий, способствующих занятости граждан, испытывающих

трудности в поиске работы, по крайней мере, на федеральном законодательном уровне – оказалось фактически нереализуемым. А усиление уголовной ответственности работодателей чаще всего имеет обратный эффект: это делает такую категорию работников еще более непривлекательной для них. Данные Росстата также не показывают положительную динамику: с 2015 по 2023 г. численность работающих пенсионеров упала почти в 2 раза: с 14 917 тыс. до 7 912 тыс. чел. [15]. Следовательно, введенная в действие комбинация способов мотивирования лиц старшего поколения на продолжение трудовой деятельности, где преобладают административные способы, не дает нужных результатов, а значит, есть основания задуматься об их модификации или об использовании иных способов стимулирования занятости у лиц старшего поколения. В пределах нашего исследования остановим свое внимание на потенциале политико-программных и правовых инструментов в сфере труда и занятости.

Для начала отметим, что на рынке труда положение лиц старшего поколения весьма сложное. Несмотря на то, что уровень безработицы среди лиц в возрасте старше трудоспособного составил в 2022 г. всего 2,2% [16] (это ниже общего показателя в 3,9% [17]), что в большей степени обусловлено нежеланием самих граждан работать в таком возрасте, но граждане, которые хотят продолжить работать, сталкиваются с трудностями в поиске работы. Ими могут быть: устаревание знаний, умений и навыков; повышение требований со стороны самих работников, например, к месторасположению рабочего места, к снижению уровня нагрузки на работе; со стороны работодателя – отсутствие желания принимать на работу лиц старшего поколения, обучать их, создавать им облегченные условия труда и иные [3. С. 14, 17]. По данным Росстат, среднее время поиска работы у лиц старшего поколения составляет 6,7 месяцев [16]. Такая проблематика, безусловно, на первый план выводит государственную политику в сфере содействия занятости населения.

Действительно, ее инструменты были имплементированы в демографическую политику в отношении лиц старшего поколения. К примеру, в Федеральном проекте «Старшее поколение» в редакции 2018 г. предполагалось достижение четырех результатов: они были связаны с охраной здоровья, созданием системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, улучшением работы организаций социального обслуживания и, что для нас более всего интересно, проведением мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста. Одним из результатов данного проекта была организация мероприятий по профессиональному обучению и дополнительному профессиональному образованию лиц предпенсионного возраста. К концу 2024 г. планировалось таким образом обучить не менее 450 тыс. граждан предпенсионного возраста. Вместе с тем в ходе модернизации национального проекта «Демография» в 2021 г. [18] были изменены показатели федерального проекта «Старшее поколение»: в частности, вопрос занятости был снят с его повестки дня и интегрирован в

федеральный проект «Содействие занятости», который также включен в национальный проект «Демография». С тех пор он учитывается в таком показателе, который называется «Предоставление возможности повысить квалификацию и приобрести дополнительные знания и навыки в целях содействия занятости населения». Порядок реализации такого мероприятия был определен Правительством РФ в мае 2021 г. [19]. Само по себе такое перемещение не должно оцениваться негативно, но если раньше четко оценивалось количество обученных лиц предпенсионного возраста, то новый показатель прямо это не предусматривает. Сейчас рассчитывается общий показатель – доля завершивших обучение из числа граждан, ищущих работу и обратившихся в органы службы занятости, включая наряду с иными категориями граждан (по состоянию на 10 мая 2023 г. их 10 [20]) лиц в возрасте 50 лет и старше, а также граждан предпенсионного возраста. Думается, что с точки зрения отношения к лицам старшего поколения это свидетельствует о смещении акцентов в демографической политике, когда у государства снижается интерес к решению вопросов их занятости. Вероятно, на это могло повлиять активное распространение в 2020–2021 гг. пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 и другие факторы. К тому же к 2021 г. уже не так остро стала восприниматься в обществе ситуация относительно пенсионной реформы 2018 г., что позволило несколько сместить фокус внимания в рамках государственной политики в области содействия занятости населения.

Таким образом, в государственной политике в сфере содействия занятости населения избран довольно скромный подход к решению проблемы занятости лиц старшего поколения, даже с учетом тех положений, которые появились в законодательстве о занятости населения для лиц предпенсионного возраста. В арсенале данного направления политики государства в сфере труда и занятости есть намного большее количество политико-программных и правовых инструментов, которые могли бы быть задействованы в решении исследуемой проблематики. К примеру, в проекте Концепции политики активного долголетия сформулирован целый комплекс мер, сгруппированных в два блока: первый блок посвящен сохранению и увеличению занятости в старшем возрасте (5 видов мер); второй блок – реализации концепции обучения в течение всей жизни (7 видов мер) [3. С. 32–34].

На сегодняшний день это упущение компенсируется в отдельных регионах РФ. Так, например, среди задач региональной программы Свердловской области в интересах граждан старшего поколения до 2025 г. [21] указаны: повышение конкурентоспособности граждан старшего поколения на рынке труда; создание экономических, социальных и правовых условий, обеспечивающих недопущение дискриминации граждан старшего поколения и способствующих стимулированию пожилых людей к продолжению трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста как на прежних, так и на новых рабочих местах в соответствии с их пожеланиями, профессиональными

навыками и физическими возможностями; обеспечение совершенствования организации профессионального обучения, дополнительного профессионального образования по востребованным на рынке труда профессиям и специальностям для реализации трудового потенциала граждан старшего поколения. Одним из важнейших показателей эффективности региональной программы является уровень трудоустройства граждан старшего поколения (предпенсионного и пенсионного возраста), обратившихся в органы службы занятости населения Свердловской области за содействием в поиске подходящей работы. В качестве примера расширяющей федеральный минимум гарантий законодательной практики можно привести следующие субъекты РФ. В Москве [22] осуществляется содействие занятости жителям г. Москва, достигших возраста 50 лет, которое предполагает организацию не только реализации программ профессионального обучения, повышения квалификации и профессиональной подготовки, но и приобретения ими предпринимательских навыков. Для этого предусмотрено создание специального центра переподготовки и трудоустройства таких жителей. В г. Севастополь [23] осуществляется квотирование и резервирование рабочих мест для лиц предпенсионного возраста. Таким образом, даже при изменении фокуса внимания в отношении лиц старшего поколения в рамках федерального уровня государственной социальной политики регионы имеют возможность скорректировать его с учетом их насущных потребностей в социально-экономическом развитии и ситуации на региональном рынке труда.

Если говорить о трудовом законодательстве, то далеко не все установленные особенности правового регулирования труда работников старшего поколения преследуют цель повышения качества их трудовой жизни и, как следствие, стимулируют их длительную занятость. К числу таковых можно отнести следующие положения: допущение заключения по соглашению сторон срочного трудового договора, если на работу поступает пенсионер по возрасту (ч. 2 ст. 59 ТК РФ [24]); установление предельного возраста (70 лет) пребывания на должностях руководителей, заместителей руководителей государственных и муниципальных образовательных организаций высшего образования и руководителей их филиалов (ст. 332.1 ТК РФ), а равно научных организаций и их филиалов (ст. 336.2 ТК РФ); императивное правило о срочном трудовом договоре указанных лиц (ст. 332.1 и 336.2 ТК РФ); установление для них такого дополнительного основания прекращения трудового договора, как достижение предельного возраста для замещения соответствующей должности (ст. 336 и 336.3 ТК РФ); похожее правило о предельном возрасте пребывания на должности (65 лет), о срочном характере трудового договора, дополнительном основании прекращения трудового договора установлено для руководителей, заместителей руководителей медицинских организаций, подведомственных федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов РФ или органам местного самоуправления, руководителей филиалов медицинских организаций, подведомственных федеральным

органам исполнительной власти (ст. 350 ТК РФ). Если большинство из них оправдано спецификой профессиональной деятельности и руководящим характером самой должности, то положения ст. 59 ТК РФ являются явно дискриминационными, что не раз было раскрытировано на страницах научной литературы [25. С. 80].

Оценить как способствующие повышению качества трудовой жизни работников старшего поколения можно следующие положения: обязанность работодателя предоставить отпуск без сохранения заработной платы до 14 календарных дней в году работающим пенсионерам по старости (по возрасту) – ч. 2 ст. 128 ТК РФ); гарантии при прохождении диспансеризации (ч. 3 ст. 185.1 ТК РФ); продление срока пребывания руководителя государственной или муниципальной образовательной организации высшего образования в своей должности по достижении им предельного возраста в случаях, установленных в федеральных законах или решениях Президента РФ (ст. 332.1 ТК РФ); аналогичная гарантия для руководителя государственной или муниципальной научной организации (ст. 336.2 ТК РФ) и для руководителя медицинской организации, подведомственной федеральному органу исполнительной власти, органу исполнительной власти субъекта РФ или органу местного самоуправления и его заместителя (ст. 350 ТК РФ).

Стоит отметить, что объем трудовых гарантий, способствующих повышению качества трудовой жизни лиц старшего поколения, так же как и в сфере содействия занятости населения, расширяется в законодательческой практике регионов РФ. Так, в законодательстве отдельных субъектов РФ дополнительные гарантии трудовых прав в большинстве случаев предоставляются ветеранам труда (мужчинам по достижении возраста 60 лет и женщинам по достижении возраста 55 лет): ежегодный отпуск в любое удобное время (Республика Башкортостан [26], Республика Дагестан [27], Республика Ингушетия [28], Республика Калмыкия [29], Карачаево-Черкесская Республика [30], Астраханская область [31], Брянская область [32], Кировская область [33], Оренбургская область [34], Пензенская область [35]); отпуск без сохранения заработной платы сроком до 30 рабочих дней в году (те же субъекты РФ, за исключением Кировской области), а в Республике Ингушетия, Пензенской области – до 35 календарных дней в году, в Астраханской, Оренбургской областях – до 30 календарных дней в году. Количество субъектов, в которых для «возрастных» работников установлены дополнительные гарантии трудовых прав, составляет 10 из 89. Это всего около 11%.

Еще одним популярным правовым инструментом для предоставления лицам старшего поколения дополнительных гарантий в сфере труда, а иногда и в сфере занятости являются акты социального партнерства. Приведем несколько примеров.

В жилищно-коммунальном хозяйстве [36] рекомендованы компенсационные выплаты при увольнении по сокращению штата или в связи с ликвидацией организации (работникам предпенсионного возраста, но не более чем за два года до наступления установленного законодательством срока выхода на пенсию – выплата

ежемесячного пособия в размере двукратной минимальной тарифной ставки (минимального оклада), установленной в организации, но не ниже прожиточного минимума трудоспособного населения в регионе до наступления пенсионного возраста или момента трудоустройства; работникам пенсионного возраста – в размере не менее трехкратного среднего месячного заработка, а увольняемым из организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, – не менее девятикратного среднего месячного заработка), выплата материальной помощи при увольнении работника по собственному желанию после установления трудовой пенсии по старости (с учетом стажа работы и периода увольнения после наступления пенсионного возраста), единовременная выплата при расторжении с работником трудового договора в пенсионном возрасте, а также разработка и реализация мер по содействию занятости граждан, испытывающих трудности в поиске работы, в том числе лиц предпенсионного возраста.

В авиационной промышленности [37] установлен запрет на принуждение работников к увольнению по собственному желанию при достижении пенсионного возраста с целью заключения срочного трудового договора по аналогичной должности (профессии, специальности) в том же подразделении работодателя. На работодателей возложена обязанность вносить в трудовой договор позиции об условиях приема на работу по специальностям и рабочим местам, занятость на которых дает право на пенсию по возрасту (по старости) на льготных условиях (пенсионного страхования и гарантий в связи с работой, связанной с вредными и (или) опасными условиями труда). Предусмотрено положение о том, что в целях предотвращения массового высвобождения работников при временном сокращении объемов производства и снижении уровня безработицы работодатель по согласованию с выборным коллегиальным органом первичной профсоюзной общественной организации Профавиа разрабатывает мероприятия в том числе по использованию возможностей негосударственных пенсионных фондов для досрочного выхода на пенсию работников предпенсионного возраста.

В дорожном хозяйстве [38] установлен запрет на увольнение по сокращению штата или численности работников предпенсионного возраста (в течение пяти лет до наступления возраста, дающего право на страховую пенсию по старости, в том числе назначаемую досрочно) без трудоустройства в действующих организациях, при этом работодатели должны способствовать трудоустройству вышеуказанных категорий работников и при ликвидации организации, аналогичное правило предусмотрено для работников предпенсионного возраста, признанных неспособными выполнять работу по специальности по медицинским (и иным) показателям, без трудоустройства в действующих организациях. Работодатели взяли на себя обязанность не привлекать работников предпенсионного возраста к сверхурочной работе, работе в ночное время и работе в выходные и праздничные дни без их письменного согласия; на работодателей возложена обязанность по

организации переобучения (с сохранением средней заработной платы на период переобучения) лиц предпенсионного возраста с целью неприменения труда этой категории работников на работах с вредными и (или) опасными условиями труда, определяемыми по результатам специальной оценки условий труда, при которых законодательно не предусмотрено досрочное назначение пенсии.

В лесном хозяйстве [39] рекомендуется закрепить в коллективном договоре или локальном нормативном акте преимущественное право на оставление на работе при сокращении численности или штата работников лиц предпенсионного возраста.

В Электроэнергетике [40] работодатели обеспечивают предоставление работнику, увольняемому по сокращению численности или штата за два и менее года до наступления пенсионного возраста, единовременной материальной помощи, выплачиваемой в связи с уходом на пенсию. Предусмотрена компенсационная выплата работникам предпенсионного возраста, но не более чем за два года до наступления установленного законодательством срока выхода на пенсию – в размере не менее пятикратного среднего месячного заработка или по желанию работника – не менее 20% среднего месячного заработка ежемесячно до наступления пенсионного возраста или момента трудоустройства; работникам пенсионного возраста – в размере не менее пятикратного среднего месячного заработка, а увольняемым из организаций, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, – не менее восьмикратного среднего месячного заработка³. Установлена выплата единовременной материальной помощи при увольнении работника из организации по собственному желанию после установления трудовой пенсии по старости (с учетом стажа работы и периода увольнения после наступления пенсионного возраста), при этом работодатели самостоятельно определяют порядок и условия такой выплаты.

В высшем образовании [41] рекомендовано в коллективных договорах предусмотреть: преимущественное право оставления на работе при расторжении трудового договора в связи с сокращением численности или штата следующих работников при равной квалификации и производительности труда работников, отнесенных в установленном порядке к категории граждан предпенсионного возраста; обязательство по недопущению увольнения работников предпенсионного возраста, а в случае увольнения – с обязательным уведомлением об этом территориальных органов занятости и территориальной организации профсоюза не менее чем за два месяца.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют роль не только отраслевых соглашений, а всего института социального партнерства в решении вопросов повышения качества трудовой жизни лиц старшего поколения, когда совместными усилиями представителей всех заинтересованных сторон (работников, работодателей и государства) увеличивается не только качество предусмотренных в трудовом законодательстве положений (например, дополняется перечень категорий работников, которых нельзя привлекать к сверхурочной

работе без их письменного согласия), но и их количество (например, обязанность переобучать работников). Тем самым правовое регулирование становится более эффективным и разнообразным. Вместе с тем далеко не все отраслевые соглашения имеют такую коннотацию. Например, положения, которые касаются компенсации утраты заработка по причине увольнения, напрямую связанной с достижением предпенсионного или пенсионного возраста, вряд ли стоит рассматривать как способ стимулирования стабильной занятости работников старшего поколения. Скорее, наоборот, это то, что будет поощрять таких работников к высвобождению. Рассматривать это в качестве отрицательного момента не стоит, поскольку с помощью отраслевых соглашений можно скорректировать баланс между разными направлениями государственной социальной политики с учетом реальных потребностей конкретной отрасли экономики: либо сделать крен в сторону поддержания длительной занятости лиц старшего поколения, либо, наоборот, стимулировать их к раннему уходу на пенсию и освобождению рабочих мест для молодых кадров. Здесь пока остановим обсуждение данной проблематики, но отметим, что недостатком отраслевых соглашений является то, что большинство предусмотренных в них дополнительных гарантий носит рекомендательный для работодателя характер, поскольку их существование ставится в зависимость от решения самого работодателя (захочет ли он включить такое условие в коллективный договор или предусмотреть это в своем локальном нормативном акте). Поэтому степень эффективности таких положений невысока и носит, по сути, декларативный характер. Это некоторая программа действий для него на будущее. Таким образом, для обеспечения реальности и действенности предусмотренных в них положений стоит рекомендовать социальным партнерам стараться придавать им императивный, а не рекомендательный характер.

Рассуждая о государственной политике в сфере труда и занятости, об отраслевом законодательстве относительно вопросов повышения качества трудовой жизни лиц старшего поколения, необходимо уточнить еще один важный момент – юридические тонкости используемого понятийного аппарата. Категория «лица старшего поколения» довольно разнообразна по своему составу. Поэтому важно, чтобы принимаемые политико-программные и правовые меры имели четко определенный круг адресатов, а по своему содержанию максимально отражали их потребности и возможности.

ВОЗ к пожилому относит возраст от 60 до 74 лет, к старческому – от 75 до 90 лет, а к долголетию – старше 90 лет. Сразу отметим, что для российской нормотворческой практики термин «граждане пожилого возраста» является устаревшим⁴. В статистических целях Росстат аккумулирует сведения относительно следующих категорий: лица старше трудоспособного возраста; возрастная группа от 55 до 59 лет; возрастная группа от 60 до 64 лет; возрастная группа от 65 лет и старше. Иногда возрастные группы укрупняются, но так или иначе нижняя возрастная планка обычно определяется в 55 лет.

В Стратегии такая градация проведена с учетом трех факторов: продолжительность жизни, состояние здоровья и пенсионная система. Соответственно этому лица старшего поколения условно распределены по трем группам: граждане в возрасте от 60 до 64 лет (достаточно активные в экономическом и социальном плане люди, продолжающие осуществлять трудовую деятельность); граждане в возрасте от 65 лет до 80 лет (менее активные люди, многим из которых требуются медицинская помощь и социальные услуги); граждане старше 80 лет (люди, имеющие множественные проблемы со здоровьем и зачастую нуждающиеся в уходе и помощи). В рамках настоящего исследования интерес вызывают первая группа (в большей степени) и вторая группы.

Нормативное же определение круга лиц старшего поколения отсутствует, но и использовать указанную в Стратегии градацию не совсем правильно, поскольку она сужает круг лиц, в отношении которых с возрастной точки зрения необходимо рассматривать проблему реализации концепции повышения качества трудовой жизни. Как уже было указано ранее, в ходе проведения пенсионной реформы появились специальные гарантии в сфере труда и занятости для лиц предпенсионного возраста. Так, в примечании к ст. 144.1 УК РФ [43] указывается, что предпенсионный возраст – возрастной период продолжительностью до пяти лет, предшествующий назначению лицу страховой пенсии по старости в соответствии с пенсионным законодательством РФ. Вместе с тем в самом ТК РФ это понятие не используется. Но при этом такое «молчание», как мы увидели, успешно восполняется в рамках социального партнерства, например в отраслевых соглашениях⁵. Еще одна специальная категория граждан, которую нужно иметь в виду и о которой было уже упомянуто, – ветераны труда. К ним относятся лица, имеющие удостоверение «Ветеран труда» либо имеющие иные награды, указанные в п. 2 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» [45].

В ТК РФ используется иной подход к определению возрастного диапазона. Во-первых, в его понятийный аппарат включены понятия, содержание которых требуется уяснить в иных нормативных правовых актах. К примеру, такими являются понятия «пенсионеры по старости» и «пенсионеры по возрасту» (ст. 59, 128 ТК РФ). Но если обратиться к пенсионному законодательству, то обнаружится некоторая вариативность их определения. Так, согласно Федеральному закону от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» [46], под пенсионером по старости следует понимать гражданина, которому назначена страховая пенсия по старости, при этом он достиг возраста 65 и 60 лет (мужчины и женщины соответственно), имеет страховой стаж не менее 15 лет и величину индивидуального пенсионного коэффициента в размере не менее 30⁶. В этой связи сам по себе возраст не является достаточным обстоятельством для отнесения работника к числу пенсионеров по старости. В Федеральном законе от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» [47] используются иные критерии в решении этого вопроса:

пенсия по старости назначается гражданам, пострадавшим в результате радиационных или техногенных катастроф. Поэтому если с точки зрения пенсионного законодательства гражданин получил статус пенсионера по старости, то на него начинают распространяться соответствующие положения ТК РФ. Второй вариант определения круга работников старшего поколения в ТК РФ предполагает установление возрастного ценза, имеющего конкретное целевое предназначение, о котором было упомянуто ранее: это может быть 70 лет (руководители, заместители руководителей государственных и муниципальных образовательных организаций высшего образования и руководители их филиалов – ст. 332.1 ТК РФ, или научных организаций – ст. 336.2 ТК РФ) и 65 лет (медицинские работники, ст. 350 ТК РФ). Поэтому даже установленный самим ТК РФ возрастной ценз также является вариативным и зависит от категории работников. Тем самым мы приходим к выводу, что в ТК РФ нет ни обобщенного понятия, которое содержательно включало бы в себя всех лиц старшего поколения, ни универсального подхода к определению нижней или верхней возрастных границ для правового регулирования их труда.

Стоит отметить, что разнообразие используемых в законодательстве терминов отнюдь не свидетельствует о его недостатках. Данное обстоятельство следует рассматривать как стремление государства по-разному подходить к правовому регулированию вопросов труда и занятости лиц старшего поколения, с чем, безусловно, следует согласиться. В ранее упомянутой Стратегии на это прямо обращается внимание: «Меры в отношении таких граждан должны быть дифференцированы в зависимости от потенциала и потребностей различных возрастных групп граждан старшего поколения». Действительно, разный возраст обуславливает разную степень уязвимости на рынке труда тех или иных категорий работников старшего поколения, особенно это касается риска утраты работы и заработка, и, как следствие, разную степень мотивации к осуществлению трудовой деятельности. Кроме того, в некоторых случаях при наличии дополнительных обстоятельств одни работники старшего поколения требуют особо повышенного внимания со стороны государства в силу их многолетнего добросовестного труда и иных трудовых заслуг (как, например, ветераны труда), а другие, наоборот, попадают под определенные ограничения, когда интересы работодателя находятся в приоритете перед необходимостью заботы о повышении качества их трудовой жизни (если речь идет, например, о руководящих должностях).

Но так или иначе для работников старшего поколения не возраст сам по себе является основанием для дифференцированного подхода к ним, а те изменения, которые происходят с ними в связи с процессом старения. Иными словами, действительным основанием установления обоснованных различий является фактор здоровья, а если быть еще более точным, – ухудшение состояния здоровья, вызванное естественным биологическим процессом старения. Именно эта идея проходит красной нитью в документах стратегического планирования в рамках политики активного долголетия. И

именно она является одним из актуальных направлений современных исследований в социологии и экономике. Как справедливо утверждают экономисты, «здоровье влияет на занятость не только через физиологические ограничения трудовой деятельности, но и через мотивационные установки в условиях рыночной оценки труда» [48. С. 1427].

Как известно, старение – процесс индивидуальный: у разных людей так называемые возрастные изменения происходят в разное время. Но дифференциация нормативного регулирования требует избрания в качестве основы обобщенных критериев для установления различий между разными группами работников. Для законодателя возрастной ценз – наиболее подходящий критерий, показывающий ту самую усредненную характеристику лиц старшего поколения, отражающую их желание, способность и возможность продолжать эффективно реализовывать свой трудовой потенциал. Однако учет в законодательстве только возраста, как показывают результаты проведенного исследования, не является достаточным для создания эффективной системы мер, обоюдно стимулирующих работодателей и работников старшего поколения к их длительной занятости. Думается, что внедрение концепции повышения качества трудовой жизни, которая как раз и предполагает создание условий для самореализации работников и усиление степени удовлетворенности их своим трудом, способна помочь направить развитие государственной социальной политики и законодательство в сфере труда и занятости в нужное русло. Следует перейти на такой подход в регулировании вопросов труда и занятости лиц старшего поколения, который бы интегрировал учет состояния здоровья в фактор возраста как основания для дифференциации правового регулирования труда и занятости разных групп лиц старшего поколения. Аналогичный подход уже реализуется в отношении несовершеннолетних работников. В условиях действия современных политико-экономических вызовов это становится особенно актуальным. Недаром в Стратегии состояние здоровья – один из критериев, используемых для градации лиц старшего поколения. В этой связи стоит согласиться с высказанным в научной литературе мнением, что при установлении особых правил в правовом регулировании труда лиц старшего поколения необходимо учитывать, что у разных групп данной категории лиц отличаются приоритеты в сфере труда и занятости. Если у лиц предпенсионного возраста на первом месте стоит сохранение работы (как минимум для обеспечения должного уровня материального достатка) и защита от дискриминации, но при этом вопросы сохранения здоровья для работника начинают играть существенную роль, то для лиц, достигших пенсионного возраста, в приоритете уже иные потребности – поддержание здоровья и самореализация [49. С. 569, 571]. Данный тезис убедительно доказывается проводимыми экономическими исследованиями [50. С. 153].

Исходя из изложенного, в трудовом законодательстве представляется необходимым создание для лиц старшего поколения, которые уже приобрели статус

пенсионера по старости, совокупность дополнительных гарантий, направленных на смягчение их условий труда. К примеру, в ТК РФ можно было бы определить следующие правила: использование ежегодного оплачиваемого отпуска в удобное время, обязательное установление по желанию такого работника неполного рабочего времени, режима гибкого рабочего времени, дистанционной работы (в том числе смешанного характера); ограничение возможности территориального перемещения; только с их письменного согласия привлечение к работе в выходные и нерабочие праздничные дни, к сверхурочной работе, к работе в ночное время, направление в служебные командировки. В литературе, причем не только в юридической, но и в экономической, не раз высказывалась подобная позиция [48. С. 1429; 49. С. 570; 51. С. 794]. Как мы увидели, незначительно она реализуется на региональном и отраслевом уровнях, но со стороны федерального законодателя она до сих пор не нашла должной поддержки. Для лиц предпенсионного возраста полезным было бы более активное продвижение в субъектах РФ идеи резервирования и квотирования рабочих мест для лиц старшего поколения. А общим вариантом поддержания уровня занятости лиц старшего поколения может быть развитие института обучения работников для обеспечения соответствия их квалификации потребностям экономики и института наставничества для поддержания активной трансляции накопленного ценного опыта молодому поколению. Тем более что государственными деятелями уже озвучена идея как минимум о создании профессионального стандарта для наставников [52].

Вместе с тем, чтобы эффект стимулирования длительной занятости среди лиц старшего поколения не был нивелирован стремлением работодателями вообще не иметь в своем штате таких работников, нужно сбалансировать эти дополнительные гарантии мерами, адресатами которых были бы работодатели. Причем достижение этого за счет положений санкционного характера, думается, не является эффективным. В литературе, например, предлагается заменить уголовное преследование работодателей по ст. 144.1 УК РФ на создание быстрых и доступных внесудебных механизмов защиты от дискриминации [49. С. 570]. Стоит также задуматься о программе субсидирования работодателей, которые принимают на работу лиц старшего поколения, обучают их дополнительным компетенциям или новым профессиям. Такие положительные меры стимулирования работодателей могут иметь больший эффект, нежели риск привлечения их к ответственности.

Тем самым можно было бы помочь лицам старшего поколения оставаться востребованными работниками, адаптироваться к изменениям сферы труда, происходящим в том числе в связи с ее цифровизацией [50. С. 149], улучшить их материальное благосостояние, работодателям – решить проблему с нехваткой рабочей силы в отдельных отраслях экономики с связи со сложившейся геополитической обстановкой, а государству – выполнить задачи, поставленные в рамках политики активного долголетия.

Однако положительный настрой может быть нарушен другой проблемой, которую нельзя обойти в рамках настоящего исследования, – существующая конкуренция между политикой активного долголетия и молодежной политикой. В сфере труда и занятости они являются выражением разнополярных интересов государства. Не секрет, что молодежь, как и лица старшего поколения, являются непривлекательной для работодателей рабочей силой. К примеру, среди выпускников профессионального образования 2021 г. выпуска уровень безработицы составляет 11,2% [53]. Не случайно в научной литературе проблематика их трудоустройства рассматривается в tandem с вопросом уязвимости лиц старшего поколения на рынке труда [49]. Если старшее поколение отличается высоким уровнем профессионализма и ответственности, но сложностью в плане профессионального обучения и недостаточной скоростью адаптации к изменяющимся условиям, то молодые специалисты, наоборот, находятся еще в самом начале применения своих профессиональных навыков, но при этом умеют быстро подстроиться под потребности сегодняшнего дня. Причем описанное – только вершина того айсберга причин, по которым и молодые специалисты, и лица старшего поколения уязвимы на рынке труда. Однако если усиленно сохранять занятость работников старшего поколения, мы создадим серьезные преграды для трудоустройства молодых специалистов, поскольку далеко не у всех работодателей есть возможность создавать дополнительные рабочие места. На вопрос о том, кого предпочтут российские работодатели – молодых специалистов или работников старшего поколения, не может быть дан однозначный ответ. Тем самым мы сталкиваемся с проблемой установления баланса не только между публичными и частными интересами, но и с проблемой сбалансированности между разными направлениями государственной социальной политики: демографической, политикой в сфере труда и занятости, молодежной политикой. В какую сторону будет сделан крен в деятельности государства, будет во многом зависеть от необходимости решения текущих проблем и возникающих вызовов и угроз.

В этом отношении показателен пример государственной поддержки работодателей, осуществляемой в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан. В такой программе субсидирования содержится достаточно большой перечень категорий граждан, в отношении которых она действует, но лица старшего поколения в ней прямо не поименованы в отличие, например, от молодежи в возрасте до 30 лет [54], которые были включены в нее буквально спустя 3 месяца после начала действия программы. Единственно, они могут быть учтены в данном перечне по иным основаниям. К тому же 23 июня 2023 г. в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, согласно которому предлагается усовершенствовать понятие «молодой специалист» и ввести новое понятие – «молодой работник» [55]. Государство, таким образом, на сегодняшний день делает выбор в пользу молодежи, а не

лиц старшего поколения в плане решения вопросов занятости. Кроме того, происходящие геополитические вызовы ставят перед государством новые задачи и переводят его фокус внимания на иные категории граждан: с 14 июня 2022 г. в программу были включены граждане Украины, ДНР, ЛНР, постоянно проживающие на этих территориях лица без гражданства, прибывающие в РФ в экстренном массовом порядке, получившие статус беженца или которым предоставлено временное убежище в РФ; с 10 мая 2023 г. были добавлены лица, которые принимали участие в специальной военной операции, и члены их семей в случае их гибели при выполнении задач в ходе специальной военной операции (боевых действий).

Думается, что установление конкретных целей, иными словами, определение, зачем, для чего нам нужно стимулировать трудовую деятельность молодых специалистов и лиц старшего поколения, поможет определить те сферы, на которых нужно акцентировать внимание применительно к этим двум разным социально-демографическим группам населения, а значит, сбалансировать разные направления социальной политики, наладить процесс их взаимодействия друг с другом и сгладить моменты конфронтации между ними. Изложенное ранее позволяет провести линию горизонта следующим образом. Мероприятия, проводимые в сфере содействия занятости молодых специалистов, в целом распределяются по трем направлениям: профессиональная ориентация (мотивирование на получение квалификации в определенной сфере профессиональной деятельности); обеспечение качества образования; создание условий для получения первоначального опыта работы по полученной квалификации [56]. Что касается лиц старшего поколения, то здесь иная цель – увеличение длительности их трудовой занятости с помощью мероприятий иной направленности, о которых было сказано ранее.

Подводя итог, необходимо подтвердить тезис о том, что повышение качества жизни лиц старшего поколения как цель политики активного долголетия обязательно должно предполагать их включенность в трудовую сферу соразмерно их возможностям, прежде всего с точки зрения состояния здоровья. В этой связи важным является вопрос о тесном взаимодействии нескольких направлений государственной социальной политики: демографической политики, политики в области труда и занятости и молодежной политики. В разные периоды времени возникающие перед российским обществом и государством вызовы и угрозы (к примеру, развитие цифровой экономики, распространение пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19, проведение специальной военной операции и внешнее санкционное давление) требуют внесения определенных корректив в их соотношение. В действующем трудовом законодательстве и законодательстве о занятости населения уже есть определенный набор положений, способствующих повышению качества трудовой жизни лиц старшего поколения. Вместе с тем говорить о том, что он является достаточным, не

приходится, поскольку статистические данные о характеристике занятости лиц старшего поколения свидетельствуют о недостижении цели политики активного долголетия по увеличению длительности занятости таких граждан. Требуется как стимулирование самих граждан старшего поколения к продолжению участия в трудовой деятельности, так и стимулирование работодателей в их трудоустройстве и сохранении в своем штате работников. На федеральном уровне это можно осуществить за счет большего внимания такому вопросу в рамках государственной демографической политики и политики в области труда и занятости и предусмотреть развернутый перечень мероприятий, направленных на достижение

такого результата. Причем это не следует осуществлять исключительно только на программном уровне. Трудовое законодательство и законодательство о занятости населения не должно оставаться в стороне. Вместе с тем скорректировать баланс между демографической, молодежной политикой и политикой в области труда и занятости можно при необходимости и на иных уровнях (региональном, территориальном, локальном и отраслевом), что способствует более эффективному решению такой проблемы, поскольку это позволяет учитывать особенности и потребности конкретных территорий, отраслей экономики и работодателей, что не всегда можно сделать в обобщенном виде на федеральном уровне.

Примечания

¹ См., например: проектное направление «Старшее поколение», включенное в проектную инициативу «Достойная жизнь» (раздел IV Закона Астраханской области от 25 декабря 2020 г. № 115/2020-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Астраханской области на период до 2035 года» [7]).

² См., например: Распоряжение Правительства Свердловской области от 11 ноября 2022 г. № 683-РП «Об утверждении региональной программы Свердловской области в интересах граждан старшего поколения до 2025 года» [8].

³ Такая выплата установлена для случаев расторжения по соглашению сторон трудового договора с работником, подлежащим увольнению по сокращению численности или штата в связи с выводом из эксплуатации производственных мощностей. Работодателям следует определить порядок и условия такой выплаты.

⁴ Федеральный закон от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» [42] утратил силу с 01 января 2015 г.

⁵ В Отраслевом соглашении по организациям нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства объектов нефтегазового комплекса Российской Федерации на 2023–2025 годы [44] предусмотрен специальный раздел 11 «Гарантии и компенсации для лиц предпенсионного возраста».

⁶ Данные значения приведены на конец переходного периода по повышению пенсионного возраста.

Список источников

1. Демография. Рождаемость, смертность и естественный прирост // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.06.2023).
2. Старшее поколение. Демографические показатели // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 21.06.2023).
3. Концепция политики активного долголетия : науч.-метод. докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / под ред. Л.Н. Овчаровой, М.А. Морозовой, О.В. Синявской. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 40 с.
4. Десятилетие здорового старения на период 2020–2030 гг. // World Health Organization. URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/decade-of-healthy-ageing/final-decade-proposal/decade-proposal-final-apr2020-ru.pdf?sfvrsn=64fd27ba_4 (дата обращения: 21.06.2023).
5. Глобальный доклад о проблеме эйджизма: резюме // World Health Organization. URL: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/campaigns-and-initiatives/global-campaign-to-combat-ageism/97892240029248-rus.pdf?sfvrsn=d7ff4d94_35&download=true (дата обращения: 21.06.2023).
6. Паспорт Национального проекта «Демография» (утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16)) // СПС «Гарант».
7. Закон Астраханской области от 25 декабря 2020 г. № 115/2020-ОЗ «О Стратегии социально-экономического развития Астраханской области на период до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 28 декабря 2020 г. № 3000202012280016.
8. Распоряжение Правительства Свердловской области от 11 ноября 2022 г. № 683-РП «Об утверждении региональной программы Свердловской области в интересах граждан старшего поколения до 2025 года» // Официальный интернет-портал правовой информации Свердловской области (www.pravo.gov66.ru). 15 ноября 2022 г.
9. Распоряжение Правительства РФ от 5 февраля 2016 г. № 164-р «О Стратегии действий в интересах граждан старшего поколения в РФ до 2025 г.» // СПС «Гарант».
10. Ситуация на рынке труда в таблицах, графиках, диаграммах // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/situaz.pdf> (дата обращения: 21.06.2023).
11. Старшее поколение. Численность работников // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 21.06.2023).
12. Старшее поколение. Продолжительность трудового стажа после назначения пенсии по возрасту, назначения и виду назначенной пенсии в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 21.06.2023).
13. Ярушева С.А. Становление и развитие карьеры как кадровая технология управления персоналом // Общество, экономика, управление. 2018. Т. 3, № 1. С. 78–84.
14. Шестакова Е.Е. Продление трудовой жизни: новые подходы и механизмы стимулирования (из опыта стран ОЭСР) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 1. С. 144–158. doi: 10.24411/2073-6487-2020-10008
15. Старшее поколение. Численность работающих пенсионеров, состоящих на учете в системе Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, по видам пенсионного обеспечения и категориям пенсионеров в Российской Федерации // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 21.06.2023).
16. Старшее поколение. Рабочая сила и лица, не входящие в состав рабочей силы, в возрасте старше трудоспособного // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877> (дата обращения: 21.06.2023).

17. Численность безработных в возрасте 15–72 лет и уровень безработицы // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 21.06.2023).
18. Паспорт Национального проекта «Демография» (по состоянию на 4 сентября 2021 г.) // СПС «Гарант».
19. Постановление Правительства РФ от 27 мая 2021 г. № 800 «О реализации мероприятий по организации профессионального обучения и дополнительного профессионального образования отдельных категорий граждан на период до 2024 года» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 28 мая 2021 г. № 0001202105280048.
20. Постановление Правительства РФ от 28 апреля 2023 г. № 669 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). 02 мая 2023 г. № 0001202305020024.
21. Распоряжение Правительства Свердловской области от 11 ноября 2022 г. № 683-РП «Об утверждении региональной программы Свердловской области в интересах граждан старшего поколения до 2025 года» // СПС «Гарант».
22. Закон г. Москвы от 26 сентября 2018 г. № 19 «О дополнительных мерах поддержки жителей города Москвы в связи с изменениями федерального законодательства в области пенсионного обеспечения» // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 02.10.2018. № 55.
23. Закон г. Севастополя от 5 мая 2015 г. № 133-ЗС «О квотировании и резервировании рабочих мест для инвалидов и граждан, особо нуждающихся в социальной защите» // Севастопольские известия. 06.05.2015. № 37 (1781).
24. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Российская газета. 31.12.2001. № 256.
25. Колобова С.В., Сергеев Ю.С. Граждане старшего поколения как субъекты трудового права // Современное право. 2019. № 6. С. 78–82.
26. Закон Республики Башкортостан от 13 октября 1994 г. № ВС-25/38 «О ветеранах войны, труда и Вооруженных Сил» // Ведомости Верховного Совета и Правительства Республики Башкортостан. 1995. № 3 (33). Ст. 83.
27. Закон Республики Дагестан от 29 декабря 2004 г. № 59 «О социальной поддержке тружеников тыла и ветеранов труда» // Дагестанская правда. 31.12.2004. № 317–320.
28. Закон Республики Ингушетия от 31 декабря 2004 г. № 38-РЗ «О социальной поддержке ветеранов труда и лиц, проработавших в тылу в период Великой Отечественной войны с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года» // Ингушетия. 03.02.2005. № 9.
29. Закон Республики Калмыкия от 26 ноября 2004 г. № 165-III-З «О социальной поддержке ветеранов труда и тружеников тыла» // Хальмг Унн. 09.12.2004. № 254–255.
30. Закон Карачаево-Черкесской Республики от 12 января 2005 г. № 8-РЗ «О социальной поддержке отдельных категорий ветеранов» // День республики. 15.01.2005. № 4–5 (16619).
31. Закон Астраханской области от 22 декабря 2016 г. № 85/2016-ОЗ «О мерах социальной поддержки и социальной помощи отдельным категориям граждан в Астраханской области» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 23.12.2016. № 52.
32. Закон Брянской области от 10 декабря 2004 г. № 91-3 «О мерах социальной поддержки ветеранов в Брянской области» // Брянская неделя. 30.12.2004. № 52.
33. Закон Кировской области от 7 декабря 2004 г. № 280-ЗО «О мерах социальной поддержки ветеранов труда, тружеников тыла и жертв политических репрессий» // Вятский край. 18.12.2004. № 233–234 (3401–3402).
34. Закон Оренбургской области от 2 ноября 2004 г. № 1523/254-III-ОЗ «О мерах социальной поддержки ветеранов труда, граждан, приравненных к ветеранам труда и лиц, проработавших в тылу в период с 22 июня 1941 года по 9 мая 1945 года не менее шести месяцев, исключая период работы на временно оккупированных территориях СССР, либо награжденных орденами или медалями СССР за самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны» // Южный Урал. 06.11.2004. № 213. С. 4.
35. Закон Пензенской области от 20 декабря 2004 г. № 715-ЗПО «О мерах социальной поддержки отдельных категорий граждан, проживающих на территории Пензенской области» // Издательский дом «Пензенская правда». 21.12.2004. № 74.
36. Отраслевое тарифное соглашение в коммунальном хозяйстве Российской Федерации на 2023–2025 годы // СПС «Гарант».
37. Отраслевое соглашение по авиационной промышленности Российской Федерации 2023–2025 годы // СПС «Гарант».
38. Отраслевое соглашение по дорожному хозяйству Российской Федерации на 2023–2025 годы // СПС «Гарант».
39. Отраслевое соглашение по лесному хозяйству Российской Федерации на 2022–2024 годы // СПС «Гарант».
40. Отраслевое тарифное соглашение в электроэнергетике Российской Федерации на 2022–2024 годы // СПС «Гарант».
41. Отраслевое соглашение по образовательным организациям высшего образования, находящимся в ведении Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, на 2021–2023 годы // СПС «Гарант».
42. Федеральный закон от 2 августа 1995 г. № 122-ФЗ «О социальном обслуживании граждан пожилого возраста и инвалидов» (утратил силу) // Российская газета. 04.08.1995. № 150.
43. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
44. Отраслевое соглашение по организациям нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства объектов нефтегазового комплекса Российской Федерации на 2023–2025 годы // СПС «Гарант».
45. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» // Российская газета. 25.01.1995. № 19.
46. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 30 декабря 2013 г.
47. Федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 166-ФЗ «О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации» // Российская газета. 20.12.2001. № 247.
48. Тимаков И.В. Самооценка трудоспособности возрастных работников в условиях российского региона // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 4. С. 1423–1436. doi: 10.18334/et.6.4.41156
49. Васильева Ю.В., Шураева С.В. Возраст как фактор уязвимости работника в трудовом праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 49. С. 550–575. doi: 10.17072/1995-4190-2020-49-550-575
50. Кипервар Е.А., Побианская А.В., Дубровин А.М. Трудовая мобильность лиц старших возрастных групп // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 1. С. 149–160. doi: 10.18334/et.9.1.113982
51. Леднева С.А., Косарева Е.А. Использование потенциала представителей старшего демографического возраста в профессиональной деятельности // Экономика труда. 2019. Т. 6, № 2. С. 787–798. doi: 10.18334/et.6.2.40604
52. Минпросвещения России разрабатывает профессиональный стандарт наставника, который повысит его социальную роль в системе образования и подготовки кадров // Министерство просвещения Российской Федерации. 27.03.2023. URL: <https://edu.gov.ru/press/6732/minprosvescheniya-rossii-razrabatyvaet-professionalnyy-standart-nastavnika-kotoryy-povysit-ego-socialnuyu-rol-v-sisteme-obrazovaniya-i-podgotovki-kadrov> (дата обращения: 21.06.2023).
53. Трудоустройство выпускников 2019–2021 гг. // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 21.06.2023).
54. Постановление Правительства РФ от 13 марта 2021 г. № 362 «О государственной поддержке в 2023 году юридических лиц, включая некоммерческие организации, и индивидуальных предпринимателей в целях стимулирования занятости отдельных категорий граждан» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 22 марта 2021 г. № 0001202103220033.

55. Проект № 387179-8 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/387179-8> (дата обращения: 28.06.2023).
56. Распоряжение Правительства РФ от 14 декабря 2021 г. № 3581-р «Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 17 декабря 2021 г. № 0001202112170007.

References

1. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Demografiya. Rozhdaemost', smertnost' i estestvennyy prirost* [Demographics. Fertility, mortality and natural increase]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>. (Accessed: 21.06.2023).
2. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Starshее pokolenie. Demograficheskie pokazateli* [Older Generation. Demographic indicators]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>. (Accessed: 21.06.2023).
3. Ovcharova, L.N. Morozova, M.A. & Sinyavskaya, O.V. (eds) (2020) *Kontseptsiya politiki aktivnogo dolgoletiya* [The Concept of Active Longevity Policy]. Moscow: HSE.
4. World Health Organization. (2020) *Desyatiletie zdorovogo starenia na period 2020–2030 gg.* [Decade of Healthy Aging for the 2020–2030 Period]. [Online] Available from: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/decade-of-healthy-ageing/final-decade-proposal/decade-proposal-final-apr2020-ru.pdf?sfvrsn=64fd27ba_4. (Accessed: 21.06.2023).
5. World Health Organization. (2021) *Global'nyy doklad o probleme eydzhizma: rezyume* [Global Report on the Problem of Ageism: Summary]. [Online] Available from: https://cdn.who.int/media/docs/default-source/campaigns-and-initiatives/global-campaign-to-combat-ageism/9789240029248-rus.pdf?sfvrsn=d7ff4d94_35&download=true. (Accessed: 21.06.2023).
6. Garant. (2018) *Passport of the National Project Demography (approved by the Presidium of the Council under the President of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects (protocol No. 16 of December 24, 2018))*. Moscow: Garant. (In Russian).
7. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2020) *Zakon Astrakhanskoy oblasti ot 25 dekabrya 2020 g. № 115/2020-OZ "O Strategii sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Astrakhanskoy oblasti na period do 2035 goda"* [On the Strategy for the socio-economic development of Astrakhan Oblast for the period until 2035. Law of Astrakhan Oblast of December 25, 2020, No. 115/2020-OZ]. 28 December. 3000202012280016.
8. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2022) *Rasporyazhenie Pravitel'stva Sverdlovskoy oblasti ot 11 noyabrya 2022 g. № 683-RP "Ob utverzhdenii regional'noy programmy Sverdlovskoy oblasti v interesakh grazhdan starshego pokoleniya do 2025 goda"* [On approval of the regional program of the Sverdlovsk Region in the interests of older citizens until 2025. Order of the Government of the Sverdlovsk Region No. 683-RP of November 11, 2022]. 15 November.
9. Garant. (2016) *On the Strategy of Action in the Interests of Older Citizens in the Russian Federation until 2025. Order of the Government of the Russian Federation No. 164-r of February 5, 2016*. Moscow: Garant. (In Russian).
10. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Situatsiya na rynke truda v tablitsakh, grafikakh, diagrammakh* [The situation on the labor market in tables, graphs, diagrams]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/situaz.pdf>. (Accessed: 21.06.2023).
11. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Starshее pokolenie. Chislennost' rabotnikov* [Older Generation. Number of employees]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>. (Accessed: 21.06.2023).
12. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Starshее pokolenie. Prodolzhitel'nost' trudovogo stazha posle naznacheniya pensii po vozrastu, naznacheniya i vidu naznachennoy pensii v Rossiyskoy Federatsii* [Older Generation. Length of work experience after the assignment of a pension by age, purpose and type of assigned pension in the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>. (Accessed: 21.06.2023).
13. Yarusheva, S.A. (2018) Stanovlenie i razvitie kar'ery kak kadrovaya tekhnologiya upravleniya personalom [Formation and development of a career as a personnel technology of personnel management]. *Obshchestvo, ekonomika, upravlenie*. 1 (3). pp. 78–84.
14. Shestakova, E.E. (2020) Prodlenie trudovoy zhizni: novye podkhody i mekhanizmy stimulirovaniya (iz opyta stran OESR) [Extending working life: new approaches and incentive mechanisms (from the experience of OECD countries)]. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiyskoy akademii nauk*. 1. pp. 144–158. DOI: 10.24411/2073-6487-2020-10008
15. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Starshее pokolenie. Chislennost' rabotayushchikh pensionerov, sostoyashchikh na uchete v sisteme Fonda pensionnogo i sotsial'nogo strakhovaniya Rossiyskoy Federatsii, po vidam pensionnogo obespecheniya i kategoriyam pensionerov v Rossiyskoy Federatsii* [Older Generation. The number of working pensioners registered in the system of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation, by type of pension provision and categories of pensioners in the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>. (Accessed: 21.06.2023).
16. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Starshее pokolenie. Rabochaya sila i litsa, ne vkhodyashchie v sostav rabochey sily, v vozraste starshe trudosposobnogo* [Older Generation. Labor force and persons not included in the labor force over working age]. [Online] Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/13877>. (Accessed: 21.06.2023).
17. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Chislennost' bezrabotnykh v vozraste 15–72 let i uroven' bezrabotitsy* [The number of unemployed people aged 15–72 years and the unemployment rate]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/labour_force. (Accessed: 21.06.2023).
18. Garant. (2021) *Passport of the National Project Demography (as of September 4, 2021)*. Moscow: Garant. (In Russian).
19. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2021) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27 maya 2021 g. № 800 "O realizatsii meropriyatiy po organizatsii professional'nogo obucheniya i dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya otdel'nykh kategoriy grazhdan na period do 2024 goda"* [On the implementation of measures to organize vocational training and additional vocational education for certain categories of citizens for the period until 2024. Decree of the Government of the Russian Federation No. 800 of May 27, 2021]. 28 May. 0001202105280048.
20. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2023) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28 aprelya 2023 g. № 669 "O vnesenii izmeneniy v nekotorye akty Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu nekotorykh aktov i otdel'nykh polozeniy nekotorykh aktov Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii"* [On introducing amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation and invalidating certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation. Decree of the Government of the Russian Federation No. 669 of April 28, 2023]. 02 May. 0001202305020024.
21. Garant. (2022) *On Approval of the Regional Program of Sverdlovsk Oblast in the Interests of Older Citizens until 2025. Order of the Government of Sverdlovsk Oblast No. 683-RP of November 11, 2022*. Moscow: Garant. (In Russian).
22. Vestnik Mera i Pravitel'stva Moskvy. (2018) *Zakon g. Moskvy ot 26 sentyabrya 2018 g. № 19 "O dopolnitel'nykh merakh podderzhki zhitel'ey goroda Moskvy v svyazi s izmeneniyami federal'nogo zakonodatel'stva v oblasti pensionnogo obespecheniya"* [On additional measures to support Moscow residents in connection with changes in federal legislation in the field of pensions. Moscow Law No. 19 of September 26, 2018]. *Vestnik Mera i Pravitel'stva Moskvy*. 02 October. 55.
23. Sevastopol'skie izvestiya. (2015) *Zakon g. Sevastopolya ot 5 maya 2015 g. № 133-ZS "O kvotirovani i rezervirovani rabochikh mest dlya invalidov i grazhdan, osobo nuzhdayushchikhsya v sotsial'noy zashchite"* [On Quotas and Reservation of Jobs for Disabled People and Citizens Especially in Need of Social Protection. Law of the city of Sevastopol No. 133-ZS of May 5, 2015]. *Sevastopol'skie izvestiya*. 06 May. 37 (1781).
24. Rossiyskaya gazeta. (2001) *Trudovoy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2001 g. № 197-FZ* [Labor Code of the Russian Federation No.

- 197-FZ of December 30, 2001]. *Rossiyskaya gazeta*. 31 December. 256.
25. Kolobova, S.V. & Sergeenko, Yu.S. (2019) Grazhdane starshego pokoleniya kak sub"ekty trudovogo prava [Citizens of the older generation as subjects of labor law]. *Sovremennoe pravo*. 6. pp. 78–82.
26. Vedomosti Verkhovnogo Soveta i Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan. (1995) Zakon Respubliki Bashkortostan ot 13 oktyabrya 1994 g. № VS-25/38 "O veteranakh voyny, truda i Vooruzhennykh Sil" [On veterans of war, labor and the Armed Forces. Law of the Republic of Bashkortostan No. BC-25/38 of October 13, 1994]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta i Pravitel'stva Respubliki Bashkortostan*. 3 (33). Art. 83.
27. Dagestanskaya pravda. (2004) Zakon Respubliki Dagestan ot 29 dekabrya 2004 g. № 59 "O sotsial'noy podderzhke truzhenikov tyila i veteranov truda" [On Social Support for Home Front Workers and Labor Veterans. Law of the Republic of Dagestan No. 59 of December 29, 2004]. *Dagestanskaya pravda*. 31 December. 317–320.
28. Ingushetiya. (2005) Zakon Respubliki Ingushetiya ot 31 dekabrya 2004 g. № 38-RZ "O sotsial'noy podderzhke veteranov truda i lits, prarabotavshikh v tylu v period Velikoy Otechestvennoy voyny s 22 iyunya 1941 goda po 9 maya 1945 goda" [On Social Support for Labor Veterans and Persons Who Worked in the Rear during the Great Patriotic War from June 22, 1941 to May 9, 1945. Law of the Republic of Ingushetia No. 38-RZ of December 31, 2004]. *Ingushetiya*. 03 February. 9.
29. Khal'mg Unn. (2004) Zakon Respubliki Kalmykiya ot 26 noyabrya 2004 g. № 165-III-Z "O sotsial'noy podderzhke veteranov truda i truzhenikov tyila" [On Social Support for Labor Veterans and Home Front Workers. Law of the Republic of Kalmykia No. 165-III-Z of November 26, 2004]. *Khal'mg Unn*. 09 December. 254–255.
30. Den' respubliki. (2005) Zakon Karachaevo-Cherkesskoy Respubliki ot 12 yanvarya 2005 g. № 8-RZ "O sotsial'noy podderzhke otdel'nykh kategoriy veteranov" [On Social Support for Certain Categories of Veterans. Law of the Karachay-Cherkess Republic No. 8-RZ of January 12, 2005]. *Den' respubliki*. 15 January. 4–5 (16619).
31. Sbornik zakonov i normativnykh pravovykh aktov Astrakhanskoy oblasti (2016) Zakon Astrakhanskoy oblasti ot 22 dekabrya 2016 g. № 85/2016-OZ "O merakh sotsial'noy podderzhki i sotsial'noy pomoshchi otdel'nym kategoriym grazhdan v Astrakhanskoy oblasti" [On measures of Social Support and Social Assistance to Certain Categories of Citizens in Astrakhan Oblast. Law of Astrakhan Oblast No. 85/2016-OZ of December 22, 2016]. *Sbornik zakonov i normativnykh pravovykh aktov Astrakhanskoy oblasti*. 23 December. 52.
32. Bryanskaya nedelya. (2004) Zakon Bryanskoy oblasti ot 10 dekabrya 2004 g. № 91-Z "O merakh sotsial'noy podderzhki veteranov v Bryanskoy oblasti" [On Measures of Social Support for Veterans in Bryansk Oblast. Law of Bryansk Oblast No. 91-Z of December 10, 2004]. *Bryanskaya nedelya*. 30 December. 52.
33. Vyatskiy kray. (2004) Zakon Kirovskoy oblasti ot 7 dekabrya 2004 g. № 280-ZO "O merakh sotsial'noy podderzhki veteranov truda, truzhenikov tyila i zhertv politicheskikh repressiy" [On Measures of Social Support for Labor Veterans, Home Front Workers and Victims of Political Repression. Law of Kirov Oblast No. 280-ZO of December 7, 2004]. *Vyatskiy kray*. 18 December. 233–234 (3401–3402).
34. Yuzhnyy Ural. (2004) [On measures of social support for labor veterans, citizens equated to labor veterans and persons who worked in the rear during the period from June 22, 1941 to May 9, 1945 year for at least six months, excluding the period of work in the temporarily occupied territories of the USSR, or those awarded orders or medals of the USSR for selfless labor during the Great Patriotic War. Law of Orenburg Oblast No. 1523/254-III-OZ of November 2, 2004]. *Yuzhnyy Ural*. 06 November. 213. P. 4.
35. Penzenskaya pravda. (2004) Zakon Penzenskoy oblasti ot 20 dekabrya 2004 g. № 715-ZPO "O merakh sotsial'noy podderzhki otdel'nykh kategoriy grazhdan, prozhivayushchikh na territorii Penzenskoy oblasti" [On Measures of Social Support for Certain Categories of Citizens Living in the Territory of Penza Oblast. Law of Penza Oblast No. 715-ZPO of December 20, 2004]. *Penzenskaya pravda*. 21 December. 74.
36. Garant. (n.d.) *Industry Tariff Agreement in the Public Utilities Sector of the Russian Federation for 2023–2025*. Moscow: Garant. (In Russian).
37. Garant. (n.d.) *Industry agreement on the aviation industry of the Russian Federation 2023–2025*. Moscow: Garant. (In Russian).
38. Garant. (n.d.) *Industry agreement on the road sector of the Russian Federation for 2023–2025*. Moscow: Garant. (In Russian).
39. Garant. (n.d.) *Industry agreement on forestry of the Russian Federation for 2022–2024*. Moscow: Garant. (In Russian).
40. Garant. (n.d.) *Industry tariff agreement in the electric power industry of the Russian Federation for 2022–2024*. Moscow: Garant. (In Russian).
41. Garant. (n.d.) *Industry agreement on educational organizations of higher education under the jurisdiction of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for 2021–2023*. Moscow: Garant. (In Russian).
42. Rossiyskaya gazeta. (1995) Federal'nyy zakon ot 2 avgusta 1995 g. № 122-FZ "O sotsial'nom obsluzhivanii grazhdan pozhilogo vozrasta i invalidov" (utratil silu) [On Social Services for Elderly and Disabled Citizens. Federal Law of No. 122-FZ August 2, 1995 (lost force)]. *Rossiyskaya gazeta*. 04 August. 150.
43. SZ RF. (1996) Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ of June 13, 1996]. *SZ RF*. 17 June. 25. Art. 2954.
44. Garant. (n.d.) *Industry agreement on organizations of the oil, gas industries and construction of oil and gas complex facilities of the Russian Federation for 2023–2025*. Moscow: Garant. (In Russian).
45. Rossiyskaya gazeta. (1995) Federal'nyy zakon ot 12 yanvarya 1995 g. № 5-FZ "O veteranakh" [On Veterans. Federal Law No. 5-FZ of January 12, 1995]. *Rossiyskaya gazeta*. 25 January. 19.
46. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2013) *Federal'nyy zakon ot 28 dekabrya 2013 g. № 400-FZ "O strakhovykh pensiyakh"* [On Insurance Pensions. Federal Law No. 400-FZ of December 28, 2013]. 30 December.
47. Rossiyskaya gazeta. (2001) Federal'nyy zakon ot 15 dekabrya 2001 g. № 166-FZ "O gosudarstvennom pensionnom obespechenii v Rossiyskoy Federatsii" [On State Pension Provision in the Russian Federation. Federal Law of December 15, 2001 No. 166-FZ]. *Rossiyskaya gazeta*. 20 December. 247.
48. Timakov, I.V. (2019) Self-assessment of the working capacity of older workers in the conditions of the Russian region. *Ekonomika truda*. 4 (6). pp. 1423–1436. IRR DOI: 10.18334/et.6.4.1156
49. Vasil'eva, Yu.V. & Shuraleva, S.V. (2020) Vozrast kak faktor uyazvimosti rabotnika v trudovom prave [Age as a factor of employee vulnerability in labor law]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*. 49. pp. 550–575. DOI: 10.17072/1995-4190-2020- 49-550-575
50. Kipervar, E.A., Pobiyanskaya, A.V. & Dubrovin, A.M. (2022) Trudovaya mobil'nost' lits starshikh vozrastnykh grupp [Labor mobility of persons in older age groups]. *Ekonomika truda*. 1 (9). pp. 149–160. DOI: 10.18334/et.9.1.113982
51. Ledneva, S.A. & Kosareva, E.A. (2019) Ispol'zovanie potentsiala predstaviteley starshego demograficheskogo vozrasta v professional'noy deyatel'nosti [Using the potential of representatives of older demographic age in professional activities]. *Ekonomika truda*. 2 (6). pp. 787–798. DOI: 10.18334/et.6.2.40604
52. Ministry of Education of the Russian Federation. (2023) Minprosveshcheniya Rossii razrabatyvaet professional'nyy standart nastavnika, kotoryy povysit ego sotsial'nuyu rol' v sisteme obrazovaniya i podgotovki kadrov [The Ministry of Education of Russia is developing a professional standard for a mentor, which will increase his social role in the system of education and training]. *Ministry of Education of the Russian Federation*. 27 March. [Online] Available from: <https://edu.gov.ru/press/6732/minprosveshcheniya-rossii-razrabatyvaet-professionalnyy-standart-nastavnika-kotoryy-povysit-ego-socialnuyu-rol-v-sisteme-obrazovaniya-i-podgotovki-kadrov>. (Accessed: 21.06.2023).
53. Federal State Statistics Service (Rosstat). (n.d.) *Trudoustroystvo vypusnikov 2019–2021 gg.* [Employment of Graduates 2019–2021]. [Online] Available from: https://rosstat.gov.ru/labour_force. (Accessed: 21.06.2023).
54. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2021) *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 13 marta 2021 g. № 362 "O gosudarstvennoy podderzhke v 2023 godu yuridicheskikh lits, vkhlyuchaya nekommercheskie organizatsii, i individual'nykh predprinimateley v tselyakh stimulirovaniya zanyatosti otdel'nykh kategoriy grazhdan"* [On state support in 2023 for legal entities, including non-

profit organizations, and individual entrepreneurs in order to stimulate employment of certain categories of citizens. Decree of the Government of the Russian Federation No. 362 of March 13, 2021]. 22 March. 0001202103220033.

55. Sistema obespecheniya zakonodatel'noy deyatel'nosti [Legislative Support System]. (2023) *Proekt № 387179-8 Federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v Federal'nyy zakon "O molodezhnoy politike v Rossiyskoy Federatsii"* [On Amendments to the Federal Law On Youth Policy in the Russian Federation. Project No. 387179-8 of the Federal Law]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/387179-8>. (Accessed: 28.06.2023).
56. Ofitsial'nyy internet-portal pravovoy informatsii [Official Internet Portal of Legal Information]. (2021) *Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 14 dekabrya 2021 g. № 3581-r "Ob utverzhdenii Dolgosrochnoy programmy sodeystviya zanyatosti molodezhi na period do 2030 g."* [On approval of the Long-term program to promote youth employment for the period until 2030. Order of the Government of the Russian Federation No. 3581-r of December 14, 2021]. 17 December. 0001202112170007.

Информация об авторе:

Серова А.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия). E-mail: a.v.serova@icloud.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Serova, Cand. Sci. (Law), associate professor, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: a.v.serova@icloud.com

*Статья поступила в редакцию 28.06.2023;
одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 30.11.2023.*

*The article was submitted 28.06.2023;
approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 30.11.2023.*

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2023. № 496. Ноябрь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати ...11.2023 г. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 24,7. Усл. печ. л. 23. Тираж 50 экз.
Заказ № . Цена свободная.

Дата выхода в свет 00.03.2024 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материала можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru